

МЕЧ КАЙТЕНА

— М.Л. Вонг —

Мать борется с жестоким прошлым. Сын пытается принять жестокое будущее. Отец не видит опасность, нависшую над ними.

Высоко на горе на краю Кайгенской империи живут самые сильные воины в мире, способные поднимать море и сражаться мечами изо льда. Сотни лет бойцы полуострова Кусанаги отгоняли врагов Империи, подарив имя своему участку земли — «Меч Кайгена».

Мамору родился в легендарной семье Мацуда, и он всегда знал свою цель: овладеть техниками боя семи и защищать свою родину. Но когда чужак прибывает и раскрывает правду о якобы мирном времени в Кайгене, Мамору понимает, что ему может не хватить времени, чтобы стать полноценным воином. Хуже, империя, которую он был рожден защищать, может быть основана на лжи.

Мисаки говорила себе, что оставила пыл юности в прошлом, когда попала в семью Мацуда. Решив быть хорошей домохозяйкой и матерью, она спрятала свой меч и все, что осталось от ее дней бойца в далекой стране. Но ее растущий сын задает вопросы о мире снаружи, угроза вторжения нависает над морем, а ее холодный муж раздражает ее, и Мисаки обнаруживает, что боец в ней пытается пробиться на поверхность.

Когда ветер войны долетает до их полуострова, смогут ли Мацуда защитить империю? Или они порвут друг друга до того, как истинные враги доберутся до их берегов?

Перевод: Kuromiya Ren

Глоссарий

Адин — человек без телекинетических способностей или огромной силы (обычный человек)

Аппа — «папа» на кайгенгуа, неформальное обращение.

Арашики — замок семьи Цусано в Ишихаме, Широждима.

ава — «ладно», «хорошо» на ямманинке.

ано — выражение неуверенности на диалекте Широждима.

Ба или ба — уважительное указание на важного человека в ямманинке.

Баба — «отец» у Сицве.

Кровавая Игла — техника рода джиджака, уникальная техника семьи Цусано, когда практик управляет небольшим количеством крови в теле жертвы и замораживает ее в форме иглы, чтобы ударить по точкам давления или пронзить важные органы. На диалекте Широждимы зовется Чихари.

Кровавый Кукловод — джиджака, которому хватает сил управлять всем телом другого человека, манипулируя его кровью, в легендах и жутких историях.

боголан — традиционная ткань Яммы, показатель богатства и статуса.

боккен — деревянный меч для тренировок, тупой, по весу и размеру похож на катану.

баунд — измерение расстояния на Дюне (примерно 7.74 метра).

— **чан** — суффикс в диалекте Широждима для обращения к подруге или женщине ниже статусом, чем говорящий.

клик — мера расстояния на Дюне, основывается на том, как далеко может донестись звук щелчка языком (около 1.75 миль).

Академия Рассвет — академия теонитов в Ливингстоне, Карита.

динма — единица измерения времени на Дюне (около 0.43 секунд).

Диса — страна на континенте Наминдугу, бывшей колонии Яммы.

Дисанка — житель Дисы или нечто из культуры Дисы.

Дисанинке — главный язык в стране Диса (похож на хинди на Земле).

Донкили — песня фин, учащая об истории мира и его связи с религией Фаллея.

— **доно** — уважительный суффикс диалекта Широждимы (для обращения к члену семьи высших коро).

Дюна — планета, похожая на Землю, в параллельном нам измерении, но чаще так зовут реальный мир.

джакама — «учитель», «наставник» на ямманинке, уважительное обращение ученика к своему мастеру.

Фанкатиги — суб-теонит с физической силой наравне или выше, чем у обычного теонита.

Фаллеке — священный союз бога Кийе и богини Ньярэ в религии Яммы.

Фаллека — практик Фаллеи.

Фаллея — религия Яммы, основанная на фаллеке (браке бога и богини), распространённая по всей Дюне.

Фина — член фина кафо, префикс для члена фина кафо, похожий на «мистер» или «мисс».

фонья — сокращенная форма фоньоя, способность управлять воздухом.

фоньяка — сокращенно от фоньоджака — теонит со способностью управлять воздухом.

гэнкан — вход в традиционный дом Широждима, где разуваяются или обуваются.

гули — кайгенская валюта (примерно 50 американских центов).

Гбаати — сокращенно от кеваати — единица времени Яммы (36 минут на Земле).

Хейдес — страна на западе континента Наминдугу, бывшая колония Яммы, родина многих адинов Дюны.

Хайджин — прибрежный город в современном Ранганийском Союзе, главная военная крепость Кайгенской империи до Келебы. «Морская Столица» с рангагуа.

хакама — традиционные широкие штаны мечников, лучников и других воинов в Широждиме.

хаори — традиционная длинная накидка мужчин высокого статуса в Широждиме.

Хейбандао — прибрежный город в Холангоку, Кайген.

Джали — префикс для члена джасели кафо, схожий с мистером или мисс.

Джалиден — младший член джасели кафо.

Джакике — уважительное обращение к мужчине из джасели кафо (схоже с «сэр»).

Джаму Куранките — глобальная сила, хранящая мир и обеспечивающая гуманитарную помощь, состоящая из хорошо обученных теонитов Яммы. «Армия Мира».

Джамуттаана — агент Джаму Куранките.

джасели — член эндогамного социального класса Яммы, который специализируется на речи, музыке и танце.

джиджака — теонит, способный управлять водой.

Джийя — способность управлять водой.

Джунгсан — столица Кайгенской империи, «Средняя гора» на кайгенгуа.

Каа- — префикс в Широждиме для обращения к матери (обычно сочетается с — чан

или — сан).

кафо — эндогамный социальный класс, основанный на профессии.

кафока — слово из ямманинке, означающее людей кафо, кроме коро кафо и людей из других кафо.

Кайген — страна на востоке континента Наминдугу, центр Кайгенской империи, дом многих джиджака Дюны.

Кайгенгуа — язык Кайгена и Кайгенской империи (похож на корейский).

каллаана — оскорбление, так зовут белых адинов, «труп» на ямманинке.

Кама — уважительное обращение к главе дома (фанкама), наставнику (джакама) или тому, чья власть выше, чем у говорящего (схоже с «господином» в Англии).

камая — термин из традиционной социальной иерархии Яммы, включающий, но не ограниченный практикой сильных коро, обеспечивающих членов других кафо в обмен на их услуги и обучение молодежи у более опытных членов их кафо.

катана — традиционный кайгенский меч.

Кайири — синтетический материал, похожий на бумагу, но крепче и не сторающий.

Келеба — первая и единственная открытая война между теонитами Дюны, произошла в 5291, когда директора академии Рассвет, Ойеду Бииду убили с несколькими учениками. «Великая война» на ямманинке.

Кийе — бог в религии Фаллея, обычно связан с душой, плодородием и солнцем.

Колунджара — столица Яммы.

Коро — член класса воинов, могут зваться еще и «келе коро», может использоваться как префикс для члена манга коро или келе коро кафо, схоже с мистер или мисс.

Короден — младший член манга коро или келе коро кафо.

Коронкало — пятый месяц в календаре Дюны из двенадцати месяцев, названный в честь королевы Коронкан Вагаду, третьей королевы Яммы (примерно совпадает с ноябрем на Земле).

короя — уважительное обращение к женщине из келе коро или манга коро кафо, можно сравнить с английским «мэм».

койин — единица измерения Дюны, примерно ширина большого пальца мужчины (около 3 сантиметров на Земле).

Кри — мифическая фигура в религии Фаллея, первый предок людей, мать всех таджак.

Крибакало — последний месяц в календаре Дюны, названный в честь Кри из Донкили (грубо совпадает с июнем на Земле).

Кудацве — континент, разделенный между двумя народами — независимой страной Кудацве и Кайгенской Кудацве, принадлежащей Кайгенской Империи.

— **кун** — обращение к близкому другу-мужчине или кому-то ниже статусом в диалекте Широждима.

Кусанаги — полуостров в Широждиме, названный «Меч Кайгена» за историю побед над разрушителями.

Лааксара — царство загробной жизни в религии Фаллея.

Ланга или ланья — ругательство из ямманинке.

Лазо Лингун — техника фоньяка, когда боец выкачивает воздух из тела жертвы через рот, разрушая легкие. «Притягивание Души» на рангагуа.

Линдиш — язык из западных островов Хейдеса, на нем говорят в некоторых частях

Кариты и Абирии (почти идентичен английскому на Земле).

литтиги — суб-теонит со способностью управлять светом.

Ливингстон — самый большой город в Карите.

Манга коро — член правящей кафо.

Маттаку — выражение возмущения в диалекте Широждима.

Лунный Шпиль — имя катаны Мацуда Такеру, в диалекте Широждима — Киёгецу Яри или Кьёгецу.

На — «мама» в Ямме.

Надамуи — город на дальнем южном острове Широждима, «Холм Слез» на местном диалекте.

Наги — мифическое божество из Донкили, предок-основатель в Наминдугу, связан с богом Кийе в Рюхон Фаллея.

Нагидон — первый день восьмидневной недели Дюны, названный в честь мифического предка людей, Наги, из Донкили; рабочий день.

нагиджи — символы кайгенского и ранганийского происхождения.

Нагимару — название катаны, выкованной Котецу, для амбидекстера Мацуды Такаши (обычно в его правой руке), компаньон вакидзаси Намимару.

Нагино Фаллея — преобладающее наименование Фаллеи в Кайгенской Империи, куда входят основные части мифа о сотворении Яммы.

Нами — мифическое божество из Донкили, предок в Наминдугу, связана с богиней Ньяарэ в Рюхон Фаллея.

На-Ньяарэ — уважительное обращение к богине в религии Фаллея Яммы, означает «матушка Ньяарэ», иногда используется как ругательство.

нэ — частица из диалекта Широждима, указывающая на просьбу подтвердить, «да?», «ладно?».

неннеко — слово без смысла в диалекте Широждима, которое поют в колыбельных, чтобы успокоить.

Нии- — обращение к старшему брату в диалекте Широждимы (обычно соединяется с суффиксом — сан или — сама).

нуму — член эндогенного социального класса Яммы, который сосредоточен на создании инструментов, оружия, посуды и техники; префикс для члена нуму кафо.

Нумуден — юный член нуму кафо.

Ньяарэ или Ньяксаре — богиня в Фаллее.

Ньяма — любая активная или потенциальная энергия во вселенной.

Ранга — страна на континенте Наминдугу, бывшая колония империи Кайген, ныне — центр Ранганийского Союза, дом многих фоньяк Дюны.

Ранганийский Союз — коллектив штатов-народов на континенте Наминдугу, где живут фоньяки и джиджаки.

Рангагуа — язык Ранги и почти всего Ранганийского Союза (схож с китайским на Земле).

Рюхон Фаллея — самое старое кайгенское наименование Фаллеи, основана на идеи, что вся жизнь идет из океана, и на вере, что Наги и Нами — истинная форма двух богов-основателей.

Рюхон Фаллека — практик Рюхон Фаллеи.

Сабаису — город на дальних южных островах Широждимы, «Побережье акуль» на местном диалекте.

— **сама** — используется для обращения к тому, кто выше статусом, в диалекте Широждима.

— **сан** — вежливое обращение к знакомому, другу и тому, что чуть выше статусом, чем говорящий, в диалекте Широждима.

Сасаямба — техника джиджака, уникальная для семьи Мацуда, когда практик превращает лед в клинок, достаточно твердый, чтобы биться против стального оружия, в теории может разрезать все. «Шепчущий Клинок» на диалекте Широждима.

сенкули — член эндогамного класса стеклодувов в Ямме.

Сэнпай — обращение к старшему в диалекте Широждима.

Сэнсей — на диалекте Широждимы «учитель».

шиматта — ругательство диалекта Широждима.

Широждима — провинция в Кайгенской империи, состоящая из островов

Диалект Широждима — язык Широждимы, Кайген (похож на японский)

Сибикало — шестой месяц в календаре Дюны, назван в честь предка людей Сиби из Донкили (совпадает с декабрем на Земле).

Сиира (мн. сирану) — единица времени (примерно 0.72 минуты на Земле).

Сицве — южная страна на континенте Календугу, где живут таджакки, старый соперник Яммы.

Соколокало — четвертый месяц в календаре Дюны, названный в честь королевы Соколо Вагаду, второй королевы Яммы (примерно совпадает с октябрём на Земле).

сондатиги — суб-теонит, управляющий звуком.

Суб-теонит — человек, который обладает особыми способностями, которые не совпадают с типами теонитов (таджакка, джиджака, фоньяка и пропавшими сенджака и кабака), как литтиги, содатиги, фанкатиги.

страйд — мера длины (примерно метр).

Сурадон — седьмой день в восьмидневной неделе Дюны, назван в честь Суры из Донкили, день отдыха и размышлений.

Таджака — теонит, способный управлять огнём.

Такаюби — гора на кончике полуострова Кусанаги в Широждиме, дом для нескольких деревень, которые разделяют это название.

Такенаги — название катаны, выкованной Котецу, которой владели поколения мечников Юкино, «Разрезающий бамбук» на диалекте Широждима.

танто — кайгенский традиционный кинжал

тая — способность управлять огнем.

Теонит — человек, способный управлять физическим окружением в форме воздуха, воды, огня или плотных субстанций.

Туланизм — идеология против империи из Сицве.

Тоу- — префикс из диалекта Широждимы, который используется для обращения к отцу, обычно сочетается с суффиксом — сан или — сама.

ваати (мн. ваатину) — единица времени Дюны (час и 12 минут).

валла — валюта Яммы, которая используется почти во всем мире (около двух долларов).

вакидзаси — традиционный кайгенский меч, короче катаны, но длиннее кинжала, хорош в близком бою, где длина катаны мешает биться.

сюро — сильное ругательство Яммы, схожее по смыслу с «дерьмо» на английском.

Ямма — страна в центральной и северо-западной части континента Келендугу, населенная таджака.

Ямманка — житель Яммы.

Обсидиан Яммы — особенно крепкий тип стекла, изобретенный сенкули Яммы, включая индустриальное стекло джонджо и почти непробиваемое стекло зилазен.

Ямманинке — главный язык в Ямме, распространенный сильнее всего на планете Дюна (похож на языки Западной Африки на Земле).

ГЛАВА 1: ЖИТЕЛЬ СЕВЕРА

Гора Такаюби, полуостров Кусанаги

Провинция Широждима

Кайгенская империя

Планета Дюна

5369 г.

Подниматься в школу было тяжело. Восемьсот двадцать один шаг. Мамору считал их как-то раз, поднимаясь — это было непросто, ведь он при этом старался не сорваться с обрыва. Для многих четырнадцатилетних бойцов путь в школу был проверкой нервов и ловкости, но Мамору с его пружинящими ногами и бесконечной энергией просыпался каждое утро в предвкушении испытания.

— Мамору! — его друзья тяжело дышали на ступенях намного ниже него. — Не так быстро!

Ицуки и Юте приходилось идти по крутому склону в школу, потому что они жили в западной деревне, дальше на горе. Дом семьи Мамору был построен достаточно высоко, чтобы он мог подниматься простым путем, если бы хотел, но Мацуда не славились тем, что выбирали простые пути. Он поднимался каждый день до рассвета, под шум сверчков, чтобы спуститься по горе к западной деревне и отправиться в путь с друзьями.

— Вы слишком медленные! — крикнул Мамору. — Мы не хотим опоздать!

— Мы не опоздаем, — Ицуки возмутился в тумане внизу. — Просто подожди! Пожалуйста!

— Ладно-ладно, — Мамору опустился на каменный выступ и свесил ноги с края.

Было еще темно, когда три мальчика начали подъем, но сейчас утро проникло сквозь вуаль тумана, чтобы коснуться каменной поверхности бледной кистью. Это можно было редко увидеть у основания горы со ступеней Кумоно. Под болтающимися ногами Мамору был только туман, движущийся медленными волнами у склона горы, становясь светлее с рассветом.

Когда Ицуки и Юта появились у выступа, где сидел Мамору, он усмехнулся и вскочил на ноги.

— Наконец-то! — сказал он. — Теперь готовы не отставать?

— Шутишь? — выдавил Юта, сгибаясь, чтобы перевести дыхание.

— Ты монстр! — простонал Ицуки.

Мамору шлепнул их по спинам.

— Я подожду вас в школе, — бодро сказал он и устремился вверх по горе.

Его пальцы ног знали каждую трещину, каждый выпирающий камень, и он шел по

самой сложной части пути уверенными быстрыми прыжками, пропуская по шесть ступеней за раз. Он обогнул последний участок, когда его ноги замедлились. Над туманом впереди горбилась фигура, мальчик цеплялся за камень, переводя дыхание. Мамору не стал бы переживать — десятки учеников поднимались по этим ступеням каждое утро — но одежда этого парня была не такой. Вместо синего цвета Кумоно он был в современной черной форме, какую Мамору еще не видел.

— Доброе утро, — сказал Мамору, медленно приближаясь, чтобы не спугнуть новичка у края.

— Утро, — мальчик поднял руку в приветствии, прижал ладонь к груди, все еще тяжело дыша. У него был сильный акцент.

— Ты... — начал Мамору, а потом перешел на кайгенгуа, имперский стандарт. — *Ты — переведенный ученик?*

Мальчик кивнул.

— *Я — Кван Чоль-хи. Рад знакомству.*

Северное имя. Этот мальчик не просто перевелся из соседней провинции, он прибыл издалека. Его форма была как из больших городов полуострова Джунгсан, вырезанная в стиле Яммы, с военными ромбовидными узорами.

— Мацуда Мамору, — представился Мамору, кланаясь.

— Мацуда Мамору, — повторил мальчик. — *Как далеко твоя чертова школа?*

— *Ты почти там,* — рассмеялся Мамору. — *Я могу тебя сопроводить.*

— *Я не боюсь, что потеряюсь,* — Кван выглядел немного недоволено. — *Я боюсь упасть с края.*

— *Никто не умирал, падая со ступеней,* — под туманом было озеро, куда впадал ручей. Оно никогда не замерзало и ловило неуклюжих учеников, если они оступались.

— *Я слышал о таком,* — сказал Кван. — *Но будет все равно больно.*

— *Да,* — как-то раз в первый год Мамору спрыгнул с лестницы, чтобы ощутить полет. Он сильно пожалел об этом решении, когда ударился об поверхность озера, но он не пожалел, что ощутил ветер, ревущий вокруг него, такой яростный, что напоминал океан. — *Но не переживай,* — сказал Мамору мальчику. — *Я сто раз ходил по этой лестнице. Я знаю, где тяжелые места. Если оступишься, я тебя поймаю.*

— *Ты такой быстрый?* — Кван не был убежден. Мамору не возражал. Пусть думает, что хотел.

— *Скорость ценится в этой деревне,* — сказал Мамору. — *Мы тут все мечники.*

— *Это я вижу,* — Кван кивнул на деревянный меч для тренировок, торчащий из школьной сумки Мамору.

— *Мы можем биться и пустыми руками,* — заверил его Мамору, — *но тут предпочитают традиционный стиль боя на мечах.*

— *Ты в этом хорош?*

— *Я — Мацуда.*

— *Я не знаю, что это значит.*

— *Это означает «да»,* — сказал Мамору. — *А какой стиль боя популярен в твоём регионе?* — спросил он, гадая, каким воином был этот мальчик.

— *Стиль боя?* — Кван приподнял брови. — *Видеоигры.*

Мамору рассмеялся.

— *Мы тут в такое не играем.*

— Почему? У вас же есть приборы инфо-ком?

Мамору покачал головой.

— Что? — Кван был протрясён.

— Думаю, у мэра есть один. Мы — довольно традиционная деревня.

— Да, я заметил.

Ицуки и Юта догнали пару на последнем повороте, и мальчики из западной деревни представились:

— Я — Мизумаки Ицуки, — сказал Ицуки, нечаянно используя диалект Широждимы на котором говорили друг с другом все мальчики. — Это Юкино Юта.

— О. Я К-Кван Чоль-хи, — сказал Кван, пытаясь говорить на диалекте Широждимы. — *Йорошику онэгашимасу.*

— Ты хотел сказать «о-нэ-га-й», — исправил его Мамору. — Онэгайшимас. И «су» в конце не произносится, если ты не маленький ребенок.

— О.

— *Не переживай,* — сказал Мамору. — *На кайгенгуа много уроков, — это было стандартом Империи.*

Когда они дошли до школы, мальчик из города снова тяжело дышал. Величавые колонны были первой частью здания, которую стало видно в тумане, их черная поверхность была в каплях, потом появилась изогнутая крыша с глиняной черепицей. Академия Кумоно была построена в скале, внутренние структуры были вырезаны из горы. Деревянный фасад с лаком поддерживался сетью колонн и балок, которые скрипели от ветра, но держали строение на месте сотню лет.

Кван замер на верхних ступеньках, цепляясь за изогнутые деревянные перила, выглядя так, словно его вот-вот стошнит в туман.

— *Зачем было строить школу в таком месте?* — спросил он в ужасе.

— *Кумоно был построена не как школа,* — сказал Юта. — *Это был монастырь.*

— *О. Это объясняет украшения,* — сказал Кван, глядя на жуткие статуи святых Рюхон Фаллея, сторожащих двери.

— *Место пустовало после того, как монахи-фина построили новый храм ниже по горе в западной деревне,* — сказал Юта.

— *И они решили, что это было хорошее место для школы?* — поразился Кван.

— *Кумоно — элитная школа коро Такаюби,* — объяснил Мамору, мальчики поднялись в гэнкан. — *Власти деревни думали, что будет уместно, если нужно быть элитным кором, чтобы сюда попасть.*

Запах благовоний не покинул деревянные залы Кумоно. Знакомый запах окутал четверых мальчиков, когда они присоединились к сонным ученикам у полка с обувью, сели на колени, чтобы расстегнуть таби. Кван, все еще дрожа, возился с обувью, и Мамору посмотрел на ступни северного мальчика. Вместо таби, какие носили мальчики Такаюби, Кван носил крупные блестящие ботинки в стиле Яммы, которые застегивались магнитами вокруг лодыжек. Мамору видел такую обувь по телевизору, но ни у кого в Широждиме такой не было.

— *Я не знаю, как должен подниматься каждое утро,* — сказал Кван, запихивая крупную обувь на свободное место полки.

— *Если хочешь, чтобы было проще идти, можно всегда перевестись в старшую школу Такаюби,* — предложил Ицуки.

— *О, нет,* — Кван рассмеялся. — *Мой отец не потерпит, если я буду не в лучшей школе региона, куда мы переехали.*

— *Вы часто переезжаете?* — спросил Юта.

Кван кивнул.

— *Мой отец — путешествующий представитель компании коммуникаций, мы катаемся по стране, а порой бываем вне ее.*

— *Вне?* — поразился Ицуки. — *Где ты был?*

— *Эм...* — Кван задумался на миг. — *Я был пару раз в Ямме, несколько раз в Кудациве, раз в Сицве на пару недель...*

— Мальчики, — сказал голос, — если вы разулись, проходите в класс.

— Юкино-сэнсей! — воскликнул Ицуки, он и другие мальчики поклонились. — Простите.

Юкино Дай был лучшим мечником в провинции — или вторым лучшим, зависело от того, кого спросить. Оставался спор, мог ли он победить отца Мамору, Такеру, или его дядю, Мацуда Такаши, в дуэли. Клан Юкино не обладал тайными техниками Мацуда, но Юкинс Дай хорошо владел голым мечом.

— У нас новый ученик, сэнсей, — объяснил Мамору. — Он не знал, куда идти.

— Ясно, — Юкино-сэнсей посмотрел на нового мальчика рядом с Мамору. Кван выделялся в своей форме. — Ты, должно быть, Кван Чоль-хи?

— Да, сэр, — Кван поклонился и очень осторожно сказал. — *Йорошику онэгайшимас.*

Мечник заметно подавил улыбку от произношения Квана.

— *Приветствую в академии Кумоно,* — сказал он на кайгенгуа. — *Как первый подъем по лестнице?*

— *Очень просто, сэр,* — сказал Кван, хотя щеки пылали. — *Не могу дождаться, когда повторю это.*

Юкино-сэнсей широко улыбнулся.

— *Ты мне нравишься, Кван,* — сказал он. — *Пройдем со мной в кабинет, я выдам тебе расписание.* Мацуда-сан, — он повернулся к Мамору. — Сбегай в кладовую и найди форму для Квана-сана. Твой размер должен подойти.

— Да, сэр, — Мамору поклонился и поспешил выполнить задание.

Он быстро двигался по узким коридорам к кладовой, его ноги поглощали покачивание пола, школа шаталась на столбиках.

— Утро, Мамору-кун! — крикнул один из мальчиков.

— Доброе утро, Мацуда-сэнпай!

Он каждому кланялся и улыбался по пути.

На двери кладовой не было замка. Кумоно была маленькой старшей школой — Такаюби был маленьким городом — и никто не переживал из-за краж. Где вор спрятал бы то, что украл? Где он попытался бы это продать? Все тут знали друг друга.

Мамору пришлось перебраться через ящик со сломанными тренировочными мечами и стопку кукол, чтобы добраться до полки с формой. Было сложно удержаться на ногах, школа скрипела, и чучела двигались под ним, но кем был бы Мацуда, если бы ветерок лишил его равновесия? Со следующим порывом ветра стопка кукол накренилась к полкам. Мамору склонился, схватил форму четвертого размера с полки и прыгнул со стопки на пол, пока ничего не упало.

Дважды проверив размер формы, он поспешил к кабинету к Юкино-сэнсею и Квану.

— Спасибо, Мацуда-сан, — сказал Юкино-сэнсей, Мамору вручил новичку его форму. — Теперь Кван-сан попадет в класс второго года, значит, его расписание будет таким же, как твое, — Мамору кивнул. Будучи более эксклюзивной из двух школ в маленьком городе, академия Кумоно была только с одним классом на уровне обучения. — Он будет под твоей опекой. Присмотришь за ним сегодня.

— Да, сэнсей.

— Начни, показав ему, где раздевалка. И скорее. Осталось несколько сирану до начала уроков.

Кван переодевался в новую форму дольше, чем ожидал Мамору, и Мамору нетерпеливо расхаживал по скрипучему полу перед дверью раздевалки. Когда Кван появился, он все еще возился с поясом, словно у него было все время мира.

— *Это так забавно*, — сказал он, тряхнув широкими синими рукавами формы. — *Я ощущаю себя как герой старых самурайских фильмов.*

— *Для нас это обычная школьная форма*, — Мамору нахмурился.

— *Это место странное*, — Кван провел ладонями по рукавам, глядя на залы храма, украшенные резьбой, вокруг него. — *Я словно прошел в портал и попал в прошлое.*

Мамору ощутил внутри раздражение. Он не знал, почему. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не успел найти верные слова, зазвонил старый колокол храма. Одна древняя нота пронеслась по коридору, как делала сто лет, звала мальчиков Такаюби на урок.

МИСАКИ

— Здоров, как его братья? — спросила Хиори, опуская ладонь на голову младенца.

— Да, — сказала Мисаки, — но чуть меньше.

— Не верится, что это твой четвертый!

— Да, — Мисаки вздохнула, стараясь звучать бодро, хоть ее конечности были тяжелыми, — надеюсь, последний.

— Нет! — возмутилась Хиори. — Как можно так говорить?

— Да, у тебя хорошо получается, зачем останавливаться? — пошутила Сецуко, подвигая своего ребенка на другую сторону, чтобы ткнуть локтем Мисаки.

— Серьезно, Мисаки-сан! — в голосе Хиори была боль. — Тебе так повезло!

— Угу, — кивнула Мисаки, выдавливая улыбку. — Наверное.

И Мисаки *повезло*. По меркам Широждимы она была самой счастливой женщиной в мире. Закончив академию теонита, она умудрилась выйти замуж за мужчину из величайшего клана воинов Широждимы. И ей даровали сына, а потом еще сына и еще. Были тяжелые годы после Мамору, когда она не могла родить, но пять лет назад она родила Хироши, а потом Нагасу, а теперь Изумо. Четыре здоровых мальчика — мечта каждой женщины Широждимы.

— Можно? — спросила Хиори с блеском в глазах.

— Конечно, — осторожно поддерживая головку младенца, Мисаки отдала Изумо подруге.

— Ты выглядишь намного лучше, — отметила Сецуко, пока Хиори ворковала над Изумо, не понимающим этого.

— Я и ощущаю себя лучше, — Мисаки повела плечами. — По крайней мере, пока вы тут. Я так скучала.

Обычно три домохозяйки проводили почти все время бодрствования вместе, их малыши играли, а женщины ходил вокруг них, покупая, стирая, готовя и штопая. Родив Изумо, Мисаки так устала, что могла только приглядывать за малышом, и Такеру настаивал, что она

не выдержит общество. Это была первая встреча Изумо с Хиори и его тетей, Сецуко. Он был шумным мальчиком, но не боялся новых лиц — если он вообще мог их различить. Он все еще был так юн, что его глаза пока не смотрели сосредоточенно.

— Четыре сына, — отметила Сецуко, приподняв свою дочь, Аюми, ближе к плечу. — Я не знаю, как мне тебя догнать. Хотя посмотри на эти толстенные ручки! Аюми может сойти за мальчика. Может, я начну наряжать ее в одежду мальчика и сделаю вид, что родила мужу здорового сына, — малышка Аюми была на два месяца старше Изумо, но была почти вдвое больше него. — Что думаете?

— Думаю, она уже идеальна, — Мисаки была честной, но две другие женщины, конечно, рассмеялась.

Когда она была младше, Мисаки представляла себя с дочерьми. Она тешила себя фантазией, что вырастит сильных и смелых девушек, которые добьются большего, чем их мать, но это была фантазия. Мисаки давно отпустила идею, что сможет растить детей так, как ей хотелось, и что это были ее дети. Ее сыновья, в первую очередь, принадлежали Мацуда. Их целью было растить сильных воинов, как их отец, как их дед. Они принадлежали дому Мацуда, как она.

— Я серьезно, — настаивала Мисаки, когда Хиори отдала ей малыша Изумо. — Я была бы рада родить дочь, — с дочерью она хотя бы смогла передать немного себя ребенку.

— Тебе легко говорить, когда у тебя четвертый сын! — возмутилась Хиори.

Сецуко согласно хмыкнула.

— Тебе придется рассказать нам, как у тебя получилось.

— Я хочу знать, как она сохранила фигуру! — сказала Хиори.

— О, молчи! — Сецуко шлепнула Хиори по затылку. — Самая милая девушка в деревне не должна так говорить!

— Сецуко-сан, — Хиори густо покраснела. — Я не самая милая...

— Закрой ротик, Хиори-чан, — тепло сказала Мисаки. — Не нужно играть глупышку с нами. Ты нам больше нравишься, когда ты умная.

Хиори редко была умной, но Мисаки хотела поддерживать ее. Популярным было мнение, что такой милой женщине, как Хиори, не нужно быть умной. По мнению Мисаки, «милая» было не тем словом для Хиори. Женщина была разрушительно красивой, с простой улыбкой и мягкими, как тающий снег, глазами. Многие женщины Широждимы были «милыми», но Хиори была легендарной красотой, за которую мужчины воевали.

— Вы обе — просто принцессы! — сказала Сецуко, возмущенно глядя на Хиори и Мисаки. — С гладкой кожей и узкими талиями. Не жалуйтесь мне на вес, когда внутри меня можете влезть вы обе.

Иронично, что Мисаки считала Сецуко самой красивой женщиной на горе. Когда дочь рыбака вышла за представителя семьи Мацуда, она принесла с собой бесстыдную радость, которой Мисаки не хватало из ее жизни до Такаюби. Ее красота была не связана с физическими атрибутами. Дело было не в коротких волосах, обрезанных у ее ушей, а в том, как она трясла ими и радостно вздыхала, когда ей нравилась погода. Дело было не в ее больших глазах с темными ресницами, а в том, как вокруг них появлялись морщинки веселья от мелочей. Дело было не в ее крупном теле, а в том, как уверенно она двигалась по миру, где все, леди и мечники, шагали едва заметно.

До того, как они оказались в одной семье, Мисаки знала Сецуко — все ее знали — как даму «свежая рыба». Ее голос было слышно во всем рынке у основания горы:

— Свежая рыба! Поймали свежую рыбу!

Работа не была красивой, но Сецуко была очаровательна, пока была по локти в рыбьих кишках, когда выбившиеся пряди волос липли к поту на ее висках. Мисаки понимала, что многие влюблялись в крупную рыbachку с беспечной улыбкой, но Мацуда Такаши, первый сын высокого дома, влюбился сильнее всех.

Мисаки первой ощутила подозрения, когда Такаши утром остановил ее на пути к двери и сказал:

— Ты выглядишь утомленно, Мисаки. Я могу сходить на рынок за тебя.

Мисаки смогла лишь моргнуть, глядя на него.

— Ты хочешь пойти на рынок? — вяло сказала она. Мужчины обычно не ходили за покупками, особенно благородные, как Такаши.

— Я, кхм, у меня дела у основания горы, — Такаши не смотрел ей в глаза.

— Я в порядке, Нии-сама, — сказала Мисаки. — Если у тебя важное дело, не утруждайся...

— Это не проблема, — сказал Такаши, и Мисаки поняла, что он говорил тихо, словно переживал, что его отец и брат услышат в доме. — Просто дай мне список того, что нужно.

— Хорошо, — Мисаки растерялась, но не спорила.

— И, Мисаки.

— Да, Нии-сама?

— Ты сможешь... не упоминать это моему отцу?

Подозрения Мисаки подтвердились, когда Такаши вернулся позднее в тот день и принес восемь сумок рыбы на ее кухню. Только Мацуда мог поднять такой груз на гору. Такаши был сильным, но его лицо покраснело от усилий.

— Рыба, — сказал он с пьяной улыбкой, которая не подходила сыну семьи воина. — Ты же хотела свежую рыбу, да? Похоже, другое из списка я упустил.

— Эм... — Мисаки в ужасе смотрела на сумки на полу кухни. — Прости, Нии-сама, не что мне делать со всем этим? — в доме Мацуда не было холодного пространства, где можно было хранить столько рыбы. — Ожидаются гости?

— Что? Нет. А что? Это слишком много?

Мисаки окинула его взглядом, поражаясь и немного ощущая раздражение.

«Если тебе нравится девушка, так ей и скажи, — хотела она рывкнуть. — Не трать все деньги семьи на рыбу!».

Но она не могла требовать от него, и все было не так просто. Аристократ не мог просто сделать предложение дочери рыбака и забрать ее на гору. Не в Такаюби. Простые люди без важных родословных могли жениться, на ком хотели, но мужчины и женщины из благородных домов не имели такой роскоши.

— Это слишком? — повторил Такаши, все еще ошеломленный, веселый, как влюбленный подросток, когда-то такой была Мисаки. Мысль пронзила ее грудь с неожиданной болью.

«Осторожнее, брат, — хотела она ему сказать, — осторожнее с тем, как сильно ты любишь то, что не можешь получить», — но это тоже не могла сказать.

Она поджала губы, посмотрела на рыбу и сказала:

— Я что-нибудь придумаю.

— Хорошо, — сказал Такаши, но не видел и не слышал ее. — Хорошо, — и он ушел с кухни, улыбаясь. На обратном пути он миновал Такеру, который посмотрел на старшего

брата кисло, как он делал, когда видел кого-то счастливым.

— Моему брату нездоровится? — спросил он, когда Такаши ушел.

«Нет, — подумала печально Мисаки, — он просто обречен на страдания».

Но Такаши повезло — точнее, смешались правильно удача, безрассудство и ум. Он боролся, строил планы и сплетал объяснения, как-то смог отсрочить брак, пока его отец-тиран не умер, и не осталось старших, которые могли указывать ему, что делать. Потом, вместо того, чтобы жениться на чистокровной аристократке, Такаши женился на женщине, которую любил — простолюдинке с громким смехом, которая продавала ему свежую рыбу.

Такаши не знал, но, женившись на Сецуко, он спас Мисаки жизнь. Рыбачка переехала в дом Мацуда вскоре после второго выкидыша Мисаки, стала громкой вспышкой красок, когда все казалось серым.

— Ты не улыбалась, сколько я была тут, — отметила Сецуко, когда Мисаки помогала ей разложить принесенные вещи. — Почему ты такая мрачная, сестренка?

Мисаки была на два года старше нее, но Сецуко вышла за старшего из братьев Мацуда, и в этом мире статус мужчины был важнее всего.

— Прости, — шепнула Мисаки. Она так постоянно отвечала на все последние несколько лет.

Сецуко уперла руки в бока.

— Этого недостаточно.

— Что, прости?

— Мы с тобой будем в этом доме вместе, пока не станем старухами без зубов. Я не знаю, как ты, но я не хочу провести сорок лет с женщиной, которая не умеет улыбаться.

— Я знаю, как улыбаться, — было время, когда Мисаки ругали за то, что она улыбалась слишком много, но за годы Такаюби сказала на ней, превратила ее в хрупкую и дрожащую, боящуюся своего голоса, ведь могла разбиться на кусочки, говоря слишком громко.

— Я не видела твою улыбку ни разу, — недоверчиво сказала Сецуко. — Что с тобой? Уголки твоего рта не шевелятся?

Нет. Мисаки была сломлена внутри.

— У меня был выкидыш, — прямо сказала она, — дважды.

— О, — Сецуко застыла, ее шутливое поведение испарилось. — О, милая... Мне так жаль. Я не знала.

Мисаки думала, что рассыплется от тревоги в глазах Сецуко. Годы ожесточили ее из-за жестокости отца мужа и безразличия мужа, но она не могла защититься от честного взгляда.

— Ты хотела тех детей? — спросила Сецуко, и мягкость ее голоса лишила Мисаки защиты.

— Не знаю, — сказала она, поражаясь и немного боясь своей честности. Она ждала, плечи напряглись, когда Сецуко отругает ее за эгоизм, обвинит ее в потере детей, скажет ей, что ей повезло с терпеливым мужем, как все.

Сецуко только сказала:

— О. Тогда почему ты так печальна?

— Я... — когда ее голос стал таким слабым? Когда она стала бояться выразить мысли словами? — Я тут, чтобы дарить мужу сыновей. Я не хочу быть разочарованием.

— Ты — не разочарование.

— Что?

— Ты — не разочарование. Ты не могла бы стать такой, даже если бы пыталась, —

давно никто не говорил с Мисаки с такой простой уверенностью, когда она верила в то, что было правильным и хорошим. Она глядела миг на Сецуко и поняла, что забыла, как отвечать на такую доброту. Она думала, что оставила это позади девять лет назад.

— Посмотри на себя, — продолжила Сецуко. — На что может жаловаться мужчина? Ты милая, красивая, и я заметила, что ты умная. Ты уже родила идеального сына, и мой муж говорит, что ты чудесно готовишь.

— Приятно, что он так говорит. Я стараюсь.

— Тебе нравится готовить?

Мисаки кивнула.

— Это хорошо, потому что я готовлю плохо.

— Уверена, это не так, — вежливо сказала Мисаки.

— О, это так. Спроси любого, кто ел мои блюда. Почему бы тебе не заняться чем-то полезным? Ты могла бы научить меня готовить что-то для моего благородного мужа и требовательного желудка Мацуда.

— Желудки Мацуда не такие требовательные, — сказала Мисаки. — Твой муж любит ту же еду, что и все.

— Когда я это сделаю, он перестанет это любить. Иначе почему я таскала рыбу на рынок, а не оставалась дома, чтобы помогать на кухне? Моя семья попробовала раз, как я готовлю, и решила, что хочет выжить.

Мисаки ощутила, как на лице появилась улыбка. Впервые за долгое время она захихикала.

— Вот так улыбка! — обрадовалась Сецуко. — И посмотри! — она ткнула пальцем в щеку Мисаки.

— Что? — Мисаки подняла ладонь к лицу, думая, что там остался кусочек риса.

— У тебя ямочки!

У Мисаки не было сестер, но с того дня она решила, что была рада звать Сецуко своей сестрой. Их мужья носили с собой все напряжение, которое сопровождало узы братьев, первый и второй сын боролись за одобрение отца, но они не давали ничему плохому влезать между ними.

Марси уже прожила в доме Мацуда почти десять лет, но Сецуко сделала эти холодные коридоры домом. Когда Мисаки было больно, Сецуко шла в западную деревню за лекарством. Когда она терялась в печальных мыслях, Сецуко возвращала ее шуткой. Через пару месяцев после рождения Хироши Сецуко сказала:

— Та милая малышка, которая живет в доме Юкино. Кто она?

— Ты про Хиори? — сказала Мисаки. — Она — жена Юкино Дая.

— Какой Юкино?

— Юкино Дай, — сказала Мисаки, — глава дома, Мечник-молния.

— Я думала, главой Юкино был Юкино Рёске.

— Был. Он умер незадолго до твоего переезда сюда, пока ты готовилась к свадьбе. Ты не знала?

— Нет! — воскликнула Сецуко. — Я не была на рынке сплетен! Там я всегда получала новости. Боги, я не знаю, как вы, аристократки, живете взаперти!

— Ты теперь тоже аристократка, — напомнила ей Мисаки.

Сецуко фыркнула и отмахнулась.

— Похороны Юкино Рёске были как раз перед твоей свадьбой. Кто-то должен был

управлять поместьем, и старший сын Юкино не хотел перевозить семью из Джунгсана. Дайсан — второй сын, и он переехал туда со своей женой.

— Его жена тоже взаперти как аристократка? — спросила Сецуко. — Почему мы ее никогда не видели?

— Думаю, она почти все время заботится матери Дая-сана. Она стара и больна, так что это занимает почти все ее время.

— Это явно одиноко, — сказала Сецуко. — Мы должны навестить ее завтра.

Так они встретились с Хиори. Теперь, пять лет спустя, три женщины были неразлучны.

Хиори и Сецуко дразнили друг друга насчет талий, когда за руку Мисаки потянули. Она опустила взгляд, увидела своего третьего сына, двухлетнего Нагасу. Он сжимал цветочный рукав ее кимоно.

— Видеть? — спросил он тонким голоском. — Видеть малыша? — это был его любимый вопрос с рождения Изумо.

— Конечно, — сказала Мисаки, села на татами и опустила Изумо на свои колени перед Нагасой. — Будь нежным, Нага-кун. Он еще очень маленький.

— Подержать ребенка? — Нагаса с надеждой протянул руки.

— О, как это мило! — запищала Хиори.

— Я пока его подержу, — мягко сказала Мисаки Нагасе. — Вырастешь на пару койину, и мы поговорим.

— Твоего старшего брата нет рядом? — Хиори склонилась, чтобы заглянуть в глаза двухлетнего мальчика. — Почему бы тебе не поиграть с ним?

— Хиро-нии-сан ушел, — Нагаса надулся.

— О? Куда он ушел? — Хиори посмотрела на Мисаки.

— Хиро-кун в додзе начальной школы, — сказала Мисаки, качая Изумо на свих коленях.

— Точно, — сказала Хиори. — Ему нравится смотреть, как старшие мальчики тренируются, да?

— Он теперь тренируется с ними, — сказала Мисаки. — Начал, как только смог поднять тренировочный меч.

— Разве ему не пять? — Хиори поразились. — Я думала, это запрещено.

— Инструкторы сделали исключение, — сказала Мисаки. Пятилетнего ребенка еще не принимали на уроки меча в начальной школе, но второй сын Мисаки, Хироши, был не обычным.

— Он — серьезный мальчик, да? — сказала Сецуко. — Как миниатюрная версия своего отца. Это немного жутко.

— Почему ты не можешь быть таким, как он, Рё-кун? — Хиори ткнула локтем своего сына, Рёту. Она сказала это шутливо, но с ноткой серьезности.

— Он ещё очень юный, — сказала Мисаки. — Рёта-кун, сколько тебе лет?

— Четыре, — гордо сказал Рёта.

— Вот видишь, — сказала Мисаки. — Ты можешь стать маленьким мечником, как Хироши, в следующем году. Кто знает?

— Я — мечник! — заявил Рёта, ни к кому не обращаясь, наверное, цитируя мультик. — Я вызываю тебя на дуэль!

— Да? — невольно дразнила его Мисаки.

Мисаки собрала джийя, втянула молекулы воды вокруг в свою ладонь и заморозила их в самодельный меч — скорее тупую сосульку, чем меч — размера, который подходил для

сражения с четырехлетним.

— Принимаю! — сообщила она.

— Мисаки-сан, что ты делаешь? — спросила Хиори.

— Бейся со мной, Юкино Рёта! — Мисаки изобразила голос злодея из мультика, сдвинув Изумо к своему левому боку, подальше от опасности.

— Рё-кун, не надо, — предупредила Хиори. — Мисаки-сан — леди. Не... — но мальчик от радости, что он нашел друга для игры, уже бежал на Мисаки с деревянным мечом.

Рука Мисаки двигалась на почти забытом импульсе. В два взмаха она обезоружила маленького Рёту. Еще взмах псевдомечом, и она сбила мальчика с ног. Он рухнул на спину, охнув, и Мисаки направила сосульку на его грудь.

— Я победила! — драматично сказала она. — Признай поражение, или я защекочу тебя!

— О, нет! — завизжал Рёта и стал отползать, хихикая. — Нет, нет!

Мисаки не сдержалась. Она задрала кимоно и побежала за ним. Быстрый мальчик не ожидал, что домохозяйка Мисаки догонит его за три шага. Он закричал, когда она обвила его рукой, смеялся, когда она повалила его на пол, щекоча.

— Мисаки-сан, что ты делаешь? — завопила Хиори, не зная, возмущаться или веселиться.

— Не переживай, Хиори-чан, — сказала Сецуко. — Это Мисаки делает, когда она в хорошем настроении, — Сецуко не понимала, что это незнакомое создание — бесстрашная и странная женщина, которая быстро бегала и играла с мечом — была отголоском времени, когда вся жизнь Мисаки была счастливой.

Оправившись от щекотки, хихикающий Рёта поднял меч и снова напал на Мисаки. В этот раз она поддалась, дала мальчику поймать ее ритм, пару раз хорошо взмахнуть мечом, а потом она снова его обезоружила.

— Боюсь, Рё-куну далеко до Хиро-куна, — рассмеялась Хиори, — если он проигрывает женщине.

Мисаки могла сказать, что проигрыш ей не был тем, из-за чего мальчик или мужчина мог стыдиться, но об этой части себя она больше не говорила. Такеру это запретил.

— И я! — запищал Нагаса, прыгая со своим игрушечным мечом. — Каа-чан, и я!

— Мальчики, осторожно с ребенком! — предупредила Хиори, Рёта и Нагаса напали на Мисаки одновременно.

Но Мисаки была в состоянии отбиться от двух детей правой рукой, удерживая удобно левой рукой младенца. Только когда шум разбудил Изумо, и он завопил, Мисаки пришлось остановить дуэль.

— Простите, мальчики, — она превратила меч-сосульку в пар взмахом ладони. — Это все на сегодня. Я сдаюсь. Хорошо бился, Юкино-доно, — она потрепала волосы Рёты. — Мацуда-доно, — она пощекотала Нагасу под подбородком. — Мы повторим дуэль позже.

Она с улыбкой ушла к дивану, чтобы успокоить Изумо.

— О, нет! — Нагаса бросил игрушечный меч и пошел за мамой к дивану, глядя с искренней тревогой. — Малыш плачет!

— Он не расстроился из-за тебя, Нага-кун, — сказала Мисаки мальчику. — Он просто голоден.

Мисаки сдвинула ткань кимоно, повернула кричащего малыша и дала ему грудь. Вопли почти сразу же прекратились.

— Нельзя так бояться боя, — пошутила Сецуко, задев пальцем ногу Изумо. — Ты

вырастешь великим воином, как твой ворчливый отец.

— Эй, Сецуко, — сказала Мисаки с улыбкой. — Не шути над моим ворчливым мужем. Он трудится, чтобы хмурая гримаса была на его лице весь день.

— Маттаку! — воскликнула Хиори и раздраженно цокнула языком. — Ты знаешь. Как счастлив был бы Дай, если бы я дала ему четырех хороших сыновей. Он улыбался бы весь день даже с сыном как твой Мамору.

— Если тебя утешит, Мамору был бы рад, будь Дай-сан его отцом, — сказала Мисаки.

— О, да? — встрепелась Хиори.

— Ты не знала? Дай-сан — его любимый инструктор с мечом и джийя.

Хиори захихикала.

— Мисаки-сан, не шути!

— Я не шучу, — честно сказала Мисаки.

— Его отец — Мацуда Такеру, — сказала Хиори, — мастер Шепчущего Клинка величайший мечник на горе.

— И ужасный учитель, — сказала Мисаки. — Его указания это скрестить руки, нахмуриться и сказать: «Плохо. Давай еще раз», — она нахмурилась и понизила голос, пытаясь изобразить сухой монотон мужа. — Все еще плохо. Повтори. Слушай. Или делай правильно, или я тебя разрежу, позорище. Что значит, ты не понимаешь? Что тут понимать? Просто сделай правильно.

— Хватит! — взмолилась Сецуко, держась за живот от смеха. — Ты так хорошо изображаешь Такеру! Я умру!

— Как ты делаешь голос таким низким? — Хиори смеялась.

— Что? Вот так? — прогремела Мисаки. — Глупая женщина, ты не можешь понимать такие дела. Мое мужество не допускает человеческой гибкости.

Три женщины захихикали, и из-за того, что их матери смеялись, Рёта и Нагаса тоже засмеялись.

Мисаки годами пыталась быть своей с этими людьми. Они были не как ее друзья из школьных дней. Они не были странными провидцами, как Эллин, или гениями, как Коли, или непобедимыми силами энергии, как Робин. Они не изменяют мир, не могли понять, почему кто-то этого хотел, но они любили ее. Она могла смеяться с ними, и этого было достаточно.

В те дни Мисаки могла убедить себя, что этого было достаточно.

ГЛАВА 2: ТУМАН

Тренировочная арена была широкой каменной площадкой, где раньше упражнялись и медитировали монахи. По легенде, плоский полумесяц был вырезан в горе Шепчущими Клинками Мацуда — предков Мамору.

— Идеальная погода для тренировки! — закричал Юкино-сэнсей поверх ветра, воющего над ареной. — Теперь у нас будет проверка на точность!

Мамору слышал стук зубов, повернулся и увидел Квана, убравшего руки в форму.

— *Тут всегда так холодно?* — новенький дрожал.

Мамору почти рассмеялся.

— *Подожди до зимы.*

Свертки соломы размером с людей стояли через промежутки на арене, замерзшие, как камень, из-за льда Юкино-сэнсея. К каждому свертку был привязан кусок плотной ткани с нарисованной цифрой. Джийя Мамору уже хотела броситься в бой, Юкино-сэнсей

перекрикивал ветер, объясняя упражнение:

— Почти всю неделю мы работали над созданием аэродинамических ледяных снарядов. Теперь, мальчики, у вас еще много работы с этим, — Юкино-сэнсей встал перед Мамору, глядя на него, — особенно у тех, кто надеется однажды овладеть техникой рода, — Мамору решительно кивнул учителю, и Юкино-сэнсей обратился ко всему классу. — Несмотря на вашу работу в парах, я решил перевести вас к следующей технике. Сегодня я сделал снаряды для вас, — он указал на стопку идеальных ледяных копий, каждое было в три шага длиной, острое на конце и широкое с другой стороны, для сильного броска.

— *О какой технике рода он говорит?* — спросил Кван у Мамору, пока Юкино-сэнсей ушел дальше вдоль ряда мальчиков. — *Что у твоей семьи такого особенного?*

— *Шутишь?* — вмешался Ицуки, потрясенно глядя на Квана. — Мамору — Мацуда.

На лице Квана не было понимания.

— *Да?*

— *Мацуда — мастера Шепчущего Клинка,* — сказал Ицуки. — *Ты должен был слышать о Шепчущем Клинке в столице.*

— *Ну, да... но это просто миф,* — Кван рассмеялся, но серьезное лицо Ицуки не изменилось, и его улыбка угасла, он посмотрел на Мамору огромными глазами. — *Да?*

Мамору пожал плечами.

— *Некоторые мифы — правда.*

— *Но это невозможно,* — возразил Кван. — *Ни один джиджака не может создать лед, режущий сталь!*

— *Некоторые могут.*

— *Ты можешь?* — потрясенно спросил Кван.

Мамору стиснул зубы.

— *Смогу.*

Кван разглядывал Мамору, задумчиво щурясь.

— *Я тебе не верю,* — сказал он через миг. — *Даже джиджаки Кусанаги не могут быть такими сильными.*

Вместо ответа Мамору кивнул на Юкино-сэнсея и сказал:

— *Смотри.*

Мастер-джиджака поднял копьё из груды мягким жестом. Два его пальца удерживали снаряд идеально неподвижным в воздухе перед ним, пока он говорил:

— *Сильнейший таджака может бросить копьё на шестнадцать баундов,* — крикнул Юкино-сэнсей, указывая свободной рукой на соломенную куклу с 16 на ней. — *Лучший фоньяка может ветром направить твердый снаряд на двадцать пять баундов,* — он указал на куклу вдали с меткой 25. — *Как джиджаки, вы можете куда больше.*

Прижав ладонь к плоской стороне снаряда, Юкино-сэнсей уперся ногами и толкнул лед вперед. Мамору видел джийя Молнии в действии достаточно раз, чтобы его сердце уже не подпрыгивало к горлу. Но он услышал, как Кван охнул рядом с ним.

Копьё пробило куклу с 16, потом с 25, долетело до конца арены, где вонзилось в третью куклу с едва различимой меткой 40.

— *Святой Фаллеке!* — выдохнул Кван, глядя на разрушенное чучело с меткой 16.

— *Таджаки могут физической силой бросить снаряд,* — Юкино-сэнсей повернулся к классу, — *фоньяки могут с помощью ньямы толкать другое. Наша ньяма — снаряд. Когда оружие изо льда, мы можем управлять им до молекул. Как джийяки, мы — единственная*

раса теонитов, которые могут биться твердым оружием как продолжением себя.

Юкино-сэнсей дал каждому ученику стопку снарядов, выстроил их на арене, чтобы они попрактиковали бросок в армию соломенных мишеней.

Подняв копьё с помощью джийя, Мамору опустил ладонь на плоский конец и дал силе подняться. Океан не было видно из академии Кумоно, но, когда Мамору собрал джийя внутри, она тянулась вниз по горе к волнам, бьющимся об ее основание, и глубже, в глубины, где корни горы Такаюби встречались с морским дном.

Традиция Рюхон заявляла, что великие семьи Кусанаги были потомками богов океана, которые обитали в море Кайген в начале времен. Многие люди полуострова относились к этой части традиции как к образам, а не фактам. Люди не могли быть прямыми потомками рыбы и морских драконов, если следовать логике.

Но, как многие Мацуды до него, Мамору испытывал вспышки безумия, когда ощущение его джийи поглощало его. В те моменты он знал, что сила, бушующая в его теле, родилась из древних сил, которые подняли Кайген из мора. Это была не просто вера. Это был факт.

Сила богов поднялась, громыхая, как волна в Мамору, и он ехал на ней, двигая с ней тело. Волна достигла пика, и он послал полную силу по руке, через открытую ладонь в лед. Снаряд рассек воздух, понесся дальше всех снарядов, но не летел прямо. Он задел каменный пол, сломав часть снаряда, проехал и остановился в стороне от 25-й мишени. Мамору нахмурился и тряхнул руками. Он только разогревался. С полной силой он бросит копьё так, что ему придется пролететь прямо в цель.

Подняв новую волну ньямы в теле, Мамору бросил снова. Копьё смогло задеть 25-ю мишень, но попадание не было четким, и лед разбился, а не пронзил цель.

— Хватит давить так сильно, Мацуда-сан, — терпеливо сказал Юкино-сэнсей. — У тебя достаточно силы, чтобы снаряд ровно пролетел над ареной. Расслабь плечи и сосредоточься на точности, а не мощи.

— Да, сэнсей, — выдохнул Мамору и поднял следующий снаряд.

— Медленнее, — Юкино-сэнсей коснулся кончиками пальцев льда, чтобы он замер раньше, чем Мамору поднял его на уровень мишени. — Твоя джийя взволнована, я ощущаю, как она ревет в тебе. Не спеши, успокой ее. Сосредоточь энергию и попробуй снова.

Мамору кивнул, и Юкино-сэнсей пошел дальше, наблюдая за другими мальчиками, давая им хорошие советы. Мама Мамору как-то сказала, что Юкино Дай произносил слова так же тщательно, как и наносил удары. Это делало его хорошим учителем.

— Не перекручивай, — упрекнул кузена Юкино-сэнсей, стукнув мальчика по голове костяшками пальцев. — Если замахиваешься, не посчитав, когда выпустишь снаряд, он будет разбиваться, не попав в цель, каждый раз.

— Да, сэнсей, — Юта потер голову и попробовал снова, в этот раз снаряд прилетел точно в 16-ю мишень.

Юкино-сэнсея это устроило, он повернулся к Квану, северный новичок послал третье копьё мимо курса, и оно разбилось на кусочки об каменный пол.

— Хм, — Юкино-сэнсей смотрел на нового ученика, хмурясь. Кван скривился, ожидая, что над ним будут насмеяться или бить.

Но Юкино-сэнсей сказал лишь:

— Думаю, ты очень хорош в броске копья.

— Да, — удивленно сказал Кван. — Как вы...

— Перестань бросать с плеча. От бедра направляй в ладонь, словно бьешь человека в

солнечное сплетение.

— Сэнсей, — пожаловался Ицуки дальше в ряду, — ветер сбивает мой снаряд с курса!

— Эти снаряды созданы, чтобы прорезать ветер, Мизумаки-сан. Еще раз. Я хочу увидеть.

Он замер и смотрел, как Ицуки пытался бросить, снаряд улетел в сторону.

— Ты слабо бросаешь, — Юкино-сэнсей опустил ладони на плечи Ицуки и вернул его на начальную позицию. — Наклонись сюда. Согни колени. Чуть сильнее. Вот так.

Мамору успел успокоить джийя, вернулся к своему заданию. Как обычно, Юкино-сэнсей был прав. Меткость Мамору стала лучше, когда он расслабился, но даже с прямо летящими снарядами он не мог направить их дальше 25-й мишени.

— Чего ты хмуришься? — спросил у него Кван. — Ты стреляешь лучше всех.

«Не так хорошо, как Юкино-сэнсей», — подумал Мамору, но не мог это сказать, так что просто стиснул зубы и поднял еще копьё из стопки. Мамору уже почти полностью вырос, и «лучше всех» было мало. Мацуда должен был превосходить сто других джиджак, взятых вместе. Ему нужно было стать лучшим в истории.

От раздражения Мамору направил все тело в движение, ударил следующее копьё в сторону мишени. Снаряд попал в 25-ю мишень и прошёл сквозь нее.

— *Фаллеке!* — воскликнул Кван, снаряд Мамору остановился в паре шагов за мишенью. — *Что это было?*

Мамору не стал отвечать, поднял еще снаряд из груди. Подняв его с помощью джийя на уровень груди, он отошел на пару шагов и побежал к нему. Он даже не вкладывал всю силу джийя в бросок, но снаряд пробил 25-ю мишень и вырвался на другую сторону.

— *Что ты сделал?* — потрясённо спросил Кван.

— Почему мы стоим на месте? — сказал Мамору, переводя взгляд с пробитой мишени на свои ноги.

— *Что?*

— Почему мы упираемся ногами и бросаем с места, когда можно добавить силу разгона?

— *Эм... еще раз?*

— Сильнейшие волны начинаются далеко в море.

— Мамору-кун, — предупредил Юта, узнав взгляд друга. — Ты знаешь, что сэнсей говорит о твоих идеях...

— Знаю, — прервал его Мамору, подняв еще снаряд. — Просто дай мне динма, — он должен был попробовать. Должен был.

Закрепив джийя во льду, он бросил снаряд высоко в воздух и отпустил. Снаряд начал падать, Мамору попятился, насколько мог на площадке. Он ударит снаряд при его падении. Нужно было высчитать идеальный момент, но это Мамору давалось легко.

Он дал копьё еще миг падения и побежал к нему. На последнем шагу он прыгнул в воздух и повернулся. Его движение вместе с силой поворота и притяжением объединились. Его тело повернулось, и он вонзил ладонь в основание снаряда и бросил. Сила цунами взорвалась в его ладони.

Все увидели только вспышку серебра, и снаряд вонзился в 40-ю мишень с брызгами соломы. Мамору рухнул на корточки и выдохнул. Он это сделал!

На горе зазвенели потрясенные крики одноклассников, потом радостные вопли, когда они увидели разрушенную 40-ю мишень. Но, когда взгляд Мамору нашел Юкино-сэнсея,

мечник не улыбался.

— Мацуда! — взревел он поверх ветра, и класс утих. — Что ты творишь?

— Простите, сэнсей, — Мамору старался выглядеть виновато, но он не смог стереть улыбку с лица.

— Совладай с эго. Ты будешь делать упражнение, как я показал, иначе покинешь мой класс. Понятно?

— Да, сэр.

Когда класс закончил восторженно шептаться и вернулся к упражнению, Мамору ощутил, как пальцы Юкино-сэнсея впились в его ухо и оттянули его голову. Подавив вопль, он позволил учителю увести себя из линии.

— Сэнсей! — начал он, когда их не слышал класс. — Я...

— Мамору-кун, — тихим голосом перебил его Юкино-сэнсей. — Мы не просто так начинаем упражнение с обеими ногами на земле.

— Простите. Я...

— Не перебивай, — сдержанно сказал мечник. — Я хочу, чтобы ты подумал на миг, что если бы я дал всем мальчикам летать и кружиться в этом упражнении, у меня было бы много мертвых мальчиков. Понимаешь?

— Да, сэнсей, — сказал Мамору, ощущая укол вины. Он о таком не подумал, он слишком сосредоточился на себе.

— Мацуда — не только зрелищные бойцы, — сказал Юкино-сэнсей. — Они — лидеры, а лидер должен думать о тех, кто вокруг него.

— Да, сэнсей.

— Хорошо, — Юкино-сэнсей отпустил ноющее ухо Мамору и поднял руку. Мамору вздрогнул, ожидая, что услышит удар костяшками, но учитель опустил ладонь на его голову. — И, — сказал он, — если хочешь бросать с разворота, убедись, что ведущее колено согнуто близко к телу во время поворота. Ты теряешь силу движения, когда вытягиваешь ноги. Как только поворот будет плотным, попытайся направить правую ногу назад в миг броска. Научись делать все это сразу, и ты будешь бросать копья дальше, чем я.

От удивления Мамору смог лишь сказать:

— О.

— Тренируйся дома, да?

— Да, сэнсей.

Когда ветер над площадкой набрал опасную скорость, и у учеников стали заканчиваться снаряды, Юкино-сэнсей повел класс внутрь для тренировки на мечях. Три часа сражений многих утомили. Для Мамору они ощущались как разминка, но он помнил слова Юкино-сэнсея, думал о мальчиках вокруг. Он часто оставлял ужасные синяки на товарищах, которые не успевали остановить его деревянный меч — а так было у всех — но сегодня он был осторожнее, сосредоточился на финтах, отражении атак и ускользании.

Мамору нашел новый уровень сосредоточенности, пытаясь перехитрить мальчиков, не ударяя их. Его сердце сжалось, когда зазвонил колокол, сообщая о конце тренировки. Колени дрожали, пот капал на татами, мальчики собирали снаряжение и шли на урок истории. Кван не потерял сознание, как часто бывало с новичками на уроке Юкино-сэнсея, хотя он не мог идти, не держась за стену.

— Идем, городской, — шутливо сказал Юта, взял Квана за руку на выходе из додзе. — Можешь на меня опереться.

— Мамору, — Юкино-сэнсей не дал ему пойти за одноклассниками из комнаты. — Отличная работа сегодня. Рад видеть, что твой контроль развивается с огромной скоростью.

Мамору кивнул. От мечника, известного когда-то как Молния Дай, это была высокая похвала.

— Я не смог поговорить с твоим отцом или дядей, — Юкино-сэнсей вернул лишний боккен в чулан. — Они работали с тобой над Шепчущим Клинком?

— Я... — улыбка Мамору угасла. — Мой отец пытался.

— Хорошо, — сказал Юкино-сэнсей. Гордость в его глазах вызывала у Мамору желание сжаться от стыда.

Редкое не давалось легко Мамору, но его отец пытался научить его Шепчущему Клинку почти год, и он не смог овладеть техникой. Веками семья Мацуда передавала секрет создания оружия из непроницаемого льда. Техника была такой сложной, что не Мацуда ее еще не понял, а Мамору гадал, как ее вообще можно было понять.

Мало было отлично биться на мечях. Мало было уметь хорошо призывать лед. Шепчущий Клинок был из чего-то глубже, Мамору просто не понимал. Его отец понимал, но Мацуда Такеру не обладал волшебной способностью Юкино-сэнсея объяснить навык словами. Как бы он ни объяснял, Мамору не мог понять.

— Плохо получается, — выпалил он, не дав себе передумать. — Мой отец недоволен мною.

Мамору тут же пожалел, что сказал такое. Было неприлично ученику обсуждать свои проблемы дома с учителем, и Мацуда было запрещено обсуждать детали Шепчущего Клинка с чем-то вне семьи.

— Хотел бы я тебе помочь, — сказал мечник через миг, — но я — Юкино, и я не твой отец. Даже если бы я мог говорить с тобой об этом, я не смог бы помочь. Я не знаю, что входит в Шепчущий Клинок.

— Понимаю, сэнсей, — Мамору смотрел на свои ноги. — Простите. Я не должен был...

— Но я могу увидеть отличного джиджаку, — сказал Юкино-сэнсей. — Я знаю, что у тебя та же сила ньямы, что и у твоего отца и великих воинов твоего рода.

Мамору кивнул. Но силы Мацуда было мало. Целью Мацуда было превратить себя в оружие, достаточно сильное, чтобы защитить Империю от всего. Для этого родился Мамору и все мужчины в его роду. Несмотря на это, многие Мацуда пытались всю жизнь, но так и не овладевали Шепчущим Клинком.

Он был достаточно взрослым, чтобы представить будущее, Мамору видел себя идеальным мужчиной, идеальным воином с Шепчущим Клинком в руке. Он был близко к возрасту бойца, но тот мужчина все еще был далеким...

— А если этого мало? А если... — Мацуда не должен был бояться, но Мамору был так напуган, что не смог закончить предложение. *А если меня не хватит?*

— Мамору-кун, — голос Юкино-сэнсея смягчился. — Твоему отцу было шестнадцать, когда он овладел Шепчущим Клинком, твоему дяде — на год больше, и они были среди самых юных мастеров в истории. У тебя есть время. Обещаю, ты справишься.

— Вы не можете обещать такое, — в тревоге Мамору не управлял глупостями, вылетающими из его рта. — Были другие Мацуда с сильной джийя, которые так и не овладели техникой. Откуда такая уверенность?

— Потому что я знаю тебя, Мамору-кун, — сказал Юкино-сэнсей, — не только твой род и твою силу. За время, которое нужно обычному мальчику, чтобы понять технику, ты уже

улучшаешь и расширяешь ее для практического применения. Это раздражает учителя.

— Простите за...

— Но я не сомневаюсь, что эта гениальность позволяет овладеть Шепчущим Клином. Ученик, как ты, который может поглотить то, что ему сказали, и думать шире, способен на все.

Рот Мамору открылся, но он был так потрясен — и тронут — что не смог найти слова, чтобы поблагодарить учителя. Как благодарить кого-то за похвалу, которой ты не заслужил?

— Теперь на урок, — Юкино-сэнсей кивнул на дверь.

— Да, сэнсей, — склонив голову, Мамору собрал вещи и поспешил за товарищами.

После бурной тренировки на мечях урок истории всегда был агонией. Когда выл ветер, школа трещала, как старый корабль, и голос Хибики-сэнсея терялся в стоне деревянных балок.

— *Много факторов привели к Великой войне, к тому, что ямманки зовут Келеба. Келеба, — Хибики-сэнсей записал буквы ямманинке на доске, а Мамору вонзил зубы в костяшки левого кулака, надеясь, что боль не даст ему уснуть. — Первое: напряжение между колониями Ямма и Сицве, которые постоянно состязались за ресурсы Баксарии. Дальше было напряжение, созданное колониями Баксарии, которые не принимали правление Ямма и Сицве. Последним, конечно, было напряжение между нашей великой империей и мятежниками-экстремистами на западе, которые могли предать императора и создать Ранганийский Союз.*

— Ты будешь делать записи? — шепнул Мамору Квану, заметив, что новичок даже не взял ручку.

— О, мне не нужно. Я привык учиться в стиле Ямма, ушами. И, — еще тише сказал он, — этот бред я уже слышал.

— Что? — Мамору склонился, думая, что ослышался. Кван назвал урок истории Хибики-сэнсея бредом?

— Мацуда-сан, — резко сказал Хибики-сэнсей, — никакой болтовни в классе.

— Простите, сэнсей, — сказал Мамору, учитель вернулся к лекции:

— *Есть несколько дат, которые вам нужно знать, относительно Келеба. Первая — 5153, — он записал дату на доске. — Это год первого абрианского восстания, когда группа жестоких экстремистов, зовущая себя Конфедерацией Лонгхаус, нашла достаточно вооруженной поддержки, чтобы бороться с империей Ямма. Абирия, хоть ее мучала жестокость между племенами, и у нее не было стабильного правительства, хотела независимости от Яммы. Конечно, мятежники были лишены организации, так что их быстро подавила превосходящая сила Яммы.*

Мамору показалось, что Кван хмыкнул недоверчиво за ним, но когда он оглянулся, северянин тихо слушал.

— *Поражение абрианцев было неизбежно с их слабыми генами. Ямманки были чистокровными таджакими, рожденными и выращенными владеть своей силой, а абрианцы были смешанной крови, результат браков между народами Абирии, Ямманки, иммигрантов Кайгена и, что опаснее всего, белыми рабами. Такая грязь ослабила божественные энергии, дарующие теонитам их силу. Смешанные теониты, как абрианцы, не могли без помощи выстоять против чистокровной армии таджака. Теперь я дам вам несколько дат, священных с состязанием Ямма и Сицве за территории их колоний.*

Мамору пытался сделать записи, пока Хибики-сэнсей говорил монотонно на кайгенгуа,

но вместо этого рисовал. Он начал рисовать клинок меча, но порыв ветра сотряс школу, ручка съехала, и меч стал водой. Мамору последовал за новым изгибом, добавил под ним линии, превратив его в грубое подобие волны Цусано, герба семьи его матери. Больше волн добавилось рядом с гербом Цусано, некоторые стали рыбой, и Мамору заполнил половину страницы морем в шторм, а потом вспомнил, что должен слушать лекцию.

— *Даты событий, которые привели к Келебе*, — сказал Хибики-сэнсей, и Мамору попытался сосредоточиться на лекции. — 5286 — год, когда появился Каритианский Союз и сопротивлялся правлению Яммы, — Хибики-сэнсей записал год на доске. — 5287, — он записал следующую дату, и Мамору стал делать записи. — *В этот год колония Сицве в Малузии устроила большое восстание, которое сотрясло контроль Сицве над всем регионом. В то же время простые жители устраивали бунты в западной части Кайгенской империи. Их быстро подавила армия империи, но они были предвестником крупных бунтов...*

5288. *Под влиянием продажных политиков города, вedomые Ранга, поднялись против Кайгенской империи. Этот мятеж был подавлен в тот же год, его лидеров публично казнили за измену империи.*

5289, год, когда Ямма победила Сицве и забрала контроль над Малузией, стала отбирать у Сицве другие колонии, усиливая давнее напряжение между двумя суперсилами Келендугука.

5290. *Западные провинции Кайгена поднялись снова в мятеже. Используя пропаганду и ложные обещания, мятежники-туланисты смогли обмануть необразованных жителей Ранги, направив их большими количествами. В то же время Конфедерация Лонгхаус в Абирии устроила повторение своего прошения о независимости в 5153 под тем же флагом.*

В конце того года, двадцать восьмого крибакало, ранганийские террористы напали на выпускной в Академии Утра в Карите, убили директора Ойеде Биуда и несколько учеников Яммы и Кайгена. После этой злобной и трусливой атаки Ямма согласилась поддержать нашу великую империю в бою против ранганийских мятежников.

5291. *В начале года яманки вступили в союз с нами, добавив отряды на кайгенскую почву впервые. В ответ на их участие Сицве присоединились к нашим врагам-мятежникам и к абирианцам, которые боролись с Яммой за независимость. Это привело к открытой войне Ямма и Сицве. Абтия поддержала Ямму.*

5292. *Этот год отметил единственный раз в истории Дюны, когда все главные силы теонитов — Кайген, Ямма, Абтия и Сицве — воевали. В этот год ранганийские фоньяки напали на Широджиму и были побеждены.*

— *Победа на войне, как всегда, пришла к чистокровным*, — сказал Хибики-сэнсей, повернулся к классу драматично. — *Мы тут, на Мече Кайгена, благословлены лучшими и самыми чистыми родословными джиджаками в мире. Мацуда*, — он указал на Мамору, — *Юкино*, — он указал на Юту, продолжил указывать на великие дома, чьи представители были в классе. — *Амено, Гинкава, Икено, Катакури — все вы из рода великих бойцов, которые были еще в мифические времена. С рассвета Кайгена этот полуостров сдерживал врагов. Потому мы зовемся Меч Кайгена. И снова во время Келеба Мацуда, Юкино и другие сильные джиджаки полуострова Кусанаги отбили врага в решительной победе.*

В этот раз Мамору услышал презрительное фырканье сзади, но слушал лекцию, Хибики-сэнсей продолжал:

— *Меч Кайгена для того, чтобы нападать, чтобы умирать. Когда ранганийская*

армада добралась до полуострова Кусанаги, воины домов Мацуда, Юкино, Амено, Икено и Гинкава вместе с их подданными встали в ряд на пляже. При первой новости о ранганийких кораблях наша столица послала запрос Ямме о помощи. Но, когда силы Яммы добрались до нашего полуострова, джиджаки тут — ваши деды и прадеды — уже разгромили вторгнувшихся ранганийцев. Пилоты Яммы облетели полуостров и увидели, что пляж был красным, как край меча, вкусившего победу. Готовые к бою, они полетели ниже, но обнаружили, что бой был завершен. Тела в море были в форме Ранги. Красное на песке было нечистой кровью фоньяк. Воины Кусанаги бились так яростно, что среди кайгенцев жертв почти не было.

Мамору услышал смешок Квана. Хибики-сэнсей тоже это услышал.

— *Наша история для тебя смешная, Кван-сан?*

— *Нет, сэнсей. Простите.*

Хибики-сэнсей холодно посмотрел на Квана, повернулся к классу и продолжил на диалекте:

— Это ваше прошлое. Ваше наследие. Вы в этой школе, потому что вы — потомки величайших воинов Дюны. Лучшая кровь в мире течет в ваших венах. Будете хорошо учиться и слушать, трудиться, и Меч Кайгена будет жить, яркий и острый, будет передан вашим сыновьям, а от них — их сыновьям.

МИСАКИ

В первый год в академии теонитов Мисаки на всех уроках получила лучшие оценки. На второй год она была быстрее многих на курсе скорости, ее опередил только Робин Тундиил. На третьем году она превзошла некоторых самых страшных бойцов мачете из Кариты в одиночном бою. Как подросток, она носила эти достижения с гордостью... но не знала, что в тридцать четыре будет больше всего гордиться тем, что смогла уложить пять буйных детей спать.

— Успех? — шептала она, вернувшись домой, держа в руках спящего пятилетнего.

— Успех! — подтвердила Хиори, Мисаки без рук сняла обувь. — Все спят, как ты и планировала.

Хироши задремал на плече Мисаки, пока она несла его из начальной школы. После двух часов тренировки на мечах с ребятами вдвое больше него даже он потратил энергию. Его волосы промокли от пота, ручки были в мозолях от большого тренировочного меча, но он не жаловался, просто тихо прильнул к плечу матери и дал ей отнести его домой.

Ее второй сын был странным. Она знала, когда он был лишь маленьким биением сердца в ней, что он был ребёнком своего отца. Холодным. Говорили, все джиджаки рождались с чем-то от моря в себе, но многие моря были с теплыми потоками и холодными вулканическими ручьями в глубинах, свободной водой между ледяными потоками. Даже самые ледяные джиджаки имели в своих душах теплые места — так Мисаки думала, пока не попала в семью Мацуда. Хироши родился с убийственным спокойствием замёрзшего моря. Как его отец, он был холодным, каким бы ни было его настроение или уровень усталости. Даже его пот был холодным, как утренняя роса.

Он шептал что-то о шагах, Мисаки уложила его на футон, где Рёта и Нагаса уже спали.

— Шш, — выдохнула Мисаки в его волосы. — Мы почти пять из пяти.

— Что? — глаза Хироши открылись.

— Ничего, — Мисаки прижала ладонь ко лбу, опустила его рядом с его братом. — Ничего, мой маленький воин. Просто отдыхай.

— Мм, — Хироси кивнул и уснул.

— И мы это сделали! — прошептала Мисаки, задвигая за собой дверь. — Все пять спят.

— Надолго это? — спросила Хиори.

— Наверное, ненадолго, — Мисаки вздохнула, опустилась на подушки рядом с двумя другими женщинами. — Мальчики устали, но малыши проснутся от голода.

Мисаки отчаянно хотела закрыть глаза и уснуть, но знала, что нужно было использовать руки, пока они не были полными извивающихся малышей, так что она поднялась и взяла шкатулку для шитья. Герб семьи стал отрываться с хаори Такеру, его нужно было пришить. Она осторожно взяла правильную нить, сочетающуюся с темно-синими и белыми бриллиантами герба Мацуда, и вдела в иглу.

На пике власти семьи Мацуда, во время войн Кайгена до Келебы, древний дом был полон слуг, которые готовили, убрали и шили вместо хозяйки дома. Отец Такеру жаловался, что слуг больше не присылали, но Мисаки не могла винить дома меньше, которые бросили дом, больше их не поддерживающий.

Дома воинов, как Мацуда, когда-то зарабатывали, обучая владению мечом и джийе сыновей меньших домов. Ученики приходили толпами в беспокойное время, когда часто проходили сражения, а мирное время было другой историей. За десятки лет после Келебы даже обещание тренироваться с величайшими мечниками Кайгена не могло удержать обычных *корону* в Такаюби.

Герб Мацуда все еще был меткой гордости, и Мисаки пришивала его к каждой накидке, кимоно и хаори.

— Мне тоже стоит заняться работой, — Хаори вытащила из мешка, принесенного из дома, то, что шила она. Мисаки устала вышивать четыре бриллианта на вещах, но она не завидовала Хиори, ведь символ Юкино был снежинкой.

— Так тихо, — отметила Сецуко. — Не помню, когда в последний раз в доме было так мирно. Ты — гений, сестренка.

— Я пытаюсь, — Мисаки улыбнулась.

— Моя бедная матушка растила девятерых в доме размером с эту комнату! — сказала Сецуко. — Конечно, она стала сдвинутой после стольких лет.

— О, как твоя матушка, Сецуко? — спросила Мисаки, повернувшись к ней. — Ты же к ней ходила пару недель назад? — Мисаки была так занята малышом и двумя старшими мальчиками, что не успела спросить, как прошел ее визит.

— Моя мама в порядке, — сказала Сецуко, — все еще удивительно здоровая, но она стареет. Как я сказала, ее разум немного сдвинут. Она убеждена, что ранганийцы нападут на нас из-за океана.

— Почему она так думает? — Хиори рассмеялась, но Мисаки замерла, крепче сжала иглу.

— Говорит, она это чувствует, — сказала Сецуко, — «интуиция старой рыбачки», как-то так. Она говорит, ветер фоньяка отличается по вкусу от обычного морского воздуха.

— Странные слова, — сказала Хиори.

— Мама Сецуко жила у океана девяносто лет, — отметила Мисаки. — Она была тут, когда ранганийцы пришли в прошлый раз. Может, она что-то знает, чего не знаем мы.

— Думаешь, моя чокнутая матушка права? — удивилась Сецуко.

— Если бы ранганийцы хотели напасть, этот район ощутил бы это первым, — сказала Мисаки. — И пострадал бы первым.

Полуостров Кусанаги тянулся далеко в Кайгенское море, закрывая путь к безопасным портам и пляжа архипелага. Те, кто вторгались в море, сначала плыли мимо полуострова и его обитателей.

— Но нам не стоит бояться Рангу, — отмахнулась Хиори. — Наши братья и мужья достаточно сильные, чтобы прогнать врагов. И, если бы серьезная угроза была от Ранги, правительство сказал бы нам.

— Возможно, — с сомнением сказала Мисаки.

— Что значит «возможно»?

— То есть... — Мисаки сделала паузу. — Я о том, что новости не обязательно правдивы.

— Что? — Хиори была потрясена, а Мисаки жалела, что заговорила.

— Мисаки-чан порой говорит нечто странное и зловещее, — Сецуко с упреком посмотрела на нее. — Не забивай этим милую голову.

Но Хиори глядела на Мисаки, не понимая.

— Ты... хочешь сказать, что правительство соврало бы нам?

Ответом было «да», конечно, но Мисаки не могла сказать это прямо. Так не говорили в Кайгене.

— Мисаки? — сказала Хиори, в ее милых глазах были боль и страх, и Мисаки пришлось предложить ответ. Она прикусила губу, тщательно подбирая слова:

— Я ходила в школу со многими джасели Яммы, — сказала она, наконец, — самопровозглашенными хранителями истории Яммы. Забавно, что эти джасели говорили, что, в зависимости от их семьи, региона и коро, которым они служили, они говорили разные истории. Порой они сидели друг рядом с другом и рассказывали об одном событии разные версии. Я говорила с одним из таких джасели. Спросила, как он может понять, что его история — правда, когда другой джасели рассказал мне иную историю и назвал ее правдой. Мне казалось, что один из них врал. Я ему это сказала.

— И что он сказал? — спросила Сецуко.

— Он сказал: «Есть миллион способов рассказать одну историю. Наша работа как джасели найти ту, которую нужно услышать народу. Не обязательно ту, что делает его самым счастливым или дает больше всего информации, но ту, которую им нужно услышать, чтобы сделать то, что нужно». Он сказал мне, что так джасели заботятся о коро и других.

— Хорошо, — Хиори растерялась. — При чем тут наше правительство?

— Думаю, так правительство Кайгена заботится о нас, — сказала Мисаки, — как джасели в Ямме заботится о своих коро, — конечно, в Ямме джасели могли сами решать, как им петь песни и рассказывать истории. Им правительство не выдавало одобренные сценарии, которые нужно озвучить, но Хиори не оценила бы такое обсуждение. — Наш император говорит нам то, что нам нужно слышать.

Судя по тому, как Хиори моргала, она не понимала.

— Думаешь, наше правительство право, говоря, что мы в безопасности? — спросила Сецуко. — Или ты думаешь, что моя старая мать что-то уловила?

— Я давно не была вне страны, — признала Мисаки, — но знаю, что фосьяки могут куда больше, чем верят многие кайгенцы.

— Правда? — Хиори не была удивлена. — Например?

— Когда ранганийцы отделились от Империи, военное дело было другим, — сказала Мисаки. — Армия империи Кайгена всегда основывалась на джиджаках, как мы, а фосьяк

учитывали позже.

— Это логично, — сказала Хиори. — Фоньяки — необученные простые жители. Джиджаки чище и сильнее.

— Не совсем, — сказала Мисаки. — Не всегда.

— О чем ты? — в голосе Хиори появилось раздражение. — Если бы фоньяки были так хороши, как мы, зачем империи было бы держать воинов только из джиджак?

— Потому что главные центры силы империи — Джунгсан, Широждима, Хайцзин — всегда были населены, в основном, джиджаками, — сказала Мисаки, забыв о шитье. — Успех Революции Ранги доказал, что большая сила фоньяк, даже не организованная, могла одолеть армию джиджак.

— Но они не одолели нас, — возмутилась Хиори. — Революция не преуспела.

— Что ж, — сказала Сецуко, — они раскололи империю пополам.

— Но они не превзошли наши армии — настаивала Хиори. — Как только они добрались до океана, мы прогнали их.

— Да, — Мисаки забыла, что этому учили в старшей школе в Кайгене, но ей не нужно было спорить с Хиори сейчас. — Ты права, но это часть моей точки зрения. Во время Келебы воины Ранги были не так хорошо организованы или обучены. Фоньяки никогда не работали вместе в таком количестве, так что они не создали военные формации, чтобы подавить наши или отряды Яммы, но Ранганийский Союз был суверенной силой уже семьдесят восемь лет. У них были десятки лет, чтобы понять, как действовать как боевая сила. Те группы фоньяк могут делать то, о чем никто не мечтал пятьдесят лет назад.

— Откуда ты все это знаешь? — просила Хиори.

— Тише, Хиори-чан, — прошептала заговорщически Сецуко. — Такеру-сама не любит, когда это упоминают, но Мисаки-чан долгое время жила вне Кайгена.

— Нет! — милые глаза Хиори расширились от шока.

— О, да, — сказала Сецуко. — Когда она была подростком, она училась в международной школе теонитов Карите.

— Карита! — глаза Хиори стали еще больше. — Так далеко!

— Да, — Сецуко радовал шок женщины, — и в той странной международной школе у Мисаки было много странных друзей, включая ее соседку, которая была... — Сецуко сделала паузу для драматического эффекта, а потом прошептал, — фоньяка из Ранги!

— Нет! — воскликнула Хиори, опустила вышивку, чтобы закрыть руками рот. — Мисаки-сан, там не было страшно?

— Нет, — Мисаки не отрывала взгляда от работы. — Ей было тринадцать. Думаю, она боялась меня больше, чем я ее — по крайней мере, пока мы не узнали друг друга.

— Но вы же не могли дружить? — тревожно сказала Хиори. — Она же рангийка!

Мисаки пожала плечами.

— Мы много спорили первые два года. Ее манеры мне не нравились... — но она не стала уточнять. Попытки объяснить школьные дни Хиори только навредят. Мисаки вообще считала, что не стоило говорить о Рассвете с кем-то, кроме Сецуко, и даже Сецуко не могла все понять. Человек мог не все понять, если всю жизнь пробыл на крохотном острове.

— И твоя соседка-фоньяка... она рассказала тебе о рангийском войске? — сказала Хиори.

— Немного, да, — сказала Мисаки. Конечно, у нее были другие друзья из Ранги, знакомые и профессора, но Хиори не нужно было это знать.

— Тогда она это выдумала, — сказала Хиори с невинной уверенностью, которая могла быть только от жизни в тумане национализма. — Все знают, что рангийцам нельзя доверять. Мисаки не ответила.

— И, — продолжила Хиори, — не важно, каким сильным стал Ранганийский Союз, потому что Кайген тоже теперь сильнее. В любых новостях видно, что наша армия больше, и наша экономика процветает.

Мисаки молчала, сосредоточилась на шитье. Она подозревала, что Кайген не испытывал экономический рай, как говорили репортеры по ТВ. Если так было, богатство не затронуло Широждиму. Рыбацкая деревня Сецуко страдала, и когда родители Мисаки навещали ее в последний раз, они сказали, что две самые большие фабрики возле Ишинамы закрылись, оставив тысячу человек без работы. Годы назад империя обещала временный магтрек между главными островами Широждимы, но проект не был завершен.

— Смешно думать, что Ранга — угроза для нас тут, — сказала Хиори. — Любой воин скажет, что у Кайгена самые сильные бойцы.

— Любой воин скажет, что даже сильные должны быть настороже, — буркнула Мисаки.

— Что ты сказала?

— Ничего, — Мисаки покачала головой. — Это не важно.

Пока Сецуко успокаивала Хиори смехом, Мисаки смотрела на синюю ткань на своих коленях, гадала, почему не подумала об этом раньше. Келеба стояла Кайгену самых важных сельскохозяйственных провинций, дешевой рабочей силы и многих главных торговых путей — ресурсы теперь принадлежали Ранганийскому Союзу.

Фоньяки в Рассвете могли делать то, о чем Мисаки не мечтала, и то было давно. Что армии Ранги делали еще пятнадцать лет? Кайген избежал полного развала в прошлую войну с Рангой, но справится ли Империя с новой атакой? Когда Мисаки отступила, чтобы посмотреть на все фигуры, было понятно, что Ранга была куда сильнее, чем во время Келебы, а Кайген был намного слабее.

Но тут, высоко в туманах Такаюби, где ничто не изменилось за тысячу лет, было просто поверить в фантазию о стабильном мире.

МАМОРУ

Класс пошел во дворе на обед, и Мамору догнал Квана.

— *Что это было?* — спросил он, поравнявшись с городским мальчиком.

— *Что было?*

— *На уроке истории. Почему ты смеялся?*

— *Я пытался сдержаться,* — сказал Кван, — *и я бы не назвал мусор, который произносил тот джасели, историей.*

— *О чем ты?* — потребовал Ицуки, он и Юта догнали их.

— *Хотя бы половина того, что он говорит вам, даже не правда,* — Кван посмотрел на трех парней Такаюби. — *Это пропаганда.*

— *Пропаганда?* — Мамору пару раз слышал это слово. Люди говорили, что пропаганду использовал Ранганийский Союз, чтобы обмануть необученных жителей, заставить их идти в бой. Это была тактика Ранги. Кайген не использовал пропаганду. Все это знали.

— *Фаллеке!* — выругался Кван. — *Вы в этой деревне верите во все это? Вы верите всему, что вам говорит правительство?*

— *А почему нет?* — бесхитростно спросил Ицуки.

— *Вы должны видеть, что тут происходит,* — голос Квана был почти умоляющим, он посмотрел на каждое лицо. — *Император использует вас.*

— *Мы рады служить нашему императору,* — страстно заявил Юта. — *Как он может использовать нас?*

— *Он может кормить вас ложью о Ранге, о ваших предках. Он может заставлять вас думать, что вы непобедимы, когда это не так.*

— *Мы — Меч Кайгена,* — яростно сказал Юта, — *защитники империи.*

Кван фыркнул.

— *Это красивое название пушечного мяса.*

Голос Мамору стал ледяным.

— *Что ты сказал?*

Кван напрягся, было ясно, что он ощутил ярость ньямы Мамору. Мамору смотрел, как глаза северянина двигались в нерешительности, а потом ощутил невольно восхищение, когда городской мальчик уперся ногами в землю и посмотрел ему в глаза.

— *Я сказал, что вы — пушечное мясо,* — голос Квана был ровным. — *Император даст вам любую выдуманную историю, чтобы вы остались и умерли за него. Вы можете считать себя великими воинами с благородной целью, но для столицы вы — фигуры в игре.*

Мамору глядел на Квана, щурясь. Океан кипел в его кулаках.

— *Забери свои слова.*

— *Не стану,* — упрямо сказал Кван. — *Я иду обедать,* — он зашагал прочь, но Мамору встал перед ним, преградил путь во двор.

— *Я сказал: забери слова.*

— *Думаешь напугать меня, Мацуда?* — Кван согнул пальцы, Мамору ощутил, как джийя мальчика замерцала, готовая к действиям. — *Плевать, как хорошо ты бьешься. Еще шаг, и я...*

Мамору шагнул вперед.

— *Что ты?*

Кван двигался быстро. Его апперкот с ледяными костяшками сработал бы против любого теонита, но Мамору был не любим. Он шагнул в сторону, повалил мгновенно новенького на землю. Кван рухнул на камни двора с приятным стуком, дыхание вылетело из его тела.

Оглушенный, северянин попытался втянуть пар в ладони для атаки, но джийя Мамору пробила его силу, забирая молекулы из его контроля. Он поднял Квана за воротник формы. Туман собрался и стал клинком льда на его свободной ладони, торчащего из костяшек у горла Квана. Это не был лед, рассекающий сталь, но это пронзило бы тело человека.

— *Ого!* — Мамору едва слышал тревожные голоса Ицуки и Юты за шумом гнева. — *Полегче, Мамору-кун! Убери острие клинка, пока не случилось беды!*

— *Ты — хороший боец,* — сказал Кван, все еще наглый, хоть у его горла был клинок, — *и твоя гордость деревушки милая, но все это основано на лжи.*

Мамору скрипнул зубами, его лед стал острее.

— *Мамору-кун, ты не хочешь его убивать!*

— *Ты прав,* — Мамору выдохнул, клинок стал водой. Он хотел ударить Квана по наглому лицу.

Так он и сделал.

Когда директор вошел во двор.

ГЛАВА 3: КРЫША

Мамору смотрел на свои колени, но ощущал, как его сверлил взгляд директора. Кван был на коленях на татами в кабинете рядом с ним, ткань была прижата к его лицу, чтобы остановить кровь, текущую из его носа. Удар ничего не сломал — Мамору совладал с собой — но северянин еще немного походит с кровью из носа.

— Кван Чоль-хи тут новичок, — сказал директор, опустил ручку и сцепил ладони на столе перед собой. — Он мог не быть обучен поведению в прошлой школе, но, Мамору, ты знаешь, что не так воины Такаюби решают разногласия.

Мамору сжал кулаки на коленях, костяшки правой ладони все еще болели, все внутри сжалось от стыда.

— Мне очень жаль, сэр, — сказал он своим коленям.

— Мне жаль, что ты не смог показать хороший пример переведенному ученику, — сказал директор, неодобрение в его голосе было невыносимым для Мамору. — Ты талантлив, Мамору, но талант — ничто без дисциплины. Ты не будешь полноценным Мацудой, если будешь позволять гордости подавлять твои принципы.

Давясь от стыда, Мамору смог лишь кивнуть.

— И Кван Чоль-хи, — директор повернулся к мальчику. — Я хочу уточнить, что такое поведение не терпят в этой школе или этой деревне. Сыновья обычных людей могут драться во дворах школ, но не воины. Мы решаем разногласия в бою. В следующий раз, когда вы с Мамору поссоритесь, несите это в боевой круг или держите в себе. Ясно?

— Да, сэр, — буркнул Кван, как мог с кровью, текущей из носа.

— В наказание вы оба останетесь после школы и уберете всю крышу без использования своих сил.

Сердце Мамору сжалось. Задача не была сложной, но он не хотел делать это с Кваном.

— Можете закрепить ноги льдом, — продолжил директор, — но убирать будете голыми руками. Кван, я свяжусь с твоим отцом и расскажу ему, что ты задержишься этим вечером. Мамору... — он долго смотрел на племянника и вздохнул. — Я скажу твоей матери, когда буду дома.

Стыд в груди Мамору стал физической болью. Ему пришлось стиснуть зубы, чтобы не выпалить: «Прошу не говорите ей!».

Он знал, что настоящий воин не должен переживать из-за мнений женщин, но Мамору не мог иначе. Он боялся разочарования матери больше, чем мрачного взгляда любого мужчины. Она была маленькой женщиной с милой улыбкой и тихим голосом, но в ее глазах был ум, который Мамору всегда тревожил. Порой она будто видела его насквозь, его бьющееся сердце и изъяны, пульсирующие в его венах.

— Теперь идите, — сказал директор, тряхнув рукавами и взяв ручку, чтобы продолжить работу. — Приведите себя в порядок и не опаздывайте на следующий урок.

Оба мальчика тихо сказали:

— Да, сэр, — поклонились и вышли.

— *Что он имел в виду, сказав, что передаст твоей маме дома?* — спросил Кван, когда они отошли от кабинета директора. — *Ты живешь с директором? погоди,* — глаза Квана расширились. — *Он — твой отец?*

Мамору смог издать жалкий звук и прижать ладонь к лицу.

— *Он — твой отец?* — повторил Кван.

Хуже.

— Он — мой дядя.

— Ого! — Кван рассмеялся, удивительно бодрый для побитого парня. — Все в этом месте родственники?

Мамору не ответил. Он сдавленно сказал:

— Идем в туалет, промоем твое лицо. У тебя кровь попала всюду.

— Технически, моя кровь всюду из-за тебя, — сказал Кван, но пошел за Мамору по скрипящему коридору к туалету. — Директор серьёзно говорил о вызове на поединок? Вы все еще так делаете?

— Как иначе решать разногласия?

— Не знаю. Разговором?

Мамору хотел указать, что Кван ударил первым, но это звучало бы по-детски, так что он парировал:

— Может, эта роскошь есть в городах. Тут мы придерживаемся убеждений.

Пока Кван умывался, Мамору расхаживал по коридору возле туалета. У него не было повода оставаться. Кван знал путь от туалета, и Мамору не успеет пообедать, если не поспешит. Но он не мог заставить себя уйти. Он не смог убрать чувство, что они не закончили.

Он слушал плеск воды в туалете — Кван смывал кровь с лица — его кровь кипела внутри. Его кулаки сжались, в костяшках пульсировал отголосок удара по лицу Квана. Гнев тоже был эхом, посылал рябь по его ньяме, он не мог это успокоить.

Когда Мамору не сдерживался, его отец любил винить в этом Каа-чан. Ее клан был гневным и пылким, рожденным из брызг моря и бушующих волн. Не самый сильный или умелый дом воинов Кайгена, Цусано завоевали свое имя на поле боя их духом и яростью. Говорили, сила истинного Цусано была переменчивой и разрушительной, как шторм.

Но Мамору не был Цусано. Он был Мацуда. А Мацуды были не з бурь. Они были льдом — холодные, расчетливые, непоколебимые. Он не должен был позволять эмоциям бушевать бурей в его душе.

«Ты — лед», — напомнил о себе, потирая большим пальцем костяшки, пытаюсь придумать, как Мацуда разобрался бы с Кваном. Зрелый воин извинился бы за то, что он сорвался. Как дядя Такаши сказал, воин так себя не вел.

Но дядя Такаши не знал, что говорил Кван перед тем, как Мамору уложил его на пол во дворе. Кван был предателем империи или опасно близко к этому. Если он просто врал, чтобы устроить конфликт, Мамору не должен был извиняться, он должен был отвести мальчишку на арену и научить его уважению. Но если Кван не врал... если он не врал... Мамору отклонился к стене, ощущая тошноту.

Его мысли кружили голову. Он все еще пытался решить, что делать, когда дверь открылась, и вышел Кван, стирая кровь с верхней губы.

— О, — сказал мягко Кван. — Ты еще тут?

Мамору вдохнул и открыл рот, надеясь, что подберет верные слова. Они не пришли. И он опустился на колени и опустил ладони на пол перед ним.

— Эм... что ты делаешь? — сказал осторожно Кван.

Мамору опустил лоб до пальцев.

— Кван-сан, — начал он. — Я...

— Я отказываюсь, — быстро сказал Кван.

— Что? — Мамору поднял голову.

— Если ты зовешь меня на дуэль, я отказываюсь или сдаюсь, как там у вас делают? Я видел тебя в классе меча, я не буду с тобой биться. Ты меня не заставишь.

— Что? Я делаю не это, — сказал Мамору, опустил голову на пол. — Я хотел извиниться. Я не должен был говорить тебе такое. Воин не должен так срываться. Я был неправ.

— Разве? — сказал Кван.

— Что?

— Ты — верный патриот. Ты такой, как все говорили тебе быть.

В голосе Квана было снисхождение, пальцы Мамору напряглись, хотелось сжать кулаки, но он пытался показать контроль, а не сорваться снова. Когда он не смог придумать, что сказать, он прижался сильнее лбом к костяшкам, переживая, что если посмотрит на Квана, он снова ударит его.

— Вставай, — Кван вздохнул через миг. Когда Мамору не пошевелился, он нетерпеливо добавил. — Пожалуйста. Я хочу кое-что тебе показать.

Кван вытащил из формы самый маленький прибор инфо-ком из всех, что видел Мамору. Прямоугольный экран был чуть больше его ладони.

— Ты взял это в школу? — сказал Мамору. Он не знал, было ли позволено иметь инфо-ком в Кумоно, но подозревал, что это было запрещено.

— Я беру это с собой всюду, — Кван ввел команду на гладком стеклянном приборе. — Это делаем мы, городские дети. Ну-ка... — он касался экрана, искал что-то. — Вот, — он показал самое четкое голографическое изображение на памяти Мамору, высокую обсидиановую статую посреди залитого солнцем двора.

— Что это? — спросил Мамору.

— Возле столицы Яммы огромный парк, наполненный памятниками в честь солдат, погибших в каждом бою Яммы. Пока мой папа работал в Колунджаре, я успел рассмотреть и нашел этот памятник.

Блестящее черное стекло было в форме военного самолета, а рядом с ним пилот из Яммы — женщина — держал шлем у бедра. Ее длинные косы были убраны назад, подбородок был поднят к солнцу.

Мамору слышал, что в армии Яммы и воздушной силе были женщины, но было странно видеть девушку в военной форме. Она не выглядела плохо, отметил Мамору, глядя на обсидиановую воительницу. Она выглядела сильной. Но это все еще было странно.

— Эта статуя — вся часть парка — посвящена ямманкам, которые погибли, сражаясь в Кайгене.

— Но ямманки не умерли в Кайгене, — растерянно сказал Мамору. — Хибики-сэнсей только что рассказывал об этом. Империя прогнала ранганийцев раньше, чем подкрепление из Яммы прибыло.

— Ну... — Кван ввел команду в инфо-коме, изображение приблизилось, стало видно буквы ямманинке у основания статуи.

— *Bundanu... bundanuttaanani sayara ka...* — Мамору звучал плохо, ведь у него было плохо с ямманинке.

— *Bundanuttaanani sayara ka dima Kaigenka kelejonyuni ye Kusanagi Gungille la to hakila da,* — Кван закончил и перевел для него. — В память воинам, которые отдали жизни, защищая союзников из Кайгена на полуострове Кусанаги.

Основание памятника было в талисманах Фаллея, такие члены семьи делали сами и

вешали на могилах любимых. Было ясно по фотографии, что реальные люди ходили к этому месту, скорбели и помнили... но как такое могло быть? Как? Хибики-сэнсей сказал, что ни один ямманка не умер в Широждиме. Ни один.

— *Я тоже был удивлен,* — Кван пристально разглядывал лицо Мамору. — *Я спросил об этом у джасели парка, и они сказали, что тут умерли четыреста солдат Яммы.*

— *Что?*

— *Многие были воздушной поддержкой. Самолеты тогда не были лучшими. Фоньяки срывали их с неба и обрушивали на отряды кайгенцев на земле.*

Школа пошатнулась, лишив Мамору равновесия, и ему пришлось прижать ладонь к стене, чтобы остаться на ногах. Он смутно осознавал, что не мог позволить Квану стоять там и говорить такое. Он должен был биться. Мацуда всегда стоял и бился, но Мамору еще не страдал так от удара ногой, кулаком или тренировочным мечом. А тут он был потрясен до глубины души.

— *Я тебе не верю,* — сказал он, хотя обсидиановый пилот смотрел на него с экрана Квана. — *Это не настоящее. Э-этого не может быть...*

— *Это не единственный мемориал,* — Кван открыл другую картинку. — *Этот в честь двух тысяч бойцов Яммы, которые умерли, помогая Кайгенской империи защитить Джунгсан и отогнать ранганийцев к нашей нынешней границе.*

Разреженный горный воздух обычно не беспокоил Мамору. Почему он вдруг ощутил себя так, словно в теле не осталось кислорода?

— Нет, — он мотал головой. — Нет, нет. Этого не может быть. Хибики-сэнсей говорит — все знают — что ранганийцы не дошли до Джунгсана. Э-это глупо.

— *Я тоже не хотел в это верить, но улики серьезные. Наша империя не пережила бы революцию Ранги без помощи Яммы. Ямманкам нет смысла врать об этом.*

— *Но они явно врут,* — настаивал Мамору. — *Точно врут. Если бы все это было правдой, если все эти ямманки бились тут, почему мы не знаем об этом? Почему Хибики-сэнсей не говорит нам?*

— *Он бывал вне Кайгена?* — спросил Кван.

— *Вряд ли,* — возможно, Хибики-сэнсей никогда не покидал провинцию Широждима. — *Но мой дед бился в том сражении. Старшие родственники многих побывали там. Почему они не говорят об этом?*

Когда он сказал это, Мамору понял, что ни разу не слышал о Келебе подробно. Его дед, Сусуму, когда был жив, говорил о войне размыто.

— *Может, правительство так им сказала,* — предположил Кван. — *Так бывает. Если император и хорош в чем-то, так это в цензуре.*

— *В этом нет смысла,* — Мамору боролся со странным головокружением, пытался привести мысли в порядок. — *Это Кайген. Мы — культура воинов. Император и его чиновники не стали бы относиться с неуважением к тысячам павших воинов, скрывая их смерти. Кайгенцы или нет, те солдаты бились и умерли тут. Как можно думать, что Кайген отнесся бы к этому с таким неуважением?*

— *Потому что Кайген — не культура воинов,* — нетерпеливо сказал Кван. — *Я знаю, ты думаешь, что это так. Вы в этой деревне цените старые обычаи. Но ты был хоть раз вне этой провинции?*

— Я... нет, — признал Мамору.

— *Потому ты и не знаешь,* — сказал Кван. — *Ты не мог бы, но остальная империя не*

поддерживала сто лет старые ценности воинов. Императору плевать, кто живет и умирает, и ему плевать на благородный бой. Ему важно, чтобы империя осталась целой под ним.

— Но... — Мамору растерялся. — *Но это не может... это не объясняет, почему правительство врет нам о Келебе.*

— *Объясняет,* — сказал Кван. — *Вы — Меч Кайгена. Вы — буфер между Рангой и восточными островами Империи. Императору нужно, чтобы вы считали себя непобедимыми. И ему нужно, чтобы остальная провинция верила, что полуостров Кусанаги сможет их защитить.*

— Зачем?

— *Чтобы вы не покинули остров, остались тут и рыбачили на берегах, занимались фермерством, чтобы питать нашу умирающую экономику, умирали, защищая его земли, а не перебирались в города, где и без того полно жителей, понимая, в каком состоянии империя, как все остальные.*

— Нет, нет, нет, — Мамору снова мотал головой. — Я тебе не верю, — он пятился от Квана, но слова северянина уже проникли в его разум, как яд. Он уже видел статуи Ямма. — Я тебе не верю.

— Мацуда-сан, — Кван потянулся к нему. — Все хорошо...

— Не трогай меня! — Мамору толкнул Квана. — Не подходи! — к его ужасу, Мамору понял, что его безупречно уверенные ладони задрожали.

— Мацуда-сан...

— Я сказал: прочь! — Мамору толкнул Квана так сильно, что тот врезался в дверь туалета. Он сделал пару неровных шагов и побежал по коридору. Он не знал, куда. Но подальше. Подальше от Квана.

«Ты — Мацуда, — пытался сказать себе он. — Ты — лед», — но море внутри бушевало и пенилось.

Пол пошатнулся, он врезался в стену. Он нашел под собой ноги, но весь мир будто кружился. Это не могло быть правдой — но и не могло быть ложью — но и не могло быть правдой, и Мамору не мог найти равновесие. Слова Квана сбили его мир с оси.

Мамору без цели блуждал, вышел из Кумоно. Ветер жалил его кожу, и перед глазами были песок в крови и падающие самолеты. Он впился в перила на уровне пояса, гора кружилась под ним. Туман, обычно знакомый, выглядел серо и жутко. Впервые за три года в шатающейся школе Мамору стошнило.

Желудок Мамору успокоился, когда он выплеснул почти все содержимое на склон горы. Он не понимал, что с ним случилось, и он решил не думать об этом. Не было ничего хорошего в том, чтобы снова ощущать ту позорную слабость ото лжи Квана. Это было ошибкой. Все это: бой, извинение, разговор с Кваном. Никто не видел, как Мамору тошнил по перил. Он мог это оставить позади.

Собрав воду из тумана, он ополоснул рот, прогнал головокружение и сделал вид, что это не происходило. Это не произошло. Он сделал себя льдом. Непокколебимым. Неподвижным. Ничто не могло его задеть.

Он не говорил с Кваном вторую половину дня, хотя они сидели рядом на уроках. Он даже не смотрел туда. Кван, может, переживая за свою безопасность, не давил, и Мамору успешно притворялся, что он не существовал, до конца уроков. Они встретились после занятий для уборки, и пришлось говорить.

— *Для чего это?* — спросил Кван, Мамору вышел из чулана с мотком веревки на плече.

— *Для тебя,* — холодно сказал Мамору, — *если не хочешь ходить по крыше без пояса безопасности.*

— *О.*

Не глядя в глаза мальчика, Мамору привязал конец веревки к поясу Квана.

— *Так я... ох!* — Кван охнул, когда Мамору затянул узел. — *Ай,* — он с упреком посмотрел на Мамору. — *Так я должен поверить, что ты не дашь мне упасть и разбиться?*

Мамору хмуро посмотрел на него.

— *Не будь идиотом. Если ты упадешь, упаду и я.*

Закрепив другой конец веревки на своем поясе, Мамору вытащил стремянку из чулана и махнул Квану следовать за ним к ближайшему открытому коридору. Мамору не нужна была лестница, чтобы забраться на крышу, но мягкий горожанин не разделял его ловкость. Ветер успокоился с дневной тренировки.

«Хорошо, — подумал Мамору. — Уборка пройдет быстро».

Кван не выглядел так уверенно.

— *Мы заберемся туда?* — спросил он, Мамору поставил стремянку у края крыши.

— *Да.*

— *И... ты уверен, что это не замысловатый план убить меня за измену?* — дрожь в голосе Квана намекала, что он лишь отчасти шутил, и Мамору посмотрел ему в глаза.

— *Если я убью тебя, то когда ты будешь с мечом в руке,* — он кивнул на стремянку. — *Полезай.*

Из всех дел в академии Кумоно уборка крыши была самой опасной. Дожди Такаюби обычно мыли глиняную черепицу, но в изогнутых частях крыши собирались земля, ветки и мертвые листья. Когда крыша становилась заметно грязной, ученики забирались и чистили ее.

Было просто почистить черепицу потоками воды, но дядя Такаши запретил им использовать джийя. Вместо этого Мамору и Квану придется убирать слои прутьев и грязи голыми руками и бросать за край крыши. Задача уже была трудной из-за неприятного напарника, но Кван еще и боялся высоты.

Когда он поднялся до вершины стремянки и забрался на крышу, он дрожал.

— *Я н-не могу...* — пролепетал он, стоя на четвереньках. — *Я не могу это сделать.*

Мамору ощутил прилив мстительного удовольствия, что наглый мальчишка из города так боялся, но подавил чувство, не дав ему выйти из-под контроля.

«Ты — лед. Он не задевает тебя».

— *Вставай,* — сказал он.

— *Не могу. Я упаду.*

— *Я сказал, что не дам тебе упасть,* — сказал Мамору. — *Я не вру. Вставай.*

— *Не могу!* — раздраженно отозвался Кван. — *Мышцы ног свело от безумного урока с мечами!*

Мамору мог сочувствовать. Он не мог сосчитать, сколько раз у него болели ноги от тренировок — зато у него мышцы стали стальными — но было сложно сочувствовать кому-то, ноющему из-за простого дела.

— *Просто терпи,* — сказал он. — *Скорее закончим, скорее пойдем домой.*

— *К-как ты можешь стоять, не падая?* — спросил Кван.

Справедливый вопрос. Склон крыши не был резко наклонен, но гладкая глиняная

черепица была скользкой. Даже теонит, рождённый на горе, как Мамору, не мог безопасно ходить по поверхности, а, кроме украшения из каменных драконов у широких балок крыши, держаться было не за что.

— *Нужно собрать воду под ногами,* — сказал Мамору, собирая туман и капли в жидкость под пятками своих таби. — *А потом заморозить, чтобы ты не скользил. Вот так,* — он махнул ладонью на свои ступни, заморозил воду в твердый лед, который закрепил его на черепице. — *Ты так можешь сделать?*

Кван кивнул с дрожью и стал собирать воду под пятками.

— *Хорошо,* — Мамору отвернулся от Квана, решив не думать дальше о северянине.

Мамору осторожно, но легко прошел по крыше, топил лед, когда нужно было двигаться, и замораживал воду, когда находил, где уцепиться. Если бы он выполнял работу один, закончил бы быстро. Но веревка постоянно заканчивалась, и он оглядывался, Кван далеко за ним пытался удержаться на ногах на поверхности под наклоном, собирая маленькие горсти мертвых листьев. Кван пару раз вскрикивал и чуть не падал с крыши в панике, когда Мамору менял положение.

— *Что?* — рявкнул Мамору, когда это повторилось в третий раз.

— *Ты... можешь говорить, когда будешь двигаться?* — сказал Кван, с трудом сохраняя голос ровным. — *Просто... чтобы я был уверен, что не упаду?*

— *Ладно,* — сказал Мамору, нетерпение стало пробивать его лед. — *Но поспеши. Если не закончим в этот час, потеряем свет.*

Солнце уже опускалось, и в темноте на крыше будет вдвое опасно. Но, несмотря на резкие слова Мамору, Кван не мог работать быстрее. Они не закончили, когда солнце стало красным и начало погружаться за море тумана.

— *Это невозможно!* — пожаловался Кван в сотый раз. — *Мы не можем просто использовать силы и закончить с этим?*

— *Нет,* — кратко сказал Мамору.

— *Почему? Директор не узнает.*

— *Он узнает,* — сказал Мамору.

— *Как?*

— *Он — Мацуда,* — сказал Мамору. — *Он узнает.*

— *Хотя бы незаметная капля джийя?* — не унимался Кван. — *Чтобы ускориться?*

— *Это было бы не честно,* — сказал Мамору.

Кван тихо фыркнул, Мамору уже ненавидел этот звук. Он хотел игнорировать это, но невольно повернулся к мальчику, напряженный.

— *Слушай, я не знаю, как это работает в вычурных местах, где ты побывал, но тут, в Такаюби, мы ценим честность. Мы не лжем себе на благо, когда хочется так сделать.*

Кван смотрел на Мамору с нечитаемым выражением лица, его лицо окрасило угасающее солнце. Без красного света он мог выглядеть почти печально.

— *Я был честен с тобой, Мацуда-сан.*

«Ты — лед, — напомнил себе Мамору и смотрел на Квана без эмоций. — Просто работай».

— *Слушай, ты должен понять...*

— *Я не буду обсуждать это с тобой,* — рявкнул Мамору. — *Я не хочу слушать отвратительную ложь, как и остальные в деревне не станут. Если хочешь блага для себя, ты перестанешь это распространять,* — Мамору хмуро посмотрел на Квана, ожидая

ответа, почти бросив вызов.

Может, у северянина кончились силы на споры, или он слишком боялся упасть, так что не стал злить якорь на другом конце веревки. Он не стал защищаться. Мамору не знал, почему, но это раздражало его больше всего.

«Что такое? — хотел спросить он. — Уже ничего не говоришь, когда учителя не могут тебя защитить?» — но он заставил себя отпустить гнев. Махнув рукой, он растопил лед, чтобы продвинуться дальше по крыше.

— *Погоди*, — возразил Кван. — *Я не готов...*

— *Плевать*, — сказал Мамору и повернулся к верхней балке на крыше храма. — *Шевелись*.

Кван, конечно, в этот момент оступился. Это случилось внезапно, потому что его вес дернул веревку так сильно, что Мамору сорвало с ног. Мамору мог бы вернуть равновесие, но падение ударило его голову об черепицу. Звезды вспыхнули перед его глазами, это стоило ему важных мгновений. Когда он пришел в себя, тело катилось к краю крыши.

Его ладони искали, за что ухватиться, ехали по глиняной черепице, по каменной голове дракона на углу крыши, а потом впились в нижнюю челюсть рычащего дракона.

Вес Квана натянул веревку, впились в живот Мамору, как тренировочный меч. Он скривился, каменные зубы впились в его пальцы, но он держался крепко. А вот Кван болтался в панике на другом конце веревки.

— *О, Фаллеке!* — охнул он, его испуганный голос разносился во тьме эхом. — *На-Ньяарэ! Мы умрем!*

— *Не двигайся!* — приказал Мамору.

Если бы Кван стал мертвым грузом, Мамору мог бы вытащить их обоих в безопасность. Но они оба едва держались, и каждый раз, когда Кван извивался, держаться становилось сложнее.

— *На помощь!* — завизжал Кван. — *Кто-нибудь!*

— *Тут никого*, — сказал Мамору. Все ушли домой час назад. — *Просто успокойся. Я подтяну нас.*

Мамору хватало сил, чтобы поднять их на крышу, но задача была деликатной. И если бы он попытался сделать это, пока Кван болтался, как огромная рыба на крючке, они бы сорвались. Хоть хватка Мамору на челюсти дракона не дрогнула, он едва сдерживал пыл, ведь Кван продолжал паниковать:

— *Я слишком юн, чтобы умирать! Я слишком юн!*

— *Умолкни!* — прорычал Мамору. — *Мы не умрем*, — но, едва слова вырвались из его рта, ужасная мысль ударила его: они свисали с восточного угла крыши, далеко от лестницы и озера Кумоно. Их не ждала вода, только неровные камни. — *Кван!* — воскликнул Мамору, не смог подавить ноту паники. — *Ради любви Нами, хватит двигаться!*

Если бы Мамору не был занят криком, он ощутил бы треск ломающегося камня под пальцами.

— *Только не отпускай!* — взмолился Кван.

— *Я не отпущу, но если ты не замрешь, я перережу веревку, и ты упадешь.*

Кван издал испуганный звук, но угроза возымела желанный эффект. Он застыл, и Мамору смог подвинуть пальцы, найти лучшую хватку между зубами дракона. Игнорируя скуление страха внизу, Мамору глубоко вдохнул, начал подтягиваться, его руки напрягались от дополнительного веса.

Он собрал воду и заморозил ее вокруг пальцев правой ладони, чтобы она удержалась, когда он потянулся к крыше левой. Убедившись, что рука удержится, Мамору тянулся левой... но поддалась не его железная хватка.

Челюсть дракона сломалась в его ладони.

— Нет! — Мамору потянулся к краю крыши, но тот был слишком далеко, пальцы соскользнули...

И оба мальчика полетели в туман.

ГЛАВА 4: ВОИН

Я тут не умру!

Мысль пронзила Мамору, он и его одноклассник падали в воздухе вдоль горы. *Я не умру тут!* И не из-за непривычной неловкости. Не из-за врущего чужака, из-за которого он сорвался.

Со скоростью Мацуды Мамору впился в туман вокруг него, превратил его в жидкость и направил щупальце воды вверх, чтобы уцепиться за ближайšie перила храма. Как только вода коснулась камня и дерева, Мамору начал ее замораживать, но он и Кван падали слишком быстро. Щупальце не успело замерзнуть, их вес дернул его. Лед разбился, и они стали падать снова, прочь от храма.

Мамору смутно понимал, что Кван кричал, но звук затерялся в реве ветра, пока он искал решение. Повернув тело в воздухе, Мамору нашел верёвку и потянул, чтобы Кван был ближе — он тут же пожалел об этом решении, когда и крики стали ближе, чуть не разбив его барабанные перепонки. Но так он мог защитить их обоих сразу.

Игнорируя визг Квана, «О, боги! О, БОГИ! А-а-а! А-А-А!», Мамору вытянул свои джйя, чтобы завладеть туманом вокруг. Впившись в спину формы Квана, он бросил всю воду под них. Если они рухнут на камни, он мог хотя бы уменьшить удар.

Тьма и пар проносились со всех сторон, мешая увидеть, куда они падали. Мамору закрыл глаза. Он ощущал брешь в тумане внизу, камень, покрытый каплями, приближался ужасно быстро, но он был быстрее. Толкнув джйя, он смог превратить массу тумана и капель в снег до того, как они с Кваном ударились об склон горы.

Подушка из снега смягчила столкновение, но гора все еще ударила по телу Мамору, выбивая воздух из его легких. Сжавшись в комок, он перекатился, упав, но они попали на отвесный склон, потому что он не вскочил ловко на ноги, а продолжил катиться. Камни били его по спине, плечам и голениям, конечности запутались с Кваном, два мальчика пролетели еще немного вместе, а потом они рухнули на утес.

Мамору вытянулся на спине, дрожа от шока, его скелет звенел от ударов об камень. Закрыв глаза, он оценил ущерб телу. Пострадавшие сосуды пульсировали под кожей, обещая синяки. Спина и колени были в царапинах, кровь выступила на порезах на предплечьях, но он будет в порядке. Он выжил.

— *Кван-сан?* — он открыл глаза. — *Ты в порядке?*

Ответ был приглушенным стоном. Другой мальчик был жив. Этого хватило, чтобы Мамору лег на спину на пару мгновений, чтобы совладать с дыханием. Ему не нужна была дрожь голоса и конечностей, когда он встанет. Как только он успокоил дыхание и биение сердца, он встал на четвереньки и огляделся. Они были на единственном выступе на отвесном склоне. Когда Мамору выглянул за край выступа, он увидел, как склон горы тянется во тьму.

— *Есть способ спуститься?* — робко спросил Кван.

Мамору не знал, как ответить, не вызвав больше паники.

— *Будет непросто,* — он даже не знал, на какой части горы они были. Повернувшись на узком выступе, он посмотрел на склон в поисках чего-то знакомого, но было сложно видеть в темнеющем тумане, и ничто не выглядело знакомо. Он мог рассеять туман своей джийей, но сомневался, что это поможет. Света было мало.

— *Мы тут умрем?* — спросил Кван.

— *Нет,* — Мамору старался звучать увереннее, чем чувствовал себя. — *В худшем случае, придется ждать до утра, чтобы в свете найти путь вниз, но мы должны попробовать сейчас, пока еще сумерки.*

— *Прости,* — сказал Кван. — *Вряд ли это возможно.*

— *Кван-сан,* — Мамору возмущенно развернулся. — *Я знаю, что ты боишься высоты, но... о, нет.*

Северянин сжимался в комок на камнях. Его левое предплечье было неправильно выгнуто, сломано.

— *Прости,* — Мамору пошел к Квану, который пострадал сильнее, чем он. — *Я должен был постараться лучше остановить падение.*

— *Думаю, ты и так постарался,* — сказал Кван сквозь зубы из-за ужасной боли. Он боялся двигаться. — *Мы живы. Я еще не видел, чтобы кто-то создал столько снега за раз. Я не знал, что яростные воины Кусанаги могли делать такие мягкие подушки из снега.*

— *Ты ранен где-то еще?* — спросил Мамору. — *Кровь течет?*

— *В-вряд ли,* — пролепетал Кван.

Ощувив течение крови, Мамору задрал штанину хакама Квана, стало видно глубокий порез, выпирающий камень снес часть его голени. Кровь свободно текла из раны, стекала по ноге и пачкала его странную обувь.

— *О!* — Кван запищал, как девчонка. — *Что? Как ты... Ньяарэ, это выглядит ужасно!*

— *Могло быть хуже,* — сказал Мамору. — *Но мы должны остановить кровотечение.*

Кван потянулся, чтобы прочистить рану, ладони дрожали, джийя дрожала еще сильнее. Мамору оттолкнул его руку.

— *Я это сделаю. Замри,* — махнув рукой, он собрал воду из воздуха и провел ею по ноге Квана, смывая кровь. Кван дёрнулся и вдохнул сквозь зубы, но смог не извиваться слишком сильно. — *Ощущения будут странные,* — предупредил Мамору, прижав ладонь к ране до того, как вытекло больше крови. Остановив кровь на месте с помощью джийя, Мамору начал вытягивать жидкость между молекулами железа и карбона, заставляя жидкость загустеть.

— *Что ты делаешь?* — осведомился Кван, явно ощущая покалывание и зуд, которые всегда сопровождали ускоренное исцеление.

— *Я создаю временную корку,* — ответил Мамору. — *Прошу, замри.*

Кван пялился, забыв в потрясении о боли.

— *Ты так можешь? Ты можешь управлять кровью?*

Мамору стиснул зубы, пытаясь сосредоточиться на работе.

— *Немного.*

— *Это редкая способность!*

— *Не в семье моей матери,* — ответил Мамору, не глядя на Квана. — *Она — Цусано.*

Каа-чан научила Мамору, как создать корку.

«Только в экстренных случаях, — строго сказала она. — Управление кровью — не игрушка, и Мацуде не стоит хвалиться таким на публике».

Мамору всегда было интересно, какими были все способности Каа-чан, но спрашивать было неприлично. Тетя Сецуко шепнула как-то раз, что его мама могла использовать Кровавую Иглу — технику рода Цусано, в которой джиджака прижимал палец к телу врага и замораживал каплю крови жертвы в иглу, тонкую и острую, способную пронзить главные кровеносные сосуды и впиться в точки давления. Веселая тетя Мамору могла шутить, чтобы напугать его, она любила это делать, а вокруг ходило много жутких историй об управлении кровью Цусано.

Были жуткие истории о джиджаках Цусано, которые так умело управляли кровью, что могли управлять жидкостью в телах других людей, используя их как кукол. В отличие от Шепчущего Клинка, Кровавые кукловоды Цусано были легендой. Живые Цусано не могли подтвердить их существование, но эти истории хорошо пугали детей.

— *Невероятно!* — выпалил Кван, когда Мамору убрал руки от пореза, показывая красную корку.

— *Не трогай ее,* — резко сказал Мамору, не дав Квану задеть его работу. — *Это не замена естественному заживлению. Не продержится под стрессом. И, если можешь... прошу, не упоминай это никому,* — в семье Мацуда такая способность не приветствовалась.

— *Почему?* — грубо спросил Кван.

— *Это не...* — Мамору опустил взгляд. — *У Мацуда не должно быть такой способности.*

По словам Тоу-самы, из-за управления кровью Мамору не мог овладеть Шепчущим Клинком. Когда настоящий Мацуда тянул воду из окружения, это было чистым. Мастер Мацуда создавал оружие, сжимая несколько миллиардов молекул воды в тонкий клинок силой ньямы, создавая лед, твердый, как металл, с краем шириной с одну молекулу. Мамору всегда умудрялся поймать в воду что-то еще — частички железа, грязь, соль, пузырьки воздуха — это ослабляло его лед, и он разбивался под давлением.

— *Просто не говори мальчикам в школе.*

Кван растерялся, но согласился.

— *Ладно. Не скажу.*

Сев на колени, Мамору окинул Квана взглядом. Сломанную руку нужно было вправить, пока его тело теонита не начало исцеляться, самодельная корка не продержится, и у Квана могли быть внутренние ушибы, которые должен был осмотреть целитель. Мамору вздохнул.

— *Это не может ждать до утра,* — решил он. — *Тогда луна.*

— *Что?*

— *Мы подождем, пока луна будет высоко. Она почти полная. Света должно хватить, чтобы мы спустились... или чтобы я спустил тебя с горы.*

— *Мы не можем вызвать скорую?* — спросил Кван.

От вопроса Мамору рассмеялся.

— *В Такаюби нет скорой. У нас даже мощеной дороги нет.*

— *Ладно, но больница должна быть, да?* — с тревогой сказал Кван. — *Где ближайшая больница?*

— *Монахи-медики живут в западной деревне.*

— *Не монахи-медики!* — прорычал Кван, его боль стала раздражением. — *Я про настоящую больницу с оборудованием, машинами и работниками.*

— *Слишком далеко,* — сказал Мамору, — *возле крепости Амено на Тацуйе.*

— *Где это вообще?*

— У основания другой горы.

Кван издал громкий стон.

— *Знаешь, сколько школ я посетил? Двенадцать, вроде. И знаешь, что? Это худший первый день в школе в моей жизни.*

— *Ты будешь в порядке,* — сказал Мамору. — *Я спущу нас.*

В голове он пытался продумать их положение на горе. Они упали с восточной стороны храма, значит, были на востоке от озера. Мамору не был раньше на этой части горы, тут не было троп, а отвесные камни мешали лазать даже искателям приключений. Склон так тянулся, что они катились бы до смерти, если бы не этот странный выступ, который, если подумать, не ощущался как камень. Слишком идеальный и ровный. Твердый и гладкий.

— *Что это такое?* — Кван озвучил мысли Мамору.

Кван рухнул всем телом на гладкую поверхность, но приподнялся на здоровой руке и провел ладонью по странной формации. Встав, Мамору отошел как можно дальше к краю и осмотрел форму. Выступ был темнее горы, как тень за Кваном. Плоский кусок торчал из тени как... плавник или крыло?

— *Это самолет!* — воскликнул Кван, когда и Мамору это понял. Улыбка озарила его лицо.

— О! — Мамору хлопнул в ладоши, кусочки встали на места его карты в голове. — *Я знаю, где мы!*

— *Что?*

— *Это обломки черного самолета,* — объяснил он. — *Они были тут вечно. Его видно с нижних ступеней, если смотреть на озеро, так что мы близко к воде,* — облегчение текло по Мамору. Спуск все-таки был возможным.

— О, — Кван перевел взгляд с Мамору на самолет, вонзенный в гору. — *Так он был тут давно?*

— *Да,* — Мамору вспомнил, как в первое ясное утро Юта указал на пятно темного металла в склоне на дальней стороне озера. — *Еще до того, как Кумоно стал школой,* — его отец и дядя упоминали, что видели самолет, когда взбирались по ступеням мальчиками.

— *Погоди... как он сюда попал?* — спросил Кван, щурясь в смятении.

— *Разбился во время военного упражнения, когда империя тренировала тут отряды,* — так сказал Хибики-сэнсей, когда спросил Юта. — *Правительство проверяло беспилотный тихий самолет. Этот был неисправен, двигатель сломался, и он врезался в необитаемый склон горы.*

— *Правда?* — Кван коснулся самолёта пальцами здоровой ладони, хмурясь. — *И когда это было?*

— *Во время Келебы,* — во время Великой Войны правительство могло направить военную технику в Широждиму.

Кван водил ладонью медленные круги по самолету, словно что-то искал.

— *Мацуда-сан...* — его голос стал тихим и сдавленным. — *Я не знаю, как тебе это сказать... Это не кайгенский самолет.*

— *Что?* — Мамору издал потрясенный смешок, но страх нашел в нем слабость. — *Конечно, это он! Откуда еще он может быть?*

Кван покачал головой, выглядя виновато, почти напугано.

— *Из Яммы.*

— *С чего ты это взял?* — Мамору не смог скрыть гнев в голосе. — *Зачем ты так*

говоришь?!

Теперь Кван боялся, но все равно объяснил:

— *Кайгенские самолеты из металла. Это не металл.*

— *Не смеши,* — Мамору пересек самолет в два гневных шага. — *Конечно, он из...* — но, когда его пальцы коснулись тела самолета, слова застрял в горле. Металл не бывал таким гладким. — *Ч-что это?*

— *Зилазенское стекло,* — сказал Кван.

— *Что?*

— *Зилазенское стекло,* — повторил Кван. — *Самый твердый обсидиан Яммы. Самый сильный материал в мире.*

— *Ты не ремесленник,* — рявкнул отчаянно Мамору. — *Как ты можешь это знать?*

— *Посмотри,* — Кван прижал ладонь к самолету и с болью встал, чтобы указать туда, где нос вонзился в гору. — *Самолет врезался тут и не сломался. Он вонзился в гору, но на нем ни одной трещины,* — Мамору видел, что Кван был прав. Самолет был гладким, словно был создан вчера. Даже чистейшая сталь Котецу не была такой прочной. — *Только зилазенское стекло так может.*

Мамору сжал кулак на теле самолета.

— *Нет,* — выдохнул он. — *Ты врешь,* — это был не самолет из Яммы. Не зилазенское стекло. — *Ты врешь,* — он это докажет.

Мамору прижал ладони к самолету, впился ногтями так, что они могли сломаться, а потом провел ими, пытаясь поцарапать непробиваемое стекло. Но даже ногти Мамору выгибались и ломались, он не смог оставить даже мелкой царапины на самолете. Поверхность была идеальной в сумерках, Мамору видел, как его лицо отражалось во тьме. Обеспокоенное. Обезумевшее. Лицо потерянного ребенка, не воина.

— *Я не вру,* — тихо сказал Кван. — *Ты мог бы ударить всеми мечами Кайгена по этому стеклу, но не поцарапал бы его.*

— *Молчи!* — прорычал Мамору, ненавидя страх в своем голосе.

Он мог заставить Квана заткнуться, как в школьном дворе. Он пробьет черное стекло и докажет, что он врал, и это закончится. Мамору отвел руку и ударил по боку самолета изо всех сил. Копье боли пронзило его руку, но он не дал этому остановить его. Он бил снова и снова, сыпал удары, которые оставили бы вмятины на любом металле. Ладони Мамору могли разбить камень и сталь, но сейчас ломались только кожа и сосуды на его костяшках.

— *Мацуда-сан, хватит! Стой!* — умолял Кван, хотя не хотел попасть под кулаки во второй раз и не приближался. — *Ты ломаешь руку! Говорю тебе, это самое прочное стекло в...*

— *Нет,* — прорычал Мамору сквозь зубы. — *Нет!*

Отведя кулак, он заморозил кровь и туман в самый твердый лед, какой мог создать, на костяшках и ударил снова. Лед разбился, послав шоковую волну боли по его ладони. Сияющий черный самолет не был даже поцарапан, но Мамору был разбит.

До этого слова Квана были просто выдумками и парой картинок. Это можно было подделать. Теперь кусок его истории был перед Мамору. Зилазенское стекло тверже его льда. Его нельзя было сломать. И он не мог с этим спорить.

— *Мацуда-сан,* — голос Квана звучал бы мягко, если бы слова не впивались в Мамору как ножи. — *Посмотри на это. Ты видел кайгенский самолет такой формы?*

Мамору не хотел его слышать, старался не слышать, но самолет был перед ним. И Кван

был прав, это не было похоже на самолеты, которые он видел в небе или на парадах по ТВ. Он не сразу понял, где видел этот тип самолета раньше: на обсидиановой статуе с гордой женщиной-пилотом рядом. Пилот...

Мамору отчаянно поднялся на накрененное крыло самолета.

— *Что ты делаешь?* — осведомился Кван, пытаясь тщетно оттянуть сильного мальчика здоровой рукой. — *Будь осторожен, Мацуда-сан! Ты не знаешь, насколько он стабилен!*

Хибики-сэнсей сказал, что черный самолет был частью армии Кайгена, беспилотником времен Келебы. Мамору мог проверить это. Если спереди не было места пилота, он мог игнорировать слова Квана. Он мог все это забыть. Он мог...

Надежда умерла, он добрался до вершины самолета и нашел приподнятую кабину перед собой. Пока тело самолета было черным, как остывшие угли, кабина была из прозрачного стекла, такого ясного, словно его отполировали день назад. Мамору должен был там остановиться. Он не должен был подбираться и заглядывать сквозь стекло.

Но он смотрел, и его тело застыло. Кровь покинула его щеки, они стали бледными, как лицо перед ним — если это можно было назвать лицом. От пилота остался череп, лежащий криво на белых костях. Обрывки ткани на грудной клетке воина уже нельзя было опознать как военную форму. Кожа, темная или светлая, давно сгнила на костях.

Мамору должен был отпрянуть от останков человека, но он застыл, глядя в пустые глазницы пилота, где раньше были внимательные глаза.

— *Мацуда-сан? Что такое?* — Кван тоже попытался подобраться к кабине, но Мамору покачал головой. Выражение его лица, видимо, все сказало, потому что Кван замер. — *Так плохо?* — тихо спросил он.

— *Просто... не смотри,* — сказал Мамору, хотя он не мог отвести взгляд от скелета. — *Не смотри.*

Пилоты были молодежью с острым взглядом и быстрыми рефлексами, умело направляли машину на огромной скорости, смело бились высоко над морем или твердой землей. И этого юного бойца оставили гнить тут, без могилы, без памятника, никто его не помнил. Ветер и дождь умывали его лицо, кожу и форму, стерли все намеки на то, кто это был и за кого сражался.

Мамору смотрел в глазницы и гадал, были ли у пилота черные глаза, как у него. Его лицо выглядело так же без кожи? Гора так же легко его сотрет?

Он прижал ладонь к стеклу кабины, пальцы скользнули вниз, нащупали резьбу на стекле. Мамору обратил внимание на силуэты под пальцами, увидел, что кабина была покрыта символами силы и защиты Фаллеи. Среди символов буквами ямманинке были запечатлены слова.

— *N... nyata du-gu la,* — медленно прочел Мамору. — *N'nyata ga-na la,* — он повернулся к Квану, не мог убрать дрожь из голоса. — *Что это значит?*

— *N'nyata digu la. N'nyata gana la?* — повторил Кван с мелодичностью носителя языка. — *Моя ньяма для моей страны. Моя ньяма за моего короля.*

Сила покинула тело Мамору. Он невольно сжался почти в поклоне от боли. Его лоб стукнулся об кабину. Десятки лет этот самолет торчал в горе, но Мамору ощущал, как это рушит все, что он знал, кусочки разлетались на ветру.

Не важно, был то скелет мужчины или женщины, кайгенского пилота или из Яммы. Воин умер тут, и Хибики-сэнсей врал об этом. Вся деревня врала об этом.

Ньяма Мамору кипела не от гнева, не обидой. Это была растерянность. Сила его

разваливающегося мира заставляла туман бушевать. Капли летали, скользили по камням.

— Мацуда? — сказал Кван, кровь поднялась с его кожи, ее втянуло в вихрь джийи Мамору. Он выглядел нервно, пока буря Мамору не потянула за кровь в его открытых ранах. — Ай! Эй!

Крик боли вырвал Мамору из смятения.

Он вскинул голову. Вопль вернул горе четкий вид. Он пару раз глубоко вдохнул и смог совладать со своей джийей. Он еще не был стабильным льдом, но смог отпустить воду вокруг себя, включая кровь Квана.

— *Ай...* — повторил Кван, глядя со смесью удивления и ужаса, как его кровь опускалась на его кожу вязким месивом. Рана на голени снова кровоточила, хуже, чем раньше.

— *Прости,* — выдохнул Мамору, качая головой. — *Прости. Я это исправлю.*

Он с трудом спустился по самолету и сел на колени, чтобы обработать ногу Квана. Он пытался успокоить свою джийя, восстанавливая корку. Но контроль покинул его, сила не давалась.

— *Ай!* — Кван отдернул ногу, когда Мамору в третий раз попытался восстановить корку, но кровь потекла хуже.

— *Прости,* — повторил Мамору слабым голосом, который звучал как чужой. — *Прости.*

— *Все хорошо,* — сказал Кван, но прижал ладонь к ране, без слов отказываясь от помощи Мамору. — *Я просто отрежу кусок рукава и перевяжу ее.*

Мамору кивнул и попытался рассмеяться.

— *Я не так хорош с кровью, как думал.*

— *Это меня устраивает,* — Кван сдавленно улыбнулся. — *Я не хочу проснуться однажды как твоя кукла.*

— *Это не...* — Мамору покачал головой, едва слышал слова Квана. — *Кровавых кукловодов нет. Это просто миф.*

— *Ну... я думал, все слухи о воинах Широждима были мифами, но вы, люди на острове, куда сильнее, чем я думал,* — Кван сжал губы и странно смотрел на Мамору — смесь вины и жалости, от которых Мамору почти тошнило. — *Может, в словах твоего учителя истории было немного правды. Может...*

— *Не надо,* — прошептал Мамору.

— *Что?*

— *Просто не надо...* — голос был сдавленным. — *Не говори со мной,* — он мог потерять снова хватку на джийе. Он с трудом отвернулся от Квана и стеклянной кабины. — *Я буду медитировать.*

Он мог думать только о таком.

Усталость помогла. Мамору часто медитировал лучше, когда устал, почти спал, когда весь мир пропадал, кроме воды вокруг него. Мамору сосредоточился, и Кван пропал. Самолет и пилот исчезли. Камень пропал. Осталась только чистая вода, ясная, как дневной свет, чистая, как отполированная сталь. Глубоко в трансе, Мамору мог ощущать силуэт горы, покрытый каплями воды.

Он следовал за туманом и каплями, нежно спускался, пока не ощутил рябь воды — озера Кумоно. Его вес помог Мамору дышать медленно, мышцы расслабились. Он опустился в объятия озера и лежал там долго, вода кружилась. Когда пришло время, и притяжение потянуло его к самому большому ручью, текущему из озера, он скользнул туда.

Ручей принес его вниз по горе, по траве в росе к западной деревне, пока не коснулся пальцами камней возле храма, став множеством ручьев, и все текли, пока не встречались с соленым весом океана — первобытной силой, которая родила Кайген, дала жизнь. Тут даже быстрые горные ручьи становились частью вечности. Это было правдой, которая не умирала. Он был дома.

В глубинах он ощутил, как поднялась луна. Зеркало Нами манило, и он тоже поднялся, и рыбацкие лодки поднялись. Пруды наполнились до берегов, серебряные, как чешуя дракона, под полной луной, маленькие зеркала, отвечающие ей.

Он открыл глаза, зная, что увидит — зеркало Нами высоко в небе, сияющее чистым светом, который пронизывал миры прошлого и настоящего. Выдохнув, он стал Мамору снова, но был больше. Целее.

— *Пруды полные*, — сказал он без эмоций. — *Пора.*

— *Что?* — Кван стал вставать с места, где он дремал на самолете. — *Что пора?*

Мамору кивнул на небо.

— *Это весь свет луны. Не переживай. Нам недалеко идти.*

— *Куда идти?* — буркнул сонно Кван.

— *Озеро Кумоно. Оно в десяти баундах ниже.*

— *Уверен?* — спросил Кван. — *Десять баундов — долгий путь, чтобы ощущать четко.*

Все еще ощущая воду вокруг себя, Мамору невольно улыбнулся.

— *Не для меня.*

— *Ладно. Но, клянусь Ньяарэ, если внизу больше камней, и мы прыгнем, мой призрак будет мучить тебя до конца Лааксары.*

— *Мы не будем прыгать*, — Мамору не признался, но не думал, что ему хватит нерва для падения о тьме, даже если он четко ощущал воду внизу. — *Ты будешь на моей спине, а я спущусь.*

— *Вряд ли я удержусь одной рукой.*

— *Хорошо, что у нас есть веревка.*

Мамору еще не пытался двигаться по склону, но его мать говорила, что было просто двигаться с помощью льда, если джийя была сильной, и ее верно направляли физическими движениями. Как домохозяйка, как Каа-чан, знала, как лазать по стенам, Мамору не понимал, но она была права. Вспомнив ее указания, он создал диск воды вокруг каждой ладони и превратил воду в лед, приморозил ладони к камню. Чтобы спуститься, нужно было растопить лед под одной ладонью достаточно, чтобы подвинуть ее, приморозить и повторить процесс с другой рукой.

Слабый джиджака рисковал бы тем, что лед отломился бы от плоской поверхности, но джийя Мамору была достаточно сильной, чтобы закрепить его на горе, даже с нервным Кваном, привязанным к его спине. Ладонь за ладонью, он опускал себя и товарища по склону горы.

Туман сгущался вблизи озера, тянулся от поверхности воды, обвивал их и скрывал свет луны. Видимость ухудшалась, пока они спускались, и Мамору полагался на свою джийю, чтобы найти путь к воде.

— *Ладно, что теперь?* — спросил Кван, ощутив озеро под ними. — *Я не знаю, смогу ли далеко плыть с одной рукой.*

— *И не нужно будет*, — Мамору уже замораживал воду озера под ними, создавая широкую форму.

Когда он опустил их в озеро, их ноги коснулись дна лодки из крепкого льда.

— О, — удивленно сказал Кван и одобрительно посмотрел на лодку. — *Молодец, Мацуда-сан. Я бы делал такую хорошую лодку целый гбаати.*

— *Садись,* — Мамору опустился на колени. Лодка не была с идеальным балансом, она могла перевернуться, если кто-то из них будет двигаться слишком много.

— *Ладно,* — Кван робко устроил поврежденное тело, сев напротив Мамору. — *Помочь тебе...*

— *Нет,* — сказал Мамору и взмахом руки направил лодку. Она быстро рассекала поверхность озера. — *Ты не знаешь, куда мы плывем.*

Люди шептали, что озаренный луной туман на озере был призраками из следующего мира, шагающими серебряной поступью по поверхности воды. Мамору не боялся их. Люди, которые жили и умерли тут в прошлом, были Мацуда и Юкино. Они были семьей.

Этой ночью впервые они казались чужаками.

Он впервые посмотрел на завитки прошлого, гадая, чем они были. Это были предки, которых он всегда представлял, или что-то другое? Они вели сражения, о которых забыл мир? Их кровь запятнала эти воды, а потом была унесена в море? Если так, им точно не нравилось, что живые так легко смыли память об их жертве, как кровь стерлась с берега.

Монахи Рюхон говорили, что духи оставались привязанными к Королевству Дюны не по своей воле, пойманные горечью, сожалением или просто обидой. Гнев серебряными щупальцами окружал Мамору? Они презирали его за его неведение? Они были оскорблены, что он не знал об их жертве? Или их злили его предательские мысли?

Может, Кван как-то обманул его. Лжец заставил его сомневаться в семье, империи и всем, чему его научили. Теперь его уязвленные предки вышли, кипя, из Лааксары, чтобы утащить его. Тени колебались в тумане, Мамору прижался ближе к Квану.

— *Что такое?* — спросил другой мальчик, не замечая потустороннее присутствие.

— *Ничего,* — Мамору поднял ладонь, рассеивая туман перед лодкой, отгоняя призрачные лица, ждущие во тьме впереди. — *Ничего.*

Мамору смог сохранить спокойствие на озере, но выдохнул с облегчением, когда лодка стукнулась об берег, и они сошли на землю. Его плечи напряглись, Мамору понял, что боялся оглянуться на озеро.

— *Ты точно в порядке?* — спросил Кван, глядя на лицо Мамору в тусклом свете.

— *Конечно, я в порядке,* — сказал Мамору, стараясь звучать холодно. — *Это ты с переломом. Идем,* — он сжал здоровую руку Квана обеими ладонями. — *Будь близко. Я знаю путь, но он неровный. Я не хочу, чтобы ты упал и сломал большие кости.*

Это было логичным оправданием, но в этот момент Мамору нужно было держаться за что-то живое.

ГЛАВА 5: ЗАКАЛКА

Мамору не знал путь вокруг этой части горы, как было со ступенями, но он намеренно направил их лодку к берегу, где ручей тянулся из озера Кумоно. Он знал, что если они пойдут вдоль воды, не падая, это приведет их к помощи. Квакали лягушки, капли росы задевали их лодыжки, пока они брели в траве вдоль ручья. Светлячки вдоль берега не помогали озарить путь, но капли росы и текущая вода помогали Мамору искать путь без зренья.

— *Далеко еще?* — спросил Кван, и Мамору слышал усталость в его голосе.

— *Мы почти там. Смотри,* — он указал на гору, где оранжевое сияние появилось над

каменной грядой.

— *Что это?*

— *Огонь печи,* — сказал Мамору, позволяя себе улыбнуться. — *Мы дошли до деревни нуму.*

— *Что?*

— *Деревня нуму. Тут живут кузнецы мечей.*

— *Туда ты меня ведешь?* — сказал Кван, его глаза были широкими и испуганными в свете огня.

— *Они — умелые целители,* — сказал Мамору. — *Лучшие в это время ночи. Они будут знать, что делать с твоей рукой.*

На карте Кайгена народ горы Такаюби был собран в одну деревню Такаюби, но на самом деле на горе были четыре деревни, каждую населяли разные типы людей.

Нижнее из поселений было рыбацкой деревней у основания горы, где родилась тетя Сецуко. На середине горы среди хвойных лесов стояла западная деревня, где были семья коро, переехавшие в Такаюби за годы, надеясь на тренировки с великими Мацуда и Юкино.

Деревня Мамору была высоко на горе, почти у облаков. Старая деревня была причиной, по которой существовали другие, дом Мацуда и Юкино правил этой горой тысячу лет. Деревня нуму была недалеко от старой деревни, устроилась среди камней, сияя даже в самые холодные ночи.

Кван все еще смотрел на огонь, словно он мог прыгнуть и укусить его, но деревня нуму была как второй дом для Мамору. Отец посылал его сюда на несколько месяцев каждый год, чтобы учиться у кузнецов меча Котецу. Во всем Кайгене считалось нетипичным — даже неммыслимым — для коро учиться искусству нуму, но Мацуда имели особые отношения с их соседями Котецу.

В эти дни общество нуму Такаюби было не деревней, а скоплением домов у ручья Кумоно. Мамору повел Квана по главной тропе к свету огня, их встретили звук молотов, звенящий, как колокола, выбивающий нечисть из металла. Пока гора спала, кузнецы работали в прохладе ночи, когда жар печей было проще терпеть.

— *Я не думал, что такие деревни нуму вообще существовали,* — сказал Кван, воздух теплел вокруг них. — *Разве машины не делают сейчас работу за них?*

— *Если бы были машины, способные улучшить их работу, это они и использовали бы,* — сказал Мамору. — *Семья Котецу — лучшие кузнецы мечей в мире.*

— *Если их мечи лучшие в мире, почему они еще тут?* — спросил с вызовом Кван. — *Почему они не получают работу, вооружая воинов Кайгена?*

— *Некоторые получают,* — сказал Мамору. Во время его деда деревня Котецу была вдвое больше. — *Многие кузнецы Такаюби переехали на север в города, чтобы работать, но лучшие остались тут.*

— *И они этим зарабатывают на жизнь?* — поразился Кван. — *Сколько мечей можно сделать за месяц работы у печи?*

— *Три,* — сказал Мамору, — *когда они спешат.*

— *Что?* — сказал Кван. — *Всего три? И они делают только это? Кто это спонсирует?*

— *Мы,* — сказал Мамору. — *Они все еще тут, потому что военные не могут их позволить. А мы платим им достойно.*

Если честно, семья Мацуда сейчас не могла отплатить Котецу по достоинству.

Последние два месяца учебы Мамору у кузнецов были не только тренировкой, но и оплатой за последний заказ семьи Мацуда.

— Любой из этих мечей может стоять как дом, — семья Юкино продала один из старых замков, чтобы оплатить последние несколько заказанных мечей.

Когда Мамору и Кван дошли до широкой вытоптанной тропы, пересекающей деревню. Пока гора спала в прохладном свете луны, поселение нуму было живым, сияло желтыми огнями. Огонь тут никогда не угасал. В любое время ночи кто-то работал.

Кван медлил, и Мамору пришлось его уговаривать пройти по главной тропе. Его реакция была обычной. Многие коро боялись огненного царства нуму, но Мамору ходил тут достаточно раз, чтобы уже не бояться жара.

Но он ощутил волну покалывающего стыда, охватившую его, как огонь. За все месяцы тренировки он не смог направить искусство стали в лед. Звук молотков усилился, каждый удар напоминал Мамору его попытки создать клинок, его изъяны.

Они зашли не так далеко, когда Мамору заметил фигуру в свете огня — сын главного кузнеца, несущий охапку хвороста.

— Ацуши! — позвал Мамору друга.

Нуму замер, поднял голову и улыбнулся.

— Мамо... Мацуда-доно! — исправился он, вспомнив о манерах.

Когда они были детьми, они звали друг друга по имени, но теперь они были юношами, и Ацуши нужно было обращаться к сыну дома покровителей с должным уважением. Он теребил груз мгновение, а потом опустил хворост на землю и низко поклонился.

— Приветствую... прости, мы тебя не ждали, — он взглянул на Мамору. — Ч-что ты тут делаешь?

— Прости, что беспокою тебя и твою семью, — сказал Мамору. — Тут такое дело...

— Ты ранен! — воскликнул Ацуши, увидев кровь на костяшках Мамору.

— Я в порядке, — быстро сказал Мамору, — но моему однокласснику нужно исцеление. Прости, что прошу...

— Я немедленно позову отца, — Ацуши убежал к дому раньше, чем Мамору смог отблагодарить его, забыв на земле хворост.

— Кто это был? — спросил Кван.

— Котецу Ацуши — сын главного кузнеца, — Мамору склонился и собрал хворост, который Ацуши выронил. — Я учился с ним с нашей юности.

— Ты... что?

Мамору не успел объяснить, женщина выглянула из дома и крикнула:

— Мамору-доно, глупый мальчик, брось это!

— Это не проблема, Котецу-сан, — сказал Мамору. — Я могу...

— Не глупи! — воскликнула жена кузнеца. — Мой сын это заберет. Заходите с другом.

— А это кто был? — спросил Кван, когда Мамору послушался женщину и донес до крыльца охапку хвороста.

— Мама Ацуши, — Мамору опустил хворост. — Котецу Тамами.

— Она тоже кузнец?

— Нет, нет, — Мамору рассмеялся. Женщины не трогали мечи и не ковали их. — Она делает украшения для волос.

Когда Мамору и Кван вошли в дом, Тамами была у плиты, а пожилая мать ее мужа, Чизуэ, дремала в кресле неподалеку. Маленьких Хотару, Наоко и Киоко, чьи крики и смех

обычно встречали Мамору, не было видно, наверное, они были в кровати.

Улицы и строения деревни нуму со стороны казались грязными, но внутри скромный дом Котецу был всегда безупречным. Мамору только закончил представлять Квана Котецу Тамами и благодарить ее, когда кузнец прошёл в заднюю дверь, вытирая о тряпку руки в саже.

Котецу Каташи был горой. Его руки были в твердых мышцах, а плечи заполняли дверной проем. Он выглядел грозно, когда взмахивал молотком, глаза были яростными от сосредоточенности. Но вдали от печи он был с теплым голосом и мягкой улыбкой, которая могла успокоить даже тревожных людей. Эта улыбка встретила Мамору сейчас, широкая и яркая за пятнами сажи.

— Котецу Кама, добрый вечер, — поприветствовал Мамору своего учителя. — Мне так жаль! Я не хотел прерывать вашу работу.

— Ах, ничего, маленький Мацуда, — отмахнулся Котецу. — Ацуши-кун может немного приглядеть за огнем. Я умоюсь и осмотрю твоего друга. А пока устраивайтесь на кухне. Моя жена подаст чай и еду через минуту.

— Котецу Кама, прошу, это не обязательно, — возразил Мамору. — Мы не хотим мешать...

— Чувшь, Мамору-доно. Ты не мешаешь. Это твой дом, не только наш.

— Нам не нужна еда...

— И что я скажу Мацуде Такеру-доно? Что я отослал его раненого сына с пустым желудком? Ты останешься на ужин, — решительно сказал Котецу, заткнув Мамору.

— Спасибо, Котецу Кама, — сказал он с поклоном.

Кван тоже поклонился и шепнул:

— Спасибо.

Когда кузнец ушел, Кван удивленно повернулся к Мамору.

— *Ты зовешь его Кама?* — тихо сказал он. Мамору мог понять его смятение, обычно так слуги или ученики обращались к хозяину. Так кайгенский коро не обращался к нуму в саже. — *Я думал, ты был из высокого дома воинов.*

— *Так и есть,* — сказал Мамору. — *Потому я уважаю его.*

— *Я не... что это значит?* — шепнул Кван, следуя за Мамору на кухню Котецу.

— *У моей семьи особые отношения с Котецу. Ты не поймешь...*

— Конечно, мальчик не понимает, — проскрипел нетерпеливый голос, и Мамору вздрогнул и понял, что это была мать Котецу. Он не знал, что морщинистая старушка проснулась. — Как он может понять? Он чужеземец, — сутулая женщина склонилась, щуря мутные глаза. — Я уже не вижу, но знаю каждую искру ньямы на этой горе. *И ты, мальчик, тут не родился. Ты прибыл из далекого места, да?*

Кван мог лишь глазеть, раскрыв рот, на старую нуму.

— *Что не так, мальчик?* — рывкнула мать Котецу. — *Я думала, у тебя сломана рука, а не язык.*

— *П-простите, нумуба,* — пролепетал Кван.

— *Нумуба?* — бабуля Котецу рассмеялась от обращения Яммы. — *Он говорит так, будто он издалека. Мацуда-кун, — глаза женщины не двигались, но она тепло склонила голову в сторону Мацуды. — Горожанин, как он, не может понять наши обычаи, как бы ты ни пытался объяснить. Мы для него — диковинка. Миф. Глупая фантазия из далекого прошлого.*

— *Я не говорил...*

— *Прошу, присядь, Кван-сан,* — тепло сказала Тамами. — Мамору-доно, и ты тоже. Выпей чаю.

Она налила им горячий чай и поспешила поставить еду на стол. Мамору втянул немного воды из воздуха и пытался не кривиться, чистя ею ладони. Костяшки все еще кровоточили, хоть он покрыл их корками. Вода жгла. Он ощущал на себе взгляд Квана, пока он возвращал воду в воздух, и старался смотреть вниз.

— Наш коро обеспокоен, — буркнула бабуля Котецу, казалось, себе. — Его джийя кипит и топит его.

Мамору сделал вид, что не слышал, и сделал глоток чая. Горечь должна была взбодрить его, но вместо этого жар проник в кости, топил его, как лед над огнем.

— Теперь, — сказал Котецу-сан, выйдя из комнаты. — *Простите, забыл представиться,* — он повернулся к Квану с поклоном. — *Я — нуму Котецу Каташи.*

— *Я — Кван Чоль-хи,* — Кван поспешил встать и поклониться. — *Рад знакомству...*

— *Присядь,* — Котецу рассмеялся, опустил ладонь на плечо Квана, чтобы опустить его. — *Ты выглядишь плохо. Не нужно напрягаться. Давай осмотрим твою руку.*

— У него еще и нога ранена, — сказал Мамору. — Я пытался сделать корку, но...

— Тише, Мацуда-кун, — сказала хрипло бабуля Котецу. — Пусть нуму делает свою работу.

— Да, мэм. Простите.

— Вот, — Тамами наполнила миску рисом и протянула Мамору. — Поешь.

— Спасибо, — Мамору тянулся за миской, но свет упал на его ладони. Женщина заметила его окровавленные костяшки и лицо, не скрыла тревоги.

— Мамору-доно... что вы с твоим одноклассником делали?

— Я... — начал Мамору, но не успел закончить, бабуля Котецу перебила, с упреком цокнув языком.

— Оставь дела коро им, — сказала она невестке. — Если парни немного в крови, это их дело, не наше.

— Конечно, — сказала робко Тамами, но тревога не покинула ее лицо. — Простите.

— И... — Мамору быстро искал другую тему разговора. — Малыши в порядке? — он кивнул на комнату вдаль, где, скорее всего, спали младшие дети Котецу.

— Да, — сказала Тамами с улыбкой. — Тебе придется прийти как-то позже, когда они не будут спать. Они всегда рады тебя видеть.

Котецу Кама на другом конце комнаты стал накладывать шину на руку Квана.

— *Расслабься,* — прогудел кузнец. — *Я знаю, что горожанин, как ты, наверное, привык к ярко освещенным больницам с оборудованием, но тебе нечего бояться. Я знаю, что делаю.*

Кван сглотнул и кивнул.

— *Как мальчик, как ты, оказался в нашей деревушке?*

— *Мой отец работает на...* ай! — Кван скривился. — *Простите. Мой отец работает на Геомиджул.*

— *Где?*

— *Геомиджул. Это компания, которая занимается технологиями инфо-ком.*

— *Так он — путешествующий торговец электроникой?*

— *Не совсем. Его работа — устанавливать нужную инфраструктуру для приборов*

инфо-ком. Думаю, кто-то в этом районе согласился оплатить установку башен-спутников тут, так что у вас будет лучше связь на инфо-комах. Он тут, чтобы проследить за этим.

— Твой отец знает, что тут почти ни у кого нет инфо-кома? — спросил Котецу.

— Компания надеется, что они будут лучше продаваться, когда заработают башни.

Их цель — установить достаточно башен за три года, чтобы связь инфо-комов была доступна в любом месте в Кайгене. Я знаю, что мой папа говорил о том, что попросит местных мастеров о помощи. Он еще не успел многого сделать, но, наверное, придет сюда в поисках работников. Уверен, создание больших металлических башен — не ваша специальность, так что, если вы не хотите это делать, я ему передам...

— Наоборот. Звучит чудесно. Я отправлю своего сына, Ацуши.

— Что? Правда?

— О, да. Юный нуму должен всегда учиться новым технологиям. Для старика, как я, это тяжело, но для растущего разума это важно. Юный Мамору-доно и сам неплохой мастер металла, — Котецу улыбнулся Мамору. — Если его отец позволит, он тоже мог бы вам помочь.

— Да, — Кван в смятении перевел взгляд с Мамору на Котецу Кама. — Мацуда-сан говорит, что он... ваш ученик?

— Знаю, это кажется странным, — сказал Котецу, — но эта традиция была еще до современного кайгенского общества.

— Но... почему? Я не понимаю.

— Это долгая история. Прошу, замри, Кван-сан.

Бабуля Котецу со скрипом склонилась ближе.

— Тысячу лет назад, — начала она, — задолго до того, как металл превратили в провода и спутники, самый желанный металл в Кайгене делала маленькая семья кузнецов, живущая тут, в Такаюби. Их навыки в ковке орудия и оружия дали им имя Котецу, что означает «сталь» на диалекте Широждима. Хотя законы кафо и камая еще не пришли в Кайген, эта семья кузнецов развила близкие отношения покровительства с благородным домом Мацуда — глубокая связь крови и стали, которая обеспечивала кузнецам Котецу всегда защиту, а Мацуда всегда получали лучшие мечи. Мацуда были мастерами создания клинков и копий из льда. Раннее оружие из льда было грубым, и им помогал боевой стиль. На дальнем расстоянии они бились льдом, а сталь, выкованная Котецу, помогала биться вблизи. Так они завоевали этот полуостров и почти всю западную Широждиму.

Кван смотрел на бабулю Котецу в смятении, но был заинтригован и не перебивал. Мамору было странно слышать историю, которую он слышал много раз, в переводе на кайгенгуа.

— На пике правления семьи Мацуда первые миссионеры Фаллеи прибыли на эти берега большими группами. Некоторые были с континента, некоторые — из Дисы, были даже те, кто прибыл из далекой империи Ямма. Эти певцы-миссионеры принесли с собой новые технологии и взгляды на мир. Многие в Широждиме приняли новую религию, с готовностью включили ее в свои жизни, даже ближайший сосед Мацуды, дом Юкино. Но глава Мацуда тогда открыто отказал Фаллея, даже послал своих людей казнить миссионеров и обращенных на улицах. В ответ армия Фаллеи, которую вел лорд Юкино Изуми, устроила осаду замка Мацуда и сравняла его с землей. Мацуда, которые не умерли в бою, сгорели в пожаре... все, кроме одного. Младший сын лорда, Мацуда Такеру, в честь которого назван отец этого мальчика, — она кивнула на Мамору. — Огонь поднялся вокруг комнаты, где он

спал, но его мать окружила его водой и льдом. Огонь поглотил дерево, плоть и кости вокруг них, но ее любовь защитила его. Когда солнце взошло на следующий день, женщина была мертва, сдалась жару и дыму, но в ее руках выжил маленький Такеру.

Мамору застыл, зудящие ладони лежали на коленях. Он слышал историю о Мацуде Такеру дюжину раз. Когда он был маленьким, разрушение замка Мацуда доводило его до слез. Теперь он смотрел на окровавленные костяшки и гадал, была ли история правдой. Он еще никогда не ощущал себя таким пустым.

— Армия Юкино Изуми постаралась убить всех коро в замке и домах вокруг, — продолжила бабуля Котецу, — но семью кузнецов Котецу пощадили из-за их ценных печей. Было грехом у Фаллеи жестоко обходиться с ремесленником.

Кван кивнул. Он жил в Ямме и понимал это.

— Мужчина Котецу по имени Кензо пробрался сквозь пепел, когда дым рассеялся. Кензо нашел юного Такеру в рунах и помог ему встать. К тому времени Юкино Изуми назвал себя правителем региона, и Кензо знал, что, если мальчика обнаружат, его убьют. Он взял Такеру в свой дом, растил коро как своего сына. И этот добрый поступок изменил судьбу семьи Мацуда, семьи Котецу и всей Широждимы. Прячась под ложным именем, юный Такеру вырос в доме Котецу Кензо, стал подростком. Правил Юкино Изуми. Пока рос, Такеру проявил себя как гений. Несмотря на то, что случилось с его семьей, он смог слушать фин миссионера и научиться ценностям Фаллеи. Несмотря на его кровь вина, он встал у печи, как прирожденный нуму, создавал отличные мечи, поразительно красивые. Несмотря на его навыки кузнеца, он знал, что его долгом было отомстить за семью и продолжить род Мацуда. Юноша под прикрытием отправился тренироваться с мечниками джияя кланов Амено и Гинкава, дальше на север. Никто не знает, куда он ушел тогда, кто его учил, хотя многие дома коро после этого хотели приписать подвиг себе. Но это история его возвращения, годы спустя, когда он стал легендой...

Котецу Чизуэ утихла, кивая.

— И... — сказал Кван через миг. — Что случилось?

— О, хочешь, чтобы я продолжила? — обрадовалась бабуля Котецу. — Я думала, тебе надоела глупая история странной старушки.

— Нет, пожалуйста, — пылко сказал Кван. — Продолжайте.

— Хорошо, городской мальчик, — она рассмеялась. — Вернувшись, Такеру прошел во врата города без оружия, только с мешком на спине. В городе он всем сообщил: «Я — Мацуда Такеру, лорд Такаюби. Я тут, чтобы вернуть дом своей семьи». Услышав это, стражи схватили его и отвели к лорду Юкино Изуми. В зале Юкино Такеру впервые увидел убийцу своей семьи и повторил вызов. Юкино Изуми не был впечатлен.

«Ты зовешь себя Такеру, наследником дома Мацуда, — сказал он, — но я знаю, что все Мацуда были убиты годы назад. Значит, ты — лжец и предатель. Я не обязан принимать твой вызов. Ты будешь казнен».

«Тогда я предлагаю компромисс, — сказал Такеру. — Я сражусь с вами без оружия».

«Без оружия! — Юкино рассмеялся. — Ты считаешь, что можешь убить меня без меча?».

«Да», — спокойно сказал Такеру.

«Если ты так уверен в своих навыках, — сказал Юкино, — почему не убил меня сразу?».

Такеру огляделся и ответил:

«Ваши стражи — сыновья этой горы, как я. Я не хотел бы им вредить».

Юкино был заинтригован, согласился на дуэль, назначил время и отпустил Такеру. Когда его люди задали вопросы, лорд сказал: «Он убежит или ступит в круг со мной и умрет. В любом случае, мы избавимся от него».

Услышав о возвращении Такеру и вызове, Котецу Кензо поспешил к приемному сыну и умолял его не участвовать в сражении.

«Я бросил вызов, — сказал Такеру. — Как мужчина и коро, я не могу отступить».

«Юкино Изуми — один из лучших мечников в регионе, — предупредил Кензо в отчаянии. — У него мой меч, лучший из моих творений. Как ты защитишь себя без оружия?».

Такеру только улыбнулся. «Ты дал Юкино-доно великий меч, но оружие, которое ты дал мне, лучше металла. Ты дал мне знание клинка», — с этим юный Мацуда обнял наставника и приемного отца, пообещал вернуться к нему после боя.

Юкино Изуми появился на следующий день с мечом, выкованным для него Котецу Кензо, лучшим оружием этого времени, его острый край рассекал пятерых одним ударом. Юкино встретил Мацуду в центре главной площади на глазах всего Такаюби...

Кван склонился, глаза были огромными.

— Юкино вытащил великий меч, и бой был завершен.

— Что? — сказал Кван.

— Одним ударом джийя Мацуды Такеру рассекла меч и тело Юкино. Узурпатор умер раньше, чем упал на землю, первая жертва Шепчущего клинка.

— Что? Но... как? — Кван перевел взгляд с Мамору на семью нуму. — Лед не может резать металл. Это научно невозможно. Даже при температуре ниже нуля и под большим давлением лед не может стать таким плотным, как сталь. Военные пробовали это в лабораториях. Лед не может рассечь металл. Не может.

— Может, — спокойно сказала бабуля Котецу, — и делал это много раз с тех пор, как Мацуда Такеру создал технику.

Ни Кван, ни Котецу не знали, что сила Шепчущего Клинка была не только в плотности. Рассекающая сила была результатом точности мастера. Мечник должен был идеально управлять своей джийей, чтобы создать край в одну молекулу, которая рассекала любую субстанцию, несмотря на ее плотность. Техника была навыком человека и сосредоточенностью, которые нельзя было повторить в лаборатории.

— Хочешь верь, хочешь — нет, — сказала бабуля Котецу, — но ты был на месте несколько сирану.

— Что? — Кван опустил взгляд и понял, что Котецу Кама промыл и перевязал все его раны. — О, — он издал смешок, и бабуля Котецу ответила беззубой улыбкой.

— Как видишь, у старушки есть приемы.

— Теперь поешь, — сказала жена Котецу, поманив Квана к столу.

— Но что случилось потом? — спросил Кван, присоединившись к Мамору за потрепанным обеденным столом. — Когда Мацуда Такеру рассек Юкино Изуми пополам? Он стоял посреди площади над мертвым телом правящего лорда, да? Что было потом?

— Говорят, лучший мечник может победить одним ударом, — сказала бабуля Котецу. — Мацуда Такеру победил за один удар, и, увидев его силу, никто не посмел бросить ему вызов. Вперед шагнул только сын Юкино Изуми, Хаясэ, двенадцати лет. Осиротевший Юкино сказал Такеру: «Я не буду биться с тобой за контроль над Такаюби, но я не позволю тебе казнить фин деревни или уничтожить храмы Фаллея».

Такеру с любопытством спросил: «А если я прикажу убрать Фаллею из этого региона?».

«Я брошу тебе вызов», — сказал Юкино Хаясэ без колебаний.

Такеру тронула храбрость мальчика, и он мудро не повторил ошибок отца. Несмотря на его силу, он не хотел править страхом.

«Я — кровь богов, — сказал он собравшейся толпе, — как все вы тут. Луна и океан не боятся перемен».

Он послушался просьбы Хаясэ, оставил храмы Фаллея, добавил закон Фаллеи в свое правление и со временем сам стал верным фаллекой. При новых законах он назвал Котецу — нуму для семьи Мацуда, связав их два дома верностью и взаимной поддержкой на все времена.

— И Юкино, — сказал Кван. — Он просто дал ему жить?

— Не только это, он дал ему вернуться в замок Юкино и жить там. Он женился на старшей дочери Юкино Изуми, Мицуки, чтобы укрепить мир между их домами. Твой мастер меча, Юкино Дай, потомок Юкино Хаясэ, как Мацуда Мамору и его семья — потомки Мацуды Такеру. Их две семьи сосуществовали в этом регионе тысячу лет, с напряжением, но не без уважения. Наши предки — Мацуда, Юкино и Котецу — создали первый регион Рюхон Фаллея в Широждиме.

— Ого, — сказал Кван. — И Шепчущий Клинок передавался в роду Мацуды Такеру все это время?

Бабуля Котецу кивнула.

— Такеру передал Шепчущий Клинок сыновьям, которые передали его своим сыновьям. С того времени мальчики семьи Мацуды всегда посылали ученика к кузнецам Котецу, надеясь, что их навык со сталью приведет к Шепчущему Клинку.

— Но... погодите, — сказал Кван. — Разве не странно под Фаллея, что коро, как Мацуда, учатся у нуму?

— Шепчущий Клинок — священная сила, объединившая Такаюби, — сказал Котецу Кама. — Ради сохранения техники рода Мацуда мы делаем это исключение. Без комбинации навыков нуму и коро технику не передать. Мацуда Такеру был гением, который возникает раз в тысячу лет. Те, кто могут повторить его технику, часто одни в поколении.

Кван повернулся к Мамору.

— Погоди, не все Мацуда могут использовать Шепчущий Клинок?

— Многие ею не овладевают, — сказал Котецу Кама, опередив Мамору, — хотя судьба всех Мацуда пытаться всю жизнь. Были слабые поколения в прошлом, когда люди боялись, что техника пропадет из мира. Нам повезло, что в этом поколении будет хотя бы один Шепчущий Клинок, — он улыбнулся ученику, но Мамору не ответил на это. — Мы уверены.

Мамору часто тоже был уверен. Но не сейчас. Он ощущал себя сейчас хрупкой оболочкой, не способной ничего сделать, ничего удержать.

Луна и океан не боятся перемен.

— Так Мацуда Такеру, в итоге, принял идеалы убийцы его родителей? — тихо сказал Мамору.

Трое взрослых нуму смотрели на него удивленно.

— Ну... да, — сказал Котецу Кама. — Ты знаешь историю.

— Он был таким сильным, — пробормотал Мамору. — У него была кровь богов в венах, и он просто... впустил чужие идеи?

— Ему хватило ума увидеть, что Фаллея — это путь вперед, — сказал Котецу Кама, его низкий голос, обычно успокаивающий, бил по нервам Мамору. — Фаллея убила его семью, но и пощадила Котецу, от которых он зависел, и Рюхон Фаллея, которую он поддержал, сделала этот регион таким сильным.

— Но откуда он знал? — Мамору хмуро смотрел на свои костяшки. — Откуда была уверенность? — как можно быть уверенном в решении, которое определяло судьбы тысяч? Как?

— Ты в порядке, Мамору-доно? — мягко спросил нуму.

Мамору не был в порядке. Он снова кипел, джийю тревожил жар.

— Как он мог бросить все, что знал — наследие семьи — ради новой религии?

— Такеру рос, познавая обе религии. Он изучал их тщательно, как изучал клинок. Как лидер, он должен был принять решение, — Котецу сделал паузу. — Ты точно в порядке? Твоя джийя ощущается не очень...

— Котецу Кама, — Мамору резко поднял голову. — Расскажите мне об обсидиане Яммы.

— Что? — Котецу опешил.

— Твердый тип стекла Яммы, — сказал Мамору. — Кайгенские мастера знают, как его делать?

— Конечно, — сказал Котецу. — Нынче Кайген и Ямма многим обмениваются в товарах и культуре, многие кайгенцы работают со стеклом джонджо.

— Но не зилазенским стеклом?

— Конечно, нет, — Котецу рассмеялся. — Создание того материала — техника рода, как нашаковка и твой Шепчущий Клинок. Это тайны семьи Зилазен.

— О, — Мамору этого не понимал. — Так кайгенская армия не производила ничего из зилазенского стекла?

— Нет, — сказал Котецу, — хотя мой кузен рассказывал, что Империя закупала много пуль Яммы, так что, может...

— А что-то крупнее? — спросил Мамору. — Кайген получал машины из зилазенского стекла? Танки или самолеты?

— Не знаю, — сказал Котецу. — Зилазен вынуждает таджак управлять машинами, а не джиджак. Покупать такое снаряжение — чушь. И у Кайгена нет мастеров, способных создать зилазенское стекло. Думаю, кузнецу Кайгена нужно вступить в брак с сенкули Зилазена, чтобы узнать эти тайны. Но даже так их могут надежно оберегать. Может, этому можно учиться только крови Зилазен, так что... ребенок смешанного брака, возможно?

Тамами неодобрительно цокнула языком.

— Какой хороший теонит захочет портить так свой род?

— Не знаю, — Котецу пожал плечам. — Если бы мы смогли увидеть катану из зилазенского стекла, смешанная кровь того стоила бы.

— *Такое было бы возможно?* — спросил Кван, и Мамору не мог понять, был он взволнован или пытался увести разговор от самолётов.

— *Я знаю, что мечи из зилазенского стекла делали в прошлом,* — сказал Котецу.

— *Правда?*

— *Они очень редкие,* — сказал Котецу. — *Их не больше сотни в мире.*

Кван задал еще пару десятков вопросов о ковке мечей, жена Котецу решила, что мальчишки наелись, и кузнец отвел Мамору и Квана к краю деревни и отправил их в путь.

Мамору механически поклонился наставнику и пожелал ему доброй ночи.

Он и Кван пошли вверх по горе, он ожидал, что северянин скажет ему: «Я же говорил». Он готовился к этому, но Кван не насмеялся. Он шел без слов у локтя Мамору по тропе в западной деревне.

Он сказал лишь:

— *Ты будешь в порядке?*

Голос Мамору не был сдавленным или кипящим. Он был пустым.

— *Да.*

Они шли какое-то время в тишине. Квану уже не нужно было, чтобы Мамору его вел. Первый свет проник на небо, озаряя путь перед ними.

— *Как твоя рука, Кван-сан?*

— *Чоль-хи.*

— *Что?*

— *Зови меня Чоль-хи, —* сказал Кван. — *Мы упали вместе с горы. Можем уже звать друг друга по имени, да?*

Мамору не посмотрел на другого мальчика.

— *Если хочешь.*

— *Спасибо, что познакомил меня со своими друзьями-нуму, кстати. Они были хорошие.*

— *Рад, что они тебе понравились, —* сказал Мамору, — *но прости, что тебе пришлось сидеть на уроке истории.*

— *Ничего, —* сказал Кван. — *Мне нравится слушать. И ваша история довольно интересная.*

«Если это история», — подумал Мамору. Если Хибики-сэнсей мог ошибаться о прошлом Такаюби, могла и бабуля Котецу. Могли все.

— *Так, кхм... —* Кван ощутил тяжесть ньямы Мамору, потому что сменил тему. — *Круто то, что нуму Котецу говорил об оружии из зилазенского стекла, да? Я не знал, что Зилазен делали мечи!*

— *Как и я, —* сказал Мамору. — *Думаю, мастера мира делятся чем-то друг с другом, это не всегда касается коро.*

— *Думаешь, катана из зилазенского стекла была бы сильнее твоего магического Шепчущего Клинка?*

— *Я не могу сделать Шепчущий клинок, —* сказал Мамору. — *И вряд ли будет шанс проверить меч. Котецу Кама сказал, что в мире их меньше сотни.*

Два мальчика расстались чуть дальше по тропе.

— *Спокойной ночи, Чоль-хи-кун, —* сказал Мамору, обращение легко слетело с его языка. Было странно, но Кван повернулся и улыбнулся ему утомленно, но с благодарностью и теплом, которые он не заслужил.

— *Спокойной ночи, Мамору-кун.*

Мамору не знал, что всю жизнь жил недалеко от меча из зилазенского стекла. Черный клинок был спрятан под половицами кухни Мацуда незадолго до его рождения и оставался там, нетронутый, с тех пор. Оружие было чуть больше традиционного вакидзаси, но оно видело больше сражений, чем любая катана в додзе Мацуда.

Конечно, Мамору не знал об этом.

Его мать не говорила о прошлом.

ГЛАВА 6: ПРОШЛОЕ

Цусано Мисаки выпрямилась, тяжело дыша. Она не дрожала. Нет. Скорее гудела.

— *Мы это сделали!* — она повернулась к фигуре в капюшоне дальше в переулке. Она еще никогда не ощущала себя такой живой. — *Мы это сделали!*

— *Ты сделала,* — Эллин Элден сдвинула капюшон, золотые волосы вырвались, ее зловеще светлые карие глаза разглядывали кровотокающих и бессознательных теонитов. — *Я только их привела.*

Литтиги держала нож перед собой, но он ей не требовался. Едва иллюзия опустилась, Мисаки ворвалась, повалила четырех мужчин раньше, чем они заметили тень в их рядах. Эллин не была брезгливой, но хмурилась, глядя на работу Мисаки.

— *Прости за это,* — сказала она. — Я не должна была мерцать, — Эллин часто делала так, говорила о своих иллюзиях, как о себе. — *Просто... когда они вытащили мачете, я потеряла фокус. Прости, что тебе пришлось вступить.*

— *Ничего,* — лицо Мисаки озаряла довольная улыбка.

— *Мы могли бы задержать их тут, не рана,* — Эллин нахмурилась сильнее. — *Если бы я удержала себя в руках...*

Грохот разнесся эхом с улицы за переулком, девушки посмотрели на небо. Пока еще не сигнал Жар-птица. Робин еще бился.

— *Я пойду,* — Мисаки перешагнула ближайшего мужчину без сознания, направляясь к улице, но Эллин поймала ее за руку. — *Что?* — спросила Мисаки. Слабые ладони Эллин не могли сильно надавить, но напряжение в ее хватке намекнуло, что она хотела удержать.

— *А если эти мужчины умрут от потери крови раньше, чем прибудет помощь?*

— *О,* — Мисаки посмотрела на своих жертв, валяющихся на грязном асфальте. — *Уверена, они не...* — она утихла, уловила свободно текущую кровь и неохотно признала, что Эллин была права. Некоторые ее порезы оказались глубже, чем она намеревалась. Почему тела людей были такими мягкими? Разве таджики не должны быть крепче? Может, малузианский контрабандисты были слабее из-за смешанной крови. — *Ладно,* — Мисаки вырвалась из хватки Эллин. — *Я сделаю так, чтобы они не умерли.*

— *Я пойду в бой,* — сказала Эллин. — *Уверена, ты скоро присоединишься.*

— *Если я не попаду туда первой.*

— *Ха,* — убрав нож в ножны, Эллин скрыла белым капюшоном волосы и выбежала из переулка.

Мисаки было все равно, жили ли эти бойцы, но Робин расстроился бы, если бы узнал, что кто-то умер во время его миссии, и разобрался бы с каждым таджиком. Она обработала даже мелкие порезы, сгустив кровь, текущую из них. У двоих кровь текла из головы, где Мисаки ударила кулаками, усиленными льдом. Третьего она ранила сильно, рассекла руку почти до кости. Потребуется операция.

Она работала с мелкими ранами последнего, когда он пошевелился и застонал. Ее ладонь потянулась к кинжалу, но малузианец был оглушен и не мог стать угрозой. И она ударила хорошо по его голени. Он не будет ходить — тем более, биться — в ближайшее время. Он моргнул, но не увидел ее лицо. Коли продумал их наряды для сражения, даже с опущенным капюшоном, открывающим ее волосы, темная маска на лице Мисаки скрывала ее черты.

— *Ч-что...* — мужчина начал говорить, но умолк, кривясь, попытавшись пошевелить раненой ногой.

— *Тебе очень повезло.*

— Почему? — спросил он, все еще отчасти в сознании.

— *Жар-птица не хочет, чтобы ты умирал.*

— *Жарь... птицу?* — прошептал он. Явно еще не в сознании.

— *Жар-птица,* — напряженно повторила Мисаки. — *Если хочешь жить в этой части Ливингстона, запомни имя.*

Закончив с ногой мужчины, Мисаки встала и поискала нож, брошенный в бою. Она ощущала себя без равновесия, когда только один кинжал-кумбия был на ее бедре, но она не могла найти другой. Может, один из мужчин упал на него?

— Ты... — мужчина снова пошевелился, пытаясь встать.

— *Оставайся там,* — резко приказала Мисаки. — *Твой идиот-наниматель привел тебя на территорию Пантеры. Выползешь на открытое пространство, получишь стрелу в шею. Лежи тут тихо, и Жар-птица обеспечит заботу о тебе. На твоём месте я сыграла бы мертвого.*

— *Сыграть мёртвого?*

— *Да. И не бери работу у Яотла Техки снова.*

Решив, что нож не найти, Мисаки подняла капюшон и поспешила к настоящему бою, пересекая улицу и следующий переулок. Она потратила достаточно времени на бесполезных подельников Техки, когда Робин и Эллин могли нуждаться в ней.

Бездомные адины удивленно завопили, когда она помчалась к ним. Неудобно. Они заполнили переулок, будет долго обходить их. Вместо этого она побежала к ним, повернула в последний миг и взбежала по бетонной стене. На пятом шаге вверх она оттолкнулась обеими ногами. Молекулы воды полетели к ее ладоням и ступням. Она врезалась в стену напротив, формируя лед, и застряла там.

Адины восклицали в шоке. Наверное, они редко видели иностранку, прилипшую к стене, как ящерица. Они потрясенно глазели, Мисаки карабкалась. Она держала воду у ладоней и носков, топила ее каждый раз, когда нужно было поднять ладонь или ступню, а потом замораживала ее на здании.

Она была все еще медленнее, чем хотела быть, с новой техникой карабканья, но как только она нашла ритм — правая нога, правая ладонь, левая нога, левая ладонь — она вскоре добралась до вершины здания. Забравшись на плоскую бетонную крышу, Мисаки огляделась.

Высоко над трущобами Северного Конца ветер трепал ее капюшон и плащ вокруг нее. Дым в паре улиц отсюда раскрыл местоположение Робина, и там была Эллин, белое пятно, бегущее к действиям. Мисаки легко могла догнать. Человеческое биение сердца привлекло ее внимание, она повернулась и увидела адина с волосами цвета песка, появившегося на пороге крыши. У него был арбалет в руке, желтая сумка Пантеры на поясе.

— Шиматта, — выругалась он под нос на диалекте Широждимы.

— *Ои!* — сказал мужчина. — *Что у тебя тут за дело? Это территория Пантеры!*

Он поднял арбалет, но, как многие адины, был медленным. Мисаки выстрелила в него водой, превратила его в лед ударом джийя.

Мужчина закричал, лед приморозил снаряд к арбалету, а оружие — к его ладони.

— *Нарушитель! Нару...*

Следующий ком воды попал в его рот, закрыв его льдом.

— *Простите,* — Мисаки подошла к адину и толкнула его к двери, игнорируя то, что он направил кулак в ее лицо.

Удар от взрослого адина был почти равен удару четырехлетнего ребенка — раздражал,

но не вредил. Ее младшие братья били сильнее, чем этот мужчина, раньше, чем смогли говорить. Ушибив ужасно костяшки об скулу Мисаки, один потянулся к мачете на поясе. Мисаки поймала его ладонь, не дав дотянуться до оружия.

— *Прости*, — повторила она, сжала рукоять мачете и вытащила из его жалкого подобия ножен. — *Я одолжу это*.

Отпрянуть от мужчины было облегчением, его немый запах был страшнее костяшек, попавших по ее лицу. Она покрутила мачете и скривилась. Баланс был ужасен, но оружие было длиннее, чем ее кинжалы.

— *Мы не проникли на вашу территорию*, — сказала она адину, надеясь, что простой мужчина поймет ее с ее акцентом. — *Мы уйдем, как только разберемся с вашими нарушителями-малузианцами*.

Оставив потрясенного адина стоять, Мисаки подбежала к краю крыши и спрыгнула. Она не прыгала лучше всех, но смогла удвоить обычное расстояние, собрав лед под ногами и оттолкнувшись от него джийей. Ветер ревел вокруг нее в прекрасном моменте полета, бетон следующей крыши несся к ней.

Новая вода собралась под ногами Мисаки, стала снегом. Не так много, только чтобы убрать удар с колен и лодыжек при приземлении. Ударившись об крышу, она перекатилась, встала на ноги и побежала. Несколько прыжков с помощью джийи, смягчение приземлений снегом и лед, приклеивающий к стенам, и Мисаки поравнялась с Эллин.

— *Вот и ты, Тень*, — выдохнула литтиги, пока они бежали. — *Вовремя*.

Эллин заметно устала, но, учитывая, каким слабым был ее вид, Мисаки потрясало, что белая девушка могла бежать так же быстро, как она, на большое расстояние. Длинные ноги и решимость дополняли ее слабые мышцы, пока они неслись последнюю улицу к дыму.

Жар-птица останавливал мелкие преступления, если нужно было, но активно он охотился на убийц. Три контрабандиста-малузианца — Яотл Техка, Мекатл Силангве и Колонка Матаба — ограбили дома некоторых соперников из Абрии за последние несколько недель, убив при этом двух человек. Мужчины, с которыми Мисаки и Эллин столкнулись ранее, были наемниками Техки, иммигрантами-малузинцами, которым просто нужна была работа. Сами убийцы были впереди.

Мисаки и Эллин бежали к действию, миновали малузианца без сознания на бетоне среди разбитых бутылок и прочего мусора.

— *Какой это был?* — спросила Мисаки, оглянувшись на смятую фигуру.

— *Силангве*, — сказала Эллин, ее фотографическая память сразу же узнала лицо.

За углом бились три сердца, три пылающие точки в прохладном воздухе. Техка и Матаба, два серьезных противника, все еще бились.

— *Готова, Тень?* — выдохнула Эллин.

— *Если готова ты*.

Две девушки обогнули угол, и Колонка Матаба тут же повернулась к ним, ее длинная черная коса пролетела над ее плечом, ладони были полными огня. Робин за ней бился со знаменитым Яотлом Техкой, но Мисаки и Эллин пока не могли переживать за него.

Их тревогой была угроза огня Матабы — бело-голубого, а не оранжевого, куда горячее обычного огня таджакки, Мисаки не могла такой потушить. Ладонь Эллин дернулась к плащу Мисаки, и Мисаки поняла, что она глупо шагала к таджакке.

— *Когда я скажу*, — только Эллин могла звучать так спокойно перед огнем, который мог растопить плоть на ее костях. За ней Мисаки ощущала уставшую литтиги, сделавшую

глубокий вдох, чтобы сосредоточиться. — *Готовься...* — Эллин оттянула Мисаки на шаг, пока Матаба шагала к ним, а потом прижала ладонь между лопатками Мисаки. — *Иди!*

Она толкнула.

Мисаки рванула вперед. При этом из нее вылетели шесть Мисаки, мерцающие иллюзии были в том же сине-черном плаще, двигались ловко. Копии Мисаки от Эллин устремились во все стороны, на миг Матаба растерялась, но таджака не была дурой. Она махнула рукой по широкой дуге, выпуская хлыст голубого огня, который прошел сквозь кольцо иллюзий.

Так можно было легко определить, какая девушка в черном капюшоне была настоящей. Мисаки пригнулась под огонь, выделила себя среди иллюзий, на которые жар не повлиял.

Иллюзии дали ей минуту, но ее отец всегда говорил, что великий боец использует даже каплю преимущества. Когда Матаба сосредоточилась на настоящей Мисаки, она уже подобралась близко к таджаке. Ощувив головокружительный жар ауры Матабы, Мисаки направила руку вверх. Мачете резал не так чисто, как катана, которая легко отсекала бы женщине руку, но оружие нанесло серьезный урон.

Матаба завизжала, огонь угас, раскаленная кровь полилась из ее руки. Обойдя взмах другой руки женщины, Мисаки направила кулак с ледяными костяшками в ее висок. Удар попал с силой, но тайя Матабы была такой горячей, что ослабила лед Мисаки, смягчая атаку. Высокая женщина пошатнулась, оглушенная, но в сознании.

Огонь ударил, задел ладонь Мисаки, заставив ее выронить мачете. Мисаки отпрянула, вытащила нож, держала короткое оружие перед собой в левой руке. Правая ладонь сжалась в кулак, ее жгло, но она отвела руку и формировала на костяшках новый лед.

Голубой огонь вспыхнул вокруг Матабы, создавая сильные волны жара, но Мисаки не боялась. Жар заставил ее кровь кипеть в волнении, будто воду. Ей нужно было открыть еще одну рану ножом, и тайя женщины снова дрогнет, а потом она ударит льдом. Это будет просто и приятно. Мисаки улыбалась, готовая биться, готовая...

Бам!

Бетонная плита, такая большая, что Эллин едва могла ее держать, сломалась на несколько кусков об голову таджакки. Колонка Матаба пошатнулась в облаке пыли, падающей на ее волосы и плечи. Она сделала шаг... и рухнула на асфальт без сознания.

— *О...* — Мисаки опустила нож, Эллин отряхнула руки. — *Спа...*

— *Помоги Жар-птице,* — сказала Эллин.

Когда Мисаки посмотрела на Робина, он оказался придавлен к земле Яотлем Техкой. Она еще не видела, чтобы Робина сбивали в бою, и это вызвало в ней вспышку паники. Она не могла винить друга, он гнался за тремя взрослыми теонитами, оставив Эллин и Мисаки разбираться с наемниками. Обычно он мог собрать противников, используя скорость и знание улиц Северного Конца, но было ясно, что он устал, ладони дрожали, пока он пытался не подпустить мачете Техки к своей шее.

Не думая, Мисаки бросилась. Было глупо для юной джиджаки, как она, бросаться на старшего таджакку, чья няма могла подавить ее и сжечь, но Мисаки узнала, что могла временно оглушить огонь в противнике сосредоточенным ударом холода. Она достигла полной скорости, собрала всю ледяную джйю и врезалась своим телом в тело Техки.

Удар вызвал боль. Она и огромный таджакка сцепились, покотившись, царапая плечи и локти об бетон. Они катились, Техка схватил ее за плащ, наверное, думая, что его размер легко придавит ее, но Мисаки опередила его. Она использовала их движение, чтобы перебросить таджакку через бедро на его спину, оказалась на нем, подняв нож для удара.

Едва услышав крик протеста Робина, она направила нож к груди жертвы, но Техка был быстрым. Он ударил ее руку, отразив атаку. Нож вонзился в его руку, не задев сердце.

Мисаки уже была со льдом на костяшках. Она ударила Техку изо всех сил раз, два, три. Четвертый удар разбил ее лед, а таджак все еще был в сознании. Она вонзила ладони в его виски, но, когда отвела руки, создала брешь.

Кровь текла из его носа и рта. Техка взмыл и схватил ее за горло. Его огромная обжигающая ладонь сжала всю ее шею. Наверное, он легко сломал бы ей позвоночник, но она не дала ему шанса. Вода потекла от ее костяшек к кончикам пальцев, она ударила Техку когтями по лицу, другая ладонь порвала его ладонь на ее горле. Он завизжал, отпустил шею Мисаки и схватился за свое лицо.

Джийя Мисаки двигалась инстинктивно, когти на правой ладони стали ледяным шипом на пяти пальцах. Она отвела руку, зная, что в этот раз, ослепленный кровью и болью, Техка не сможет ее остановить...

Рука обвила ее плечи, оттащив ее. Ее лед задел шею Техк, но не пронзил, ее оттянули от добычи. Она боролась, но Робин держался решительно, встал между ней и Техкой.

— *Нет!* — Робин сжал ее плечи, и он был сильным, когда был в отчаянии. — *Прошу, не надо!*

— *Что ты делаешь?* — возмущенно спросила Мисаки.

— *Он упал. Не нужно это делать.*

— *Он в сознании,* — возразила Мисаки, вырываясь из хватки Робина, едва подавляя желание направить на него лед. — *Он опасен!*

— *Это не оправдывает...* — Робин прервался на крик боли. Ее друг опешил, и Мисаки опустила взгляд, увидела свой кинжал, торчащий из голени Робина. Техка вырвал оружие из своего плеча и ударил им по ноге Робина.

Малузианец вскочил на ноги вспышкой бело-оранжевого огня. Мисаки пришлось отскочить, чтобы ее не обожгло, кулак мужчины врезался в грудь Робина, отталкивая его. Робин закашлялся, занял боевую стойку, но тяжело дышал, а Техка не остался для боя. Его огонь угас, он повернулся и побежал. Он собирался уйти!

Отведя ладонь, Мисаки собрала влагу в ледяное копьё и толкнула ладонь вперед, направляя снаряд в спину Техки.

— *Нет!* — заорал Робин. Огонь вырвался из его ладоней, такой горячий, что он растопил тонкое копьё Мисаки, не дав ему попасть в цель.

Техка завернул за угол и пропал. Мисаки побежала за ним, но, когда завернула за угол, он пропал. Не было ясно, какую дорогу или переулочек он выбрал. Она забралась бы наверх и попыталась броситься на него с высоты, но знала, что не догонит его. Робин мог бы, если бы не был ранен в ногу, как идиот.

Она повернулась к нему.

— *Что это было?*

— *Мы не убиваем,* — сказал он, скрипя зубами, прижался к ближайшей стене для поддержки.

— *Он убил бы нас,* — возразила Мисаки. — *Он собирался добить тебя, когда я...*

— *Спасибо за это,* — сказал Робин, а потом твердо повторил. — *Мы не убиваем.*

Мисаки хотела ответить, но последствия боя не были местом для долгих споров. Нужно было все быстро закончить и почистить.

Пока Эллин застегивала наручники на Силангве и Матабе, Мисаки вытащила капсулу,

которую Коли Курума создал для нее, и разбила об землю. Капсула разбилась, химический туман растекался, ярко-зеленый, Мисаки легко могла следить за тем, как он распространялся по переулку, покрывая сцену. Где нужно, она раздвигала облака джийя, чтобы весь переулок был покрыт.

После этого она взяла вторую капсулу и поспешила повторить процесс над местом, где пал Силангве. Химическое вещество служило двум целям, искажая отпечатки пальцев, которые могла оставить она, Робин или Эллин, меняя кровь, чтобы ее нельзя было проверить. Так они не давали полиции или кому-то еще с лабораторным оборудованием раскрыть их личности. Мисаки закончила распространять зеленые облака, чтобы покрыть последние брызги крови на асфальте, и колонна огня вырвалась из переулка, где она оставила Робина.

Она не хотела отвлекаться — она видела вспышку Жар-птицы Робина раньше — но ее ладони опустились, и она глазела, словно могла пить жар глазами. Огонь поднимался до облаков, а потом раскрылся парой крыльев, откуда и было название Жар-птицы. Сейчас все в этой части Ливингстона знали, что означал сигнал: преступников могла забирать полиция.

Конечно, Жар-птица не бросал сцену, доверяя улов полиции, без инцидентов. Многого могло пойти не так: сильный преступник мог прийти в себя и ранить офицеров, нервные офицеры могли навредить пленнику, кто-то третий мог вмешаться и подвергнуть всех опасности.

— *Скройся и проследи, ладно?* — сказал Робин Мисаки, когда она вернулась в переулок. — *Я позабочусь о других четырех.*

— *Тебе стоит закрепить ногу,* — сказала Мисаки. Ее кинжал все еще торчал из ноги Робина, его светло-коричневая кожа побледнела от боли.

— *Не сейчас,* — сказал Робин. — *Ты уже обработала сцену. Я не хочу вытаскивать клинок и пускать больше кровь.*

— *Я могу не пустить твою кровь на землю,* — сказала Мисаки. — *И у меня есть еще капсулы...*

— *Мы будем переживать об этом в общежитии.*

Он повернулся и пошел, хромая, в сторону четверых, которых вырубил Мисаки, Эллин служила костылем и скрывала их иллюзиями от любопытных глаз.

Мисаки нашла себе укрытие на крыши, устроилась и следила за Матабой и Силангве. Ей было плевать, стала бы полиция плохо обращаться с преступниками, или Пантера убила бы их, выйдя из укрытия, но Робин переживал. Эллин переживала. И это был их город, не ее. Вскоре появилась полиция Ливингстона в машинах из стекла джонджо, чтобы забрать Матабу и Силангве. Они закрывали двери на преступниках, когда огонь привлек их внимание.

Робин послал второй сигнал с места первого боя Мисаки и Эллин — не крылья Жар-птицы, которые сообщали властям об аресте, а вспышка с тремя шипами: универсальная просьба медицинского внимания. Глаза офицера посмотрели на сигнал, Мисаки отпрянула от края крыши, чтобы ее не заметили. Возможно, зря, ведь никто не заметил тень за ярким огнем Робина. В том и была задумка.

— *Думаешь, это тоже Жар-птица?* — юный офицер был потрясен.

— *Возможно,* — сказал его старший не так впечатлено. — *Это не важно. Это вспышка медицинской помощи, а не крылья. У него нет Техки.*

— *Но нужно ли проверить? Или послать скорую? Кому-то может понадобиться*

помощь.

— *Возможно. Не наша проблема.*

— *Но...*

— *Эти каллааны убивают друг друга все время,* — рявкнул третий офицер. — *Если бы мы каждый раз посылали скорую помощь, город обанкротился бы. Полезай в машину, короден. Если не хочешь, чтобы я оставил тебя тут, на территории Пантеры, на ночь.*

Это заткнуло юношу. Топот ног, стук закрывшейся двери. Мисаки выпрямилась и увидела, что полицейские машины поехали прочь от сцены, колеса скользили по плохо уложенной дороге. Даже в бронированных машинах офицеры-теониты не хотели оставаться в черной части города.

Выполнив работу, Мисаки пошла к месту встречи с Робинот и Эллин. Когда она дошла до переулкa, Робина не было видно, но она быстро нашла мерцающий силуэт Эллин Элден. Долговязая девушка сидела на коротком заборе на краю игровой площадки, которая казалась Мисаки худшим местом для детей. Металлические сооружения были кривыми и острыми, таджаки искривили части и забрали куски для оружия. Песок был полон стрел после столкновения банд.

Эллин замерцала, появлялась и пропадала, пока Мисаки приближалась. Литтиги часто так делала — играла со светом на теле, превращая себя в мираж.

В начальной школе Мисаки говорили, что светлые волосы и глаза хадеанцев были знаками, что они были более примитивным вариантом людей, близко связанные с собаками и обезьянами схожего цвета. Она понимала, что ей говорили много глупостей.

Правда была в том, что Эллин была красивой, резко и до боли. Люди всегда обвиняли кайгенцев Широждимы в строгости, но эта девушка была напряжена в ином плане. Она прибыла в Кариту в юном возрасте, как беженка, как и Робин. Она не говорила о том, что видела на родине до этого, только сказала, что улицы Ливингстона выглядели как рай. Что бы там ни было, это ее ожесточило. Хотя золотые волосы и бледные глаза Эллин немного пугали — может, потому что они были немного жуткими — Мисаки считала их красивыми. Она решила, что, если Эллин была связана с животным, это было что-то достойное и опасное, как леопард или ястреб.

— *Чего ты хочешь, Тень?* — у Эллин был интересный акцент, видимо, из ее родины в Хейдесе. Она могла говорить на линдиш, как каритианка, но оставила намеренно акцент своего племени. Бледно-карие глаза посмотрели на Мисаки. — *Думаю, ты ожидаешь, что я тебя поблагодарю? Справедливо,* — хоть ее голос был спокойным, Мисаки ощущала, что подруга страдала. — *Спасибо, что спасла меня.*

— *Я думала... может, тебе не стоит сидеть тут, на виду?* — Мисаки нервно огляделась. — *Это территория банды, да? Тут могут быть лучники.*

— *Лучники не стреляют по пустым площадкам,* — отмахнулась Эллин. — *Мы можем видеть друг друга, но для людей в окружающих зданиях тут никого нет.*

— *О,* — Мисаки забыла, что Эллин могла не только сплетать из света картинки по своей фотографической памяти, но и делать людей невидимыми с определенных углов. — *Прошу, не переживай из-за того, что было раньше,* — сказала Мисаки. — *Не думаю, что тебе стоит стыдиться. Твоя иллюзия была поразительной. Она сдержала их, и я смогла добраться до тебя. И даже когда она потеряла четкость, они растерялись так, что мне было просто закончить работу.*

— *Ага,* — Эллин хмурилась, крутя ленту света пальцами, а потом дав ей исчезнуть. —

Об этом я всегда мечтала, как девочка: продержаться достаточно долго, чтобы меня спас настоящий теонит.

— *Элл... Белокрылка, все в порядке?* — они должны были использовать клички, когда были под прикрытием, на случай, если фоньяка или сондатиги слушали, но было неправильно говорить такое. Эллин фыркнула и оскалилась.

— *Ты заметила,* — сказала она, — *что каждый борец с преступностью моего телосложения — белый. Словно это нужное качество — быть не настоящим, а белым.*

— *Я это не замечала,* — сказала Мисаки.

— *Не удивлена. Репортер, который назвал меня Белокрылкой, тот же гад, который решил, что я была помощницей Жар-птицы.*

Эллин обычно была крепкой, отпускала резкие замечания о других, но обычно не раскрывала много о себе. События дня, видимо, задел ее глубокую рану. Мисаки не могла остановить такое кровотечение.

Другие четырнадцатилетние литтиги гордились бы, что выжили в бою с теонитами, но Эллин никогда не радовало то, что она могла делать. Хадеанцы не были созданы для физического боя с таджакками и джиджакками. Выживая в каждом бою, Эллин уже потрясала.

— *Если тебе нужно благодарить меня, то я отвечу тем же,* — отметила Мисаки, надеясь, что это поддержит литтиги. — *Ты тоже меня спасла.*

— *Я хотела быть полезной,* — Эллин хмуро смотрела на землю. — *Ты была готова биться с ней сама.*

Мисаки не знала, что сказать. В ее культуре женщин считали хрупкими. Она все еще привыкала к Карите, где целая раса была более хрупкой, чем теониты. Способности Эллин были такими, о каких многие белые и не мечтали, но у нее были недостатки. Это точно ее раздражало.

— *Я думала, твои иллюзии были хорошими...*

— *Не надо снисхождения, принцесса,* — слова звучали не враждебно, как должны были.

Эллин звучала печально.

— *Я и не делала этого,* — наставляла Мисаки. — *Правда, Эллин, я...*

— *Белокрылка, Тень,* — перебила ее Эллин.

— *Точно.*

— *Оставайся и убедись, что Жар-птица не попадет в беду, да?* — она спрыгнула с забора и поправила белый плащ. — *Я вернусь и потренируюсь до ужина.*

— *Где Жар-птица?* — спросила Мисаки.

Эллин подняла руку, Мисаки проследила за указывающим пальцем, увидела крышу, откуда было видно переулочек, где они бились со стражами Техки. Он стоял на краю здания, бахрому красного пальто трепал ветер.

— *Увидимся на уроке завтра,* — сказала Эллин и пропала в воздухе, только биение сердца медленно двигалось к ближайшему переулочку.

Понимая, что иллюзии Эллин уже не защитят ее от жителей Пантеры, Мисаки поспешила в укрытие другого переулочка. Вода собралась у ее рук, и она забралась по бетонной стене к Робину.

Когда она перемахнула край крыши, он все еще был там, стоял у края многоквартирного дома спиной к ней. У Робина в чем-то были сильные чувства, но он плохо ощущал ньяму в общем. Если Мисаки не шумела, он будет стоять, не замечая холодное пятно в форме человека за собой.

Он стоял неподвижно на фоне серого неба, ветер трепал черные волосы и красный плащ за ним. Слои плотной красной ткани пересекались на спине плаща, формируя символ Жар-птицы, созданный Коли.

Мисаки не понимала, почему это была птица. В Рюхон Фаллее птицы были зловещими фигурами, вестниками хаоса, болезней и разрушений. В легендах ее детства человек, похожий на птицу, был демоном. Но Робин объяснил, что было честью иметь птицу — как символ его альтер-эго. Видим, у хадеанцев и коренных баксарианцев это было сильное существо. В зависимости от вида птицы и племени, это мог быть символ мудрости, свободы или перерождения. Мисаки полагала, что, если Робин был демоном, он хорошо старался, выглядя как сила и свобода в красном плаще.

Коли говорил о новых дополнениях плаща Жар-птицы — голографические фибры, которые заставляли бы его сливаться с тьмой, сиять или будто гореть — но Мисаки считала это глупым. Робину помог бы плащ, поглощающий звук, но он и без помощи сиял.

Выпрямившись, Мисаки кашлянула.

Робин склонил голову.

— *Тень.*

— *Жар-птица,* — она скрестила руки. — *Я пришла проверить твою ногу, но я вижу, что ты задумался, так что уйду,* — она повернулась, собираясь спуститься тем же путем, которым пришла.

— *Моя нога в порядке,* — сказал Робин. — *Она перемотана достаточно, чтобы кровь пока не текла. Кто-нибудь осмотрит ее позже. Мне не нужно, чтобы ты ее латала.*

— *Кто сказал, что я ее залатаю?* — Мисаки повернулась, возмущенно отбросив волосы. — *Я хотела вернуть нож.*

Робин поднял руку. Серебряный силуэт вылетел из его ладони, крутясь. Мисаки поймала кинжал за рукоять.

— *Спасибо,* — она убрала оружие в ножны и сказала серьезнее. — *Точно не хочешь, чтобы я сделала корку?*

Робин пожал плечами.

— *Рана в порядке.*

— *Наверное,* — сказала Мисаки, — *раз ты стоишь на краю смерти,* — она подошла к нему и посмотрела на расстояние до земли. — *Ты знаешь, что ты все-таки не птица? Если упадешь с такой высоты, разобьешься и умрешь.*

— *Нет,* — Робин закатил глаза, со слов капал сарказм в стиле Кариты, к которому Мисаки только привыкала. — *Я этого не знал.*

Кровь все еще была на бетоне далеко внизу от боя Мисаки со стражами Техки, но самих мужчин не было видно.

— *Я буду в порядке,* — добавил он. — *Я должен был остаться. Убедиться, что они были в порядке.*

— *Кому до них есть дело?* — нетерпеливо сказала Мисаки. — *Они были ужасны.*

— *Они были просто наемниками Техки. Они даже ничего плохого не сделали, кроме работы не на того парня.*

— *Они направили мачете на Эллин,* — возмутилась Мисаки, — *на подростка.*

— *После встречи с тобой они не повторят эту ошибку. Ты понимаешь идею? Не разрушать людей этого города, а делать их лучше.*

— *Они и недели в этом городе не прожили. Они — чужаки.*

— Как и ты, — сказал Робин. — И я был таким, когда прибыл сюда. Мы не можем бороться с преступностью, если не уважаем жизнь так же, как преступники, с которыми мы боремся.

— Не думаю, что убийство ужасного человека — неуважение жизни, — сказала Мисаки. — Многие коро сказали бы, что это долг, — было определено во всех культурах воинов — Кайген, Ямма, Сицве — что убийство из самозащиты или защиты невинных было благородным делом.

— Я — не многие коро, — сказал Робин, — и я не хочу спорить с тобой. Ты не обязана оправдываться. Я понимаю это. Просто... Я хочу, чтобы ты пообещала, что не будешь никого пытаться убить на этих миссиях, ладно?

Мисаки нахмурилась.

— Ты знаешь, кто я, да? Я — джиджака из необычной семьи, известной убийством людей мечами. Если ты не хотел смерти врагов, зачем брал меня в команду? Зачем... — Мисаки сделала паузу, гадая, стоит ли озвучивать вопрос, мучавший ее два месяца. — Зачем ты меня выбрал?

Мисаки больше времени, чем хотела признавать, размышляла над вопросом. Да, она уже дружила с Робинем и Эллином, когда друзья-сироты решили, что им нужен третий коро в команде. Но у Робина было много друзей, они были куда сильнее Мисаки. Она не видела причины, по которой Робин и Эллин выбрали ее в свой тайный мир.

Робин долго не отвечал, она стала тревожиться, больше слов полилось из ее рта:

— Думаю, моя способность исцелять людей привлекала, раз ты любишь оставлять врагов живыми.

— Они — не мои враги, — сказал Робин. — И это не связано с твоими способностями.

— Тогда почему? — спросила Мисаки.

— Я выбрал тебя из-за этого... ты споришь со мной из-за такого. Ты видишь мир не так, как я, и это... — он отвел взгляд от ее любопытных глаз, не хотел смотреть ей в глаза. — Это важно для меня.

— Да? — Мисаки склонила голову. — А мне казалось, ты хотел бы работать с людьми, видящими мир как ты, — разве не этого все хотели? Общество единомышленников?

— Думаю, это было бы ошибкой, — сказал Робин. — Кто сказал бы мне тогда, что я вел себя глупо?

— Эллин, — сказала Мисаки. — Она любит говорить, что ты ошибаешься, и ее личность отличается от твоей.

— Да, но мы из одного места. Мы как брат с сестрой в этом. Мы о многом не думаем, что стоило бы рассмотреть. Мы не можем позволить себе такую слепоту.

— Вряд ли было бы сложно найти кого-то, готового задавать вопросы, — сказала Мисаки с изумлением.

— Да, но... не такого, как ты. Многие спорили бы со мной, чтобы ощущать себя лучше, умнее, благороднее. Ты так не делаешь. Ты хорошая.

Удивление заткнуло Мисаки. Это удивление быстро сменилось неприятным уколом стыда, и она вздохнула.

— Слушай... прости, что я атаковала Техку в спину, ладно? — буркнула она. — Ты прав. Это было не благородно, — ее отец стыдился бы. Нужно было смотреть воину в глаза, убивая его, все это знали.

— Мисаки, мне все равно, если ты нападаешь на людей сзади, сверху или из люка, —

Робин снова ее удивил. — *Уличные бои всегда грязные и полные обмана.*

— *Тогда,* — сказала Мисаки, растерявшись, — *в чем проблема?*

Робин возмущенно вздохнул.

— *Ты не могла бы бить по коленям?*

— *Спина — более крупная цель,* — возразила она. — *Ледяные копья трудно направлять на расстоянии. Я понимаю, что ты не хотел бы никого убивать, но если выбор между убийством опасного преступника и его побегом...*

— *Пусть убегает,* — твердо сказал Робин.

— *Так тебе нужно, чтобы все жили, но плевать, честный ли бой?* — Мисаки растерялась.

— *У меня всегда был детский взгляд на чистый бой,* — Робин скрестил руки. — *Для меня «чистый бой» — тот, от которого мир становится чище, а не кровавее.*

Мисаки не хотела смеяться — Робин говорил честно — но она не сдержалась.

— *Это не просто по-детски, идиот. Это безумие,* — но это было так мило. В стиле Робина. — *В этом даже нет смысла.*

— *О чем ты?*

— *А если ты отпустишь кого-то, и это будет не мрачный бандит, как Яотл Техка? А если это будет серийный убийца или безумец, решивший отомстить? А если люди будут в опасности из-за того, что они убежали?*

— *Тогда я приму ответственность за это,* — решительно сказал Робин. — *Я не буду пасть, пока их не поймают.*

— *И ты думаешь, что это сработает?*

— *Должно.*

Мисаки мгновение разглядывала друга.

— *Робин... Жар-птица... люди умирают,* — сказала она. — *Сколько я слышала об этом месте, люди тут все время умирают. Почему тебе так важны эти жизни?*

— *Потому что никто за ними не приглядывает.*

— *Ты не думал, что дело в том, что они того не стоят?*

Робин резко повернулся к ней, темные глаза сверкнули.

— *Посмотри вниз,* — он указал на пятна крови на асфальте, где Мисаки одолела стражей Техки. — *Ты знаешь, как эти люди ушли из переулка?*

— *Ты послал сигнал. Я знаю, что полиция не вызвала скорую, но решила, что кто-то это сделал,* — хотя, если подумать, она не слышала сирен.

Робин покачал головой.

— *Тут неподалеку вейсис адинов.*

— *Вейсис?* — Мисаки слышала раньше каритианский термин, но не знала, что он означал.

— *Нейтральная земля,* — сказал Робин, — *убежище, признанное всеми главными бандами. Ты не нападаешь на человека, укрывающегося в вейсисе, это против кодекса улиц.*

— *Я не знала, что тут есть кодекс чести,* — признала Мисаки.

— *Его не признает правительство. Все в этой части города были подавлены или брошены силами теонитов, на которые полагается остальной мир, но они не сдаются. Они создали тут свою жизнь и культуру. Не идеальные, но стоящие защиты, даже если правящие теониты, политики и полиция решили иначе.*

— *Если люди тут честно пытаются, то почему тут такой бардак?* — спросила

Мисаки. — *Почему тут все еще есть бедные и необразованные?*

— *Почти половина Северного Конца населена коренными баксарианцами. Они хорошо жили, пока колонизаторы Яммы не явились и убили их треть, поработили еще треть и заставили последнюю треть заключить браки Фаллеи.*

— *Точно,* — джасели в Ишихаме всегда рассказывал Мисаки, что жители Абирии и Кариты были благодарны бракам с сильными ямманками. Она быстро поняла по коренным баксарианцам в Карите, что это было далеко от правды. Похоже, не все в мире считали сильный род стоящим обмена на автономность.

— *Адины тут без преимущества,* — продолжил Робин. — *Их привели сюда как рабов, чтобы создать фермы на землях, которые Ямма украла у коренных, но когда их эмансипировали, им не дали своих владений. Некоторые коренные баксарианцы могут хотя бы соперничать с келендугука физически, но у адинов нет даже этого. Просто судить, когда у тебя есть наследие, важное имя, поразительные силы от родителей,* — голос Робина стал пылким. — *Как просто, по-твоему, построить жизнь из ничего?*

— *Ты говоришь не только об адинах и коренных баксарианцах,* — тихо сказала Мисаки. — *Ты говоришь о себе,* — он попал в Кариту как беженец, у него не было ничего, потому он ощущал близость с этими людьми.

— *Что?* — Робин удивился. — *Нет. Я... мне повезло больше, чем им. Да, мы с Элли были беженцами в этих трущобах, но редкие сироты Ливингстона обладают силами, которые могут провести их в академию теонитов.*

— *Не твои силы делают тебя особенным,* — сказала Мисаки, — *вас обоих.*

Ее отец всегда говорил, что не всему бойца можно было научить — духу, смелости и способности быть больше себя. Робин отличался от сотен коро, которые звали себя смелыми и бескорыстными. Он умер бы честно, чтобы защитить самого грязного нищего в этих трущобах. Это было глупо, красиво, и это вызвало жуткую тревогу у Мисаки.

Как и говорил Робин, уличные бои были грязными и полными обмана. Он мог говорить, что у банд в Северном Конце был кодекс чести, но Мисаки была уверена, что никакой кодекс не защитит честного парня, как он. Ей было не по себе, пока она думала, какие монстры в переулках могли использовать доброту Робина, и что они могли с ним сделать... Вопрос бы не в том, умрет ли он. Вопрос был в том, умрет ли он быстро, с целым духом, или медленно, когда все зло мира порвет в нем оптимизм на кусочки.

Робин был сильным бойцом, но она знала, что хватит меткой иглы, чтобы повалить великана. Были сражения, где можно было победить беспощадностью. Один миг колебаний или мягкости против опасного противника мог стоить Робину жизни. Тот свет погас бы. Мысль создала безумную панику в Мисаки.

— *Но ты убил бы,* — сказала она, звучало как мольба, требование, — *если придется.*

— *Нет.*

— *Даже серийного убийцу? Насильника? А того колдуна, о котором мы слышали, который скармливает врагов диким зверям?*

Робин покачал головой.

— *Это не мне делать. Миру не нужен еще один сильный теонит, пытающийся навязать свою идею справедливости городу адинов. Я не буду таким.*

— *А спасение своей жизни?* — осведомилась она. — *Если можно будет спасти тебя или врага...*

— *Я найду способ избежать смертей.*

— *А если не сможешь?* — настаивала она. — *Если они слишком сильны, другого выхода нет, тогда ты убьёшь?*

— *Нет,* — тут же ответил Робин. — *Слушай, первые борцы с преступностью Ливингстона убивали людей, и все они умерли жестоким образом до своего времени.*

— *О, ладно,* — сказала Мисаки, используя каритианский сарказм, чтобы скрыть тревогу. — *Это очень успокаивает.*

— *Я о том, что попытки зарезать преступника раньше, чем он ударит тебя, не обязательно хорошая стратегия.*

— *Это самое глупое, что я слышала,* — рявкнула Мисаки, — *и ты уже сказал много глупостей сегодня,* — она не знала, как это работало с уличными бойцами, но каждый мечник знал, что первый удар был важен.

— *Я просто пытаюсь сделать все лучше.*

— *Ты — идиот.*

Робин пожал плечами.

— *Мой брат говорил так, когда мы были маленькими. Я не передумал.*

Мисаки глядела на Робина, кусая щеку изнутри, внутри нарастал странный гнев.

И она толкнула его.

Обычно изящный боец растерянно пискнул, и Мисаки испытала миг ужаса, думая, что он упадет — что она убила его — но он сохранил равновесие на краю крыши.

— *Мисаки!* — он повернулся к ней, температура поднялась от ярости. — *За что?*

— *Я не знаю...* — было странно, как приятно было видеть гнев на его лице, зная, что он не хотел умирать. — *Мне нужно было убедиться, что ты адекватный.*

— *Что с тобой такое?*

— *Я не хочу, чтобы ты умирал.*

— *Мисаки,* — он покачал головой. — *Я не знаю, о чем ты думаешь, но я могу о себе позаботиться.*

— *Я знаю,* — сказала она. — *Я не уверена, что ты сделаешь это.*

— *Сделаю.*

— *Да? Как много раз ты мог одолеть Яотла Техку сегодня, пока он не прижал мачете к твоей шее? Сколько раз ты будешь рисковать своей жизнью, чтобы спасти преступника, который этого не заслуживает? Как долго ты сможешь так держаться, пока не умрешь?*

— *Если нужно убивать, чтобы это работало, я умру. Я видел многих теонитов, ставящих свои жизни выше других, потому что они считали себя правыми. Я не буду один из них.*

— *Ты не понимаешь? Ты умрешь!*

— *Тогда я умру правильно!* — он шагал к ней, но раненая нога не выдержала, и он упал.

— *Робин!* — Мисаки бросилась и схватила его за руку, когда он потянулся к ней.

Зная, что ей не хватит веса, чтобы удержать обоих, даже если бы она стояла прочно. Мисаки бросила весь вес назад. Они рухнули на бетонную крышу вместе, Робин оказался на ней. Он уперся ладонями, не дав своему телу раздавить ее, но Мисаки ощутила прилив жара от такой близости.

«Великий Наги! — ошеломленно подумала она. — Он такой тёплый!» — не обжигал, не был как голубой огонь Матабы. Просто... тёплый. Он выдохнул, и жар задел ее холод паром. Мисаки ощутила, как ее лицо покраснело.

— *Прости!* — громко сказала она.

— *Прости,* — Робин отпрянул от нее, и она села, фыркнув, благодарная, что он не ощущал ее усиленно. Иначе он ощутил бы, как трепетало ее сердце за возмущением на лице. Хотя теперь она прислушалась, его сердце быстро билось. Он... он просто чуть не умер. Наверное, причина была в этом. — *Спасибо,* — сказал он. — *Я...*

— *Больше так не делай!* — выпалила Мисаки, удивленная силой эмоций в голосе. Это потрясло и Робина, он моргнул.

— *Что не делать?* — спросил он. — *Не падать со здания?*

— *Не пугай меня так! Я говорила тебе не стоять у края, идиот! Говорила!*

Мисаки глядела на него, ее щеки пылали, она ощущала гнев, но увидела перед собой свою цель.

— *Ты меня толкнула,* — ошеломленно сказал Робин.

— *Ты меня довел,* — рявкнула она.

— *Почему ты так злишься на меня?*

— *Потому что ты мне нравишься!* — закричала Мисаки, не думая. Глаза Робина расширились, и она ощутила, как покраснела сильнее, все ее лицо точно стало ярко-розовым.

— *Ты... что?*

— *Я... уважаю тебя,* — исправилась она, щеки пылали. — *Я уважаю то, что ты не убиваешь, и я попытаюсь быть осторожнее с клинками в будущем, но мне нужно, чтобы ты что-то понял.*

— *Да?* — настороженно сказал Робин.

— *Если я подумаю, что твоя жизнь в опасности, я убью за тебя.*

— *Что? Я не хочу, чтобы ты так делала.*

— *Это не тебе решать.*

— *Я не хочу, чтобы ты убивала хоть кого-то в этом городе.*

— *Тогда лучше не попадай в смертельную опасность,* — сказала Мисаки.

— *Что?*

— *Это просто,* — Мисаки встала над Робинем. — *Хочешь оберегать убийц и наркоторговцев, не давай им тебя убить. Я прошу лишь сохранить себя живым. Ты же можешь это сделать?*

Робин вздохнул, прижал ладонь к лицу.

— *Только ты можешь предложить предложение помощи в угрозу.*

— *Просто пообещай, что ты будешь осторожнее со своей жизнью.*

— *Это странно.*

— *Пообещай мне!*

— *Ладно. Обещаю, что постараюсь.*

* * *

Следующим утром Мисаки проснулась рано, пошла к Коли Куруме в башне Филдстон. Первогодки обычно не получали свои мастерские, но они обычно и не могли строить свои компьютеры и голографические проекторы.

Таджака сидел за столом, сутулясь, широкие ладони двигались над его работой, как пауки. Многие нуму не использовали скорость теонита, Коли использовал ее, и его пальцы двигались быстро, как его мозг.

— *Нуму Курума?* — сказала он, открывая дверь. — *Прости, что мешаю...*

— *Я же говорил, можно просто Коли.*

— *Коли...* — было странно так фамильярно обращаться к кузнецу из знаменитой семьи. — *Прости, но я потеряла один из ножей, которые ты мне дал.*

— *Ты знаешь, как долго мои друзья из Кумбии их ковали?* — Коли был плохим кузнецом для нуму, но он развил широкую сеть других мастеров, так что это было не важно. Он передавал работу по металлу родственникам и друзьям в обмен на сложную техническую работу, которую они не понимали.

— *Прости. Замена возможна?*

— *Те ножи были близнецами, Мисаки. Нельзя заменить один и ожидать, что они будут как прежде.*

«Мастер», — подумала печально Мисаки.

— *Ладно, если тебя это тревожит, я возьму другую пару. Я буду рада заплатить, сколько...*

— *У моей семьи больше денег, чем ты когда-либо видела, принцесса.*

— *Л-ладно...* — неуверенно сказала Мисаки. Она знала Коли Куруму месяцами, но его поведение все еще ее путало.

— *Я знаю, что важные корону всегда думают, что нуму нужно защищать, но я работаю не за деньг.*

Мисаки не знала, что сказать. Она не знала, почему он говорил с укором, многие нуму полагались на поддержку коро. Богатая семья Кол была одним из нескольких кланов нуму в мире, которые заслужили право управлять своей огромной корпорацией. Такого не существовало в Кайгене.

— *Я не говорила о...*

— *Пойми, Мисаки. Я снаряжаю тебя, Робина и Эллин, потому что хочу. Уважай это и больше не предлагай мне деньги. Если нужно ещё кинжалов, они твои.*

— *Я... кхм... Я хотела поговорить об этом, Нуму Ку... Коли. Я думала, что могу перейти от кинжалов дальше. Я...* — она сделала паузу. — *Я хочу меч.*

Коли повернулся на стуле и приподнял брови.

— *Что?* — спросила Мисаки, смущаясь под пристальным взглядом.

— *Ничего. Просто помню, как предложил меч, когда ты впервые пришла за оружием ко мне. Ты сказала мне что-то глупое. Что это было?* — он прищурился. — *Мечи — оружие мужчин?*

Мисаки нахмурилась.

— *Знаешь, что? Не важно. Не хотите помочь, я найду оружие сама,* — она повернулась и была почти у двери, когда Коли заговорил снова:

— *Уточнения?*

Она замерла с ладонью на дверной раме.

— *Ничего необычного,* — решила она через миг. — *Мне просто нужен клинок длиннее кинжалов, что-то, что может рассечь несколько тел, если нужно.*

— *Ох, планируешь убийство, принцесса?*

Ее ладонь сжалась на дверной раме.

— *Надеюсь, нет.*

Дальше Мисаки направилась в главную гимназию. Она избегала открытых продвинутых тренировок с мечом, придя в Рассвет. В начале года она посещала пару тренировок новичков ради веселья, но не ощущала себя готовой к серьезным занятиям. Она могла быть талантлива, но меч никогда не был ее целью. Как иначе? Она была девушкой. Но тем утром

она присоединилась к продвинутым ученикам под стеклянным куполом гимназии.

Инструктор меча Рассвета, Макан Вангара, обычно поручал присмотр за новичками своему сыну, Киноро, или одному из студентов высокого ранга, но старый коро всегда следил за продвинутыми тренировками сам. Сегодня он стоял на трибунах, следил за входящими студентами. Продвинутая тренировка была открыта для всех, хотя Вангара переводил студентов в группу новичков, если они плохо справлялись.

Мисаки была уверена, что могла заниматься с этой группой, некоторые тренировались с мечом три-четыре года, которые посещали Рассвет. Но она ощущала себя ужасно маленькой, когда они стали искать напарников для боя. Она была ниже всех ее возраста, и эти студенты были от двух до четырех лет старше нее.

Девушка-биладугука с коричневой кожей сжалась над Мисаки и предложила потренироваться с ней. Ей было на вид лет пятнадцать, второй или третий курс.

— *Я — Азар Туроре,* — девушка поприветствовала Мисаки в стиле Ямма, взяла джиджаку за руку и коснулась губами костяшек.

— *Верно,* — Мисаки ответила на жест, неловко ткнулась губами в костяшки Туроре и отпустила ее ладонь как можно быстрее, но не грубо. Она не привыкла к прикосновениям, как таджаки, и она не была уверена, что привыкнет. Она не была против жара, но знала, что им было не по себе от ее холодной кожи, и это ее всегда смущало... хотя Робин не был против. Она встряхнулась и улыбнулась девушке. — *Я — Мисаки Цусано. Рада знакомству, Коро Туроре.*

— *Просто Азар, пожалуйста,* — сказала девушка, и они стали выбирать тренировочные мечи из ящика.

Боккены тут не были деревянными, как у Мисаки дома. Они были из какого-то синтетического материала, который не загорелся бы в руках разошедшегося таджаки. В Карите редкое было из дерева, кроме самих деревьев. В стране было больше сорока процентов таджак, так что дерево было непрактичным стройматериалом.

Мастер Вангара крикнул название техники, которое Мисаки не узнала, и остальные бойцы стали двигаться, стуча синтетическими боккенами. Несмотря на ее опыт, Мисаки не привыкла к терминам Яммы и тренировочным методам.

— *Ты уже применяла такую технику?* — терпеливо спросила Азар.

— *Нет,* — Мисаки следила за парой студентов рядом с ними, повторяющими движения в третий раз.

— *Ого, я могу тебя научить.*

— *Все хорошо.* — Мисаки следила за двумя студентами, повторяющими прием в четвертый раз. — *Я справлюсь.*

— *Что...?*

— *Я справлюсь. Прошу, нападай, Коро Азар.*

Азар напала впервые, сделала это так нежно, словно переживала, что сломает Мисаки, если ударит слишком сильно. Мисаки привыкла к этому, но Азар набрала силу и скорость, как только увидела Мисаки в действии.

— *Откуда ты?* — спросила Азар, когда мастер Вангара объявил перерыв.

— *Я из Широждимы. Кайген.*

— *Почему я не видела тебя на этих тренировках раньше?*

— *Я... кхм...* — Мисаки пожала плечами, не желая объяснять.

Другие девушки в Рассвете относились с отвращением к идее стать домохозяйкой.

Глубокая и беспокойная часть Мисаки была рада, что находилась там, где ее жестокость была ожиданием, не удивлением. Другая глубокая часть нее желала защитить ее культуру от чужаков, которые не понимали ее.

— *Кто тебя научил?* — спросила Азар.

— *Мой отец.*

— *О, он военный?*

— *Нет,* — предположение было понятным. Во многих странах самые умелые бойцы вступали в армию. Кайгенская империя набирала воинов из основных провинций, оставляя дома коро в Широждиме и других провинциях вооружаться и тренироваться самим.

У Азар было больше вопросов, но мастер Вангара призвал их выстроиться. Вторая техника была сложнее, и Мисаки ощущала пробуждение. Азар не давала Мисаки заскучать, хотя ее стойки были недостаточно широкими, а плечи были чересчур напряжены. Мисаки этого не сказала, конечно. Азар была старше, это было неуместно.

Они перешли к продвинутым техникам, и Азар начала понимать уровень Мисаки.

— *Фаллеке!* — воскликнула она. — *Я еще не видела, чтобы кто-то менял стойки так быстро!*

— *Я маленькая,* — Мисаки пожала плечами. — *Ниже центр притяжения.*

В отличие от некоторых корону, резкая реакция Азар на навыки Мисаки не была возмущением. Она была в восторге.

— *Тебе нужно потренироваться в следующий раз с Киноро или ребятами с четвертого года,* — сказала она, когда мастер Вангара объявил конец разминки, — *кем-то ближе к твоему уровню.*

Мисаки видела немного тренировок Киноро Вангары, знала, что Азар перегибала намекая, что она была близко к его уровню. Или она не понимала разницу между умелым бойцом и гением.

После короткого перерыва мастер Вангара собрал учеников у боевого круга, отмеченного на полу.

— *Что будет теперь?* — прошептала Мисаки Азар.

— *Не знала? Продвинутая тренировка заканчивается боями. Все бьются хоть раз.*

— *О,* — удивленно сказала Мисаки. — *Весело.*

Азар скривилась.

— *Иногда,* — сказала она. — *Порой это страшно.*

Мастер Вангара хлопнул в ладоши, призывая группу послушать, и разговор умолк.

— *Хватит разминки, ребята,* — мечник не говорил громко, ему не нужно было. Он был из тех, кого все старались слышать. — *Пришло время боев.*

— *Хочешь, чтобы я судил второй ринг, Баба?* — предложил Киноро.

— *Нет, я буду судить начало,* — сказал мастер Вангара, — *и так далеко, насколько бойцы...* — он потер руки, повернулся к студентам у круга. — *Ты,* — он указал на Мисаки, и она выпрямила спину от удивления. — *Новенькая. Знаешь сражения с очками?*

Мисаки мысленно скривилась. Она знала международный стиль боев на мечах, просто не думала об этом толком.

Таджаки, похоже, любили жалкие стычки, которые загоняли бойцов до физических границ и давали возможности для креатива и бахвальства. В схватках работала глупая система очков, которая позволяла соперникам с тренировочными мечами получать очко там, где они умерли бы в бою с настоящим оружием.

Первый летальный удар давал пять очков. Каждый следующий стоил двух, а удар, который мог бы пустить кровь, но не был летальным, стоил одного очка. Судья просто кричал очки, когда видел их, без перерывов. Хотя за первый летальный удар давали пять очков, все это было нереалистично.

Мисаки подозревала, что такой подход к бою давал Робину обманывать себя тем, что он мог вступать в схватки с шестью преступниками за неделю, не умирая. Любой мечник Широждимы знал, что настоящий боец мог повалить противника одним ударом. Но долгий бой с очками мог быть выгодным Мисаки, если она планировала выживать в Северном Конце, ранив преступников, но не убивая их...

— Ну? — сказал мастер Вангара, и Мисаки поняла, что глупо глядела на него миг.

— Д-да, Короба, — тихо сказала она. — Я знаю сражения с очками.

— Отлично. Раз ты впервые с нами, выбирай.

— Что?

— Выбери кого-то для боя.

Мисаки осмотрела группу, взвешивая варианты. Она никого из них не знала. Она решила, расправила плечи и назвала противника:

— Киноро Вангара.

В зале стало тихо.

Это было нагло, Мисаки обычно так не делала, но ей нужно было стать чем-то больше, чем просто Мисаки, чтобы исполнить обещание. Обычный мечник не сможет защитить Робина.

Мастер Вангара смотрел на нее с новым интересом, другие ученики шептались.

— Думаю, стоит уточнить перед тем, как ты ступила в ринг: ты понимаешь, кому бросаешь вызов?

— Да, Короба.

— Хорошо, — Вангара кивнул сыну пройти в круг, но Киноро медлил. Он переводил взгляд с отца на Мисаки и обратно.

— Уверен, Баба? — сказал он.

— Да, — сказал мечник. — Занимайте позиции.

Юный Вангара все еще медлил.

— А ты уверена? — спросил он у Мисаки.

Киноро Вангаре было шестнадцать — на два года старше Мисаки — и у него была типичная темная кожа Сицве и черные косы, которые он собирал резинкой сзади для боя. Он был сложен как кот из джунглей, длинные конечности, сильные мышцы.

— Не будь грубым, Киноро, — упрекнул мастер Вангара. — Она хочет боя. Прояви уважение.

Киноро сдался и прошел в круг, Мисаки заняла позицию напротив него. Студенты вокруг завопили и захлопали. У ребят не из Кайгена была раздражающая привычка вопить и топтать, отвлекать шумом, пока бойцы сражались. Они считали, что помогали. Они решили, что похвала и песня давали силы. Работа многих джасели Яммы состояла из преследования коро, рассказов о них и песнях об их достижениях.

Мисаки не понимала, как песня могла сделать человека сильнее. Сила рождалась в человеке и жила в бессловесных глубинах души. Сила рода не была тем, о чем пели, ее знал владелец, а другие лицезрели. Коро Кайгена редко давали джасели ходить за ними. Настоящая сила не нуждалась в словах. Она говорила за себя.

Она невольно поклонилась, прижав ладони к бокам, боккен был под правой рукой. Поклон не был тут частью боевого ритуала, но ощущалось неправильным начинать бой иначе. Киноро поклонился плавно в ответ, как мечник Кайгена сделал бы, и Мисаки вспомнила, что Вангара славились тем, что учились разным стилям по всему миру, от Сицве до Ранги и Биладугу. Этот парень тренировался с кайгенцем раньше. Он узнает ее уловки, а она его трюки не знала.

— *Займите стойки*, — сказал мастер Вангара.

Мисаки подняла боккен на среднюю высоту, стандартная позиция, которой ее научил отец, Киноро опустился в странной кошачьей стойке, которую она не узнала. Медленно выдохнув, она попыталась увидеть в нем преступника. Ей нужно было не позволить ему навредить Робину. Ей нужно было...

— *Бой!*

Киноро вскочил, словно вылетел из пушки. Его боккен скользнул по животу Мисаки раньше, чем она стала защищаться.

Мастер Вангара крикнул:

— *Пять очков — Киноро!*

«И конец боя», — подумала Мисаки, ее мутило, и это не было связано с ударом тренировочного меча по животу.

Но они бились с правилами таджака. Мисаки попыталась ответить, ударила боккеном по шее Киноро, но он отскочил так быстро, что оказался вне досягаемости, когда оружие долетело. Она разворачивала меч для второго удара, когда он попал ей по ноге.

— *Одно очко — Киноро!*

Сын мечника превосходил Мисаки в размере, силе, скорости, гибкости, и больше злило то, что он в этом не нуждался. Его навык так превосходил ее, что он мог бы одолеть ее, даже ограниченный физически. Каждый финт был идеален, ловил ее, каждый удар был направлен безупречно. Его шаги были замысловатыми, он будто телепортировался с одной стороны от Мисаки к другой.

Как только она подумала, что поймала его, он вдруг пропал, а появился через миг и получил очко, ее клинок взлетел широко, раскрыв ее центр. Он не ударял больно, но каждый удар его боккена потрясал ее. Ученики по краям топали и кричали так громко, что она едва могла думать, и он был таким быстрым...

«Нет, — подумала она, когда он ударил ее по плечу, миновав ее защиту. — Это не просто скорость. Это предвидение», — Киноро Вангара двигался идеально вовремя, предвидя каждое ее движение, ударяя, когда она была уязвима. Ей нужно было вести себя не так предсказуемо, запутать его.

Она стала наступать, сделала обманчивый выпад к его шее, который пробовала уже несколько раз. Он уклонился, как она и ожидала, отпрянул от радиуса ее взмаха, но все же был достаточно близко, чтобы его задняя нога толчком направила его в атаку. Но она не стала ждать, пока он прыгнет, а повернулась, дала силе ее атаки направить ее в другую, удар снизу в том же направлении, что и первый.

Киноро удивился и избежал удара по голове, только неожиданно изменив направление шага. Боккен Мисаки по стуком попал по его косе, и толпа по краям одобрительно взревела. Даже почти очко против Киноро было для них поводом праздновать. Не для Мисаки. Ей нужно было биться лучше.

Она всегда быстро училась, но этот Киноро Вангара, похоже, учился даже быстрее.

Вторая ее попытка сделать финт и поворот вызвала его ответ, он пригнулся и направил ногу в развороте, чтобы сбить Мисаки с ног. Ее инстинктом было откатиться при падении, но Киноро как-то зацепился пальцами ног за ее лодыжку, сделав ее ход невозможным. Она рухнула на предплечья, ощутив боль, чуть не сломав нос об пол из стекла джонджо.

— *Два очка, Киноро!* — крикнул мастер Ваджака, боккен таджаки коснулся шеи Мисаки сзади и замер там.

— *Сдавайся!* — сказал Киноро.

Мисаки хотела. Она задыхалась, руки болели от ударов Киноро. Но Робин встал бы. Робин бы еще бился, и Мисаки должна была его защищать. Упершись левой ладонью в пол, она стиснула зубы. А потом вонзила боккен в меч Киноро, отбивая его от своей шеи.

Другие ученики вопили и пели, а она поднялась на ноги, шатаясь, но Киноро вскоре снова сбил ее на пол. В этот раз она рухнула на спину, звезды вспыхнули перед глазами, боккен Киноро коснулся ее горла. Она быстро моргала, чтобы темное лицо таджаки не расплывалось над ней. На его лице не было насмешки. Мисаки не была такой нежной со слабыми бойцами.

— *Ты постаралась,* — сказал он, черные глаза были мягкими от сочувствия, в котором Мисаки не нуждалась. — *У тебя мое уважение.*

«Я не хочу твоего уважения, — с горечью подумала она. — Я хочу быть лучше!».

— *Сдаешься?*

Мисаки стиснула зубы. Она еще ни разу не попала. Киноро посмотрел на отца.

— *Баба, ты можешь отозвать...*

Мисаки взмахнула боккеном изо всех сил. Он попал по голой лодыжке Киноро с громким треском.

— *Ай!* — закричал Киноро. Внезапная боль заставила его ослабить хватку на его боккене, и Мисаки выбила его из его руки. Она перекатилась и оказалась на карточках с двумя мечами. — *Это было нечестно!* — воскликнул Киноро, держась за лодыжку.

— *Одно очко, новенькая!* — рассмеялся мастер Вангара.

— *Баба!* — Киноро возмущенно посмотрел на отца, его температура росла. Было сложно сказать, злился он больше на Мисаки или отца, но раздражение могло сделать его неуклюжим. Он повернулся к Мисаки и указал на нее. — *Я теперь буду бить тебя по-настоящему.*

Обычно Мисаки нравилось издеваться над соперником. Она веселилась, побеждая Робина и делая подножки Казу, но сейчас улыбаться не хотелось.

Киноро без оружия принял боевую стойку. Мисаки взвесила варианты. Благородный боец бросил бы оружие таджаке, но она забыла о чести, ударив его по лодыжке. Никому не было дела до правил в бою на улице, и если она хотела там преуспеть, она не могла позволить вежливость.

Бросив Киноро боккен, она могла его отвлечь, но его рефлексy были так хороши, что он поймал бы его в воздухе. Она не могла даже выбросить меч за ринг, парень мог как-то поймать его и там.

Оставалось только держать оба меча и думать, что можно было сделать. Она не умела сражаться с двумя мечами, но два кинжала в боях с преступниками давали ей ощущение равновесия, когда оружие было в обеих руках. Сжимая правый боккен так, чтобы бить дальше, она повернула левый обратным хватом, чтобы защищаться, если Киноро приблизится.

Острые глаза таджики следили за движениями, он читал ее мысли. Он уже не просил отца остановить бой. Теперь он включился. Шум толпы стал ритмичным хлопанием, словно биением сердца, постепенно ускорялся, пока два бойца кружили.

С защитой в виде меча в левой руке, Мисаки могла бить противника свободнее. Киноро был подвижным, но она смогла поймать его у края круга. Даже загнанный в угол, Киноро смог отразить ее атаку, приняв удар предплечьем, а не ребрами, а потом юркнув мимо Мисаки и уйдя из зоны досягаемости ее меча.

— *Одно очко, новенькая!* — заявил мастер Вангара.

Толпа одобрительно редела, но звук злил Мисаки. Одного очка было мало. Ей нужен был убивающий удар. Придется взмахнуть быстрее, чтобы получить шанс на решительный конец. Без колебаний.

Киноро тряхнул рукой и напал на нее.

Вот! Она взмахнула... и промазала. Киноро как-то смог юркнуть быстрее, чем она могла думать. Ее левая ладонь, которую нужно было поднять, чтобы защитить центр вторым боккеном, попала в обжигающую хватку Киноро. Она пыталась ударить правой рукой, но взмахнула до этого так сильно, что потеряла равновесие. Киноро использовал момент, чтобы перевернуть ее и обрушить на спину.

Мисаки смогла повернуться в воздухе, ноги оказались под ней, но это не помогло. Она едва коснулась земли, и ладонь Киноро ударила ее в грудь, бросая ее назад. Оба боккена вылетели из ее рук. Она услышала, как они упали со стуком, ее тело рухнуло на пол и немного проехало. Стекланный купол кружился над ней. Она не могла дышать.

— *Киноро!* — сказал с упреком один из старших учеников. — *Это было слишком!*

— *Прости!* — сказал Киноро, и Мисаки смутно уловила приближение его быстрых шагов. — *Ты...*

— *Она в порядке,* — сказал мастер Вангара. — *Оставь ее.*

Шаги остановились.

— *Но, Баба...*

— *Займись поединками, Киноро. На другом круге.*

Глаза слезились, Мисаки смогла вдохнуть. Она просто упала. Вангара был прав, она будет в порядке. Хотя она себя так не ощущала. Она была в панике. Бой — даже поражение — еще никогда не вызывал у нее такие чувства.

До этого игра с мечом была чистой радостью. Ее талант и доступ к указаниям отца автоматически ставили ее выше девяноста процентов других бойцов, кого она встречала. И если она проигрывала — если Казу удавалось нечаянно попасть или кто-то ее сбивал — разве это было важно? Она была девушкой, и никто не считал ее достойным соперником. Это было лишь хобби — радостью, если получалось, не важным, если не выходило. Но если такая ошибка означала разницу между жизнью и смертью Робина... эта мысль не радовала. Вызывала только боль.

Она лежала, смотрела на потолок, медленные шаги приблизились, и она увидела мастера Вангару над собой.

— *Тебе это не понравилось,* — бодро сказал мечник.

Мисаки не сразу ответила. Она все еще старалась глубоко дышать.

— *А д-должно было?* — буркнула она.

— *Многие бойцы обожают бросать вызов и пытаться ударить Киноро. Другим нравится дразнить его, но для тебя каждый миг был тяжелым. Для кого-то,*

сражающегося умело, ты презираешь это.

— *Я предпочитаю побеждать.*

— *Многие коро предпочитают побеждать, —* сказал он. — *Многие не бросают глупо вызов моему сыну в бою один на один.*

Мисаки лежала и медленно дышала.

— *Вставай.*

Мисаки пыталась, но в мышцах не было сил, и она не справилась. Все болело.

Мастер Вангара вздохнул, раскрыл ладонь и выстрелил в нее огнем. Мисаки вскрикнула и вскочила на ноги, успела спастись от огня.

— *Я не видел тебя раньше, —* сказал мастер Вангара. — *Кто ты?*

— *Цу... Мисаки Цусано, —* она вспомнила, что жители Яммы называли сначала имя, потом фамилию. — *Я — первогодка в Лаймстоун Четыре.*

— *Цусано, —* мастер Вангара кивнул. — *Ясно. Полагаю, братьев у тебя нет?*

Неплохая догадка. Это объясняло бы, почему девушка тренировалась владению мечом с отцом, но у Мисаки ситуация была иной.

— *Три, —* гордо сказала она, — *но они не так хороши, как я.*

— *А ты тут, —* сказал мастер Вангара. — *Значит, твои родители не совсем традиционные люди.*

— *Они довольно традиционны, —* сказала Мисаки. — *Они все еще выдадут меня замуж, когда я закончу обучение тут, —* пару месяцев назад эта мысль не вызывала бы странную боль в груди Мисаки. Почему в голове вдруг возникло лицо Робина?

— *Интересно, —* мастер Вангара скрестил руки.

— *Да, Короба?*

— *Просто думаю, —* сказал он, — *зачем будущей домохозяйке быть умелым бойцом?*

Мисаки упрямо нахмурилась.

— *Может, для меня это просто развлечение, Короба.*

— *О, уверен, но ты пришла сюда не только ради веселья. Ты пришла сюда из необходимости.*

Мисаки удивленно посмотрела на мечника.

— *Как вы...*

— *Ты пришла сюда с целью сегодня. Я видел это на твоём лице. Это что-то очень важное для тебя, раз ты бросила вызов моему сыну из всех.*

— *Может, я просто дура с огромным эго.*

— *Если бы ты ступила в тот круг ради своего эго, ты вела бы себя противнее сейчас, —* уверенно сказал Вангара. — *Редкое неприятнее задетого эго. Ты хотела увидеть свой уровень, и ты честно хотела быть лучше.*

Мисаки кивнула.

— *Меч красив сам по себе, но мне нравится решимость ученика, —* мастер Вангара смотрел мгновение на Мисаки, и она нервничала, что он попросит ее уточнить, зачем она пришла тренироваться. Она не могла описать ему свою цель. Она не могла говорить ему о Жар-птице, но он не лез. Он сказал. — *У меня есть время в этом сурадоне в десять ваати.*

Мисаки резко вскинула голову.

— *Что?*

— *Я поищу тебе соперника твоего размера и силы. До этого, боюсь, придется тренироваться с Киноро.*

— *Что вы...* — голова Мисаки вдруг закружилась сильнее, чем когда Киноро обрушил ее. — *В-вы предлагаете учить меня?*

— *Не предлагаю, Цусано. Настаиваю.*

— *Н-но...* — бойцы лучше Мисаки состязались жестоко, чтобы учиться у Макана Вангары. — *Но вы не учите первогодок,* — сказала она вяло.

— *Я учу тех, кто нуждается во мне,* — Вангара поддел носком боккен Мисаки и подбросил оружие в свою руку. — *Многим первогодкам не хватает опыта, чтобы мои указания помогли им стать лучше, чем они стали бы в состязаниях с Киноро и менее опытными бойцами. Если хочешь продвинуться дальше того, что ты узнала от отца, тебе нужен я.*

— *Вангара Кама, я н-не знаю, что сказать. Спаси...*

— *Ты знаешь ката Цусано-рю?*

— *Да, Короба,* — сказала она, хоть давно их не оттачивала, — *все, кроме форм Меча-клинки.*

— *Хорошо,* — он бросил ей боккен с ослепительной скоростью для мужчины его возраста и обрадовался, когда она его поймала. — *Практикуй это. Будь готова показать их мне к сурадон, и не пытайся срезать углы. Я знаю, как они должны выглядеть.*

Мисаки сжимала боккен и улыбалась.

— *Мне нужно что-то брать, Короба?*

— *Ничего кроме этой улыбки.*

— *Что?*

— *Если хочешь быть мечником лучше, тебе нужно найти цель и радость в бою одновременно. Теперь, прости, но мне нужно проследить за парой других боев.*

Мисаки кивнула.

— *В десять ваати, сурадон,* — сказала она, убеждаясь, что ей не показалось. — *Ката Цусано-рю.*

— *И улыбку,* — сказал Вангара и пошел судить другой бой.

ГЛАВА 7: СОЛНЦЕ

Когда Мисаки спрятала меч, она забила его половицами. Это было обещание себе. Она не могла уничтожить часть себя, агрессивную и бойкую, но могла ее закопать. Так она тогда думала.

— *Джиджакой быть хорошо,* — сказал ей как-то мастер Вангара, — *это лучший теотип для мечника.*

— *Почему?* — спросила она.

— *Самое сильное — плотное. Если ты — вода, ты можешь меняться и подстраиваться под любую форму, замораживать ее и становиться сильнее. Ты можешь быть сильной в любой форме. Ты можешь быть чем угодно.*

«Я могу быть сильной в любой форме, — говорила себе Мисаки, убирая молот и гвозди. — Я могу быть чем угодно», — если она приноровилась к опасностям темных переулков Ливингстона, как сложно будет овладеть браком и материнством?

— Наги улыбается сильным мужчинам, а Нами — терпеливым женщинам, — ее мать сказала ей это в день свадьбы, сияя гордостью.

— *Все будет того стоить, когда в твоих руках будет твой ребенок,* — сказал ее отец. — *Все будет того стоить, когда ты увидишь, как он растет.*

И Мисаки верила им. Не потому, что в этом был смысл. У нее не было выбора. Если бь

она не верила, что это того стоило, то что она делала бы?

И когда ее новый муж едва взглянул на нее после их свадьбы, она улыбалась. Когда ее свекор рывкал на нее, она кланялась и говорила мило, слушалась. Это все будет того стоить. Когда кожу покрывали мурашки от холодной ньямы ее мужа, она сжимала зубы и терпела его прикосновение. Это все будет того стоить.

Она не боялась физической близости, но ей нравилось таять в сладком жаре, а не среди камней и льда, холоднее, чем ее кожа. Ей нужно было тепло, смягчающее ее острые углы, но ньяма Такеру была далека от тепла. Она старалась ему поддаться. Пару раз она невольно сжималась, ее руки автоматически закрывали ее. Такеру без слов сжимал ее запястья ледяной хваткой, опускал по бокам от нее, как у куклы, и продолжал.

Всю жизнь Мисаки называли красивой. Ее муж так не думал, потому что никогда не смотрел ей в лицо, он глядел на подушки рядом с ней. Хотя их кожа соприкасалась, они были как в разных галактиках. Она смирилась со временем, что была для него лишь сосудом, рожающим его сыновей, но это было хорошо. Все будет того стоить, когда она возьмет своего ребенка.

Когда она взяла Мамору в первый раз, она выдавила улыбку. Но, когда крохотное тельце сжалось у ее груди, он был холодным, как Такеру. Она держала его близко и ждала, но радость, которую она должна была ощутить, не пришла. Она ощущала холодное эхо джийи ее мужа, пульсирующей в теле малыша, напоминая ей, что он был не ее. Он был Мацуда.

Тогда она поняла, что божественный свет, который ей обещали, не пришел. И не придет. Но Мисаки всегда была слишком упрямой — и глупой — чтобы признать свои ошибки. И она подавила слезы, выдавила улыбку и прижала малыша к себе, хотя от его ощущения ее тошнило. Она заставила себя любить его.

Мамору рос, росла и его джийя. В три года у него была аура куда старшего теонита. Утренний туман касался его кожи благоговейными пальцами, вода замерзала от его прикосновения, а капли росы стекали с травы и тянулись за его шагами. Мисаки выросла в доме чистокровных джиджак, но даже она не слышала о такой ньяме маленького ребенка.

— Вы с Такеру-сама были такими в детстве? — спросила Мисаки у брата мужа как-то вечером, когда Мамору плескался в луже во дворе. Его ладошки посылали воду высоко в воздух. Пара каплеь стала льдом и отскочила от крыши, другие рассеялись облачками тумана. — Ваша джийя была такой сильной в три года?

— Ах... — Такаши почесал шею. — Честно говоря, не помню. Я помню, как использовал джийя, когда дедушка Мизудори стал учить меня бою.

— Сколько тебе было лет? — спросила Мисаки.

Такаши пожал плечами.

— Пять? Может, шесть? Можешь узнать у нашего отца. Хотя... — лучше не стоит, явно хотел сказать Такаши, но не сказал. Мацуда Сусуму злился, когда кто-то поднимал тему огромной силы его сыновей. Для него это была большая тема.

— Так ты не учился использовать джийя до школьного возраста? — сказала Мисаки.

— Так обычно делается.

— Обычно, — повторила Мисаки, — но Мамору — необычный ребенок. Разве его не нужно научить контролю над этой силой до того, как он навредит себе? — трехлетний теонит обычно не обладал такой силой, чтобы это было проблемой, но способности Мамору быстро приближались к моменту, когда они станут опасными.

Такаши пожал плечами.

— Когда мальчик начнет обучение, решать его отцу, — он мягко напомнил, что Мисаки выходила за рамки своей власти.

— Конечно, Нии-сама, — она склонила голову.

— Зная Такеру, он не будет учить Мамору-куна сам, пока мальчик не познает в школе основы, — продолжил Такаши. — Я не... ой! — он поднял ладонь и остановил дугу почти замерзших капель, пока они не облили его и Мисаки. — Осторожнее, малыш! — он рассмеялся, испарил капли движением пальцев. — Ты чуть не попал по своей милой матери! Ой, — он посмотрел на Мамору. — Может, ему все-таки нужна помощь. Ты должна попросить у Такеру начать обучение раньше.

Мисаки так и сделала, но Такеру не интересовал ребенок, еще меньше — мнения жены. Как Такаши и предсказал, он сказал:

— Я — мастер-джиджака и мечник. Я не учу детей.

— Но...

— Я буду тренировать его, когда он будет достоин того, чему я должен учить. Теперь принеси мне еще чаю.

Мисаки кивнула и сделала, как говорили, но решила, что кто-то должен научить Мамору контролю. Если его отец, дядя и дед не собирались, почему она не должна? Она же была его матерью, и, хоть это не подобало леди, она знала много достойных техник.

Она начала с простых игр, в какие играла с братьями в детстве, гоняя кусочки льда по полу, как машины, строя башни из снега, бросая шар воды туда-сюда, не проливая на пол. Мамору был хорош в этом, игры детей-джиджака, которые занимали их годами, ему быстро надоели, и Мисаки устраивала ему продвинутые техники.

— Нужно оставить маленькую подушку снега между костяшками и льдом, — она направляла джийя Мамору, он замораживал воду на кулачке. — Вот так. Попробуй снова.

Мамору медлил, но послушался мать и ударил кулаком по камню.

— О! — его бровки приподнялись в удивлении. — Не больно!

— В том и смысл, — Мисаки улыбнулась. — Так, даже если у тебя тонкие пальцы, как у Каа-чан, ты можешь пробить почти все, не повредив ладонь.

— Я хочу попробовать еще! — воскликнул Мамору, стряхивая воду с ладони.

Мамору практиковал удар по камню снова и снова, а дед наблюдал с другой стороны двора с кислым видом. Мисаки заметила, что всегда хмурый свекор мрачнел сильнее, когда видел, как она показывала Мамору техники, но она решила игнорировать это. Разумный мужчина не мог злиться на мать, учащую своего ребенка управлять его силой. Конечно, Мацуда Сусуму не был разумным.

Он заговорил, когда Мисаки учила Мамору сгущать кровь. Мальчику было пять, он ободрал колени на тропе перед домом. Боясь, что его плач разозлит вспыльчивого деда, она показала ему продвинутую технику, чтобы успокоить — не понимая, что это разозлит деда сильнее, чем шум.

— Мисаки! — рявкнул старик, когда она сказала Мамору попробовать самому. — Слово.

— Конечно, Мацуда-сама, — Мисаки поспешила сесть на колени перед свекром, чтобы Мамору не слышал. — Что такое?

— Что ты творишь?

— Учю сына обрабатывать рану, — сказал Мисаки.

— Это не твое место.

— Но, — возразила Мисаки, не сдержавшись, — это полезная техника для воина.

Мацуда Сусуму скривился.

— Знай свое место, глупая женщина. Что ты понимаешь в джийе воина?

«Что вы понимаете в джийе воина?» — гневно подумала Мисаки.

— Простите, — она опустила голову. — Я перегнула. Я больше не буду так делать.

— Надеюсь, — фыркнул Сусуму. — Мацуда бьются с чистой водой, без грязи. Нам не нужна твоя грязная кровавая магия Цусано, и воину не нужны советы женщины.

Мисаки поймала гнев и беспощадно потушила его, не пустив на поверхность.

— Простите меня, Мацуда-сама.

Каждый раз, когда чувство долга Мисаки подводило ее, и она хотела парировать свекру, она останавливала язык, несмотря на желание мстить, напоминая себе, что замечания не могли навредить сильнее, чем этот мужчина уже страдал. Он всю жизнь провел в разочаровании — наследник имени Мацуда был слишком слаб, чтобы исполнить Шепчущий Клинок, его презирали его родители и превзошли сыновья.

Как единственный мальчик среди дочерей, Мацуда Сусуму был единственной надеждой его поколения показать силу и талант его предков. Он не достиг Шепчущего Клинка. В отчаянии его стареющий отец научил сыновей Сусуму, как только они подросли. Такаши и Такеру оказались сильнее отца, овладели Шепчущим Клинком, будучи подростками.

И что случилось с мужчиной, который всю жизнь и душу посвящал одной цели, но провалился? Мисаки полагала, что после многих лет разочарований он стал сморщенной оболочкой человека, который радовался только, мучая тех, кто был моложе и лучше него. Самым жестоким, что Мисаки могла сделать с гадким свекром, было служить, улыбаться и рожать детей, будто ее ничего не беспокоило. Самым жестоким было бы служить ее цели, как он не смог.

Она ушла от Мацуда Сусуму с поклоном и робкой улыбкой, вернулась к сыну.

— Смотри, Каа-чан! — Мамору сиял. — Я так могу. Я это делаю!

— Хватит, — Мисаки опустила ладони на ладошки мальчика, останавливая его джийю.

Его улыбка пропала.

— Почему?

— Я не должна была показывать тебе... Тебе не нужна эта техника. Прошу... забудь то, чему я тебя научила.

— Я не могу использовать ее снова?

Мисаки помедлила.

— Может... — она понизила голос до шепота. — Оставь ее для неприятных случаев, — сгущение крови могло спасти жизнь бойца на поле боя, и она не собиралась говорить сыну в лицо, что чистота техники была важнее его жизни. — Только для таких случаев, — строго сказала она.

— Да, Каа-чан.

С того дня Мисаки старалась помнить, что Мамору не был ее. Его достижения не принадлежали ей. Они принадлежали его отцу и деду. Научив Мамору основам, Мисаки перестала лезть в его развитие. Вскоре он пошел в школу, где настоящие бойцы — мужчины родов Мацуда, Икено и Юкино — учили его силам, как подобало мужчинам.

Мисаки была снова беременна. Она ощущала ньяму ребенка внутри, выдавливая улыбку. Она вытерпела боль родов без слез, без жалоб, она могла сделать это снова. Она не понимала, что больнее рождения еще одного сына Мацуда было потерять его.

— Ты потеряла его? — прорычал Мацуда Сусуму. — Как это понимать?

— Я... — Мисаки попыталась ответить, но голова закружилась. Линии татами стали кривыми,плыли под ее коленями. Комната накренилась. Она выбралась из пропитанной кровью кровати, где пытались принять роды, помылась и оделась, когда повитухи сказали, что свекор требовал аудиенции. Фины даже не закончили ритуалы очищения. У нее всегда было много сил, и она хорошо терпела боль, но у этого были пределы. Ее тело дрожало. Татами стал волнами. Может, если она упадет, пол проглотит ее и смоеет все это...

— Глупая наглая женщина, — говорил где-то вдали свекор. Она пыталась слышать его, но доносились только кусочки. — Сыновья... сильные сыновья... причина... единственная, по которой ты тут, — он звучал недовольнее, чем обычно. Мисаки уперлась ладонью в пол, а потом упала лицом в приятные волны. — Жалкое зрелище! Ты стоила мне внука, но тебе хватает наглости не говорить. Ты — эгоистичная женщина.

— Я... — Мисаки пыталась выдать голос. — Прос...

ХРЯСЬ!

Она уловила удар до того, как щеку обожгло. И она осознавала, что Мацуда Сусуму бил сильно, как для старика.

— Если не можешь дать этой семье сыновей, ты бесполезна, — в тумане Мисаки уловила радость в голосе Сусуму. Наконец, она доказала, что была разочарованием, как он всегда говорил. Она не справилась с единственной целью. Она оказалась ниже него. — Не забывай, почему ты тут.

Мисаки поднялась на локтях, но не могла найти силы сесть ровно на коленях.

Сусуму над ней фыркнул с отвращением.

— Она — твоя женщина. Разбирайся с ней.

— Да, Тоу-сама, — сказал второй голос.

Такеру.

Мисаки так растерялась, что даже не поняла, что ее муж был в комнате. Он был таким неподвижным, ледяная ньяма так напоминала его отца, что он просто пропал на фоне. Старик ушел из комнаты, и Такеру медленно зашагал, пока не остановился у «своей женщины».

Его босые ноги возникли перед Мисаки, а с ними — край его хакама, и вдруг она ощутила тепло слез в глазах. Это было почти облегчением. Она много лет играла хорошую жену, сдерживая горе, но она уже не была хорошей женой. Она подвела его. Теперь можно было плакать. Это же ожидалось, да?

Даже если бы у нее были силы поднять голову, она не посмотрела бы на него. Как она могла? Она потеряла его ребенка. Он точно злился...

— Идем, Мисаки, — его голос был спокойным. — Тебе нужно отдохнуть.

Она не двигалась.

Такеру сел на корточки, прижал ладонь к ее щеке там, где его отец ударил ее. Жест был утилитарным — холодный предмет, чтобы ослабить боль. Он даже не пытался смотреть ей в глаза.

— Ты можешь встать?

— Простите, — голос Мисаки был тонким, слезы, застрявшие в горле, мешали ему выйти. — Такеру-сама, простите.

— Все хорошо, — он просунул руку под ее колени, другой обвил ее плечи. — Я тебя отнесу.

Такеру, как всегда, обходился с ней как с хрупкой куклой. Может, ощущал, как напряжена она была под его ладонями, и не хотел ее пугать. Может, думал, что все женщины были так хрупки, что прикосновение могло их сломать. Было невозможно понять мысли Такеру за бесстрастным выражением. Порой Мисаки это радовало. Теперь ей было невыносимо одиноко.

Она обмякла, он поднял ее на руки и вынес и комнаты. Она не знала, задрожала из-за его ньямы или по другой причине, но дрожь началась и не могла прекратиться. Это был не просто холод, не просто горе. Это была паника, ведь она поняла, что он не собирался кричать на нее. Она не собиралась плакать. И если она не могла даже плакать... что за матерью она была?

— Соберись, — Такеру не смотрел на нее, глядел на пол мимо ее плеча. — Ты будешь в порядке.

Но Мисаки не была в порядке. Она была слабой, бесполезной, эгоистичной. Так ее звал Мацуда Сусуму. Она была монстром, который даже не плакал, потеряв ребенка. Какой муж звал это порядком? Какой мужчина с бьющимся сердцем мог так сказать?

Такеру опустил ее на футон, и Мисаки впилась пальцами в его хаори из последних сил. «Останься, — отчаянно думала она. Он не мог бросить ее тут с ее тьмой, не способную плакать и двигаться. — Останься, останься».

— Отпусти, — сказал Такеру без эмоций.

Но ладони Мисаки сжали сильнее. Если он уйдет сейчас, она станет камнем.

— Мисаки, это неразумно, — холодно сказал Такеру. — Отпусти.

— Такеру-сама... — она смотрела на его лицо, искала намек на гнев, сочувствие или горе. Хоть что-то. — Простите. Я подвела вас. Я...

— Мы попробуем снова, — сказал он, словно она уронила яйца на пути с рынка. — После того, как ты вернешь силы, — ледяные ладони сжали ее руки, без усилий отцепили ее пальцы. — Отдыхай.

— Такеру, — прошептала она, он уходил. — Прошу...

— Делай, как сказано, — он закрыл дверь, и в тот миг он будто ударил ее. Нами, он будто взял Шепчущий Клинок и вырезал из нее все.

Что-то в Мисаки умерло в тот день. Она уж не видела мужа или Мамору, когда они проходили по дому вокруг нее. Каждую ночь Такеру решительно раскрывал ее кимоно, придавливал ее. Он вложил в нее еще ребенка, но она и его потеряла.

После второго выкидыша она стала считать себя куклой — твердой, не способной чувствовать и создать жизнь, ведь сама не была жива. Все слышали жуткие истории о кукловодах Цусано, управляющими кровью в телах мертвых и живых, заставляя их плясать, как кукол. Порой Мисаки гадала, не стала ли такой, не управляла ли своим телом каждый день, как куклой.

В груди куклы затрепетал пульс, когда в семью пришла Сецуко. Сецуко была первой, кто заговорил с Мисаки о выкидышах. Это была тема их первого спора... первого настоящего спора Мисаки за годы. Мисаки даже не помнила, что сказала, чтобы возмутить Сецуко — что-то о том, что была глупой или бесполезной, и Сецуко ударила лопаткой по плите.

— Прекрати это!

Мисаки могла лишь смотреть миг, а потом пролепетала:

— Ч-что прекратить?

— Ты говоришь такие гадости о себе!

— Ну... потому что...

— Плевать, почему, — рывкнула Сецуко. — Я не дам тебе звать себя бесполезной или злой, ясно? Я не потерплю этого!

— Но это правда, — возразила Мисаки. — Я не родила мужу сына за годы. У меня дважды был выкидыш. Как назвать такую женщину?

— Не бесполезной, — сказала Сецуко. — Не злой. Выкидыш не делает тебя плохой.

— Разве? Мой муж — сильный джиджака из рода, где всегда легко рожали сыновей. Если его дети умирают, не родившись, проблема не в нем, а во мне.

Мисаки думала об этом годами, решила, что это была ее вина. Она не хотела детей после Мамору. Не так пылко, как должна была. Это был грех против Наги и Нами.

Сильная джиджака, как Мисаки, могла утопить ребенка внутри себя, если не хотела его. Она не помнила, чтобы пыталась закончить беременности — оба раза она собиралась рожать детей. Даже если ее не радовала перспектива, она ожидала, что родит, но внутри нее было заперто так много горечи. Это могло вызвать выкидыш, пока она спала? Пока видела сны? Ее подсознание могло подняться, как демон, во сне и утопить детей?

— Ты этого не делала, — твердо сказала Сецуко. — Любой, кто пытается сказать, что ты это сделала, идиот.

— Но... наш свекор думал... — голос зазвенел в голове Мисаки, затыкая ее. *Глупая женщина, ты это сделала! Ты убила моих внуков!* Она годами сидела смиренно, пока те слова проникали в ее разум, как яд. *Ты убила моих внуков.*

— Наш свекор мертв. Его мысли уже не важны. Иначе я бы тут не была, — окономияки, забытый на плите, стал дымиться. — Важно то, что ты думаешь. Ты думаешь, что выкидыш был по твоей вине?

— Надеюсь, нет, — Мисаки удивилась тому, как просто правда вырвалась из ее рта.

— Тогда это не твоя вина, — решительно сказала Сецуко.

Один из окономияки на плите загорелся.

— О, нет... — Мисаки двинулась к плите, но Сецуко остановила ее.

— Пусть горит! — заявила Сецуко. — Все равно вкус был бы ужасный. Слушай, я знаю, что выгляжу как тупая деревенщина — я такая — но я немного знаю о грязных делах, о которых знать не любит говорить. Моя тетя — повитуха. Она сказала бы тебе, что женщина не может избавиться от здорового ребенка, если не попытается сильно, и это часто убивает и ее. Избавиться от ребенка Мацуда было бы еще сложнее. Если бы ты была виновата в выкидышах, ты бы это знала.

Сказав это, Сецуко стала убирать бардак на плите, а Мисаки смотрела на нее в ступоре. Давно никто так не верил в нее. Она не знала, что с этим делать.

— Но если это была не моя джйя... — сказала она, ей не нравилось слышать страх в своем голосе, — то я сломана. А если я больше не могу рожать детей?

— Тогда у твоего мужа будет хороший наследник, Мамору, и тебе нечего стыдиться. Я думала, что ты говорила, что не хотела больше детей.

— Но я поэтому тут, — голос Мисаки дрожал. — Мой брак не был как твой, Сецуко. Я тут не из-за любви мужа. Я тут, чтобы рожать ему сыновей.

— Ты — инкубатор для детей? — Сецуко рассмеялась, морща нос.

Мисаки рассмеялась бы, но она была такой. И за годы это превратило ее в нечто мелкое.

— Потому он женился на мне.

— Но ты же ответила ему? — сказала Сецуко.

— У меня не было выбора, — ложь была слабой. Если бы Мисаки хотела, она могла бы убежать и сжечь мосты за собой. Это было не так просто...

— Мисаки, я знаю, что ты умная, у тебя большой словарный запас, благородное воспитание, образование в академии теонитов... но порой ты — самая глупая женщина из всех, кого я встречала.

— Ч-что прости?

— Почему бы не брать ответственность за то, чем ты можешь управлять, а не за то, чем ты не можешь?

— Я... — Мисаки думала возразить, а потом склонила голову, слова Сецуко впитались в нее. — Все рыбачки Такаюби такие умные, или только ты? — спросила она, наконец.

— Только я, — сказала Сецуко с довольной улыбкой. — Иначе как я получила красивого мужа намного выше моего положения?

— Логично.

— Слушай, сестренка, — Сецуко взяла Мисаки за руки. — Знаю, мы не так долго знаем друг друга, но ты не кажешься мне слабачкой, которая не может управлять своим счастьем.

— Я не знаю, что ты...

— Ты можешь играть со мной слабую и глупую, но это не срабатывает. Тут умная и сильная женщина, — Сецуко прижала ладонь к груди Мисаки. — Я бы хотела встретиться с ней.

Мисаки издала смешок — самый искренний звук, который исходил от нее за долгое время.

— Осторожнее с желаниями. Ты не...

Она сделала паузу, поняв, что чуть не сказала Сецуко о мече под половицами у их ног. Это должно быть скрытым. Не важно, как близко она была с Сецуко, эту часть она не могла раскрывать. Но даже с мечом под половицами Мисаки ощущала, что кусочек старой ухмылки приподнял уголок ее рта.

— Осторожнее с желаниями.

Половицы оставались на месте, Сецуко пробилла ступор Мисаки, оживила часть ее жизни. Может, жизнь не была идеальной, может, она не была счастлива, но она смогла родить еще трех детей — Хироши, холоднее Мамору и еще сильнее в его возрасте, Нагаса с острыми глазами и заразной энергией, и теперь Изумо.

Четвертый сын Мисаки не был так холоден, как его братья. Может, это было плохо, может, в нем не было холодной силы, которую искал его отец, но его было проще держать у груди.

— Йош-йос, — зашептала она малышу в мягкие волосы, напевая. — Все хорошо, Изукун. Ты в порядке.

Он проснулся всего в третий раз за ночь. Неплохо.

— *Неннеко, неннеко йо,* — тихо запела она. — *Луна озаряет поля в росе.*

На моей родине

За горами и долами

Старик играл на флейте.

Солнце давно скрылось за морем,

Сияет в зеркало Матушки в ночи.

Мои предки — капли росы на траве, ноты на ветру.

Шепот, тихий звук в поле,

*Шепот — то, что для нас важно,
Вздохи всех, по кому мы скорбим.
Мои родители — капли росы на траве, ноты на ветру,
Слабый звук в поле.
Рыдания по прошлому,
Смех из-за завтрашней радости.
Ты и я — капли росы на траве, ноты на ветру.
Эхо тихого звука в поле,
Все, что вечно,
Все, что угасает.
Неннеко, неннеко йо.
Лови свет луны и сияй, капелька росы,
Ведь за горами и долами
Старик все играет,
Старик все играет...*

Она допела колыбельную, Изумо вздохнул у ее плеча. Уснул. Она убрала слезы с лица малыша и медленно опустила его в колыбель.

— Вот так, малыш. Спи хорошо.

Она выпрямилась, и приглушенный звук заставил ее напрячься. Кто-то был в коридоре. Она вышла из комнаты, посмотрела на коридор и заметила движение в тенях. Она потянулась к бедру, но там ничего не было. Глупо. Меча не было там пятнадцать лет.

— Кто там? — осведомилась она.

— Прости, Каа-чан.

— Мамору, — она выдохнула, в свет лампы прошел ее старший сын. Она как-то не узнала его ньяму или силуэт. В темноте он выглядел почти как взрослый...

— Я пытался идти тихо, — сказал Мамору. — Думал, все спали.

— А я думала, что ты пробрался и уснул еще до этого, — ответила Мисаки, стараясь звучать с упреком, а не потрясением. — Ты знаешь, что уже почти утро?

— Да, Каа-чан. Прости.

— Твой дядя сказал, что он отправил тебя и нового мальчика чистить крышу. Не говор, что вы так долго справлялись с простой задачей.

— Мы столкнулись с проблемой, — Мамору смотрел на ноги. — Мы не закончили.

— Ты не только попал в беду, еще и не смог выполнить наказание? — это было не похоже на Мамору. — Иди сюда, — она поманила его в свет.

Он шагнул вперед, она скользнула по нему взглядом, по его лицу в синяках и форме в грязи. Она была так занята ребенком, а Мамору — школой, что давно не видела его. Он так вырос, пока она не обращала внимания, стал почти ростом как отец. Его худые конечности стали наполняться мышцами взрослого бойца, но царапины и синяки говорили о беспечности мальчика.

— Я в смятении, — сказала Мисаки. — Твой дядя сказал, что ты побил новичка, а не наоборот.

Мамору заерзал.

— Это... не от него. Мы упали с крыши.

— Зачем?

— Это была ошибка.

— Мацуда не ошибаются, — так всегда говорил мальчишкам Такеру, но она пожалела о словах, увидев, как замкнулось лицо Мамору. Он принял их серьезно. Ясное дело. — Эй, Каа-чан просто шутила, — она улыбнулась ему. — Переоденься, я поищу тебе еды.

— Я уже поел, — сказал Мамору, — в доме Котецу Кама. Кван-сан — новенький — был ранен после падения, и мы заглянули туда, чтобы ему поправил руку, и они настояли накормить нас.

— О, — у Мамору была тяжелая ночь. — Что ж, переоденься. Мне придется постирать эту форму, чтобы тебя в ней не увидели.

— Да, мэм, — Мамору кивнул и пошел к своей комнате.

Он вернулся в синем домашнем кимоно, чистый, с бинтами на костяшках.

— Форма, — шепнул он, протягивая матери школьную одежду.

Мисаки ожидала, что он вернется в комнату, чтобы поспать, пока она работала, но он сел на колени смотрел в напряженной тишине, как она набирала воду в кадку для стирки. Бросив туда форму, она добавила мыло и стала крутить воду правой рукой, левую держа над кадкой, чтобы капли не улетели за край.

Когда она убедилась, что кровь и грязь вылетели из ткани, она вылила грязную воду во вторую кадку и заменила ее чистой. Мамору наблюдал за ее работой, хотя будто не видел ее. Его разум был где-то еще.

— Тоу-сама... знает? — наконец, спросил он.

— Твоего отца нет дома, — Мисаки стала крутить чистую воду. — Он ночует в кабинете, так что тебя не заметили ночью.

Хотя Такеру не следил за дисциплиной. Несмотря на его силу и грозное поведение, он не был строгим, как многие родители в Такаюби. Он не бил Мамору.

— Просто... — сказал Мамору. — Я думал... ты...?

— Что?

— Отругаешь меня.

Мисаки удивленно посмотрела на сына. Он просил ее злиться на него?

— Моя роль в этом доме — укачивать детей, чтобы они спали, и утешать малышей, когда они ободрали колени. Ты — маленький ребенок?

— Нет, Каа-чан.

— В таких делах — мужских делах — разбирается твой отец. Но, — продолжила она, не сдержавшись, — если хочешь, чтобы тебя кто-то отругал, я достаточно раздражена, чтобы на минутку заменить его.

— О, я... н-не хотел...

— Похоже, ты совершил сегодня много глупых ошибок, — сказала она, вытягивая воду из формы Мамору. — Как ты собираешься это исправлять?

— Я извинился перед Кваном Чоль-хи, — сказал Мамору. — Я думал, что пойду в школу раньше и закончу убирать крышу сам.

Мисаки посмотрела на небо и приподняла бровь.

— Рассвет, сын. Когда ты будешь спать?

— О, — Мамору моргнул. — Наверное, не буду.

— Вряд ли это умная идея, — сказала Мисаки. — Сон важен для растущего юноши, — конечно, она не могла ругать его, ведь сама не спала ночам в четырнадцать — Наги, Мамору уже того возраста, какого была она тогда? Когда это произошло? — Тебе стоит полежать и хоть немного отдохнуть.

Мамору рассеянно покачал головой.

— Вряд ли я могу.

Мисаки пригляделась к его лицу и поняла, что он не просто устал. Ему было больно.

Что такое? Она хотела спросить, но такое не спрашивали у мужчины и воина, даже если ты была его матерью.

— Обычно ты не дерешься с другими учениками, — отметила она.

— Знаю, — Мамору посмотрел на свои колени. — Я... — он заерзал. — Я могу сказать, почему? — вопрос невольно вылетел из его рта.

— Что?

— Я могу сказать тебе, почему я ударил его?

— Если ты не смог сдержаться, мне не нужны оправдания, — строго сказала Мисаки, — как и твоему отцу. Когда он услышит об этом...

— Пожалуйста, — голос Мамору был сдавленным. — Я не... я не пытаюсь оправдать себя. Просто... — в его глазах было отчаяние, которое Мисаки не помнила там. Что с ним случилось?

Она не успела обдумать это, тихо сказала:

— Расскажи мне.

— Кван-сан говорил плохие предательские вещи против империи. Он сказал, что история, которой учит Хибики-сэнсей, не правда. Он сказал, что во время Келебы тут, на острове Кусанаги, умерло много людей, как и в других местах Кайгена, и ранганийцев прогнало подкрепление Яммы. Он говорит, что империя скрывает смерти всех тех людей, — Мамору следил пристально за ее лицом. Ждал реакции.

— Ясно, — сухо сказала она.

— Да? — голос Мамору сорвался. — Это все, что ты скажешь?

— Что еще я должна сказать?

— Ты... ты... — Мамору смотрел на нее, как утопающий на берег вдаль, и Мисаки поняла, что он ждал, что она озвучит свои мысли. Она была его матерью, у нее должны быть ответы, она должна была его направить. — Ты должна что-то сказать, — заявил он.

— Я... — Мисаки открыла рот, закрыла его, прикусила щеку изнутри. Наконец, она сказала. — Твой отец не был бы рад, если бы ты повторял такое в его доме.

Мамору со стыдом опустил взгляд, и она ощутила прилив вины. Она должна была направить его...

— То, что сказал тот мальчик, можно назвать изменой.

— Знаю, Каа-чан, прос...

— Но это правда.

Мамору вскинул голову, покрасневшие глаза расширились от шока.

— Каа-чан!

— Не повторяй это, — быстро сказала она, — никому. Я не должна объяснять, что такие слова неприемлемы для Мацуда.

— Но... — Мамору, казалось, был на грани панической атаки. Его глаза стали стеклянными, словно мир раскачивался перед ними. — Но если это правда... — Мисаки смотрела, как колесики крутились в голове мальчика, ощущала немного паники в своей груди. Что она сделала? Чем она думала? Мамору было четырнадцать — нестабильный, впечатлительный — и он был Мацуда. Чем она думала, говоря ему правду? — Почему ты это сказала? — осведомился Мамору вместе с возмущённым голосом в голове Мисаки. —

Почему ты сказала мне это?

— Потому что решила, что ты достаточно взрослый, чтобы это выдержать, — Мисаки скрыла тревогу за резким тоном голоса. — Ты же Мацуда? Соберись.

— Н-но... но... — Мамору был так потрясён, что не мог подобрать слова, не то что совладать с дрожащей ньямой, которая тянула за воду в кадке, она плеснула за край. — Ты говоришь, что Хибики-сэнсей говорил не правду о нашей истории. Империя врала...

— Я сказала тебе не повторять это!

Мамору вздрогнул, как от удара.

— Прости, — он опустил голову. — Я н-не забуду. Прости.

Он сжал перевязанную ладонь другой рукой, согнулся. Мисаки ощущала от него боль. Не только физическую боль, он принимал побои хуже, чем это, на тренировке. Его ньяма бушевала, ужасающая сила, которую он унаследовал от отца, извивалась, как змея, пытающаяся высвободиться из своих петель, душила себя и кусала в смятении.

Ее мальчик был в агонии.

И Мисаки испытала укус чего-то, что давно не ощущала: защитный инстинкт, сильное желание укрыть, утешить, исцелить любой ценой. Она полагала, что такое должна была ощущать хорошая мать к своим детям каждый миг. Она не ощущала такого с Рассвета. С тех пор, как ей было что защищать.

Она нежно сжала руку Мамору.

— Посиди со мной, — сказала она.

— Ч-что?

— Если пойдешь в школу коротким путем, можешь пару сирану посидеть с мамой. Давай посмотрим на рассвет.

Крыльцо дома Мацуда было с видом с горы. Когда день был ясным и без облаков, Мисаки видела вплоть до мерцающего океана. Холодным утром, как это, нижняя часть горы пропадала в тумане с моря, который менял цвет в растущем свете. Сейчас он был бледно-голубым, близким к лавандовому.

Мисаки сидела, поджав ноги под себя, сложив ладони на коленях, выглядя как скромная домохозяйка, как она делала пятнадцать лет. Мамору рядом с ней скрестил ноги, подражая напряженно позе отца, но его сердце билось быстрее, чем когда-либо у Такеру.

Несмотря на покой горы вокруг них, Мисаки была тревожна. Мамору поставил ее в тяжелое положение. Она хотела успокоить его боль, но не могла сделать это бессмысленными утешениями домохозяйки. Ей нужно было в этот раз быть честной. А ее честность заржавела.

— Знаешь, я... — она начала с маленькой правды, проверяя ощущение. — Я никогда не любила холод.

Мамору посмотрел на нее с вопросом в глазах.

— Я достаточно холодная — по моей ньяме и личности — и мне хватает этого самой. Мне нравится, чтобы остальной мир давал немного тепла моему льду. Я знаю, что джиджака корону должны ненавидеть огонь, но я завидую тебе, когда ты уходишь учиться у печей. Тепло тяжело найти в этой деревне... Потому что я смотрю на рассвет, когда выпадает шанс.

Мисаки с тоской смотрела на туман.

— Мне нравится, когда солнце на горизонте только начинает виднеться. Мне нравится, как оно озаряет туман, а потом прожигает его. Та яркость напоминает, что за горой есть мир, за Кайгеном. Какими бы холодным ни были ночи тут, солнце где-то встает. Где-то оно

кого-то согревает.

— Ты была там, — сказал Мамору через миг. Он говорил осторожно, шел за ней робко на новую территорию. — Ты никогда не говоришь об этом, но тетя Сецуко говорит, что ты была в академии теонитов вне Кайгена, в другой части мира.

— Это было давно, — сказала Мисаки. — Я была твоего возраста.

Они долго молчали. Мамору не один раз вдыхал, словно хотел заговорить, а потом передумывал. Его тело замерло, глаза смотрели вперед, но напряжение в его ладонях и стук сердца выдавали его. Он боялся, поняла Мисаки, боялся спросить, что она знала о мире снаружи.

Его страх был понятен. Не просто так Такеру запретил обсуждать школьные годы Мисаки. Многое, что она знала, шло вразрез с кредо Мацуда и считалось бы изменой Империи. Она не могла дать Мамору свои знания из Рассвета, как бы он ни просил.

Но ей нужно было что-то сказать.

— Слушай, сын... когда я была в твоём возрасте, мне пришлось столкнуться с правдой, ломающей мир. Это случается, когда встречаешь не таких, как ты, людей. Ты научишься со временем, что мир не сломан. Просто... кусочков в нём больше, чем ты думал. И они все соединяются, просто не так, как ты представлял, когда был юным.

— Но как? — голос Мамору дрогнул. — Я не понимаю. Как мне их сложить? Если все не так, как я думал... Каа-чан, прошу... что мне думать?

— Это тебе нужно решить самому, — сказала Мисаки. — Это часть становления взрослым.

Мамору покачал головой.

— Что это означает?

— Ребенок не несет ответственность за его решения. Ребенок может верить, что родители скажут ему, что делать. Мужчина доверяет себе.

— Но... разве все мы не дети империи? — спросил Мамору, и, конечно, он так думал. Это ему говорили в каждой истории и песне с тех пор, как он научился говорить. — Разве мы не должны доверять нашему правительству?

— Наверное, — сказала Мисаки и не сдержалась, — если хочешь быть ребенком навеки. А ты хочешь, сын? — она резко посмотрела на Мамору в растущем свете. — Или хочешь быть мужчиной?

— Я хочу быть мужчиной, — решительно сказал Мамору. — Просто... я не понимаю, Каа-чан. Я — коро, Мацуда. Когда я вырасту, я должен быть мужчиной, который действиями меняет историю. К-как мне это сделать, если я даже не знаю, что происходит?

Справедливый вопрос, на который не было простого ответа.

— Это сложная часть, — сказала Мисаки, — смириться с тем, что ты не знаешь, поиск ответов и действие в соответствии с ними без сожалений. Некоторые не могут научиться. Некоторые слишком поздно справляются с этим. Нами, хотела бы я... — Мисаки умолкла, поражаясь тому, что пустила такую мысль к губам. Что она хотела сказать? *Хотела бы я, чтобы мне хватило смелости пойти против родителей и империи? Хотела бы я принять решение сама, когда это было важно?* Если бы она сделала это, мальчика, с тревогой глядящего в ее глаза, не существовало бы. Боги, какой матерью она была?

— Что ты хотела бы, Каа-чан? — спросил Мамору с невинным интересом, от которого кровь Мисаки могла свернуться от стыда.

— Ничего, сын, — она коснулась его лица. — Я родила сильного наследника Мацуда.

Что еще я могу хотеть?

— Умного? — предположил он.

Мисаки рассмеялась.

— Ты умный, Мамору, или начинаешь таким быть. Уверена, ты вырастешь хорошим мужчиной.

— Да? — спросил он с искренней тревогой. И Мисаки не знала, как ответить.

— Я... — слова подводили ее, и она одолжила их у своего наставника с мечом. Его мудрость не спасла ее, но, может, Мамору это поможет. — Я знаю, что ты ощущаешь себя сломанным, но мы — джиджаки. Мы — вода, а вода может принять любую форму. Как бы нас ни ломали, меняя форму, мы всегда можем замерзнуть и стать снова сильными. Это не произойдет сразу, — добавила она. — Придется подождать, чтобы узнать, какую форму примет лед, но он сформируется, ясный и сильный. Так всегда.

Мамору кивнул.

— Но я... я не должен повторять то, что ты или Кван-сан мне сказали?

— Да, — сказала Мисаки, — но это не мешает тебе слушать. Можно многое узнать, слушая людей, чей опыт отличается от твоего. Джасели мне как-то сказал, что человек, слушая, не становится глупее, но многие от этого становились умнее, — она махнула рукой. — Это был не очень хороший перевод. На ямманинке звучит поэтичнее.

— Как Мацуда Такеру Первый... — прошептал Мамору, взглядываясь в туман внизу.

— Что? — Мисаки не поняла его мысли, но он будто пришел к какому-то открытию.

— Он учился у людей, отличавшихся от него. Хоть он был коро, он вырос с кузнецами. Он хотел учиться у них, у чужих миссионеров, даже у сына величайшего врага, и в конце это сделало его сильнее.

Мисаки могла лишь глядеть на сына мгновение. Она не думала так об истории Мацуда, не связывала со своим опытом, но ее четырнадцатилетний мальчик, сонный и в ссадинах, связал два кусочка мира, которые она и не думала соединить.

Может, она все еще росла сама.

— Спасибо, Каа-чан, — Мамору повернулся к ней с широкой улыбкой. — Думаю, я чему-то научился.

Мисаки только глядела.

— Что?

Она склонила голову.

— У тебя ямочки.

— Это от тебя.

Теперь солнце было видно, оно сжигало туман, и Мисаки убрала челку с лица Мамору.

— Знаешь, Мамору... ты скоро будешь мужчиной. Но сегодня позволь побыть твоей матерью и сказать тебе с материнской уверенностью, что все хорошо. Мир целый. Ты на верном пути. Все будет хорошо.

Он кивнул.

— И, Мамору... — она взяла его за подбородок, повернула его лицо к своему. — Ты хороший. Я верю, что ты вырастешь хорошим.

— Спасибо, Каа-чан.

Склоны внизу стали золотыми от света солнца. Солнце искрилось на каплях росы мерцающими волнами на склоне горы. Мамору рядом с ней старался держать глаза открытым, но солнце согрело мир, и его голова опустилась на ее плечо. Его ньяма

расслабилась, стала утягивать его в объятия сна.

— Ты когда-нибудь расскажешь мне о своей учебе? — шепнул он. — Обо всем, что ты делала, когда была юной?

Мисаки не была готова к теплу, задевшему ее сердце. Она не думала, что кто-то в Такаюби спросит ее о Рассвете. Слова ее ребенка была большим, чем то, о чем она мечтала.

— Однажды, Мамору-кун. Не сегодня. Сейчас тебе нужно искать свое будущее.

— Ммм... — Мамору выдохнул, глаза закрылись.

«Вот и все», — поняла Мисаки. Это была обещанная всем радость, одна надежда. Мамору мог вырасти не таким, как его отец.

Тихие шаги перебили ее мысли.

— Добро утро, Нага-кун, — она узнала босые шаги третьего сына раньше, чем посмотрела на него. — Хорошо спал?

— Каа-чан... — невнятно сказал малыш, потирая глаза. — Малыш плачет.

— Я сейчас приду, — тихо сказала Мисаки.

Мамору так глубоко отключился, что даже не пошевелился, когда она опустила его на деревянное крыльцо и пошла утешать Изумо. Она надеялась, что Мамору сможет немного поспать перед школой, но, когда она вышла из детской с Изумо в руках и сонным Хироши, шагающим за ней, она поняла, что надежда была глупой.

— Нии-сан! — захихикал Нагаса. Трехлетний забрался на старшего брата и тянул его за волосы, шлепал по лицу. — Вставай!

— Каа-чан, — буркнул Мамору, вяло моргая. — На меня напал демон.

— Нет! — радостно засмеялся Нагаса. — Не демон! Это я!

— Хмм, — Мамору сел, поймав хихикающего брата у себя на коленях. — Это и сказал бы демон.

— Нет! — хохоча, как маньяк, Нагаса вырвался из-под руки Мамору и побежал к кухне.

— Не так быстро, демон! — Мамору вскочил на ноги, в два быстрых шага догнал малыша и поднял его. — Ты точно еще не чистил зубы, прости, клыки, — он потянул брата за щеку, и Нагаса игриво попытался укунить его за палец. — Да, почистим клычки демона, хорошо?

Мамору повесил Нагасу на плечо и понес его к ванной. Мисаки вспомнила кое-что, что случилось еще до Рассвета. Как она хихикала с братьями в деревянных коридорах. Такаши сказал, что он и Такеру не играли детьми, точнее, Такеру не хотел с ним играть.

Мисаки пятнадцать лет страдала из-за того, что ей приходилось растить сыновей ее мужа. Все это время она не считала, что в этих мальчиках было что-то от нее.

Теперь она гадала, чего еще она хотела?

ГЛАВА 8: ПИСЬМО

Иней поднимался по веткам дерева, месяц коронкало превращался в ослепительно холодный сибикало. Солнце садилось рано, деревня нуму ярко горела холодными вечерами, и Мисаки была рада, что новый ребенок был не такой холодный, как другие. Мамору, Хироши и Нагаса становились холоднее, пока становились сильнее, но малыш Изумо оставался теплым, даже когда у него стали появляться мышцы, и Мисаки искренне радовалась держать его близко в первый месяц холодной поры года.

Судя по новостям, некоторые деревни и города у западного побережья Кайгена повредили штормы. Но Такаюби оставалась островком покоя, когда Наги бросил первый снег на гору. Глаза Изумо стали видеть сосредоточенно, когда мир был укутан белым.

Где прошлые зимы были одинокими дорожками следов на первом снеге, теперь их было две. Кван Чоль-хи приходил к дверям дома Мацуда каждое утро за Мамору, и они шла по горе вместе, болтая. Когда пришло время Геомиджулу строить башни для инфо-ком, Мамору попросил отца пустить его помогать Чоль-хи и Котецу Ацуши в строительстве на зимних каникулах. Мисаки не ожидала, что Такеру согласится, но он позволил это при условии, что Мамору будет успевать учиться и тренироваться. И под растущим снежным покровом Мамору, Чоль-хи и маленький Ацуши стали работать на башнях, которые изменят коммуникации в Такаюби навеки.

Если бы Мисаки была лучшей матерью, может, она отговорила бы сына от дружбы с решительным северянином. Но Мамору теперь был юношей, сказала она себе. Он мог дружить с тем, с кем хотел.

Она не знала, о чем он говорил с Кваном Чоль-хи. Он держал слово, больше не говорил дома о его словах, но сын заметно изменился. Беспечный юноша стал думающим. Мечник должен был осознавать, что было вокруг него. Но одно дело быть единым с ветром и каплями воды, другое — анализировать и понимать поступки людей. Изумо только начинал видеть физический мир, но и глаза Мамору менялись. Теперь он пронизательно смотрел на все вокруг него, с голодом изучал меняющиеся слои его мира, пытался соединить кусочки.

Мисаки должна была понять, что было лишь вопросом времени, когда он сделает что-то глупое. Он не был джасели, обученным понимать правду мира, как и не был мирным ремесленником. Он был бойцом с пылом бойца. И не просто так джасели, фины и нуму мира кое-что скрывали от коро. Джасели могли обсуждать идеи, не проливая кровь. Когда сталкивались коро, результаты всегда были неприятными.

МАМОРУ

— *Ты все это выковал сам?* — Чоль-хи приподнял брови, глядя на Ацуши. — *Без помощи?*

— *Я учусь делать лучшие мечи в мире,* — заявил возмущенно сын кузнеца. — *Мне не нужна помощь, чтобы выковать пару шариков и гаек, особенно, раз твоя компания дала сталь и формы.*

— *Чьей идеей было заставить местных нуму работать по формам Геомиджула?*

— *Моего отца,* — сказал Мамору. — *Он сказал, что так будет дешевле делать башни.*

— *Они выглядят отлично,* — Чоль-хи рассматривал винтик с одобрительной улыбкой. — *Я знаю нуму в Ямме, которые убили бы за то, чтобы так уметь.*

Три мальчика уже помогли с созданием двух башен ниже по горе, возле главного здания деревни. Ацуши впервые создал компоненты без помощи отца, и юношам впервые позволили работать без надзора.

Фундамент был создан — бетон влили в глубокие ямы — ранее на этой неделе. И мальчикам нужно было теперь создать башню в три этажа сверху по планам Кванов.

— *Первые две башни уже работают?* — спросил Ацуши, они подвинули первую балку на место.

— *Отец сказал, что у них уже все установлено,* — сказал Мамору. — *Они надеялись запустить их сегодня.*

Мамору еще был малышом, а его отец уже работал на административной работе в холле деревни. В старые дни Мацуда не нужны были такие работы, дома коро вокруг обеспечивали их всем необходимым в обмен на привилегию отправить их сыновей учиться в их додзе. Но население Такаюби уменьшалось, семья Мацуда уже не могла так выживать.

После Келебы Мацуда Мизудори стал наставником меча, а потом директором академии Кумоно. Его сын, Мацуда Сусуму, шел по его стопам, а его сын, Мацуда Такаши, последовал его примеру. Как младший брат Такаши, Такеру несколько лет провел как главный наставник меча в Кумоно, но когда его отец умер, он отдал место Юкино Даю, а сам принял работу в холле деревни.

Мамору не знал, что именно отец делал на работе, но там было много бумаг и цифр, и это делало его очень занятым. И, когда правительство или бизнес доставляли что-то новое в деревню — дороги или системы сбора мусора, башни инфо-ком — Тоу-сама следил за процессом.

— *И, когда это будет работать, компьютер в холле сможет отправлять и посылать сообщения отовсюду?* — спросил Ацуши.

— *Не отовсюду,* — уточнил Чоль-хи. — *Сначала с другими местами, где работают башни.*

Ацуши восторженно посмотрел в сторону холла деревни.

— *Думаешь, уже работает?*

Чоль-хи вытащил инфо-ком из кармана и взглянул на него.

— *Еще нет.*

— *Откуда ты знаешь?*

Чоль-хи показал Ацуши экран.

— *Сигнала нет.*

— *Так эта штука... этот инфо-ком просто соединяется автоматически, если рядом есть работающая башня?*

— *В том и идея.*

— *Чтобы инфо-ком работал все время, башни должны быть по всему миру?*

— *Не обязательно,* — сказал Чоль-хи. — *У ямманок есть спутники, которые посылают и принимают сигналы инфо-ком из космоса.*

— *Что?!* — Ацуши выронил край балки, которую нес, и Мамору едва успел поймать ее столбом льда, пока она не раздавила пальцы ног мальчика.

— *Осторожно!*

— *Прости, Мацуда-доно!* — Ацуши поклонился ему. — *Прости, просто... ты же шутишь?* — он повернулся к Чоль-хи. — *Да, Кван-сан? Нельзя посылать сигналы так далеко!*

Чоль-хи улыбнулся от потрясения мальчика.

— *Это не шутка, нумуден.*

Пока Чоль-хи рассказывал Ацуши о спутниках Яммы, мальчики поставили первую балку на месте.

— *Все верно?* — спросил Мамору со своего места, он поддерживал самую тяжёлую часть балки, пока мальчики соединяли ее с фундаментом.

— *Идеально,* — сказал Кван. — *Вперед, Мамору.*

Кивнув, Мамору направил джийю. Снег вокруг них поднялся, сковал основание балки льдом и создал колонны, которые поддерживали вершину на месте. Эту систему они придумали за неделю работы месте: Мамору удерживал куски башни на месте строениями изо льда, которые мог делать только он, а Чоль-хи и Ацуши закрепляли все винтиками, потом Ацуши склеивал части своей горелкой. Пока они поднимались так, Мамору начинал создавать ледяные ступени, чтобы мальчики могли дотянуться выше.

— *Куда бы ни отправился в Ямме, всегда есть сигнал?* — спросил Ацуши, он и Чоль-хи сидели на ледяной платформе Мамору в полутора этажах от земли, прикручивали балку к месту.

— *Почти,* — сказал Чоль-хи. — *Не под землей.*

— *Погоди,* — Ацуши замер. — *Значит, эти башни будут не нужны через пару лет?*

— *Нет. Почему ты так говоришь?*

— *Если в Ямме уже есть спутники в космосе годами, Кайген не так далеко, да?*

Чоль-хи сжал губы, стал закреплять гайку перед собой. Пока что он не делился мыслями против правительства с Ацуши. Может, потому что нуму был младше Мамору, казался невинным с его яркими глазами.

— *Спутники дорогие,* — наконец, сказал он.

— *Но у Кайгена больше денег, чем у Яммы,* — сказал Ацуши. — *Экономика на пике.*

— *Ну...* — начал Чоль-хи. — *Дело в том...*

Мамору кашлянул. Лед под его контролем сильно трещал, чуть не сбросил Чоль-хи и Ацуши — почти, но он не был безответственным. Ацуши закричал и схватился за Чоль-хи, который впился в ближайшую балку.

— *Простите!* — Мамору кашлянул и поправил ледяную платформу под ними. — *Я просто... вдохнул немного снега.*

Ацуши устраивался, а Чоль-хи смотрел с края платформы на Мамору. Поймав его взгляд, Мамору покачал головой. Ацуши не был мягким, но ему было всего десять, он не был готов к тому, что мир порвется и перевернется.

Мамору знал, что не мог остановить опасный рот Чоль-хи, накричав на него или ударив, как и умоляя его быть осторожнее. Он подозревал, пока глядел в глаза Чоль-хи, что вскоре маленького Ацуши ждали жуткие открытия, которые он испытал в день, когда познакомился с северянином. Но пока Чоль-хи закатил глаза и сменил тему.

Они обсуждали возвращение в холл на обед, когда Мамору заметил пару фигур, поднимающихся по горе к ним. Даже на расстоянии Мамору узнал ровную походку отца, зловеще гладкую по неровной земле. Другая фигура спотыкалась за ним, это мог быть только отец Чоль-хи, Кван Тэ-мин. Хоть он много знал и видел, представитель Геомиджула не шагал уверенно. Было легко понять, что снег и горы были ему чужими.

— *О... Мацуда-доно,* — Ацуши тоже заметил мужчин. — *Что он тут делает?*

— *Не знаю,* — Мамору нахмурился. Тоу-сама не покидал стол в рабочие часы. Чоль-хи и Ацуши закончили закреплять балку, и Мамору опустил их на землю.

Ацуши спустился, когда взрослые подошли, и низко поклонился.

— *Аппа, Мацуда-сама, рад видеть,* — Чоль-хи кивнул. — *Что вы тут делаете?*

— *К сожалению, мне нужно забрать сына домой,* — сказал Тоу-сама. — *Что-то случилось.*

— *О, будет сложно работать без него,* — сказал Чоль-хи. — *Он поднимал почти все тяжести.*

— *Ничего,* — сказал Кван Тэ-мин. — *Я все равно хотел позвать вас в холл. Нужна помощь кое с чем.*

— *Башни работают?* — восторженно спросил Ацуши.

— *С этим и нужна помощь, малыш,* — сказал Кван с улыбкой. — *У нас есть замерзшие компоненты, в основном, провода. Я надеялся, что ты сможешь найти лучшую изоляцию.*

— *О. Конечно, сэр.*

Чоль-хи и Ацуши собрали инструменты, групп пошла по тропе к деревне.

— Я еще не видел строительства в таком холодном месте, — сказал Кван Тэ-мин, осторожно шагая в снегу. — Как джиджака, я должен стыдиться, ведь после лет установления инфраструктуры в Ямме и Сицве я недооценил разрушительную силу льда.

Кваны и Ацуши стали обсуждать провода, изоляцию и много технических тем, которые Мамору понимал лишь отчасти, пока они не дошли до развилки. Одна тропа вела к укрытому снегом холлу и крупной башне рядом с ним. Другая вела к самой деревне.

— Пока, Мацуда-доно, — Ацуши поклонился Мамору и его отцу.

Кван стукнул Мамору по руке.

— До завтра, Мамору-кун.

— До завтра.

Мамору шагал уверенно, привык, что он был самым быстрым на горных тропах, но Тоу-сама даже не обращал внимания на камни. Лед менял форму, становясь ровными ступенями под его ногами с каждым шагом. Глубокий снег пропускал его, словно не хотел быть на его пути.

Как многим джиджакам, Мамору нужно было стараться, чтобы управлять водой. Но сила Тоу-сама была на уровне, где вода спешила слушаться его, и Мамору было сложно не отставать.

— Этот мальчик фамильярен с тобой, — сказал Тоу-сама, не оглядываясь.

— Мы одноклассники.

— Юкино Юта и Мизумаки Ицуки тоже твои одноклассники. Но этой зимой ты проводишь с ними мало времени.

— Мы все еще тренируемся вместе порой, — сказал Мамору. — Я просто хотел работать над башнями с Чоль-хи и Ацуши, — он замер, нервно взглянул в лицо отца. — Если хочешь, я прекращу, Тоу-сама. Я присоединился к стройке, потому что ты разрешил...

— Я не против. Пока ты не отвлекаешься от истинной цели.

От его тона желудок Мамору сжался. Он не стал ближе к пониманию Шепчущего Клинка.

— Да, Тоу-сама, — сказал он. — И... могу я спросить, почему мы идем домой так рано? — спросил он, желая сменить тему.

— Я и так собирался уйти раньше. У меня встреча с братом в одиннадцать в его кабинете, но для твоей матери пришло письмо из Ишихамы.

— О, — Мамору все еще не понимал, почему это было причиной возвращаться домой. Каа-чан порой получала письма от своей семьи в Ишихаме. Почтальоны в холле деревни порой отдавали Тоу-самае почту семьи, чтобы он забрал ее сам, а не они несли к двери, но Мамору не видел, чтобы его отец спешил отнести письма домой.

— Это письмо помечено как срочное, — объяснил Тоу-сама, заметив смятение Мамору. — Было послано скорой почтой с печатью лорда Цусано, значит, новость ему нужно было доставить немедленно.

Мамору ускорился, гадая, что за новости из дома матери не могли подождать и дня.

МИСАКИ

— Вы рано, — удивленно сказала Мисаки. — Простите... я только уложила Изумо спать и еще не приготовила обед.

— Где двое других? — спросил Такеру. Он любил так делать — говорить о мальчиках, как о вещах в сумке.

— Хироши в начальной школе на дополнительной тренировке, а Нагаса спит, — после трех часов беготни за Рётой по снегу он какое-то время решил отдохнуть. — Секунду, я сделаю чай и обеспечу обед.

— До этого, — сказал Такеру, — тебе нужно кое-что увидеть, — он вытащил из рукава свиток и протянул ей. — Потому мы пришли рано. Это от твоего брата.

— О, — Мисаки взяла свиток у мужа. В Ишихама работал телефон, но в Такаюби его не было, так что Казу редко связывался с ней через письма. Но письмо впервые было отмечено как срочное. Она сорвала печать Цусано и развернула свиток.

Дорогая Мисаки,

Надеюсь, послание прибудет вовремя, и тебе не придется переживать. Вчера наш город и соседний район пострадал от прибрежной бури. Многие дома разрушены, включая наш Арашики, больше сотни человек уже погибли. Я просто хочу, чтобы ты узнала до того, как услышишь новости, что наша семья и друзья живы и в безопасности.

Мы с Кайто немного ранены, но Каа-сан, Тоу-сама, Райки, моя жена и малыши целы. Мы бы не были Цусано, если бы не могли вытерпеть немного ветра и дождя.

Шутки в сторону, похоже, бури были особенно плохие в последнее время. Попробуй уговорить мужа уйти глубже на сушу. Слышал, столица мила в это время года.

Ньяма тебе,

Твой брат, Цусано Казу, лорд Арашики

— Что говорит лорд Цусано? — спросил Такеру.

Мисаки подавила улыбку. Прошли годы с передачи титула, но было все еще забавно, что ее глупый братишка звался лордом Цусано.

Мисаки вручила Такеру письмо. Он скользнул взглядом, читая его.

— Что это за часть в конце? Почему он советует нам идти глубже на сушу?

— Не знаю, — четко сказала Мисаки. — Порой у Казу... странное чувство юмора.

— Он знает, что мы живем на горе? Мы не в опасности утонуть.

— Знаю. Это странно, — все письмо было странным.

Арашики был старым замком на склоне горы с видом на море. Сила клана Цусано делала место единственной безопасной площадкой на берегу камня, избитого волнами. В старые дни обитатели Крепости Шторма использовали джийю, чтобы приводить торговые корабли с континента безопасно в порт. Во время Келебы, когда континент стал врагом, Цусано из Арашики создали себе новое имя, разбивая корабли Ранги на кусочки об камни, поднимая море, чтобы проглотить выживших. Теперь Крепость Шторма служила как сторожевая башня империи, внимательный взгляд, следящий за Ранганийским союзом.

Мисаки сомневалась в историях дедушки, что Цусано сами разгромили половину армады Ранги, но было сложно представить, чтобы сила с моря прошла их берег целой. Но океан был ненадежным союзником. И если днем летали чайки и ярко светило солнце, Мисаки помнила, что ночами грохотал гром, волны сотрясали утес. Тоу-сама и слуги закрывали окна, а Каа-сан уводила Мисаки и двух мальчиков в безопасные каменные комнаты глубоко внутри дома. Мисаки помнила, как скрипела зубами из-за скрежета стен, сжималась в руках матери, закрывая руками уши Казу.

Шторма, говорила Каа-сан, напоминали об их месте в мире.

«Наша сила взята в долг, — говорила она, — это дар и благословение. Истинная сила принадлежит богам».

Но Нами и Наги всегда щадили своих детей Цусано. Несмотря на шум и ужас, шторм

забирал лишь пару плиток черепицы или ставни на могучем замке Арашики. Мисаки не могла представить шторм, который мог повредить упрямую крепость, тем более, уничтожить ее. И Ишихама была в Широждиме, не так далеко вдоль берега от Такаюби. Если они страдали от волн, которые могли разбить Арашики, как тут вода могла оставаться спокойной? Как небо над горой могло быть таким ясным?

— Нужно включить новости, — сказал Такеру, — увидеть, есть ли что-то о шторме.

Мацуда часто смотрели ТВ, пока ели. Чаще всего это был шум на фоне — бесконечный процесс скучной пропаганды. Но в последнее время Мисаки заметила, что Мамору наблюдал за экраном, смотрел на развевающиеся флаги, вещающих джасели и военные демонстрации почти хищно.

— *Я в Ишихаме,* — говорил камере репортер-джасели на кайгенгуа, — *где многие дома недавно разгромил ужасный шторм. Наши имперские отряды работали без устали, чтобы обеспечить помощь потерявшим дом и вытащить выживших из завалов.*

Мисаки смотрела тревожно, надеясь, что они покажут ущерб — и в то же время надеясь, что этого не будет. Ишихама была местом ее ранних и невинных воспоминаний. Она не знала, вынесла бы вид города в руинах. Но они не показали такой материал. Репортёр говорила на фоне белого зимнего неба, ее волосы и ханбок с кисточкой трепал ветер.

— *Ради нашей безопасности солдаты не позволили нам подойти ближе этого холма к разрушениям. Нам повезло, что они помогают в это время, и что лидер заботится о благосостоянии всех нас. Передаю слово Джали Бан-хьян Джи, Голосу Императора.*

— *Приветствую, народ Кайгена, дети Империи,* — чарующий голос Бан-хьяна был шелковым и сильным, как всегда, хотя он нес серьезную ноту. — *Сегодня сердце Его величества отягощено трагедией его детей в Ишихаме.*

Пока джасели говорил, экран начал показывать неподвижные картинки разрушений в Ишихаме — дома стали обломками, леса смыло, машины плавали в затопленных улицах, а потом прибыли солдаты в чистой синей форме, чтобы помочь людям выбраться из завалов, унести раненых и потерявшихся детей.

— Это не настоящее, — тихо сказал Мамору.

— Что?

— То, — Мамору указал на картинку, которая пропадала с экрана. — Фотография солдат, раздающих еду жителям. Они использовали ее неделю назад, когда рассказывали о штормах в Хейбандо и Йонсоме.

— Ты ошибаешься, — Мисаки нервно взглянула на Такеру. — Многие города у берега выглядят похоже.

— Я не ошибаюсь, — настаивал Мамору. — Они использовали ее в третий раз.

На экране уже показывали разбитые дома и затопленные улицы. Мисаки пригляделась к развалинам на экране, но она не считала пейзаж и архитектуру знакомыми. Она давно не была в Ишихаме, но была уверена, что пейзаж был каменистым, а не таким, как они показывали.

— Почему они не используют настоящий материал? — спросил Мамору.

— Мамору, — с предупреждением сказала Мисаки, — не нужно сейчас переживать из-за мелких технических...

— Это не мелочь. Они не показывают видео. Все фотографии можно подделать...

— Мамору, — сказал Такеру. — Родной город твоей матери серьезно пострадал. Вырази уважение.

— Это уважение? — Мамору указал на экран. — Они не скажут правду о том, что случилось с теми людьми. Разве это уважение, Тоу-сама?

Мисаки было не по себе. Она посмотрела на Такеру и поняла, что не знала, как он отреагирует. Она не говорила такое ему в лицо. Она не была душой.

— Мамору, в-вряд ли ты знаешь, о чем говоришь, — она пыталась исправить ситуацию. — Его величество говорит нам, что нам нужно знать. Не так важна прямая правда...

— Я хочу знать, что думает Тоу-сама, — Мамору посмотрел на Такеру.

— Думаю... у тебя лихорадка, — сказал Такеру после паузы. — Котецу Ацуши болел на прошлой неделе, теперь заразился ты. Тебе плохо?

Он давал Мамору шанс отступить, этот шанс разумный человек использовал бы под весом этого ледяного взгляда. Но Мамору, похоже, сошел с ума.

— Я в порядке, Тоу-сама, — сказал он без колебаний. — При всем уважении я просто хочу знать, что ты думаешь о том, что правительство тебе врет.

Лицо Такеру почти не изменилось, только складка между строгими бровями стала глубже. Мисаки ничего страшнее еще не видела.

— Это мальчишка Кван, да? — мрачно сказал он. — Он вложил глупые идеи в твою голову.

Мамору вдохнул и посмотрел в глаза отца.

— Разве важно, откуда идеи, если в них есть правда?

— Что он тебе говорил?

— Многое. Он говорит, что ураганы, о которых сообщает правительство, не естественные шторма, а атаки Ранги.

Тревога Мисаки стала чистым страхом.

— Тогда он или лжец, или идиот, — отмахнулся Такеру. — Ранганийцы не так сильны, чтобы так навредить, особенно в местах как Ишихама и Йонсом, где им противостоят сильные воины.

Но он ошибался. Ранганийский Союз был — и всегда был — сильнее и хитрее, чем были готовы признать правящие кайгенцы. Эта наглая ложь уже стояла им двух третей империи.

Здания, поврежденные фонья, выглядели не так, как дома, пострадавшие от бури. Может, потому в новостях не показывал сцены катастрофы? Потому они не показывали настоящие материалы?

— Кван Чоль-хи говорит, что император не хочет, чтобы мы знали, какими сильными стали ранганийцы, чтобы мы не паниковали, чтобы мы остались тут и умерли, защищая этот берег.

— Ты звучишь зло, — ровно сказал Такеру. — Наш долг — защищать Кайген, что бы ни говорил нам император.

— Но... разве это не делает нас пушечным мясом?

— Это делает нас пушкой.

Мамору запнулся.

— Но... это не... если император даже не говорит нам...

— Не важно, что говорит или не говорит Император, — сказал Такеру. — Это не меняет факта, что мы тут лишимся жизнью ради империи. Мы — Меч Кайгена.

— Ты говоришь так — и все говорят — но меч — просто орудие.

Такеру встал и ударил Мамору по лицу.

Мамору был удивлен. Не стоило удивляться.

— Ты не будешь так говорить в моем доме. Ясно?

— Да, Тоу-сама. Прости.

— Я думал, что растил воина, но твои слова показывают неведение и слабость ребенка.

— Тоу-сама....

— Меч воина не изо льда или металла. Это его душа, его фокус, убеждения. Это делает Шепчущий Клинок, и потому ты никак не можешь его создать.

— Да, Тоу-сама, — голос Мамору дрогнул от стыда. — Понимаю...

— Если понял, ты больше не будешь произносить такой позорный бред. Империя зависит от нашей силы, а не сомнений. Мы должны быть сильнее страха. Пока мы не сломаны, Меч Кайгена не сломается, Империя устоит. Только слабак позволяет себе сомневаться в этом. Ты — слабак?

— Нет, Тоу-сама.

— Посмотрим, — холодно сказал Такеру. — Бери меч. Я буду в додзе, — и он ушел из комнаты.

Мамору потрясенно поднял руку к лицу, но не коснулся щеки, где его ударил Такеру. Он поднес пальцы ко рту, словно не мог поверить в то, что оттуда вылетело.

— Я сказал это, — он посмотрел на Мисаки огромными от ужаса глазами. — Я сказал это отцу.

— Да, — Мисаки сама была потрясена.

— Я дурак, Каа-чан?

— Возможно, — Мисаки улыбнулась сыну, хотя страх сжимал ее внутри. — Теперь сделай, как говорит отец. Защити свою глупость.

— Он меня убьет?

— Если так, тебе лучше умереть, как мужчина, на ногах.

Кивнув, Мамору встал, расправил плечи и вышел из комнаты.

— *Слава Кайгену!* — закричал за ним Джали Бан-хьян. — *Да здравствует император!*

ГЛАВА 9: СРАЖЕНИЕ

Додзе Мацуда занимало половину дома. В прошлых веках там умещалось пятьдесят учеников. Нынче учились только сами Мацуда.

Женщин туда не пускали, и Мисаки старалась реже бывать у двери. Леди не должно было интересоваться сражением на мечах. От этого ее глаза не должны были загораться, а кровь кипеть. Когда она смотрела на других в пылу боя, она была слишком близко к старой себе, и она старалась избегать этого.

Но в этот раз не голод вел Мисаки за сыном и мужем к порогу додзе, а материнская тревога. Ньяма Такеру была опасной, и ей хотелось быть ближе к Мамору. На всякий случай. Такеру обычно не был жесток с детьми, не ранил серьезно Мамору на тренировке. Но на всякий случай.

Она села на колени на пороге додзе и смотрела, как Такеру и Мамору готовились к бою. Многие сражения проходили с деревянными мечами, но это была не нормальная тренировка. Они взяли стальные катаны, опустили на пол перед собой и поклонились оружию в тишине. Этот ритуал отмечал начало дуэли.

Чужаки считали, что традиционная сталь не была важна для мастера Шепчущего Клинка. Попав в эту семью, Мисаки поняла, как важна была стальная катана для Мацуда. Катана была самым дорогим спутником мужчины Мацуда, даже когда он достигал

Шепчущего Клинка. Только ежедневные тренировки со сталью помогали придать форму клинку и распределить вес для создания Сасаяба. Мацуда, который не тренировался с изящным металлическим мечом, не мог создать ничего хорошего из льда.

Такеру, обычно спокойный и четкий в движениях, привязал катану к бедру быстрее обычного, затянул нити с несвойственной яростью. Его меч был гордостью нуму Котецу Каташи, изящное минималистическое оружие с круглой гардой стали без украшений и белой перламутровой рукоятью. Кузнец назвал оружие Къёгецу, Лунный Шпиль, клинок был таким ярким и чистым, что мог рассекать ночь, как зеркало Нами.

Катана Мамору, которую он помогал ковать, была почти такой же длины, как Къёгецу, довольно большой меч для юного бойца. Змеиные формы Нами и Наги сплетались серебром и бронзой, формируя гарду, рукоять была с темно-синей шнуровкой. У юного меча еще не было имени. Это он должен был заслужить в руках коро, ладони чуть дрогнули, когда Мамору убрал ножны за пояс хакама. Пальцы возились миг со шнурками, а потом смогли завязать их.

Такаши говорил, что были дни, когда Мамору мог биться почти на равных с его отцом. Но Мисаки видела по стойке Мамору, что это был не такой день. Он старался выглядеть решительно. Это обмануло бы неопытного наблюдателя, но его руки были слишком напряжены. Его хватка не была уверенной. Мисаки сама выглядывала такое, когда ей нужно было кого-то одолеть — значит, и Такеру это видел.

— Если думаешь, что ты можешь говорить мне о правде, лучше подкрепи это в бою, — Такеру холодно смотрел на сына. — Готов?

Мамору кивнул.

— Да, Тоу-сама.

— Хорошо, — сказал Такеру и бросился вперед. Первый удар заставил сердце Мисаки подпрыгнуть от ужаса и восторга. Звон стальных клинков был как ток в ее венах. Такеру со звоном отбил меч Мамору в сторону, направил клинок вниз, остановил меч на волосок от шеи Мамору. — У тебя ужасная защита, — рявкнул он, шлёпнув плоской стороной клинка по щеке Мамору. — Надеюсь, ты можешь лучше.

Такеру нападал снова и снова, каждый удар заканчивался беспощадно быстро.

— Вяло! — он шлёпнул по костяшкам Мамору.

Такеру идеально управлял собой. Как любой неплохой учитель, он ударял Мамору с достаточной силой, чтобы он понял, что совершил ошибку, но не вредил и не причинял сильную боль. Но сегодня он бил сильнее обычного, сильнее, чем нужно было.

— Все еще вяло! У тебя жалкая защита! — Такеру пробил защиту Мамору и попал рукоятью меча по его солнечному сплетению. Слишком сильно.

Мамору согнулся. Мисаки на миг подумала, что его колени не выдержат, но он устоял на ногах.

— Встань, — холодно сказал Такеру. — Если бы я хотел покончить с боем сейчас, я бы ударил острым концом. Встань передо мной.

Мамору пытался выпрямиться, пошатнулся, кашляя, зажал рукой рот. Мисаки была уверена мгновение, что его стошнит, но после пары вдохов он сглотнул и поднял взгляд на Такеру. Сжимая катану, как нить жизни, он занял боевую стойку.

Такеру принял приглашение, не ожидая, пока Мамору оправится. Их клинки столкнулись так сильно, что Мисаки ощутила удар костями, ее предплечья дрогнули, она представила, как ее тело бьют с такой силой. Удар выбил катану из рук Мамору, и она

улетела, крутясь.

В обычный день они остановились бы на этом. Но Такеру продолжал. Катана еще не упала на пол додзе, он напал снова. Мамору вовремя успел создать ледяной щит на руке.

Такаши говорил, как изобретателен был Мамору с быстрыми щитами изо льда, но Мисаки не понимала, что он имел в виду, пока не увидела, как мальчик призвал лед, защищаясь от Лунного Шпиля. Клинок Такеру съехал по щиту раз, другой, а потом вонзился в мягкий внешний слой льда.

Мисаки узнала замысловатую технику обезоруживания. Она ею не овладела даже на пике, но Мамору исполнил тщательно. Его джийя поглотила Лунный Шпиль и замерзла вокруг него. А потом он повернул свое тело и выбил меч из рук отца.

Такеру позволил этому произойти. Его джийя могла подавить силу сына, но он ослабил хватку и позволил Мамору выбить его меч.

— Хорошо, мальчик, — Такеру размял пальцы, стало холоднее. — Если ты хочешь биться так...

Вдруг вспыхнул Шепчущий Клинок. Мамору пригнулся и прокатился к своей катане, но столкнулся со стеной льда.

— Нет уж, — сказал Такеру. — Если ты решил оскорблять меня в лицо, ты можешь сразиться и джийей.

На следующее было больно смотреть.

Мамору овладел всеми атаками джийя из Кумоно и не только. Он мог бросать метко снаряды, бить хлыстами воды на ослепительной скорости и поднимать стены толщиной в ствол дерева. Он был достаточно умным, чтобы использовать это все, держа Такеру и Шепчущий Клинок на расстоянии.

Это ничего не изменило.

Такеру рассекал защиты, как рисовую бумагу, сократил за мгновения расстояние между ними. Вблизи Мамору приходилось отвечать на ледяную катану отца своей. В идеальной имитации технике Такеру он разжал ладонь и собрал джийю, она заполнила форму меча изо льда. Было похоже на Шепчущий Клинок — прямой, острый и чистый меч — но Такеру рассек ее одним ударом.

— Слабо, — фыркнул он, Мамору поспешил сделать клинок целым. — Грязные намерения рождают нечистый лед.

Мамору взмахнул мечом. Такеру поднял в защите Шепчущий Клинок, и лед Мамору разбился об него. Процесс повторялся снова и снова, пока Такеру не потерял терпение. Он разбил весь меч Мамору, оставив его с горстью осколков льда.

Мамору без оружия стал создавать щит, но Такеру пробил его и оттолкнул мальчика на татами.

— Я с... — начал Мамору, но дыхание вылетело из него, когда нога Такеру опустилась на его грудь, прижимая его к полу. — Сдаюсь! — смог прокричать он.

— Да? — прорычал Такеру и направил меч вниз.

Мисаки завизжала.

В миг слепого ужаса она увидела, как Такеру вонзает клинок в рот Мамору, но произошло не это. Кулак Такеру несся вперед, его Шепчущий Клинок превратился в безвредную жидкость. Она замерзла на его костяшках, и они попали по лицу Мамору. Голова мальчика дернулась, кровь расцвела из его рта, и он лежал, оглушенный.

Такеру выдохнул.

Казалось, он ударит Мамору снова. Потом он замер.

— Что ты делаешь, Мисаки?

— Что? — Мисаки опустила взгляд и поняла, что стояла. И она прошла на два шага в додзе. Лед на ее ногтях уже начал превращаться в когти. — О... — вяло сказала она. — Прости, я... Прости, — она быстро отпрянула от запрещенного пола и опустилась на колени, потрясенная. — Простите, Такеру-сама. Продолжайте.

Такеру долго смотрел на нее, а потом повернулся к Мамору. Мальчик все еще лежал на спине, рот и нос были красными от крови. Его глаза были пустыми от шока, и Мисаки гадала, думал ли он о том же, что и она на миг: что Такеру убьет его.

— Мацуда не сдастся, — сказал Такеру. — Он бьется с врагами перед собой или умирает, пытаясь, — кулак Такеру был все еще сжат, лед был холодным на его костяшках. — Если ты боишься врагов империи, ты не можешь звать себя частью этой семьи. Ты не имеешь права стоять передо мной в этом додзе.

Мисаки едва слышала слова Такеру. Она смотрела на кулак, и ее разум кричал: *не дай ему ударить снова. Боги, не смей ударять его снова.* Она не сможет удержаться на месте, если придется смотреть на еще один удар по Мамору. Она так пристально глядела на ледяные костяшки Такеру в крови Мамору, что вздрогнула от звука приближающихся шагов.

— Сецуко! — воскликнула она, женщина появилась на пороге рядом с ней.

— Простите, — Сецуко поклонилась Такеру. — Я, кхм... — она замерла, глядя на лед на полу и кровь на лице Мамору. — Я не хотела прервать вас.

— Чего ты хочешь? — рявкнул Такеру.

— Мой муж хотел, чтобы я напомнила, что у вас с ним встреча в одиннадцать в его кабинете.

— Скажи ему, что я опоздаю.

— Вы уже опаздываете, — только Сецуко смела так говорить с Мацуда Такеру, пока он стоял, ошестинившись джийей, забрызганный кровью и кристаллами льда.

Он хмуро смотрел на нее миг, а потом посмотрел на Мамору.

— Убери бардак, — сказал он. — Тренируйся сам, пока я не вернусь. Ты не покинешь додзе, не исправив неуклюжую технику.

— Нами, что тут случилось? — шепнула Сецуко Мисаки.

— Объясню позже, — тихо сказала Мисаки.

Она и Сецуко встали, пропустили Такеру, выходящего из додзе.

— Я пойду с вами в Кумоно. — сказала Сецуко Такеру. — Мой муж забыл обед, и я принесу ему еду. Только закутаю Аюми от холода...

— Иди, — сказал Такеру без интереса. — Собирай, что нужно. Я буду, когда ты будешь готова идти.

Сецуко поняла намек, поклонилась и ушла. Такеру холодно посмотрел на Мисаки.

— Ты это сделала? — тихо спросил он. — Или только тот городской мальчишка?

— Я... — Мисаки не знала, что сказать. Она была виновата, вложив опасные мысли в голову Мамору, и она не знала, как сильно повлиял на него Кван Чоль-хи, так что было сложно понять, кого винить в его сомнениях. Но он не мог от них набраться храбрости бросить вызов отцу. Гнев Мамору принадлежал лишь ему. — Простите. Я не знаю...

— Плевать, — Такеру отвернулся от нее. — Просто исправь это.

— О чем вы?

— Если это твоя вина... эта слабость в нем, исправь это. Понятно?

— Да, сэр, — робко сказала Мисаки.

Она напряженно стояла в коридоре, пока Такеру уходил, забирая с собой почти весь холод.

В додзе Мамору встал на колени, но не мог пока подняться. Мисаки хотела пройти к нему, поднять его, исцелить синяки. Но она только тихо спросила:

— Ты в порядке?

— Да, — Мамору с трудом встал, кровь капала на хакама изо рта и носа. Прижав ладони ко рту, он взглянул на дверь. — Прости, — сказал он в ладони. — Прости, что тебе пришлось это видеть.

Было не ясно, говорил он о своем поведении, слабом поединке или крови. Мисаки поняла с каплей странного изумления, что Мамору думал, что она не видела жестокости страшнее.

Она смогла выдавить то, что, как она надеялась, звучало утешающе:

— Я видела хуже.

Мамору стоял один посреди додзе, закрывая руками рот, пока не услышал, что шаги Такеру и Сецуко покинули дом, и дверь за ними хлопнула, задвинувшись.

А потом он пробудил движением ладоней джийю. Мисаки удивленно смотрела, как он вытянул кровь с лица и одежды, сделал корку на нижней губе. Он показал в детстве, что умел управлять кровью, но она не понимала, что он еще помнил те капли, которым она его научила годы назад. А еще он смог улучшить навык. Может, за годы, которые мальчик рос на ее глазах, она умудрилась это упустить.

Залатав губу, Мамору прошел по додзе, топил и испарял лед после боя. Он работал не так быстро и сильно, как обычно, но Мисаки была рада, что он ходил и дышал нормально. Убрав из татами остатки влаги, чтобы не появилась плесень, Мамору взял свою катану и занял начальную стойку. Медленно вдохнув, он стал повторять приемы.

Даже без противника Мамору двигался с яростью, которая оживляла движения. Мисаки ощущала каждый вдох в своих легких, движение своих мышц. Она представляла его шаги в голове, ударяла и отбивала клинок своими глазами. Она стала медленно отмечать слабые места, бреши... Форма была красивой, но не идеальной.

— Недостаточно.

Мисаки не поняла, что сказала это вслух, пока Мамору не посмотрел на нее.

— Что?

— Это... — ничего, хотела сказать Мисаки. Ничего. Все же что женщина знала о бое? — Ты так не отобьешься от отца.

— Знаю, Каа-чан, — Мамору опустил руку с мечом. — Очевидно, что он намного лучше, — Мисаки не поняла бы по плавным красивым движениям, но раздражение в голосе выдало глубины его недовольства. — Я не знаю, как пересечь брешь. Я не могу биться как он.

— Можешь, — сказала Мисаки. — Ты бьешься, как он, но не так чисто. Это твоя проблема, ты пытаешься подражать мечнику, который намного сильнее тебя. Тебе нужно сыграть на своих преимуществах.

— Какие преимущества?

— Размах движений, например. Ты быстрее и легче на ногах, чем твой отец.

Мамору покачал головой.

— Приятно слышать, Каа-чан, но я не такой. Если ты знаешь о бое, ты видела, пока мы

бились, что мне не хватает скорости, чтобы отбиться от него.

— Ты быстрый, — Мисаки встала. — Ты реагируешь чуть быстрее него, но тратишь движение, когда держишь все напряжение в плечах. Так он пробивает твою защиту.

Мамору смотрел на нее, и она видела, как колесики крутились в его голове. Он понимал, что ее слова имели смысл, но не мог понять, откуда она знала.

— Если... так очевидно, что я делаю это... если даже ты это видишь... почему он не сказал мне?

— Он пытался, — Мисаки вздохнула. — Это он имеет в виду, повторяя «неуклюже».

— О... — Мамору смотрел мгновение в пустоту, думая, представляя. А потом сделал два взмаха так быстро, что Мисаки едва смогла проследить за клинком.

— Лучше, — сказала она. Не идеально. — Лучше...

Мамору попробовал снова, и Мисаки обнаружила, что сделала полшага вперед.

— Не взмахивай так сильно, — сказала она. — Если угол верный, размах пройдет сквозь без движения всего тела за ним.

— Юкино-сэнсей говорит, что непросто разбить кость и сухожилия, — Мамору все еще смотрел вперед. — Нужно много силы.

— Силы, — сказала Мисаки, — не мышц. Если доверяешь себе и своему клинку... ты удивишься, как легко рассечь тело человека.

Она поджала пальцы ног на пороге. Чуть склонилась. Замерла.

— Каа-чан, — Мамору встревожился. — О чем ты говоришь?

— Не могу сказать... — Мисаки пыталась отогнать себя от края. Это неправильно. Неправильно, глупая женщина. Знай свое место... — но я могу тебе показать, — и она миновала край, пошла по полу додзе, легкая от глупой радости.

Глаза Мамору расширились.

— Каа-чан, что ты делаешь?

— То, что не должна, — она улыбнулась, дойдя до стойки с мечами. — Но, учитывая твоё поведение сегодня, не тебе судить, да? — она встала, уперев руки в бока, глядя на стойку мечей Котецу в лакированных ножнах. Мечи сверху принадлежали прошлым патриархам Мацуда. Она ни разу не видела мужское оружие так близко, так что любовалась мгновение.

Рядом с белым Лунным Шпилем Такеру были катана и вакидзаси Такаши, Нагимару и Намимару. Названное в честь Бога и Богини, оружие было с рыбой, вырезанной на рукоятях, шнуровка была синей, как океан. Выше был меч предков, Курокори, Черный Лед, им владел Мацуда Сусуму и великие Мацуда прошлого. Еще выше был меч Мацуды Мизудори, Рассекающий Туман, Киригани, меч его отца, Хлыст Облака, Кумокэй, и меч его отца, Клык Бога, Сенкиба.

Стоя перед легендарными мечами, Мисаки ощущала покалывание в пальцах. Она не мечтала, что коснется священного оружия, но ниже было оружие проще — катана, вакидзаси и танто были потертыми, повреждёнными, но все еще годились для сражений. Мисаки выбрала из них тонкий вакидзаси и проверила вес в руках.

— Каа-чан! — воскликнул Мамору, убирая катану в ножны. — Н-не стоит это трогать.

Мисаки игнорировала его.

— Тяжелый, — она нахмурилась. — Оружие Котецу всегда тяжелое. Конечно, у тебя напряжены плечи.

— Каа-чан, все те мечи острые, — тревога Мамору росла. — Я не хочу, чтобы ты

навредила себе.

— Ты прав, — Мисаки вернула вакидзаси на стойку, пересекла додзе и порылась в чулане в поисках пары боккенов. — Убери катану, сын.

Мисаки знала, что загрязнял священное место. Она должна была покинуть додзе и сделать вид, что это не произошло, но ее решимость укрепилась, когда ладонь нашла рукоять деревянного меча. Такеру сказал ей исправить Мамору. Она не могла исправить то, что он растерялся и злился. Она не могла исправить то, что ему было четырнадцать. Она могла исправить его технику.

После уговоров Мамору убрал металлический меч и взял у Мисаки деревянный.

— Я не понимаю, Каа-чан. Что происходит?

— Ты спросил, что я делала в школе годы назад, — Мисаки покрутила деревянный меч, разминая суставы. — Твоему отцу не нравится, когда я говорю об этом, но тут говорить не надо. Давай, — она кивнула Мамору. — Взмахни.

Он был в ужасе.

— Ты не серьезно! Каа-чан, я не буду...

— Не хочешь нападать на маленькую старушку? — Мисаки улыбнулась. — Ладно. Тогда защищайся!

ГЛАВА 10: ПОВОД

Мисаки была не такой быстрой, как в Карите, но Мамору был так напуган, что едва поднял боккен вовремя, чтобы остановить атаку. Стук деревянных клинков друг о друга пробудил старую радость в Мисаки, и она вдруг стала двигаться на чистом инстинкте, отгоняя противника.

Мамору был сильным, но Мисаки сделала свое имя, борясь с теонитами, которые были сильнее нее физически. Если бы она билась с ним мышцами, удар сотряс бы ее суставы, но ее клинок срикошетил от его, вернул его энергию ее ударами — этой уловке она научилась за годы сражений с Киноро Вангарой. Дерево отлетало лучше металла. Чем сильнее бил Мамору, тем больше скорости он ей давал.

Она видела по лицу Мамору, что его разум онемел от шока. Его тело двигалось на памяти мышц, автоматически отвечало на ее шаги в идеальной форме, отбивая каждый удар. Но, хоть его рефлексy были быстрыми, у движения с условиями были пределы. И оно было предсказуемым.

Мисаки сделала ложный выпад. Движение было ужасно медленным, по сравнению с ее финтами пятнадцать лет назад, но Мамору повелся, это было важно. Он поднял меч, чтобы заблокировать удар, и Мисаки повернула боккен и стукнула его по ребрам.

Мамору вскрикнул от удивления, а не от боли, Мисаки сомневалась, что могла навредить ему деревянным мечом.

Она отпрянула и цокнула языком.

— Сын, нельзя на такое вестись.

Глаза Мамору были огромными, его ладонь была на боку, где она ударила его.

— Каа-чан... это... это ты делала в школе за морем? Ты *сражалась*? — Мамору покачал головой, ему было трудно соединить этот кусочек информации со всем, что он знал. Он поднял ладонь к голове, запустил пальцы в челку, глядя на мать. — Я... вряд ли должен удивляться.

— Не должен?

— Чоль-хи говорил мне о местах, где он был — Ямма, Сицве и Кудацве. В тех странах

женщины-коро могут биться и служить в армии.

Мисаки кивнула.

— Так почти во всем мире.

— Да, — медленно сказал Мамору, — и ты училась вне Кайгена, так что была в школе с женщинами-воительницами, когда была боевого возраста. Тетя Сецуко всегда говорит, что ты была там хороша. Значит, ты умеешь сражаться, как все. Я просто не могу поверить, что не знал... Почему я не знал?

— Никто не знает, — сказала Мисаки.

Она не знала, было ли это правдой. Обычно один боец видел другого бойца по движениям, и Такеру с Такеши были двумя самыми проницательными бойцами в ее жизни. Порой было сложно поверить, что братья могли делить крышу с ней столько лет и не уловить ее боевое прошлое. Возможно, сексизм был врожденным, и их воспитание создало слепое пятно, и они не могли узнать эти способности в женщине. Она не обсуждала такое с мужем и его братом.

— Ты понимаешь, почему твой отец не знает... не может знать, — серьезно сказала Мисаки. — Он не одобрит.

Такеру отрицал бы ее любовь к сражениям, как отрицал все ее прошлое. Она ждала жуткий миг, что сын откажет ей. Воспитание говорило ему, что женщины не должны сражаться, не могли сражаться. Они были ценными куклами, которых защищали...

— Почему Тоу-сама не одобряет? — спросил Мамору. — Знаю, женщины обычно не сражаются, но все говорят, как важно Мацуда поддерживать род сильным, беря в семью женщин из сильных семей. Если ты можешь сражаться, разве это не доказывает, что Тоу-сама женился на сильной женщине?

— Так... ты не расстроен? — спросила Мисаки, удивляясь тому, каким хрупким стал ее голос. Она поняла в этот странный миг, что, хоть это было неприлично, неодобрение Мамору пугало ее сильнее неодобрения Такеру. — То, что я могу сражаться, тебя не тревожит?

— Почему это должно меня тревожить? — сказал Мамору. — Это хорошие новости. Я — сын двух великих воинов, вместо одного. Это хорошо. Значит, я должен быть сильным. Я должен гордиться.

Мисаки глядела. Это перечил логике, как бездушный кусок льда, как Такеру, эгоистка, как она, могли создать что-то такое яркое? Как-то, несмотря на все, несмотря на крохотную деревню, холодного отца, замкнутую мать, школу, промывающую мозги, Мамору вырос хорошим.

— Каа-чан? — неуверенно сказал Мамору. — Что такое?

— Ничего, — она встряхнулась. — У нас есть работа. Тебе нужно хорошенько замахнуть на меня.

Мамору нервничал.

— Я не хочу тебя ранить.

Мисаки улыбнулась. Восемнадцать лет назад, если бы ей такое сказал парень, она оскалилась бы и сказала: «Попробуй». Теперь она только улыбнулась.

— Это просто деревянные мечи, сын. Я доверяю тебе, — она заняла стойку, кивнула Мамору. — Я доверяю тебе.

Через миг Мамору ответил на ее улыбку и напал. Он не напал на полной скорости. Если честно, Мисаки вряд ли справилась бы с ним на полной скорости. Но, если он давал ей шанс,

она заставит его пожалеть. Обойдя робкий удар боккеном, она ударила Мамору по костяшкам.

— Ай! — он отпрянул, тряся рукой. — Почему ты такая сильная?

— Я не такая. Я отразила твою силу в тебя. Я настолько хитрая.

— Ты поразительна!

— Для старушки, — Мисаки размяла плечо и ощутила, как суставы встали на место. — Ты бы видел меня на пике. Я бы разгромила тебя.

— Ты была такой сильной? — сказал Мамору, даже не выглядя недоверчиво.

— Нет, — честно сказала Мисаки, — я никогда не была такой сильной, как ты, как и талантливой. Но я была решительной и готовой биться грязно.

Из трех друзей, которые боролись с преступлениям на улицах Ливингстона, Мисаки единственная не попала в новости и на карты. На то была причина. Жар-птица и Белокрылка были символами, привлекающими внимание. Они выходили на улицу, чтобы их видели, слышали и боялись. Никто не боялся их Тени, пока не становилось поздно.

Мисаки была хищником в засаде. Ее излюбленной тактикой было ударять по слабому месту преступника раньше, чем он замечал ее в тенях. Если он видел ее раньше, чем она атаковала, у нее оставался элемент неожиданности, редкие бойцы ожидали, что девушка-кайгенка будет так яростна. И если бы дошло до боя клинок к клинку, у нее было много сюрпризов.

Мисаки использовала один из своих любимых маневров. Она взмахнула и промазала. Как все, Мамору решил использовать шанс, пока она лишилась равновесия. Но она поменяла хватку на боккене. Пока Мамору начинал взмах, она устремилась к нему. Его боккен задел ее голень, в настоящем бою она пострадала бы от серьезной раны, но ее клинок оказался у его горла.

— Я победила, — выдохнула она, когда Мамору тихо охнул. — Почему ты меня подпустил?

— Я повелся на финт.

— Лишь на миг, — она следила за его глазами. — У тебя было время исправиться, и с твоей скоростью тебе хватит мгновения.

Мамору покачал головой.

— Этого было мало. Ты была слишком быстрой.

— Нет, — сказала Мисаки. — Десять лет назад я была слишком быстрой. Сейчас ты медленный.

Когда Мисаки напала снова, Мамору не пустил меч к шее — может, потому что уже ожидал атаку. Его ответный удар был ужасно быстрым, но Мисаки ожидала его и пригнулась. Боккен Мамору просвистел в пустом воздухе над ее головой. Как всегда он взмахнул слишком сильно, сам лишил себя равновесия. За миг до того, как он восстановился, Мисаки ударила по его лодыжкам, выбила из-под него ноги боккеном.

Мамору рухнул на спину, но Мисаки охнула от боли, когда они оба выпрямились. Она не напрягала так колени годами, и они скрипели в протесте.

— Ты в порядке? — спросил Мамору.

— Порядок, — заявила Мисаки. — А ты — идиот. Мы с твоим отцом медленнее тебя. Знаешь, почему мы проходим твою защиту?

— Я... — Мамору посмотрел на свои руки. — Я слишком напряжен.

Мисаки кивнула.

— И ты взмахиваешь слишком сильно. Это создает брешь, и в миг после этого ты уязвим.

— Я не знаю, что ты...

— Я покажу. Нападай.

Мамору сделал, как сказали, и Мисаки поняла с болью в предплечьях, что он начал биться серьезно. Она оставалась в защите, пока он не взмахнул слишком сильно.

— Вот! — воскликнула она и бросилась вперед.

Мамору, со своими сверхчеловеческими рефлексами, смог отпрыгнуть. Боккен Мисаки задел его кимоно.

— О, — понимание озарило его лицо, он посмотрел на свою грудь.

— Видишь? — сказала Мисаки.

— Да! — радостно воскликнул Мамору. — Вижу!

Против кого-то быстрее или крупнее он оказался бы разрезанным пополам.

— Как мне это исправить? — спросил он, глядя на нее с пылом.

— Сначала тебе нужно расслабить плечи и перестать так сильно сжимать меч.

— Точно, — Мамору выдохнул. — Я попробую.

— Потом нужно сохранять тело расслабленным во время атак, — продолжила Мисаки. — Ты пытаешься рассечь мишень, а не ударить по ней молотом. Тебе не нужно замахиваться так сильно.

— Но если не замахнуться сильно, как я что-то разрежу?

— Уверенностью, — сказала Мисаки. — Если атака быстрая и решительная, тебе не нужно вкладывать в нее все мышцы, — если бы она билась так сильно, как Мамору, уже выдохлась бы. — Атака — последнее решение, твоя жизнь или жизнь твоего противника. Если в твоем выборе нет уверенности, ты не справишься. И если ты не вложишь всю решимость, ты провалишься.

— Тогда... — напряжение вернулось в тело Мамору, сжимая рукоять деревянного меча. — Я — неудачник.

— Что? Я этого не говорила.

— Но я такой. Я — неудачник! — Мамору ударил себя боккеном по голове. — Во мне слишком много сомнений. Тоу-сама сказал, сомнения делают меня слабым, и он прав. Я не могу...

— Мамору, Мамору! — Мисаки не дала ему ударить себя еще раз. — Думаю, ты все делаешь сложнее, чем нужно.

— Что? — он моргнул, глядя на нее, красное пятно появилось между его глаз.

— Твоя иллюзия о Кайгене сломалась, понимаю. Но подумай, неужели это меняет твою причину сражаться?

— Я... наверное, нет? — Мамору нахмурился. — Просто неправильно, ведь люди сражались и умирали, а мы даже не узнаем правду об этом. Я не знаю, хочу ли биться за Империю, которая так не уважает корону. Воинов не помнят, несмотря на их подвиг...

— Ты бьешься, чтобы тебя помнили? — спросила Мисаки.

— Я... не это имел...

— Я спрашиваю честно, — сказала Мисаки. — Ты бьешься ради личной славы? Чтобы имя Мацуда Мамору вошло в историю? Или ты бьешься ради трепета? Или привилегии служит императору? Тебе нужно ответить на эти вопросы. Найти уверенность можно, если знаешь вне всяких сомнений, за что ты борешься.

— А... где ты нашла уверенность, Каа-чан? — спросил Мамору. — В твои школьные дни, когда ты была на пике, за что ты сражалась?

Наконец, вопрос, на который было просто ответить.

— Я билась, чтобы защитить тех, кто был мне дорог, — сказала Мисаки. — Это было просто. У моих друзей были высокие идеалы. Я просто не хотела, чтобы они пострадали. Некоторые звали меня эгоисткой — и они были правы — но я была честной с собой, и это делало меня неудержимой. Я не сомневалась в том, почему билась, и я могла рассечь все.

— Каа-чан... — голос Мамору стал тихим, будто он боялся задать вопрос, который был на его языке. — Ты убивала кого-нибудь?

— Нет.

В Рассвете Мисаки ходила на уроки боя и медицины, а потом училась резать с клинической точностью. Она ударяла преступника по слабым точкам, делая его неспособным биться, а потом сгущала кровь, чтобы она не вытекла вся до прибытия властей. Она забирала сухожилия, глаза и конечности, но не жизнь.

— Я еще никого не убивала, но... — Мисаки потеряла кожу между большим пальцем и указательным, где появлялась мозоль.

— Но что?

— Я убила бы, — Мисаки подняла голову, посмотрела на сына. — Если бы до этого дошло, я убила бы, не медля. Если бы нужно было спасти Робина, я бы убила столько людей, сколько нужно было.

— Кто такой Робин? — спросил Мамору.

— Он... — *тепло. Надежда. Солнце, сжигающее туман.* — Робин — каритийская птица. Это метафора.

— О.

— Я знаю, все сейчас кажется сложным, — сказала Мисаки, — но важный вопрос... Если бы чужаки пришли, желая убить тебя и меня, всех твоих младших братьев, что бы ты сделал?

— Я бы убил их, — решительно сказал Мамору. — Я бы не думал об этом. Я бы убил их всех.

— Вот, — Мисаки указала на его грудь. — Это все, что тебе нужно.

— Правда? — Мамору задумался на миг. — Это так просто?

— Так было для меня. Но... может, тебе не стоит равняться на старушку, — Мамору не был похож на нее. Если подумать, он был больше похож на тех, кого она убила бы или ради кого умерла бы. — Может, окажется, что ты хочешь биться за идеал выше. Ты благороднее меня.

Мамору был удивлен.

— Ты благородная, Каа-чан.

— Это самые глупые твои слова за весь день. Соберись.

Теперь Мамору впитал факт, что его мать могла биться, и его мозг коро начал разбирать, как она сражалась. Он улавливал ее уловки, и ей приходилось показывать больше, изобретательные способы отражать его атаки. Когда-то она вела этот танец с самыми важными людьми в ее жизни — наставниками, близкими друзьями и опасными врагами. Но ее тело изменилось с тех пор. Ее клинок резал не так быстро, как ее мысли, а ее суставы возмущались все настойчивее с каждой атакой, пока она не поняла, что больше уже не вынесет.

Поняв, что ее мышцы вот-вот откажут, она отбила удар Мамору и перешла к атаке с разворота, чтобы посмотреть, получится ли у нее. Она запнулась и застыла, но увидела по лицу Мамору, что он был впечатлен.

— Я еще не видел, чтобы кто-то так бился, — сказал он, — даже дядя Казу. Это не техники Цусано.

— Верно, — Мисаки уперлась ладонями в колени, пытаясь скрыть, как запыхалась.

Ее первым учителем был отец, который учил ее вместе с братьями веселья ради, не понимая, что он сажал семена, которые глубоко прорастут в любовь к сражениям в ее дочери. Но он повлиял на нее не сильнее всего. Это сделал мастер Вангара, дикий мечник Яммы.

— Откуда эти техники? — спросил Мамору.

Мисаки покачала головой и выдавила между вдохами:

— Мы не говорим об этом.

— Ты в порядке?

— Да, — она кивнула, потирая правое предплечье, — просто почти без сил. Прости, сын, думаю, у меня больше нет сил. Мышцы уже не такие.

— Ты не тренировалась все эти годы?

— Конечно, нет, — сказала Мисаки. — Домохозяйки не сражаются.

— Прости, — сказал Мамору. — Я не понимал... Для тебя это точно тяжело.

— Не глупи, — рассмеялась Мисаки. — Такого веселья у меня не было годами. Тебе нужно тренироваться самому, пока твой отец не придет. Если кто-то спросит, меня тут не было.

— Ты любишь сражаться, — сказал Мамору. Это был не вопрос. — Как ты могла это оставить?

— Я... — Мисаки притихла, потирая руку, пытаясь придумать ответ, который был бы понятен ее сыну. — Я узнала, что для меня важно не само сражение, а защита людей, которые мне дороги. Мне никогда не нужен был меч, чтобы защитить тебя, чтобы растить тебя так, как хотел твой отец. Забота о семье означала перестать сражаться, и я это сделала.

Мамору молчал мгновение, и Мисаки подняла взгляд, он смотрел на нее со смятением на лице.

— Что такое? — спросила она.

— Почему ты зовешь себя эгоисткой?

Мисаки не смогла придумать ответ, скуление донеслось из коридора, и Мамору повернулся на звук.

— Изумо.

— Это моя тревога. Глаза вперед, — Мисаки прижала боккен к его челюсти, повернув его голову. — Думай о том, что впереди тебя.

* * *

Плач Изумо разбудил Нагасу, но оба мальчика проспали дольше, чем Мисаки ожидала.

— Спасибо, — шепнула она, потрепав волосы Нагаса, а потом забрала из колыбели Изумо. Спасибо, что дал побыть с Мамору, имела в виду она, но два мальчика были слишком юны, чтобы понять такое.

— Не за что, Каа-чан, — ответил вежливо Нагаса, пока Изумо плакал.

Покормив Изумо, Мисаки привязала малыша к спине, помогла Нагасе надеть плащ и пошла к начальной школе, чтобы забрать Хироши с тренировки. Нагаса замедлял прогресс

по снегу, но сегодня она была рада, что мальчик шагал рядом с ней. Это давало ей повод порой дать ногам отдохнуть.

— Ух! — воскликнул Нагаса, упав в глубокий снег в третий раз. — Слишком скользко! — Мисаки взяла его за руку и подняла его на ноги. — На мне снег, — отметил он и стряхнул снег с рукавов, его джийя послала снег в стороны мерцающими облаками.

Малыш давно развил способность двигать частички воды, но ему не хватало контроля, чтобы двигать их так, как он хотел. Ему нужна была мама, чтобы расчистить путь перед ним и держать за руку, когда слишком скользко. Мамору и Хироши были сильнее и умели больше Нагасы в три года, но, где третьему сыну Мацуды Такеру не хватало джийи, он закрывал нехватку болтовней.

— Я упал, Каа-чан, — объяснил он, когда Мисаки подняла его и стряхнула снег с плаща. — Три раза, — он поднял три пальца. — Я упал три раза. Если упаду еще раз, будет четыре раза. Теперь мы еще пойдем. Я вижу наш дом.

Мисаки знала, что он не нуждался в ее ответах, он продолжал сам. Она не знала, откуда Нагаса унаследовал запас слов и любовь к болтовне, но было удобно, что ребенок мог сам развлечь себя монологом.

— Эй, там птицы. Они могут летать высоко. Может, Изумо видит птиц. Там дом Рёты! — он радостно указал на дом Юкино. — Видишь? Изу-кун, видишь дом Рёты? Мы можем пойти к Рёте?

— Мне нравится играть с Рётой, — сказал Нагаса. — У Рёта в доме есть игрушечные машинки.

— Знаю, но сейчас нужно забрать Хироши с тренировки.

— Ладно, — сказал Нагаса, а потом стал снова болтать о том, куда летали птицы.

Когда они дошли до начальной школы, Амено Самуса ждал у двери с самым младшим учеником.

— Как он? — спросила Мисаки.

— Он становится сильнее, — сказал Амено. — Вскоре он сможет биться с противниками серьезнее, но необычно для ребенка его возраста иметь такой хороший контроль. Я учил тут два десятка лет, и я не думаю, что видел кого-то равного ему.

— А Мамору? — любопытствовала Мисаки.

— Мамору был исключением, — сказал Амено. — Этот может быть лучше, — он пожал плечами. — Время покажет.

— Спасибо, Амено-сэнсей, — Мисаки поклонилась. — Хиро-кун, обувайся. Пора идти.

— Что означает «время покажет»? — спросил Хироши, пока они шли к дому Мацуда.

— Думаю, Амено-сэнсей имеет в виду, что нужно подождать, когда ты будешь достаточно большим, чтобы биться с братом.

— Он думает, я смогу его победить? — Хироши восхитила идея.

— Может, в десять лет, — Мисаки рассмеялась.

— Мамору-нии-сан сильный, — сказал Хироши. — Он крупнее меня.

— Да, — сказала Мисаки.

— Но я могу вырасти. Смогу одолеть его.

— Возможно.

— Как Тоу-сама одолел дядю Такаши?

— Хиро-кун! — Мисаки застыла так резко, что Нагаса врезался в ее ноги. — Кто тебе об этом рассказал?

— Учителя говорят порой об этом, — сказал Хироши.

— О... постарайся не упоминать это при дяде, ладно?

— Да, Каа-чан.

Результат последней дуэли братьев Мацуда был известен в деревне, хотя многие вежливо не обсуждали это. Бой был годы назад, когда Такеру хотел покинуть академию Кумоно, чтобы работать в кабинете главы, а Такаши хотел, чтобы он остался. Их отец тогда был старым, его не интересовала их карьера, и он потребовал, чтобы они решили дело боем, а не тревожили его этим.

Только несколько человек видели бой — Юкино Дай, который служил как судья, и несколько мужчин, но люди болтали. Один Шепчущий Клинок не обязательно был равен другому. Такаши был изобретательным и сильным мечником с взрывным боевым стилем и тысячей уловок. Но в бою джийи против джийи его лед не сравнился с сосредоточенностью Такеру.

— Но ты знаешь, Такаши-нии-сама побеждал твоего отца в прошлом, — отметила Мисаки. Это было судьбой всех Мацуда, да? Они били друг друга, становясь лучше, как молотки об сталь? — Они всегда были близки в способностях боя, но ты должен помнить, что они были почти одного возраста. Ты через десять лет сможешь бросить вызов старшему брату, и он будет куда опытнее тебя.

Когда Мисаки посмотрела на Хироши, она поразилась, увидев, что ее всегда серьезный сын почти улыбался.

— Я постараюсь вырасти как можно быстрее, — сказал он.

ГЛАВА 11: ПАТРИАРХ

Было темно, когда Такеру вернулся из академии Кумоно. Он казался рассеянным. Гнев не пропал, он хмурился только сильнее, но он был подавлен. Только когда он прошел мимо додзе и заметил тренирующегося Мамору, он вспомнил об угрозе.

— Готов, сын? — спросил он.

— Да, Тоу-сама, — слабым голосом сказал Мамору. Он устал, но плечи были расслаблены.

Мисаки замерла на пороге додзе, чтобы посмотреть на бой, Изумо сидел на ее бедре.

Кьёгецу мгновенно покинул ножны.

Мышцы были расслаблены, Мамору ответил так же быстро, вытащил катану в идеальной позиции защиты. Два меча зазвенели друг о друга, Мамору поглотил удар и ввернул его чистой атакой, задевая кимоно отца на груди, а потом уже клинок Такеру замер у шеи Мамору.

Такеру отошел на два шага, взглянул на порез на кимоно и хмыкнул, а потом посмотрел на Мамору.

— Еще раз, — сказал он.

В этот раз Мамору напал первым. Мисаки ощутила, как ее напряженные плечи расслабились, когда она увидела, что он все запомнил из ее короткого урока. Без напряжения, сковывавшего его раньше, он стал новым существом — жидкой молнией. В его движениях она увидела шанс стать бойцом быстрее Юкино Дая, не слабее Такаши, может, однажды таким же точным, как его отец.

Сражение было долгим и яростным, они наступали и отступали так быстро, что Мисаки едва могла следить.

Наконец, жестокий удар Кьёгецу заставил Мамору отшатнуться. Такеру не стал давить

до конца, а отодвинулся. Мамору встал ровно, занял боевую позицию.

Мгновение отец и сын глядели друг на друга.

Мамору был в стойке, готовый прыгнуть при малейшем движении меча отца. Такеру, казалось, думал. Голод сделал глаза Мамору ярче, улыбка воина приподняла уголок рта. Он не боялся следующего движения отца, он ждал его.

Но вместо атаки Такеру кивнул и сказал:

— Хорошо.

— Хорошо?

— Да. Свободен.

— Правда? — Мамору выглядел почти разочарованно. — Ты не...

Такеру убрал Лунный Шпиль в ножны, от звона Мамору вздрогнул.

— Я сказал: можешь идти.

* * *

Той ночью Такеру не было в спальне или его кабинете. Мисаки нашла его на крыльце.

— Ветер.

Мисаки огляделась. Ветерок был слабым, а голые ветки — спокойными.

— Тут?

— В море, — уточнил Такеру.

У Мисаки были острые зрение и слух, но не такие, как у ее мужа. Такеру мог ощутить каплю росы, падающую с травы в другой части деревни — и разрезать ее пополам раньше, чем она упадет на землю. Если он ощущал не естественные потоки, тревожащие океан, он не станет такое обсуждать с его женой. Такое было не женским делом, по его словам.

Она не стала давить, а прислонилась к перилам и разглядывала его. Она никогда не любила Такеру, но он восхищал ее, как сильные теониты всегда восхищали ее. Потому, когда родители сказали ей, что она выйдет за Мацуду, она подумала, что со временем полюбит его. Любовь могла вырасти из восторга. Но после стольких лет Мисаки все еще разглядывала мужа, будто зверя, издалека. Искала что-то. Пыталась понять. Не находила связь.

Такеру был идеальным. От четких линий его лица до идеальных рук, его тело было будто создано нуму-ангелом древнего мира.

Идеальное оружие.

Как все мужчины в Такаюби, он убирал длинные волосы с лица. У Такаши только начали появляться морщины от улыбок и бессонных ночей, а лицо Такеру было почти без морщин. Он не выглядел юным, он казался без возраста. Мисаки понимала, что, когда она постареет и сморщится, Такеру будет выглядеть так, как сейчас, бог изо льда.

Такая мысль смутила бы обычную женщину, но Мисаки сомневалась, что возраст изменит ее статус для мужа. Его никогда не интересовала ее внешность. Раньше это обижало ее. Она знала, что некоторые качества ее муж Мацуда не одобрит никогда — ее владение мечом, навыки в химии, способности в иностранных языках — но мужчина должен был заботиться, чтобы его жена была красивой. У нее были странные и мужские повадки, но она была женщиной, и ей все еще было больно думать, что ее муж не находил ее желанной. Так было, пока она не поняла, что, если бы Такеру желал ее, он бы касался ее чаще. А она хотела, чтобы он держал холодные руки при себе.

Глядя на его ладони, Мисаки поняла, что они довольно крепко сжимали деревянные перила. Костяшки были ушиблены, и она вдруг вспомнила кулаки Мамору с кровью на костяшках, сжатые слишком сильно на коленях. Долгое время она верила, что Мацуда

Такеру был скорее льдом, чем человеком, но сегодня он был другим. Она не видела, чтобы Мамору так сильно его ударил. Неужели во льду были трещины?

— У тебя был хороший день, Такеру-сама? — мягко спросила она.

Дерево скрипнуло под его хваткой.

— Нет.

— О чем Такаши-нии-сама хотел поговорить?

Ее муж часто говорил ей не лезть в «мужские дела», так что она не ожидала ответа.

Казалось, он хотел отказать ей, но потом скованно сказал:

— Он хочет, чтобы я перестал работать в кабинете мэра.

— Что? — Мисаки не смогла скрыть гнев или удивление в голосе. — Почему?

— Хочет, чтобы я учил бою в школе.

— Но в Кумоно уже есть инструктор, — сказала Мисаки. — У них есть Дай-сан.

— Нии-сама сократит Дай-сану часы. Он говорит, что Дай слишком мягок с учениками.

Он переживает, что качество ухудшается.

— Что?

Это не было правдой. Мисаки пару раз видела, как Юкино дай учил, и она понимала, что он был гениальным инструктором и мечником. Он не мог победить в бою джийя на джийя братьев Мацуда, но в передаче знаний он стоил нескольких Такеру.

Она знала, почему Такаши хотел вернуть младшего брата в Кумоно, и это было эгоизмом. Такаши не годился для административной работы. Он получил роль директора, потому что его отец и дед занимали место до него, а не из-за желания управлять школой. Когда Такеру работал в Кумоно с ним, Такеши сильно полагался на организованность и профессионализм младшего брата. Мисаки понимала, почему он хотел вернуть Такеру, но решение все еще не было хорошим.

— И что должен делать Дай-сан? — осведомилась она. — У него жена и маленький ребенок. Как он будет поддерживать их на часть зарплаты?

— Это не дело моего брата, — холодно сказал Такеру. — И не твое.

— Конечно, мое! Хиори — моя подруга.

— Не твое место — критиковать главу этого дома.

Мисаки подавила гордость, как делала много лет.

— Ты прав. Не мое, — признала она, — но разве мне нельзя переживать за счастье моей подруги... и моего мужа?

— Счастье? — тон Такеру был горьким и немного ошеломленным. — При чем тут счастье?

— Ты любишь свою работу, любишь цифры, — любишь, наверное, было сильным словом. Все указывало, что Такеру был неспособен любить, но Мисаки видела его хоть немного оживленным, только когда он говорил о работе в кабинете мэра. Обычно это были скучные занятия, как управление бюджетом, но ему нравилось. — Ты можешь его уговорить.

— Я просил его передумать, — сказал Такеру. — Он принял решение.

— Ты все ещё можешь отказать.

Такеру посмотрел на Мисаки так, словно подумывал упрекнуть ее.

— Мой брат — глава дома. Не мое место — задавать ему вопросы, как и не твое.

— Но ты... — *Ты отчитывал Мамору за то, что ему не хватает сил разбить сомнения. Ты бьешь сына, но не можешь бороться за себя?*

— Что такое, женщина? — рывкнул Такеру, и Мисаки знала, что ей придется отступить.

— Прости. Я не должна была перечить.

Если он хотел ухудшить себе жизнь, пускай. Не ей с ним спорить.

* * *

Если Такеру еще злился на следующий день, он не подал виду, как и Мисаки не показывала свое недовольство. За завтраком она подала ему чай с обычной улыбкой, и он принял его с обычным безразличием на лице.

— Доброе утро, Мисаки! — поприветствовал ее Такаши, словно все было хорошо.

— Доброе утро, Нии-сама, — она налила в его чашку горячий чай, а хотела налить на колени.

— Не нужно чаю, Мисаки, — он отодвинул чашку. — Это день для праздника.

— О... кхм. Почему?

— Что? Он тебе не сказал? Ты не сказал, Такеру-кун? — он посмотрел на брата. — Такеру возвращается в академию Кумоно!

— О... да, он это упоминал, Нии-сама, — Мисаки заставила себя улыбнуться. — Это чудесные новости. Мы так благодарны.

— Видишь, день счастливый! — просиял Такаши. — Сегодня мы пьем!

Судя по цвету щек Такаши и громкости голоса, он уже начал.

— Конечно, — сказала Мисаки. — Я принесу сакэ.

Она ушла на кухню, там оказалась Сецуко, наливала мисо-суп, который приготовила Мисаки, в миски.

«Что происходит? — хотела рявкнуть Мисаки, увидев ее. — Что с твоим мужем?».

Через миг она поняла, как несправедливо это было, и захотела ударить себя. У Сецуко отношения с мужем были лучше, чем у многих женщин, но она не могла управлять тем, что он делал на работе. Его решения не были ее решениями.

— Доброе утро, Сецуко, — сказала она.

— Утречко, Мисаки, — по взгляду Сецуко Мисаки поняла, что она уже знала о решении Такаши и понимала, какой катастрофой это будет. — Слушай, я...

— Каа-чан, я голоден! — заскулил Нагаса, потянув Мисаки за фартук.

— Присядь, — Мисаки кивнула на стол на кухне, где она, Сецуко и малыши ели, когда мужчины занимали главный стол. — Я дам тебе рис, как только...

— Каа-чан, — Мамору заглянул на кухню. — Изумо плачет. О, — он оглянулся. — И Аюми.

— Секунду, — сказала Сецуко, помогла Мисаки нагрузить поднос рисом, супом и сакэ для мужчин. — Я пойду к ним.

— Ми-и-и-са-ки-и-и! — пропел Такаши из другой комнаты. — Где са-а-а-кэ?

— Иду, Нии-сама! — Мисаки взяла поднос и пошла к столовой, но Сецуко остановила ее ладонью на плече.

— А-а. До этого... — она взяла третью чашку и поднесла к губам Мисаки.

— Что? Нет. Сецуко... я не могу...

— Тебе это нужно.

— Ладно, — Мисаки позволила Сецуко налить сакэ в рот.

— Атта, девочка, — Сецуко улыбнулась, Мисаки зажмурилась и проглотила огонь.

— Спасибо, — выдохнула Мисаки, жидкость горела в горле и груди. — Мне это было нужно...

— Знаю, — Сецуко шлепнула ее по спине и поспешила к детям.

— Мамору пришел? — спросил Такаши, заглядывая на кухню, пока Мисаки ставила перед ним рис и суп. — Эй, Мамору! Иди сюда!

— Зачем? — сухо спросил Такеру.

— Он теперь юноша. Он должен сидеть с мужчинами.

— Ему всего четырнадцать, — сказал Такеру.

— Ты расстроен, потому что он лучше тебя. Мисаки, позови Мамору и принеси ему немного сакэ.

— Не нужно, — сказал Такеру. — Он может выпить мое.

Мисаки не знала, отказался Такеру пить, потому что это могло притупить его чувства или способность хмуриться. Но сегодня он мог так давать отпор брату.

— Нет, не будь врединой, — сказал Такаши. — Пей.

— Нии-сама, еще даже не полдень.

Такаши ударил ладонью по столу так сильно, что Мисаки вздрогнула.

— Я сказал: пей.

Такеру выдерживал взгляд старшего брата миг, и Мисаки казалось, что он возразит. Она хотела этого. Он опустил взгляд и осушил чашку одним глотком.

— Вот так, братишка! — Такаши хлопнул Такеру по плечу.

Стиснув зубы, Мисаки повернулась уйти. Она не успела дойти до кухни, Мамору появился на пороге, держа Изумо.

— Ты звал меня, дядя?

— Отдай ребенка матери, мальчик, — сказал Такаши. — Посиди с нами.

— Спасибо, — сказала Мисаки, подвинув поднос в одну руку, чтобы забрать шумящего Изумо другой рукой. — Не глотай слишком много за раз, — шепнула она Мамору.

— Что?

— Будет ощущаться как удар в нос, но старайся не кривиться. Иначе твой дядя будет насмеяться над тобой остаток недели.

— Сюда, Мамору, — Такаши указал на стол. — Выпей с нами. Вот... — он просиял, когда Мамору сел на колени слева от него. — Посмотри на себя. Ты такой высокий стал. Ты вырастешь хорошим мужчиной, да?

Мамору не знал, как ответить.

— Эм... надеюсь, дядя.

— Хороший юноша, — отметил Такаши, Мисаки отошла, чтобы успокоить Изумо. — Отец явно тобой гордится.

— Н-надеюсь, когда-нибудь будет, — сказал Мамору, заметно смущенный. — Вряд ли я заслужил...

— О, ты заслужишь гордость отца... — Такаши со звяканьем налил себе еще сакэ, — или будешь пытаться всю жизнь, как делал он, как делал наш старик и наш дед. Ты вырастешь, будешь тренироваться и расти, тренироваться всей душой, пока однажды не будешь сидеть за столом Кумоно, гадая, зачем потратил столько времени, чтобы стать сильным бойцом. Чтобы биться с графиками и анкетами? Чтобы передать утомительный бред своему сыну?

— Нии-сама, — голос Такеру был таким холодным, что мог треснуть, как лед. — Прошу, не говори так о наследии нашей семьи.

— Тихо, Такеру-кун. Я говорил не с тобой. Я скажу тебе кое-что, Мамору-кун... — пауза для глотка, — я рад, что у меня девочка.

Последовала растерянная тишина.

— Ты смотришь на меня как на безумца, — Такаши рассмеялся. — Но я серьезен. Девочки для мирного времени. Девочка может процветать в мирное время. Меня утешает то, что моя маленькая Аюми не будет терпеть этот бред. Тренировки до крови, чтобы оставаться в ножнах и ржаветь...

— Я в-вряд ли понимаю, дядя.

— Надеюсь, и не придется. Ты слишком яркий, чтобы ржаветь, — Такаши вздохнул, это звучало почти как стон. — Я тоже когда-то был ярким.

— Дядя...

— Хватит болтовни, — резко сказал Такаши. — Выпей, племянник.

Пауза, глоток, и Такаши рассмеялся.

— О, Мамору-кун! Видел бы ты свое лицо!

* * *

— Я поговорю с ним, — пообещала позже Сецуко Мисаки и Хиори, — за вас обеих. Не сейчас. Я подожду, пока у него прояснится голова.

Три женщины сидели в редком моменте покоя. Мамору учился в соседней комнате с Кваном Чоль-хи. Хироши, Нагаса и Рёта ползали по полу рядом с мальчиками старше, гоняющими лед в игре, которой их научил Мамору. Изумо спал, а Аюми тихо ела у груди Сецуко.

— О, не нужно говорить со своим мужем за нас, Сецуко-сан, — сказала Хиори. — Это мужское дело.

— Хиори-чан права, — утомленно сказала Мисаки, выбирая из шкатулки иглу. Она была не в настроении говорить о ситуации с Такаши и Такеру, она хотела закончить с шитьем, так что думала закрыть тему как можно быстрее. — Кумоно — школа Такаши-самы. Если он хочет изменить работников, это его решение.

— Да, — сказала Сецуко, — но это глупое решение, и кто-то должен ему сказать.

— Сецуко-сан! — охнула Хиори. — Как можно так оскорблять своего мужа?

Сецуко пожала плечами.

— Он знает, что я люблю его.

— Уверена, Дай-сан уже озвучил возражения, — отметила Мисаки. Дай был мужчиной, мог говорить за себя. — Если он или мой муж против решения Такаши-самы, это их работа — разобраться с ним. Они же взрослые мужчины, да?

— Погоди. Почему твой муж против изменений? — растерялась Хиори.

— Такеру обычно не жалуется, — сказала Сецуко, — но ему не нравилось учить в Кумоно.

— Правда? — Хиори была потрясена. — Мой муж говорит об этом как о лучшей работе в мир. Великий мечник, как Такеру, должен тоже быть рад.

— Есть разница между тем, чтобы быть великим воином и хорошо учить этому, — сказала Мисаки. — Такеру-сама лучше за столом с бумажной работой, чем в обучении учеников. Потому Такаши-сама и хочет его рядом, чтобы получить помощь с управлением, которое он ненавидит.

— Не знаю... — Хиори сомневалась. — Разве можно так говорить о главе семьи?

— Нет, Мисаки права, — Сецуко вздохнула. — Бедный Такаши-сама не любит работу директора Кумоно. Порой я думаю о том, что он должен — хочет — просто передать работу Такеру или Даю. Они были бы в этом хороши.

Мисаки невольно рассмеялась в потрясении.

— Дай-сан, возможно, но Такеру... — Такеру не смог выбраться из бумажного мешка, чуть не сказала она. Для правления нужен хребет.

— Такеру умный и благородный, — сказала Сецуко, — чего я не могу сказать о своем бедняге.

— Сецуко-сан! — красивые, как у лани, глаза Хиори расширились в ужасе. — Нельзя так говорить о своем муже!

Мисаки смотрела на свою работу, радуясь, что она не стала озвучивать свои мысли о Такеру. Она не хотела, чтобы у бедной Хиори был сердечный приступ.

— Я не хотела обидеть, — быстро сказала Сецуко. — Мой муж — великий мужчина со своей силой, но он — не любитель идеала, как Такеру. Он не любит бумажную работу. От этого ему скучно, и он ворчит, а потом не так весел в постели.

— Сецуко-сан! — Хиори зажала руками рот и покраснела так сильно, что Мисаки боялась, что она потеряет сознание от прилива крови к голове.

— Что? — сказала Сецуко, и Мисаки гадала, не выпила ли и она сакэ. Даже Сецуко обычно была сдержаннее. — Он куда энергичнее, когда побывал в додзе, чем когда провел весь день в кабинете. Уверена, и Дай-сан такой...

— Нам не нужно говорить о Дай-сане, — поспешила сказать Мисаки и стала искать тему. — Эм, Хиори-чан, у тебя не осталось темно-синей нити?

— О, конечно, — пролепетала Хиори. — Я не использую ее так много, как ты. — Цвета Юкино — белый, серебряный и зеленый.

Мисаки порылась в шкатулке, взяла бледно-серую нить и подняла катушку.

— Меняемся.

— О... Мисаки-сан, не нужно...

— Меняемся, — заявила Мисаки и бросила катушку на колени Хиори.

— О... спасибо, — Хиори взяла катушку и прижала к груди, как сокровище. — Ты всегда такая добрая, Мисаки-сан, — румянец не пропал с ее лица, и Мисаки гадала, как женщина с ребенком могла быть такой до смешного невинной. — Дай мне динма, — Хиори встала, чтобы проверить свою сумку. — Я поищу тебе синюю нить.

Обычно Мисаки была не против шитья, но сегодня она отвлекалась.

— Маттаку моему! — выругалась она. — Бардак. Такое можно отдать Тамами-сан, — жена Котецу шила куда лучше женщин-коро.

— Что с ним случилось? — спросила Хиори.

— Бой, — сказала Мисаки.

— О. Но... Дай не тренировался с твоим мужем месяцами... — все знали, что Дай был одним из немногих мечников, который мог дотянуться до Такеру стальной катаной. — Кто сделал это с кимоно?

— Мамору.

Хиори охнула.

— Он стал таким умелым?

Впервые за тот день Мисаки улыбнулась.

— Не такой умелый, — она подняла кимоно Мамору, которое было так рассечено, что едва держалось целым.

— Мамочки! — Хиори рассмеялась. — Нужно много нити, да? Такой оттенок подойдет? — она подняла катушку.

— Выглядит идеально, — Мисаки потянулась за нитью.

— О, Мисаки-сан! — вдруг воскликнула Хиори, замерев. — Что с твоими руками?

— Что? — сердце Мисаки сжалось. — О! Ничего, — она быстро убрала руку. Она знала, что нужно было больше времени потратить на исцеление мозолей! — Аллергия на новое мыло. Появились волдыри.

— Я не видела новое мыло, — сказала Сецуко. Они с Мисаки мылись, стирали и мыли посуду в одном месте.

— Потому что я его выбросила, — сказала Мисаки. — Оно было плохим.

— Выглядит как мозоли, — тревожно сказала Хиори. — Странно... порой у моего мужа такие ладони.

— Правда? — сердце Мисаки забилось быстрее. Такеру уже был недоволен ею, не хватало, чтобы кто-то узнал, что она была в его додзе и трогала оружие. И если ее поймала наивная Хиори, ее гордость не могла такое вынести.

Хиори придвинулась ближе, коснулась ладони Мисаки.

— Почему у тебя мозоли как у Дая?

Мисаки искала лож, когда...

— Такеру-сама! — с облегчением воскликнула она. Обычно на не была так рада, ощущая неприятный холод мужа в комнате. — Ты рано вернулся!

— Шиматта...! — выругалась тихо Сецуко, прикрыла грудь своим кимоно.

— Я не знал, что мы не одни, — сказал Такеру, не приветствуя женщин. — Кван у нас дома?

— Он заключил уговор с Мамору, — сказала Мисаки.

— Что?

— Мамору помогает ему с боевыми тренировками, а он взамен помогает Мамору с кайгенгуа.

Бедный Чоль-хи не выдерживал дольше ваати в додзе, потом слишком уставал, чтобы держать боккен, и они уходили в гостиную, чтобы развивать словарный запас кайгенгуа до того, как темнело. Так мальчики провели почти все каникулы посреди зимы.

— Хм, — фыркнул Такеру, холодно посмотрел на Хиори. — А ты... разве ты не должна готовить ужин дома?

— О... д-да, Мацуда-доно, — Хиори поспешила собрать вещи, поклонилась и ушла.

— Это было грубо, — буркнула Сецуко.

— Мисаки, — сказал Такеру, — проводи подругу и приходи в мой кабинет.

Его монотонный голос мешал понять, была Мисаки в беде или нет. Но лучше было выполнять его слова без вопросов.

Рёта заплакал, когда Хиори сказала ему, что пора идти.

— Йош, йош, — Мисаки успокоила малыша, погладив его по голове. — Нага-кун будет тут и завтра.

— Спасибо за время, как всегда, Мисаки-сан, — Хиори поклонилась. — О, и не переживай за кимоно Мамору, — она удивительно хитро улыбнулась.

— Что?

Хиори похлопала по своей сумке.

— Я верну его к следующей неделе.

— Хиори-чан, я не могу отдать тебе всю работу! — Мисаки потянулась к сумке Хиори, но женщина прижала сумку к груди.

— Нет! — сказала она. — Прошу, дай мне сделать это за тебя, Мисаки-сан. У Дая вся одежда в хорошем состоянии, так что мне нужно штопать не так и много.

— Ладно, — Мисаки вздохнула. — Я буду в долгу. Позволь потом помочь тебе со стиркой.

Хиори была из хорошей семьи, но ее джийя была слабой. Движение воды, которое легко давалось Мисаки, быстро ее утомляло.

Хиори тепло посмотрела на нее, Мисаки не понимала этого и не заслуживала.

— Ты всегда так добра, Мисаки-сан.

— Хорошей ночи, Хиори-чан, — Мисаки поклонилась и невольно похлопала нежно подругу по щеке. — Увидимся завтра.

— Спокойной ночи, милашка, — Сецуко помахала Хиори.

Улыбка увяла на лице, Мисаки прошла по гостинной к кабинету Такеру.

— Такеру-сама, — тихо сказала она у двери. — Ты хотел меня видеть?

Такеру не посмотрел на нее, только махнул заходить. Он был увлечен кайири на его столе, и Мисаки с поклоном вошла в комнату и тихо приблизилась. Она опустилась на колени перед Такеру — так она садилась раньше перед его отцом — пока он не решил заговорить с ней.

Он опустил перо и посмотрел на нее.

— Тебе еще одно письмо, — он вытащил свиток из кладок кимоно и вручил ей. Свернутый кайири был потрепан и в пятнах, словно прошел долгий путь.

— Это из Колунджары! — воскликнула Мисаки, увидев адрес отправителя.

Имени не было. Ее пальцы задели печать и замерли, обнаружив, что она была целой. Она посмотрела на Такеру с удивлением. Он не открывал письмо.

Мисаки казалось — нет, она была уверена — что первые годы брака Такеру перехватывал письма, приходящие ей. Только скучные поздравления со свадьбой доходили до нее, ничего важного. Ничего существенного.

Письма, которые должны были прийти, не попадали в ее руки. Она уже знала, что было во многих из них. Эллин выразила бы скованно меньше печали, чем ожидала, а потом сказала бы, что уважала решение Мисаки. Мастер Вангара сказал бы ей быть осторожной. Коли разразился бы тирадой о разуме и перешел бы в ворчание из-за амбиций людей и свободной воли. А Робин... она пыталась не представлять, что он написал бы. Это было слишком больно.

Она могла возразить, и если бы она хотела, она нашла бы способ получать письма раньше Такеру — но это было в чем-то добротой. Было проще забыть жизнь, которую она оставила... по крайней мере, прогнать из мыслей.

Может, она должна была радоваться, что десять лет спустя муж стал доверять ей достаточно, чтобы дать ей письмо, не проверив его. Но, когда она поискала в горьком сердце каплю благодарности, она ничего не нашла.

— Почему тебе пришло письмо из Колунджары? — спросил Такеру.

Мисаки не слышала подозрений в его голосе, но его присутствие показывало: он доверял ей так, чтобы дать письмо, но будет стоять над ней, пока она его читала.

— Не знаю, — честно сказала она.

— У тебя нет знакомых, которые могли это прислать?

Коли Курума, насколько знала Мисаки, все еще жил в столице Яммы, но почерк на свитке был слишком аккуратным для него. Она покачала головой.

— Я понятия не имею, от кого это.

Она с любопытством сломала печать и развернула письмо. Слова были на ямманинке... нет. Не совсем. Буквы были ямманинке, но сами слова были на линдийском языке. Который Мисаки не видела и не слышала со школьных дней.

На бумаге из знакомых символов была только подпись внизу. Мисаки охнула.

— Что это? — спросил Такеру. — От кого?

— Моей... старой соседки, — сказала Мисаки, не упомянув, что соседка была ранганийкой.

Дорогая Мисаки,

Давно не виделись. Знаю, ты сказала, что для тебя в браке будет лучше, если мы не будем связываться, прости, что нарушаю это. Я рискую больше, чем хочу говорить в послании тебе, но не смогу жить, если не отправлю его. Я верна своей стране, но ты — моя подруга, и я не хочу вреда тебе и тем, кого ты любишь.

Если ты уже не живешь на полуострове Кусанаги, письмо до тебя не дойдет, и хорошо, что ты тогда вне опасности.

Но если ты читаешь это, то ты все еще по тому адресу в Такаюби. Если так, ты в опасности. Я не знаю, что за информацию тебе дает правительство Кайгена насчет состояния Ранги или возможности войны, но, говорят они или нет, вы в серьезной опасности. Бери семью и покидай Такаюби как можно быстрее.

И если ты переживёшь грядущие недели, если сможешь, ответь письмом по этому адресу, чтобы я знала, что ты в порядке.

Ньяма тебе. Миллион раз ньяма тебе.

Нами, пусть это не будет наш последний разговор.

Твоя верная подруга,

Гуан Я-ли

Мисаки словно стала камнем.

— Что это? — Такеру прочел шок на ее лице. — Что там говорится?

— Прощу, Такеру-сама, присядь, — тихо сказала она.

— Что?

— Тебе нужно это услышать.

Сидя напротив мужа, Мисаки перевела письмо вслух. Такеру слушал без эмоций.

— И кто такая Гуан Я-ли? — спросил он.

— Сказала же, подруга из школы, — ответила Мисаки, тщетно надеясь, что Такеру не будет давить сильнее.

— И где она родилась?

Гуан было распространенной фамилией в Наминдугу. Было много Гуанов на севере Кайгена, как и в Ранге, но...

— Я-ли — ранганийка.

— Тогда письмо нужно уничтожить и забыть, — спокойно сказал Такеру. — Ее словам нельзя доверять.

— Она была близкой подругой... — возразила Мисаки.

— Ты несешь чушь, Мисаки. Даже если Гуан Я-ли была твоей подругой, откуда женщине знать о планах ранганийских военных? Это невозможно.

— Возможно, — Мисаки старалась подавить возмущение. — Когда мы с Я-ли закончили обучение, ее сестра стал генералом ранганийской армии.

Такеру издал презрительный звук, и Мисаки скрипнула зубами.

— Ее сестра? Что это за шутка над военными?

Мисаки игнорировала слова мужа.

— Я-ли знала бы, и, что бы ты ни думал, она не врала бы мне. Не об этом. Я понимаю, что ты не хочешь верить на слово ранганийке, но дело не в ней. Казу, лорд Цусано, предупреждал нас, по-своему.

— Твой брат сказал лишь, что нам нужно отправиться на Джунгсан.

— Это звучало странно. Он явно хотел нам что-то сказать.

— Это было совпадением.

— При всем уважении, Такеру-сама, я знаю своего брата. И я знаю эту женщину. Думаю, ранганийцы что-то планируют.

— И что с того? Если ранганийцы придут, они погибнут, — он говорил с той же глупой уверенностью, какая была у всех в Такаюби. — Это Меч Кайгена. Попасть сюда — значит умереть.

— Красивые слова, — сказала Мисаки, — но ты не видел, что за пределами.

— Не важно, — сказал Такеру, вставая и нависая над женой. — Империя полагается на нас, что мы сдержим угрозу с запада, и мы делали это безупречно векам.

— Знаю, — Мисаки осталась на коленях, надеясь, что, если она сдержится и будет говорить тихо, она заставит его увидеть правду. — Ты и другие мужчины — великие воины, но не армия. Этот полуостров — не крепость теонитов, каким он был, когда ранганийцы напали в прошлый раз.

— Возможно, — признал Такеру, — но будет куда хуже, если мы уйдем. Ты не думала, что твоя старая подруга могла пытаться уговорить тебя на измену?

— Что?

— Она знает, кто твой муж?

— Да.

— Тогда это хороший план, да? — сказал Такеру. — Заставить тебя покинуть полуостров с семьей, может, всей семьей Мацуда, когда мы нужны Империи больше всего. Ранганийцы хитрые.

«Что ты знаешь о них? — хотела рявкнуть Мисаки. — Ты никогда не встречал их», — но она сдержала гнев. Женщина не говорила так со своим мужем.

— Вряд ли она хотела такого... — начала ровно Мисаки, но Такеру снова прервал ее:

— Я не хочу слушать дальше, о чем ты думаешь! — его голос стал выше в редкий миг гнева. — Ты не понимаешь ничего в том, о чем говоришь. Не важно, врет ранганийка или говорит правду. Убежать, когда мы нужны стране, это измена, и я не буду такое слушать. Мы — Меч Кайгена. Если мы позволили ему заржаветь, то мы заслуживаем умереть на нем вместе с врагами.

— Включая твоих сыновей? — осведомилась Мисаки. — Твоих малышек?

— Да, — Такеру говорил без иронии или колебаний. — За кем ты замужем?

Мисаки сжала кулаки. Теперь нужно было попросить у мужа прощения, опустить стыдливо взгляд. Но она встала и посмотрела в глаза Такеру. Гнев пятнадцати лет наполнил ее грудь за миг, поднял ее голову и расправил ей плечи.

— Я забираю мальчиков.

— Что, прости?

— Я беру сыновей и отправляюсь на Ишихаму к родителям, — решила она, и слова

вылетели из ее рта.

— Не смейся. У твоих родителей уже нет дома. Это они должны приехать к нам...

— Ты можешь поехать с нами, если хочешь, — сказала Мисаки, — но я забираю их.

— Мисаки, — Такеру шагнул вперед, глядя на свою жену так, что крепкие мужчины задрожали бы. — Это не твое решение.

Мисаки не боялась, выдерживала его взгляд. Она давно не находила смелости дать отпор. Если она не могла биться за своих детей, тогда кем она была? Кем она стала?

— Ты можешь попытаться меня остановить, — сказала она и пошла к двери.

— Мисаки... — Такеру схватил ее за руку. Она сделала себя водой и ускользнула из его пальцев до того, как он сжал крепче.

Юркнув под его рукой, она побежала к двери, но он был быстрее. Мисаки знала, когда он сомкнул пальцы на ее запястье, что она не вырвется, но у нее была защита.

Двигаясь на рефлекс, она сосредоточила всю джийю в свободной руке и вонзила два пальца в руку Такеру.

Вне мифа о Кровавых Кукловодах было невозможно для джиджаки управлять большим количеством крови в теле другого человека. Ньяма теонита была сильнее всего в его венах. Но Цусано много веков назад поняли, что капля крови, которой управляют точно, могла быть самым опасным оружием.

Сила Мисаки стала острием иглы. Сильное тело Такеру и даже сильная джийя мешали пробить его, но Мисаки смогла. На миг его кровь стала ее иглой, ударила по точке давления глубоко в его руке. Рука Такеру дернулась, напряглась на миг, а потом обмякла.

Его ладонь съехала с ее запястья, и Мисаки даже хотела остаться и насладиться шоком на его лице.

— Это была...?

— Кровавая Игла, — сказала она, улыбаясь. Что важнее, это была комбинация традиционной Кровавой Иглы Цусано и медицинской акупунктуры, которой она научилась у Я-ли. — Твоя рука снова будет работать через пять сиирану — четыре, если расслабишься, — она пошла к двери.

— Мисаки, — голос Такеру был чистым льдом. — Ты...

— О, и я не использовала бы в это время джийю, — добавила она. — Если не хочешь, чтоб мышцы ценной ведущей руки не пострадали навсегда.

— Ты пожалеешь...

Он не успел закончить, Мисаки захлопнула дверь и запечатала ее толстым слоем льда. Часть про не использование джийи была ложью, придуманной мгновенно, она всегда была хороша в таком. Поймет ли Такеру блеф и освободился джийей или будет ждать четыре сиирану, пока пройдет Кровавая Игла, у Мисаки были лишь мгновения.

Здрав кимоно, она побежала по коридору. Замерев у спальни мальчиков, она вытащила Изумо из колыбели. Резкое движение и безумная джийя матери разбудили его, и он заплакал, но у Мисаки не было времени переживать из-за этого.

— Йош, йош, Изу-кун. Все хорошо, — напевала она скорее себе, чем ребенку, пока бежала в гостиную. — Каа-чан все сделает хорошо.

— Каа-чан! — воскликнул Мамору, когда Мисаки ворвалась в гостиную, заметно потрясенная, ее джийя источала панику. — Ты...

— Помоги братьям одеться, — сказала Мисаки. — Мы уходим.

— Что? — сказал Мамору. — Каа-чан...

— Чоль-хи-кун, — Мисаки обратилась к северянину, который все еще сидел на коленях у стола напротив Мамору. — Тебе стоит бежать домой, к отцу, и убираться с этой горы.

— Мацуда-доно, что такое? Вы что-то слышали...

— Будет время на вопросы позже, — сказала она. Боги, она надеялась, что это была правда. — Сейчас слушайте меня!

Сецуко появилась в дверях.

— Что происходит?

— И ты, Сецуко. Бери Аюми, и уходим.

— Что?

— Нет времени объяснять, — Мисаки укутала Изумо в плащ и передала его растерянному Мамору. — Нужно уходить отсюда, с этой горы.

— Что? И куда?

— Не знаю... в дом твоих родителей, — решила Мисаки. — Мы сначала остановимся там, — рыбацкая семья укроет их, если будет нужно, и Мисаки была уверена, что Сецуко не покинет Кусанаги без них.

— Почему? — спросила Сецуко. — Мы в опасности?

— Отчасти... да, — ответом было да, но Мисаки не упомянула, что опаснее всего сейчас был ее муж.

— Я не могу уйти без Такаши, — возразила Сецуко. — Он еще не дома.

— Он быстрый, — сказала Мисаки. — Он сможет пойти за нами, если нужно. С малышами мы медленные. Нужно уходить сейчас!

Мисаки еще не видела Сецуко такой испуганной.

— Хорошо, — сказала она. — А твой муж? Где Такеру?

— Он будет с нами через сиру.

Если Мисаки хотела получить время на побег с детьми, ей нужно было сильнее обезвредить мужа. Пока он был удивлен, ей нужно было повредить ему колени или вырубить ударом в висок. Но она пока не собиралась проявлять открытую жестокость к мужу... да?

Да?

Она обдумывала ситуацию и понимала, что Такеру пойдет за ними. Он точно был в ярости. Вряд ли Мисаки сможет уговорить его после того, как открыто пошла против него. Он догонит их. Попытается вернуть их силой. И она навредит ему? Она станет биться с ним серьезно? Из мыслей поднялся темный вопрос: это что-то изменит?

Мисаки сражалась с жуткими теонитами, но Такеру был намного сильнее, чем они. Ей стоило вернуться и обезоружить его? Это мог быть ее единственный шанс, сейчас, пока он не мог использовать правую руку и мог не решиться использовать джйю.

— Каа-чан, — голос Мамору отвлек ее от мыслей. — Хиро-кун и Нага-кун в плащах. Чоль-хи говорит, что не уйдет, пока ему не объяснят, в чем дело. Что мне теперь делать?

— Мамору... — Мисаки медленно повернулась и посмотрела на сына.

Переживая, что за ними пойдет Такеру, она не учла, что Мамору тоже будет там... Мамору был достаточно сильным, чтобы склонить весы в какую-то сторону. Учитывая уровень навыков, силы и опыта, она понимала, с кем решит остаться Мамору.

Но это не могло произойти.

Не с Мамору, который был верным, переживал за родителей. Ребенок не должен делать такой выбор. Но реальность была в том, что если Мисаки и Такеру начнут биться при нем, ему придется выбирать. Если она хотела убежать с мальчиками сейчас, она обречет Мамору

на грех — ему придется поднять меч на кого-то из родителей.

Она не могла так поступить.

Ее решение было принято.

— Мамору.

— Да, Каа-чан?

— Ты делал для Нагасы и Рёты ледяные санки... можешь сделать такие, чтобы уместились твоя тетя и четверо малышей?

— Эм... да. Думаю, да.

— Хорошо. Делай эти сани, усади всех в них и спусти с горы как можно быстрее, не разбив их.

— Что... сейчас?

— Да, сейчас. Иди!

— А ты, Каа-чан?

— Я буду сразу следом, — Мисаки расправила плечи и повернулась к коридору. — Мне нужно кое с чем разобраться.

Мамору не успел возразить, она пошла по коридору, решимость стала льдом.

Она решила пойти к Такеру. Он был не таким, как враги, с которыми она разбиралась в прошлом, которого можно было обезвредить одним разрезанным сухожилием или метким ударом по колену. Его ньяма тянулась так глубоко, что он мог двигать водой разумом. Такеру с разбитыми конечностями все еще был опасен. Такеру, который мог хотя бы пошевелиться, был все еще опасен.

Ее сердце забилось быстрее, разум представлял возможные реакции Такеру, любую его атаку, и как она могла ее отразить.

Она завернула за угол... и обнаружила, что путь был перекрыт.

— Нии-сама!

Она так погрузилась в свою тревогу, что не ощутила ньяму Такаши, вошедшего в дом.

— Мисаки, что происходит? — осведомился Такаши. — Почему дверь кабинета моего брата заморожена? Почему все в панике?

Лед Мисаки рассыпался. Ее сердце грозило выпрыгнуть из груди. Такаши был тут. Он был тут. Это все меняло. Если шансы против одного Мацуда были небольшими, то против двоих шансов не было.

— Что происходит? — настойчивее повторил Такаши.

Джийя Мисаки кипела в ней, ей нужно было действовать, но она не знала, как.

— Я... — голова Мисаки кружилась. Слова не приходили.

— Твоя джийя странно себя ведет, сестренка, — сказал Такаши, хмурясь в тревоге. — Ты в порядке? — он протянул к ней руку.

Если бы она ударила его сейчас, пока он этого не ожидал... но нет. Если она поднимет руку на Такаши, Сецуко не простит ее, не пойдет за ней в безопасность. И она не могла уйти без Сецуко...

— Ответь, Мисаки.

Мисаки открыла рот, но не успела соврать, раздался грохот.

Дверь кабинета Такеру взорвалась, куски дерева и льда полетели в стороны.

— Что это было? — сказал голос, Мамору прибежал в коридор, Сецуко и Чоль-хи — за ним. — Каа-чан, ты...

Но все умолкли, Такеру появился в дверях кабинета. Сила его гнева была такой тяжелой,

что никто не мог говорить или даже дышать из-за нее. Он сделал шаг в коридор, и все отпрянуло — все, кроме Мисаки, которая не могла шевелиться.

Правая рука Такеру все еще свисала сбоку, но ему она не нужна была, чтобы удерживать Мисаки. Его взгляд прибил ее к месту, как меч, пронзивший живот. Его голос мог заморозить солнце, когда он сказал:

— Мисаки...

После этих трех слогов она поверила впервые, что у ее мужа были эмоции. Он мог ненавидеть.

Она ждала, застыв, пока взгляд Такеру станет физическим льдом и оборвет ее жизнь. Она не могла смотреть ему в лицо, закрыла глаза. Она знала звук меча, пронзающего тело человека. Она знала смертельный холод Шепчущего Клинка. Она знала, каково было носить внутри такой лед. Она была готова...

Но следующим звуком был не хруст льда об кость, а звон колокола. Она ощутила не твердый лед в животе, а нежный ветерок на щеке. Слабый. Слабый, но живой. И в тот момент джийя Мисаки, Такеру, Такаши и Мамору была задета чем-то чужим, чем-то легче и быстрее, но не менее сильным.

Мисаки открыла глаза, видя все ужасно четко. Мир перевернулся. Страх раскрылся, угроза от двух мужчин Мацуда перешла к чему-то больше и хуже...

Такеру отвел от нее взгляд, повернулся на неожиданный звук.

— Это колокол храма?

— Звук похож, — Сецуко склонила голову.

— Почему фины звонят им сейчас? — спросил Мамору. — Буря?

— Наверное, — сказал Такаши. — Новости предупреждали о штормах.

— Это не прибрежный шторм, директор, — Кван Чоль-хи озвучил осознание, которое Мисаки побоялась назвать. — Это фонья.

— Кван-кун, — начал возмущенно Такаши, но слова проглотил звук, какого они еще не слышали раньше. Рев, но не звериный и не человеческий, а нечто между.

Звук сотряс гору, половицы под их ногами загремели. Колокол фина, который должен был звонить ровно веками, загремел быстрее, потонул в вое, таком хищном и пустом, словно он звучал из зияющей пасти Лааксары.

Мисаки знала, когда ветер стал хлестать ее по коже, что письмо Я-ли пришло поздно.

— Они тут.

ГЛАВА 12: РАНГАНИЙЦЫ

Мир Мисаки накренился. Это был странный рывок — переход от мысли, что она могла умереть, до осознания, что они все умрут. Она атаковала мужа Кровавой Иглой, была готова напасть на брата мужа, и Такеру смотрел на нее, собираясь убить. Но когда ветер ударил по дому, мир накренился, как палуба корабля, бросая их в одну сторону.

Посреди стона дерева и чужой ньямы Мамору первым встал на ноги. Он повернулся и побежал по коридору к крыльцу. Мисаки шла следом, Такеру и Такаши были за ней, воины, которые чуть не направили мечи друг на друга, бежали в одну сторону. Потому что ссоры потеряли смысл. Это все будет не важно, если они умрут.

Мамору распахнул дверь, и холодный ветер ударил по ним.

— О! — воскликнул он, вспомнив, что в руке был малыш, когда Изумо заплакал. — Прости, Изу-кун! — он быстро укутал малыша в свои рукава, закрывая его от ветра.

Небо было не того цвета — не синим в сумерках или серым от тумана Такаюби. Это

была чужая тьма, похожая на ржавчину, пропитанная старой кровью.

— Отдай малыша матери, Мамору-кун, — сказал Такаши, он и вся семья вышли на крыльцо.

— Да, дядя, — Мамору осторожно передал рыдающего брата Мисаки.

Она похлопала Изумо по спине, вяло пытаясь успокоить его, но сама смотрела на горизонт. В море вдаль Мисаки видела полоску неба, озаренного солнцем, но это быстро пропадало за стеной туч. Грозовой фронт надвигался, ветер становился сильнее, и балки академии Кумоно изгибались и скрипели так громко, что звук разносился по горе. Обычно спокойное озеро Кумоно пошло волнами, и сосны вокруг западной деревни трепало, будто траву.

Нагаса выбрался на крыльцо, но его сбил с ног ветер.

— Осторожно! — Мамору поднял рыдающего брата и подтолкнул его к дому.

Хироши хватило ума не выходить в ветер, как Нагаса. Он остался на пороге, сжимая косяк, его пугающе пристальный взгляд был прикован к собирающимся облакам.

— Сецуко, Мисаки, уведите детей внутрь, — сказал Такаши. — Закройте все двери и окна.

«Закройте все двери и окна. — Мисаки чуть не засмеялась в истерике. — А толку?».

— Смотрите! — воскликнул Чоль-хи, показывая на нижнюю часть горы.

— Что это такое? — закричала Сецуко.

Самые темные тучи собирались у берега, недалеко от рыбацкой деревни у основания горы. Мисаки поняла, что видела, раньше, чем была готова в это поверить...

Чоль-хи думал о том же.

— Нет... — сказал он едва слышно. — Не может...

В Рассвете все знали, что воронки ветра нельзя взять в бой. Один фосьяка не мог создать такую, а команда не была достаточно слаженной, чтобы управлять такую воронку. Много умелых фосьяк, включая учеников из параллели Мисаки, были ранены или убиты в попытках сделать воронку ветра оружием. И то были маленькие воронки, не больше дюжины баундов в диаметре.

Судя по движению туч над рыбацкой деревней, это было что-то куда больше.

— Они не... — голос Чоль-хи стал испуганным. — *Нет.*

Но на их потрясённых глазах тучи закружились, став воронкой над берегом. Хоть Мисаки сказала, что это делали люди, хоть она не верила в богов, выглядело как темный палец бога, тянущийся к земле.

— Нет, — Сецуко поняла, что происходило. — Стойте! Они не могут!

Атка была продумана, поняла Мисаки. Фосьяки создали грозу из моря, чтобы не привлекать внимание сразу, но торнадо собиралось опуститься, только когда они добрались до суши. Так они не принесли морскую воду на берег, дав врагам оружие — будто у бедных рыбаков на берегу были шансы.

— Нет! — завопила Сецуко, ревушая колонна опустилась на ее деревню. — Стойте! Стойте!

Игнорируя ее крики, небесный бог загудел и опустил палец на берег.

Они были слишком высоко, чтобы видеть, как дома разлетаются на щепки, или слышат крики рыбаков внутри. Но Мисаки чувствовала это. Смерть одного теонита вызывала беспокойство в атмосфере. Смерти многих в один момент ударили ее почти физически. Обычно она не ощущала ньяму на таком расстоянии, но снег служил спинномозговой

жидкостью, агония пробежала по горе Такаюби. Она ощутила ее дрожь, будто всхлип, в своих венах, а потом стал тихо. Десятки пульсов пропали. За один удар ее сердца.

Мисаки не знала, что ее «сестра» могла издавать такие звуки.

— Сецуко... — начал Такаши, голос был сдавленным. Он потянулся к жене, она рванула вперед, в ветер, словно хотела сбежать по горе. — Сецуко, стой! — он поймал ее, не дав прыгнуть с крыльца, и крепко сжал.

Она дрожала в его руках. Ее джийя, обычно легкая, как мелкие волны на песке, могла вскипятить кровь. Такаши держал ее крепко. Он зажмурился, словно ощущал каждую каплю ее боли, словно мог все забрать в свою грудь, если бы пожелал.

— Не смотри, — он опустил ладонь на голову жены, окутал ее ньямой, как одеялом, последние дома внизу поглотил ветер.

Он сделал свою силу плотной стеной, укрывая Сецуко от дрожи разрушения, но она не перестала дрожать. Уткнувшись лицом в грудь Такаши, она завизжала. Пронзительный звук не просто от горя. Не просто от гнева. Такаши опустил голову и тихо говорил в ее волосы, а потом повернулся к другим.

— Мисаки, уведи ее внутрь. Тут опасно. Такеру-кун... — он посмотрел на брата. — Нужно убить ранганийцев. И ты, Мамору-кун. Идем.

Кровь Мисаки замерла в венах.

Нет.

Не Мамору. Не Мамору.

Она открыла рот, чтобы возразить — он слишком юн, или он должен защищать тут братьев — но в ее руках оказалась рыдающая Сецуко. Подвинув Изумо, она сжала дрожащую ладонь женщины и повела ее внутрь. Они едва прошли дверь, когда мужчины миновали их.

Обычно воин Широжимы молился своему мечу и богам перед боем. На ритуал не было времени. Такаши едва поклонился на пороге додзе, подбежал к стойке с оружием, схватил по два меча — Нагимару и Кьёгецу в правую руку, Намимару и меч Мамору в левую. Он повернулся и бросил брату и племяннику их катаны.

Никто не заметил, что Такеру поймал Лунный Шпиль левой рукой. Он сжимал белые ножны, пока Такаши и Мамору завязывали мечи на местах. Пальцы его правой ладони подрагивали. Они скоро смогут работать, но он не верил пока, что мог ими завязать узел.

Руки Мамору двигались быстро, почти безумно, ведомые энергией, которую Мисаки узнала. Она тоже это использовала — коктейль адреналина, решимости и безумия бойца, который мог отогнать страх и благоразумие, когда она рисковала жизнью против врага сильнее, чем она. Может, она ощутила бы тот же пыл сейчас, если бы в опасности была только она. Но это был ее сын. Это был ее умный и растущий сын, лучший коро, чем она. Его жизнь была слишком ценной.

— Мамору... — начала она, но се смотрели на Такаши, глава дома привязал вакидзаси рядом с катаной и повернулся, чтобы отдать приказы.

Мэр управлял деревней, а патриарх Мацуда был ближе всего к военачальнику в Такаюби. Не только Мамору и Такеши — все воины на горе отвечали бы Такаши. Так делали их люди задолго до того, как Джунгсан послал бюрократов приглядывать за ними.

— Тот торнадо не может подняться по горе, — говорил Такаши. Это было логичным выводом, обычно торнадо появлялись в пустыне на западе Ранги и на плоских равнинах Абрии, а не на каменистом берегу Кайгена. — Как только он доберётся до основания горы, неровная поверхность разобьёт его. Кто бы ни делал его, ему придется опуститься, и там мы

разберемся с ним.

— Даже не знаю, директор, — сказал Чоль-хи.

— Кван-кун, не время для твоих странных...

— Он прав, Нии-сама, — вмешалась Мисаки. — Та штука — не естественная воронка ветра, — она не могла представить, какая точность и командная работа требовались, чтобы создать торнадо такого размера и управлять им. Это делали не наемники или плохо организованные простолюдины, это был высоко организованный военный отряд. — Армия фоньяк, достаточно сильных, чтобы управлять таким ветром, достаточно сильна, чтобы поднять его по горе, — она в этом не сомневалась. — Это торнадо будет у ворот деревни через сиирану.

— Даже лучше, — сказал Такаши, и Мисаки поразило, что он улыбался.

— Что?

— Не нужно нести бой к ним, — Такаши повернулся к Такеру и Мамору, выглядя оживленно, каким Мисаки еще его не видела. — Эти ранганийцы посмели напасть на народ моей жены, наших рыбаков, наш берег. Они осмеливаются насмеяться над богами нашего океана. Покажем им настоящую силу богов. И ты, городской мальчик, — он указал на Чоль-хи.

— Люди все еще зовут меня так?

— У тебя есть та штука, о которой говорят Такеру и Мамору — мелкий телефон?

— Да, директор, — Чоль-хи вытащил инфо-ком из кармана.

— Ты можешь позвонить правительству?

— Эм, не отсюда. Башни, которые мы установили, работают только выше по горе.

— Тогда лучше иди туда сейчас, — сказала Мисаки. — Если ветер не собьет башни, тот прямоугольник — самый быстрый способ сообщить императору, что это происходит.

Она не доверяла правительству Кайгена, но сейчас оно было единственным шансом Такаюби на подкрепление.

— Поднимись по горе, — сказал Такаши. — И возьми это, — он взял запасной вакидзаси со стойки и бросил оружие в ножнах Чоль-хи, который чудом его поймал. — Если столкнешься с бедой.

— Девчачий меч?

Такаши фыркнул.

— Я видел тебя в бою, Кван-кун. Катана для тебя велика.

— Ах, — Чоль-хи перевел взгляд с меча Мамору на еще большую катану Такеру. — Туше. Но если нужно, чтобы кто-то как можно быстрее добрался до башен, это разве должен быть я? Мамору же быстрее?

— Мамору намного быстрее, — согласился Такаши. — Но он и Мацуда. Он создан, чтобы биться с врагом в лицо, а не убегать.

— Биться с врагом? — поразился Чоль-хи. — Не знаю, заметили ли вы, директор, не враг — торнадо. Что вы будете делать?

— Убьем его, — сказал Такаши. — Иди!

— Точно, — сухо сказал Чоль-хи, но он сжимал ножны вакидзаси так крепко, что костяшки побелели. — Было приятно... я рад, что знаком с вами, — он посмотрел в глаза Мамору и низко поклонился. — Спасибо за все. И не переживай, — он выпрямился. — Я получу подкрепление. Держитесь, — он побежал из дома, крикнул Мацуда. — Держитесь!

Чоль-хи ушел, Такаши обнял Сецуко еще раз.

Он нежно коснулся ее лица.

— Хватит слез, моя любовь. Твои родители и братья с сестрами будут покоиться с миром. Я отправлю им трупы всех их врагов.

Сецуко решительно кивнула, Мисаки еще не видела у нее такой хищный взгляд.

— Сделай это, — прошептала она.

— Я брошу к их ногам столько ранганийских душ, что они смогут пройти по ним, как по мосту, в Лааксару. Не переживай, милая, — добавил он Аюми, рыдающей в руках Сецуко. — Твой отец тебя защитит.

И они пошли. Они уходили. Мир Мисаки ускользал сквозь пальцы.

— Стойте!

— Нет времени, Мисаки, — сказал Такаши.

Она не слушала его, сжала руку Мамору. Она хотела умолять: «Останься! Будь там, где я могу тебя защитить!». Но это была глупая мысль. Мамору был сильным бойцом. Если он не мог защитить себя, она не поможет.

— Следи за расстоянием, — сказала она. — Фоньяки опаснее всего на среднем расстоянии — два-три баунда. Там их атаки бьют сильнее всего. Держись подальше или близко с мечом. Не задерживайся на середине, чтобы пострадать от их атак.

Несмотря на нетерпение дяди, Мамору внимательно слушал.

— Да, Каа-чан.

— И смотри на цвет их форм, — добавила Мисаки. — Обычные солдаты носят желтый. Их элитные бойцы в черном. Если видишь желтый, шанс есть. Если видишь черный, лучше убегай.

— Каа-чан, ты знаешь, что я не могу это сделать.

— Но... — «я хочу» было плохой причиной.

— Каа-чан, — Мамору сжал ее плечи — когда его ладони стали такими большими и сильными? — Я — Мацуда. Разве я не рожден для этого?

Ответом было да. Потому она бросила все, что любила, и попала в эту семью, терпела издевки свекра, безразличие мужа столько лет, чтобы у семьи Мацуда был сильный наследник, чтобы у Кусанаги был острый клинок.

Это была цель в жизни, и теперь Мамору должен был ее исполнить, дать ей значение. Она не могла забрать это у него.

Поэтому она сказала только:

— Да, — сердце наполняла боль, она сжала руки сына. — Да, сын. Я горжусь тобой.

— Вряд ли я достоин твоей гордости, — Мамору улыбнулся, — но буду. Подожди.

Мамору отошел от нее, но ноги несли Мисаки за сыном и мужем, руки тянулись, она не была готова отпустить... Должно быть что-то еще, способ спасти их. Только она сталкивалась с фоньяками. Она годами смотрела на них, тренировалась с ними. Она знала теорию за воронками ветра, даже если не видела, чтобы воронку создали успешно. Она должна что-то помнить...

«Думай, Мисаки. Думай».

— Не пытайся нападать на ветер, — сказала она, поймав Мамору за рукав. — Это сильнее любого теонита.

— Мисаки, — сказал Такаши. — На это нет времени. Прощайся...

— Нет! — прорычала Мисаки, уже не думая о приличиях. — Слушайте! — она еще не слышала, чтобы кто-то остановил торнадо, который уже бушевал. Если кто и сможет, так это

они, но только если они будут понимать, с чем бьются. — Эти воронки ветра создают команды из двух частей. Одна группа направляет холодный воздух по кругу снаружи, а другие силы нагревают воздух в центре, чтобы кормить поток.

Такаши смотрел на нее в смятении.

— Откуда ты...

— Торнадо не остановить, убрав фюньяк снаружи, — продолжила Мисаки. — Они лишь направляют уже движущийся ветер. Циклон усиливает воздух, текущий вверх. Самые сильные фюньяки будут там, в воронке, направляя горячий воздух вверх. Если хочешь остановить торнадо, нужно убрать их. Нужно найти их внутри ветра.

— Хорошо... — сказал Мамору, но она видела по его лицу, что он не понимал.

— Ветер быстрее крови или воды, он непостоянный, но тела в нем можно выделить, как рыбу в течении...

— Хватит, — Такаши повел Мамору прочь от нее. — Нужно двигаться.

Мисаки в отчаянии прокричала последнее, что пришло в голову:

— Такеру-сама!

Ее муж не обернулся. Она и не надеялась, что он послушает, не имела права с ним говорить, но он был последним шансом спасти ее сына.

— Там есть важные точки, как в теле человека... Как твоя рука.

Мамору оглянулся в полном смятении.

— Что...

— Идем, — Такеру сжал кимоно Мамору левой рукой и потянул его за дверь. — Твоя мать несет бред.

МАМОРУ

Мамору двигался, не думая. Его тело знало, что делать. Все мужчины и мальчики знали, что делать, когда звонил колокол тревогу, это же делали их праотцы во время Келебы: мужчины старой деревни собрались у ворот и пошли по горе, чтобы объединиться с силами из западной деревни. Мацуда побежали к воротам деревни, Юкино-сэнсей присоединился к ним, как и его старшие кузены и бойцы дома Мизумаки. Они побежали по горе к врагам.

Эта сцена тысячу раз прокручивалась в голове Мамору на уроке, на темном потолке перед тем, как он засыпал, и в его мечтах после... с тех пор, как он смог мечтать. Он всю жизнь готовился к этому моменту, боясь, надеясь на это. Но, пока ноги несли его по горе, он не мог поверить, что это было настоящим.

Медное небо бросало свет на всю деревню, делая знакомые дома чужими и далекими. Оглушительный звук, как тысяча боевых самолетов, будто пытался порвать границу между этим миром и следующим. Даже плоть Мамору не ощущалась реальной. Ветер сделал его тело медленнее и легче, чем оно было. Он ревел на коже Мамору, заставляя ее неметь и покалывать, словно кожа духа, словно его тело принадлежало взрослому воину из его мечтаний, далеко в будущем, в дне, который мог не сбыться...

— Мне нужны цифры, Такеру-кун! — дядя Такаши перекрикивал ветер, пока они бежали. — Сколько мужчин подходящего возраста у нас между этой деревней и западной?

— Двести четыре, — сказал тут же Тоу-сама.

— Ха! — дядя Такаши рассмеялся. — Этого хватит!

Но вид на краю деревни остановил их, таби проехали по снегу. Улыбка пропала с лица дяди Такаши.

Он выругался под нос и повернулся к Тоу-саме.

— Твоя жена была права. Эта штука поднимается по горе!

А еще торнадо наступал быстрее, чем Мамору видел, чтобы теонит двигался по земле. Торнадо уже поглотил леса на нижних склонах. Вскоре он будет на краю западной деревни.

— Нужно спускаться, Мацуда-доно! — крикнул один из Мизумаки. — Сейчас!

Но не все мужчины собрались, и было уже слишком поздно.

— Нет! — Мамору побежал к западной деревне, пока она не пропала, но его оттащили.

Юкино-сэнсей сжимал его кимоно сзади.

— Жди приказов, — сказал мечник.

— Но мы должны им помочь! — адреналин Мамору смешивался с болью, ветер дотянулся до нижних домов. — Там Ицуки-кун! Юта-кун! Ваша семья...

— Мы ничем не можем помочь им сейчас, — Юкино-сэнсей потянул его, и Мамору на миг ощутил невыносимую боль мастера. Но лишь на миг. Юкино-сэнсей скрывал эмоции под поверхностью. — Сейчас мы можем только отомстить за них.

Юкино-сэнсей был прав, конечно. Даже если бы они бежали без помех по горе, они не добрались бы до деревни вовремя. Все мужчины старой деревни могли лишь смотреть, как большая часть населения Такаюби стирается со склона горы. Мамору пытался подавить джийю, ощущать себя как можно меньше, но адреналин в венах не позволял этого. Он не мог закрыться от смерти, как не мог отвести взгляда от разрушения.

Коро бились. Даже на расстоянии Мамору ощущал, как их джийя скалится, как зубы, на ветер. Шипы льда появлялись между зданиями и рассыпались вместе со всем. Но, конечно, умирали не только те, кто бился. Матери и дети вырывались из домов и разбивались об камни. Храм, где Мамору молился каждый праздник, где он узнал имена своих богов, взорвался, глиняная черепица рассыпалась пылью.

Хоть ветер ощущался как ньяма, Мамору не мог поверить, что это делали люди. Какой человек с душой ньямы мог убивать коро и обычных людей одним махом? Это была работа демонов.

Агония угасала, Мамору понял, что Юкино-сэнсей не отпустит его.

Не только родственники Юты и Юкино-сэнсея пропали в том ветре. Почти все ученики Юкино-сэнсея приходил в Кумоно из западной деревни. Остался только Мамору. Вокруг них мужчины кричали от гнева. Некоторые плакали. Некоторые падали на колени. Юкино-сэнсей не сдался и не плакал. Он не кричал, как Сецуко. Он стоял неподвижно, расправив плечи, глядя вперед, но не казался хрупким. Он словно превратил себя в лед. Если он двинется, лед треснет.

— Сэнсей... — начал Мамору, его голос дрожал, но он не знал, что мог сказать. Он моргнул, ощутил слезы на щеках. Он рос с мальчиками из западной деревни, и он ощущал их потерю как дыру в груди. Но Юкино-сэнсей был их учителем. Он годами питал их, растил их. Они были его гордостью. И все пропало за миг... Мамору мог лишь представить, как это ощущалось.

— Такеру-кун... — голос дяди Такаши посерьезнел, — цифры. Кто остался? Сколько из каждой семьи?

— Икено: двенадцать. Катакури: девять, считая тринадцатилетнего и калеку. Гинкава: девять, считая двенадцатилетнего, Амено: шесть, Мизумаки: пять, Юкино: четыре и Мацуда... — Тоу-сама посмотрел на сына и брата. — Нас всего трое.

— Сколько всего?

— Сорок восемь, Нии-сама.

— Хорошо, — дядя Такаши повернулся к собравшимся. Несмотря на разрушения, которые они видели, никто не отвернулся. — Амено. Икено, Гинкава — к северному проходу! Выстройтесь в линию по два человека в глубину, Амено и Гинкава впереди, Икено сзади! Катакури, следите с утеса. Стреляйте по фосьякам, которые попытаются подняться по камням.

Голос дяди Такаши, хоть и громкий, не доносился до всех из-за ветра, но бойцы стали повторять его приказы в группе.

— Стойте... — сказал Мамору, мечники Амено, Гинкава Икено с лучниками Катакури побежали выполнять приказы. — Кто будет охранять южный проход?

Южный проход был шире из двух дорог по горе, и дядя Такаши послал две трети их силы в другую сторону.

— Мы, — сказал дядя Такаши. — Юкино, Мизумаки, со мной! — крикнул он, и одиннадцать бойцов пошл за ним вниз по склону к южному переходу.

Мамору ходил по этой тропе почти каждый день своей жизни. Этот путь он обирал каждый раз, когда посещал Котецу в деревне кузнецов, и когда он встречался с Ютой и Ицуки и шел в академию Кумоно. Теперь дорога выглядела незнакомо в свете цвета ржавчины от бури. Снег и пыль метались, как призраки, будто Лааксара поднималась, чтобы забрать бойцов, ждущих врагов.

— Хьесуке! — крикнул дядя Такаши ближайшему Мизумаки, пока они проходили деревню нуму. — Скажи кузнецам оставаться в домах с закрытыми дверями!

Мужчина кивнул и отделился от группы.

Дядя Такаши крикнул мужчинам остановиться на самой узкой части прохода. Взмахом руки он вырезал прямую линию в снегу, она тянулась от неровных камней справа от них до основания склона, ведущего к академии Кумоно, слева от них.

— Задержим их тут! — заорал он. — Ни один фосьяка не пересечет эту линию!

Линия, которую он нарисовал, была в тридцать баундов длиной. Мамору представил, что генерал, который надеялся защитить такой участок, послал бы пятьдесят солдат.

Их было двенадцать.

Мужчины выстроились по навыкам, младшие Мизумаки встали на более защищённых краях, а сильные Юкино прикрывали землю у середины прохода, где ранганийцы, скорее всего, будут пробивать путь. Поняв, что он оказался между дядей и Юкино-сэнсеем, Мамору отступил, думая, что стоит передать место более опытному бойцу.

— Оставайся тут, Мамору-кун, — сказал Юкино-сэнсей твердо, но мягко. — Ты же Мацууда?

Сглотнув, Мамору кивнул. Ладонь хлопнула его по плечу, он обернулся и увидел улыбку дяди.

— Похоже, ты не увидишь ржавчины, племянник, — дядя Такаши сжал его плечо, Мамору ощутил вспышку радости. Его дядя улыбался не для того, чтобы приободрить других. Он радовался.

Гора задрожала под их ногами, дядя Такаши занял место между братом и племянником. Торнадо поглотил западную деревню и окружающий лес, не замедляясь, и теперь он был в сотне баундов от них — двенадцать мужчин против колонны ветра.

— Мы держим линию! — прогудел дядя Такаши.

— Мы держим линию! — повторили бойцы, сочетаясь с его пылом.

— Мы — Меч Кайгена!

— Мы — Меч Кайгена!

— Мы держим линию!

Ветер поднялся, словно в ответ на их голоса, пытаясь оглушить их и сорвать кожу с их костей. Но мужчины Такаюби стояли, впившись ногами в снег.

— Стреляем! — взревел дядя Такаши на ветру.

Мамору поднял джийю и попытался создать копье, но было сложно, ветер пытался вырвать снег из его хватки. И, даже если он смог бы создать снаряд, куда он стрелял бы? Они были против стены ветра. Было невозможно что-то различить в вихре снега.

Юкино-сэнсей выстрелил первым. Он поднял из снега копье длиной в баунд, метнул три копья друг за другом со всей силой и точностью.

Мамору показалось, что снаряды пропали в вихре, но когда он посмотрел на наставника, Юкино улыббался.

— Я по чему-то попал.

— Да?

— Да, — Юкино-сэнсей сжал мозолистые пальцы и поднял еще одно копье изо льда. — Навредить не так сложно. Сложно ощутить цель и атаковать в то же время. Мне бы пригодилось немного силы Мацуда.

— Что?

Юкино-сэнсей взмахнул руками, направляя копье, чтобы оно парило перед Мамору.

— Нужно разбежаться, Мамору. Потом крути.

Мамору не сразу понял. А потом улыбнулся.

— Да, сэнсей! — он попятился, считая шаги. А потом побежал к копью изо льда.

Оттолкнувшись от снежной земли, он повернулся в воздухе и ударил ладонью по снаряду, направляя джийя через руку. В последний миг он ощутил джийю Юкино-сэнсея, соединившуюся в его с невероятной вспышкой силы. Управляемая джийя наставника сплелась с его, направляя копье сквозь ветер к цели. Мамору вздрогнул, ощутив, что снаряд попал во что-то твердое.

Юкино-сэнсей ощущал все так остро, что мог заметить тела в вихре снега, как говорила Каа-чан — как рыбу в течении.

— Еще! — крикнул Юкино-сэнсей, не дав Мамору долго удивляться.

— Да, сэнсей!

Мамору месяцами оттачивал удар с разворота, Юкино-сэнсей сказал ему так делать. Его меткость все еще можно было улучшать, но он мог метать снаряды с полной силой ваати, не уставая.

Вдоль линии другие джиджаки повторяли их технику, парами метали снаряды в воронку. Только Тоу-сама и дядя Такаши метали атаки без помощи. Через сиру лед посыпался градом на торнадо.

Мамору знал, что они попадали по телам. Даже если он полагался на цель Юкино-сэнсея, его джийя улавливала смутное ощущение льда, бьющего по плоти снова и снова. Они побеждали фоньяк, но ветер не замедлялся.

По сигналу рукой от дяди Такаши, Тоу-сама, Юкино-сэнсей, самые старшие Мизумаки и Мамору собрались рядом с ним. Даже вблизи было сложно его слышать от рева ветра.

— Мы бьем по фоньякам, — сказал дядя Такаши. — Почему он не останавливается?

— У них явно есть замены, — сказал Юкино-сэнсей. — Как только один солдат падает, его сменяет другой.

— Что делать? — спросил Мизумаки Хьёсуке.

— Нам нужно избавиться от тех, кого нельзя заменить, — сказал Тоу-сама. — Нам нужно уничтожить источник силы воронки.

— Как? — спросил старший брат Хьёсуке, Токи.

Шепот Тоу-самы был таким тихим, что Мамору едва услышал его из-за ветра.

— Иглы.

— Копья, Мацуда-доно? — сказал Токи. — Мы это и делали! Ветер слишком сильный! Мы едва пробиваем ветер воронки.

— Мизумаки-сан прав, — сказал Юкино-сэнсей. — Как нам пронзить центр?

— Никто из вас не может, — Тоу-сама потирал правую руку, глядя на движущийся торнадо. — Я это сделаю.

— Что?

— Стреляйте копьями, — сказал Тоу-сама. — Убирайте как можно больше фонарик, — он отвернулся от торнадо, упал на колени, прижал ладони к земле и закрыл глаза. Его джийя за миг из агрессивной стала спокойной.

— Что он делает? — осведомился Мизумаки Хьёсуке. — Мацуда-доно! — он потянулся к плечу Такеру.

— Стойте! — Мамору схватил Хьёсуке за рукав. — Он медитирует.

— Медитирует? — поразился Мизумаки. — Молитва сейчас не поможет! Нам он нужен для боя!

— Ждите, — настаивал Мамору.

Мамору за ваатину мог добиться глубокой медитации, но тогда он мог ощущать каждую каплю воды и каждую снежинку на горе. Если отец мог достичь такого состояния за пару мгновений, у них мог быть шанс.

Дядя Такаши соглашался с ним.

— Вернитесь на места. Укоренитесь там, пока ветер не утихнет.

— Утихнет? — поразился Хьёсуке.

— Ты же доверяешь своим лордам, Мизумаки-сан? — спросил с вызовом Юкино-сэнсей.

Хьёсуке помедлил, но кивнул и вернулся на место рядом с Токи и другими Мизумаки.

Мамору и Юкино-сэнсей пытались бросать снаряды в торнадо, но ветер усилился так, что джиджаки не могли сделать ни шага, чтобы не упасть.

Юкино-сэнсей крикнул что-то, что Мамору не расслышал от оглушительного рева, но движение его губ напоминало: «Укоренись!».

Мамору так и сделал, поднял снег вокруг себя до колен, сделал его льдом, примораживая себя к горе. Он уже ничего не слышал. Его волосы били по лицу так, что могли оставлять порезы.

Его стойка и лед были сильными, но Мамору понимал, что если будет бороться с ветром дальше, его ноги сломаются. Ушли все силы, чтобы наклониться и опуститься на колени. Он сжался в снегу, укутал себя коконом изо льда. Тоу-сама все еще не шевелился, был неподвижен, как гора, под ветром.

Воронка была почти на них. Мамору гадал, как ощущалась смерть от торнадо. Его вырвет из снега, как дерево из земли, и разобьёт об склон горы? Или все будет медленнее? А если он был упрямее? А если он не отпустит склон горы, ветер сорвет плоть с его костей? Он был уверен, что вот-вот узнает...

А потом Тоу-сама пошевелился.

Физически движение было едва заметным, пальцы резко дернулись. Но будто лопнула нить. Что-то изменилось. Ветер еще кружился, но он вдруг ослабел, потерял потустороннюю ярость.

Когда Мамору осмелился поднять голову, он увидел, что воронка распалась, рассеялась обрывками облаков. Обломки посыпались на склон горы.

Многие не поняли, что случилось, но дядя Такаши повернулся к брату с улыбкой.

— Молодец, Такеру-кун!

В снегу внизу Мамору видел два тела в черном, обмякших без движения. Через миг третье тело рухнуло на землю перед ними, Мамору вздрогнул.

Мамору пятился от павшего фосьяки, а дядя Такаши прошел к нему. Просунув ступню под обмякшее тело, он перевернул его, увидел рану, убившую мужчину. Дыра была едва заметной, но Мамору ощущал, как кровь текла из груди фосьяки, пропитывала черные пуговицы его формы. Лицо мужчины разбилось до не узнавания при падении, но волосы были аккуратно собраны в длинную косу, привычную для воинов Ранги.

Мамору не мог отвести взгляда от сломанного тела — плоти, крови и волос. Сколько бы он ни смотрел, это был человек. Просто человек. Ветер сделал небо темным, ревел как бог... но в сердце был человек.

— Так ты их убил? — спросил дядя Такаши, глядя на дыру в груди фосьяки.

— Их было всего трое в центре воронки, — Тоу-сама плавно поднялся и поправил хакама. — Прости, Нии-сама, я не сразу нашел их тела.

Мамору было сложно понять, что его отец сделал. Чтобы пронзить грудь этим фосьякам, он не только следил за движением миллиона снежинок, движущихся на невероятной скорости, он и управлял ими. Это было поразительно. Потому говорили, что в венах Мацуда кровь богов.

— Я все еще не знаю, как ты это делаешь, — дядя Такаши с восхищением покачал головой.

— Я слушаю гору.

— И что сказала гора, братишка? Кроме того, где бить?

— Мы в меньшинстве, — сказал Тоу-сама, — двадцать к одному.

Мамору потрясенно смотрел на отца. Он не только убил фосьяк, создающих восходящий поток. Глубоко в медиации он сосчитал чужие тела на склоне горы.

— Двадцать к одному? — Такаши фыркнул. — Ранганийцы — идиоты, раз думают, что могут бросить нам вызов таким количеством.

— Меня беспокоит не количество, — сказал Юкино-сэнсей. — Все дело в качестве бойцов, которых они послали.

— На места! — крикнул Такаши Юкино и Мизумаки, поднимающимся на ноги в снегу. — Бой не закончен. Враги идут!

— Я их толком не вижу, — Мамору шурился в белизне.

Тоу-сама в ответ поднял ладонь, убирая туман и снег перед ними.

Перед развалинами западной деревни стояла желтая стена — сотни солдат, выстроенных формацией. Замена развернулись, открывая черного дракона Ранги на кроваво-красном солнце. Эти мужчины шли за торнадо по горе, переступая тела и обломки домов.

Спину покалывало, Мамору понял, что они увидели желтых солдат в тот же миг, когда ранганийцы увидели их.

Мгновение ничего не двигалось.

Потом звук поднялся от ранганийцев. Боевой клич, громкий и человеческий, который сотряс Мамору сильнее рева торнадо. Впервые его сон цвета ржавчины превратился в реальность.

Ранганийцы помчались по горе.

ГЛАВА 13: ДРАКОН

Ранганийцам нужно было преодолеть много баундов снега, но они двигались быстро.

Рев торнадо пропал, дядя Такаши снова был слышен.

— Держать линию!

Из двенадцати мужчин в линии двоих не было видно — сдуло ветром. Из тех, кто устоял в снегу, не все поднялись.

— Мы держим линию! — заорал дядя Такаши, и те, кто мог стоять, повторили клич:

— Мы держим линию!

Дядя Такаши только немного злился из-за истончения его сил.

— Вы трое! — обратился он к Тоу-саме, Юкино-сэнсею и Мамору. — Разойдитесь шире. Прикройте за тех, кого мы потеряли.

Четверо, понял Мамору, глядя на линию. Они потеряли четверых. Их осталось восьмерс — три Мацуды, Юкино-сэнсей, два его кузена и два самых сильных Мизумаки. Как восьмеро могли защитить этот переход от армии?

Словно в ответ, дядя Такаши поднял руки. С ними поднялась ньяма, такая сильная, что тело Мамору затряслось. Дядя Такаши направил ладони вверх, послал ньяму по горе волной. Снег, ведомый его силой, стал армией шипов, торчащих из земли, движущихся к армии мужчин.

Если Тоу-сама был точностью, дядя Такаши был воплощением силы Мацуда. Только его ньяма из всех, что знал Мамору, напоминала эхо мощи океана.

Шипы дяди Такаши попали по первым линиям фоньяк с взрывом льда и плоти. Это было как белая пена на волне — но волна стала красной. Кровь вырвалась из первого ряда, фоньяк были пронизаны или разрезаны на кусочки шипами, но некоторые уклонились. Сначала Мамору не понял, как, ведь шипы дяди Такаши покрыли всю землю. Он как-то неслись над лесом изо льда.

— Они могут летать? — выпалил он с удивлением и ужасом.

— Нет, — сказал Юкино-сэнсей, его умные глаза смотрел на движения фоньяк. — Они парят, бросая фонья на землю.

Солдаты приближались, Мамору увидел, что он был прав. Ранганийцы не были невесомыми. Когда они начинали опускаться к шипам, они направляли ладони или ударяли ногой в сторону земли, выпуская порыв ветра, чтобы взмыть в воздух снова.

— Они как листья... — сказал Мамору. Желтые листья, подхваченные ветром, не касаясь земли.

— Он не угадали со временем года. Осень умирает в зубах зимы, — дядя Такаши кивнул брату. — Добавим их желтизне красный цвет.

Фоньяка вперед группы начал опускаться меж двух шипов дяди Такаши, и третий вдруг вырвался из земли и пронзил его живот. В следующий миг еще три фоньяки пытались опуститься, но оказались убиты так идеально направленными шипами, что их могла создать только джийя Тоу-самы.

Так братья обычно работали вместе, дядя Такаши вел со своей решимостью и огромной

силой, Тоу-сама следовал, заполняя бреши своей точностью.

Братья нашли ритм, дядя Такаши создавал стены шипов, которые ловили неловких фоньяк при спуске, Тоу-сама посылал копьа в бреши, когда их пытались использовать фоньяки точнее.

Юкино-сэнсей выбрал иной подход, создавал копьа, которые сбивали солдат из воздуха. Некоторые джиджаки пытались сделать то же самое, но фоньяки двигались, резко меняли направление с помощью потоков воздуха. Юкино-сэнсей попадал, но Мизумаки не хватало его контроля, им везло меньше. И, сколько бы солдат в желтом они ни убивали, армия наступала. Солдат падал на лед, но за ним оказывался другой. Ближайшие фоньяки были в паре баундов от них, достаточно близко, чтобы бить в ответ.

Первый залп ветра сбил одного из Мизумаки с ног. Мамору смотрел на наступающих фоньяк, искал, откуда была атака, но вдруг оказался на спине в снегу.

Было странно, когда ударяло то, что он не видел и не слышал. Если фонья и оставляла след в атмосфере, Мамору было сложно различить атаку среди потоков воздуха вокруг него. Он не был обучен улавливать ее.

— На ноги! — взревел дядя Такаши. — Не отвлекайся!

Встав на четвереньки, Мамору стал подниматься с копьём льда наготове, но его снова сбил удар ветра, этот был еще сильнее, и он вспомнил предупреждение Каа-чан: «Фоньяки опаснее на среднем расстоянии — два-три баунда. Тогда их атаки бьют сильнее всего».

Ближайшие фоньяки были в нескольких баундах от Мамору и других мечников. Как только они приблизятся, их невидимые атаки станут не просто сбивать мужчин, а будут убивать.

Кто-то в гениальном решении — Тоу-сама, судя по тихой эффективности маневра — поднял снег под их ногами, создав вуаль из частиц воды. Туман не был таким густым, чтобы скрыть наступающих солдат, зато он подавил ясность.

Следующая атака фонья раздула молекулы воды, создав заметную брешь в вуали. Видя ветер, Мизумаки Хьесуке уклонился от атаки и ответил ударом, пронзил грудь фоньяки.

Мамору увернулся от залпа воздуха и поднял джийю для контратаки, но как только он создал копье, ему пришлось уклониться от опасного взрыва ветра. Даже с вуалью снега, показывающей их движения, это было слишком. Фоньяки слишком быстро двигались к оптимальному расстоянию для атаки.

— Не отступать! — приказал дядя Такаши.

Но фоньяк было так много, они летали и уклонялись от шипов, перелезали через формации изо льда, и было невозможно атаковать и защищаться одновременно.

Заметив это, дядя Такаши изменил приказы:

— Щит! — крикнул он линии. — Закройтесь и удерживайте позиции!

Мамору поднял снег перед собой, вовремя создал толстую стену. Два разных удара ветром врезались в другую сторону. Лед трещал, Мамору поспешил починить его. Прижав ладони к щиту, он собрал снаружи слой снега мягче, надеясь приглушить удар следующей атаки, но защита от ветра не была похожа на защиту от клинков или тупых предметов. Следующая атака сбива снег, чуть не разбив лед под ним. Только упрямая сила джийя Мамору не дала щиту разбиться на тысячу кусочков.

Ледяные щиты трещали и разбивались по всей линии, но Юкино-сэнсей учил днями на утес Кумоно, одном из самых диких мест на горе. Он знал, как создать достаточно сильный щит под натиском ветра.

Мамору ощутил, как джийя учителя поднялась перед ним, превращая его слабый щит в толстый клин, способный отразить даже самый сильный ветер.

— Хорошая мысль, Дай, — сказал дядя Такаши, поднимая руку.

Объединив джийю, два мастера-джиджаки возвели укрепленные щиты вдоль линии, защищая товарищей.

— Оставайтесь за барьером! — закричал Такаши. — Готовься!

— Готовься! — зазвенели голоса мужчин вдоль линии.

Когда ладонь сжала его кимоно сзади, и Юкино-сэнсей повторил приказ, Мамору понял, что еще стоял.

Юкино-сэнсей толкнул его в барьер, и Мамору прижал к нему ладони. Только рефлекс позволил ему закрепить джийю в стене перед ним, даруя силу льду. Взрывы ветра стали сильнее, но восемь сильных джиджак поддерживали барьер, созданный Юкино-сэнсеем, и защита устояла.

Мамору понял, что дрожал, когда он попытался говорить:

— Ч-что теперь? — спросил он.

— Ждем врага тут, — сказал дядя Такаши.

— Мы позволим им подойти? — спросил Мамору. — Мы позволим им миновать барьер?

— Подойти, — кивнул дядя Такаши. Он коснулся рукояти вакидзаси, Намимару. — Туда, где мы их ждем.

Фоньяки были уже почти на них. Мамору слышал шум их фоньи и хруст ног на замёрзшей земле. Медленно вдохнув, он сжал рукоять меча. Ощущение оружия в руках обычно давало ему силы, успокаивало...

Первый солдат в желтом пролетел над барьером... и Мамору застыл.

Двигаться всегда было просто для Мамору. Он всегда реагировал первым, действовал первым. Но вдруг в самый важный момент Мамору словно перестал быть собой. Он был оболочкой, смотрел, как солдат Ранги опускается перед ним и бросается.

Чистый рефлекс вытащил его меч из ножен в атаке, заставив фоньяку отскочить. Если бы он был сосредоточен и готов, Мамору легко убил бы его, но он не был готов. Кончик меча едва задел форму фоньяки.

Его враг споткнулся, и ладони Мамору повернули меч для атаки сверху, но разумом не мог закончить атаку. Он не смог взмахнуть.

Мига колебаний хватило фоньяке, чтобы ударить Мамору ногой в живот, обрушив боль на его скелет. Его спина врезалась в барьер Юкино-сэнсея, голова стукнулась об лед, звезды вспыхнули перед глазами. Моргнув, он попытался занять защитную стойку, но было поздно. Фоньяка уже двигался для атаки, которая на таком расстоянии точно убьет его. Голова кружилась, джийя кипела, он не мог защититься или атаковать вовремя.

Фоньяка поднял руку.

Его тело дернулось. Изогнутый клинок Нагимару пронзил его грудь. Еще миг, и Намимару отрубил голову мужчины.

Катану вырвали, и два куса фоньяки упали на землю, стало видно дядю Такаши в крови с мечами в руках. Он был в ярости.

— Что ты делаешь, мальчик?

— П-простите, дядя! Я...

— Если не бьешься, не стой на пути! — зацепив рукоятью Нагимару в крови за головой

Мамору, дядя Такаши отодвинул его от барьера и отбросил, новые фаньяки перепрыгнули стену.

В отличие от Мацуда, бьющихся правой рукой, Такаши был амбидекстером. С катаной Нагимару в правой руке и вакидзаси Намимару в левой он рассек пятерых фаньяк в одной атаке с разворота.

Он отпрянул от брызг крови, Мамору ощутил ладонь на руке.

— Будь со мной, — сказал твёрдо и спокойно Юкино-сэнсей.

— Ч-что?

— Отойди, — Юкино-сэнсей отодвинул его от барьера. — Прикрывай мою спину. Помогай, если фаньяки пройдут мимо меня или моих кузенов.

— Д-да, сэнсей, — выдавил Мамору, но Юкино уже повернулся к врагам, вытащив катану.

Меч Юкино-сэнсея — Такенаги, Режущий бамбук — был изящным оружием с рукоятью с зеленой шнуровкой и гардой с серебряными листьями бамбука. Это было самое старое оружие, выкованное Котецу, которое еще использовали. Его передавали в роду Юкино поколениями, но Мамору не мог представить, чтобы меч подходил кому-то лучше, чем Юкино Дай. Короче Кьёгецу Тоу-самы и теньше Нагимару дяди Такаши, Такенаги был создан для скорости, как его хозяин.

Юкино-сэнсей на пике был одним из самых быстрых мечников в истории. Теперь он был вдвое старше Мамору, его скорость все еще была несравненной сред бойцов Такаюби. Его искусство не было сложной техникой или яркими приемами, это было идеальное исполнение основы на скорости в три раза выше обычного мечника.

Странно, как естественно выглядел Юкино-сэнсей, когда Такенаги рассек первого фаньяку-неудачника, окрасив снег кровью. Мамору тренировался с этим мужчиной много лет, знал его движения, как шаги танца. Было поразительно смотреть, как знакомые шаги и удары отсекают головы с тел, размещают органы и бросают дуги крови на белизну.

В светло-серой одежде Юкино-сэнсей сливался со снегом. Многие фаньяки, которые шли в его сторону, падали от его меча, не замечая его. Он двигался быстро, шагал так, что на него не нападало больше двух фаньяк, и он превращал бой многих против одного в схватку один на один, а в таких боях редкие могли сравниться с Юкино Даем. Мамору заметил с восхищением, что мечник одолевал многих солдат одним ударом, даже без взмахов мечом.

Белый склон горы пропитался красным.

Несмотря на их количество, фаньяки бились в невыгодном для себя положении. Они не могли пробить барьер Юкино-сэнсея, перепрыгивали его и попадали в опасную позицию — джиджаки были перед ними, прочная стена льда — за спинами. Между барьером и мечниками у ранганийцев не было расстояния, чтобы бросить ветер в атаку в полную силу, и они не были готовы к бою вблизи с мужчинами Такаюби.

Каждый солдат нес нечто, похожее на стандартный меч и короткий кинжал, но сталь была плохой. Их оружие легко ломалось об сталь Котецу, так что они будто бились палками.

Некоторые из них прыгали на гору и нападали на джиджак сзади, но дядя Такаши выбрал это место не зря. Склон за ними был отвесным, скользким ото льда. Джийя мешала им закрепиться, и новые фаньяки, которые пытались запрыгнуть, съезжали в опасную зону, если лед Мацуда или Юкино не рассекал их раньше. Десятки солдат в желтом попадали в смертельную ловушку, и тела собирались кучей на покрасневшем снеге.

Юкино-сэнсей методично убирал врагов меткими ударами, а дядя Такаши хищно резал

фоньяк почти быстрее, чем они нападали на него. Он кружился, рычал и улыбался при этом, клинки сверкали. Он словно пытался увидеть, как много крови мог пролить.

Когда Нагимару вонзался в грудную клетку фоньяк, дядя Такаши отпускал оружие. Бедный фоньяка, который пытался использовать эту брешь, оказывался пронзенным Шепчущим Клинком. Смеясь, дядя Такаши кружился, рассекая солдат ледяным клинком, бросая Намимару в грудь другого фоньяки. Он заканчивал поворот с двумя Шепчущими Клинками в руках.

Дядя Такаши был единственным в истории Шепчущего Клинка с двумя клинками. Его наставник, Мацуда Мизудори, не одобрял этого, жаловался, что двойной Сасаяйба Такаши не был безупречным исполнением техники — не идеально острые клинки, ведь джийя была сосредоточена не в одном клинке. Но они служили цели, рассекали мышцы и кости фоньяк легко.

Глава Мацуда взревел, энергия в его голосе не была ненавистью. Судя по его улыбке, Мамору думал, что его дядя любил этих солдат Ранги — больше, чем он любил свою жену, дочку или что-то в Дюне.

— Ну же! — взревел он, заканчивая кровавый поворот с маниакальным светом в глазах. — Это все, что у тебя есть, Ранга? Вперед!

Но фоньяки больше не перепрыгивали стену, чтобы напасть на него.

Вдруг все затихло.

Было слышно только тяжелое дыхание мечников Такаюби и ужасное бульканье умиряющих ранганийцев у их ног.

Мамору посмотрел на снег в крови, пытаясь оценить количество трупов. Их были десятки, но солдаты, которые шли на гору к ним, исчислялись сотнями. Почему они остановили наступление?

— Что они делают? — с опаской спросил Мизумаки Хьесуке.

— Они потрясены, — сказал Юкино-сэнсей. — Они думали, что легко растопчат нас. Если они умные, они отступят и перегруппируются, обдумают новую стратегию, — он повернулся к дяде Такаши. — И нам так сделать, Мацуда-доно?

— Да, — кивнул дядя Такаши, хотя глаза были дикими, он будто смотрел сквозь Юкино-сэнсея, а не на него. Его разум все еще был в пылу боя. — Да, мы можем, — сморгнув блеск, он стряхнул кровь с одежды и повернулся к своим людям. — Нас все еще восьмеро, да?

— Да, Мацуда-доно, — сказал Юкино-сэнсей.

Мизумаки Токи был ранен, но все были на ногах.

— Мамору-кун, — дядя Такаши взглянул на чистый клинок Мамору. — Ты не убил ни одного фоньяку, — его тон был удивленным.

— Вы мне никого не оставили, — слабо сказал он.

Дядя Такаши рассмеялся громко, почти безумно, так он звучал, когда был пьян.

— Точно, — смеялся он. — Грубо мы поступили, на, Такеру-кун?

Тоу-сама взглянул на брата, но не стал отвечать на шутку. Он убил много фоньяк тихим способом. Судя по количеству трупов у его ног, он убил не меньше его брата, но он как-то сделал это, не пролив так много крови на себя.

Бой изменил дядю Такаши и Юкино-сэнсея, сделав глаза дяди Такаши дикими, а джийю Юкино-сэнсея гиперактивной. Но Тоу-сама не изменился внешне. Кроме красных пятен и быстрого движения груди, он не отличался от безупречного себя. Казалось, маленькая армия

вообще не утомила его.

Он рассеял Шепчущий Клинок, прошел туда, где Лунный Шпиль торчал из груди павшего фосьяки и вытащил его. Он стяхнул кровь с клинка, вернув оружию небесный блеск, а потом вернул его в ножны.

Бедой стальных мечей — даже таких хороших — было то, что они теряли остроту, рассекая много тел. Шепчущий Клинок не страдал от такого. Мацуда обычно переходили на Сасаяиба, одолев десятерых. Мамору догадывался, что Нагимару, Намимару и Кьёгецу уже одолели свой стандарт. Тел было так много...

Мамору много раз был на поле боя в мечтах, но те детские мечты не учитывали кровь. Он привык к ощущению крови во всех ее состояниях, но он не был готов к миру, промокшему от крови. Она ощущалась тяжелой, душила. Это была Такаюби, чистая гора ручьев и белого снега. Казалось неправильным, что красное погружалось туда, и впервые в жизни Мамору понял, почему дедушка Сусуму всегда звал кровь и манипуляцию ею грязным делом.

— На места, — приказал дядя Такаши.

Мамору пришлось перешагнуть отрубленную руку и лужу органов, которые он не смог узнать, когда его дядя указал на его место в ряду.

Фины говорили, что джиджаки и фосьяки кипели в одном море, пока копьё Наги не коснулось воды, не придало им облик людей. Так они выглядели на рассвете мира? До того, как сила Наги сделала их людьми? Кипящее месиво плоти с морской пеной? Мамору рассеянно гладил большим пальцем змей-богов на граде своего меча.

«Нами. Наги. Это все, что мы есть? Просто плоть и кровь? Так много крови...».

— Мамору-кун, — голос резко вернул его из красного транса. Юкино-сэнсей смотрел на него с тревогой, но Мамору видел только брызги крови на бледном лице учителя. — Нас слишком мало, чтобы я дальше защищал тебя. Ты достаточно сильный, чтобы биться с солдатами. Это так. Но тебе нужно быть готовым...

Юкино-сэнсея перебил грохот, от которого они оба вздрогнули. Осколки льда полетели во все стороны, и Мамору увидел, как глаза учителя расширились. Кто-то пробил барьер.

— Но... — начал один из Юкино. — Как...?

Он не успел закончить, раздался грохот во второй раз. Этот порыв ветра был таким сильным, что не только разбил баунд барьера, но и оттолкнул Мамору на несколько шагов. Куски льда сыпались вокруг них. Середина барьера рухнула, Мамору и другие снова видели склон горы.

Юкино-сэнсей был прав, что фосьяки решили перегруппироваться. Солдаты в желтой форме, хоть их стало значительно меньше, отступили на несколько баундов дальше по горе — но они были не одни. Пришли новые солдаты. Солдаты в черном.

Спину Мамору покалывало, он вспомнил слова матери. Обычные солдаты носили желтое, а элитные бойцы — черное. Если видишь желтое, есть шанс. Если видишь черное, убегай.

Он крепче сжал меч.

— Черные должны быть сильными, да? — сказал дядя Такаши с голодным взглядом.

— Они разбили барьер Юкино-доно, — сказал кузен Юкино, когда ряды ранганийцев пошли в наступление, — с такого расстояния... Они — монстры.

— Их стратегия изменилась, — отметил Юкино-сэнсей, фосьяки в черном шли впереди желтых солдат. — Они посылают лучших бойцов вперед, чтобы открыть путь остальным.

Этот бой станет справедливым.

Справедливым? Черные силуэты двигались слишком быстро, их невозможно было сосчитать, но их было больше восьми.

Тоу-сама и Юкино-сэнсей подняли новую вуаль снежинок вовремя. Фоньяка во главе группы повернулся в воздухе, напоминая Мамору, когда он разогнался, и метнул атаку. Если бы Мамору не видел, как ветер побеспокоил вуаль, он не смог бы избежать этого. Он едва смог отскочить, и ветер врезался в склон горы. Даже фонья на краю атаки толкнула Мамору в облако снега. Он вскочил на ноги и задался вопросом, знал ли фоньяка даже на расстоянии, где самое слабое звено.

Дядя Такаши и кузен Юкино-сэнсея, Широ, направили атаки в главного фоньяку. Мужчина в черном отразил их, а потом меньший ледяной снаряд Юкино-сэнсея попал ему в горло, и он упал.

Солдаты в черном подступали, Юкино-сэнсей стал размытым от движений, метал копьё так быстро, что Мамору едва успевал уследить. Быстрый мечник пожертвовал обычным размером снарядов, сделав их меньше, сыпал их в атакующих, как стрелы. Даже с его скоростью и рефлексам Мамору не мог представить, как идти на такую атаку. Но мужчины в черном приближались, уклоняясь и отражая снаряды, принимая удары в конечности и плечи, шагая вперед.

— Что думаешь, Такеру-кун? — дядя Такаши оглянулся. — Посмотрим, сильны ли эти монстры против божества?

Тоу-сама кивнул.

— Я готов, Нии-сама.

В тот миг Мамору понял, что увидит одну из самых продвинутых техник семь Мацуда в действии.

В отличие от Шепчущего Клинка, теория этой техники не была тайной. Это была структура из кусочков льда, соединенных жидкой водой. Когда все было сделано верно, получалось оружие с гибкостью воды и силой льда. Многие мастера-джиджаки могли достичь такого со скромным количеством воды. Это звали Ледяной Змеей.

Но, когда два взрослых Мацуда объединяли силы, получалось нечто больше змеи.

Полная сила рода Мацуда стала двигаться, дядя Такаши взял остатки барьера Юкино-сэнсея и превратил его в воду. Тоу-сама добавил в поток брата лед, создавая чешую, прочную, как сталь, и гребни, острые, как мечи. Ярость дяди Такаши сплелась с холодной точностью Тоу-самы, создав новое существо, достаточно длинное, чтобы закрыть половину перехода. Это были зубы зимы. Это была поэзия. Это был Бог воды.

Дракон Мацуда поднялся над врагами, глаза из осколков льда сверкнули силой свыше простой джии. Он оскалил зубы, и скрежет от движения нескольких тысяч чешуек изо льда превратился в голодное шипение.

Фоньяки застыли.

Эти мужчины могли создавать торнадо, но даже они застыли перед богом.

— *Ji xu!* — грубо сказал фоньяка в черном, направляя других вперед. Они медлили. - *Ji xu!*

Один из них сделал шаг — и дракон ударил.

Фоньяка тут же пропал, осталось кровавое пятно на снегу. Черные силуэты разбежались, Дракон Мацуда устремился за ними. Дядя Такаши вел воду, петли тела дракона двигались с его скоростью и непредсказуемостью. Тоу-сама следовал, крутил клинки,

сохраняя лед чешуи твердым и острым.

Пара фосьяк уклонились от зубов дракона, но их рассекла чешуя. Голова дракона была жутким оружием, но отвлекала, в основном, от не менее опасных петель тела. В тех петлях сила дяди Такаши бежала быстрее, дарила жуткую скорость острым гребням Тоу-самы. Мамору подавил желание вздрогнуть, когда фосьяка совершил ошибку, пытаясь оттолкнуться от тела существа ногами. Его ноги были не разрезаны, а превратились в брызги крови и крошку костей.

Многие фосьяки метали ветер в дракона. Они были сильными, и некоторые смогли разбить части его тела, но это не вредило всему существу. Истинное тело дракона было сделано из понимания между дядей Такаши и Тоу-самой. Пока братья стояли спина к спине, сплетая джийю, их создание не могла уничтожить тупая сила. Многие атаки по дракону приводили к тому, что обломки льда били по фосьяку в радиусе взрывов.

Несколько фосьяк попытались пройти мимо дракона и ударить по братьям Мацуда, но центральные петли дракона окружали его создателей, и было невозможно даже элитным бойцам попасть туда. Мало было уклониться от мечущегося тела дракона. Существо было покрыто ледяной чешуей, которой Тоу-сама мог стрелять, чтобы пронзить плоть любого на расстоянии нескольких шагов. Далекие сильные атаки фосьяк почти не вредили, а те, кто подбирался близко к дракону, страдали от чешуек-снарядов.

Мамору понял, что пятился от дракона, как от божества, напавшего на добычу. Не от страха. С чего ему бояться силы своей крови? Но как он мог помочь рядом с такой силой?

Дальше в ряду Юкино-сэнсей продолжал метать снаряды вместе с кузенами, отгоняя ряды элитных фосьяк. Мамору только занял место рядом с Юкино, готовя свое копьё, когда увидел то, из-за чего он замер в смятении: черный силуэт, такой быстрый, что его можно было принять за тень пикирующего сокола, несся зигзагом между снарядами льда. Мамору не сразу понял, что это был фосьяка, и он не просто несся между снарядами Юкино-сэнсея, а прыгал по ним носочками, сбивая с курса и используя их как ступени.

— Такой быстрый! — потрясенно вскрикнул один из кузенов Юкино.

— Стреляйте, — приказал Юкино-сэнсей кузенам, опустил свою джийя и потянулся к мечу.

Фосьяка был быстрым, но бежал по прямой к смерти — его мог ударить Такенаги. Черной вспышкой он метнулся к мечнику. Такенаги покинул ножны, Юкино-сэнсей ударил быстро и чисто, как молния.

Фосьяка уклонился.

Мамору казалось, что его мозг отключился. Не мог быстрый боец избежать атаки близко к Юкино-сэнсею. Не мог кто-то уклониться от его меча вблизи. Это было невозможно.

Но фосьяка сделал это, повернул тело и избежал молниеносного удара меча Юкино-сэнсея. Такенаги срезал кончик косы мужчины, но нога ударила в грудь Юкино-сэнсея. Мастер меча отлетел, кувыркаясь.

Фосьяка выпрямился, поймал свою косу, летящую по кругу. Не переживая из-за второго мечника Юкино, шагающего к нему, он нахмурился из-за обрезанных волос. Едва взглянув на нападающего, он избежал первой атаки мечом Юкино Киёму, вытащил то, в чем Мамору узнал запасную резинку для волос.

Мамору смотрел потрясенно, как фосьяка начал завязывать косу. Из любопытства Мамору метнул в него копьё. Солдат отошел в сторону, не отводя взгляда от своей работы.

Через миг Юкино Киёму атаковал снова. Фоньяка пригнулся и направил ногу в его челюсть, сбил его в снег.

Фоньяка выпрямился, закончил завязывать косу, перебросил ее через плечо и повернулся к Юкино-сэнсею.

— *Ni qie le wo de tou fa*, — он нахмурился и решительно пошел к мастеру меча.

Мамору и Юкино Киёму пошли наперерез ему. Фоньяка махнул ладонью, выпустил волну воздуха с таким давлением, что они оба отлетели. Упав в снег, Мамору смотрел, как нечеловечески быстрый фоньяка побежал. Он вытащил из-за пояса сзади два кинжала.

Юкино-сэнсей спокойно поменял стойку. Белый встретил черный с хлопком стали. Мамору пытался следить за сверкающими клинками, но ясно было одно: Юкино-сэнсей проигрывал. Мамору не думал, что молниеносный мечник уже был не на пике физической силы. Как многие солдаты Ранги, этот фоньяка был чуть за двадцать на вид, на пике скорости. Это влияло на бой.

Юкино-сэнсей рухнул на землю, кинжал торчал из его левого плеча. Он отразил атаку, не дал ей попасть в его сердце, но он теперь был на спине, истекал кровью. Такенаги был придавлен ногой врага. Фоньяка отвел руку с кинжалом, чтобы нанести последний удар.

— Нет! — Мамору бросился вперед, поднял руку для атаки...

Дракон Мацуда появился из ниоткуда. Пасть из воды и льда обрушилась на солдата в черном, проглотив его целиком. Юкино-сэнсей выдохнул, дракон свернулся вокруг мастеров, опустил голову между Тоу-самой и дядей Такаши.

— Это было немного драматично, Мацуда-доно.

— Не за что, — улыбнулся дядя Такаши.

— Нии-сама, — вдруг тревожно сказал Тоу-сама. — Что-то не так.

— Что? — дядя Такаши повернулся к младшему брату. — Что ты...

Голова дракона взорвалась, куски льда и капли воды полетели во все стороны.

Невероятно, но фоньяка появился, дрожа, пропитанный водой и кровью, но все ещё дышащий. Этот солдат не только превзошёл Юкино-сэнсея в битве один на один, но и уничтожил дракона Мацуда — изнутри.

Братья Мацуда должны были смочь управлять драконом мыслью, но фоньяка вырвался из его головы между ними, нарушил поток джйи, который поддерживал существо. Зубы дракона открыли раны на его теле, и форма свисала мокрыми черными полосками. Зубы солдата стучали от холода, а потом он встряхнулся и метнул атаку. Дядя Такаши уклонился от вспышки ветра, он и его брат одновременно атаковали в ответ.

Фоньяка повернулся, и, хоть один теонит не мог сделать торнадо, этот смог создать небольшой вихрь, отбивший сразу атаки Тоу-самы и дяди Такаши. Он был таким быстрым! Но времени стоять и смотреть не было.

Дракон пропал, дядя Такаши и Тоу-сама были заняты одним противником, и остальная элита Ранги пошла вперед, осмелев. Юкино-сэнсей стоял, вырвал кинжал из плеча и обрушил на них копьё, но они приближались.

Пять бойцов шагали к Мамору. Он приготовил меч, но Юкино-сэнсей встал перед ним, обрушил град снарядов поменьше. Первый солдат получил льдом в глаз и упал, но четверо других отражали атаку или уклонялись. Один смог попасть по правой руке Юкино-сэнсея, выбив Такенаги из его ладони.

Но это не остановило мечника. Он не мог заменить оружие Шепчущим Клинком, но он не был беззащитным в бою без оружия. Он ударил локтем в висок первого фоньяки, вырубил

его, бросил обмякшее тело мужчины в его ближайшего товарища, дав себе время поднять меч со снега. Он повернулся с Такенаги в руке, напал на двух других — но пятый юркнул за него, направляясь к Мамору.

Этот фосьяка был вооружен сансецуконом — посохом из трех сегментов из Ранги — Мамору слышал о таком оружии, но не видел ни разу в действии. Странное орудие состояло из трех коротких посохов длиной с мужское предплечье, соединенных на концах цепями.

Мамору напал первым, надеясь, что его скорости хватит, чтобы закончить бой одним ударом, но фосьяка тоже был быстр, отбил одной частью посоха, взмахнул всем оружием, как хлыстом. Раскрывшись во всю длину, сансецукон покрывал слишком много расстояния, чтобы Мамору мог быстро шагнуть в сторону. Он сел на корточки, чуть не прижался к снегу, чтобы его голову не отрубили. Посох пронесся над ним со свистом, поднимая брызги снега.

Как только он пролетел, Мамору вскочил на ноги, бросился, чтобы использовать момент. Против мечника это сработало бы, но сансецукон не был твердым клинком с одной траекторией. Мамору направил удар под ребра фосьяки, сансецукон обвил тело хозяина, сегмент на конце ударил по его катане, снова сбивая ее с курса.

Мамору не успел вернуть равновесие для следующего удара, сансецукон полетел к нему с хрустом, как атакующая змея. Он блокировал, но не привык биться с оружием из кусочков. Он ударил по среднему сегменту, но часть на конце закрутилась в свободной руке фосьяки, и Мамору понял, что попал в ловушку врага. Сансецукон обвил его меч и затянулся, лоя его оружие.

Повернув резко тело, фосьяка направил сегменты оружия в разные стороны, пытаясь сломать меч Мамору, но нужно было куда больше, чтобы сломать клинок Котецу. Движение дернуло руку Мамору, чуть не вырвав ее, но сталь уцелела. Когда фосьяка понял, что не мог сломать меч, он решил сломать его владельца.

С жутко высоким рычанием фосьяка ударил головой по лбу Мамору. Звезды вспыхнули, как кровь, перед глазами Мамору, мир накренился. Сквозь это Мамору уловил удар ногой по колену за миг до попадания. Он не мог уклониться или ответить, повернул колено и дал ему согнуться под силой. Он был в ужасно уязвимом положении, стоял на колене, его меч был пойман, но удар хотя бы не разбил его коленную чашечку.

Надеясь на лучшее, он сжал меч обеими руками и ударил им по его тюрьме, в тысячный раз в истории Мацуда поблагодарил Котецу за свою жизнь. Хотя удар был неуклюжим, сталь Мамору рассекла звенья цепи сансецукона фосьяки.

Освободив катану, Мамору повернулся в попытке сбить фосьяку с ног, но солдат в черном быстро отразил атаку. Управляя сломанным сансецуконом как нунчаками, он ударил оружием по лицу Мамору.

Спина Мамору рухнула на землю, его кровь забрызгала снег рядом с ним, как и один из его зубов. Он не мог ощущать рот. Он не успел встать, фосьяка прижал его ведущую руку коленом, оказавшись на нем. Металл звякнул и зашипел у шеи Мамору.

Мамору не понимал, что происходило, оглушенный, пока цепь не затянулась, и он не перестал дышать. Сансецукон был вокруг его шеи, фосьяка давил, душил его. Паника затопила Мамору, его тело бесполезно дергалось на земле.

Свободная ладонь скребла фосьяку, но движения были безумными. Он знал, что должен был тянуть снег для контратаки, но кровь гудела в его ушах, он растерялся. Лед, который он создал, трещал, не давал атаковать им.

Фосьяка наклонился, смеясь. Даже сквозь головокружение звук заставил Мамору

моргнуть, мысль в его голове заставила его растеряться. Каа-чан?

Но его матери тут не было. Почему тот смех напомнил ее?

Мамору моргнул и в странный миг ясности нашел глаза фоньяки. Он был занят цветом формы и странным оружием, даже не посмотрел в лицо врага. Теперь он увидел мягкую линию челюсти и нежные черты. Красиво, подумал он, тьма подступала по краям его зрения, чтобы поглотить его.

Сверкнул серебряный клинок.

Такенаги рассек черный силуэт над Мамору, пробил позвоночник солдата. Ветер отбросил волосы Мамору. Он резко вырвался из удавки, закашлялся и захрипел, вернул холодное осознание в легкие. Юкино-сэнсей отбросил тело со своего ученика и спокойно смотрел, как оно упало.

А потом его лицо изменилось. На лице проступил шок, потом ужас, он понял то, что Мамору осознал мгновения назад.

Фоньяка был женщиной.

Ее лицо было милым, хоть цвет покинул щеки, глаза остекленели. Ей было около тридцати, не старше жены Юкино-сэнсея, Хиори, и хоть ее мрачный смех напоминал Мамору Каа-чан, она выглядела как Хиори...

Ладони на Такенаги дрожали.

— Нет... — тихо сказал Юкино-сэнсей. — Я не...

«Сэнсей», — пытался сказать Мамору, но не смог, отвернулся и сплюнул кровь на снег.

— Я не... — прошептал Юкино-сэнсей, и Мамору еще не видел наставника таким растерянным. Мечник не увидел другого черного солдата сбоку, не ощутил удар ветра.

Даже если бы Мамору смог говорить, предупреждение опоздало бы.

Воздух ударил по Юкино-сэнсею с жутким хрустом кости. От этой силы он пролетел пару баундов и рухнул в облаке снега дальше на склоне.

— Нет! — Мамору вскочил на ноги.

Он чуть не совершил ту же ошибку, что и наставник, но он заметил, что фоньяка готовится к атаке, успел пригнуться. Ветер ударил по склону, где он был миг назад, снес снег и оставил трещину на камне под ним.

— *Ni hao kuai*, — сказал солдат Ранги, встав на его пути.

Детская часть Мамору была в панике, все еще думала о хрусте тела Юкино-сэнсея от атаки.

«Беги! — умолял голос Каа-чан, он с хрипом дышал, сердце колотилось. — Если видишь черное, беги».

Но мужчина стоял между ним и Юкино-сэнсеем.

Мамору медленно выдохнул, убрал эмоции из разума и посмотрел на противника. Этот был мужчиной, тяжелее других элитных, которых видел Мамору. Он был без оружия, значит, атаковал голыми руками. С его крупным телом он не был подвижным бойцом, как женщина с сансецуконом или мужчина с двумя кинжалами. Наверное, этот атаковал ладонью, выбрасывая руку вперед, создавая вспышку давления воздуха.

Мамору смотрел, фоньяка опустил в стойку, отвел руку к грудной клетке, собирая фонью в своем ядре для взрывного удара. Одним из первых, что Мамору узнал от Юкино-сэнсея было то, что атаки, которые так заряжались, не могли исполняться быстро. Фоньяка должен был погрузиться в стойку, скопить силы, от этого он был неподвижным. Между ударами, разбивающими камень, был шанс... Мамору нужно было подобраться ближе и

использовать его.

Фоньяки опаснее всего на среднем расстоянии — два-три баунда. Не задерживайся в этой зоне удара.

Мамору оценил баунды между собой и фоньякой взглядом. Он стоял дальше трех баундов, дальше оптимальной зоны удара. Фоньяка ждал, что они приблизятся.

Прости, Каа-чан.

Мамору шагнул в зону удара.

Фоньяка тут же напал, но бросок был уловкой, и Мамору прыгнул влево. Даже край атаки сбил его с ног. Но Мамору не стал тратить время, чтобы удержаться на ногах, а двигался с ветром, отлетел с ним и кувыркнулся. Он вскочил, носки впились в снег. Оттолкнувшись ногами и джийей, он бросился вперед с одной мыслью: «Сократи расстояние. Сократи его как можно быстрее».

Ранганиец уже занимал стойку, поднимал руку для второго удара. Мамору взял катану одной рукой, вытянул свободную руку, поднимая снег у ног мужчины. У него не хватало контроля, чтобы создать копые на бегу, но он мог просто создать лед.

В баунде от фоньяки Мамору бросился вправо, чудом избежал второй атаки. Ветер снова лишил его равновесия, но он не дал физическому удару отвлечь его. Ноги запнулись под ним, но он совладал со снегом и превратил его в лед вокруг ног врага.

Лед затвердел, Мамору оказался рядом с фоньякой. Мужчина попытался повернуться к нему, но, конечно, с примерзшими ступнями не мог. Он стал взмахивать рукой, чтобы ударить Мамору — кулаком, локтем или ветром, никто так и не узнал.

Мамору взмахнул мечом. Сталь попала по плоти, по кости, и рука фоньяки отлетела от тела. Каа-чан была права, такой удар был простым. Мамору следовал за мечом по дуге, повернул тело для второго удара, рассек обездвиженного фоньяку под рёбрами.

Мужчина издал ужасный звук, воздух вокруг него дернулся, словно от боли, пока он пытался тщетно вдохнуть. Мамору отвернулся от вида, стряхнул кровь с катаны и убрал ее в ножны.

Он одолел первого серьезного врага в бою. Его безымянный меч вкусил первое убийство. Этот миг должен был вызвать гордость, но Мамору ее не ощущал, просто неприятно колотилось сердце, он повернулся и взбежал по склону к Юкино-сэнсею.

Он знал, еще не дойдя до тела, что было слишком поздно. Ньяма мастера меча была сильной и заметной, но ее не было, когда Мамору упал на колени рядом с учителем. Юкино-сэнсей лежал на боку, Такенаги свободно покоился в его ладонях. Ветер ударил его так сильно, что его череп провалился, один глаз отчасти покинул глазницу.

Если бы Мамору был благородным воином, достойным его имени, он помолился бы. Он мог учесть, что этот мужчина был последним истинным мечником Юкино, что его смерть заканчивала род, тянущийся от предков, основавших Такаюби. Он мог найти слова уважения, чтобы облегчить переход учителя в Лааксару.

Вместо этого он дрожал, как ребенок, и сказал:

— Простите, сэнсей, — его голос был слабым. — Мне так жаль, — он коснулся ладоней мастера — рук, которые научили его, как держать меч. — Не уходите.

Он не учитывал, как ему повезло, что фоньяки не напали на его открытую спину. Он не заметил, когда вихрь и звон клинков окружили их. Он не двигался, когда ладонь мягко опустилась на его голову.

Дядя Такаши.

Он должен был что-то сказать. Должен был повернуться к дяде и командиру, но не мог заставить себя.

— Мамору, — сказал голос, и Мамору удивленно моргнул, поняв, что это был голос не дяди, а его отца. Он не думал, что Тоу-сама когда-то трогал его голову так... тепло. — Пора встать.

— Да, сэр, — автоматически сказал Мамору, но не мог заставить тело слушаться. Его ладони застыли на руках Юкино-сэнсея, не мог отпустить.

Он ожидал, что его отец нетерпеливо отругает его, может, поднимет на ноги. Но голос Тоу-самы был мягким:

— Он умер в бою, Мамору. Он родился для боя.

Мамору опустил голову в кивке, но не смог ее поднять.

— Фоньяка, сделавший это...

— Я убил его, — сказал Мамору без эмоций.

— Тогда ты отомстил за учителя, — сказал Тоу-сама со спокойной уверенностью, Мамору тоже хотел такое. — Он может покоиться с миром, но наша работа не завершена. Ранганийцы стали приплывать к берегу, как только торнадо разгромил рыбацкую деревню. Волны солдат не прекратятся. Следующая вот-вот дойдет до нас.

— Он умер, защищая меня, — Мамору не знал, почему сообщал об этом отцу. — Если бы он не спас меня, он бы еще...

— Тогда он оставил остальной бой тебе, — сказал Тоу-сама. — Ты разочаруешь его?

Мамору закрыл глаза. Тоу-сама, конечно, был прав. Он убрал руки от Юкино-сэнсея, сжал кулаки на снегу. Что он делал, рыдая на коленях? Юкино-сэнсей научил его быть лучше этого. Он ожидал, что Мамору будет лучше, когда отдал свою жизнь за ученика...

— Встань, — сказал еще раз Тоу-сама.

В этот раз, ради Юкино-сэнсея, Мамору послушался.

ГЛАВА 14: МЕЧ

Мисаки не удивила спокойная решимость, охватившая ее. Но ее удивило, что Сецуко заразилась этим от нее. Крепкая рыбачка ходила по дому с энергичной решимостью, закрывая окна и двери от растущего ветра. После того, как ее муж пошел вниз по горе, она не пролила ни слезы. Дрожь покинула ее дыхание и ладони, она была сосредоточена, глаза были широко раскрыты.

— Хорошо, — она придвинула стол к последней двери и повернулась к Мисаки. — Что теперь?

— Нужно собрать детей и спрятаться в подвале, — сказала Мисаки.

— Ветер, похоже, замедляется. — Сецуко оглядела стены, которые перестали скрипеть. Буря еще выла, но уже не ощущалась так, что могла сорвать дом Мацуда с фундамента.

— Ты права... — Мисаки раскрыла ладони, искала жуткий рев, который чувствовала раньше. Его не было. — Торнадо пропал! — воскликнула она. Они это сделали! Робкая надежда расцвела в ее груди. Если мужчины победили торнадо, у них еще был шанс.

— Если не нужно переживать из-за торнадо, может, лучше укрыться тут, у центрального двора? — сказала Сецуко.

— О, Сецуко, — рыбачка была умной во многом, и Мисаки порой забывала, что она ничего не знала о бое.

— Что?

— Этот дом достаточно защищён против джийя и стражей, но эти стены не спасут нас

от фоньяк.

Сецуко все еще была растеряна.

— Коро из Ранги могут прыгать так, как ты еще не видела, — объяснила Мисаки. — Эти стены не замедлят решительных фоньяк, да и бывают чертовы джиджаки, которые умеют карабкаться.

— Каа-чан сказала плохое слово! — воскликнул Нагаса.

— Но знаешь, что? — Мисаки подвинула стол, сдвинула дверь и прошла на крыльцо с видом на двор. — Мысль хорошая.

Она подвинула Изумо к левому боку, протянула правую ведущую руку и активировала джийю. Завладев снегом, покрывающим двор, она создала шипы изо льда длиной с руку, направленные к небу. — Посмотрим, как они приземлятся сюда.

Пока она работала, Мисаки удивилась, ощутив джийю Сецуко рядом. Сецуко подняла снег, формируя свой шип.

— Сецуко, ты не должна...

— Я хочу, чтобы они умерли, — прорычала Сецуко, направила джийю во второй шип.

Она была не очень хороша. Рыбаки-джиджаки обычно направляли силы, чтобы подогнать рыб в невод, разрезать их, когда поймали. Они редко создавали шипы против людей, и работа Сецуко была неуклюжей. Фоньяке нужно было упасть с силой, чтобы что-то сломать об ее шипы, но Мисаки не стала портить эффект. Она знала, как ощущалось, когда ты была бесполезной среди сильных бойцов, которым нужна была помощь. Потому она и начала серьезно тренироваться.

Она заметила пульс холодной джийи у локтя. Хироши стоял рядом с ней, опустив ладони на плечи Нагасы, словно успокаивал растерянного малыша, но смотрел на бесцветное небо. Из ее малышей только он был достаточно подростком, чтобы понять, что происходило.

— Хиро-кун, будь хорошим, помоги тете, — сказала Мисаки.

— Да, Каа-чан, — Хироши тут же послушался, радуясь, что у него было занятие.

Мисаки вернулась к работе, подняла больше шипов, формация становилась выше и сильнее, пока ее джийя собиралась. Вряд ли ее шипы помогут, даже если фоньяки беспечно спрыгнут в центр дома. Но она могла выплеснуть так стресс. Это был хороший способ расслабить тело, посмотреть, что еще могла делать ее джийя... если придется ее использовать.

— Так хорошо, Каа-чан? — спросил тихий голос без эмоций.

Мисаки повернулась, ее рот удивленно раскрылся. Она не ожидала от Хироши многого, как и от Сецуко. Но пятилетний оправдал свое имя. Шипы его были почти такими же острыми и высокими, как ее. Они могли пустить кровь. Могли даже убить.

— Да, — сухо сказала она. — Очень хорошо, Хиро-кун. Спасибо.

Она убрала челку Хироши с его лица и посмотрела на мальчика.

— Я могу сделать еще что-нибудь, Каа-чан? — в голосе Хироши была редкая нота эмоции. Раздражение.

В его возрасте Хироши мог понимать только одно о себе: что он был рожден сражаться. Его дядя, отец и старший брат ушли выполнять эту цель. Но Хироши был слишком мал. И это было ужасно — понимать, что происходило, но быть слишком юным, чтобы что-то с этим делать.

— Не сегодня, — Мисаки прижала ладонь к его ледяной щеке.

— Но, Каа-чан...

— Не сегодня, — повторила Мисаки, но не могла терпеть подавленный вид сына, так что добавила, — но когда-нибудь.

Она решила с яростью, что этот день настанет. Должен. Она еще ощущала плечи Мамору, пропадающие из ее пальцев, когда она отпустила его. Потому что он был воином. И часть нее понимала, что не было ничего более жестокого, чем не пустить воина в бой, для которого он был рожден. Это было хуже смерти.

У этих мальчиков была та же кровь в венах, та же сила, то же желание. Но они были еще слишком юны, чтобы это понять. Если она не могла лишать Мамору боя, как она могла бросить этих мальчиков умирать, не дав шанса сразиться? Какой матерью она была бы?

— Вы хорошие мальчики, — сказала она. — Все трое. Вы вырастаете сильными, — она погладила Нагасу по голове. — Вы найдете цель, чтобы сражаться ради нее, и вы получите шанс сразиться. Однажды. Каа-чан обеспечит вам это, — она выпрямилась. — Сецуко, мне нужно, чтобы ты взяла Изу-куна.

Сецуко была не уверена, но взяла ребенка Мисаки. Маленькая Аюми все еще была безопасно привязана к ее спине. Она открыла рот для вопроса, но звук заставил ее смолчать.

Грохот. Где-то близко. Слишком близко.

— Что это? — спросила Сецуко.

— Звук фоньи, бьющей по домам, — сказала Мисаки, раздались крики. — Они в деревне.

— З-значит... мужчины...

— Не думай об этом сейчас, — сказала Мисаки, подавляя эмоции, пока они не вышли из-под контроля. Она загнала мальчиков внутрь, закрыла дверь и заморозила ее. — Бери детей и прячься в подвале! Скорее!

— Стой... куда ты? — осведомилась Сецуко, Мисаки повернулась и побежала в дом.

— Не переживай за меня! — крикнула Мисаки поверх плеча. — Прячься! — в этот раз Мисаки не медлила на пороге додзе. Она поклонилась и побежала к стойке мечей, схватила первое попавшееся оружие. Слишком тяжелое. Она знала, не доставая его из ножен, что оно замедлит ее в бою. Она лучше билась бы с пустыми руками, но зато была бы подвижной.

Отложив меч, она взяла другой, вытащила его из ножен. Тоже слишком тяжелый. Она прикусила губу, крики пронзали воздух. На пике она могла бы биться таким оружием, но она была не в лучшей форме. Она не использовала тело, ее инстинкты притупились, мышцы размякли. Она не могла так рисковать.

Мисаки повернулась и побежала и додзе к кухне.

— Мисаки! — Сецуко перехватила ее на пути, в этот раз одна. Наверное, уже устроила детей в погребке. — Что ты делаешь?

— Не обращай внимания, — Мисаки не остановилась, заставив Сецуко бежать за ней. — Спрячься с малышами, — Мисаки добралась до кухни, упала на колени и немного разозлилась, обнаружив, что Сецуко все еще была с ней. — Я сказала: иди!

— Двери подвала защитят нас? — спросила Сецуко, вздрогнув, когда фонья врезалась во что-то недалеко от их дома.

— Нет, — Мисаки заморозила лед на костяшках. — Я защищу.

— Что...?

Мисаки отвела кулак, сосредоточила джийю и пробила половицы. Это было так просто, что она могла рассмеяться. Она закрепила доски решительно годы назад. Но с когтями и

тревогой она за миг разбила дерево.

«Забыто, — пыталась сказать она себе. — Это было забыто, как и все из ее жизни раньше», — но маленький клинок не покидал ее разум и сердце. Ее ладони нашли оружие легко, словно она положила его туда вчера.

— Что это? — спросила Сецуко, Мисаки выпрямилась на коленях, стряхнула с ножен облако пыли.

— Это... — Мисаки невольно улыбнулась. — Это Дочь Тени.

Ножны покрывали изящные лозы и цветы, они выглядели как потертое дерево, хотя были сделаны из чего-то прочнее.

— *Как ты*, — сказал ей радостно Коли. — *Милые цветы снаружи.*

— *А внутри?* — Мисаки приподняла бровь.

— *Внутри...* — он просиял, — *как ты.*

Мисаки робко сжала рукоять и вытатила меч наполовину из ножен. Ее глаза расширились. Дыхание застряло в ее горле.

— *Это...* — едва слышно сказала она. — *Коли, это то, что я думаю!*

— *Я же говорил, у меня есть связи.*

Мисаки с трудом скрывала эмоции на лице.

— *Так... я милая снаружи, но твердая и темная внутри*, — она посмотрела на Коли, а пальцы предательски сжали оружие. — *Думаю, я должна быть оскорблена.*

— *Как леди Широждимы, да. Как боец, ты не можешь возражать.*

— *У меча есть имя?* — тихо спросила Мисаки, боясь, что если заговорит громче, Коли услышит дрожь восторга в ее голосе.

— *Пока мы работали над ней, мы призвали ее Мисаки-денья. Когда ты используешь ее на улицах, название может выдать твою личность. Я подумал выбрать твое прозвище, так что назвал ее Сираву-денья. Может Сираденья, если вкратце?*

— *Дочь Тени?* — Мисаки приподняла бровь. — *Чересчур драматично, не думаешь?*

Коли скрестил руки.

— *Я посчитаю, что это спасибо.*

— *Коли... я не могу это принять.*

— *Жаль. Она сделана для тебя.*

— *Но... это поразительное оружие...*

— *Одно в своем роде*, — гордо сказал Коли.

— *Разве не стоит дать его коро, который будет использовать его лучше? Я даже не должна биться...* — она умолкла, когда Коли закатил глаза. — *Что?*

— *Это как говорить, что нож не должен резать.*

Мисаки разглядывала нуму мгновение.

— *Порой я гадаю, человек ли ты, Коли*, — она знала, что потому они хорошо ладили.

— *О чем ты?* — он не звучал оскорбленно. Он уже звякал приборам на столе.

— *Ты видишь людей дальше их функций? Или мы для тебя... вещи? Орудие и оружие, машины, делающие детей?*

— *Я — нуму*, — он пожал плечами, нагревая пальцы, чтобы соединить компоненты. — *Боги создали меня, чтобы я видел мир с точки зрения материалов.*

— *Мои боги создали меня выглядеть мило, выйти замуж хорошо и рожать детей*, — сказала Мисаки.

Коли фыркнул.

— Как скажешь. Хотя это показывает, что твои дорогие Нами и Наги — слабые мастера.

— Что, прости?

— Умелый бог не стал бы создавать домохозяйку с твоими навыками и голодом. Ты выглядишь как красивый цветок, но ты — меч.

— Ты снова это делаешь, — пригрозила пальцем Мисаки. — Ты зовешь меня оружием.

— Эффективным, — сказал Коли. — Это был комплимент.

— Я просто... не знаю, могу ли его принять, — комплимент или меч.

— Так не бери, — нетерпеливо сказал Коли. — Могу лишь сказать, что это будет ужасной утратой. Когда пойдешь в следующий бой — а ты, Мисаки, попадешь еще в бой — лучше держи этот меч при себе. Как я и сказал, девочка создана для тебя. Она будет плоха в других руках.

— Но...

— Это был подарок, а не приглашение на скучный разговор, — сказал он. — Хочешь обсуждать религию и философию, найди джасели. Все, что я хотел сказать, в твоих руках. Делай с этим, что хочешь.

— Мисаки, ч-что это? — пролепетала Сецуко в страхе и смятении, глядя на Сираденья. — Что ты...

— Не переживай, — Мисаки привязала обсидиановый меч к бедру и поняла, как жаждала ощутить этот вес. Ребенок был не тем грузом. — Я знаю, что делаю.

— Ты... умеешь сражаться? Как?

Мисаки смотрела, как Сецуко соединяла кусочки, как было с Мамору. Но в этот раз она не могла желать в тревожной тишине одобрения. Не важно, что Сецуко или другие думали о ее неприличном поведении. Было важно, что Мисаки и ее черный меч стояли между ее семьей и смертью.

Грохот раздался из передней части дома, женщины вздрогнули. Кто-то пытался пробить двери.

— Прячься! — прошипела Мисаки. — Старайся не шуметь. Фоньяки отлично слышат. Мне будет проще увести их, если они не узнают, что вы там.

— Увести их от нас? — лицо Сецуко исказила боль. — Мисаки, я не могу... я не хочу оставлять тебя тут одну.

— Ты должна.

Еще грохот сотряс дом. Глаза Сецуко расширились сильнее. Она была в ужасе. Хищник в Мисаки видел, что ей хотелось убежать в убежище. Но она, что обидно, не стала это делать.

— Мисаки, я не могу тебя бросить, — прошептала она. — Я знаю, что не буду полезна против них, но...

— Не в том дело, — Мисаки посмотрела на свои колени.

Мисаки не просто так скрывала свою историю сражений под половицами кухни, жестокость была неприличным хобби для благородной леди, и ее муж запретил разговоры о ее времени за морями. Но если приличия и послушание заставили ее забить доски, что-то сильнее держало их на месте, глубокий стыд.

Но, даже если бы она была мужчиной с чистой кровью и огромной силой, она не была бы бойцом, с которым захотел бы быть уважаемый Мацуада. Мечники Такаюби были благородными, встречали врага в лицо в открытом поле, их репутацию поддерживали мощь и дисциплина. Мисаки была слабой, нападала из засад, редко давала жертвам чистый бой.

Потому что в чистом бою она проиграла бы.

Такое оскорбило бы настоящих коро. Люди, которые знали, кем она была, смогли ее простить... но она сомневалась, что такое можно было прощать.

— Сецуко, лучше... не смотри, что я собираюсь сделать.

— Я не боюсь, — соврала Сецуко, но от еще одного грохота она вздрогнула. — Я резала много рыбы, вряд ли кровь фоньяк выглядит иначе.

— Не в том дело. Я не хочу, чтобы ты видела... меня, — не такой, какой она была на самом деле. Какой она станет, когда Сираденья вкусит кровь. Люди, рядом с которыми она билась в прошлом, сдерживали ее, не давали поддаться желанию убивать, но если придется убить...

— Я не понимаю.

— Ты... — слова застряли в горле Мисаки, она сглотнула. — Ты думаешь, что я хорошая, — она коснулась ладоней Сецуко. — Это спасло мою жизнь.

— Что?

— Я не признавалась в этом, ведь я гордая и глупая, — и время было на исходе. Мисаки быстро моргала. Не время для слез. — Ты спасла меня. Я верну долг, но мне нужно, чтобы ты поверила мне и спряталась.

Сецуко медлила миг. А потом кивнула, сжала руку Мисаки и склонилась. Их лбы на миг соприкоснулись в выражении тихой поддержки. А потом они разошлись, Сецуко побежала к подвалу, а Мисаки повернулась к угрозе. Она не была достойна этой семьи, но она защитит ее со всем ядом и кровожадностью, со всей своей хитростью.

Фонья ударила по дверям, ломая их. Мисаки прошла в главный зал. Она ненавидела биться с врагами лицом к лицу. Каждый инстинкт в ней кричал прятаться и устроить засаду, но ей нужно было увести солдат от Сецуко и детей, и для этого нужно было их внимание.

Двойные двери распахнулись. Дерево упало на пол, Мисаки оказалась лицом к лицу с четверыми в желтой форме — не совсем лицом к лицу. Ее тело было чуть повернуто, чтобы скрыть меч на бедре, придавая ей облик хрупкой домохозяйки. Это прикрытие в чем-то было даже лучше тени.

МАМОРУ

Гора из ржавой стала красной. Тучи, созданные фоньей, пропали, небо снова было ясной, но сиял не яркий свет дня. Закат касался уже пропитанного кровью снега, озаряя горный склон в трупах красным светом.

Среди месива из трупов в желтой и черной одежде Мамору нашел два обмякших тела в голубом — Мизумаки — и два в светло-сером — кузены Юкино-сэнсея. Дядя Такаши стоял в двух баундах от него, выглядя утомленно. Но он все еще улыбался. Он и Тоу-сама единственные остались стоять.

— Вы... убили их всех, — потрясенно прошептал Мамору. — Всех элитных солдат.

— Наши товарищи Юкино и Мизумаки помогли до гибели, — сказал Тоу-сама. — Их семьи могут гордиться.

— А самый быстрый? — спросил Мамору. — Убийца дракона?

Дядя Такаши рассмеялся.

— «Убийца дракона»? — за улыбкой была капля раздражения, но Мамору думал, что боец, который превзошел в бою один на один Юкино-сэнсея и сдерживал братьев Мацуда заслужил этот титул. — Твой отец с ним разобрался, — дядя Такаши одобрительно улыбнулся Тоу-сама.

— Почти, — Тоу-сама сжал пальцы правой руки, на лице проступило немного раздражения. — Он не умер.

— Да, — сказал дядя Такаши. — Выглядит как прямой удар.

— Я немного промазал, — сказал Тоу-сама. — Копье попало, но не в сердце.

— Он все еще далеко отлетел, — отмахнулся дядя Такаши. — Он оглушен, и падение убьет его.

Мамору заметил движение внизу — фигуры в желтом перебирались через развалины западной деревни, шли к ним.

— Собирайтесь с силами, — сказал дядя Такаши брату и племяннику. — Бой станет только тяжелее.

В тот миг движение на ближайших камнях привлекло внимание Мамору. Он и дядя потянулись за оружием, подняв джийю, но Тоу-сама поднял руку.

— Это один из наших.

Так и было, на камнях появилась фигура в кимоно и хакама. Его ладони сжимали длинный бамбуковый лук.

— Катакури-сэнпай! — удивленно сказал Мамору.

Катакури Хакузора был самым юным лучником из тех, кто прикрывал северный проход, худой и тихий мальчик на год старше Мамору в академии Кумоно.

— Почему ты бросил пост? — осведомился дядя Такаши.

— П-поста больше нет, Мацуда-доно, — сказал мальчик. Его ладони на луке дрожали.

— Что?

— Только я... — его голос оборвался, слезы текли по лицу, оставляя следы. — Простите, Мацуда-доно. Остался только я.

— Что?

— Они пробились за сирану. Мой отец послал меня сказать вам... Поста нет.

— Что это значит, сэнпай? — паника заполнила Мамору. — Они в деревне?

— Мы пытались их остановить...

— Такеру, — тут же сказал дядя Такаши. — Вернись в дом.

Тоу-сама застыл, колебания мелькнули неожиданно на его лице.

— Нии-сама...

— Сейчас! — приказал дядя Такаши. — Тебе нужно защитить Сецуко и других.

— Но тут еще наступают ранганийцы, — сказал Тоу-сама. — Я должен остаться и помочь тебе сдерживать их. Мамору должен вернуться.

— Мы не можем рисковать судьбой семьи, посылая четырнадцатилетнего мальчика, хоть и умелого. Ты — самый сильный боец, ты пойдешь. Обеспечь выживание нашей семьи.

Это было логично. Мамору не знал, чтобы Тоу-сама отказывался от логики... или спорил с приказами. Но он не слушался. Он посмотрел на Мамору, потом на брата.

— Нии-сама... прошу...

— Что? — рявкнул дядя Такаши, готовый ударить брата.

— Я... не так силен.

— Так, — тон дяди Такаши прозвучал резко, а не ободряюще. — У тебя есть приказ.

Джийя Тоу-самы поднялась, словно в бунте. На жуткий миг Мамору поверил, что его отец нападет на его дядю, а потом джийя Тоу-сама стала спокойной. Невидимое напряжение покинуло его тело.

— Да, Нии-сама, — сказал он без эмоций, опустив взгляд. Он даже не посмотрел на

Мамору, сказав ему. — Держи линию.

— Да, сэр, — сказал Мамору.

Не оглянувшись на брата и сына, Тоу-сама повернулся и помчался по горе. Не было времени смотреть ему вслед. Следующая волна врагов почти достигла их.

Солдаты были желтыми, но их вела фигура в черном с парой мечей в руках.

— П-прости, дядя, — Мамору занял боевую позу. — Я не знаю, как помочь с продвинутыми атаками или...

— И не нужно, — дядя Такаши смотрел на наступающих солдат. — Разберись с четверыми вдали слева, а остальных оставь мне.

— Да, дядя.

Катакури Хакузора тоже занял позицию. Хоть колчан юноши был пуст, он создал стрелу изо льда и вложил в лук.

— Не стоит, Катакури-кун, — сказал дядя Такаши.

— Мацуда-доно?

— Этот бой не твой. Поднимись на гору и защити женщин и детей.

В отличие от Тоу-самы, юный Катакури не нуждался в повторении.

— Да, Мацуда-доно, — он поклонился и повернулся бежать по горе.

И фосьяки напали на них.

В этот раз Мамору не застыл. Что-то в нем зачерствело, когда жизнь покинула Юкиносэнсея — словно кусочек спокойной ньямы мечника перешел в него. Его клинок уже вкусил кровь. Теперь он знал чувство, движения давались проще. Первый фосьяка поймал его катану животом, развалился на два куска. Второй мудро отпрянул от оружия Мамору, отвел руку для атаки. Слишком медленно. Мамору бросил ледяной снаряд в его горло.

Еще два фосьяки выстрелили воздухом в него одновременно. Он отскочил от одной атаки, но другая попала в его грудь, выбила дыхание из его тела. Он пошатнулся, и один из врагов использовал момент и бросился, чтобы схватить его за ведущую руку, обездвигит ее железной хваткой.

«Умный ход», — с горечью подумал Мамору. Он был быстрее, но не сильнее, он не мог вырваться из хватки взрослого солдата.

Фосьяка отвел меч для убийственного удара. Даже если бы Мамору хватало сил, чтобы биться с взрослым теонитом, он не успел бы высвободить ведущую руку. Но он всегда мог перекрыть нехватку силы скоростью.

Мужчина не успел закончить взмах, Мамору вонзил костяшки во лбу в его лицо. Удар был для отвлечения. Он не сломал фосьяке нос, даже хватка не ослабла. Но у Мамору появился миг, чтобы притянуть молекулы воды вокруг.

Вода собралась в его левой ладони, стала оружием, отражением металлического в правой руке. И Мамору взмахнул оружием. Это был не Шепчущий Клинок, Мамору это знал. Его лед был недостаточно острым, чтобы разрезать сталь, но он ощутил хищный трепет гордости, когда он оказался достаточно острым, чтобы резать мышцы человека. Фосьяка завизжал, выронил меч, кровь брызнула из его плеча. Но он не отпустил правую руку Мамору.

Мамору поднял ногу и пнул истекающего кровью мужчину в живот, сбивая его. Хватка фосьяки была такой упрямой, что он вырвал катану Мамору из его руки, падая. Это было не важно. Правая ладонь Мамору инстинктивно присоединилась к левой на рукояти ледяного меча, он бросился вперед и вспорол горло мужчины.

Следующий солдат напал, подняв меч, Мамору взглянул на свою стальную катану, лежащую в баунде от него в снегу. Он мог успеть забрать ее... но он ощущал себя сильным в пылу боя. Может... Он повернул ледяной меч, чтобы остановить металлический клинок фосьяки. Удар послал шок по рукам.

Оба клинка сломались.

«Не совсем, — Мамору недовольно скрипнул зубами. — Еще не так хорош», — фосьяка был так удивлен, что его сталь сломалась, что не смог защититься, лед Мамору изменил форму и вонзился в его грудь.

Исполнив приказ, Мамору повернулся помочь дяде, но помочь было не с чем. Дюжина солдат в желтом лежала у ног дяди Такаши. Стоял только фосьяка в черной форме, и он вряд ли будет стоять долго. Его левая ладонь крепко сжимала рукоять меча ранганийца с широким клинком, но правая была рассечена до кости, кровь лилась. Дядя Такаши сможет добить его одним ударом.

Но главе Мацуда было тяжело шагнуть вперед и взмахнуть катаной. Когда он сделал это, удар был слабым. Раненый фосьяка смог остановить его мечом в левой ладони. Нагимару скрежетал об ранганийский меч, впился в плечо фосьяки. С первобытным ревом дядя Такаши повернул Намимару в левой ладони и вонзил клинок меньше в живот солдата.

Воздух извивался, фосьяка дернулся, рыча, ударяя по дяде Такаши с поразительной силой для умирающего теонита. Сталь задела руку дяди Такаши, и он отпрянул, вырвал свои мечи и покончил с жизнью фосьяки с фонтаном крови.

Рана на плече дяди Такаши была мелкой, но, когда он отшатнулся, Мамору понял, почему его движения были медленными. В тумане свежей крови Мамору не ощутил ее, но теперь видел глубокую рану вдоль торса дяди Такаши, от левого плеча до правого бедра. Оттуда лилась кровь.

— Знаешь... — дядя Такаши улыбнулся сквозь зубы, его темно-синее кимоно становилось темно-красным. — Я еще не бился с двойным мастером. Мерзавец поймал меня, да?

— Дядя! — Мамору быстро стряхнул кровь со своего меча, убрал оружие в ножны и побежал вперед. Он добрался до дяди, когда он пошатнулся и упал на него.

— Я в порядке, — возразил дядя Такаши, когда племянник поймал его, но он повис на левом плече Мамору, не подтверждая эти слова.

Дядя Такаши все еще бормотал бред про неглубокий порез, но Мамору знал, что нужно было что-то делать. Извиняясь, он раскрыл кимоно дяди и надавил на рану. Он скривился, его ладони скользили на крови, и рукава кимоно быстро промокли. Он не мог только ладонями заткнуть течение. И Мамору понял, что придется снова послушаться мать.

Он судорожно вдохнул.

— Не будь девчонкой, Мамору, — фыркнул дядя Такаши, но говорил невнятно, словно выпил слишком много сакэ. — Это немного крови.

Мамору не хотел спорить, только кинул.

— Конечно, дядя. Прошу... не шевелись.

Он взмахнул ладонью, вытянул излишки крови из груди дяди Такаши. Так много. Слишком много. Но он не мог сейчас думать об этом. Ладони замерли над самой глубокой частью раны, он сосредоточился на руках.

— Что ты делаешь, мальчик?

У Мамору не было времени отвечать. Он никогда еще не стучал так много крови сразу.

Это поглотило всю его концентрацию. Дядя Такаши притих на миг, но ощущал, как джийя Мамору пыталась остановить кровь, покидающую его грудь.

— Где ты научился так делать? — растерянно спросил он.

Мамору не ответил бы, даже если бы мог. Он обещал Каа-чан, что никогда...

— Мисаки, — шепнул дядя Такаши, сделав логичный вывод самостоятельно. Мацуда и Юкино не управляли кровью. Только Каа-чан могла его научить. — Странная мелкая женщина. Думаю... я хотел бы узнать ее лучше.

Мамору зажмурился, не слушал бормотание дяди, как и остальной мир, пытаясь управлять кровью под ладонями. Это отличалось от корки на разбитых костяшках или порезах на ногах Чоль-хи. Мамору еще не сталкивался с кровью, которая боролась с его джийей, желая покинуть тело. Меч фоньяки задел главный кровеносный сосуд рядом с сердцем дяди Такаши. Пытаясь остановить течение крови, Мамору боролся с пульсом силы дяди, и он проигрывал в этом бою.

— Прости, — Мамору открыл глаза, зная, что слабая корка на ране не удержится. — Я не могу это сделать. Я недостаточно сильный. Прости.

Нагимару упал в снег рядом с ним, Мамору удивился, когда ладонь дяди Такаши легла на его голову.

— Ты можешь, — очень тихо прошептал он. — Ты слишком много переживаешь, Такеру-кун.

— Я не... — Мамору умолк, что-то желтое мелькнуло сбоку, внизу горы. — О, нет.

— В нашу сторону шло больше, да? — дядя Такаши звучал спокойно.

— Да, дядя.

— Хм, — выдохнул мужчина. — Видишь, сколько?

— Я... вроде, двадцать? Может, больше.

Юкино-сэнсей и Тоу-сама были джиджаками с сильным чутьем. Без них Мамору и его раненый дядя были слепыми относительно горы вокруг них.

— Хорошо. Больше двадцати, — сказал Мамору, группа стала ближе.

— Я так и думал, — дядя Такаши склонился, поднял Нагимару, кровь брызнула из слабого места в корке на его сердце. — В этот раз я попытаюсь оставить тебе несколько, малыш. Но не обещаю.

Мамору вытащил меч из ножен, но не успел занять место рядом с дядей, пронзительный звук донесся с нижней части горы. Вопли. Мамору и его дядя резко подняли головы. Это были не боевые кличи, понял Мамору в страхе. Это были крики ужаса, крики женщин и детей. Звук был слишком близко, чтобы доноситься из главной деревни, но...

— Кузнецы! — охнул Мамору.

Как? Ранганийцы прошли мимо них в хаосе, пока Мамору сидел у тела Юкино-сэнсея? Или они прошли к деревне нуму с западного перехода, пробив там линию? Не важно. Кузнецы были в опасности.

— Иди, — дядя Такаши кивнул в сторону деревни нуму, где столбы дыма поднимались в темнеющее небо.

— Но... — Мамору перевел взгляд с дыма на бегущих ранганийцев. Волна солдат будет тут через сиру. Без Тоу-самы дядя Такаши не мог сделать ледяного дракона, и он потерял так много крови...

— Защищай кузнецов, — сказал дядя Такаши. — Я заставлю их ряды поредеть для тебя. «Поредеть?».

— Дядя...

— Эй! — дядя Такаши схватил Мамору за лицо, хватка послала вспышку боли через его рот — напоминание, что один из зубов был выбит. — Не переживай за меня. Это не твое место. Эти нуму под твоей защитой. Ты им нужен! — он толкнул Мамору. — Иди!

— Да, сэр, — ноги Мамору послушно стали двигаться, он побежал. Эгоистичная часть него была рада, что он не успел поклониться или пожелать ньямы дяде. Если бы он задержался еще миг, пришлось бы признать ужасную правду, висящую в воздухе.

Он бросал дядю умирать.

ГЛАВА 15: УБИЙЦЫ

Ранганийцы замерли на пороге дома Мацуда, глядя на Мисаки настороженно или с изумлением. Была бы она мужчиной или крупной женщиной, они напали бы сразу, но они задержались, растерявшись при виде крохотной домохозяйки перед ними. Коридор был слишком узким, чтобы вместить их четверых плечом к плечу. Кто-то должен был сделать первый ход. Ее жертва шагнула вперед, обрекая себя.

Он был средних лет — под сорок — но носил цвета солдата низкого ранга. Он не был умелым или сильным, раз так долго продержался без повышения. По взгляду на его лицо Мисаки смогла увидеть его насквозь, внутренние механизмы, которые им двигали. Этот мужчина был неуверенным, думал, что был сильнее беззащитной домохозяйки.

Робин увидел бы человечность в такой жестокости, даже если бы это навредило ему. Он искал бы способ сделать этого мужчину лучше. Мисаки видела только глазницы, горло, чувствительный пах — сто точек для атаки.

Она не стала расправлять плечи, когда фосьяка начал приближаться, а сжалась. Бросила приманку в воду перед глупой рыбой. Он улыбнулся — улыбка слабого мужчины, видящего редкий шанс ощутить силу.

— Не бейте, — заскулила она на диалекте Широждимы. Она могла сказать это на языке Ранги, но зачем показывать, что она знает их язык? Зачем давать им увидеть ее раньше, чем будет слишком поздно? — Прошу, не бейте.

Мужчина сократил расстояние между ними с голодом в глазах. Мисаки ждала, пока он не окажется почти на ней, а потом выбрала простую точку для атаки. Зачем тратить лучшие материалы на этого идиота? Она пнула его в пах. Фосьяка охнул и согнулся.

Удар не был обездвиживающим, но дал ей мгновение, чтобы собрать лед на кончиках пальцев. Мужчина не успел выпрямиться, она поймала его за горло. Ладони Мисаки были изящными, сама хватка не была опасной. Потому что она много времени и тренировок потратила на когти. Эти люди или ее дети. Робин простил бы ее. Пять ногтей изо льда впились в шею мужчины.

Его глаза расширились от шока. Он открыл рот, словно хотел закричать, кровь бурлила на его губах, стекала по подбородку. Согнув пальцы, насколько удалось, Мисаки вырвала ладонь. Ее пальцы порвали его трахею.

Она была убийцей.

Оставшиеся выругались в тревоге, когда их товарищ упал, но Мисаки не дала им время оценить ситуацию. Тело еще не упало на пол, она уже побежала босыми ногами к ближайшему солдату. Она ускорила, сосредоточилась на лице мишени, читая выражение его лица. Он повелся. Он думал, что она глупо бросится на него.

Он с уверенным видом отвел руку и выбросил ее вперед. Фосья еще не сорвалась вспышкой с его ладони, Мисаки прыгнула вправо и побежала по стене. Мисаки не узнала,

могли ли ее ноги донести ее до конца старого маневра. Ветер толкнул ее тело, задев краем атаки, бросил ее на ноги за фونهاкой. Поняв ошибку, солдат стал поворачиваться, но это было слишком поздно. Сираденья покинула ножны. Один удар рассек его позвоночник.

В том же повороте Мисаки ударила по следующему солдату. В паре шагов за товарищем, он даже не увидел, что случилось, и Дочь Тени отделила его торс от ног.

Еще один.

Мисаки сделала выпад, но последний был юным и быстрым, и он отпрянул. Он с опаской окинул ее взглядом, отметил ее позу, оценил ее. Она не могла этого позволить такое, так что наступала, черный клинок сверкнул во второй атаке, чтобы загнать его к стене и в угол.

Он снова уклонился, отпрянул в гэнкан и отчасти за дверь. Умный. Агрессивной части Мисаки хотелось пойти за ним, но она знала, что, если позволит ему биться снаружи, на открытой земле, она погибнет. Вместо этого она прыгнула вправо, в боковой коридор, пропав.

Коридор без окон был таким темным, что напоминал переулок в Ливингстоне, и он таким и останется. Мисаки создала кусок льда на включателе. Она бежала, открыла все двери, покрыла рамы льдом. А потом прижалась к стене, растаяв в тени, и ждал.

Солдат пошёл осторожно по коридору. Если бы он был умным, он слушал бы, раскрыв ладони, пытаясь уловить ее дыхание. Но Мисаки могла задерживать дыхание надолго. Тьма ставила фونهاку в невыгодное положение: хоть они хорошо слышали, фونهاки не ощущали жар человека или течение крови, так что не могли заметить достаточно тихого противника. Мисаки ощущала каждое вздрагивание жертвы, пока он подходил — пульс артерий, капилляров, спинномозговой жидкости.

Фونهاка приблизился к ней, Мисаки тряхнула пальцами, используя лед на одной из рам, чтобы захлопнуть двери. Мужчина тут же повернулся на звук, встал спиной к ней.

Мисаки вылетела из тени и ударила.

Хруст, сдавленный звук удивления — Сираденья попала в цель. Фونهاка не долго страдал от боли. Тьма давала атаками Мисаки несравненную точность. Без отвлечения на одежду, кожу и другие видимые черты она могла бить по конкретной части человека. Кости остановили бы меч слабее, но Сираденья прошла к сердцу юноши.

Мисаки вытащила клинок из груди солдата, кровь полилась на пол, он упал. Она стояла миг, впитывая ощущение. Она всегда гадала, как ощущалось, когда пронзаешь кого-то в сердце, но это... разочаровывало.

Она почему-то решила, что убийство — это тяжело. Но это было не так. Когда ты привык рассекать связки, было легко разрезать человека пополам. Когда тренировался бить по главным артериям, конечно, пронзить орган было просто. С клинком как Сираденья убийство было легче, чем не убийство. Она должна была это понять, но она не могла объяснить пустоту, вдруг охватившую ее.

Линия между раной и убийством была четкой, не подлежащей обсуждению, с Робинотом и Эллином. Но Мисаки пересекла линию, не ощутив сопротивления. Она хотела, чтобы сопротивление было. Глубоко в сердце она надеялась, что в ней было что-то от Робина.

Кровь юноши текла из его тела, добралась до голых пальцев ее ног, все еще зловеще теплая, хотя жизни там уже не было. Он был чьим-то сыном. Почему она ничего не могла ощутить? Как мать, как женщина, как человек — как она могла ничего не ощущать?

Она свободной рукой невольно коснулась талии.

Как она могла?

Шорох из коридора привлек внимание Мисаки. Она убрала руку с живота, сжала Дочь Тени, приветствуя пустоту. Она не оставляла места для страха в бою с новыми жертвами. Трое фоньяк в желтом появились в доме.

И на миг Мисаки дала себе порадоваться тому, какой она была. Леди не могла бы отрезать ноги мужчине, вонзить клинок в его рот, открытый для крика. Мать не могла отрубить голову девушке. Человек не отворачивался бы от трупов без капли вины.

Хорошо, что она была монстром.

Третий солдат смог задеть вспышкой фоньи руку Мисаки, выбивая Дочь Тени из ее ладони. В Ливингстоне у нее были кинжалы на случай, если ее обезоружат.

«Но самое лучшее скрытое оружие не это, — сказал Коли, поднимая ножи. — Это твоя гениальность... и жестокость».

Схватив из волос одну из длинных шпилек, она бросилась к последнему фоньяке. Он направил ладонь, но она уклонилась и вонзила заколку в его шею, погрузила украшение до цветка на конце. Он подавился, кровь полилась изо рта. Он схватился за горло. Не желая, чтобы он страдал дольше, чем нужно, Мисаки ввезила палец с сосредоточенной джийей в его глаз. Кровавая Игла пронзила его мозг, убивая его мгновенно.

Она выдохнула, тело мужчины рухнуло на пол. Он дернулся и застыл, кровь лилась из его шеи и глаза на цветы на заколке Мисаки. Как вся работа Котецу Тамами, украшение было шедевром, нежная композиция из жемчуга и розовых лакированных цветов. Кровь текла между лепестками, подчеркивая красоту деталей, через миг красное поглотило их.

Волосы Мисаки вырвались из плотного пучка, упали на ее шею, и она поняла, как вспотела. В Ливингстоне семь врагов были для нее разминкой. Теперь она дышала так, словно оббежала город.

Пытаясь игнорировать жжение в мышцах, растущее покалывание в боку, она пробралась среди трупов к Сираденье. Она настороженно смотрела на сломанные двери, стряхивая кровь с меча, но новые солдаты не появились. Она прижала Сираденью к левым костяшкам, чтобы вернуть оружие в ножны, когда воздух пошевелил ее распущенные волосы. Она замерла. Фонья. Сильная фонья. Она вернула обе руки на рукоять меча, пара фигур в форме появилась на пороге.

— О, сюрю, — сердце Мисаки сжалось.

Эти солдаты были в черном.

МАМОРУ

Мамору еще никогда так быстро не бегал. Он не успел выбрать самый простой путь по камням в снегу, так что поступил как отец, создавал себе ступени изо льда, пока бежал. Спеша попасть в деревню кузнецов, он чуть не споткнулся об тело, лежащее на пути.

Катакури Хакузора. Мертвый в снегу.

На пути в старую деревню лучник, видимо, услышал крики или увидел дым, сделал петлю, чтобы помочь кузнецам. Лук лежал рядом с ним, разбитый, глаза чуть щурились, застыв, словно он целился, когда умер.

Не было времени замирать и горевать. Мамору уже сделал так с телом Юкино-сэнсея. Скорее всего, тогда фоньяки пробились в деревню нуму — пока Мамору сидел на коленях и рыдал, как ребенок. Упав на колено, Мамору взял Катакури за руку, опустил его ладонь на лук, где ей было место.

— Ньяма твоей душе, сэнпай, — шепнул он, вскочил и побежал.

Он приближался к деревне нуму, Мамору ощутил во второй раз за день, что его кожа могла оторваться — но в этот раз не от ветра, а от жара. Он привык к далекому теплу печей, как жар рос, пока он приближался к деревушке, но волны воздуха, сухого от огня, ударили по нему и были жарче, чем должны быть.

Он перепрыгнул последний холм, врезался в стену жара, такого сильного, что это могло отбросить его в склон. Он знал по огромным столбам дыма, что что-то горело, но ничто не готовило его к пожару перед ним. Он застыл на миг, глядя в ужасе, а дым лишал его дыхания, жар забирал влагу из его кожи.

— Огонь — как зверь, — всегда говорил ему Котецу Кама. — Если его кормить, заботиться о нем, он не укусит тебя.

Первые несколько раз, когда мастер-кузнец давал ему развести огонь, Мамору случайно тушил его, когда его джийя реагировала на жар.

— Тише, коро, — рявкнул Котецу, шлепнув щипцами по его ладони. — Это не бой, ясно?

— Да, Кама, — Мамору потер костяшки, убрал влагу из хвоста, который облил, взял кремень, чтобы начать заново. Но каждый раз, когда появлялся огонь, джийя Мамору сама поднималась — как вода, стремящаяся заполнить место камня, когда он падал в пруд.

— Чего ты боишься? — спросил Котецу, когда Мамору не справился в четвертый раз.

— Я не... — Мамору пытался возразить. Коро не признавался в страхе, но он замолк от понимающего взгляда наставника. — Просто... разве Ад не из огня?

— Не только огня. В Аду есть и кипящие моря, — отметил Котецу.

— О, — Мамору не подумал об этом. — Я не...

— Ты не понимаешь порядок мира. Ад — огонь без успокаивающего влияния Наги и Нами. Огонь без силы богов, уравнивающей его. А что такое наша джийя?

— Сила богов, — сказал Мамору.

— Я знаю, вы, коро, показываете отношения между противоположностями как конфликт, — сказал Котецу, вытаскивая из углей сияющий кусочек раскаленного металла. — Огонь против воды, свет против тьмы, день против ночи, но тот, кто надеется создавать, должен понимать, что противоположности уравнивают и дополняют друг друга. Потому после прилива с луной приходит жаркое солнце, день — за ночью, а мужчины женятся на женщинах. Я верю, что потому две великие империи — Ямма, построенная на силе огня, и наша Кайген, построенная на силе воды. Они существуют в этом мире не для того, чтобы уничтожать друг друга, а чтобы создать равновесие между джийя и тайя.

Он брызнул на раскаленный металл водой.

— В этом равновесии создание, — пар зашипел на металле, рассеялся, и стало видно сплетенных змей, которые позже стали гардой меча Мамору. — Как воину, изучающему искусство нуму, тебе важно это понять.

— А фонья? — спросил Мамору, глядя на змей, которые были из разных металлов, но сплетенных плотно вместе. — Фины говорят, что фоньяки родились из океана, как наши предки. Они тоже были рождены от богов.

Котецу издал задумчивый звук.

— Думаю, фоньяки... какой бы ни была их сила, такого типа не должно быть. Не на Дюне.

— Не понимаю.

— Из того, что я знаю о ветре — что он делает с огнем, океанами и империями — я бы

сказал, что фонья — сила хаоса. Любой с силой ветра, понимает он или нет, является демоном.

Мамору не понимал тогда логику наставника. Фоньяки управляли воздухом, важной частью воды и огня. Котецу учил Мамору использовать мехи, чтобы огонь насыщался кислородом. Каждый живой человек, включая джиджак и таджак, дышал воздухом, чтобы выжить. Он не понимал, как что-то такое важное для всей жизни в Дюне могло быть силой Ада.

Теперь он понял.

Фоньяки не могли попасть сюда раньше пары сирану назад, но деревня кузнецов уже горела. Печи были разбиты, но огонь не мог растянуться так быстро и стать таким высоким без ветра. Мамору узнал, что огонь, как зверь, мог быть приручен джийей, но этот огонь был неуправляемым — перекормленным зверем, доведенным до гнева, обрушившимся на его хранителей.

Эта сила разбивала порядок мира, разбила колонии Яммы на Наминдугу, порвала империю Кайген надвое... Это была сила хаоса.

Со страхом Мамору вспомнил, что дядя Такаши приказал нуму оставаться в домах. Он гадал, сколько из них смогло убежать от огня, и сколько из них спаслось от врагов.

Он попытался побежать к дому Котецу, но, когда приблизился к ближайшему зданию, огонь прыгнул на него, как голодный демон, ударил по его коже, испаряя единственное средство защиты. Мамору поднял джийю и бросил снег в огонь, пока бежал вперед, пытаясь найти путь через огонь. Без толку. Почти все, что он бросил, испарилось с шипением. Дракон Мацуда не смог бы одолеть это существо. Мамору пришлось вернуться и побежать вокруг огня.

Он мог теперь только найти выживших и увести их. Он побежал в часть деревни, где пожар был слабее, звук привлек его внимание. Плач. Рыдание оборвалось резко с хрустом кости. Он обогнул горящий дом, увидел солдата Ранги, стоящего над женщиной на земле. Ее лицо было в крови, Мамору не сразу узнал Котецу Саори, одну из кузин Котецу Камы. Она лакировала ножны. Она больше года продумывала шкатулку его матери, придумывая каждую деталь.

Сапог фоньяки был на ее шее. Не заметив Мамору, он поднял ногу, чтобы наступить снова.

Мамору еще никогда не создавал и не стрелял копьём так быстро. Вода прыгнула раньше, чем его мысли стали четкими, превратилась в атаку, ведомую чистым гневом. Фоньяка едва успел поднять голову, и его грудь пробило. Ледяной снаряд торчал из спины солдата. Мамору побежал вперед.

— Котецу-сан! — он упал на колени рядом с женщиной, коснулся ее плеча. — Котецу-сан, вы слышите меня? — но кровь в ее венах замедлилась. Ее ньяма не двигалась. Она умерла.

Ее дочь лежала в баунде от нее, выгнутая под ужасным углом, сломанная. Дальше на вытопанной тропе, идущей через центр деревни, были другие тела — большие и маленькие, мужчин и женщин. Старшая дочь Котецу Саори, Касуми, лежала мертвой рядом с крохотным телом. Ее сыном. Мальшом. Не старше крохи Изумо.

Пару сирану назад Мамору не думал, что было что-то хуже неподвижных пальцев и разбитого черепа учителя. Но Юкино-сэнсей был воином. Он жил, чтобы биться. Одно дело — убить коро, который бился с гордостью и решимостью. Но смерть в бою не имела

значения для нуму. Это было немислимо. Непростительно.

Рядом с Мамору фоньяка дергался на земле, кашляя кровью. Еще не мертвый. Гнев наполнил Мамору, он обрушил меч на открытое горло мужчины. Неправильный угол и неловкая техника заставили клинок застрять в позвоночнике фоньяки. Мамору вырвал меч с рычанием и встал.

Он мгновение ощущал сильное желание поднять ногу и наступить на фоньяку, ощутить, как его тело сломается под его пяткой. Сокрушить его. Сломать, как женщины и дети, которых он убил.

Но в деревне было больше нуму, и если хоть один еще дышал, Мамору должен был его защитить. Сжав кулаки, он перешагнул труп фоньяки и пошел искать выживших. Он разглядывал каждый кусок, пока шел, но не видел движения, кроме жуткого трепета огня. Ранганийцы были тут, ушли, убедившись, что жертвы умерли. Убийца Котецу Саори, видимо, отстал.

На середине деревни Мамору столкнулся с толстой стеной льда. Она почти растаяла, но смогла отогнать огонь от восточных домов деревни. Мамору скользнул ладонью по льду, с которого стекала вода, и облегчение хлынуло на его опаленные нервы. Он знал этот лед, узнал прочную структуру. Обойдя край стены, он нашел движение человека в обломках. Он улыбнулся от радости, узнав испачканное сажей лицо наставника.

— Котецу Кама! — его голос дрогнул. — Вы живы!

Ледяная стена не пускала огонь к деревянному дому Котецу, но фоньяки разбили строение, превратив его в груды обломков.

— Мацуда-доно, — кузнец поднял голову, когда Мамору подбежал. — Ты должен мне помочь!

— Что такое? — спросил Мамору.

— Мой сын, — обычно уверенные руки Котецу дрожали, и Мамору понял, что они были в крови от копания обломках. — Ацуши под домом.

— А остальная семья? — спросил Мамору.

Котецу Кама сглотнул.

— О-они... — Мамору еще не слышал, чтобы Котецу не мог совладать с голосом. — Малыши смогли выползти и убежать... — он сглотнул. — Когда солдаты ушли. Думаю, они добрались до убежища.

— А ваша жена? — спросил Мамору. — Ваша мать?

Котецу покачал головой.

— Это было так просто. Их было несколько, но они вывели огонь из печей. Люди побежали из домов, и они убили их. Каа-сан знала. Она сказала нам не оставаться внутри с самого начала... — он прижал ладонь к глазам. Мамору еще не видел наставника таким, как мужа и сына, который ощущал потерю.

— Котецу Кама, — Мамору не знал, как сдержал дрожь в голосе. — Вам нужно уходить отсюда. На гору идет больше ранганийцев. Дядя Такаши сказал, что удержит их, но я не знаю, надолго ли...

— Я не уйду без сына.

Мамору хотел кивнуть с согласием. Что-то в нем не хотело, чтобы Котецу уходил. Нуму всегда был источником покоя и советов, но он был кузнецом. Он не мог остановить угрозу, идущую по горе, и это был не его долг, а Мамору.

— Я защищу вашего сына, — пообещал Мамору. — Но мне нужно, чтобы вы ушли из

опасности. Я — один боец. Я не знаю, смогу ли защитить вас обоих сразу.

— Ты не один, — сказал Котецу.

— Юкино и Мизумаки погибли. Мой отец был послан в главную деревню защищать женщин и детей, а мой дядя... — Мамору не понимал, откуда вдруг узнал. — Мой дядя мертв, — тихо сказал он.

— Что? — поражение на лице Котецу напомнило Мамору, что кузнец когда-то помогал юному Такаши учиться у печи. Они дружили с детства. — Он не может...

Несмотря на отрицание Котецу, Мамору знал. Он не понимал, как. Может, уверенность пришла от подсознательного ощущения ньямы вокруг него. Может, дело было в логике, ведь дядя Такаши потерял много крови, бился с множеством врагов уже долго.

— Ранганийцы вот-вот будут тут, — сказал он Котецу с тревогой. — Вам нужно уйти, пока они не прибыли. Я позабочусь об Ацуши. Идите!

— Но...

— Слушайте! — заорал Мамору, удивляясь силе своего голоса.

У печи он был учеником Котецу, но печи пропали. Деревня стала полем боя, а на поле боя приказ коро был важнее.

Котецу медлил миг, глядя на Мамору, словно видел его впервые.

— Ты — хороший коро, Мацуда Мамору, — он опустил голову, принимая приказ. — Я оставляю своего сына тебе.

Мамору кивнул, тихо принимая ответственность.

— Ньяма тебе, Мацуда-доно, — сказал Котецу и побежал вверх по горе.

Мамору тут же упал на четвереньки и посмотрел во тьму под обломками.

— Ацуши-кун? — позвал он друга. Его голос дрогнул, но он подавил дрожь с улыбкой. — Ацуши-кун? — голос стал сильнее, увереннее. — Ты меня слышишь?

Он не различил слова, но уловил приглушенный ответ под кусками дерева и камня. Ветер бросал огонь на стену льда Котецу. Фоньяки почти добрались до них.

— Держись, ладно? Я вытащу тебя, но сначала нужно убрать фоньяк. Потерпи.

Сжав меч, Мамору побежал к краю деревни, далеко от огня, где он мог встретить врагов с полной силой своей джийя. Если и была надежда, что его дядя выжил и поможет ему, она пропала, когда он добрался до холма с видом на южный переход.

Он всегда слышал, что ньяма теонита творила странно в момент смерти. Он ощущал, как воздух содрогался, когда он убил фоньяк, но жуткий вид внизу отличался от всего, о чем он слышал.

Казалось, каждая капля богоподобной ньямы дяди Такаши стала льдом в конце в последней атаке. Формация не была в форме катаны или дракона, это было что-то первобытное.

Взрывной в жизни, Мацуда Такаши стал взрывом в смерти, замерзшие ветки и мечи торчали из его тела во все стороны — кристаллы льда с венами крови. Фоньяки, которые не успели отскочить, были пронзены в конечности, груди и животы силой его умирающей джийи. Некоторые оказались высоко в воздухе, создавая дерево трупов, мерцающее красным в закате.

Те, кто пережил резню, бежали по склону к Мамору.

Медленно вдохнув, Мамору поднял меч. Ацуши и Котецу Кама были за ним, надеялись, что он защитит их. Дальше его мать и отец рассчитывали на него. За этой горой рыбаки островов Широждима и фермеры Ювея и Хакудао полагались на него. Его Империя

рассчитывала на него.

Он считал врагов — один, два, три, четыре, пять фосьяк — несущихся по склону. Любoй солдат, который пробежит мимо, убьет Котецу Кама на тропе. Они убьют и Ацуши, если найдет его, а потом пойдут к главной деревне, чтобы убить больше. И после этого, когда все в Такаюби будут мертвы, эти солдаты устремятся на континент, неся эту судьбу сотням людей.

Если только Меч Кайгена не послужит цели.

«Я это сделаю».

Решив так, Мамору будто стал легче, ощущая новую энергию. Юкино-сэнсей отдал жизнь, чтобы он мог сражаться, и дядя Такаши в последние мгновения облегчил ему работу. Их сила была в его теле, текла из его сердца по венам. Больше не было смятения или сложных выборов. Было лишь то, для чего Мамору готовили с тех пор, как он мог держать тренировочный меч — броситься по горе к врагам и убить.

Убить.

Убить.

ГЛАВА 16: ДУША

Во второй раз за день Мисаки отпрянула от ранганийцев на пороге, но в этот раз страх не был игрой. Даже на пике она не мечтала бы бросить вызов особым силам Ранги. Теперь она столкнулась с двумя.

Высокий мужчина со шрамами от шрапнели на половине лица явно уже бывал в боях. У женщины ниже него были ноги, за какие Мисаки убила бы, когда была в Рассвете — длинные и хорошо сложенные. Фосьяки, казалось, были без оружия, но Мисаки заметила за поясом женщины пару странных прямых ножей. Нет, не ножей, поняла Мисаки. Вееров.

Мисаки когда-то смеялась над Я-ли, бьющейся сложенным веером, но она умолкла, увидев, как умелые движения могли веером усиливать фосью, удваивая радиус и силу. Для джиджаки веер был аристократичным украшением в паре с чернильными камнями и ароматизованной бумагой. Для умелого фосьяки это была разница между сильной атакой и разрушительной.

Ранганийцы в черном шагнули вперед, и Мисаки отпрянула. По фосье, исходящей от них, и сильной грации движений она поняла, что битва с ними не была вариантом. Она могла только попытаться увести их от подвала, где пряталась ее семья.

Мисаки повернулась и нырнула в ближайший коридор. Фосьяка бросилась за ней, догоняла с жуткой скоростью. Проклятые ноги. Мужчина пробил стену, чтобы остановить ее отступление. Мисаки застыла, сердце колотилось, она была в ловушке меж двух бойцов куда сильнее, чем она. Мужчина грозно шагнул к ней, женщина вытащила веера из-за пояса.

Быстро соображая, Мисаки втянула всю воду, какую могла, из воздуха вокруг. Она подняла жидкость по бокам, словно собиралась создать ледяные щиты, словно ей хватило бы сил, чтобы выстоять то, что они бросят в нее. Женщина фыркнула, презрительно смеясь. Один из ее вееров открылся и ударил.

Мисаки не удерживала защиту, а отпустила ее. Вода рухнула, как и она, прижалась к полу. Было время, когда она могла рухнуть легко, но теперь мышцы ныли, бедро пылало, но она оказалась ниже траектории давящего воздуха.

Мужчина смог бы увернуться от атаки фосьяки, был бы он в открытом бою, но вода Мисаки помешала ему увидеть женщину с веером, пока не стало поздно. Волна усиленной фосьи врезалась в его тело с полной силой, вбивая его в ближайшую стену. Судя по хрусту,

он пробил еще две стены после этой.

— *Айя!* — в тревоге вскрикнула женщина-фоньяка.

Мисаки хотела использовать удивление и тревогу врага, чтобы сократить расстояние между ними, но боль в бедре сказала ей, что это будет невозможно. Вместо этого она ударила хлыстом из воды со льдом по лодыжкам женщины.

Слишком медленно. Фоньяка двигалась легко, перепрыгнула атаку. Ветер усилил ее прыжок, она понеслась к Мисаки. Длинная нога взлетела к потолку и обрушилась пяткой вперед, как молот.

Дни гибкости и ловкости Мисаки прошли, ей пришлось неуклюже броситься в сторону от атаки. Удар обрушился с жуткой силой, разбивая дерево, сотрясая дом. Если бы нога женщины не пробила доски, Мисаки не выжила бы в следующие мгновения. Пока женщина вытаскивала ногу из досок, Мисаки смогла занять стойку. Даже так она едва успела уклониться от следующей атаки. Веера задела рукав, порвали синюю ткань.

Фоньяка взмахнула, промазав, Мисаки повернула тело для атаки, целясь в артерию под вытянутой рукой женщины. Но женщина не отпрянула, а повернулась дальше после атаки. Ее тело повернулось раньше, чем меч достиг ее, цель Мисаки сдвинулась.

Атака Мисаки задела спину формы элиты, не попав по плоти, но в этом была красота маленького меча, как Сираденья: она могла быстро менять направление. Едва атака Мисаки промазала, она повернула меч для атаки по шее врага.

Женщина завершила кружение, закрытый веер врезался в Сираденью, сбивая меч с курса. Мисаки притянула Дочь Тени к бедру, фоньяка сделала так с закрытым веером. В жутком зеркальном движении обе женщины оттолкнулись ногой для выпада.

«Дурочка», — подумала Мисаки, юная противница почти разочаровала ее. Фоньяка была быстрой и сильной, но это было не важно — Сираденья била дальше веера, ранганийка не могла попасть первой. Сираденья устремилась к груди жертвы, мимо черной формы с пуговицами, мимо груди к бьющемуся сердцу.

Но, спеша закончить бой, Мисаки забыла о втором веере. Он появился на пути, не дав ее мечу попасть в цель. Сираденья, конечно, рассекла тонкий металл, но удар был отклонен, не попал в сердце женщины, безвредно порвал ее рукав.

Мисаки решила освободить меч, но не успела поправить стойку для этого, веер закрылся, поймав клинок из зилазенского стекла в складках. Сжав закрытый веер, женщина выкрутила меч из руки Мисаки, отбросила оружие.

Когда она поняла, что ее обезоружили, Мисаки отпустила меч и изменила стойку, чтобы нацелить пальцы с Кровавой Иглой на шею женщины. Даже с брешью она все еще не была достаточно быстрой. Фоньяка отклонилась от атаки, легко притянула Мисаки к себе.

Против бойца крепче Мисаки попыталась бы расслабить мышцы и выскользнуть, но женщина была гибкой, и побег был как борьба с кольцами питона. Через миг Мисаки врезалась в деревянный пол, рука с болью выкрутилась за ней, колено вонзилось между ее лопаток. Пятнадцать лет назад она была бы с клинком изо льда на подошве, ударила бы женщину по лицу, но она знала, не пытаясь, что у нее уже не был гибкости в спине, чтобы этот удар сработал.

Женщина повернула вес на руке Мисаки, вызывая рев боли из горла Мисаки.

«Думай, Мисаки! Думай, пока рука не сломана!».

Эта фоньяка была умной. Она заметит движения в теле Мисаки или окружающей воде. К счастью, Кровавая Игла Цусано была не единственной иглой в арсенале Мисаки. Двумя

пальцами она собрала немного молекул воды в страйде от себя и фосьяки, крохотную версию ледяного копия, которое любили мужчины Такаюби.

Многие бойцы выбрали бы копье, а не иглу, но преимущество иглы было в том, что она могла пройти сквозь ткань, плоть или воздух незаметно, и таким мелким движением было просто управлять. Ранганийка не заметила, а вода Мисаки замерзла до твердого конца. Она давила на руку Мисаки. Боль росла, Мисаки махнула двумя пальцами, притягивая иглу изо льда к ним.

Вопль был ужасающим, и Мисаки поняла, что атака попала в глаз фосьяки. Змеиная хватка пропала, Мисаки вырвалась и поднялась на ноги.

Поразительно, фосьяка тоже смогла встать, прижимая ладонь к кровоточащему глазу. Ее крик боли стал гневным воплем, она бросилась к Мисаки. Оставшийся веер сверкнул, и, если бы зрение женщины не было повреждено, Мисаки разрезало бы на кусочки из-за крика и гнева атаки. А так она отразила несколько атак предплечьями, рукава были изорваны, кровь брызнула на пол.

Женщина отгоняла ее через коридор на кухню, и Мисаки знала, что нужно закончить, пока преимущество было у нее. Она взглянула туда, где они с Сецуко хранили ножи, но разум отменил мысль, не дав ей рискнуть на пути к шкафчику. Она не смогла убить женщину мечом из зилазенского стекла, что мог маленький кухонный нож? Даже раненая, эта женщина двигалась куда быстрее, чем она. Ей придется обездвижить ее, чтобы убить. Мисаки была почти без сил, ноги были готовы подкоситься, а ярость фосьяки делала ее все сильнее.

Отпрянув от безумного врага, Мисаки прижалась к стойке, закрыла собой рукомойник. Женщина взмахнула веером, выпустив вспышку фосьи, и Мисаки бросилась в сторону, воздух ударил по рукомойнику. Вода взорвалась в комнате из сломанного крана, брызнула в воздух и на пол.

Фосьяка удивленно завопила, брызги попали в здоровый глаз. Мисаки использовала миг слепоты женщины, двинулась вперед. Не доверяя дрожащим мышцам, она не стала исполнять сложные атаки, а бросилась всем телом. Женщина была так развита в плане мышц, что плечо Мисаки будто врезалось в камень, но ее удалось сбить с ног.

Женщины рухнули на пол, вода растеклась под ними, сыпалась сверху. Мисаки не пыталась придавить женщину весом, а прижала ладони по бокам от жертвы, заставила утомленную джийю двигаться. Здоровый глаз фосьяки открылся, она крепче сжала веер, фосья закружилась с мстостью, но было слишком поздно. Бой был завершен.

Лед, с помощью которого Мисаки когда-то лазала по стенам, прекрасно сдерживал противника. Многие джиджаки собирали много воды, чтобы приморозить чье-то тело к месту, но Мисаки нужен был только тонкий слой. Едва они упали на мокрый пол, она приморозила волосы, кожу и форму фосьяки к половицам льдом, который мог удержать человека на стене небоскреба.

Мисаки смотрела, как здоровый глаз женщины расширился, она ощутила холод и поняла, что не могла двигаться. Ее лицо исказило рычание. Фосья трепала волосы и кимоно Мисаки, но конечности не могли придать силе направление, и ветер не атаковал.

Мисаки вытащила веер из пальцев правой руки женщины. Это был грязный способ казни, но ее мышцы и джийя так устали, что она не смогла бы создать копье изо льда, или встать и забрать Сираденью. Раскрыв веер, она попыталась удобнее сжать его левой рукой, правая рука была вывернута так, что она не доверяла ей для атаки.

— *Морской слизняк из Кайгена*, — процедила женщина, перейдя к расистским оскорблениям, как делали многие бойцы в поражении. Плохие бойцы. — *Ты жульничала.*

Мисаки возмущенно посмотрела на фоньяку.

— Попробуй биться честно, родив четверых, — выдавила она на диалекте Широждима, зная, что женщина не понимала ее.

Как только слова вылетели изо рта, она замерла и посмотрела на фоньяку. Она была младше Мисаки, но не так юна, чтобы не иметь детей... Она перестала бороться. Она лежала под Мисаки, только грудь вздымалась и опадала. Ее зубы были решительно сжаты. Это был взгляд женщины, готовящейся к смерти, она знала — всегда знала — куда ввязалась.

Если у нее были дети... она не должна была отправляться за океан, чтобы убить кого-то. Она сама была виновата.

Мисаки подняла веер для удара.

— *Ты держишь его неправильно.*

От неожиданных слов Мисаки замерла. Это было ошибкой.

В миг колебаний женщина двигалась. Звериный визг сотряс воздух, ее правая рука вырвалась из льда, оставив на полу рукав и почти всю кожу. От ужаса Мисаки поняла, что женщина готовилась не к смерти, а к худшей возможной боли.

Взревев в агонии, фоньяка сжала лицо Мисаки, пальцы были скользкими от крови. Мисаки попыталась отдернуть голову, но женщина была слишком сильной. Пальцы впились, раскрывая ее рот, и фоньяка потянула, но не за тело Мисаки, а за воздух в нем.

Дыхание лилось из легких Мисаки, голова кружилась, боль пронзила грудь, как ножи. Паника впилась, она поняла, что с ней происходило: *Лазо Лингун*, как звали это ранганийцы — Притяжение Души — техника рода, редкая, как Шепчущий Клинок, пугающая, как Кровавые кукловоды. Требовалось много сил, чтобы забрать воздух из тела другого теонита, но если тренироваться, некоторые так могли. И в гневе у этой женщины были силы.

Мисаки пыталась бороться, глубоко вдохнуть, но едва она сделала это, боль в груди чуть не отключила ее. Ее легкие вот-вот опустеют, станут смятой тканью. Она не могла убрать сильную ладонь с лица, ударила веером по горлу женщины. Кровь брызнула из шеи фоньяки, ее тело содрогалось в ледяной темнице.

Что ужасно, в смерти она только сильнее впилась, пуская кровь из щек Мисаки, и поток усилился. Казалось, душа фоньяки вонзила когти в Мисаки, погибая, пытаясь забрать ее с собой из мира живых.

Боль пронзала грудь Мисаки и бока, легкие не выдерживали. Ослепнув от паники, она ударила снова, вонзила веер в шею женщины так глубоко, что он застрял ее позвоночнике. Ладонь фоньяки замерла вокруг лица Мисаки, дернулась... и сползла.

«Слишком поздно, — мир Мисаки расплывался. — Слишком поздно», — ее ноющий рот широко открылся, но воздуха не было. Только удушающая тьма.

МАМОРУ

Мамору разобрался с пятью фоньяками так быстро, что это не казалось реальным. Так было у дяди Такаши? Он кружился, рассек двух солдат в желтом одной атакой. Если это ощущалось так приятно, то он был рад, что дядя умер в бою.

Тела падали на снег и замирали. Мамору стоял среди них, расправив плечи, тяжело дыша в смеси усталости и восторга. Убедившись, что по склону не шло еще больше врагов, он побежал к дому Котецу и стал разбирать завалы. Он тянулся джийей и вскоре нашел Ацуши.

— Мамо... Мацуда-доно! — голос мальчика был полон радости.

Ацуши всегда был быстр с джийей для нуму, и это спасло ему жизнь. Он остановил обломки толстыми колоннами изо льда. У него не хватило сил отбросить их, но Мамору мог.

— Ацуши-кун. На счет три поднимем вместе. Ичи... ни... сан! — их общая джийя толкнула обломки вверх, и Ацуши выбрался на землю.

Мамору сжал его ладонь и вытащил его в безопасность. Перед тем, как опустить груз, Мамору сунул руку под дом еще раз, вытянул пальцы, искал пульс живой крови. Если Ацуши пережил обвал, может, кто-то еще смог. Может... но пальцы Мамору не уловили пульс. Только медленное вытекание замерзающей крови из трупа. Закрыв глаза, он убрал руку и отпустил джийю, остатки дома рухнули.

Ацуши сжимал его рукав и дрожал.

— Мамору! — выдохнул маленький кузнец, забыв о формальностях в смеси гнева и истерики. — Моя мама еще там! Бабушка...

— Послушай, Ацуши-кун, — Мамору сжал плечи мальчика. — Твоя мама... — слова застряли в его горле. Он не мог это сказать. Он не мог представить, как произнесёт эти слова, так что выбрал другие. — Твоя мама хотела бы, чтобы ты жил, — и это было хуже, потому что не пришлось представлять. Он видел лицо Каа-чан, когда он выбрался из ее рук, как ее пальцы хватали воздух, где он был. — Она хотела бы только этого. И твоя бабушка. Ты это знаешь.

Ацуши мотал головой в отрицании, глаза блестели слезами. Может, из-за слез в своих глазах Мамору обвинил Ацуши рукой, прижал маленького кузнеца к своему плечу.

— Ради своей мамы, Ацуши-кун. Поднимайся по горе. Догони своего отца, если сможешь. Если нет, найди убежище. Ты знаешь эту гору лучше фоньяк. Если спрячешься...

Мамору умолк, заметив черную вспышку на камнях сверху — слишком быстро для пролетевшей птицы. Его сердце сжалось.

— Беги, Ацуши-кун!

— Что...

— Беги! — Мамору толкнул мальчика.

Он едва отпрянул, и ударила фонья. Волна давления воздуха ударила по снегу, где он и Ацуши были, с грохотом грома, а не ветра.

Мамору сжался и прокатился по земле. Он вскочил на ноги, таби проехали по снегу, Ацуши все еще катился от силы удара. Ветер разлучил их на несколько баундов.

Элитный фоньяка приземлился на корточки между ними, черная ткань обрывками трепетала вокруг него, как перья, и опустилась. Мамору не успел раньше разглядеть лицо мужчины, но взгляд на тело подтвердил его худший страх. Там была криво заплетенная коса после неуклюжего удара Юкино-сэнсея. Тонкие порезы от зубов Дракона Мацуда порвали его одежду и кожу. Рана на левом плече, где Тоу-сама пытался убить его... и не смог.

Убийца дракона выпрямился с ленивой грацией.

С другой стороны от фоньяки, далеко от Мамору и его джийи Ацуши поднялся на колени. Десятилетний нуму был растерян и потрясен. Легкая добыча. Беспомощный, Мамору смотрел, как убийца дракона смотрит то на него, то на Ацуши в игривой нерешительности, словно еще не выбрал жертву. Если раны и ослабили его, этого не было видно по его позе, и если он был полон сил, Мамору не мог никак защитить друга.

— Беги, Ацуши! — закричал он, Ацуши пытался встать. — Беги!

Ацуши был быстрым для нуму. Конечно, это не спасло бы от демона, который, казалось,

двигался со скоростью звука.

«Если я побегу, — подумал Мамору, — если мы с Ацуши побежим в разные стороны, может, я смогу заставить фоньяку следовать за мной».

Бег будет стоить ему жизни, он знал это. Нельзя было открывать спину бойцу сильнее и выжить, но смысл был не в этом. Мамору был быстрым. Он мог дать Ацуши время скрыться.

А потом он вспомнил первую встречу с убийцей дракона, вспомнил, как демон в черном пронесся мимо него и кузенов Юкино, направляясь к Юкино-сэнсею. Этот фоньяка был как дядя Такаши, он жаждал хорошего боя, затмевающего все остальное. Где меньших хищников влекли слабые и раненые, этого влекла сила.

Осознание прояснилось, когда Ацуши встал и побежал. Как тигр за бегущей ланью, фоньяка устремился за ним.

— Нет! — паника придала скорости джийе Мамору, он поднял снег и выстрелил парой копий в фоньяку. Убийца драконов не был впечатлен, сдул атаки Мамору, не взглянув в его сторону. Он сделал еще шаг к Ацуши. — *НЕТ!*

Сила дюжины джиджак наполнила конечности Мамору. Ледяная стена была больше всего, что он создавал одним махом. Она вырвалась из снега, как гейзер, и поднялась над убийцей дракона, остановив его.

Это сработало.

Фоньяка повернулся к Мамору, словно увидел его впервые. На его лице было странное выражение, словно он не решил, был впечатлён или возмущен.

— Если думаешь пойти за ним, я пробью твою спину копьями, — Мамору знал, что фоньяка не говорил на диалекте Широждимы, но угроза точно звучала в его тоне.

Убийца дракона приподнял бровь, словно говоря: «Серьёзно? Уверен, что не хочешь бежать?».

«Я был создан не для побега», — подумал Мамору.

— Бейся со мной, фоньяка.

Мамору не был ровней этому мужчине, бившемуся с Юкино-сэнсеем, Тоу-самой и дядей Такаши. Но потому он должен был победить. Никто на горе уже не мог остановить это существо. Десятки, а то и сотни невинных людей умрут, если он не остановит врага.

«Может, я не могу его убить, — Мамору вытащил меч. — Может, я не могу его убить, но я могу что-то сделать. Я могу ранить его так сильно, что мои родители добьют его».

— *Хао*, — фоньяка разминал шею, смиренно вздохнув, словно говоря: «Давай сделаем это быстро».

Мамору согнул колени, готовый отскочить от дальней атаки, которую любили эти фоньяки. А потом он вспомнил, как жадно этот фоньяка поглотил расстояние между собой и Юкино-сэнсеем два раза. Его оружие, пока он не потерял одно в плече Юкино-сэнсея, а другое в пасти Дракона Мацуда, было парой кинжалов, они лучше всего работали в физическом столкновении. Почему-то этот мужчина предпочитал биться вблизи. Но это не означало, что он не мог бить издалека. Мамору должен быть готов к любой атаке.

Фоньяка напал, пронесся над снегом так быстро, что его ноги будто не касались земли. Стрела, а не человек.

Мамору хотел сжаться в стойке и найти идеальное место для удара, как Тоу-сама. Покончить бой одним ударом, как Юкино-сэнсей. Но Тоу-сама и Юкино-сэнсей не смогли убить этого мужчину, и Мамору не был равен им. У Мамору не было точности или ума, какие этот мужчина видел уже у Тоу-самы, как и скорости и идеальности техники, как он

уже видел у Юкино-сэнсея, как и ярости, какая была у дяди Такаши.

«Гляди вперед, — напомнил голос Каа-чан, подавляя его панику. — Сосредоточься на том, что перед тобой».

Мамору выдохнул, и голос Юкино-сэнсея присоединился к ней:

«Ученик, как ты, может впитать то, что ему сказали, но и думать дальше, и такой ученик способен на все».

Единственным шансом Мамору — если он был — было, как этот ученик, ударить мужчину тем, чего он не ожидал.

Он не стал ждать в стойке фоньяку, а побежал ему навстречу.

В отличие от других элитных солдат, с какими сталкивался Мамору, убийца дракона не упирался ногами, чтобы бросить атаку. Он выстрелил из ладони на бегу. Быстрый залп попал не с такой силой, чтобы сбить Мамору с ног или разбить кость, но как только удар попал, Мамору понял цель — слишком поздно. Ветер уже ударил по его правой руке, катана вылетела из его ладони высоко в воздух.

Без меча он должен был растеряться, но он разогнался и не дал ничему его замедлить. Он был Мацуда. Его меч не был изо льда или металла. Это была его душа. Туман и снег полетели к его рукам, оставляя яму между ним и врагом.

Следующий удар ладонью фоньяки попал по лучшему ледяному щиту Мамору. Твёрдый внешний слой щита разбился, снежная подушка под ним поглотила удар, притупив столкновение ладони с внутренним слоем, защищавшим руки Мамору. Техники отменили друг друга, оба бойца отпрыгнули на пару шагов, а не отлетели.

Встав на ноги, Мамору бросил остатки щита в фоньяку. Пока мужчина в черном стряхивал внутренний слой щита, Мамору поднял ладони и впился джийей в кусочки внешнего слоя в воздухе. Лед сломался на продуманных швах, создавая острые осколки.

«Уклонись от этого», — подумал Мамору, свел ладони, направляя сотни острых кусочков к фоньяке. Даже самый ловкий боец не мог уклониться от такого града снарядов.

От блеска приближающегося льда фоньяка издал удивленный звук. А потом закружился. Проклятье! Мамору забыл, что он так мог! Кружение создало защитный вихрь вокруг фоньяки. Циклон окружил его коконом, поймал сотни мелких снарядов Мамору и отбросил их. Некоторые осколки улетели далеко, но многие устремились к Мамору, их подгоняла его джийя и фонья врага.

Ему пришлось толкнуть джийю наружу резко, чтобы по нему не попали его же снаряды. Рефлексы спасли его от фатальной раны, но часть льда вонзилась в плечи и бедра. Его противник не оставил ему времени осознать боль.

Ноги фоньяки были быстрыми. Мамору не мог уследить глазами, но он был так связан с водой вокруг себя, что ощутил движение снега под ногами солдата. Даже зная, что его ждет удар с разворота, Мамору едва успел сесть на корточки, чтобы избежать его. Он выдохнул с облегчением, когда удар пронёсся над его головой, не попав по нему. Он не учел второй удар.

Он заметил черный сапог, летящий к его голове, слишком поздно, чтобы уклониться. Он смог только поднять руку, чтобы защитить голову. Удар попал по его предплечью, рука врезалась в его лицо и отбросила его в сторону. Голова звенела, словно удар попал сразу по ней, а рука — он был уверен, что рука была сломана. Но больно не было, что странно. Наполненный боевым безумием, он не ощущал боль. Он вышел из удара с улыбкой, поднимая кулаки, лед твердел на костяшках.

Видимо, это состояние дало ему скорость, потому что он смог отбить змееподобный удар рукой фосьяки, летящий к его шее. Он сделал финт рукой в сторону фосьяки, другой нацелился на раненое плечо мужчины. Если Тоу-сама уже его ранил, то... Убийца дракона увидел уловку. Он едва уклонился от финта, позволил слабому удару задеть его щеку и отбил кулак, который Мамору направил к его плечу.

Ощувив, что фосьяка сдвинулся, Мамору сжал черную форму мужчины. Он не мог отпустить врага далеко. Он видел, как этот мужчина мог атаковать на расстоянии и не хотел позволять ему такой шанс. Мамору потянул мужчину вперед.

Убийца дракона не был против, отвел руку для удара кулаком — странно медленное движение для умелого бойца. Мамору поднял правую руку, чтобы остановить атаку, но как-то удар фосьяки прошел сквозь нее.

Удар попал по животу Мамору, и мир резко остановился.

Боль пульсировала в животе, улыбка приподняла уголок рта убийцы дракона.

— *Поймал*, — сказал он на ломаном кайгенском.

Мамору на миг был так удивлен словам, которые он понял, изо рта демона, что смог лишь моргнуть.

А потом ощутил, как кровь пропитывала хакама, и понял, что принял не удар кулаком. Шок перешел в страх, он опустил взгляд.

Большой палец и еще два его ведущей руки пропали, были срублены у костяшек. Клинок торчал под его ребрами — длинный, яркий и странно знакомый. Мамору не мог понять, откуда было оружие, пока взгляд не упал на бирюзовую шнуровку и петли змей. Это был его меч. Убийца дракона поймал его.

Разум Мамору запнулся в смятении, отрицании и восторге, трущихся друг о друга, как куски льда в реке весной. Его меч... Фосьяка продумал этот обмен ударами? С того момента, как выбил оружие из ладони Мамору? Он был так хорош? Если да, у Мамору не было шанса. Но, может, рана была не такой глубокой, как выглядела. Может, он еще мог биться. Еще мог...

Убийца дракона вырвал меч, и Мамору увидел, как внутренности полились из тела. Реальность хлынула на него, как воды реки, пробившие зимний лед.

«Я мертв, — понял он с жуткой ясностью. — Я мертв».

ГЛАВА 17: КОНЕЦ

— Мисаки? — сказал голос над ней. Почему ее грудь была полна ножей? Боги, как больно! — Мисаки!

Ее глаза открылись, она удивилась, увидев, что в ее торсе не было ножей. Она была целой, кровь текла только из порезов на предплечьях. Сецуко глядела на нее со слезами в глазах.

— Мисаки! О, слава Нами, ты в порядке! — Мисаки не успела отреагировать, женщина крепко обняла ее, вызвав уколы боли в ребрах. И Мисаки вспомнила — вспышка вееров, рука без кожи, Лазо Лингун тянул воздух из ее легких.

«Что ты делаешь? — пыталась сказать Мисаки. — Назад! Прячься!» — но, когда она открыла рот, прозвучал только хриплый стон.

— Йош, йош, — Сецуко потирала ее спину. — Ты будешь в порядке.

— К-как... — прошептала Мисаки, ощущая, как глаза слезились от боли. Как от одного звука могло быть так больно? — Как... дол... го...?

— Как долго ты была без сознания? — сказала Сецуко. — Пару динману, вроде. Я

услышала жуткие крики. Знаю, ты говорила оставаться в подвале, но я должна была... Прости, — лепетала она. — Но мне нужно было убедиться, что ты была в порядке. Ты отключилась, когда я вошла. И т-тут так много крови! Я не знала, чья она, и д-думала, что ты умерла, Мисаки! Что случилось?

Мисаки покачала головой без слов. Сецуко не должна была знать. Она не должна была узнать об этом.

— Эта девушка... — Сецуко кивнула на отчасти обезглавленную и ободранную фоньяку с веерами. — Ты убила ее?

Зажмурившись от боли, Мисаки кивнула.

— И все мужчины в коридорах? Это тоже была ты? — Сецуко говорила медленно, словно почти боялась знать ответ. Но не было смысла врать, и она снова кивнула.

— Великая Нами, Мисаки!

Мисаки не открывала глаза, не хотела видеть ужас Сецуко. Она ждала в агонии, что ее «сестра» отпрянет, оттолкнет ее. Но Сецуко сжала ее крепче.

— Я так рада, что ты тут, — Сецуко всхлипнула. — Что бы мы делали? Что бы мы делали без тебя?

И тут Мисаки ощутила смутно, что неподалёку ещё был живой фоньяка. Она сжала плечи Сецуко и стиснула зубы, пытаясь формировать слова.

— На... зад... — выдавила она. Сецуко было тут опасно.

— Прости, — сказала Сецуко, когда чувство Мисаки стало уверенностью. Где-то в соседней комнате фоньяка готовился к атаке. — Я знаю, ты сказала прятаться, но когда я услышала крики, я просто не могла...

— Назад! — Мисаки толкнула Сецуко из последних сил, и соседняя стена взорвалась.

Ветер заставил Мисаки кубарем проехать по полу. Она закрыла голову руками, надеясь, что ее толчок спас Сецуко от обломков, впивающихся в ее предплечья и стучащих по полу вокруг нее.

«Вставай! — кричал ее разум, но онемение от шока и удара пульсировало в ее теле. — Вставай и бейся!».

Ее тело не слушалось. Все слишком сильно болело.

Она хотела лечь и дать новому врагу убить ее. Покончить с этим. Но не только ее жизнь была на кону. Сецуко была тут — и только из-за того, что она была тут, — Мисаки уперла ладони в пол и попыталась встать. Она не смогла подняться на ноги.

Ладонь сжала ее волосы и потянула ее вверх, вырвав крик из ее поврежденных легких. Это был фоньяка со шрамами. Кровь капала с его головы, и Мисаки была рада, что не приняла атаку фоньяки с веерами в полную силу, как он. Удар вырубил его на пару сирану, но не ослабил его. Он легко махнул рукой и бросил Мисаки по кухне.

Она ударилась об стол, где Мамору и Чоль-хи учились, проехала по нему, разбивая чашки и сталкивая свитки. Когда она рухнула на татами у дальней стороны стола, все ее тело пульсировало появляющимися синяками. Ее скальп покалывало, и боль в шее соперничала с болью в легких. Прогоняя от глаз звезды, она сжала край стола и попыталась встать, но ее тело дрожало так, что она не могла этого сделать. Смагивая звезды, она различила фоньяку в шрамах, идущего к ней.

— Прекрати это! — закричал голос, Мисаки повернулась и увидела Сецуко с кухонным ножом. — Отстань от нее!

— Нет! — глаза Мисаки расширились, паника подняла ее на ноги. — Сецуко, нет!

Слишком поздно. Сецуко уже побежала к солдату, подняв нож для удара. Ладонь фоньяки отбила ее в заднюю дверь комнаты.

— Нет! — завизжала Мисаки. — Нет! Нет! — она бросилась вперед — к Сецуко? Убить мужчину? Разум запинался от удара, так что она не знала, но фоньяка двигался быстрее.

Он поймал ее за горло и обрушил на пол. Мисаки не знала, спасла бы их гибель мужчины. Она выжила бы, да, но когда придут следующие солдаты, ей не хватит сил отбиться. Ей хотелось сдаться, дать ему убить ее, но он ударил Сецуко, значит, он умрет.

Она не боролась, когда он оседлал ее и прижал ладони к ее шее, чтобы задушить. Она сосредоточила джийю в двух пальцах. Он давил на ее трахею, был достаточно близко, чтобы она могла попасть в его левый глаз.

Кровавая Игла была наготове, она отвела руку и...

Клинок торчал в шее мужчины.

Мисаки глядела. Она подумала, что Сецуко очнулась и пришла на помощь. Но ее взгляд скользнул от стеклянного кончика Сираденьи до рукояти, и ее сжимала не рука Сецуко.

Это был Хироши.

Пятилетний едва мог держать легкий меч в руках, но его стойка была прочной, а взгляд — сосредоточенным.

Над Мисаки лицо фоньяки исказила гримаса. Он был ранен, но не мертв. Кровь жутко стекала из пореза на шее, он выпрямился и повернулся к нападшему. Хироши не вздрогнул, капли брызнули на его лицо и грудь.

— Хиро... — начала Мисаки, но фоньяка опустил ногу на ее грудь, придавив ее так, что голова кружилась.

Все еще удерживая Мисаки на полу ногой, солдат посмотрел на Хироши, пораженный. Почти оскорбленный. Сердце Мисаки дёрнулось в панке, но на лице Хироши не было страха и колебаний. Он даже не замер, чтобы поменять хватку на оружии, взмахнул снова и рассек мужчину от бедра до ключицы.

Фоньяка издал странный звук, потянулся к Хироши. Мисаки толкнула ногу со своей груди, вскочила на ноги, чтобы защитить сына. Но мужчина пошатнулся и рухнул на пол. Его фонья поднялась на миг, потекла по комнате с воем отрицания, а потом замерла.

Хироши убил его.

Кровь капала с его пустого лица, он повернулся к Мисаки.

— Ты теперь в безопасности, Каа-чан.

Всхлипнув, Мисаки забрала у него меч и отбросила. Она сжала грубо сына за плечи, ее дыхание было быстрым, почти в истерике.

«Зачем ты это сделал? — хотела закричать она, встряхнуть его. — Зачем?».

Но Хироши было всего пять. Он сделал то, чему его учили наставники, далекий отец и монстр-мать. Они создали мальчика, который был готов отдать жизнь, чтобы убить врагов. Истинный Мацуда. Голова Мисаки опустилась на маленькое плечо Хироши. Монстр обмяк, она стала просто женщиной, матерью, которая подвела сына.

— Хироши... — ее голос оборвался. — Иди сюда.

Она обняла мальчика, крепко сжала и любила его изо всех сил, надеясь, что это могло смыть все остальное.

Хироши, как всегда, был холодным.

МАМОРУ

Убийца дракона отошел и отбросил безымянный меч, теперь красный от крови

владельца.

Мамору покачнулся.

Кровь шипела на обрубках пальцев, капала на замерзшую землю. Это было странное ощущение, жидкость, которая несла его ньяму, покидала его и впитывалась в гору. Его зрение плыло. Но это не могло быть закончено. Просто не могло. Если он сможет заставить себя двигаться, все будет в порядке. Он сделал шаг... другой... упал на колени. Искалеченная рука упала на снег...

И мир стал четким.

Боль была острой, но не важной. Вдруг показалось, что у него были пальцы. Его пальцы были снегом. Они были реками, тянулись во все стороны по горе, проникали в океан и хватали силу богов. Он не истекал кровью. Он был горой. Впервые в жизни он был идеально целым.

Он улыбнулся.

Через десять лет пятнадцатилетий Хироши станет самым юным мечником, овладевшим Шепчущим Клинком. Мир не знал, что он будет вторым самым юным.

Когда солдат из Ранги уловил кроваво-красную вспышку льда, она уже прошла сквозь его тело. Меч был чисто Мацуда — половина снега Такаюби, половина крови Мамору — и он рассек убийцу дракона, как воздух.

Он был один на склоне горы. Шепчущий клинок поймал последние лучи угасающего солнца, сверкнул раз, указывая на небо, когда его первая и единственная жертва упала в снег. Закончив работу, меч рассеялся туманом. Солнце погрузилось в море.

Мамору не чувствовал, как джия текла из его тела, не ощущал, как упал. Но его щека лежала теперь на ледяной земле, а остатки красного света покидали небо.

«Я это сделал, — подумал он, и кровь, вытекающая из его тела, казалась не важной. — Тоу-сама, Каа-чан, я это сделал!» — он хотел им рассказать.

Если часть него понимала, что он не увидит родителей снова, но он не слушал ее. Сила наполнила его, такая большая, что он не мог ее забыть. Он коснулся божественного, держал своими руками. Он не слышал гром приближающихся самолетов или сообщение о подкреплениях в громкоговорителях.

Пока он и убийца дракона бились, их ноги подняли снег вокруг волнами, как пена в начале мира. Красное из пальцев Мамору змеилось по волнам, смешиваясь с кровью, текущей из тела мужчины. Кровь стала снегом, стала кровью, стала океаном... и глаза Мамору остались открытыми, смотрели на лицо убийцы дракона.

Лицо не было жутким или странным — бледная кожа, черные глаза, острые черты. Как у Мамору. В другой форме мужчина мог быть старшеклассником или юным учителем в академии Кумоно. Люди всегда говорили, что ранганийцы были демонами, отличались от кайгенцев, но их кровь была того же цвета, теперь, когда они лежали неподвижно, и она сливалась. Они были из одного океана, да? В самом начале?

Убийца дракона словно не ощутил боли. Он выглядел немного удивленным, глаза были расширенными, а рот — приоткрытым. Просто человек. Тут, с Мамору, в конце живого мира. Его тело стало теплым и онемевшим, и Мамору гадал, помнил ли кто-то этого фоньяку за океаном — отец, мать, кто-то, кто гордился бы, услышав, что он умер на Мече Кайгена.

ГЛАВА 18: УБЕЖИЩЕ

Мисаки вздрогнула от грохота, прижала Хироши крепче к себе. Но юный фоньяка, появившийся на пороге, был уже мертв, его шея была сломана бледной ладонью. Волна

ледяной джийи окутала ее, Такеру бросил в сторону обмякшее тело юноши и прошел в комнату.

— Какой бардак, — сказал он вместо приветствия. — Вы оба в ужасном виде. Где Сецуко и другие дети?

— С-Сецуко без сознания, — Мисаки указала на соседнюю комнату. Ее джийя быстро подтвердила, что сердце женщины еще билось, но она не знала, какой ущерб ей был нанесен. Она не могла заставить себя двигаться, не хотела отпускать сына. — Изумо, Нагаса и Аюми в подвале.

— Почему ты тут сидишь?

— Мамору, — отчаянно сказала Мисаки. — Где...

Рев порвал небо снаружи. Еще торнадо? Нет. Самолеты.

— *Граждане Такаюби*, — зазвучал громкий голос на кайгенгуа. — *В интересах национальной безопасности Его императорское величество приказал авиаудар по местности. У вас десять сирану, чтобы добраться до бомбоубежища.*

Чоль-хи это сделал! Подкрепление прибыло.

— *Его императорское величество приказал авиаудар по местности*, — повторил голос. — *У вас десять сирану, чтобы добраться до бомбоубежища.*

— У нас есть приказ, — сказал Такеру, словно мэр приказал ему заполнить бумаги. — Идем.

— А другие? — спросила Мисаки. — Твой брат? — и что с Мамору?

— Они тоже услышат, — сказал Такеру без интереса. — Они быстрые. Встретят нас у убежища. Заберем остальных детей.

Кивнув, Мисаки встала на ноги и побежала к подвалу. Когда она открыла двери, трое младших детей сидели среди запасов еды. Аюми была на полу, отчасти закутанная в ткань, которую Сецуко сбросила с плеч. Нагаса сжался у стены с Изумо на коленях, закрыв руками глаза малыша.

— Идем, Нага-кун, — она опустилась на колени, чтобы успокоить малышку Аюми. — Неси мне ребенка.

В Такаюби было одно бомбоубежище — выше по горе у кабинета мэра, и у них было лишь десять сирану, чтобы туда попасть.

— Нага-кун, мне так жаль, — она погладила голову Нагасы и подняла малышкой на руки. — Мне нужно, чтобы ты бежал. Ты же сможешь бежать сам?

— Да, Каа-чан, — сказал Нагаса, глаза были огромными от смятения, самолеты полетели ниже снаружи. Мисаки не знала, понял он или ответ был автоматическим, но у нее было всего две руки.

— Хиро-кун, — сказала она, выйдя из подвала с Нагасой и детьми, — держи брата за руку и не отпускай. Следи, чтобы он не отставал.

— Да, Каа-чан, — сказал Хироши, его ладонь в крови сжала крепко руку Нагасы, он повел брата за Мисаки, идущей к входным дверям. Мисаки повела их по коридорам дома, избегая кухни и главного зала, где лежали почти все убитые тела. Нагасе не нужно было это видеть.

Когда они вышли в гэнкан, Такеру ждал их. Сецуко свисала с его плеча, словно пышная женщина ничего не весила.

— Она...

— Она будет в порядке, — сказал Такеру. — Идем.

Сумерки снаружи были хаосом. Женщины кричали и искали других. Дети не знали, куда бежать. Мисаки тревожно искала взглядом солдат Ранги, но все были уже мертвы, лежали на снегу, не двигаясь, а сцену вокруг них заполнял хаос, который они создали.

— Ты убил всех ранганийцев в деревне? — спросила она.

— Всех, чьи ноги касались снега, — ответил Такеру.

Конечно. Сила Мацуда текла по снегу горы. Ни один солдат, стоящий в том снегу, не сбежал бы ото льда Такеру. Но это означало, что были солдаты, которых он не задел, которые убивали женщин и детей в домах.

Самолеты ревели близко к горе в темноте, шум был таким громким, словно существовал во множестве измерений. Нагаса глядел огромными глазами, пока Хироши вел его.

— Птицы? — спросил он с любопытством, не замечая хаос взрослых вокруг него.

— Самолёты, — исправил Хироши. — Император послал своих пилотов.

— Зачем?

Ответ Хироши был простым, но точным:

— Чтобы убить.

— Эй, вы! — позвал Такеру двух женщин Мизумаки — мать и дочь — неподалеку. — Моя жена ранена. Помогите ей нести детей в убежище.

— Что? — Мисаки начала сопротивляться, когда женщины стали помогать. — О чем ты? Я не...

— Не слушайте ее, — сказал он Мизумаки, не глядя на нее. — У нее сотрясение.

— Что...? — Мисаки поняла, что он мог быть прав, но было сложно понять, мог ли он оценить ее состояние, или он просто этим заставил их не слушать ее слова.

Женщины забрали у нее Изумо и Аюми, появилась фигура — заметная, ведь шла не в ту сторону, вниз по горе, а не вверх, к бомбоубежищу.

Такеру узнал его раньше нее.

— Кван Чоль-хи, — сказал он.

Северянин все еще был с вакидзаси, который ему дал Такаши, на бедре, но он, видимо, не встретил ранганийцев. Он запыхался, но не был ранен.

— Мацуда-доно, — выдохнул он. — Вы в порядке?

— Мы в порядке, — сказал Такеру. — Хорошо позвал подкрепление, кстати. Мы благодарны.

— Мой отец взял в кабинете мэра перепись населения и проверял людей, проходящих в убежище, — сказал Чоль-хи. — Я пришел поискать семьи, которых еще не хватает, — он посмотрел на инфо-ком, дисплей озарял его лицо в растущей тьме. Он коснулся экрана. — Вы идете вверх, я могу вычеркнуть вашу семью... только... — он посмотрел на их маленькую группу, боль мелькнула на его лице. — Где Ма...

— Кого еще не хватает? — спросил Такеру, шагая по склону к бомбоубежищу. — Кроме воинов?

— Эм... половины семьи Мизумаки нет, — сказал Чоль-хи. — Нет всех Катакури, кроме одной, и никто не видел членов семьи Юкино.

— Что? — Мисаки застыла. — Уверен?

— Простите, — сказал Чоль-хи. — Никто не видел Юкино Хиори или ее сына.

— Нет! — Мисаки потянулась к бедру, задела пальцами пустые ножны. Она оставила Сираденыю в доме. Без оружия, она посмотрела с мольбой на мужа, все еще вооруженного Къёгецу. — Нам нужно вернуться! Нам нужно ее найти!

— Брат приказал мне забрать тебя, Сецуко, и детей в безопасность. Идем. Нужно двигаться.

— Она — наш друг. Как можно...

— Это мой приказ, — сказал он, — и я дал приказ всем вам.

Мисаки стиснула зубы.

— Да, сэр, — она пошатнулась, прижала ладонь к голове. — Простите... голова кружится. Кван-сан, можно взять тебя за руку?

— Конечно, — сказал Чоль-хи и поспешил ее поддержать.

Такеру заметил, что она взглянула на вакидзаси на бедре Чоль-хи. Он шагнул вперед, остановив ее. Зная, что она не была такой быстрой, чтобы перехитрить его, Мисаки повернулась. Она не пошла к оружию прямо, а повернула тело к Чоль-хи, движение поставило юношу между ней и ее мужем.

— П-постояйте... что? — удивлённо пролепетал северянин.

Ладонь Такеру сжала плечо Чоль-хи, а не ее. Мисаки схватила рукоять вакидзаси.

А потом она толкнула Чоль-хи спиной к Такеру и оттолкнулась сама. Вакидзаси покинул при этом ножны, и она побежала с оружием в руке в доме Юкино.

Она не оглядывалась, проверяя, последовал ли за ней Такеру.

Он мог оставить Сецуко с Чоль-хи, надеясь, что мальчик отведет ее в убежище, или мог погнаться за Мисаки с женщиной на плече. Дом Юкино было достаточно близко. Чтобы он не догнал ее, пока она добежит туда.

Двойные двери дома были распахнуты, выбитые тупой силой фоньи, которая пробила дом Мацуда. Недалеко от входа Мисаки нашла крохотное тело в светло-сером кимоно. Рёта. Мальчик четырёх лет лежал лицом в ступеньке гэнкана, кровь текла из его шеи на символ снежинки Юкино, но Мисаки ощущала, как кровь в его венах замирала.

Она быстро отвела взгляд, зная, что ничего не могла сделать для милого малыша.

— Прости, Рёта-кун, — шепнула она и постаралась не думать о его ярких глазах и улыбке, заразительном смехе, пока шла дальше. Ей нужно было найти Хиори.

Мисаки увидела сначала спину ранганийца. Он был на Хиори, сидел на ней. Ее кимонс было разорвано, открывало бледные ноги.

Мисаки была на нем раньше, чем он смог обернуться. Вакидзаси был не таким легким и острым, как Сираденья, но удар Мисаки был чистым, рассек мышцы, трахею и позвоночник одним взмахом.

Мисаки уже была знакома с ветром умирающего фоньяки — жуткий, но безвредный ветер от солдат слабее и вой ветра элитных в черном. Ничто не готовило ее в силе, вырвавшейся из мужчины, когда она перерезала его шею.

Ветер бросил кровь во все стороны, разбив ближайšie вазы и бросив Мисаки на пол, пробудив боль в ее груди. Она с трудом встала на четвереньки сред фарфоровых осколков, фонья мужчины ревела в доме, заставляя стены скрипеть.

Со звуком ужаса между визгом и всхлипом Хиори в крови пиналась, пытаясь отодвинуться от обезглавленного тела.

— Прости! — воскликнула Мисаки и стащила труп со своей подруги. — Прости, Хиори-чан. Это... было грязнее, чем я ожидала.

Хиори была в крови, лицо было в слезах, но Мисаки была рада ощущать, что ньяма подруги все еще была сильной. Почти вся кровь на ней была от врага. Всхлипывая, Хиори попыталась поправить кимоно и прикрыть себя, но ее ладони так дрожали, что ничего не

получилось.

— Хиори, мне так жаль, — сказала Мисаки, касаясь плеча другой женщины. — Прости, что я не пришла раньше.

Учитывая силу умирающей фоньи солдата, Мисаки вряд ли могла убить его без элемента неожиданности, но она должна была попробовать. Или кто-то. Как-то. Это не должно было произойти.

Вытянув воду из воздуха, Мисаки провела ею по телу подруги, убирая кровь и все, что солдат оставил на ней. Она попыталась закрыть кимоно Хиори, но наряд был так порван, что не прикрыл даже ее груди, где проступили синяки от пальцев.

Мисаки стиснула зубы. До этого она не ощущала истинной ненависти к ранганийцам, но вдруг пожалела, что убила мужчину так быстро. Она представила, что могла сделать с ним до его смерти, сколько раз могла его пронзить, сколько кусочков отрезать... но жестокость не могла исцелить Хиори.

Несмотря на гнев, Мисаки заставила себя говорить мягко, потирая руки подруги:

— Все хорошо, Хиори-чан. Он уже мертв. Он ушел. Все будет хорошо.

— Нет. Не будет, — слезы снова полились из глаз Хиори по ее щекам. — Он убил моего сына! Моего сына! Моего малыша!

Часть красоты Хиори была в ее простоте. Нежные глаза были ясными, как талая вода, ничего не скрывали. Она была чиста в любви, радости. Так было и с ее болью. Она ничего не скрывала. И на это было невыносимо смотреть.

Мисаки подавила свои слезы. Они все еще были в опасности.

— Ты все еще жива, — возразила Мисаки. — Ты переживешь это.

— Я не хочу, — голос Хиори был разбит. — Я не хочу. Не хочу.

— Прости, Хиори-сан, — Мисаки убрала волосы за ухо женщины. — Я знаю, будет сложно, но мне нужно, чтобы ты встала.

Будет время рыдать, когда все будут в безопасности. Сняв свой плащ, Мисаки укутала подругу в него, закрыв то, что не могло скрыть испорченное кимоно.

— Йош, Хиори-чан, — Мисаки потянула Хиори за руку, стараясь быть нежной в тревоге. — Хорошая девочка. Встань.

— Не могу, — Хиори мотала головой. — Больно.

— Ты должна. Бомбы начнут падать на гору в любой момент.

— Плевать. Просто оставь меня.

— Не могу, — сказала Мисаки. — Что я скажу Даю-сану, когда он вернется?

— Он меня не захочет, — Хиори рыдала в свои ладони. — Я опозорена. Испорчена.

Игнорируя протесты подруги, Мисаки закинула руку Хиори на свои плечи и встала, потянув за собой женщину. Хиори издала жалобный крик боли, ноги подкосились.

— Прощу! Мисаки, оставь меня! Дай мне быть с моим сыном!

— Нет, — сказала Мисаки сквозь зубы. — Нет. Ты не умрешь тут. Мы тут не умрем.

Когда Мисаки довела Хиори до разбитых дверей дома Юкино, женщина потеряла сознание. Такеру ждал там, все еще держал Сецуко без сознания.

— На это нет времени, — сказал он. Подвинув Сецуко на одно плечо, он потянулся к Хиори.

— Нет, — Мисаки взвалила обмякшую Хиори на свои плечи. — Я ее держу. Беги.

— Мисаки...

Оглушительный взрыв сотряс землю, все внутри Мисаки сжалось. Авиаудар начался.

Она бежала. Хиори была намного выше Мисаки, но Робин Тундиил, Эллин Элден и еще несколько человек были бы мертвы, если бы Мисаки не умела уносить быстро человека крупнее себя в убежище. Такеру тоже бежал. Даже если бы было время спорить, они не услышали бы друг друга.

Бомбы сотрясали нижние склоны, как гром, земля под ногами Мисаки дрожала. Вдали кричали мужчины. Она могла лишь надеяться, что кричали враги, а не жители деревни, не успевшие добраться до убежища. Среди грохота и тьмы нельзя было понять.

Впереди Такеру остановился в снегу. Мисаки чуть не врезалась в него, а потом увидела, почему он остановился. Тощая фигура стояла в темноте перед ним — Ацуши, сын кузнеца.

— М-Мацуда-доно! — вскрикнул мальчик. Его лицо было пепельным, словно он увидел то, что вытолкнуло душу из его тела.

— Ацуши, — сказал Такеру. — Где твоя семья?

Губа маленького кузнеца дрожала.

— О-отец... — он указал на южный проход. — Бомба задела его. Н-нога пропала. О-о-он сказал мне бежать. Я н-не мог ему помочь. Он еще на тропе, и мне не хватает сил его тащить. Прошу... Мацуда-доно, вы должны вернуться. Должны его спасти.

Такеру смотрел на нуму мгновение, а потом подхватил его за пояс и побежал.

— Стойте! Мацуда-доно, нет! — слезы лились по лицу Ацуши, он извивался, без толку брыкался. — Прошу! Прошу!

— Это глупо, — холодно сказал Такеру. — Не заставляй вырубить тебя.

Всхлипнув в отчаянии, Ацуши перестал бороться и впился в Такеру, уткнулся лицом в кимоно лорда, словно там можно было найти утешение.

Крики Ацуши ранили сердце Мисаки, но в этом решении она не могла винить мужа. Ее побег за Хиори уже подверг их опасности. Спускаться по горе в сумерках посреди авиаудара было почти верной смертью. Даже ради лучшего кузнеца Такаюби, это того не стоило.

Убежище было видно, в паре баундов впереди, когда воздух рассек звук низко летящего самолета. Оглушенная, Мисаки споткнулась от силы ветра. Потом бомба ударила в баундах от нее. Если бы она была без груза, она устояла бы на ногах, но с ветром и мертвым грузом Хиори она потеряла равновесие и упала.

Пилоты хорошо видели, но солнце село. И в темноте фонарики были неотличимы от джиджак.

Мисаки встала на четвереньки. Она не могла найти силы встать, поползла к Хиори. Женщина застонала, горестные глаза открылись, когда Мисаки сжала ее руку. Мисаки слышала ее скуление сквозь звон в ушах.

— Почему? Почему они стреляют по нам?

«Потому что мы не важны, — подумала вяло Мисаки. — Империи важно только остановить ранганийцев тут. Не важно, сколько из нас пострадает при этом».

Мисаки не успела поднять Хиори, она ощутила вокруг них джийю Такеру. Снег под ней стал гладким льдом, как поверхность замерзшего озера. Многие джиджаки не могли создать крепкий лед, чтобы поднять несколько человек, но Такеру не был таким. Он поднял ладонь, и гладкий лед наклонился, послав всех на нем в поездку к входу в убежище.

Дождь пуль разбил лед, где была миг назад Хиори, но формация устояла. Через миг Мисаки, Хиори, Ацуши и Сецуко без сознания рухнули на пол бункера из стекла джонджо. Другие жители деревни тут же схватили их и втянули до конца.

— Каа-чан! — сказал радостный голос, Нагаса повис на руке Мисаки.

— Ацуши, — сказал Чоль-хи, помогая потрёпанному кузнецу встать. — Ты в порядке? Где твоя семья?

Ацуши покачал головой. Его всхлип стал одним из многих в маленьком бункере. Мисаки встала, Такеру проехал в убежище на своем льду, град пуль преследовал его почти до порога. Он смог смягчить приземление, хотя выстрелы подняли осколки льда вокруг него.

— Назад! — приказал он остальным, вытянул руки и остановил осколки льда, не пустив их в бункер.

— А ваш сын, Мацуда-доно? — Чоль-хи посмотрел на Такеру, потом на Мисаки. — Где Мамору?

— Он не тут? — Мисаки посмотрела на людей в темноте убежища, не увидела его. Тут было не больше тридцати пяти человек, почти все — женщины и дети. Выживших должно быть больше! Но, когда она повернулась к деревне, никто не шел по горе.

— Мацуды Мамору нет, — сказал отец Чоль-хи, Кван Тэ-мин. — И его дяди, Юкин Дая и почти всех мужчин.

— Что? — вяло сказала Хиори.

Такаши схватил тяжёлую дверь убежища, готовый задвинуть ее.

— Стойте! — Хиори сжала рукав Такеру. — Мацуда-доно, мой муж еще там!

Такаши игнорировал ее, начал закрывать дверь.

— Стой, — настояла Мисаки с нажимом. — Хиори права. А наши бойцы? — где Мамору?

Такеру не смотрел на нее.

— Никто больше не придет, — сухо сказал он.

Весь мир стал серым для Мисаки. Безумная энергия, гнавшая ее, замерла.

— Что?

— Когда я покинул линию, бились только мой брат и сын. К ним шли больше сотни ранганийцев. Никто не придет.

Сила покинула тело Мисаки.

— Нет... нет... — голос Хиори начал низкий методичный стон, который поднялся до визга. — Так не может быть! Этого не может быть!

— Ты должна гордиться, Юкино-сан, — Такеру посмотрел на измученную женщину. — Он умер с мечом в руке.

Хиори завизжала.

* * *

Та ночь в бункере была близка к Аду в Дюне. Тьма вняла кровью и рвотой. Хиори визжала по сыну и мужу. Жена Амено Самусы настаивала, что ее дочь была в сознании, когда она принесла ее в бункер, хотя все вокруг нее пытались сказать ей, что череп девочки был разбит. Одна из старейшин Икено умерла во тьме, пока ее родственники пытались залатать ее раны жалкими припасами в убежище. В шуме Мисаки смутно осознавала, что Изумо рыдал на ее коленях, но не могла даже поднять рук.

Только теперь, очнувшись от безумия боя, она поняла, что заставляло ее двигаться, хотя раны должны были сбить ее. Не только адреналин. Это была надежда, хоть и глупая, что все они выживут. Та надежда начала умирать в доме Юкино, когда она увидела тело маленького Рёты. Звон двери, как меч, убил надежду полностью. Бункер был запечатан, и Мамору тут не было. Мамору не пришел.

Она сдерживалась так долго, что усталость с силой обрушилась на нее, ослабив до

паралича. Она признала, что Такеру был прав насчет сотрясения. Голова пульсировала. Четкие линии были размытыми в тусклом свете.

Даже ее чувства джиджаки, которые никогда не подводили ее, стали ускользать. Биения сердец людей обычно были четкими во тьме, но смешались с болью в ее голове и груди. Слезы, слюна, кровь, пот и рвота стали неразличимыми, текли среди тел людей.

— Каа-чан? — испуганный голос Нагасы у ее плеча был единственным, что удерживало ее в реальности — тонкая нить, мешающая ей рухнуть в бесформенный хаос. — Каа-чан, что происходит? — малыш тянул ее за рукав, пытаясь вернуть к себе маму. — Что происходит?

Она не могла заставить себя ответить ему. Она даже не могла поднять ладонь и утешить его. Кожа пропала, и Мисаки не могла понять, какая жидкость двигалась в телах вокруг, а что выливалось.

— Каа-чан, малыш плачет! — голосок Нагасы оборвался. — Малыш плачет!

Он не смог добиться ответа матери и заплакал.

Всхлипы и крики, стоны боли превратились в вязкое море звука, менялось только, когда бомбы гудели, падая близко к убежищу, вызывая затишье. Море поглотило Мисаки. Огонь и кислота проникли в ее легкие, пробудили уколы в груди. Боль обездвижила ее, как копье в теле, прибило ее спину к стене бункера.

Ей нужно было, чтобы кто-то говорил с ней, чтобы спокойный голос удерживал ее в реальности, пока все не стало супом из крови и звука, но Сецуко все еще была без сознания. Хиори обмякла на полу, погрузилась глубоко в агонию и не замечала ничего вокруг нее. А Такеру... Такеру, конечно, даже не взглянул на свою жену. Он стоял спиной к другим жителям, лицом к двери бункера, неподвижная каменная фигура во тьме.

Мисаки казалось, что он был ключом. Если бы она схватила его, он мог стабилизировать ее. Его твердая форма была единственным, что не двигалось в извивающемся море человеческой плоти. Но он был далеким, и Мисаки знала по годам опыта, что зов ничего не изменит.

Он был неприкасаемым.

Она была одна, тонула в криках.

ГЛАВА 19: ФОНАРЬ

Огонь в руке Робина угасал, гром принёс дождь. Он издал недовольный звук.

— *Скоро придется переключиться на эту штуку,* — он кивнул на фонарь-кайири, висящий в руке Мисаки. — *Если дождь усилится, я не смогу создать хороший свет.*

— *Ты был хорошим светом, Робин. Мы уже там,* — Мисаки указала на огонек впереди — фонарь единственной автобусной остановки Ишихамы.

— *Твой отец предсказал это,* — Робин смотрел на вечернее небо, почти черное от туч. — *До громкости грома и размера капель.*

— *Он так умеет.*

— *Как?*

— *Если бы я знала, пошла бы работать в прогноз погоды, а не лечение.*

— *Я должен попросить его научить меня,* — отметил Робин, они добрались до остановки, отмеченной деревянной табличкой на фонаре.

— *Я не знаю, как это прошло бы.*

— *Потому что я — таджак?*

— *Нет. Думаю, дело в опыте. Он родился в Арашики. Чем больше бури испытываешь тем больше знаков замечаешь.*

Дождь полился сильнее, и огонь Робина угас, оставив только свет единственного фонаря на автобусной остановке.

— *Прости за это*, — Мисаки рассмеялась. Она вытянула ладонь над головой Робина — непростой трюк, таджака был выше нее — и отразила вокруг него капли дождя. — *Мы должны были сделать тебе зонтик.*

— *Поздно жалеть*, — он пожал плечами, не переживая, что ветер океана бросал капли через защиту Мисаки на его лицо и шею.

Они молчали мгновение. Мисаки стояла близко, чтобы укрыть его от дождя, ощущала жар его тела через его черный плащ. Она вздохнула, таяла от его тепла, пытаясь насладиться им на случай, если это был последний раз... но нет. Она не будет думать об этом. Робин не мог знать, что она думала об этом. Чтобы все было правильно, она отпустит его.

— *И?* — сказал он, она посмотрела на него, отвлекшись от мрачных мыслей. — *Я справился? Или они притворялись, что я им понравился?*

— *Притворялись? Робин, нет. Ты им понравился, особенно Казу.*

— *Он бил меня сильно, несмотря на это*, — Робин потер синяк на подбородке от кулака Казу.

— *Ты принял приглашение на тренировку*, — отметила она. — *И он — шестнадцатилетний Цусано. Так он проявляет симпатию. Я переживала бы, если бы он не оставил тебе синяков.*

— *Тогда ладно*, — Робин рассмеялся. — *Поверю тебе на слово и буду гордиться.*

— *Спасибо, что не сжег его*, — сказала она. — *И дал ему пару побед. Ты был щедр.*

— *Дал?* — повторил Робин. — *Он хорошо бился.*

Мисаки приподняла бровь, глядя на друга.

Робин вздохнул.

— *Он так старался*, — сказал он, и Мисаки закатила глаза.

— *Боги, ты такой мягкий, Тундиш.*

Цусано были мастера с мечом, но в рукопашном бою Робин был лучше. Казу глупо бросил вызов чужеземному гостю в бою голыми руками. Робин не мог отступить, но и не любил унижать бойца младше, который старался. Где Мисаки побила бы Казу и ушла, властно потрянув волосами, Робин оставил мальчику гордость.

— *И*, — добавил Робин через миг, — *я думал, что нужно было понравиться твоим родителям. Я думал, что избивание их наследника в додзе было плохим способом сделать это.*

— *О, Робин*, — Мисаки рассмеялась. — *Ты не понимаешь культуру Широждимы. Быть сильнее — это хорошо. Потому что все сильные семьи Широждимы заключают между собой браки. Было ошибкой позволить Казу попасть по тебе, но мой отец видел хороший бой. Он был впечатлён, — она надеялась.*

— *Сила*, — сказал Робин. — *Это причина, по которой решаются браки?*

Мисаки кивнула.

— *Вся история с помолвкой...* — она избегала этой темы все время, не знала, почему подняла ее сейчас. — *Родители искали в регионе самый сильный дом для меня.*

— *И ты попала в хороший дом?* — спросил ровно Робин, но Мисаки ощущала напряжение в его голосе.

— *С кем ты говоришь? Ясное дело*, — напряжённо сказала Мисаки, хотя пыталась скрыть это за возмущением. — *Мацуда, Дом Шепчущего Клинка.*

— *Мисаки, неплохо!* — Робин чересчур старался звучать как обычно. Он покачал головой. — *Все кажется таким... старомодным.*

От этого замечания Мисаки рассмеялась искренне.

— *Ты только сейчас заметил, что мы старомодные? Ты не заметил, как мы освещаем дом?* — она показала фонарь-кайири в левой ладони, правая все еще защищала Робина от дождя. — *Или то, что отец звал тебя Сын Кри?* — титул, который веками использовался для обращения к таджакам неизвестного происхождения. — *Мы чтим старые традиции воинов, о которых забыл остальной мир, и мы гордимся этим.*

Дождь усилился, Робин поймал ее ладонь, дал воделиться на него. Создания огня обычно дрожали под дождём, но Робин Тундиил отличался от остальных. Его кожа дисанки была темнее кожи Мисаки, но светлее, чем у яманки, еще и сияла, как аура литтиги, но теплее. Он сиял в ливень. Капли испарялись, падая на него, тихо шипя. Туман ловил огненное сияние его кожи, укутывая его огненным паром.

— *Я не хочу уходить без тебя,* — сказал он.

Мисаки смотрела на него сквозь дождь, увидела незнакомые эмоции в угольно-черных глазах. Робин Тундиил, Жар-птица, борец с преступниками, заставляющих опытных преступников дрожать, боялся.

— *Я буду за тобой,* — она сжала его руку. — *Как мы планировали.*

— *Неделя,* — твердо сказал Робин. — *Ты вернешься в Кариту через неделю?*

— *Да,* — если все пройдет по плану. — *Вернусь.*

Если пойдет не по плану... Мисаки не могла сейчас думать об этом. Если она позволит разуму пойти в ту сторону, она не сможет отпустить рукав Робина.

— *Да,* — Робин кивал себе, а не Мисаки. — *Ты умнее в этом, чем я. Я доверяю тебе.*

«Глупый», — фыркнул голос в ее голове, но его заглушила часть нее, которая надеялась, что Робин был не так глуп, что его доверие не было ошибочным. Задумавшаяся, она не заметила, как Робин склонился, пока его губы не встретили ее.

Она напряглась с тихим звуком удивления. Вода, которая пропитала вещи Робина, нагрелась тайей, шипела паром, касаясь холодной кожи Мисаки. Робин не отпрянул от холода, как разумный таджак, а прильнул, пил холод, словно страдал от жажды. Мисаки таяла.

Поцелуй был одной из странных практик Кариты, которые сначала пугали Мисаки, а потом соблазнили. Романтический обычай попал в Кариту от белых рабов из Хейдеса на пике колоний Яммы. Многие таджакки не целовались, но Мисаки помнила, как думала, когда губы Робина впервые легли на ее, что она никогда не была так рада тому, что этот таджак рос в трущобах белых варваров.

Укутанная его жаром, она гадала, как это заманивало белых адинов без джийи или тайи. Где была магия, когда ничего не шипело между ними? Где был восторг в поцелуе, который не искрился, не вызывал пар и жжение? Робин держал ее, обвинив паром, а потом прервал поцелуй.

— *Прости,* — сказал он, Мисаки коснулась покальывающих губ, стараясь выглядеть возмущенно, а не восхищенно. — *Я должен был... на всякий случай... Прости. Я прост нервничаю.*

— *Почему?* — Мисаки рассмеялась, чтобы скрыть, что и она нервничала, а то и сильнее. — *Ты свое дело сделал. Ты был чудесен.*

— *А если этого не хватило?* — спросил Робин. — *Если они скажут нет?*

— *Этого не будет.*

— *А если будет?*

Мисаки пожала плечами.

— *Тогда ответ — нет.*

— *Просто для меня странно, что ты даёшь другим говорить, с кем ты проведёшь остаток жизни.*

— *Не другим, — сказала Мисаки. — Это мои родители. Они знают меня лучше всех, и я доверяю их суждению. Так я знала, что ты им понравилась, — она улыбнулась.*

— *Как скажешь... Придется довериться твоему опыту, — Робин рассмеялся. — У меня мало опыта... с семьями.*

Робин потерял родителей и других родных, кроме брата-близнеца, Ракеша, в стычках на границы Ранги и Дисы, когда ему было пять. Такая потеря могла разбить ребенка, но Робин как-то собрал кусочки в широкую улыбку и сердце, открытое всем. *Голос тех, кого заткнули, убежище беззащитных, кулаки бессильных.*

Мисаки не соображала, она встала на носочки и поймала рот Робина в ещё одном поцелуе. Фонарь выскользнул из ее пальцев и плюхнулся на землю, забытый, ее волосы запутались в волосах Робина. Они были жёстче волос Кайгена, прямее кудрей Яммы — аномалия, как все в нем. Ее боец, который ценил жизнь. Ее теонит, который целовался как адин. Ее джиджака, пьющий холод так, словно он мог его питать.

Они разделились, когда автобус загремел на дороге, фары сияли в дожде. С румяными щеками они встали на приличном расстоянии, фары задели их пар, автобус остановился. Водитель вышел, шурясь, чтобы разглядеть подростков в дожде.

— Два? — спросил он на диалекте Широждимы с акцентом Ишихамы.

— Нет, — Мисаки покачала головой и указала на Робина. — Только один. Он не говорит на кайгенгуа или диалекте, так что проследите, чтобы он не пропустил остановку. Главная станция Широждимы.

— Конечно, Оджо-сама, — с уважением сказал водитель, заметив герб Цусано на юкате Мисаки. — О нем позаботятся. Есть большие сумки? — он указал на багажное отделение под сидениями пассажиров.

— Нет, — сказала Мисаки, Робин взял свою водонепроницаемую сумку и повесил на плечо. Близнецы Тундиил недавно разбогатели, но привычки Робина еще не изменились. Он все еще собирался как мальчик, выросший в приюте.

— *Что ж, — Робин поправил мокрый плащ. — Прощай, Оджо-сама, — он поклонился низко и прижал костяшки к губам в очаровательно странном сочетании прощания Яммы и Кайгена, которое он только выучил.*

— *Ах, стой!* — Мисаки схватила фонарь с лужи, куда выронила его. — *Постой, Робин!* — она высушила фонарь, вытянув джийей воду, и подняла его. — *Пока ты не уехал...*

— *О, — Робин улыбнулся. — Конечно, — он прижал ладонь к фонарю, разжег огонь пальцем. Пар зашипел, когда загорелся фитилек внутри.*

Фонарь озарял Робина, садящегося в автобус. Он улыбнулся ей еще раз. Дверцы закрылись, и автобус поехал прочь, гравий хрустел под шинами.

В Арашики путь был долгим, но фонарь Мисаки горел всю дорогу, хотя дождь не прекращался. Поцелуи все еще покалывали на губах Мисаки, как и ее обещание «Я буду за тобой». Она вышла из-за деревьев у утёса, спустилась по мокрой лестнице в склоне, фонари подмигивали, озаряя окна могучего Арашики. Почти весь регион использовал электричество

в домах для освещения, но бури, бьющие по Арашики, делали электричество ненадежным. Они все еще использовали переносные фонари-кайири для света.

Лестница в Арашики была с грубыми перлами, чтобы Цусано и гости не рухнули в океан внизу. Мисаки не боялась упасть, как в детстве. Она уже не создавала тонкий слой льда под таби, чтобы каждый шаг был закреплен на камне в ветреную погоду. Камни и высота уже не пугали ее. За последние четыре года ее страхи стали крупнее и менее физическими.

— Ах, Мисаки, — Тоу-сама подарил ей широкую улыбку, когда она вошла. — Твой друг сел в автобус?

— Да, — волосы и юката Мисаки промокли, но быстрый взмах руками превратил воду в пар.

— Надеюсь, вы попали туда до дождя.

— Нет, но он будет жить. В Карите порой идет дождь. Он просто не привык к такому, как тут.

Робин провел неделю в Арашики. Некоторые говорили, что было глупо пересекать мир, чтобы остаться ненадолго, но Робин не мог долго быть вдали от своего города, все развалилось бы. За несколько дней в доме Цусано он смог подружиться со всеми, несмотря на языковой барьер. Это делал Робин. Он все сделал, чтобы это сработало. Теперь Мисаки нужно было постараться.

Она нервно вдохнула.

— Что-то не так, Мисаки?

— Он уехал, и мне... нужно поговорить с тобой, Тоу-сама.

Она хотела выждать до завтра. Было уже поздно, и ее отец скоро пойдет спать, но она не могла ждать. Она не сможет отдыхать, если вопрос останется в ее разуме.

— Буря только начинается, — сказал он. — Дальше нужно говорить внутри.

Мисаки прошла за отцом во внутреннюю гостиную Арашики, так глубоко, что она была, по сути, пещерой в склоне утеса. Даже тут дождь все еще громко бил по стенам Арашики, смешиваясь с шумом волн, бьющих по камням внизу. Мисаки села на колени напротив отца, опустила фонарь между ними.

— Ну, Мисаки, — мягко сказал Тоу-сама, — что такое, дитя?

— Тоу-сама... я не хочу тебя оскорбить...

— И не оскорбляешь, Мисаки, — его тон был легким, веселым. — А собираешься?

— Просто... Я знаю, что тебе тяжело далась моя помолвка с Мацудой Такеру. Я не хочу, чтобы ты думал, что я не ценю это. Я ценю. Правда. Но... П-просто... — Наги, почему она так запиналась? Она вдохнула, чтобы собрать слова. — Я знаю, что Робин сказал тебе... я просила его сказать тебе... что он тут был для проекта.

— Ты не поэтому привезла его сюда, — Тоу-сама точно увидел насквозь ее ложь, он мог читать людей так же хорошо, как и погоду.

— Прости, что врала, Тоу-сама, — она склонила голову. — Мне нужно было, чтобы ты встретил его, чтобы ты понял, что я... о чем я хочу тебя попросить.

— Цветочек, мне теперь интересно. Говори.

— Я, кхм... я не хочу выходить за Мацуду Такеру, — выпалила она, закрыв глаза. — Я хочу уехать с Робинем в Кариту.

Она открыла глаза, выражение лица Тоу-самы было нечитаемым в мерцающем свете фонаря.

— Он согласился жениться на мне, — быстро добавила она, голова кружилась, словно в

груди не хватало воздуха для всех слов, которые нужно было донести до отца. — Я знаю, что Каа-сан хочет, чтобы я вышла замуж юной, и ты хочешь, чтобы мое будущее было надежным. Ты видел, какой он хороший боец, и он унаследовал достаточно денег, чтобы содержать семью, и я буду в браке, подобающем моему статусу — технически, выше, ведь Тундиилы — благородные манга коро на их родине. Конечно, ты — мой отец. Я бы не стала без твоего разрешения...

Она посмотрела на Тоу-саму с тревогой. Она так крепко сжимала кулаки, ногти вонзили полумесяцы в ее ладони.

— О, Мисаки... он хороший, — голос Тоу-самы звучал искренне, так почему он был так печален?

— И, — она уже не могла слушать тишину. — Твой ответ?

— Нет.

Мисаки подавляла гнев — и горе — поднявшийся в груди. Она ожидала такой ответ. Она знала, что шанс был маленьким. Она не могла злиться на отца. Она могла злиться только на себя, что надеялась, что дала Робину надеяться. Когда близнецы Тундиил узнали о своем наследии, Мисаки увидела шанс. Робин хорошо сражался, был сыном хорошей семьи, с наследием. Вдруг он совпал со всеми требованиями для брака с дочерью крупного дома. Был шанс...

— Мисаки, — сказал Тоу-сама, и хоть она злилась, она не могла слышать у него такую печаль. — Прос...

— Прощу, — сказала Мисаки сдавленным голосом, который казался слишком хрупким для нее. — Не извиняйся, Тоу-сама. Я понимаю.

Она понимала. Робин был дисанка. Его народ унаследовал силы, смешав их с завоевателями из Яммы, его кровь не была чистой. Мисаки, конечно, увидела достаточно, чтобы знать, что чистота рода не так сильно влияла на способности человека, как тут думали, но она не ожидала, что ее опыт изменит традиции приличия Кайгена.

Если бы Мисаки вышла за Робина, их дети были бы смешаны еще сильнее, были бы хуже по традиционным стандартам. Огонь и вода могли уравновесить друг друга, но плохо смешивались в детях. Она это знала. Почему она это делала? Как она могла думать, что ее родители позволят ей выйти за иностранца? Почему она думала, что это сработает? Почему она думала, что встреча с Робинем заставит ее отца передумать?

— И... — она пыталась нормально дышать. — Ты заставишь меня выйти за Мацуду?

— Нет, Мисаки. Я не могу заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь. Ты — Цусано, буря, но я приказываю тебе выйти за Мацуду Такеру.

Значение было понятным. Она могла бросить помолвку. Могла ухать в Кариту с Робинем, но тогда она пойдет против отца. Осознание сдавило ее физической болью в груди. Почему? Боги, почему он делал это с ней?

— Мисаки... — голос Тоу-самы не был строгим или жестким. Он звучал тихо, казалось, страдал не меньше нее. — Я делаю это не для того, чтобы тебе было больно.

— Но почему? — Мисаки не могла сдержать слезы, льющиеся по щекам. — Только из-за того, что Робин — не джиджака? Потому что его сила генетически не сочетается с моей? Какая разница? Я — девушка. Я не собиралась продолжать род Цусано...

— Это для меня не важно, — решительно сказал Тоу-сама. — Он мог быть джиджакой или адином без сил и семьи, мой ответ не изменился бы.

— Не понимаю. Если дело не в крови, то в чем? Что с ним не так?

— Ничего, милая. Ничего. Мне не нужно было встречать его лично, чтобы это знать. Я не был идеальным отцом для тебя, но Наги знает, я вырастил не дуру. Ты бы не выбрала себе кого-то не гениального, а он такой. Умный, решительный и добрый... — он вздохнул, — но ты не должна идти за ним по его пути. Тебе нельзя выйти за него.

— Почему?

— Тот мужчина, каким он станет, приведет тебя в опасность и трагедию. Я не давил на тебя, когда ты ввязалась в жестокие дела в академии Рассвета, но он был источником этого, да?

— Я... — Мисаки не могла спорить, но и не могла озвучить проблему глубже. «Меня влечет к опасности».

— Да, Тоу-сама, — тихо сказала она.

— Понимаю, — сказал Тоу-сама, — это часть очарования. Не думай, что я узнал это. Когда я был в твоём возрасте, учился управлять Бушующими волнами, я желал войны.

— Что? — удивилась Мисаки. Тоу-сама всегда был пацифистом, прощающим, хоть и сильным. Желание войны не было на него похоже.

— Я рос с прекрасными историями о Келебе и днях до нее, когда наши люди топили корабли и бились с нарушителями. Пока я тренировался, я жаждал шанса показать навыки в бою, как герои из легенд. Я мечтал, что ранганийцы или неизвестные враги приплывут к нашему Арашики, чтобы утолить эту жажду. А в один день жажда пропала. Ты знаешь, в какой день это было?

Мисаки покачала головой.

— Это было в день твоего рождения, Мисаки. Я начал строить нечто лучше и красивее славы воина, и мысль о войне была мне неприятна. Мысль, что моя девочка пострадает или моих мальчиков заставят идти на войну... Любящий родитель не хочет думать о таком, даже закаленный воин. Теперь я старик, уже не на пике, и я рад, что мне не пришлось доставать меч в настоящем бою. Я не хотел опасности тебе и твоим братьям, ради всей славы мира.

— Понимаю, Тоу-сама, — слезы все еще были на щеках Мисаки. Она понимала логику. — Но при чем тут...

— Жизнь опасных приключений манит сейчас, когда ты юна и якобы непобедима, но однажды у тебя будут дети, и ты не захочешь для них такой жизни.

— Робин не подвергнет своих детей опасности, — возразила она. — Он своей работой спасает детей. Он не подвергнет своих риску.

— Не намеренно, уверен. Но мужчины, как то... зло преследует их всюду. Он хороший, — снова сказал Тоу-сама, — но он — игрок, и я не могу рисковать жизнью дочери. Ты поймешь, когда у тебя будут свои дети.

Мисаки опустила голову, скрывая боль на лице. Она проиграла спор. Она ожидала что-то другое? Ее отец был мудрее и методичнее всех, кого она знала. Он продумывал все. Как она могла преодолеть это полным сердцем и слезами?

— Мацуда Такеру — способный воин, а еще разумный, он может дать тебе и вашим будущим детям стабильную мирную жизнь, — сказал Тоу-сама. — Он не из тех, кто ищет проблемы и приносит тебе. Он убережёт тебя.

Тоу-сама ощущал агонию в своей дочери, понимал ее, но не мог ослабить боль.

— Я оставлю тебя, — сказал он и покинул комнату, буря завывала.

Свет в фонаре угас.

* * *

Через месяц Мисаки вышла за Такеру, второго сына дома Мацуда, мастера Шепчущего Клинка. В Такаюби было зловеще тихо. Она жаждала шума волн Арашики, постоянного гула Ливингстона, чего-нибудь, чтобы убрать давящую тишину вокруг нее. Может, из-за этой тишины шаги на крыльце тут же привлекли ее внимание. Она прошла и открыла дверь, ожидая, что увидит соседа с запоздалым свадебным подарком. Она не была готова обнаружить сияние и запах дыма, которые она пыталась забыть.

— Робин! — ее сердце дрогнуло от эмоций — шок, ужас и что-то, чего не должно было там быть. Надежда? Это было неправильно. Это не имело смысла.

— Мисаки! — его лицо озарила улыбка облегчения. — *Все-таки, тут написано «Мацуда»*, — он перевел взгляд с записки в руке на каменную табличку над дверями дома.

— *Что ты тут делаешь?*

— *Я должен был тебя увидеть.*

— *И ты пришел в дом моего мужа? Из Кариты? С ума сошел?* — даже с новым богатством Робина путь был дорогим, и он прибыл сам.

— *Я должен был убедиться, что ты была в порядке... и помочь тебе уйти, если не в порядке.*

— *Уйти?* — Мисаки хотела прозвучать возмущенно, но прозвучало слишком высоко и беспомощно. — *Робин, я вышла за Мацуду Такеру. Это теперь мой дом. Я не могу уйти.*

— *Конечно, можешь*, — глаза Робина решительно пылали, это всегда влекло Мисаки в нем. — *Ты — не пленница. Ты — Сираву, Тень. Ты можешь ходить всюду.*

Он потянулся к ее руке, но она отпрянула.

— *Не трогай меня. Ты не можешь... то есть... Робин, я замужем.*

— *Знаю. Я пытался связаться с тобой, как только услышал. Мисаки... почему?* — его голос оборвался, и она отвела взгляд, не могла смотреть в его глаза. — *Как это произошло?*

— *Это... не важно*, — сказала она своим ногам. — *Это произошло. Теперь это сделано.*

— *Нет*, — Робин качал головой. — *Я это не принимаю. Ты не можешь просто сдаться.*

— *Кто сказал, что я сдалась? Я приняла решение.*

— *Почему ты не сказала мне?* — впервые обида проникла в голос Робина. — *Ты просто пропала. Почему?*

Надежда и отрицание покалывали в Мисаки, бились, пока она искала слова. Но их не было. Она не могла объяснить...

— *Тебе нужно уйти*, — сухо сказала она.

— *Нет. Мисаки, я не уйду. Я не могу.*

— *Я тут в порядке, Робин*, — соврала она. — *Тебе нужно уйти сейчас. Обещаю, все хорошо.*

— *Ты так говорила в последний раз*, — он звучал обиженно. — *Я не должен был тебя оставлять, и я не сделаю это снова.*

Конечно, простого «ты должен уйти» не хватило для Робина. Если она хотела, чтобы он ушел, ей нужно было ранить его, сделать себя врагом. Тогда он отвернется от нее и будет жить дальше. Робин всегда преодолевал врага, он плохо справлялся с совестью. Она всегда была беспощаднее, чем ее друг. Годами она использовала это, чтобы поддержать его, заполнить бреши, которые его темперамент оставлял в его работе. Теперь она этим ранит его.

— *Я сказала, что поговорю с родителями. Я не обещала решить или сказать тебе, когда решение было принято.*

— Это глупо. Ты...

— Я развлекала тебя, Тундишл, — сказала она, — из уважения к опыту, который мы разделили в Карите, но ты должен был знать, что это не могло произойти. Ты думал, что я могу выйти за сироту-дисанку? Мальчика, выросшего на улице?

Робин дрогнул.

— Нет, — очень тихо сказал он. — Не делай этого.

— Что? — рявкнула Мисаки. — Не говорить правду?

— Не пытайся защитить меня.

— Защитить тебя? — Мисаки фыркнула, пытаясь скрыть, как его мягкие слова потрясли ее. — Я пытаюсь заставить тебя уйти...

— Ты пытаешься ранить меня, — сказал он. — Чтобы я ушел отсюда без угрызений совести.

Она стиснула зубы.

— Я знаю твои уловки, Мисаки. Они не сработают на мне, — его голос стал нежным, невыносимо понимающим...

— А я знаю твои, — резко сказала она. — Не говори со мной таким голосом. Я не безумная с мачете у чьей-то шеи, — но могла быть такой. Напряжение и бессильная ярость между ними соперничали с любой стычкой с преступником. — Ты прибыл сюда, чтобы ворваться туда, куда тебя не звали. Если кого и нужно отговорить, то это тебя.

— Ты не отвечала на мои послания.

Мисаки помедлила в смятении. Она не получала послания. Почему? Ее муж и свёкор перехватывали письма? Они...? Нет, это было не важно. Она не ответила бы.

— Ты не думал, — сказала она, — что я не хотела с тобой говорить?

Она думала, что не могла никого расстроить. Если бы она слушалась отца и больше не общалась с Робинем, ее старый друг забыл бы о ней, жил дальше, и ей не пришлось бы столкнуться с ним. Робин все это испортил. Проклятье!

— Мне просто нужно понять, — сказал он. — Мне нужно, чтобы ты была честной со мной. Ты этого хочешь?

Мисаки выпрямилась, применяя позу, какой научилась из-за высоких теонитов.

— Да, — сказала она ледяным голосом. Она не ощущала себя высокой.

— Я тебе не верю, — его нежный голос вызвал в Мисаки гнев.

Он сжала кулаки.

— Как ты смеешь?

— Что?

— Как ты смеешь говорить, что уважаешь мой выбор, а потом перечить с этим, потому что ты не согласен? Как ты смеешь говорить, что уважаешь мою автономию, а потом отрицать ее, потому что так ты не удержишь меня.

— Я... это не то, что я...

— Что, Тундишл? Ты уважаешь мои решения или нет?

— Да, — заявил Робин, повысив голос. — Ты это знаешь, Мисаки! Потому я переживал за тебя. Это... — он махнул вокруг себя, от сковывающего кимоно Мисаки до тихой деревушки и холодной горы вокруг нее. — Это не то, что ты выбрала бы по своей воле.

— Я это выбрала, — упрямо сказала Мисаки. Проклятье, почему слезы сдавили ее горло? Почему Робин прибыл сюда? Зачем делал это с ней? — Может, ты меня не так хорошо знаешь.

— Но...

— Ты думаешь, что понимаешь меня, потому что мы ходили в школу вместе несколько лет? — она подавляла слезы. — Кем ты себя возомнил?

— Твой друг, — сказал Робин, и Мисаки никогда не видела столько боли в его пронзительных черных глазах. — Мы не просто учились вместе, мы сражались вместе, спасали друг друга...

— Я — дочь дома Цусано, — голос Мисаки стал выше, было сложно управлять им. — Думаешь, твои грубые мелкие драки в переулках были для меня чем-то больше хобби? Ты ожидал, что я останусь там, в том грязном городе с адинами?

Это попало в цель, вызвало первую искру гнева на лице Робина.

— Не говори так.

— Прости, — сказала она, давя на преимущество, хоть что-то в ней кричало. — Я думала, ты хотел честности, но ты не понимаешь...

— Так объясни мне, — сказал Робин, слова были умоляющими и напряженными. — Честно. Потому что это выглядит как навязанный брак.

Но Мисаки не могла объяснить честно. Для этого пришлось бы признать, что она все еще любила его. Она не могла сказать ему об этом. Она не могла никому рассказать.

— Сьюро, Мисаки. Я знал, что ты любила свою семью, но не думал, что ты — трусиха.

— О, вот, кто я? Я приняла решение, которое тебе не нравится, и я — трусиха?

— Дело не во мне! — вспыхнул Робин. — Ты не обязана выходить за меня, если не хочешь, не нужно возвращаться в Кариту или видеть меня снова, если не хочешь, но прошу... не оставайся тут. Как твой друг, я не могу тебя бросить.

Мисаки не отпрянула, когда Робин взял ее за руку и потянул. Но она вздрогнула, когда волна ньямы пронеслась по крыльцу через миг. Такеру.

— Мисаки, — сказал ее муж, появившись у ее плеча стеной холода. — Что тут происходит? Кто это?

— О! — Мисаки вырвала руку, переводя взгляд с Такеру на Робина в панике. — Это... кхм...

Робин сжал кулаки. Он хмуро глядел на Такеру с пылающей ненавистью, которую он обычно оставлял убийцам. Мисаки поняла, что он заметил, как она вздрогнула, и подумал худшее. Боги, почему она вздрогнула? Почему?

Джийя Такеру понизила температуру до мороза. Он и Робин не говорили на одном языке, но их взгляды не требовали перевода. Оба показали, что кто-то вот-вот умрет.

— Стойте... — слабо начала Мисаки, но не знала, что сказать. Что делать в такой ситуации?

Робин не дрожал под силой холода, но Мисаки видела по его лицу, что он растерялся. Теониты, сильные, как Робин, не привыкли к тому, чтобы их ньяму подавляла другая.

— Так ты — муж Мисаки? — Робин заговорил на ямманинке, но это не помогало. В этой части Кайгена никто не говорил легко на ямманинке. — Ты разве не вдвое старше нее?

Такеру шагнул вперед, искры трещали на пальцах Робина.

Он не победит.

Робин был хорошим уличным бойцом, лучше, чем должен быть сирота-самоучка. Его естественная грация и тайя выше среднего делали его непобедимым против не обученных слабых преступников в Ливингстоне. Но это была не Карита. Это было место силы, которое охраняло Империю годами. Критическое мышление и сила воли Робина помогали в бою с

теонитом сильнее, но Робин еще не сталкивался ни с кем уровня Такеру. Бой с Мацудой среди льда и снега был смертельным приговором.

— *Робин, нет,* — предупредила Мисаки на линдиш. — *Ты ему не ровня.*

— *Потому ты остаешься тут?* — осведомился Робин с отвращением на лице. — *Потому что боишься его?*

Выражение его лица сулило катастрофу. Он был готов избить кого-нибудь, но Такеру не отступит, как преступник из Ливингстона или боец с мачете. Он убьет Робина, если понадобится.

— Скажи этому мужчине, что ему тут не рады, — сказал Такеру. — Он должен уйти, пока его голова не отделилась от тела.

Слова напугали Мисаки. Она пыталась не выглядеть напугано, переводя их для Робина.

— *Ты боишься его,* — сказал Робин. — *Я не могу бросить тебя тут.*

Разум Мисаки кипел. Это была настоящая угроза Робину. Она не убедила бы его отступить, сказав ему, что Такеру был слишком силен. Нужна была другая тактика.

«Спокойно, Мисаки. Успокойся», — она подняла голову и постаралась говорить как можно холоднее:

— *Правда, Робин? Ты думаешь, что я достаточно глупа, чтобы выйти замуж за того, кто мне навредит? Раз тебе нужно уточнить, мой муж пытается защитить меня о безумца, который появился из ниоткуда, чтобы мучить меня.*

Темные сияющие глаза Робина, как живые угли, смотрели то на нее, то на Такеру. Она знала этот взгляд. Он думал, как поступить правильно. Это было непросто, но правильно. Он опешил на миг, но Робин всегда делал правильно, как бы тяжело ни было. Потому Мисаки всегда следовала за ним, потому любила его.

— Тебе тут не рады, чужак, — сказал снова Такеру, и Робин понял смысл. — Это твой последний шанс уйти целым.

— *Я...* — Робин был не уверен. — *Мисаки, я не уйду без тебя.*

Такеру шагнул вперед, воздух стал холоднее. Робин занял боевую стойку.

— Нет! — Мисаки не сдержалась, сжала запястье ведущей руки Такеру, сбив его джийю, пока легендарный Шепчущий Клинок не появился в его пальцах. Ее новый муж — все еще чужак — посмотрел на нее с долей удивления. — О-он просто мальчик, — попыталась объяснить она. — Он не в себе. Не стоит его убивать, Такеру-сама. Пожалуйста... я не хочу, чтобы это было на вашей совести.

Мацуда Такеру смотрел на нее с нечитаемым лицом.

— Ты можешь уговорить безумца отстать от тебя?

— Да, сэр.

Мисаки холодно посмотрела на Робина, ее лучшего друга, единственного, кого она хотела.

— *Мой муж переживает за мою безопасность, но он щедро согласился не убивать тебя, если ты сейчас уйдешь и больше тут не появишься,* — Робин медлил, и она сделала голос ледяным. — *Если ты не уважаешь мое решение, давай. Бейся с ним. Умри.*

Огонь Робина дрогнул от его неуверенности. Его огромные глаза выражали смятение и предательство, но Мисаки видела, как он преодолевал ситуации хуже. Он всегда сражался. Он всегда поступал правильно.

Огонь между его пальцев угас, он опустил взгляд.

— *Если ты этого хочешь.*

— *Хочу*, — процедила Мисаки.

— *Прости, что побеспокоил*, — опустив голову, Робин повернулся и пошел прочь.

Джийя Такеру опустилась рядом с Мисаки, мороз пропал из молекул воды вокруг него.

Но Мисаки вдруг стала задыхаться.

Робин уходил? Робин уходил.

Мисаки открыла рот, чтобы крикнуть ему: «Вернись! Прощу, Робин! Забери меня с собой!». Но звука не было. Дыхание замерзло в ее груди.

Такеру сжал ее руку.

— Идем, Мисаки. Тебе нужно быть внутри, где безопасно.

Она онемела, не могла сопротивляться, холодное существо, за которое она вышла замуж, увело ее в дом Мацуды и закрыло двери.

«Почему он ушел? — голос, полный боли, визжал в Мисаки. — Он — Робин. Робин всех спасает. Робин не бросит друга. Почему он ушел?».

Но честная часть нее знала правду: он был просто мальчиком. Несмотря на его способности и достижения, сверхчеловеческий дух, Робину Тундиилу было всего девятнадцать. Он был вне своей стихии, в культуре, которую не понимал, попал между людьми старше и, как он подумал, умнее него. Он поступил правильно, он мог сделать только так, когда она смотрела ему в глаза и сказала уходить.

Робин всегда обращался к ней в делах протокола, политики и людей. Почему она думала, что он магически поймет то, что она сама едва понимала? Почему она ожидала, что он прочтет ее и отреагирует как мужчина? Ответ был неприятный: «Потому что ты боишься сделать это сама. Ты — трусиха, Мисаки».

Если она не могла вести свои битвы, почему Робин должен был ей помогать? Как он мог спасти ее, когда она не поднимала и палец, чтобы спасти себя? Что Робин сделал бы? Бился с Шепчущим Клинком и остальной горой, чтобы забрать ее? Это было ему не по силам. У него не было силы изменить ситуацию... только она могла. И она была слишком слаба, чтобы сделать это.

Трусиха, как она, не имела права на кого-то, как Робин, на будущее с ним. Но она сжалась и рыдала. Громкие всхлипы потревожили бы тишину, привлекли бы внимание мужчин дома Мацуда, так что она заглушила звуки длинными рукавами.

Такеру нашел ее сам ваати спустя, сжавшуюся посреди спальни, трясущуюся.

— Мисаки...? — его обычно холодный голос приобрел нотку тревоги. — Ты в порядке?

— Да, — скрывая лицо, Мисаки заставила слезы испариться, подавила дрожь. — Да, Такеру-сама.

На следующий день Мисаки нашла сумку, которую Робин оставил ей, спрятанную под углом крыльца. Там была только одна вещь: меч, который был ее спутником во всех их приключениях — последняя просьба вспомнить все, что у них было.

Она сидела на коленях, пряча Дочь Тени, долгое время, гладила рукоять из зилазенского стекла. Тоу-сама говорил, что были вещи лучше и красивее, чем пыл боя.

«Ты поймешь, когда у тебя будут дети», — это будет того стоить, когда у нее будут дети.

Тоу-сама обещал.

ГЛАВА 20: ПРОШЛЫЙ РАЗ

Мисаки пришла к логическому заключению, что она была в Аду. В пострадавшем мозге только это имело смысл. Ни одна ночь на Дюне не тянулась так долго, как та ночь в бомбоубежище в Такаюби. Где-то в хаосе пуля попала по ней и отправила ее душу в огни

вечности. Ее искаженная душа не могла пройти в покой Лааксары. В этом был смысл.

Но утром громкоговорители сообщили, что место было безопасным, и двери бункера открылись, впуская свет смертного мира.

Яркость сначала ослепила. Мисаки моргала, растерявшись, оказавшись в реальном мире, тело болело и было живым. В тумане она опустила взгляд и поняла, что Изумо не было на ее коленях.

Паника подняла ее на ноги, посылая уколы боли в грудь. Она щупала себя, нашла пустые ножны Сираденьи, но ребенка не было.

— Изу-кун? — взволнованно повернулась она. — Нага-кун?

Глаза привыкли и увидели Аюми в руках одной из женщин Мизумаки, но где были ее сыновья? Она вдохнула для крика, когда нашла их. Ее плечи расслабились, она издала тихое:

— О.

Изумо был в руках в саже, спал у груди Ацуши. Ночью, наверное, в поисках контакта с человеком, или чтобы утешить рыдания, которые Мисаки не слышала, сын кузнеца забрал младенца. Нагаса пробрался под руку Ацуши и уснул с головой рядом с Изумо, а Хироши прислонился к ним спиной к детям.

Они выглядели странно, мальчик Котецу в тунике кузнеца и мальчики Мацуда в хороших кимоно, спутались вместе, забрызганные кровью и грязью. Слезы высохли в саже на щеках Ацуши, указывая, что он уснул, рыдая. Но десятилетний мальчик держал мальчиков Мацуда всю ночь, пока их родители слишком замерзли, чтобы это делать.

Хироши первым проснулся в свете утра. Или он и не спал. Круги под его глазами намекали, что он провел ночь, как Мисаки, глядя во тьму.

— Ты в порядке, Хиро-кун?

Глаза Хироши были налиты кровью, когда он посмотрел на мать. Он скованно кивнул. Та часть ее младшего сына, которая была ребенком, пропала.

Мисаки посмотрела на мальчика-нуму, держащего двух ее младших. Она не хотела будить его.

— Ацуши, — она нежно коснулась плеча мальчика. — Ацуши-кун.

Он пошевелился. Губы двигались.

— Каа-чан? — тихо сказал он, и Мисаки подавила волну вины.

— Нет, Ацуши-кун, — сказала она, пока он сонно моргал. — Это я.

Горе пробилось на его лице со смущением.

— О... Я... М-Мацуда-доно. Мне так жаль.

Мисаки хотела улыбнуться ему. Но ее лицо не смогло.

— Все хорошо, Ацуши-кун. Спасибо, что присмотрел за моими сыновьями.

Она склонилась за Изумо, но замерла, кривясь от боли в груди.

— Вы в порядке, Мацуда-доно? — спросил Ацуши.

— Да, — сказала Мисаки, хотя выдавить даже одно слово было больно.

— Я могу понести ребенка, если нужно.

— Я его заберу, — сказала другая женщина — младшая из двух Мизумаки, которые помогли нести малышкой Мацуда ночью. Фуюко. Так ее звали. Ее отец и брат не вернулись из боя. — Если вы не возражаете, Мацуда-доно? — девушка протянула руки к Изумо.

— Т-ты... — *ты не обязана*, начала говорить Мисаки, но легкие не слушались.

— Мне не сложно, — сказала Фуюко и осторожно взяла Изумо на руки.

Мисаки дала женщине нести Изумо, жители деревни стали выходить из бункера. Она

даже взяла Ацуши за руку, когда он предложил поддержать ее, остатки Такаюби выходили из убежища на свет.

Разрушение раскинулось перед ними, дымясь. Кабинет мэра возле входа в бункер был разгромлен, как и башня инфо-ком рядом с ним.

— Смотрите под ноги, мальчики, — предупредила Фуюко Ацуши, Хироши и Нагасу, поднимая край кимоно, чтобы переступить балку упавшей башни инфо-ком.

— *Хоть для чего-то башни пригодились, да?* — сказал Чоль-хи отцу на кайгенгуа. Он звучал подавленно.

— *Причину не назвать хорошей,* — сказал Тэ-мин.

Бомбы оставили зияющие дыры в некоторых домах, многие были полностью разрушены, стали щепками. Тела усыпали склон горы, многие были кусками, кайгенцы и ранганийцы смешались в крови и кусках костей. Пока они шли, Мисаки притянула Нагасу к себе и закрыла ладонью его глаза, словно могла оградить его от этого.

Авиаудар был разрушительным, но не был излишним. Судя по количеству тел в желтой и черной форме среди обломков, ранганийцы наступали по горе ночью, давая пилотам мишени. В результате деревню разгромили.

Оставшиеся жители Такаюби медленно расходились, вялые от горя и шока. Некоторые разгребали обломки домов, искали тела любимых. Некоторые просто стояли там, где они жили, растили семьи, лица были пустыми от потрясения.

Деревня была необходимой жертвой. Мисаки это понимала, с тактической точки зрения. Потому она не могла объяснить гнев и ужас, поднявшиеся к ее горлу.

Она уже видела разрушения. Она была в Ливингстоне во время правления ужаса Каллейсо, но тогда было не так плохо. Она поняла со стыдом, что те ужасы для нее принадлежали жестоким странам адинов, далеко за океаном. Не тут. Не в месте, где она баюкала детей и учила их первым словам. Не в месте, где она встретила Хиори, где она смеялась над шутками и блюдами Сецуко.

Много лет Мисаки думала, что ей не было места в Такаюби, но как-то, хоть она не заметила, это место стало домом. Кто-то бросил бомбы на ее дом.

Хиори, едва держащаяся на дрожащих ногах, рухнула перед черными руинами дома Юкино. Вырезанный символ Юкино из камня, который висел над дверями, теперь лежал, треснувший, в снегу. Пальцы Хиори гладили резьбу, дрожа.

Мисаки ощутила, как за пальцы потянули, опустила взгляд. Нагаса убрал ее руку со своих глаз. Он смотрел на останки дома Юкино, где он провел много дней, играя.

— Рёта-кун? — спросил он слабым голосом.

Хироши замер рядом с ними, проследил за взглядом младшего брата на дом Юкино.

— Думаю, Рёта-кун ушел, — медленно сказал он.

— Куда? — Нагаса перевел взгляд со старшего брата на мать с мольбой в глазах. — Куда ушел?

— Эм... нервно сказала Мизумаки Фуюко, — может, стоит увести ваших мальчиков отсюда, Мацууда-доно? — она посмотрела на Мисаки. — Может, в ваш дом?

— Нет, — Мисаки вытянула руку и непустила Фуюко с Хироши и Нагасой в сторону дома Мацууда. — Там еще не убрали.

То, что Мисаки оставила в доме, было хуже того, что дети могли увидеть снаружи.

— Как...? — девушка гляделась. — Как все убрать? Нас так мало, и... — *разрушений так много.*

— Армия Империи должна скоро прибыть с помощью, — сказала Мисаки. Она не ждала много помощи от военных Кайгена, но было бы странно, если бы они не появились. Они хотя бы могли убрать тела.

Но первым делом помогло не правительство. Это сделали окружающие деревни. Рыбаки, фермеры и кузнецы, которые видели, как торнадо наступал с берега в их сторону, которые видели, где он остановился. Они появились, когда солнце прогнало туман. Когда жители Такаюби пошли встретить их, они увидели с надеждой, что некоторые волонтеры несли выживших с горы.

Ацуши первым нашел лицо, которое искал.

— Тоу-сан! — закричал он.

Котецу Каташи несли два рыбака. Он был почти без сознания, левой ноги не было ниже колена, но он все же смог широко улыбнуться сыну, подбежавшему к нему. Младший брат Ацуши и сестра тоже выжили, их несли две рыбачки. Один фина в синяках и пара испуганных детей были единственным выжившими в разгромленной западной деревне.

Мамору не было видно.

— Мы оставили нескольких мужчин ниже по горе искать выживших, — сказал старший из рыбаков.

— Хорошо, — сказал Такеру. — Спасибо за помощь.

— Это мы должны благодарить вас, Мацуда-доно, — мужчина встал на колени, и остальные волонтеры последовали примеру, низко поклонились в снегу Такеру. — Вы и ваш народ остановили эту армию, не пустив ее к нам. Мы не сможем никогда полностью отблагодарить вас.

Жители деревни со слезами воссоединялись с членами семьи, удивительно трезвый Котецу Каташи объяснил, что нуму, которые были на ногах, разбежались, когда ранганийцы напали. Конечно, многих поймали и убили, но пока ранганийцы ловили их, довольно много кузнецов смогли сбежать.

— Наш дом уничтожили почти сразу же, — сказал он, — мы даже подумать о побеге не успели. К счастью, малыши смогли выбраться из-под обломков и убежать раньше, чем фоньяки нашли нас.

Кроме Мацуда и Юкино, семьи кузнецов знали гору лучше всех. Брат и сестра Ацуши вместе с несколькими нуму укрылись в пещерах, которые не мог найти чужак.

Наложив на ногу шину, Каташи смог оттащить себя в ближайшую пещеру сильными руками. Камни Такаюби послужили убежищами от бомб, укрыли кузнецов не только от врагов, но и от авиаудара. Они скрывались под землей, пока не услышали голоса рыбаков, кричащих в поисках выживших.

Поразительно, трое мужчин выжили в резне на северном переходе: тридцатидвухлетний Гинкава Аоки, сорокаторехлетний Икено Цуйоса и его кузен семнадцати лет Икено Шун. В бою с фоньяками Гинкава ударили по голове, он потерял сознание и лежал, его не заделли другие атаки. Он очнулся в начале авиаудара и под бомбами смог пробраться среди трупов в поисках выживших. В темноте он утащил двух раненых Икено в убежище.

Он рассказал серьезно отчаянной группе жен и матерей, что больше бьющихся сердец во тьме не было. Икено Цуйоса потерял руку, а семнадцатилетний пострадал от множества ударов мечом, серьезная травма головы привела к тому, что он бредил.

— Мы принесли его, надеясь, что тут есть медики для раненых, — сказал старший рыбак Такеру. — Может, здание для операций... — он огляделся среди дымящихся развалин

главной деревни. — Мне очень жаль, Мацуда-доно. Мы не понимали, что это место было так сильно разбомблено.

— Мы устроим штаб в моем доме, — сказал Такеру, — указывая на оставшуюся половину дома Мацуда. — Придется убрать тела ранганийцев и подпереть крышу льдом, но, думаю, здание наиболее целое из всех в данный момент.

Такеру отвернулся от рыбаков, поднял джийю, где часть внешней стены дома была разрушена. Он сбил кирпичи, которые плохо держались, покрыл обломки дерева и камня плотным снегом, создавая тропу в ту часть дома, которая еще стояла.

— Ты и ты, — он указал на двух высоких рыбаков. — Помогите мне убрать тела и обломки.

— Да, Мацуда-доно! — сказали мужчины и стали выполнять приказ.

— Мы заморозим тела фоньяк во дворе, пока не представится случай избавиться от них, — сказал Такеру, не оглядываясь, мужчины шли за ним к дому. — Уберите как можно больше крови после того, как унесете трупы. Место нужно чистить, чтобы поместить тут слабых и раненых.

Рыбаки снаружи быстро стали помогать людям Такаюби создавать скамейки и укрытия изо льда у внешней стены дома. Для другого общества теонитов укрытие было бы первой тревогой среди зимы на горе, но джиджаки Кусанаги были другими. Их джийя позволяла крови циркулировать, даже когда температура тела падала. Так Мисаки всю ночь провела босиком, не отморозив пальцы. Даже ребёнок, как Изумо, спал в руках Фуюко и не страдал от холода.

Конечно, даже хороший джиджака не мог выживать вечно снаружи зимой. Через пару дней у них начнет кончаться энергия, и они будут замерзать. Без еды это случится раньше. Одеяла доставали из обломков домов, накрывали ими ледяные скамьи, чтобы было удобнее сидеть пожилым и раненым, пока они ждали, что дом Мацуда уберут. Рыбачки создали колыбели для Изумо, Аюми и других детей, укрыли их одеялами и найденной одеждой.

Когда рыбаки устроились в доме Мацуда, прибыло больше волонтеров. Воины и кузнецы с двух гор рядом с Такаюби. Семья кузнецов Тецукай привела врачей, из них двое учились в городе. Профессионалы тут же занялись предоставлением первой помощи, направляя других. Представители крепости Амено с соседней горы Тацуяма принесли корзины еды, привели дюжину воинов, чтобы помочь с поисками выживших.

Мисаки и детей увели в дом. Кабинет Такаши, который он редко использовал, стал госпиталем. Сецуко уже лежала на одеялах, все еще без сознания, два медика склонились над ней.

— Никто не ранен серьезно, — сказала Мисаки медику Тецукай, когда он провел ее в комнату и попросил ее сесть.

— Простите, Мацуда-доно. Ваш муж настоял, чтобы мы осмотрели вас.

Из ран Мисаки тревожила настойчивая боль в груди от *Лазо Лингун* фоньяки с веерами. Если ее легкие были повреждены, это не исправить бинтами, но она дала нуму обработать и перевязать порезы на ее руках.

Как только медик стал проверять раны Нагасы, Мисаки встала на колени и притянула Хироши к себе.

— Следи за младшими братьями и кузиной, — шепнула она ему на ухо. — Каа-чан скоро вернется.

— Куда ты? — спросил Хироши.

— Я поищу твоего брата, — Мисаки опустила ладонь на его голову на миг, а потом вышла из комнаты и миновала коридор. Она замерла у выжившего чулана, чтобы скрыть ножны Сираденъи и взять себе таби.

— Здравствуйте, Мацуда-доно, — сказал Котецу Каташи, заметив, как она тихо пошла к задней двери дома. Ацуши и рыбак обрабатывали его раненую ногу, чтобы она не была заражена, а младшие дети сидели неподалеку. — Куда вы идете? — спросил он, стараясь звучать бодро, хоть потерял ногу и треть семьи.

— Я... эм...

Улыбка Каташи угасла, он опустил взгляд.

— Вы не найдете его на передовой, где умерли другие.

— Что?

— Ацуши, вроде, видел его последним, — Каташи посмотрел на сына, тот кивнул.

— В деревне кузнецов, мэм, возле нашего... того, что было нашим домом.

— Спасибо, — сказала Мисаки как можно теплее и выскользнула из дома.

Она не верила, что сольётся с другими волонтерами. И она не была там единственной женщиной — жены и матери тоже искали своих воинов — но она была единственной аристократкой.

— Прошу, Мацуда-доно, — сказал рыбак, заметив символ на ее кимоно. — Вам нужно вернуться и отдохнуть. Мы принесем к вам мертвых и раненых. Это не место для леди.

— Я видела... — я видела лучше, хотела сказать Мисаки, но слова с болью застряли в горле.

Склон, ведущий к передовой, был ужасен. Тут лежали кузнецы, которые не смогли добежать до пещер. Дальше лежали тела воинов. Было сложно понять, прогнали их от северного перехода, или они поднимались сами, услышав крики жителей дальше по горе. Там был Амено Самуса, инструктор меча в начальной школе, который учил Хироши, а до этого — Мамору. Там был женщина-нуму, которая создала свадебные украшения Мисаки, рука об руку с мужем, который приходил раз в три месяца, чистил и чинил крышу дома Мацуда.

Волонтеры с надеждой замирали у каждого тела, искали признаки жизни, но пока им не везло. Любой, кого ранили тут, на открытых склонах, точно пострадал от пуль или обломков бомб императорской армии.

Мисаки видела расчлененные тела раньше, кровь и органы, разрубленных мачете людей. Но тогда она не чувствовала этого. Ливингстон в Карите был экзотической землей жутких диковинок и восхитительной опасности. Это было настоящей разницей между ней и Робинотом Тундилом: для него трагедия трущоб Ливингстона была реальной. Для Мисаки, дочери неприкасаемого благородного дома в другой части мира, это была игра, трепет, утоляющий ее жажду приключений. Это не было настоящим.

Тут все было настоящим.

— Прошу, Мацуда-доно, — сказал рыбак, голос был далеким. — Леди не должна такое видеть.

— Нет, — тихо сказала Мисаки. — Никто не должен такое видеть.

Как она была такой надменной с жизнями, которые что-то значили для Робина? Как она стряхивала ужасы и звала это силой? Тут, на склонах ее горы, каждый труп был личной потерей, и она не ощущала себя сильной.

— Почему бы вам не вернуться к семье, Мацуда-доно? — спросил рыбак.

— Я ищу ее часть, — ответила она. — Мне нужно найти сына.

— Тогда... позвольте вас сопроводить, мэм. Части этого склона могут быть все еще опасны.

Мисаки не нужно было сопровождение, но она поблагодарила рыбака и позволила ему следовать. Он не мог приказать ей уйти в главную деревню, но манеры не позволяли пускать леди бродить после боя одну.

— Как тебя зовут, рыбак? — спросила она, пока они шли по тропе. Время для беседы было странным, но Мисаки не могла терпеть тишину. Так она могла думать о том, куда шла и что неизбежно найдет.

— Чиба Мизуиро, Мацуда-доно, — его голос звучал тревожно, мужчина редко говорил с членами высоких домов.

— Чиба, — Мисаки слабо улыбнулась, пытаясь успокоить мужчину. — Моя золовка — Чиба.

— Мацуда Сецуко-сама, — сказал он. — Да, я... слышал о том браке, — ясное дело. Это был скандал. — Моя ветка семьи... была близка с ее.

— Рыбацкая деревня у основания горы, — сказала Мисаки, — где торнадо ударил первым делом. В каком она состоянии?

— Она... ни в каком, Мацуда-доно. Ее нет. Если бы не кусочки дерева и старых неводов, нельзя было бы понять, что там вообще была деревня.

— Очень жаль это слышать, — Мисаки пыталась думать об этой трагедии, потере рыбацкой деревни и сочувствии к Сецуко. Мысль не была приятной — она причиняла боль, но в том был смысл — эта боль почти могла отвлечь ее от того, куда ее несли ноги. Почти. — Так выживших нет? — спросила она.

— Мы не смогли найти, — сказал Чиба, — хотя редкие из нас остались смотреть, те, что надеялись найти родственников.

Мисаки кивнула. Бедная Сецуко. Бедная Сецуко.

— Я видел торнадо, — сказал он. — Моя жена и дочери рыдали, когда он опустился. Мы думали, что мы все умрем.

— Мне жаль, — тихо сказала она. — Для вас это было ужасно.

— Прошу, не извиняйтесь, Мацуда-доно, — яростно сказал Чиба. — Если бы не вы и ваша семья, нас бы сейчас тут не было. Я жалею, что мы не можем помочь сильнее.

Мисаки взглянула на него, поймала его пылкий взгляд.

Мацуда Сусуму всегда жаловался, что простые люди и дома ниже на полуострове были не так верны, как когда он был юным. Он говорил о днях, когда все люди на Кусанаги уважали дом Мацуда, благоговели. Во время Келебы великие семьи Широждимы заслужили верность подданных, проявляя силу против врагов Кайгена. Дом Мацуда растил сильных бойцов каждое поколение после Келебы, но никто в поколении Мисаки не видел доказательства той силы... до этих дней.

Казалось, фрагмент древнего чуда пробудился, когда люди на берегу Кусанаги увидели, как торнадо пал от силы Такаюби. Верность родилась из восторга в глазах рыбака. И теперь коро двигались по горе, желая служить, как они могли.

— Ваш сын и брат вашего мужа... все, кто бился тут... герои, — сказал пылко Чиба. — Мы в долгу перед вами.

Она не знала, была рада или печальна, что Мацуда Сусуму не увидел, как эта верность вернулась. Она желала что-то чувствовать... хоть что-то, кроме неизбежности, с каждым

шагом к концу ее мира.

Стало видно обугленные останки деревни кузнецов, они были ближе с каждым шагом.

— Я даже не побывала в других рыбацких деревнях этого региона, — сказала Мисаки слишком быстро, голос был сдавленным и высоким. — Расскажи больше о своей деревне.

— О, — мужчина был удивлен. — Но, Мацуда-доно, разве нам не нужно поискать вашего...

— Расскажи, — резко потребовала Мисаки, — о доме, лодке и семье. Расскажи о чем-нибудь, — *забери меня отсюда*.

Они обходили дымящиеся руины деревни нуму, знакомый запах горелого дерева и угля смешивался с жуткой вонью горелой плоти.

— Самая успешная рыбалка, — отчаянно сказала она. — Расскажи о ней.

— Хорошо, Мацуда-доно, — неуверенно сказал Чиба. — Эм... почти весь доход моей семьи не от рыбы. Моя жена умеет чудесно искать жемчуг. Она начала передавать навык дочерям. Мы продаем жемчуг нуму для украшений леди, как вы.

Мисаки пыталась слушать слова Чибы Мизуиро, а взгляд скользил по снегу в пепле и крови. Она пыталась быть с женщиной и ее дочерьми в лодке, собиралась ловить жемчуг.

— Я переживаю порой за жену, она ныряет далеко во тьму в дни, когда вода жестока. Моя мать умерла, ныряя за жемчугом. Так со многими женщинами каждый год. Я переживал сильнее, когда старшая дочь стала нырять с моей женой. И когда мы решили, что младшая готова попробовать, я думал, что умру от нервов. Но вода была ясной в первый день, когда они нырнули втроем. Будто Нами была им рада, очистила берег от волн, акул и острых камней для них. Я едва поймал рыбу в тот день, но мои девочки достали горсти жемчуга.

— Звучит чудесно, — Мисаки пыталась изо всех сил ощутить радость семьи рыбака. Конечно, она не могла. Она никогда не ныряла за богатствами. Если она хотела украшения или заколки с жемчугом, ей их покупали. Она не думала о жемчуге или людях, которые рисковали собой, добывая его со дна океана.

— Думаю, в тот день я понял, что этот полуостров благословлен кровью богов. Горожане порой прибывают и говорят, что место умирает, но тут живет божественное.

— Божественное? — голос Мисаки доносился издалека. Ее взгляд упал на меч Мамору в снегу. Клинок был в крови.

— Я видел, как торнадо остановился тут, — говорил Чиба, — не дойдя до моей деревни. Думаю, это место чудес. Как моя мама говорила мне... за каждого забранного ныряльщика день идеальной погоды, когда она усыпает семью жемчугом и любовью.

Ноги Мисаки застыли в снегу, рыбак проследил за ее взглядом.

Солдат в черном перед ними был разрезан надвое решительным ударом катаны. И в шаге от него в снегу был Мамору.

Пули оставили дыры в его кимоно сзади, выжгли круги на бриллиантах герба Мацуда.

— Милосердная Нами! — воскликнул рыбак, не скрывая отвращения. — Пилоты расстреляли его! А если он еще был жив?

— Не был, — мягко сказала Мисаки. Слава богам за это. В ее сердце не было места, чтобы гнева было еще больше.

— Как вы поняли? — спросил Чиба.

— Из ран от пуль почти не вытекла кровь, — сказала скованно Мисаки.

— Что?

— Кровь не вытекла из ран от пуль. Его сердце перестало биться задолго до этого.

Рыбак тревожно смотрел на нее.

— Как вы можете знать...

— До того, как я попала в семью Мацуда, я была Цусано Мисаки. Я знаю кровь, — она заметила, что мужчина чуть отодвинулся. Суеверия. — Можно мне минутку с сыном?

— Да... конечно, Мацуда-доно. Просто... — Чиба Мизуиро встал на колени и поклонился телу, его лоб уткнулся в снег. Тихая молитва сорвалась с его губ. Он повернулся к Мисаки и поклонился так же еще раз. — Ньяма вам, Мацуда-доно, и вашему сыну.

— С божьей помощью, — шепнула Мисаки, и он ушел, оставив ее с телом, которое уже не было Мамору.

Мисаки сравнивала бункер с Адом, но это... эта ясность неподвижности была хуже. Странно, что Мисаки могла быть в Аду как дома. Хаос успокаивал ее. В бункере крики, пульс крови, выстрелы заглушали друг друга, погружали ее в туман. Тут не было течения крови или капания слез, чтобы отвлечь Мисаки. Эта кровь замерзла во что-то прочное. Не было движения, она ничего не могла исправить или разрушить. Была только замерзшая правда смерти сына.

Мисаки медленно опустилась на колени рядом с трупом.

Она разглядывала замёрзшие детали. Раны от пуль не истекали кровью, но много крови замерзло в карте мучений Мамору, ведущих к его смерти. Мелкие порезы усеивали его лицо и предплечья, кожа вокруг шеи покраснела, кто-то пытался его задушить, и его губа была рассечена от тупого удара по рту, но не это убило его. Было ясно, что смерть наступила от глубокой раны мечом в его боку.

Мисаки хотела бы не видеть такие раны раньше на жертвах мачете в Ливингстоне. Она хотела бы не видеть, как долго и мучительно люди умирали с этим.

Фоньяка напротив Мамору был рассечен пополам ударом меча, который тянулся от правого бедра до левой подмышки — такой удар убил мужчину мгновенно. Даже лучший боец в мире не мог встать после такой контратаки. Удар Мамору был последним... что означало, что ее мальчик боролся с раной, убившей его. Даже с жуткой раной в боку, лишаящей его крови и отключающей важные органы, он боролся.

Его правая ладонь была без двух пальцев, и она коснулась левой, задела нежно разбитые костяшки. Когда Мисаки впервые держала Мамору крохой, она ненавидела ощущение его джийи, потому что она была как у его отца. От этого ей хотелось сжаться, ее мутило. Теперь она тянулась к ней, пальцы сжимали, чувства искали хоть каплю, но, конечно, ничего не было. Жизненная сила, которая делала его Мамору, ушла в другое измерение.

Всхлип вырвался из Мисаки. Ее пальцы во льду впились в кимоно сына, она желала всей грудью, чтобы ее когти могли вернуть жизнь в Дюну так же легко, как могли ее оборвать.

Следующий выдох был криком, а не всхлипом, и боль в лёгких от него была маленькой, по сравнению с отсутствием под ее руками. Она дала бы фоньяке вытянуть жизнь из ее рта, она отдала бы душу тысячу раз, только бы вернуть Мамору.

Ощувив кровь на пальцах, она отпрянула, поняв, что делала. Она так хотела ощутить пульс и ньяму Мамору, что ее подсознание потянуло за безжизненное тело. Это не вернуло настоящий пульс, конечно. Это разморозило артерии и заставило кровь вытечь из ран Мамору.

Мисаки в ужасе отпрянула на шаг от тела.

— Прости! — охнула она, вытирая кровь с рук об снег. — Мне так жаль! — она поклонилась, уперлась лбом в замерзшую землю, лед и камень впились в нее. — Прости.

Она долго так оставалась, прижавшись к земле, словно могла найти достаточно извинений, чтобы загладить то, как она подвела его. Закрыв глаза, она молилась Наги о силе и Нами о спокойствии. Ничего не появилось. Ладони в крови дрожали, когда она уперлась ими в землю в подобии стабильности. Всхлипы не прекращались, но она пришла сюда не смущать дух Мамору или тянуть его. Она пришла помочь ему, быть хорошей матерью, если Боги давали ей еще шанс.

Не нужно быть фина, чтобы понять, что сожаление было ядом для духов мертвых. Дух, который жалел, что не добился ничего в жизни, не мог пройти в покой Лааксары. Те духи застревали в пылающем царстве на краю Дюны, не могли умереть, их страдания усиливались, пока сожаления росли. Это было ужасное существование. И души тех, кто умер юным, среди надежды, незавершенных дел и не исполненного потенциала, были в опасности.

Дрожа, Мисаки нашла голос, чтобы поговорить с сыном:

— Котецу Каташи и Ацуши выжили, — тихо сказала она. — Род Котецу живет, как и все знания, благодаря тебе, — это было первым, что ему нужно было знать: что он умер не зря. Для Мисаки жизни Котецу сейчас не были важными, но Мамору был лучше нее. Это было важно для него. — Знаю, ты сомневался. Знаю, ты переживал, что не знал, что делать. Но посмотри на себя... ты так хорошо сражался, — и Мисаки с горем ощутила и гордость в горле. Они сплетались с болью, усиливая ее. — Ты — лишь мальчик, но бился до конца, как мужчина. Ты постарался. Но я уверена, ты знаешь это... — уголки рта Мисаки дрогнули в почти истеричной улыбке. — Воин не мог бы биться с ранами, как твои, не будучи уверенным в себе.

Мисаки прикусила дрожащую губу, горло сжалось. Тут не было священников, которые могли идеальными словами проводить дух Мамору. Как его мать, единственный живой человек тут, Мисаки должно была найти слова. Это было последнее, что она могла сделать для него. Хоть ее тело дрожало, и было ужасно больно, она заставила себя говорить:

— Ты не подвел семью и страну, хотя, думаю, мы... плохо помогли тебе. Тебе не о чем сожалеть в этом мире. Не о чем.

Мисаки боялась не сожалений Мамору. Ее сын был честен с собой и другими. Он жил хорошо и умер с целью. Сейчас сама Мисаки была величайшей угрозой для духа ее сына. Сожаления любимых духа могли тоже его привязать. Горечь, которая поглощала ее, могла обречь его на вечность огня — если она не найдет способ быть лучше.

Вдохнув, она подняла голову и посмотрела на лицо Мамору, была удивлена, увидев там покой. Ужасный ущерб его тела не исказил его лица, бледные и чистые, как у его отца, но нежнее — словно яркие края луны были чуть смягчены туманом. Его челюсти не были сжатыми, он не хмурился от боли. Вместо этого невинное удивление было на его лице, словно он еще не до конца проснулся. Его глаза остекленели и замерзли, уже не работали, но где-то в месте между измерениями его дух еще видел ее. Он все еще слушал. Она смотрела в те глаза, закрепляя себя при этом на земле, и заговорила:

— Мамору-кун...

Звук ее голоса, дрожащего от неуверенности, вернул ее в первый раз, когда она поговорила с сыном по душам: на рассвете на крыльце пару месяцев назад, когда они смотрели, как восходит солнце. Она не знала, что сказать тогда, как ему помочь.

«Начни с малого», — сказала она себе. Верные слова придут, если она расслабит скованные за время губы.

— Помнишь то утро, Мамору? После того, как ты подрался с Кваном Чоль-хи и попросил моей помощи? Ты спросил... расскажу ли я тебе однажды о своих школьных днях, о своей жизни до Такаюби. Я была рада, услышав это от тебя, и хотела рассказать тебе истории, а теперь я думаю... может, те истории о Цусано Мисаки — Сираву, Тени — не были так ценны, как я считала. Может, их не стоило рассказывать или так держаться за них. Видишь ли, Мамору, в тех историях были люди, которые знали, за что сражались, благородные герои и силой воли, которых стоит помнить... как ты. Но я не была одной из них. Сираву была просто тенью. Это была чья-то еще история, и я проходила сквозь нее. Это... *ты* — моя история... и я была так эгоистична, так привязана к тени, что *пропустила* ее. И, сын мой, прости, что я так долго это понимала. Прости... — слова застряли в горле, душили ее, боль пронзила грудь, заставляя вытолкнуть их. — Я никогда не любила тебя так, как должна была.

Слезы катились по щекам Мисаки. Впервые с прибытия в Такаюби — может, впервые в жизни — она знала, что была человеком. Невыносимо человеческой. Теперь было слишком поздно.

— Твоя мать — эгоистка, Мамору, — она сжала рукав и вытерла слезы, но новые полились на их место. — Я не буду это отрицать. Я всю жизнь не могла отпустить «если бы». Я не могла из-за них думать о муже. Я не могла забыть любовь своей жизни, и мы все пострадали из-за этого. Яд моих сожалений убивал моих не рождённых детей, которые могли быть после тебя и до Хироши. Мои сожаления травили семью годами, но, клянусь, Мамору, я не дам им коснуться тебя. Ты важнее, чем они. И то, что я не смогла сделать для своих родителей, Робина, Такеру или не рожденных детей, я сделаю для тебя. Мой сын, я сделаю это для тебя. Ты сделал в этом мире больше, чем кто-либо мог просить. Хоть раз позволь мне бить матерью, какой я должна была стать с самого начала. Дай мне позаботиться об остальных, хорошо?

Она подползла вперед и коснулась его ладони, но в этот раз не рыдала и не тянула. Ее джийя была под контролем. Она тихо плакала, слезы сами катились. Она не поднимала его.

— Я знаю, что не имею права ничего у тебя просить, но, пожалуйста... если твоя бедная глупая мать может попросить тебя об одном напоследок... дай еще раз обнять тебя. Всего раз дай Каа-чан обнять тебя и ценить так, как я должна была делать со дня твоего рождения. А потом я отпущу тебя с благословением. Хорошо?

Фины говорили, что женщине не стоило трогать мертвых, но фины Такаюби были потеряны в торнадо с их храмом. Некому было судить Мисаки, она обняла своего мальчика и прижалась к нему в последний раз.

«Прошу, Нами, прошу, Наги, — молилась она сквозь слезы. — Он такой хороший мальчик. Не давайте его глупой матери все испортить для него. Прошу... дайте мне силы отпустить его».

Мать должна была пойти в храм после смерти ребенка. Она должна была говорить с духами Мертвых, пока не выскажет все, что нужно, ребёнку, пока не выпустит все чувства, не решит все конфликты, не забудет обо всех ссорах, пока фины не скажут, что душа покоится с миром. Но храм пропал, как и все маски и мудрые монахи в нем.

Мисаки могла только держать ребенка, любить его и надеяться, что этого хватит, чтобы она смогла его отпустить.

— У тебя нет долга перед Дюной, — прошептала она, прижавшись щекой к его холодной голове. — Хватит того, что у меня даже на миг был сын, как ты. Хватит того, что

Хироши, Нагасы и Изумо будут равняться на таком брате, как ты, когда они станут юношами. Этого хватит, — сказала она себе, хотя не услышит больше, как он смеется с младшими братьями, как красиво исполняет ката, как улыбается с ямочками, как улыбка из детской становится мужской. На миг ее ладони были полными жемчуга. Она качалась и повторяла. — Этого достаточно. Этого достаточно, — а потом Чиба Мизуиро вернулся с волонтерами, чтобы помочь отнести тело на гору.

Перед тем, как они ушли, Мисаки замерла перед трупом солдата, убившего ее сына. Она опустила на колени, провела ладонью над его глазами, закрывая их, давая себе простить его. Было просто простить юношу, выполнявшего приказы.

Слишком просто.

И это не убрало груз с груди Мисаки, потому что ей нужно было простить не солдата из Ранги.

ГЛАВА 21: ЛОРД ГРОЗЫ

Сецуко проснулась позже в тот день, жалуясь на головную боль, вместо юмора. Когда Мисаки тихо рассказала ей, что случилось с ее мужем, она притихла. Было ясно, что она ожидала новости. Если бы Такаши пережил бой, он был бы рядом с женой, когда она проснулась.

— Как он умер? — спросила она, наконец. — Это было ясно?

— В бою, — сказала Мисаки. Это было легко понять. Это было преуменьшением. Он умер, разрывая врагов, так было лучше описать сцену, которую Такаши оставил на южном переходе. — Послав Такеру в деревню защищать нас, он остался одним из последних из наших мужчин, — он и Мамору.

— Его тело? — спросила Сецуко, странно спокойная.

— Ну... тела нет, — объяснила Мисаки. Волонтеры создали плиты льда внутри дома Мацуда, где собирали тела. Но от Мацуды Такеру почти нечего было собирать. Его кости были сложены в корзину. — Волонтеры забрали его мечи, но его джийя в смерти была так сильна, что вся кровь в его теле стала шипами льда. Это было зрелищно, — добавила Мисаки. Может, леди не стоило так описывать нечто кошмарное, но она думала, что Сецуко хотела бы знать.

— Зрелищно? — довольное лицо Сецуко показало, что Мисаки правильно подумала.

— И жутко.

— Что ж, — Сецуко выдавила смешок. — От тебя это высокая похвала!

Уголок рта Мисаки дрогнул, но она не могла ответить на улыбку Сецуко. Часть нее надеялась, что удар по голове Сецуко убрал воспоминания об атаке на дом Мацуда, резне, которую устроила Мисаки, но если Сецуко было не по себе на одной скамье с монстром, она не подала виду, склонившись вперед.

— Расскажи мне больше, — сказала она.

Больше? Она хотела знать больше о жуткой смерти своего мужа?

— Я не видела еще такую смерть джийи, — сказала Мисаки и постаралась описать жуткие шипы. — Я не знала бойца, который был бы до конца так грозен в бою. Судя по полю боя, он забрал с собой несколько фоньяк в миг смерти, а до этого убил около сотни.

Сецуко странно улыбнулась, это было на грани между дикостью и восторгом.

— Это мой муж, — сказала она, в глазах были слезы.

«А это моя Сецуко, — подумала Мисаки, сжимая ее ладони, — яркая, прочная, даже перед немыслимым».

— Слышишь это, Аюми-чан? — Сецуко улыбнулась сквозь слезы малышке, которая проснулась и зашумела в ее руках. — Твой отец — герой и божество!

Мисаки хотела бы силу Сецуко. Она думала много лет, что у нее была сила — изображать улыбку сквозь боль и гнев — но честная способность улыбаться от сердца была тем, что у нее не было. Потому она шла за Робинотом, как мотылек за огнем. Потому Сецуко была и всегда будет самой красивой женщиной в мире.

— Идем, малышка, — Сецуко встала, потёрлась носом об Аюми, вызывая ее смех. — Выразим уважение.

— Я же сказала, тела нет, — сказала Мисаки.

— Да, — улыбка на лице Сецуко увяла, она посмотрела на Мисаки. — Но мне нужно попрощаться с храбрым племянником, да?

Мисаки удивленно посмотрела на нее. Она только проснулась.

— К-как ты...?

Сецуко прижала ладонь к лицу Мисаки, провела нежно большим пальцем под ее глазом.

— Ты обычно не плачешь, сестренка, — мягко сказала она. — Я еще не видела у тебя такие красные глаза.

Что-то на лице Мисаки пробило спокойствие Сецуко, потому что на миг она показалась печальнее, чем Мисаки когда-либо видела ее. Ладонь потянула Мисаки за щеку. Она приняла приглашение, прислонилась головой к груди Сецуко.

Никаких слов. Беззвучная поддержка.

Мисаки закрыла глаза, вспомнив, как мама держала ее в бурю, убеждая детей, что ветер и гром им не навредят. Мисаки знала, что уже не ощутит такое утешение, которое она не могла предложить своим детям.

— Думаю, я должна извиниться, — сказал Сецуко, — раз мой муж уже не может сделать это сам.

— О чем ты?

— Такеру вернулся защитить нас по его приказу... Он мог послать Мамору и... — *и Мамору был бы еще жив.* Мисаки старалась не думать об этом. — Прости.

— Это не твоя вина, — сказала Мисаки. И не вина Такаши. Он должен был понимать, что место на передовой было верной смертью, и что тот, кого он послал на гору, будет управлять домом Мацуда без него. Такаши мог сам поменяться местами с Такеру, но Мамору был слишком юным. Мальчик четырнадцати лет не мог возглавить семью, не то что деревню в кризис.

Она игнорировала голосок в голове, который требовал узнать, поему Мамору не мог пойти на гору с отцом. Почему Такеру не настоял на этом? Как он мог оставить сына умирать без спора? Как?

— Это было необходимо, — настаивала Мисаки, словно это могло ослабить боль. — Тебе не нужно извиняться передо мной.

— Мм, — Сецуко гладила спину Мисаки. — Но кто-то должен.

Поток трупов на носилках двигался по горе весь день. Было ужасно слышать крики горя и отрицания от членов семьи, которые встречали каждое новое тело, но для Мисаки было куда ужаснее видеть, как тела несли в тишине. Некоторые из тех людей умерли со всеми, кто мог их помнить. Они лежали одни на ледяных плитах, никто не горевал по ним.

Сецуко ушла поговорить с рыбаками, которые собрали кости ее мужа. Мисаки стояла перед телом Мамору, одна ладонь лежала на голове Нагасы, другая — на плече Хироши. Она

пыталась объяснить сыновьям. Нагаса не понимал. Как он мог в его возрасте? Он тряс Мамору, спрашивая, почему он не просыпался.

Нагаса сжимал рукав Мамору, а ладонь Хироши медленно скользнула к лакированным ножнам меча брата.

— Мамору-нии-сан был первым сыном... — медленно сказал он.

— Да, — ответила Мисаки.

— И... дядя Такаши был первым сыном.

— Был, — сказала Мисаки, глядя на Хироши. Она смотрела, как он прищурился, его пятилетний разум тщательно работал над иерархией, в которой он родился.

— И я...

Хироши не знал слово «наследник», но было ясно по вопросу в его глазах, что он понимал смысл.

За один день он из второго сына стал наследником Мацуды. Даже если он полностью не понимал перемену, он ощущал это. Его маленькие плечи напряглись, словно физический вес упал на них. Он сжал кулаки, и Мисаки поняла, что ее второй сын, крепкий, как лед, со дня рождения, дрожал. Когда она посмотрела в его глаза, она увидела то, что никогда там не видела. Даже когда он бился с солдатом в четыре раза больше него. Страх.

— Я еще недостаточно большой, — сказал он. — Недостаточно сильный.

— Нет, — Мисаки попыталась улыбнуться Хироши, глядя его волосы, опустила ладонь на его плечо. — Ты еще недостаточно большой, но ты довольно сильный. Ты сильный, Хиро-кун.

Хироши будто не слышал ее.

— Он еще не может уйти, — он смотрел сквозь нее, будто бредил. — Не может.

— Он уже умер, Хиро-кун. Мы ничего не можем с этим поделать.

— Но он не может, — лицо Хироши искажил гнев, взгляд был рассеянным. — Я его еще не догнал.

Нагаса рыдал, Хироши тихо дрожал под ее руками, и Мисаки поняла, как важен был для них Мамору. Не только первый сын, но и на десять лет старше братьев, он был для них таким большим. Он был ориентиром и мостом между ними и далеким взрослым миром. Для Нагасы он был другом и защитником. Для Хироши, может, он и не был другом, но был важнее: тем, за кем он гнался.

— Я еще не догнал его.

— Хиро-кун, все хорошо. Не переставай гнаться за ним. Он больше не будет тут с нами, но его дух будет рад знать, что ты следуешь его примеру. Ты все еще можешь вырасти сильным, как он, со временем.

— Но... я не первый сын, — возразил встревоженно Хироши. — Я недостаточно большой.

Мисаки поняла в тот миг, что Хироши пытался выразить ужас, но ему не хватало слов. Первые сыновья Мацуда — Такаши и Мамору — были для Хироши большими не только в плане возраста и размера. Он говорил о размере их навыков, их силе, их ответственности. Они оба были очень сильными фигурами в мире Хироши, разбирались с взрослыми опасностями, чего не могла остальная семья. Теперь они оба умерли, сражаясь с той опасностью, и Хироши стоял на их месте. Такой маленький.

— Я не готов.

— Знаю, Хиро-кун. Никто из нас не готов. Но мы постараемся вместе, хорошо?

Натянутый сильнее, чем тетива Катакури, Хироши кивнул.

— Сейчас мы должны помолиться за Мамору, помочь ему в пути. Мы можем теперь только отпустить его без переживаний за нас. Если хочешь сказать что-то брату, что ему нужно знать, говори сейчас.

Хироши стоял, долго смотрел на тело брата. Он отошел и встал на колени, прижался лбом к полу.

Мисаки могла лишь догадываться, что произошло между Хироши и духом его брат. Было невозможно сказать, ругал ли он Мамору за то, что он бросил их, просил ли он силы или прощения за то, что он занял его место, или он обещал стать сильнее и защищать семью, но он глубоко ощущал свою молитву, потому что его джийя поднялась с осязаемой силой, превращая снег вокруг него в лед. Нагаса все это время рыдал.

— Что делать с похоронами? — спросила Сецуко. Она и Мисаки сидели на отчасти разбитом крыльце дома с детьми.

— Не знаю, — Мисаки водила круги на спине Нагасы. Мальчик долго всхлипывал, но она дала ему держать Изумо, это успокоило его на миг. — Я не знаю, как Такаюби справиться с таким количеством смертей.

— У аристократов обычно много вычурных церемоний, да?

— Да, — через день после смерти Мацуды Сусуму каждый монах в Такаюби прибыл одеть тело, спеть Донкили, украсить гроб и подготовить место кремации. Мисаки провела ваатину, чтобы ее волосы, оби и белое кимоно были подготовлены, чтобы не оскорбить дух ее озлобленного свекра. После каждого выкидыша фины вели ее через молитву, пост и очищение, и он думала, что это никогда не закончится.

— Нужно было укрыть домашний храм, защитить его от злых духов, — сказала Мисаки, вспоминая ритуал, который всегда проводили после трагедии.

— О, — плечи Сецуко опустились. Храм Мацуда был в части дома, которая рухнула. — Можно посыпать округу солью? — предложила Сецуко.

— Точно, — Мисаки порой забывала, что у низших классов соль работала против всех суеверий. Для простых людей это было проще, чем звать монаха в дом каждый раз из-за призраков.

— Видно мое низкое происхождение? — спросила Сецуко от взгляда Мисаки.

— Нет, это неплохая идея, — утомленно сказала Мисаки, — но соль на кухне.

Кухня не пострадала от бомб, но была разрушена боем с двумя элитными фосьяками. Из разбитого крана лилась вода всю ночь, затапливая пол и комнаты вокруг. Когда Такеру и волонтеры убрали дом, кто-то заморозил кран и возвел ледяную стену, чтобы вода не затопила остальной дом, но кухня была за гранью спасения.

— И у нас нет кладбища, — сказала Мисаки. — Рыбаки, которые помогали искать тела, сказали, что оно разрушено, — торнадо прошёл дальше западной деревне, прежде чем мужчины Такаюби смогли его остановить, и кладбище, храмы и деревья на склоне были стерты.

— Так у нас нет места для праха мертвых? — спросила Сецуко.

Мисаки покачала головой. Могилы были готовы для Такаши и Такеру рядом с их отцом с тех пор, как братьям исполнилось тридцать, но ветер разметал надгробия, прах и кости десяти поколений Мацуда по горе.

— Я слышала, что Амено послали за монахами для всех церемоний, — сказала Сецуко.

— Это хорошо, — Мисаки пыталась звучать уверенно. — Они будут знать, что

делать, — но что могли фина в такой ситуации? Столько мертвых детей. Столько умерло без предупреждения. Была церемония, которая могла очистить облако такой боли?

— Где Такеру-сама? — спросила Сецуко.

— Не знаю, — Мисаки пожала плечами. — Наверное, командует волонтерами. Я не знаю, — ей было все равно. Он бросил Мамору умирать. И ради чего? Чтобы он прибыл в деревню и попытался помешать Мисаки спасти Хиори?

— Он молился за Мамору?

— Не знаю, — Мисаки пожала плечами. — Не важно.

— Конечно, важно... — Сецуко умолкла, глядя на Мисаки в смятении. — Ты на него обижена, — сказала она через миг.

— А ты нет? — сказала Мисаки. — Он бросил твоего мужа умирать.

— Он спас меня.

— Твой муж спас тебя, — рявкнула Мисаки. — Такеру просто исполнял приказы.

— Ты не можешь винить его за то, что он покинул передовую, да? — сказала Сецуко. — Если он просто следовал приказам?

Мисаки не ответила. Но она потянула Сецуко за руку, когда на носилках понесли тело Юкино Дая. Лицо мечника было укрыто тканью, что делало его неотличимым от других Юкино, умерших в бою, но Мисаки узнала катану на носилках рядом с ним. Из всех красивых мечей в Такаюби Такенаги был тем, которому Мисаки завидовала. Легче других мечей Котецу и такой быстрый в руках Дая. Она знала с печальной уверенностью, что ни один мечник не будет снова достоин этого оружия.

— Нам нужно идти, — тихо сказала Сецуко.

Мисаки кивнула. Оставив детей под присмотром Котецу и рыбачек, женщины пошли к Хиори.

Они нашли ее там, где она рухнула утром, на каменном символе Юкино, упавшем с дома. Ее голова была уткнута в сгиб руки, словно она спала, но Мисаки знала раньше, чем села на корточки, что Хиори не спала. Ее плечи были напряжены, как могло быть только от боли бодрствования.

— Хиори-чан? — Мисаки коснулась спины подруги.

Она была такой напряжённой и неподвижной, что на жуткий миг напомнила труп в снегу, заочневший и замерзший. Она не двигалась, когда мужчины опустили Дая на ледяную плиту рядом с укутанными останками его сына.

— Хиори-чан? — снова сказала Мисаки.

Ошеломлено моргнув, она жалобно сказала:

— Что?

— Они нашли тело твоего мужа.

Хиори отвернулась от Мисаки со сдавленным звуком отрицания, словно овечка в пасти волка.

— Нет, — она уткнулась лицом в руки. — Нет.

— Ты должна хотя бы помолиться за него, Хиори-чан, — мягко сказала Сецуко. — Чтобы он покоился с миром. Он так тебя любил.

Хиори сжалась сильнее на камне, подтянула колени к груди.

— Я не могу.

— О чем ты, Хиори-чан?

— Я не достойна, — голос Хиори был полон боли, приглушен рукавами. — Я не должна

его трогать. Я не должна даже смотреть на него.

— Хиори-чан, о чем ты говоришь?

— Я подвела его.

— Что? — Сецуко растерялась. — Ты про Рёту-куна? Хиори-чан, это был не твоя вина...

Хиори отпрянула от ладони, которую Сецуко пыталась опустить на ее плечо, и сжалась, мотая головой. Мисаки не говорила Сецуко о том, что последний солдат из Ранги сделал с их подругой — и не сказал бы. Это леди Кайгена не должна была произносить. Это было постыдно.

Мисаки ждала, пока Сецуко выражала уважение Даю, а потом опустилась на колени в негу, обвила рукой плечи Хиори. Она пыталась говорить мягко и тихо, как всегда делала ее мать, пытаясь утешить той магической силой:

— Хиори, — прошептала она, прижавшись лбом к волосам подруги. — Это была не твоя вина.

Хиори не отпрянула. Она сжалась сильнее с жалобным звуком, но Мисаки не дала подружке погрузиться во тьму. Не из-за позорного поведения мужчины.

— Он был сильнее тебя. Ты ничего не могла сделать ради твоего сына и тебя. Твой муж понял бы это лучше всех. Любой воин, знающий победу и поражение, понял бы.

Хиори шмыгнула носом, и хоть Мисаки не видела слезы, она ощущала, как соленая вода текла из глаз Хиори в ее рукав.

— Дай-сан ценил тебя. Он не перестал бы любить тебя за то, что не было твоей виной.

— Д-думаешь... — пролепетала Хиори, и сквозь горе показалось мерцание того, что вызвало у Мисаки облегчение. Надежду. — Думаешь, он мог бы... простить меня?

— Нет, Хиори-чан, — Мисаки погладила голову подруги. — Он не обязан. Нечего прощать.

— Но я не... я уже не чиста.

— Кто-то лишил тебя этого, — яростно сказала Мисаки, — бесчестно. Как кто-то лишил его жизни.

— Думаешь, его убили подло?

— Не глупи, Хиори-чан. Кто мог убить Молнию Дая в честном бою? — Мисаки не упомянула, что голова Дая, казалось, была разбита атакой сзади. Такую деталь нежная Хиори не оценила бы — и это не требовалось, потому что на лице Хиори появилась хрупкая улыбка. Это было самое красивое, что видела Мисаки, и она сжала подругу, отчаянно пытаясь удержать это.

— Думаю, ты права... — робко сказала Хиори.

— Те, кто это сделал... кто бился без чести и уничтожал, не думая... они будут гореть в Аду за это. Не твой муж. Не ты.

— Т-ты уверена?

— Да, — сказала Мисаки. — Если кто и должен извиняться перед Дай-саном, то это я.

— О чем ты говоришь?

— Я должна была прийти раньше. Я знала, что ты могла быть в опасности, я должна была проверить тебя, как только мои дети были в безумности. Нами, я знала, что атака Ранги могла произойти. Я... у меня было много шансов что-то сделать, но я подвела тебя. Я подвела всех. Так что позволь попросить у Дай-сана прощения, а ты... — Мисаки отодвинулась, чтобы сжать плечи Хиори, пытаясь передать в нее силу. — Просто отправь

ему всю свою любовь. Хорошо?

Хиори дрожала, слезы были в глазах, но она кивнула.

— Хорошо.

Хиори закончила молиться, и Мисаки с Сецуко сидели с ней. Слова не могли унять ее агонию. Но их слова и не были важны. Хиори просто сидела на коленях и смотрела на тело, не видела и не слышала ничего вокруг себя. Они все равно остались, держали ее за руки, словно могли хоть немного развеять одиночество.

Мисаки все еще шептала мягкие слова, когда трепет знакомых красок привлек ее взгляд.

— О, — она встала, гадая, привиделся ли ей символ, но он был настоящим. Волна с белым гребнем Цусано поднималась среди знамен Амено.

Сецуко кивнула Мисаки, словно говоря: «Я за ней присмотрю».

Мисаки сжала ее руку в безмолвной благодарности.

— Хиори-чан, я на минутку, — она задела ладонью спину Хиори и поспешила так быстро, как позволял статус леди, к Цусано.

Она тут же увидела сине-серебряное хаори отца, но, когда лидер Цусано повернулся, это был не ее отец.

— Казу-кун! — ее голос оборвался.

Она еще никогда не была так рада своему глупому братишке, и она спешила к нему. Может, пустота, оставшаяся от Мамору, была слишком свежа в ее сердце, может, лицо Казу было напоминанием о времени до всего этого. Она не смогла совладать с собой и обвила его руками.

Лорд Арашики удивленно охнул, открыл рот, чтобы что-то сказать, но закашлялся, когда Мисаки сжала его сильнее. От него пахло солью и морским ветром, как дом, которого уже не существовало. Ей пришлось отпустить Мамору, но хотя бы Казу был тут. Она могла держать его так, как в детстве, когда он прибежал в ее комнату, боясь грома.

— Нээ-сан! — Казу звучал бы не так потрясенно, если бы она ударила его по лицу.

Когда они были юны, она всегда ругала его за нарушение правил приличия. Если бы он повис так на ней на публике, она ударила бы его и шипела, что юный лорд так не может себя вести.

— Нээ-сан... ты в порядке? — спросил он, когда Мисаки отодвинулась. — Ты...? — безумна? Намек был таким. — Что случилось?

Мисаки покачала головой, не могла это озвучить. Люди Казу глядели, на лицах были шок и тревога. В тумане эмоций она поняла, что некоторых узнал. Это были члены семей, подданных Цусано, которые служили ее отцу и тренировались в его додзе детьми.

— Умииро-сан, Хакую-сан, — она отцепилась от Казу и поклонилась. — Рада снова вас видеть.

— Мацуда-доно, — они низко поклонились.

— К-как дела в Ишихаме? — Мисаки отвернулась от них к брату. — Как наша семья?

— Наши родители удобно устроились у родственников, и у всех есть место, чтобы остаться хотя бы на короткий срок.

— Хорошо, — Мисаки кивнула. — Я так рада.

В отличие от Такаюби, окруженной бедными деревнями рыбаков и фермеров, Ишихама была рядом с городами, способными принять горстку беженцев.

— Но на Ишихаму напали недавно. Как...

— Знаю, что ты хочешь сказать, — Казу виновато улыбнулся. — Не стоило покидать

дом так скоро после... катастрофы, но я оставил Кайто и Райку приглядывать за семьей.

— Точно, — Мисаки забыла, что ее младшим братьям было за двадцать, они могли приглядеть за семьей без Казу. — Но... — время не шло. — Как ты попал сюда так быстро? — Ишихама была не так близко к Такаюби, и дороги были плохими. — Как ты...

— Мы отправились в путь два дня назад, — сказал Казу, — по морю.

— По морю! — удивленно воскликнула Мисаки.

Группа сильных джиджак могла двигать себя по воде на гидродинамических формациях изо льда быстрее машины или поезда. Но, несмотря на скорость, путешествие по открытому океану было опасным методом, обычно его использовали в экстренных ситуациях. Даже самые сильные джиджаки глупо рисковали в океане. Казу и его люди пересекли сотни кликов в открытом море, далек от берега, чтобы скорее попасть сюда. Это объясняло, почему они были такими уставшими.

— Ты покинул Ишихаму до того, как ранганийцы попали сюда, — в смятении сказала Мисаки.

— Мы обсудим это позже, — сказал Казу. — Прости, что я тут в таких обстоятельствах, но я рад тебя видеть, Нээ-сан.

Мисаки кивнула и окинула брата взглядом. В тридцать два Казу был мало похож на хихикающего активного мальчика, который плакал от звука грома. К удивлению Мисаки, он выглядел... как лорд с милосердным взглядом и широкими плечами под хаори их отца. Огромный меч рода Цусано, Анрю — Бушующая волна — был привязан к его спине, отмечая его не только как главу дома, но и как лучший воин Ишихамы.

Его кожа была в порезах и синяках, как от падения на обломки. Несколько ран глубже на его лице были с корками, которые он создал на них. Удивление мелькнуло в Мисаки, она поняла, что Казу хорошо смотрелся со шрамами. Он выглядел грозно. Он склонил голову, отыскав взглядом рану глубже у его правой ключицы, которая подозрительно напоминала работу меча.

— Ах... — Казу быстро прикрыл рану воротником кимоно. — Я забыл, как тут *холодно*.

Мисаки взглянула на него с пониманием. Младшие братья не разделяли ее умение обманывать, но Казу всегда врал хуже всех.

— А ты выглядишь так, словно... повеселилась? — Казу взглянул на синяки и порезы Мисаки на предплечьях от фаньяки с веерами. Нормальный брат переживал бы за сестру, но Казу точно помнил. Сколько раз Мисаки одолела его в додзе Цусано, так что за врагов переживать стоило больше. — Мисаки-нээ-сан... — он понизил голос, чтобы другие не слышали. — Ты же не ходила на передовую?

— О, Казу-сан, я польщена, что ты считаешь, что я пережила бы это, но мне не нужно было, — она указала на разбитую деревню за собой. — Передовая пришла ко мне.

— Мы должны были прибыть раньше, — в его голосе была боль. — Представители армии уже прибыли? — он огляделся, и Мисаки увидела в нем эхо мальчика, боявшегося грома.

— Нет. Самолёты разбомбили всех фаньяк на склоне горы, но никто с нами еще не говорил. Я не видела императорских отрядов на земле.

— Хорошо.

— Что?

— Не тут, — быстро сказал Казу.

— Так... ты знал? — спросила она. — Буря, о которой ты мне писал... это была буря

или...

— Я сказал: не тут, — повторил он тверже. — Мисаки-нээ-сан, прости. Знаю, у тебя сложное время, но мне нужно поговорить наедине с братом твоего мужа. Можешь отвести меня к нему?

Мисаки покачала головой.

— Мацуда Такаши не пережил бой. Мой муж теперь глава дома.

— О... — сказал Казу, несколько его людей выразили удивление и потрясение. — Мне так жаль. Можешь тогда отвести меня к своему мужу?

— Да, — Мисаки кивнула. — Конечно. Прости. Ты и твои люди явно устали и голодны. Я пригласила бы вас на чай, но от кухни почти ничего не осталось... как и от дома, — она кивнула на дом Мацуда.

— А твоя семья? — с тревогой спросил Казу. — Кроме брата твоего мужа — ньяма его душе — все в порядке?

Мисаки опустила взгляд и сжала губы.

— Нээ-сан?

— Идем со мной, — тихо сказала она.

Казу и его люди прошли за ней в брешь в стене дома, где волонтеры собирали мертвых. Тело Мамору накрыли, но катана мальчика лежала рядом с ним, и Казу знал меч его племянника.

— О, Нээ-сан... — его голос дрожал.

Он выглядел мгновение как мальчик, на грани слез. Лорд дома не плакал при своих людях, но Мисаки была глупо благодарна брату за миг слабости. Было приятно знать, что один из мужчин в ее жизни переживал из-за смерти Мамору.

Один за другим Казу и его люди выразили уважение Мамору, низко поклонившись перед телом и помолившись. Мисаки не могла смотреть, отдернулась от сцены и пошла на поиски мужа, как просил Казу.

Она не говорила с Такеру с прошлого дня, когда он пытался помешать ей пойти за Хиори. Он уже должен был услышать, как нашли тело Мамору. Его первый сын был мертв. Но знания не повлияли на него, он шел по деревне, организовывая работу волонтеров.

— Я занят, — сказал он, едва увидел ее.

— Знаю, Такеру-сама, — она опустила взгляд, сделав голос тихим. Только так она могла скрыть гнев, бурлящий в горле. — Прости, но мой брат, лорд Цусано, прибыл к тебе. Говорит, это срочно.

— Амено-сан, — Такеру обратился к главному представителю семи Амено. — Прошу, руководи тут дальше.

— Да, Мацуда-доно, — мужчина поклонился.

— Надеюсь, я скоро вернусь, — сказал Такеру и пошел за Мисаки туда, где Казу ждал. Он прошёл мимо тела сына, толком не взглянув туда.

— Цусано-доно, — он поклонился. — Давно не виделись. Я рад, что вы здесь.

— Взаимно, Мацуда-доно, — Казу тоже поклонился, куда ниже, чем Такеру. Мисаки знала, что ее брат всегда опасался Такеру, но он восхитительно скрывал это, выпрямившись. — Я сожалею о вашей потере.

Такеру хмуро кивнул.

— Но приятно видеть, что муж моей сестры хотя бы пережил атаку, — добавил Казу. — Я рад знать, что о ней позаботятся.

Еще кивок.

— Мы можем поговорить в уединенном месте, Мацуда-доно? — спросил Казу.

— К сожалению, мой дом сейчас занят ранеными.

— Где-то еще? Чтобы не слышали другие?

Такеру кивнул.

— Идемте, Цусано-доно. Мисаки, ты можешь нас оставить, — добавил он поверх плеча.

— Нет... я предпочел бы, чтобы она пошла, если можно, Мацуда-доно, — сказал с запинками Казу. — Она — моя сестра, и я хочу, чтобы и она меня услышала. Думаю, как ее муж, вы не были бы против...

— Ладно, — Такеру мрачно посмотрел на Мисаки. — Но ты будешь молчать.

— Да, сэр, — тихо сказала она.

Казу перевел взгляд с сестры на Такеру с дискомфортом, но он ничего не сказал. Он не мог ничего говорить. Такеру не только был новым главой Мацуда, но он и был на десять лет старше Казу. Юный лорд не прокомментировал отношение другого лорда к его женщине, даже если женщина была сестрой, которая когда-то укачивала юного лорда и учила его первым приёмам с мечом.

— Вы хотите включить кого-то еще, Мацуда-доно? — спросил Казу.

— Что?

— Уверен, вы доверяете еще кому-то? — сказал Казу. — Кого вы хотели бы включить в эту встречу?

Казу был готов принять власть Такеру, но и не подумал, что второй сын Мацуда и дня не пробыл в роли главы дома.

— Верными помощниками моего брата были я и Юкино Дай, — сказал Такеру. — Последний мертв.

— Молния Дай? — сказал Казу в шоке. — И он мертв?

— Мы потеряли много лучших, — Такеру замедлил шаги перед остатками дома Мизумаки, где Кван Чоль-хи и его отец помогли мужчинам Амено распределять жалкие припасы, которые волонтеры принесли на гору. Он задумался на миг, скользнул взглядом по Амено высокого ранга, двум выжившим старейшинам Мизумаки, калеке Катакури, который не смог вступить в бой.

Амено прибыли на помощь, чудесно работали, но обычно не участвовали в делах Такаюби. Мизумаки и Катакури были близкими союзниками, но остались не их лидеры. Катакури Хисато с кривой ногой был пятым сыном, всю жизнь работал кассиром в магазине в западной деревне. Старейшины Мизумаки были хороши, когда были на пике, но теперь один помнил лишь половину того, что слышал, а другой не слышал вовсе. Такеру задумчиво прищурился.

Потом он принял решение.

— Кван Тэ-мин.

— Да? — северянин поднял взгляд.

— Твой сын может взяться за твою работу?

Тэ-мин взглянул на Чоль-хи.

— Конечно.

— Ты пойдешь со мной.

— О... — Тэ-мин удивился. — Конечно. Дайте минутку.

— Он... северянин, — прошептал Казу, с опаской глядя на Такеру. Кван Тэ-мин сменил

хан бок и жилет с узором боголан на кимоно в стиле Широждима, но акцент его выдавал. — Он не один из нас.

— Он — гражданин Империи, как и мы, — сказал Такеру, — и он многое видел, так что у него есть знания, каких нет у нас, — у Мисаки тоже были такие знания, хотя Такеру не собиравался слушать ее. — И он — один из немногих крепких мужчин, кто выжили.

— Он не бился? — сказал Казу.

— Его сила в других областях, — казал Такеру. — Мы несколько месяцев работали над проектом мэра.

Мисаки знала, что ее муж и Кван Тэ-мин работали над планом башен инфо-ком. Она знала, что Такеру предложил проект, и он явно сблизился с северянином, пока они работали вместе.

Такеру всегда был за современное развитие — мощная дорога в один год, улучшенные линии электропередач в другой — и иногда его проекты одобряли, и ему приходилось управлять ими. Мэр был скучным, но безобидным чиновником, его устраивало, что работники выполняли работу лучше, чем он мог. Империя обычно не посылала лучших в мелкие горные деревни.

— А мэр? — спросил Казу.

— Мертв, — Такеру не показал эмоций, хотя работал на мужчину много лет. — Он был дома в западной деревне, когда они пришли.

Закончив давать указания сыну, Кван Тэ-мин поспешил к ним.

— Цусано-доно, это Кван Тэ-мин, представитель «Коммуникаций Геомиджул», — сказал Такеру. — Кван-сан, это Цусано Казу из Ишихамы, лорд Арашики и брат моей жены.

Мужчины поклонились и обменялись приветствиями, и Такеру увел их из деревни к вершине горы. Снег стал глубже, пока они поднимались, но разделялся от джийи Такеру.

Двое людей Казу следовали за ними, пока Казу не повернулся к ним.

— Оставайтесь тут, — приказал он. — Следите, чтобы никто не пошел за нами.

— Да, сэр.

Мужчины встали в снегу, и Мисаки казалось, что ее подозрения вот-вот подтвердятся. Эта атака и то, что случилось в Ишихаме, было связно, и правительству было сложно скрыть это.

Такеру привел их к снежной поляне с видом на академию Кумоно. Храм, ставший школой, был единственным зданием, не пострадавшим от бомб или фоньи. Здание стояло гордо и спокойно на камне. Может, оно было слишком высоко на горе, вдали от действий, и его не тронули. Подъем добавил боли ноющим легким Мисаки.

— Теперь, лорд Цусано, — Такеру повернулся к Казу, — что вы хотели обсудить?

— Я... — неуверенно начал Казу. — Сначала я хотел извиниться, что не предупредил вас должным образом.

— Объясните.

— Уверен, вы поняли, что не только на Такаюби ранганийцы напали за последние пару недель. Они пришли и в Ишихаму. Это уничтожило Арашики и город вокруг, а не буря, как говорили в новостях.

Такеру кивнул, словно так и думал все время, словно не побил сына в додзе за такое предположение.

— Судя по тому, где еще, так называемые, бури ударили по берегу, мы — отец и я — поняли, что ранганийцы целились в старые дома воинов Кайгена. Мы подумали, что

Такаюби будет следующим. Конечно, мы надеялись, что этого не будет, но... — Казу покачал головой. — Я могу хотя бы предупредить, что будет дальше.

— О чем вы? — спросил Такеру. — Будет больше атак?

— Нет, Мацуда-доно, — быстро сказал Казу. — Не так. Я хотел предупредить о военных Кайгена раньше, чем они сюда прибыли.

От смятения на лице Такеру Казу продолжил:

— Я не просто так не мог объяснить ситуацию в письме сестре. Как только отряды кайгенцев прибыли в Ишихаму, они ясно дали понять, что нам нельзя обсуждать атаку между собой или кем-то еще.

Такеру задумчиво нахмурился.

— Почему?

— Я не знаю, — Казу покачал головой. — Они не сказали нам, но было ясно, что они пытались скрыть новости об атаках. Солдаты императора переместили нас в соседний город, пока отряды Яммы помогали им убирать ущерб.

— Ямма вовлечена? — спросила Мисаки.

Более сильный союзник Кайгена часто давал им военную поддержку, особенно, когда Ранга была задействована, но это добавляло еще слой сложности в ситуацию. Ямма была игроком со своими мотивами.

— Да. Солдаты Яммы были там почти так же быстро, как наши военные.

— Как они действовали? — спросила Мисаки. — Они что-то говорили или...

— Тебе сказали не говорить, — заявил Такеру.

— Эм... — Казу снова неуютно посмотрел на Мисаки, потом на ее мужа. У него не было смелости или власти заступиться за сестру, но он ответил на ее вопрос. — Ямманки едва говорили с нами. Многие общались только с воинами Кайгена, а потом помогли с уборкой или... тем, что они делают в зоне, задетой атакой. Нам не позволили пройти за телами членов семьи или вещами. Я не знаю, изменилось ли что-нибудь, но так было, когда я ушел.

— Думаете, подобное можно ожидать в Такаюби? — спросил Такеру.

— Возможно. Я просто хотел предупредить, пока не прибыли отряды Кайгена. Простите, что мы не прибыли раньше, — добавил он. — Простите, что мы не смогли предложить поддержку серьезнее.

— Не извиняйтесь, — сказал Такеру. — Как вы видели, наших воинов хватило, чтобы сдержать врагов, пока не прибыли силы императора, — он говорил это без интереса, как обычно, словно смерти брата, сына и многих жителей ничего не значили.

— Мы не столкнулись с таким в Ишихаме, — сказал Казу.

— Ранганийцы послали не так много солдат?

— Не знаю. Думаю, многие ранганийцы, вовлеченные в атаке, не дошли до нас.

Город Цусано был на вершине утеса, он был защищен лучше Такаюби — или любого места в мире, насколько знала Мисаки. Ни одна армия в истории не попадала туда, и она была рада слышать, что даже жуткая новая сила Ранги не была исключением.

— Они напали торнадо? — спросил Такеру.

— Изначально, да. Когда мы увидели его над водой, отец почти сразу понял, что это ранганийцы.

— О? Ваш отец встречал фосьяк раньше? — спросил Такеру, наверное, думая о том, как он и Такаши не сразу разобрались с торнадо, пока Мисаки и Чоль-хи не убедили их, что это

была работа ранганийцев. Она раздраженно размышляла, хватило бы ему приличий смутиться.

— Нет, Мацуда-доно.

«Он просто не идиот», — гневно подумала Мисаки.

— Думаю, — сказал Казу тактичнее, — мой отец просто видел так много бурь в жизни, что смог ощутить сразу, когда одна вела себя не нормально. Зная, что дома ближе всего к краю были потеряны, мы эвакуировали как можно больше домов, собрали воинов, чтобы биться с ранганийцами, которые попали на берег.

— И?

— Торнадо разбился об утес, — сказал Казу, и это не удивило Мисаки — утес Ишихама сделал то, что камни и склон горы Такаюби не смогли. — Наша Арашики была разбита с домами у края. Ветер торнадо забросил на край утеса около двух десятков солдат. Мы убили их, — это объясняло рану на груди Казу. — Другие, думаю, пытались подняться по утесу, но не смогли, ямманки прибыли и застрелили их.

Такеру кивнул.

— Так у вас не было тяжелых потерь?

— Только два воина умерли в бою, но обломки разгромили все на клики вокруг. К сожалению, не было времени, чтобы эвакуировать весь район, и торнадо разбил слабые части утеса, камни падали размером с дома. Многих убили те камни. Около сотни, думаю.

— Думаете?

— Столько не хватало, когда мы добрались до безопасности и посчитали, но, как я и сказал, нам не дали вернуться в дома, солдаты ничего не говорят, — он покачал головой. — Я не пойму, чего они добиваются, скрывая все это.

«Ощущение защищенности», — подумала Мисаки. Если бы новости об атаках расплзлись, люди запаниковали бы, ими было бы сложнее управлять. Но это не объясняло, что затеяли ямманки.

— Это не важно, — сказал Такеру. — Спасибо за предупреждение, но не нам сомневаться в воле императора. Если это его приказы, нам нужно их слушаться.

— Мацуда, — сказал тревожно Тэ-мин. — *Думаю, тебе может не понравится то, о чем тебя попросит император.*

— *О чем вы?* — спросил Казу, перейдя на кайгенгуа. Он повернулся к Тэ-мину.

— *Я знаю, что медиа говорят, что сердце империи сильное и полное ресурсов, но я из Джунгсана, и я думаю...* — Тэ-мин сделал паузу, с опаской глядя на мужчин Широждимы. Он рисковал, он не знал Казу, да и как хорошо он знал Такеру? — *Реальность армии Империи очень отличается от картинки,* — он повернулся к Казу. — *Если военные уже появились на Ишихаме, ты уж знаешь.*

— Ну... — Казу хмурился. — *Я не общался толком с солдатами,* — робость в его голосе раскрыла, что в словах Кван Тэ-мина была правда.

— *Я не хочу оскорбить Империю или расстроить вас, Цусано,* — сказал осторожно северянин. — *Но Мацуда...* — он посмотрел на Такеру. — *Твоя деревня в сложном положении сейчас. Пока мы нашли сорок два живых, многие из них ранены. Дом Мацуда почти весь разбит, как и дом Мизумаки, и там укрылись все выжившие. Мой сын все еще составляет перечень всей еды, что у нас есть, но этого не хватит, чтобы прокормить много...*

— *Я в курсе, Кван,* — едко сказал Такеру. — *При чем тут армия?*

— Я просто хочу предупредить... Я не хочу, чтобы ты ошибался, что можешь полагаться на поддержку Империи в это время. Я был там достаточно, чтобы знать, что ты будешь разочарован.

— Ты не должен так говорить об Империи, — Казу нахмурился сильнее.

— Ваш город получил нужную помощь, Цусано? — спросил Тэ-мин.

— Я не задерживался после атаки, — сказал Казу. — Уверен, уже получили, — он не звучал уверенно. — И Ишихама не нуждалась в помощи так, как Такаюби. Мой народ сохранил крышу над головой, мы можем подняться на ноги. Если этой деревне не помочь...

«Она пропадет», — мрачно подумала Мисаки.

— Что бы ни приказала Империя, мы должны слушаться, — твердо сказал Такеру. Его слова звучали просто, словно жизни не были на кону. — Привилегия — служить империи Кайген любым образом.

— Конечно, — согласился Казу, — но я признаю, что все это странно. Не только дело с отрядами империи и Яммы, но и атаки не кажутся логичными.

— О чем вы? — спросил Такеру.

— Умный боец бьет по слабым точкам врага.

— Да?

— Зачем Ранга бьет концентрированными атаками по городам с самыми сильными бойцами? Если их целью было проникнуть внутрь, и у них был элемент неожиданности, зачем бить по домам людей, которые дадут отпор?

Казу метко отметил это. Это было как удар мечом по броне или Кровавой Иглой по кости. В худшем случае — обречено на провал, в лучшем — пустая трата. У Ранги было много силы такого размера и навыков, что они могли выйти на берег и убить всех с лёгкостью или даже незаметно пробраться в ночи.

— Может, их цель — не проникновение, — предположила Мисаки, Такеру бросил на нее неодобрительный взгляд. — Эти атаки могли быть частью плана сложнее. Может, их намерением было ослабить великие дома.

— Ценой такого количества солдат? — потрясенно сказал Казу.

Он снова был прав. Были способы ослабить врагов, не теряя сотни хороших бойцов. Да, методы не были благородными — Мисаки сразу подумала об убийцах и ядах — но убийство детей не было благородным делом. Сжигание кузнецов в их домах не было благородным делом. Насилие женщин врага не было благородным делом. Если ранганийцы были готовы совершать такие ужасы, почему не опуститься до яда или меткой бомбы? Зачем жертвовать бойцами?

Солдаты в желтом могли быть пушечным мясом Ранганийского Союза, но солдаты в черном были один к десяти тысячам. Когда Мисаки была в Рассвете, особые силы Ранги были ограничены самыми сильными родами Ранги — Шэнь и Тянь. Солдаты их калибра были очень ценными. Зачем посылать десятки таких умирать в бою?

Мужчины не успели это обсудить, один из бойцов Казу взбежал к ним по склону и остановился, тяжело дыша от карабканья.

— Прос... — он замолк, пытаясь перевести дыхание, его легкие не привыкли к разреженному воздуху Такаюби. — П-простите, что мешаю, Мацуда-доно, Цусано-доно, — он поклонился.

— Что такое, Хакою-сан? — спросил Казу.

— Отряды Империи прибыли. Просят главу деревни, — Хакою посмотрел на Такеру и

выпрямился. — Я сказал им, что это вы, Мацуда-доно.

— Я сейчас приду.

ГЛАВА 22: СОЛДАТЫ

Отряды Империи не прибыли одни. Как и в Ишихаме, они были с солдатами Яммы. Мисаки давно не видела ямманок, да и вообще людей не из Кайгена. Для некоторых жителей Такаюби иностранцы были новинкой. Женщины и дети собрались и глазели, шептались, хотя держались на расстоянии от ямманок, словно переживали, что солдаты, владеющие огнем, могли случайно взорваться.

— Я не знала, что они такие высокие, — поразилась одна женщина.

— Они красивые, — вздохнула другая. — Такая темная кожа! Как в кино!

— А их волосы такие... пушистые, — добавила Мизумаки Фуюко, морща нос. — Думаете, я смогу уговорить их дать мне потрогать волосы?

— Не глупи, Фую-чан, — сказала девочка-подросток. — У тебя пальцы сгорят.

Фуюко склонила голову.

— Я думала, для этого они должны гореть.

— Нет, уверена, огонь внутри них, под их кожей, как внутри нас — кровь.

— И, погодите, то *женщины*? — Мизумаки Фуюко уставилась, словно это было более странным, чем мысль, что у людей огонь был вместо крови.

— Не может быть, — сказала ее мать. — У них копья.

— Но и груди, Мизумаки-сан, — изумленно сказала Сецуко. — Уверена, это женщины.

— Бред. Женщины не могут...

— Смотрите! — Сецуко была рада возможности смутить ее уже травмированных соседей. — У той *большие* груди! — она указала на ямманку неподалеку.

Та женщина посмотрела на болтающих женщин Кайгена и закатила глаза, вздохнув мучительно. Для женщины-солдата попасть в Кайген было утомительно. Мисаки была готова пожалеть ее, пока не увидела узоры на форме женщины — узоры пилота. Эта женщина и таджики вокруг нее были в ответе за то, что бомбы превратили Такаюби в обломки.

Во тьме и смятении авиаудара прошлой ночью было невозможно сказать, какой стране принадлежали самолеты, но Мисаки не удивилась, что Ямма ответила быстрее армии Империи. Военные базы Яммы были по всей Кайгенской империи, и они быстро отвечали на проблемы. Но было жутко, что император позволял чужим самолетам сыпать бомбами на его землю.

— Они выглядят недовольно, — отметила женщина, глядя на солдат Яммы.

— Они — таджики, — сказала Мисаки. — А тут середина зимы, и они на холодной горе.

Темнокожие таджики дрожали в форме с узором боголан, выглядели решительно, но недовольно по голени в снегу. Они не прибыли хотя бы в сорокалетней форме, чего Мисаки не могла сказать о кайгенских отрядах, которые были в сине-коричневых ханбоках с Келебы.

Первым к Такеру обратился крупный офицер-кайгенец с выпирающим животом, который представился как полковник Сонг. С ним был джасели-кайгенец в мантии военного переводчика, что немного разозлило Мисаки. Эти люди считали их необразованными?

— *Мне сказали, что вы — глава деревни?* — сказал полковник Сонг на кайгенгуа.

— *Да, сэ, —* медленно ответил Такеру, имперский язык звучал неловко у него, в отличие от диалекта Широждимы, — *со вчерашнего вечера.*

— Да? — полковник Сонг приподнял брови. — Вчера? — Мисаки было плевать на снисхождение в его голосе. — Можете объяснить, как это случилось?

— Мэр считается мертвым, ведь мы еще не нашли выживших из западной деревни, где он жил. Я был его счетоводом, помощником и человеком, управляющим вместо него, когда он отправлялся в штаб провинции. Пока что я выполняю обязанности, пока его не найдут или заменят. Мой брат, глава правящего дома воинов тут, погиб и был опознан за несколько ваатину до вашего прибытия, так что я занимаю его место в управлении...

— Ясно, — полковнику Сонгу явно наскучил медленный кайгенгуа Такеру. — Так все эти люди слушаются вас?

— Те, кто живет в Такаюби, сэр, да.

— Вы можете держать их под контролем?

Мисаки не нравилось, что Сонг говорил о них, как о беспокойном стаде скота. Ей понравилось еще меньше, когда Такеру ответил без колебаний:

— Да, сэр.

— Очень хорошо. Сначала мне нужно, чтобы ваши люди принесли все тела к останкам поселения на юго-западе этой деревни.

— Вы про деревню кузнецов?

— О, это была она? — сказал полковник Сонг, изумленно приподняв уголок рта, и Мисаки захотелось выбить ему зубы. — Тогда да, к, кхм, деревне кузнецов. Наши союзники из Яммы начали там устанавливать свое оборудование.

— Свое... оборудование? — медленно повторил Такеру.

— Их оборудование, — сказал переводчик на диалекте Широждима, и Такеру холодно посмотрел на него.

— Ямманки проводят важное судебное-медицинское исследование для нашего императора, — сказал Сонг. — Вы и все в этой деревне будете им помогать.

— Конечно, генерал, — сказал Такеру, хотя это был первый приказ, от которого он замер.

Ямманки могли быть союзниками Кайгена с Келебы, но они все еще были чужаками, а деревни, древне и изолированные, как Такаюби, не любили, когда чужаки лезли в их дела. В этой деревне просто присутствие людей не из Кайгена, как Кваны, вызывало шум.

— Я так понимаю, что ваши люди уносили тела в это здание?

— Только тела наших, — сказал Такеру. — Тех, чьим друзьям и семье нужно их похоронить. Мы ждали финов с соседней горы, чтобы похоронить их.

— Понимаю, — сказал полковник Сонг, — но нам понадобятся все тела в деревне кузнецов — кайгенцев и ранганийцев.

Последовала пауза.

— Вы... что? — сказал Такеру без эмоций.

Переводчик то ли хотел проявить презрение, то ли плохо выполнял работу, но сказал:

— Полковник сказал: «Все тела, кайгенцев и ранганийцев».

Такеру все еще глядел на Сонга.

— Не понимаю.

— Вы направите своих людей принести тела всех, кто был убит во время атаки, ямманкам. Это включает тела, которые они по ошибке принесли сюда, — он кивнул на накрытый труп Мамору. — Если остались только части тела, им понадобится все, что можно собрать.

Мисаки не винила Такеру за шок.

— *Я сказал то, что вас запутало, Мацуда?*

— *Вы хотите, чтобы я забрал мертвых у их горюющих семей?* — голос Такеру был без эмоций, как обычно, но он был и пустым.

— *Это воля императора.*

— *Простите, сэр. Я просто...* — Такеру стал запинаться в кайгенгуа, который он редко использовал. — *Я не понимаю.*

— Полковник говорит: «Это воля...».

— *Ты тупой?* — рывкнула Мисаки на переводчика. — *Он знает фразу «воля императора». У нас есть телевидение,* — получив шанс показать легкий кайгенгуа после многих лет разговоров на диалекте, она должна была радоваться, но скалила зубы, произнося звуки. — *Научись читать ситуацию, придурок.*

Все трое мужчин уставились на нее.

«О, Мисаки, ты дура».

— *Чо, можешь идти,* — сказал Сонг через миг. Смущенный переводчик поклонился и ушел, полковник повернулся к Такеру. — *Ты сказал, что управляешь этой деревней. Ты можешь сдержать свою жену?*

— *Да, сэр. Простите,* — сказал Такеру и встал между Мисаки и полковником. — *Она страдает от шока и сотрясения мозга.*

— *Уверен, все вы сильно пострадали, но радуйтесь, зная, что это все на благо империи.*

— *Конечно.*

— *Теперь мы понимаем друг друга, и я скажу своим солдатам собирать тела,* — Мисаки ощутила, как ее мир стал разбираться, полковник повернулся к Мамору и опустил на него ладонь. — *Мы начнем с этого.*

— *Это Мамору,* — сказал Такеру, когда полковник Сонг поманил своих мужчин. — *Это мой сын,* — в его тоне не было протеста, но что-то было. Мисаки должна была верить в это. Он не мог позволить это.

— *Хорошо, мы начнем с вашего сына.*

— *Да, сэр,* — Такеру клонился и забрал меч в ножнах от Мамору, солдаты подняли тело. — *Слава Кайгену. Долгой жизни императору.*

Гнев пульсировал в Мисаки, вел ее вперед.

— *Нет,* — прорычала она сквозь зубы. — *Вы не можете...*

Казу двигался поразительно быстро, поймал ее за талию раньше, чем Такеру или солдаты заметили ее наступление.

— *Нээ-сан, нет!* — прошипел он, оттаскивая ее.

— *Пусти!* — Мисаки вырывалась, но Казу держал ее, оттаскивая. Нами, когда ее младший брат стал таким сильным? — *Они не могут этого сделать! Не могут...*

Джийя Такеру обрушилась на нее, ледяная волна пробежала по крови и костному мозгу. Ее муж не тронул ее — он едва двигался — но удар поразил ее. Все знали, что сильный теонит мог подавить мощью слабого, нейтрализовав его силу, но Мисаки еще не ощущала джийю, которая была настолько сильнее, чем ее.

— *Мацуда-доно!* — голос Казу был очень далеко, звучал испуганно.

Мисаки смутно ощущала ньяму мужа, намного холоднее ее брат, она вклинилась между ней и Казу, окутала ее, как воды ледяного озера, сомкнувшись над ее головой. Ощущение так ее оглушило, что она не понимала, что происходило, пока холодные руки Такеру не

опустили ее на колени на опаленный татами. Она была в доме, в комнате, где отдыхал Котецу Каташи.

Дети кузнеца и ее дети сжались вместе на ближайшем футоне.

— Он не может вернуться, — пытался объяснить рыдающему Нагасе и своим младшим Ацуши.

— Почему? — осведомилась его младшая сестра, Наоко.

— Люди не возвращаются из Лааксары. То есть, бывает порой, но... — Ацуши поежился, притянул Наоко ближе. — Не в хорошем плане. Они не возвращаются... как они. Он другие, плохие.

— Мой брат не плохой, — сказал Нагаса.

— Точно, — согласился Ацуши, — или не был таким. Потому мы не увидим его снова.

— Хорошо, что вы смогли сохранить хотя бы меч, Мацуда-доно, — сказал Каташи Такеру.

— Было бы глупо его потерять, — сказал Такеру. — Это отличное оружие.

— Оружие героя, Мацуда-доно, — сказал мечник. — Оно должно храниться в вашей семье для будущих поколений, чтобы им владели и восхищались. Его имя должны гордо повторять с такими, как Курокори и Кумокей.

— У меня моего сына нет имени.

— Конечно, есть, Мацуда-доно, — сказал Котецу нежным гудящим голосом. — Его хозяин и творец подарил ему имя. Это Маморикен, — он кивнул на меч, — Защитник.

Мгновение на лице Такеру трепетало что-то, почти похожее на эмоции. Почти. Мисаки гадала, почему попытки найти эмоции на лице того мужчины ощущались как попытки ухватиться за паутину, пытаться вспомнить сон...

— Спасибо, Котецу Кама, — Такеру поклонился.

Он не успел покинуть комнату, замер рядом с Мисаки, опустился на корточки перед ней и прошептал:

— Твое поведение было позорным. Ты останешься тут и будешь молчать, пока не сможешь вести себя подобающе. Понятно?

— Конечно, сэр, — Мисаки изобразила тихий голос Такеру и акцент Широждимы. — *Слава Кайгену. Долгой жизни императору.*

Если он собирался ее убить, пусть делает это сейчас. Похоже, потеря близких членов семьи не означала для него ничего. Но он не поднял на нее руку. Он просто опустил ладонь на ее плечо, словно подтверждал, что она останется.

— Тебе плохо, — сказал он. — Отдыхай.

Он ушел, как в день первого выкидыша Мисаки, как он делал всегда. Она смотрел ему вслед, желая, чтобы он ударил ее.

ГЛАВА 23: ПОТОК

Ямманки не пускали гражданских к своим палаткам два дня. Мисаки пыталась поговорить с одним из солдат Яммы, надеясь, что он расскажет больше, чем полковник Сонг и его тупой переводчик. Таджака был значительно дружелюбнее и проявлял больше уважения, чем полковник, но она все еще выяснила мало.

— *Простите, Короя,* — повторял он каждый раз, когда она пыталась узнать, что они делали с телами. — *Я не могу пока раскрывать детали.*

Ямманки стояли ближе друг к другу, чем кайгенцы, при разговоре. Это позволяло Мисаки стоять достаточно близко, чтобы слышать биение сердца мужчины, да и жар был

приятен.

— *Мы тут, чтобы помочь,* — сказал он. — *Клянусь на Фаллеке. Если мы тут преуспеем, это не позволит напасть снова на эту деревню или другие.*

Его пульс оставался ровным, он был или честным, или очень хорошим лжецом.

Импульсивный шпион в ней думал проникнуть в лагерь. Мимо таджак было ужасно тяжело пробраться ночью, ведь на странные звуки они отвечали огнем, озаряющим место. Мисаки умела двигаться тихо, и она могла сделать тело той же температуры, что и снег, стирая жар, который мог заметить таджака, но в лагере точно были джиджаки Империи, которые могли уловить ее джийю.

Прокрутив в голове несколько сценариев, Мисаки посмотрела на Изумо, спящего в ее руках, гадая, чем она думала. Это эгоистка Сираву, жаждущая трепета, рисковала жизнью, чтобы утолить любопытство. Разве она не говорила Мамору, какой гадкой и наивной была? Она не научилась лучше? Это были не приключения в Ливингстоне, где у ее действий не было последствий. Тут ее дети могли умереть.

— Прости, — шепнула она в сторону лагеря и прижала кроху Изумо ближе, чтобы опустить щеку на его мягкую голову. — Каа-чан так с тобой не поступит. Не снова.

Она ушла по горе, не оглядываясь на палатки Яммы, но любопытство не утихло. Той ночью она видела тело Мамору, закрыв глаза, и сон не шел. На рассвете она была на выступе с видом на деревню кузнецов. Туман скрывал почти весь лагерь далеко внизу, но трепещущий огонь в тишине склона горы намекал, что таджак работали ночью. Снег тихо хрустел под таби, и Мисаки ощутила, как ее брат встал рядом с ней.

— Доброе утро, Цусано-доно, — она не сводила взгляда с огня, который становился все четче, пока туман рассеивался. Такеру настоял, чтобы она звала Казу по титулу, хоть это ощущалось забавно. Изумленный вздох у ее плеча сказал ей, что Казу чувствовал то же самое.

— Доброе утро, Мацуда-доно, — ответил он. — Люди не смогла уснуть?

— Лорд не может заниматься своим делом? — Мисаки все еще раздражало, что он не упустил ее к полковнику Сонгу. Она знала, что не должна была — он повел себя разумно — но злилась.

Казу рассмеялся.

— Я не знаю, почему думал, что ты будешь добрее со мной, раз я стал главой дома.

— Как и я, — сказала бодро Мисаки. — Глупая мысль.

— Ты всегда будешь подлой со мной?

— До смерти.

— Мисаки-нээ-сан... ты в порядке?

— Что мне на это говорить, Казу-кун? Я только потеряла сына.

— Прости. Конечно, ты не... я говорил не об этом. Я... — Казу притих на миг, не знал, стоило ли уточнять. Он сглотнул. — Все хорошо... с твоим мужем?

— Что, прости? — Мисаки приподняла брови, удивленная прямоотой брата.

— Он... был хорошим с тобой?

— Не глупи, Казу.

— Что?

— Умный коро должен думать о своем положении, прежде чем задавать такой вопрос.

Казу смотрел на нее, не понимая.

— Мое положение?

— Я жаловалась на мужа? Я говорила, что он — воплощение зла, захваченный демоном, и тебе стоит меня защитить в бою? Как это прошло бы?

— Я...

— Ты смог бы победить? — спросила Мисаки. — Если ответ «нет», лучше держи рот на замке.

— Я хорошо бьюсь, — возразил Казу, звуча так же, как в десять лет.

— Ты очень хорошо бьешься, — сказала она, — но тактик из тебя плохой.

— Как это понимать?

— Хороший тактик знает, когда ему не победить.

Казу хмуро посмотрел на нее.

— Я вижу, почему Тоу-сама все еще так сильно по тебе скучает. Вы звучите одинаково. Так сложно хоть немного верить в меня?

— Хорошо, — Мисаки скрестила руки, хотела повестись, хоть это и был шанс сменить тему. — Вдохнови меня, Цусано-доно. Что у тебя за план? Гипотетически, если тебе придется биться с Шепчущим Клинком, что бы ты сделал? Ты даже не взял хороший меч, — она заметила, что Казу носил только большой Анрю, не взяв катану обычного размера, какую обычно носил лидер Цусано.

— У меня есть Бьющие волны, — возмутился Казу, похлопал за собой рукоять Анрю длиной с предплечье.

— Ах, да, — сказала Мисаки насмешливо драматично. — Могучий Анрю, Гробовщик, Топящий Корабли.

Меч предков был до смешного большим, таким, что его можно было носить только на спине с помощью широкого кожаного ремешка, чтобы он не стучал и не волочился по земле. По легенде, меч выковали кузнецы Ишино для героя войны, Цусано Райдена, который жил в одно время с Мацудой Такеру Первым. Райден, по рассказам, был в два этажа ростом, и он мог ходить в море и рассекать корабли пополам своим мечом. Мисаки всегда забавляла эта легенда, учитывая скромный рост современных Цусано, но это объясняло, почему меч был таким большим.

Мисаки во многом завидовала младшему брату, но не урокам владения Бушующими Волнами. Ее плечи и предплечья пылали от мысли о маневрах с таким огромным мечом.

Как миряне не могли понять, почему мастера Мацуда тренировались со стальными мечами, многие не могли понять, почему Цусано тренировались с Бушующими Волнами. Если мужчина мог кружиться и атаковать с Анрю в руке, его нельзя было остановить обычным мечом. Дело было в сочетании максимальной скорости и силы, как тренировки с грузом на запястьях и лодыжках. Анрю был хорошим орудием для тренировок. Хотя кузнецы Ишихамы затачивали клинок, биться с ним было глупостью.

— Не говори, что ты собирался сражаться с этим чудовищем.

Казу пожал плечами.

— Это сработало на ранганийцах.

— Что? — глаза Мисаки расширились. — Казу, лорду плохо выдумывать истории.

— Я не выдумываю, — сказал он с искренним раздражением.

— Но это невозможно, — сказала Мисаки. — Я билась с ранганийцами. Даже обычные солдаты не были медленными. Я знаю, что ты сильный, но никто не может владеть таким тяжелым оружием достаточно быстро, чтобы убить тех фоньяк.

— Тоу-сама мог, — сказал Казу. — Ты это знаешь, Нээ-сан. Ты видела его ката с Анрю.

— Да... — конечно, видела. Она помнила, как отступала подальше, ее отец рассекал и кружился, исполняя приемы с древним мечом, придуманные предками Цусано для Бушующих Волн. В детстве она видела в отце божество, так что ее не удивляло, что он мог взмахивать таким тяжелым мечом, весящим как взрослый человек, словно он ничего не весил. — Но... это Тоу-сама, — сказала Мисаки, — и он тогда был младше.

— Да, — сказал Казу. — Я забыл, что ты его давно не видела. Ты знаешь, что сейчас, когда ему за шестьдесят, он двигается так же быстро, как раньше? Он все еще может использовать Анрю — не просто поднимать, но и владеть им быстрее, чем двадцатилетние обычным мечом.

— Что? Как? — поразились Мисаки.

— Мне всегда было интересно, — сказал Казу. — Я спрашивал его об этом годами, но он не дал мне прямой ответ, только общие слова о силе воли... Он сказал, что, чтобы владеть Анрю, «человек должен быть крупнее себя», что для меня никогда не имело смысла. Он сказал, что я пойму, когда вырасту. А потом напали ранганийцы, и вдруг все стало ясно. Я бился с ними, Нээ-сан. Я бился с ними с помощью Анрю.

— Серьезно? — воскликнула Мисаки. — Так у тебя руки из стали! — ее поразила сила брата, когда он оттащил ее от Сонга и его солдат. Но владеть Анрю в бою...

— Дело не в руках, — Казу сжал пальцы. — Я хотел поговорить с тобой об этом.

— Со мной? — удивилась Мисаки.

— Ну... все было в хаосе после атаки. Я не смог обсудить это с Тоу-сама, но решил, что только ты можешь понять, кроме него.

Мисаки упомянула Анрю, чтобы отвлечь Казу от Такеру. Теперь это сработало, и он заинтересовал ее. Но нужно было вести себя прилично, и она с упреком цокнула языком.

— Казу-кун, ты знаешь, что я так уже не делаю. Я — мать и домохозяйка.

— Конечно, — Казу ухмыльнулся ей. — Так что ты не будешь против, если я сделаю это, — он ткнул в руку Мисаки, задел глубокий порез.

— Ай! — она отдернула руку и поднесла ее к груди, хмуро глядя на брата. — Ладно. Что за открытие ты хотел сделать?

— Я не стал бы тебе врать, Нээ-сан. У меня в арсенале нет техники, которую ты не разгадала в семь лет. Если ты сражалась для защиты любимых людей, уверен, ты тоже испытывала это.

Мисаки смотрела на него.

— Испытывала что? Суперсилу? На уровне божества? Не помню.

— Правда? — Казу был удивлен. — Но Сецуко-нээ-сан сказала, что ты билась с ордой ранганийцев — включая элитных солдат — не держа в руках меч годами. Как ты это сделала?

— Криво, — Мисаки подняла руки в порезах. — Как видишь. Как *ты* это сделал?

— Это началось с ошибки, — сказал Казу, — я был импульсивен, как всегда. Когда первый ранганиец забрался на утес, я дал адреналину бушевать и напал впереди других. Я не понимал, что врагов будет так много, и дал им окружить меня. Фоньяка — монстр в черном — ударил меня по ведущей руке, и обычная катана улетела, а мое запястье было сломано. Это должно было стать концом боя. Я должен был умереть...

— Но? — сказала Мисаки.

— Но моя семья еще не ушла в безопасность. Люди были рассеяны. Я понял, что если я паду, Ишихама падет со мной. Моя джийя поднялась, как никогда раньше. Не шире, а глубже

и сильнее во мне. Я вытащил Анрю, и мне вдруг уже не было больно. Вес меча уже не имел значения. Я был быстрее, чем когда-либо, быстрее ранганийцев. Я делал то, что многие не могут — разрезал одним ударом пятерых фоньяк, ударил одного кулаком так сильно, что кулак вырвался из его спины. Одному из моих людей камнем придавило ногу, камень был размером с дом, но я поднял его, словно он ничего не весил. Это было как... как из легенд.

Мисаки обвинила бы его в сказках, но Казу ужасно врал, и он не говорил так, словно выдумывал. Вместо этого он звучал восторженно, словно он едва мог поверить в то, что описывал.

— Как? — сказала она.

— Кровь, Нээ-сан, — он повернулся к ней с восторгом в глазах. — Мы можем управлять кровью. Это так просто! Когда я использовал Анрю против тех фоньяк, это была не работа моих мышц. Это была кровь в моих венах — вся она двигалась в ответ моей воле.

— Что?

— Думаю, Анрю не просто так наш меч, — сказал Казу, — и это не из-за того, что один из наших предков — великан-полубог. Думаю, полностью развитый Цусано — только такой Цусано — может им владеть. Мы — единственный дом, чья джийя может двигать нашу кровь. И, видимо, на достаточном уровне, чтобы управление кровью преодолевало обычные физические ограничения.

— Боги, Казу, — выдохнула Мисаки. — Это поразительно!

Так Тоу-сама всегда заставлял свое тело совершать невозможное и продолжал делать это в старости. Он был не только физически силен. Он превратил кровь в продолжение своей воли. Течение крови двигало тело за него, и его стареющие кости и мышцы не страдали.

— Ты такая умелая, Нээ-сан, — Казу глядел на Мисаки. — Я удивлен, что ты не поняла это годы назад.

— Я не такая, — сказала Мисаки.

Казу описывал силу воли как навык, а сила воли никогда не была ее сильным качеством. Теперь ее младший брат вырос, она все еще была с джийя уровня ребенка. Да, она управляла ею лучше, чем любой ребенок, но джийя должна была становиться глубже с возрастом. Где-то в своей душе Мисаки все еще была девочкой.

— Но ты всегда была хороша с кровью, — растерянно сказал Казу.

— В мелких трюках, — сказала Мисаки, — когти и иглы, которые требуют много точности, но мало силы. И это всегда чужая кровь, — добавила она, — не моя, — Мисаки редко обращала джийю внутрь. Она не хотела думать о том, что лежало глубоко в ней. Судя по тому, что она знала, там все было искаженным, злым, это лучше было не трогать.

— В любом случае, — сказал Казу, — неделю назад я не мечтал бы бросить вызов Шепчущему Клинку. Теперь... я не могу это объяснить, но я стал больше. Я больше, чем Цусано Казу.

— И ты уверен, что то, что ты сделал на поле боя не было случайным? — спросила Мисаки. — Результатом пыла боя?

— Нет.

— Откуда такая уверенность?

— Моя правая рука все еще сломана. Не заметила?

— Нет, — сказала Мисаки. — Даже когда... — даже когда он сдерживал ее у дома. — Ты компенсировал рану, управляя кровью?

Казу кивнул.

— Как Тоу-сама компенсирует стареющее тело. Эта сила... я не понимаю ее полностью, но знаю, что это из воли защищать любимых. Я могу сделать это для тебя, Нээ-сан. Знаю, это не мое место. Но я буду защищать тебя, если нужно.

Она рассмеялась, чтобы скрыть волну эмоций.

— Ты такой драматичный.

— Знаю, — виновато сказал он. — Но я серьезно.

— Ты не должен влезать в брак другого лорда.

— Знаю, — решительно сказал Казу, — но скажи слово, и я это сделаю.

Он пристально смотрел ей в глаза, в его глазах было доверие ребенка и решимость мужчины. Ее младший брат все еще верил, что она знала, как лучше... как Робин, как Мамору...

Мисаки посмотрела на свои ступни.

— Мое слово стоит не так много, Казу-кун. Я — просто глупая женщина.

— Мисаки, — что-то в тоне Казу стало мрачнее. — Он тебя не ранил?

— Нет, — не физически. Физическую жестокость Мисаки могла стерпеть. Это она понимала.

Она должна была упрекнуть брата, сказать ему, что дела лорда с его женщиной были личными, но материнство сделало ее мягче. Она не могла упрекать Казу, когда он смотрел на нее с открытой тревогой.

— Ты вырос хорошим мужчиной, Казу-кун, — сказала она. — Но часть роли великого лидера — понимание, где твоя ответственность. Твоя тревога трогательна, но у тебя есть своя семья и своя деревня. Дай старшей сестре самой о себе позаботиться, нэ?

Казу хотел сказать больше, но закрыл рот и кивнул. Он вырос.

— А ты? — спросила Мисаки. — Я не смогла спросить о твоей жене и детях. Как они?

Она смотрела с теплом и каплей зависти, как ее брат засиял. Вопрос вызвал у него счастливый лепет о высоких оценках его дочери в школе, первых словах его малыша и ребенке, который родился летом.

— Кайда упрямая теперь, когда подросла. Слава богам, Айча терпелива. Я не знаю, как бы я справлялся с тремя малышами, как она. Та женщина — святая.

— Ты ее любишь? — вопрос вылетел у Мисаки, хотя замер за губами на пару мгновений. Может, был странно спрашивать такое, но ей нужно было знать.

Казу растерянно притих.

— Что?

— Твоя жена, Айча. Ты любишь ее?

Казу моргнул.

— Я... — судя по тому, как он нахмурился, вопрос ему еще не задавали. — Да, — сказал он после долгой паузы.

— Ты только понял? — тон Мисаки был шутливым, но любопытство — искренним. — Ты женат на ней семь лет.

— Это было не сразу, — сказал Казу. — Ясное дело. Мы были почти незнакомцами, когда сыграли свадьбу. Сначала она беспокоила меня. В первый год она тосковала по дому. Скучала по семье и полям в Хакудао. Я вырос в Арашики, так что не понимал, как неприятно кому-то, кто боится высоты, бури и океана, там жить.

— Ты боялся бурь, когда был маленьким, — отметила Мисаки.

— Но ты всегда знала, какими словами меня успокоить. И то, как ты говорила со мной, помогло, когда мне нужно было успокаивать мою жену.

— Серьезно? — удивилась Мисаки. Она помнила, что была нетерпеливой с Казу, когда он плакал.

— Ты была всегда терпеливой... И я был терпелив с ней, а после года она оказалась хорошей.

— Я впечатлена, — сказала Мисаки. — Терпение не было твоей сильной чертой. Казу пожал плечами.

— Я знал, что наши родители выбрали нас друг для друга. И Тоу-сама с Каа-сан были такими мудрыми и хорошими. Я доверился их решению, и они угадали насчет нее.

— Да? — Мисаки склонила голову. Казу уже долго был женат, но все еще странно было думать о ее брате как о муже и отце. Он точно был неплох в этих ролях, но это было странно.

— Как только Айча перестала бояться, что мы упадем с утеса, она оказалась довольно спокойной... и умной. Она балансирует меня, когда я...

— Перегибаешь? — предложила Мисаки.

— Они нашли мне хорошую пару.

— Хм, — задумчиво сказала Мисаки.

— Они думали, что и тебе нашли хорошую пару, — сказал Казу через миг.

— Так они думали? — Мисаки знала о горечи в голосе. Ей было все равно.

— Я помню, когда они планировали брак, пока ты была в Рассвете, — сказал Казу, — Тоу-сама старался найти тебе самого сильного мужа. Первым делом он сказал свхам не беспокоить домом слабее или ниже нашего. Когда они спросили, почему, он сказал: «Мисаки сильнее и способнее многих мужчин. Она не будет уважать слабого мужчину».

— Я... не знала этого.

Мисаки не говорила с родителями о том, как они устроили ее брак с Мацуда. Там было слишком много боли. Она хотела любить их, благодарить их, и чтобы они гордились. Но было сложно делать это, ведь они продали ее мужчине, которого она не знала, пока она была еще девочкой в школе, влюбленная в другого.

— Я не участвовал в процессе, конечно, — сказал Казу. — Я был тогда слишком юн, но, признаю, что я много подслушивал.

— Ясное дело, — Мисаки улыбнулась.

— Я помню, сначала они говорили о твоём браке с Мацудой Такаши.

— Что? — поразились Мисаки.

В этом был смысл. Отец, желавший лучшего для дочери, попытался бы выдать ее за первого сына. Тогда ее муж был наследником, обеспечивал ее будущее.

— Но Мацуда Сусуму отказал им, да? — сказала Мисаки. Ее свёкор постоянно жаловался на ее грязную кровь Цусано. Он не хотел бы смешивать ее с драгоценным первым сыном.

— Нет, — Казу удивленно посмотрел на нее. — Мацуда Сусуму был рад. Он предложил Тоу-саме выбрать между его первым и вторым сыном.

— Правда? — Мисаки не догадывалась, что Сусуму мог радоваться ее появлению в его семье, он всегда ненавидел ее. Но мужчина ненавидел всех, включая своих сыновей, так что это не было странно. Потому он и к ней был холоден и презрителен.

— И... наш отец выбрал Такеру?

Казу кивнул.

— Конечно, он и Каа-сан соглашались, что лучше тебе было выйти за первого Мацуду. А потом мы навестили всю семью Мацуда. Мацуда Сусуму представил наших родителей своим сыновьям, и Тоу-сама передумал. Он сказал... ну...

— Что он сказал? — Мисаки вдруг ощутила любопытство.

— Я, кхм... наверное, не должен это повторять, — виновато сказал Казу, — из уважения к духу Мацуды Такаши.

— Его дух это выдержит, — заявила Мисаки. — Скажи мне.

Казу вздохнул.

— Каа-сан больше понравился Такаши. Она и Тоу-сама неделю спорили об этом. «Такаши такой красивый, — говорила Каа-сан, — и такой сильный джиджака!». Тоу-сама считал, что Такеру из них двоих сильнее. Я не знаю, как он понял...

— Тоу-сама всегда замечал такое, — Мисаки кивнула. — Он был прав. И все? Все решило то, кто сильнее?

— Вряд ли это было так просто. Он думал, что Такеру более ответственный и уравновешенный. Он сказал: «Мы не можем выдать нашу умную девочку за тупицу».

Смех вырвался из Мисаки, несмотря на боль, впившуюся иглами в легкие.

— Но, Нээ-сан, никому не говори, что я это раскрыл, — Казу чуть запаниковал. — Пообещай...

— Не переживай, Цусано-доно, — рассмеялась она. — Я не буду болтать.

Улыбка увяла на ее лице, но боль в груди осталась, она смотрела на свет дня, проникший сквозь туман. Ее отец выбрал Такеру... Она не знала, обижаться или ощущать признательность. Тоу-сама любил ее, шутил с ней, учил ее использовать меч. Он должен был знать ее. Он должен был поступить мудро.

В останках деревни кузнецов внизу утренний свет раскрыл движения.

— Так они делали и в Ишихаме? — спросила она, Казу проследил за ее взглядом на лагерь.

— Думаю, да. Нам не дали посмотреть.

— Что они делают, по-твоему? — ямманки двигались среди палаток, как муравьи, их активность было сложно различить на расстоянии. — Для чего им тела?

— Не знаю, — сказал он. — Наверное, лучше не задаваться вопросом.

— Это явно очень важно, — сказала Мисаки немного раздражённо, — для них, раз они тратят силы на это, а не на помощь нам.

Отряды Кайгена и Яммы были в Такаюби два дня, и они не изображали помогающих солдат, приносящих еду и одеяла, как в пропаганде. Они не помогали лечением, едой или восстановлением ущерба, нанесенного их бомбами. Их интересовал сбор всех тел для ямманок. Несколько солдат убрали сломанные балки и черепицу домов, помогли расчистить зону, но только это.

— Я послал своих людей за припасами в деревни вокруг, — сказал Казу, — и Амено послали своих людей в крепости в горах глубже на суше, чтобы попросить помощи у Гинкава. Мы слышали от рыбаков, что главная ветвь Гинкава хранит много еды для таких случаев, так что мы найдем припасы для ваших людей на какое-то время.

— Если они хотят помочь, — сказала Мисаки.

— Конечно, они помогут, — сказал Казу. — Мы — кровь богов.

Мисаки не разделяла уверенность брата, но он оказался прав. На следующий день прибыли знамена с серебряным речным драконом семьи Гинкава.

Века назад великие дома Широждимы — Мацуда, Цусано, Гинкава, Юкино — бились за власть. Было странно, что теперь все они были едины, боролись за выживание с ранганийцами и Империей, которой было плевать на то, какой образ жизни они представляли.

Сразу после атаки Мисаки не замечала толком отсутствия Такаши, но с каждым днем это ощущалось все сильнее. Такаши не подходил идеально для управления деревней после катастрофы, но он хоть командовал бы. Такеру только холодно приветствовал волонтеров и давал минимальные указания.

Такеру приветствовал новую группу волонтеров, когда в круг вбежала Мизумаки Фуюко. — Мизумаки-сан, — сказал удивленно Такеру, девушка упала на колени в снегу перед ним. — Что ты делаешь? Мы посреди...

— Мацуда-доно! — пронзительно выпалила она, запыхалась так, что едва могла говорить мгновение. — Простите, что перебиваю. Вам нужно срочно прийти.

— Куда?

— В деревню кузнецов, — выдохнула Фуюко. — Солдаты, о-они... Вам нужно увидеть, что они делают!

Такеру и другие мужчины пошли за Фуюко. Быстро привязав Изумо к спине, Мисаки пошла за ними. Они пришли в деревню кузнецов, увидели, что ямманки убрали палатки и вырыли огромную яму. Дыра была в баунд глубиной, но тянулась на всю длину деревни. Туда солдаты бросили сотни тел, которые собрали за несколько дней — ранганийцы и кайгенцы, воины и обычные люди — все были собраны вместе.

Среди желтых и черных было просто увидеть синий цвет Мацуда. Мамору лежал среди трупов фоньяк, его голова была на плече убитого нуму. Тело ребенка лежало на нем, такое обгоревшее, что было не ясно, из какой семьи он был.

Если бы это не ужасало, Мисаки восхитилась бы четкости работы. Только военные Яммы могли двигать быстро землю и столько тел, и они явно хотели закончить с этим как можно быстрее. Волна жителей, который вызвала Мизумаки Фуюко, спустилась по горе и тут же начала кричать в ужасе, требуя объяснить, что делали солдаты.

Несколько оставшихся ямманок быстро упаковали снаряжение и ушли, когда жители спустились. Они закончили в Такаюби свои тайные исследования, сделали то, что отрядам полковника Сонга не хватало сил сделать.

— *Полковник Сонг*, — Такеру подошел к нахальному мужчине, стоявшему над грязью в чистом ханбоке. — *Что тут происходит?*

— *Отойди, Мацуда*, — сказал полковник, присутствие Такеру его не сильно интересовало. — *И скажи жителям деревни вернуться к работе. Им не нужно это видеть.*

— *Не могу*, — сказал Такеру.

Полковник Сонг приподнял бровь.

— *Что, простите?*

— *Там тела членов их семей*, — сказал Такеру. — *Я не могу прогонять их.*

Половник хмуро посмотрел на Такеру, словно глава Мацуда был мухой в его чае.

— *Ладно*, — он подал сигнал солдатам. Они прошли вперед, схватили рыдающих женщин и потащили их от ямы.

Гинкава Аоки вмешался, пытался убрать солдата от кричащей женщины. Солдат ударил его. Не метко и кулаком, а отмахнулся — будто от непослушного ребенка. Звук рассек растущий хаос, и все замерли, глядели мгновение в возмущенном недоверии. Гинкава был

потрясен.

Одна из женщин сказала:

— Как вы смеете? — зарычала она на солдата. — Вы знаете, кто он? Он бился, чтобы защитить империю! Как вы смеете?

Джийя поднялась среди жителей деревни и их помощников. Руки с обеих сторон потянулись к мечам.

— Обезоружить всех, кто сопротивляется, — холодно сказал полковник.

Яростная часть Мисаки хотела, чтобы полковник попробовал это сделать. Чтобы он увидел, как его жалкое подобие солдат бьется с настоящими воинами. Сотня солдат Империи вряд ли пережила бы честный бой с дюжиной мечников Амено и Гинкава. И им лучше не попадаться Такеру или Казу.

— Назад! — приказал Такеру, голос гудел над ямой. — Гинкава, Амено, люди Такаюби, назад!

Повисла напряженная тишина.

А потом горящие женщины и волонтеры отошли, убрали руки от мечей, и их общая джийя отступила волной. Полковник Сонг приподнял брови, был немного впечатлен тем, как быстро они послушались.

— *Вы не объяснили, полковник,* — голос Такеру стал опасным. — *Что вы тут делаете?*

— *Эти тела сожгут,* — сказал полковник, словно было нормально тела павших воинов бросать в яму, как мусор.

— *Все тела?*

— *Это стандартная процедура, чтобы не было болезни.*

Только тогда Мисаки заметила слой досок и балок под телами, на дне ямы. Солдаты, которые пришли забрать дерево разрушенных домов, не помогли Такаюби убрать обломки: они собирали дерево для огня.

— *Но кайгенцев должны вернуть их семьям для похорон,* — сказал Такеру.

— *Это воля Императора. Нам нужно очистить вашу деревню.*

— *Я это понимаю,* — сказал Такеру. — *Но можно же отдать останки родственников горюющим семьям. Уверяю, их сразу же кремируют.*

— *Прости, Мацуда,* — сказал мужчина. — *Это стандартная процедура.*

— *Там тело нашего сына!* — вспыхнула Мисаки, уже не могла молчать. Такеру даже не помолился над Мамору. Что за человек сжигал тело мальчика, не дав его отцу помолиться? — *Там Юкино Дай. Вы не можете...*

— Тихо, Мисаки, — прошипел Такеру. — *Генерал, простите за поведение моей жены.*

— *Не переживайте,* — полковник ответил с фальшивым сочувствием. — *Она много пережила.*

— *Но если тела сожгут тут, как моим людям упокоить своих мертвых?* — озвучил Такеру вопрос, звенящий в голове Мисаки. — *Нам нужно дать им могилы.*

— *Отмеченных могил не будет,* — сказал полковник Сонг. — *И это не твои люди, Мацуда. Ты и все эти жители деревни принадлежат Императору.*

Мисаки посмотрела на мужа, его ладонь сжалась. Она не знала, почему ожидала, что он выступит против невыносимого мужчины. Он терпел хуже от отца и брата без возражений. Он принял приказ бросить сына умирать без возражений.

— *Я не хотел оскорбить, генерал,* — Такеру склонил голову. — *Уверен, у Императора есть причины.*

Мужчина снисходительно улыбнулся.

— Ты умный, Мацуда. Думаю, мы хорошо поработаем вместе.

Такеру кивнул. Несколько оставшихся таджак у ямы зажигали факелы для солдат Кайгена.

— Пока тут не будет мэра, назначенного правительством, ты согласен нести ответственность за эту деревню грядущие месяцы?

— Конечно, сэр.

— Тогда проследи, чтобы эти люди поняли одно: никто не говорит об атаке Ранги. Если спросит чужак, мертвые — жертвы бури.

— Они умерли в бою, — сказал Такеру.

— Нет, — Сонг кивнул своим людям. Они бросили факелы, разведя огонь. — Они умерли в бурю.

Огонь бежал по желтой ткани. Из ямы зазвучал треск горящей плоти. Мисаки поняла. Тела уничтожали не для того, чтобы не было болезни. Империя сжигала улики атаки.

— Император знает о вашей жертве тут, и он благодарен за вашу службу. Для таких верных подданных этого достаточно.

— Конечно... — сказал Такеру без эмоций, — этого достаточно.

— Ямманки уйдут этим вечером, а я уведу своих людей завтра.

— Завтра? — Такеру удивленно посмотрел на Сонга. — Ваши отряды не останутся помочь нам отстроиться.

— К сожалению, силы Императора сейчас заняты. Начальство из столицы прибудет через два месяца и проверит, все ли тут идет по воле Императора.

— Так нам ожидать помощь? — спросил Такеру. Его голос не выдавал отчаяние, но их ситуация была отчаянной. Середина зимы, и почти все их люди остались без домов. Волонтеры из соседних районов были пока рады им помочь, но Такаюби не могли полагаться на их щедрость остаток зимы.

— Помощь возможна, — полковник Сонг скрестил руки. — Мы посмотрим, все ли идет по воле Императора, — понять его было просто: молчите, и тогда получите то, что нужно, чтобы выжить. Будете послушными, и вы сможете жить.

Такеру замер на миг, глядя на огонь, ползущий по горе трупов к телу Мамору.

— Простите, — сказал он через миг. — Мне нужно кое с чем разобраться.

Он развернулся и ушел, оставив Мисаки на краю ямы рядом с полковником, вокруг рыдали женщины Такаюби.

— Жаль, что с вашим сыном так получилось, — сказал полковник. — Но, уверен, хороший кайгенец, как он, был рад умереть за своего Императора. Вы должны гордиться тем, что ваша семья смогла служить империи.

Мисаки вдохнула, готовая сказать полковнику, что она думала об Империи, но в тот миг Изумо заерзал на ее спине, и она поняла, что не могла. Этот мужчина представлял Империю. Если она оскорбит его, если ее назовут предательницей, он убьет всю ее семью. Она была в ответ за Мацуда и Цусано, и все страдания будут напрасны, если она их погубит.

Полковник Сонг смотрел на нее, выжидая, словно, бросая вызов, озвучит то, что было у нее на языке. Она стиснула зубы. Боль вспыхнула в ее груди, оставшаяся после того, как женщина с веерами вытягивала душу из ее тела.

«Так началась Ранга, — поняла она. — От задержанного дыхания, от людей, которые не могли терпеть такое».

Но Рангу купили сотнями тысяч жизней, и Мисаки не могла больше жертвовать. Она закрыла рот и опустила взгляд на растущий огонь.

— *У тебя были тяжелые дни, Мацуда,* — сказал полковник. — *Может, тебе не стоит на это смотреть.*

— *Мм,* — Мисаки не отрывала взгляда от огня. — *Может, не стоит.*

Она держала глаза открытыми, смотрела, как Мамору горел. Она могла перечить только так.

ГЛАВА 24: ИМПЕРИЯ

Многие пытались уговорить полковника не сжигать всех. Кван Тэ-мин, Казу и Амено высокого ранга просили его остановиться, когда они поняли, что происходило, но огонь уже превратил почти все тела в черную массу. Вскоре они стали пеплом.

Такеру подозрительно отсутствовал, когда полковник созвал жителей деревни и волонтеров, отдал им приказы Императора. Были протесты. Даже самые верные кайгенцы с промытыми мозгами не хотели жертвовать достоинством любимых без спора.

Но полковник Сонг только повторял:

— *Это воля Императора. Вы же не хотите разозлить Императора,* — и протесты сменились тихими слезами.

Такеру се еще не было, и Казу с волонтерами высокого ранга из домов Амено и Гинкава старались успокоить людей и сохранить порядок. Без Такеру люди даже стали просить совета у женщин его дома.

Тем вечером Мисаки и Сецуко окружили женщины, которые или не могли выразить недовольство мужчинами, или были недовольны их ответами. Женщины собрались близко во временной спальне в додзе Мацуда.

Мужчины — выживши и волонтеры, которые не могли пойти домой ночью — едва втиснулись в уцелевшие спальни и кабинеты дома на ночь. Додзе было священным местом для мужчин, но только эта комната в доме могла уместить всех женщин и детей, оставшихся без крыш. Такеру убрал храм и стойку с оружием.

Теперь каждую ночь додзе, вмещавшее пятьдесят учеников, становлюсь спальней для двадцати женщин и их детей — и этим вечером у них прошло собрание.

— Как они могли так сделать? — спросила Мизумаки Фуюко в десятый раз. — Они сожгли наших мертвых и теперь не дадут даже вспоминать их?

— Мы все еще можем их помнить, Мизумаки-сан, — Мисаки пыталась утешить тоном, но было сложно звучать так, когда ее слова были пустыми. — Мы всегда будем помнить... просто нельзя говорить о том, как они умерли.

— Это не память, — гневно сказала Фуюхи, мать Фуюко. — Так неправильно. Мой муж и сын, твой сын, — она повернулась к Мисаки, — и твой муж, — к Сецуко, — и твой, — к Хиори, — все наши мужчины были воинами. Если мы не будем помнить, как они умерли, то мы не будем помнить, кем они были.

Женщины молчали. Никто не спорил со словами Мизумаки Фуюхи.

— И не пытайтесь мне говорить, что мы можем помнить, не говоря о том, что тут случилось, — сказала женщина, подавив слабый ответ Мисаки раньше, чем он сорвался с ее губ. — Наследие воина важно для его души. Отрицать произошедшее тут — перед нами или кем-то еще — величайшая грубость, какую мы можем сделать для наших мертвых.

— А ещё были убиты беззащитные, — добавила Маюми, одна из выживших Катакури. — Наши женщины, нуму, фины, дети, — вдова плакала, но слезы сделали ее голос

только сильнее. — Мы должны отрицать их страдания?

Мисаки много лет смотрела на этих людей свысока за то, что они верили пропаганде Империи. Много лет их неведение раздражало ее. Было странно и печально смотреть, как вся деревня понимала то, что она знала давно: что Император был тираном-эгоистом, а не заботливым отцом.

Перед лицом ужасного открытия женщины Такаюби оказались сильнее, чем она ожидала. С их мягкостью и скромностью, эти аристократки были образованными, знали поэзию, историю и философию. Они выросли в культуре отрицания, но когда кровавая правда посмотрела им в лицо, они смогли ее осознать. Они были способны на гнев. Мисаки хотела бы знать, как успокоить тот гнев. Может, так она смогла бы спасти себя от лет боли.

— Империи будто нет дела! — голос Мизумаки Фуюхи стал громче, в глазах стояли слезы. — Как они могли так сделать? Как можно было позволить им это сделать? — она обратила ярость на Мисаки. — Твой дом должен был защитить нас! Твой муж исчез, как наши мертвые, и ты говоришь нам просто забыть...

— Эй, — перебила резко ее Сецуко. — Не говори с ней так.

— Она говорит нам отрицать то, что случилось с нашими семьями. Она трусли...

— Следи за языком! — закричала Сецуко, и только Мизумаки Фуюхи не вздрогнула. Никто еще не слышал, чтобы Мацуда Сецуко, веселая и простая рыбачка, говорила таким тоном. — Я знаю, что вы злитесь, но мы — леди, и нужно следить за тоном, — сказала она, показывая, что и она могла быть властной, как коро высокого рода. — Мисаки — жена главы этой деревни. Вы будете говорить с ней с уважением.

Повисла потрясенная тишина.

А потом Фуюхи склонила голову к Сецуко.

— Прошу прощения, Мацуда-доно.

— Мне не нужны твои извинения, Мизумаки, — сказала Сецуко. — Я — просто овдовевшая дочь рыбака. Извинись перед ней, — она указала на Мисаки.

Мизумаки Фуюхи поклонилась.

— Прошу прощения, Мацуда-доно.

— Весь проклятый мир хочет нашей смерти, — сказала Сецуко, игнорируя нескольких женщин, сжавшихся от ее слов. — Мы не можем рвать друг друга, как стая безумных собак. Если ты знаешь, о чем говоришь, Мисаки-сама — последняя, на кого ты должна кричать. Она билась сильнее всех нас, чтобы защитить эту деревню.

— Это правда, — тихо сказала Хиори. Она впервые заговорила. — Во время атаки Мисаки-сан пришла за мной, хоть бомбы уже падали. Когда я была слишком слаба, чтобы встать, она унесла меня в убежище. Если бы она не вернулась за мной, я бы умерла со своим сыном.

— Простите... я это не осознавала, — сказала Фуюхи.

— Она даже пыталась нас предупредить, — сказала Хиори, — за месяцы до новостей о бурях она пыталась сказать, что придут ранганийцы — говорила мне и Сецуко-сан. Мы не слушали, — Хиори смотрела печально на свои колени. — Ее нужно теперь слушать.

— Так ты знала, что Империи врал нам? — осведомилась Маюми. — Ты знала, что на нас нападут?

— Нет, — сказала Мисаки. — Только подозревала.

— Тогда почему ты ничего не сказала? — спросила Мизумаки Фуюхи.

Мисаки вдохнула и ответила:

— По той же причине, по какой ты не скажешь.

— Что?

— Империя не так сильна, как мы думали, но она опасна. Император владеет не самой умелой армией, но нанимает сильных убийц. Если мы выразим недовольство, боюсь, начнут пропадать люди.

— Но... Император не сделал бы так с нами! — возразила Катакури Маюми. — Наши люди защищали его границы!

— А потом он сказал сжечь их тела без ритуалов, — сказала Сецуко. — Вряд ли ему есть дело до их службы. Вряд ли он думает о нас.

— Это неправильно! — сказала Маюми, пока другие согласно восклицали. — Нам нужно что-то сделать. Нам нужно их остановить.

Мисаки покачала головой.

— Спор с Империей ничего не изменит, это только погубит нас.

— Так что нам делать? — спросила Мизумаки Фуюко, и Мисаки узнала дрожь в голосе девушки... невыносимую дрожь гнева, переходящего в беспомощность. — Что нам делать для наших мертвых? Как поступить правильно?

— Мы можем жить, — сказала Мисаки. — Мы можем сохранять жизнь Такаюби для них.

Это предложение было жалким.

— Но...

— Послушай, Фуюко-сан, — нежно сказала Мисаки. — Пару месяцев назад мой сын, Мамору, пришел ко мне за советом. Обстоятельства не важны, но он узнал, о чем Империя нам врала. Он спросил, как мог биться за Империю, которой он не мог доверять.

— И что ты ему сказала, Мацуда-доно?

— Признаюсь, сначала у меня не было хорошего ответа для него. Но он был умным — думаю, умнее своей матери. Когда я говорила с ним в последний раз, он решил, что если враги придут в Такаюби, он будет биться с ними. Приказал Император или нет, будут его помнить или нет, но будет биться, чтобы защитить народ этой горы и фермеров с рыбаками за ней. И он это сделал. Он...

Мисаки притихла, сглотнув. Она не хотела плакать при женщинах, когда пыталась придать им сил. Но им нужно было знать.

Дочери, жены и матери не одни слушали Мисаки. Хироши сидел неподалёку, слушал отчаянно и внимательно. Никто не говорил с ним о смерти Мамору, только сказали, что его старший брат не вернулся. Ему было всего пять. Но он уже видел и делал многое, что не должен был пятилетний. Может, ему нужно было слушать. Если он займёт место Мамору и будет стремиться быть похожим, ему нужно услышать. Если он будет жить, зная, что он убил, то у убийства должно быть значение. Все смотрели на Мисаки с болью и напряжением. Для них это должно было что-то значить.

— Мамору умер, сражаясь, с множеством ран, включая выбитые зубы и рану в боку, такую глубокую, что он должен был умереть мгновенно. Он остался на ногах и бился.

Слезы, которые она не пускала у себя, катились по лицам других женщин.

— Такаюби была для него достаточно важна, чтобы биться с такой болью. И воины-товарищи Мамору — ваши мужья, отцы, братья и сыновья — думали так же. Империя или нет, думаю, многие из них умерли, защищая эту гору.

Она видела по лицам женщин, что достучалась до них. Они поняли.

— Они отдали жизни, защищая Такаюби, — продолжила Мисаки, ее голос стал сильнее, чем она ожидала. — Теперь нам нужно защитить ее. Это мы можем сделать для них.

— Так... ничего не делать? — сказала Маюми.

— Выживание — это не ничто, Катакури-сан, — сказала Сецуко. — Мы выживем.

— Как? Без помощи правительства мы не проживем зимой.

Сецуко рассмеялась.

— Конечно, проживем, глупая девочка.

— Откуда такая уверенность? — спросила Фуюхи.

— Потому что я делала это раньше... — Сецуко посчитала на пальцах, — двадцать четыре раза. До того, как я вышла за Такаши-саму — ньяма его душе — я жила в рыбацкой деревне у основания этой горы. В некоторые зимы еды было не так много, в хижине моей семьи было больше дыр, чем тут от пуль, но мы всегда как-то справлялись.

— Но... мы не были рыбаками, — сказала Фуюко.

— Ты права, — бодро сказала Сецуко. — У вас происхождение лучше. Вы из семей воинов, каждая. Та же кровь, что у ваших отцов, братьев и сыновей — сильных воинов — течет в ваших венах, да?

— Да, — женщины робко кивнули.

— Верно, — просияла Сецуко. — И, если простые рыбаки могут пережить зиму Такаюби, и вы, леди, сможете. Знаю, аристократы не привыкли к тяжелым временам, спать всем вместе в комнате, но вы крепкие. Вы будете в порядке.

Мисаки смотрела, как надежда медленно возвращалась в комнату, пока думала, что было обидно, что Такаши не поменялся с Такеру. Сецуко была бы — становилась — чудесной главой деревни. Редкие рыбацки могли получить верность аристократа.

* * *

— Слава богам за Сецуко, — вздохнула Мисаки, сидя на крыльце с братом той ночью. Она не спешила ложиться спать, и Казу не мог уснуть, так что ей было с кем поговорить.

— Дело не только в Сецуко-ссан, — сказал Казу. — Я слышал, многие говорили, как ты вдохновила их и успокоила.

— Я? — удивилась Мисаки.

— Ты хороша с людьми, Нээ-сан.

— Что? — Мисаки рассмеялась.

— Ты хороша в общении — поднимаешь людям дух, можешь достучаться до них. Ты всегда была в этом хороша.

Подумав, она поняла, что Казу был прав. В Ишихаме и Рассвете она говорила с другими уверенно, знала верные слова. Где-то в холоде Такеру и издевательствах Мацуды Сусуму она это потеряла.

— Хотел бы я твои умения, — Казу вздохнул. — Хотел бы я сделать больше, чтобы успокоить этих людей.

— Это не твоя работа, — отметила Мисаки. Это была работа Такеру, но его не было видно.

— Просто... я сам еще потрясён, — признался Казу. — Я не знал, что Империя так сделала бы. Ты училась в другом месте, Нээ-сан. Ты знала?

— Нет, — сказала Мисаки. — Я знала, что наше правительство не было прозрачным — а какое правительство такое? — но я не представляла такого... Может, если бы я была внимательнее...

— В этом нет смысла. Я думал, что Император ценил нас, хотел, чтобы мы были сильными. Что происходит?

— Не знаю, — Мисаки вздохнула. — Тут работают политические силы, которые мы просто не видим.

— Да, но... политика может оправдать это? — спросил Казу.

Мисаки только покачала головой. У нее не было ответа.

— Мне плохо, — Казу скривился. — Словно отец ударил меня в спину.

— Казу, — сказала Мисаки. — Если такое происходит в Ишихаме, тебе нужно вернуться домой.

Казу не ответил. Он смотрел вперед, стиснув зубы, и Мисаки видела по его лицу, что он думал об этом весь день, но не хотел говорить.

— Ты сказал, что твоя жена боится бурь, — сказала Мисаки. — Уверена, она хочет, чтобы ты был с ней.

— Но тут все куда хуже, Нээ-сан, — возразил Казу. — Твоим людям нужна помощь...

— Знаю. Я не спорю с этим, — сказала она, — но это не твоя ответственность.

— А если это происходит в Ишихаме, что я могу? — Казу сцепил ладони перед собой, костяшки побелели. — То есть... это армия Императора, Нээ-сан. Что я могу?

— Ты можешь быть рядом со своим народом, — сказала Мисаки. — Ты можешь вести. Семи Ишихамы не обвинят тебя в том, что делает Империя. Они будут благодарны, что ты там, делаешь, что можешь.

Казу сжал губы, хмурясь.

— Ты права, Нээ-сан, — он вздохнул. — Как всегда. Была бы ты моим старшим братом...

— Ты себя недооцениваешь, — прервала его Мисаки, — как и Тоу-сама, если он так думает. Твоя работа тут — твое лидерство — была восхитительна.

— Не шути, Нээ-сан. Я пытался похвалить тебя.

— Я говорила серьезно, — сказала Мисаки. — Я не хотела бы другого главу своего старого дома.

Казу покачал головой, глядя на сестру, словно был уверен, что это была ловушка.

— Что...

— У тебя есть то, чего нет у многих сильных теонитов, включая твою старшую сестру, — она посмотрела в его глаза. — Ты хороший, Цусано-доно, — она использовала титул впервые без иронии. — Ты стал как Тоу-сама, чем-то больше, чем ты сам. Я могу этого не понимать, но я очень горжусь тобой.

* * *

Такеру все еще не было там следующим утром, когда Мисаки попрощалась с братом.

— Я оставлю несколько свих людей, чтобы они присмотрели за тобой и твоим народом, — сказал Казу.

— Разве им не нужно вернуться к семьям? — спросила Мисаки.

— Хакую-сан не женат, а два Умииро вызвались сами.

— Ладно, — Мисаки улыбнулась, — хотя не стоит...

— Нужно, — серьезно сказал Казу. — Мне нужно знать, что о тебе позаботятся.

Первым делом люди Казу обыскали гору в поисках Такеру, который все еще не вернулся к полудню.

Но Мисаки нашла его на снежной поляне над академией Кумоно. Никто не подумал

смотреть на вершине. Он сидел у края в любимой позе для медитаций — на одном колене, опустив голову, уперев руки в землю.

— Такеру-сама? — сказала она, когда собрала в ноющих легких достаточно воздуха.

Его джийя была неподвижна, тело так замёрзло, словно он был частью снега. Джийя Мисаки едва ощущала биение сердца и течение крови. Если бы не синяя хаори Мацуда, она не заметила бы его.

— Такеру-сама, — сказала она громче.

Его плечи дрогнули — жутко движение среди неподвижности. Он медленно выпрямился. Его ладони появились из снега, глаза открылись, ньяма стала нормальной, и сердце с течением крови для Мисаки казались как у обычного человека.

— Ты знаешь, что нельзя тревожить меня, когда я медитирую, — сказал он.

— Это ты делал все время? — Мисаки с трудом убирала гнев из голоса. — Медитировал?

— Да, — сказал Такеру без извинений в голосе.

— Ты был тут больше дня.

Встав, он прошел мимо Мисаки и стал спускаться по горе без слов. Мисаки сжала кулаки.

— Ты был нам нужен, знаешь? — крикнула она символу Мацуда на его спине. — Твой народ нуждался в тебе!

Он просто шагал.

ГЛАВА 25: БОГИ

В следующие несколько дней прибыли фины, шуршали по горе красными мантиями. Они извинялись за то, что прибыли не сразу, но им пришлось преодолеть долгий путь. Религия Рюхон в великих домах Широжимы была древней формы Фаллеи, отличающейся от Нагино Фаллеи, которую практиковали почти во всем Кайгене. Храм Такаюби был одним из последних оплотов религии.

Костер, где Мамору, Дай и сотни других стали пеплом, укрыли землей и вытоптали по кругу. Полковник Сонг запретил отмечать место как могилу, но фины собрались вокруг нее, выражая уважение, днями пели молитвы, и жители деревни с волонтерами присоединялись к ним по очереди.

Мисаки пришла к могиле на второй день с сыновьями, белая ткань была повязана на ее волосах. Традиционно в скорби носили белое, но у редких жителей Такаюби осталась сменная одежда, тем более, набор подходящего цвета. Потому они импровизировали, повязали полоски белой ткани на поясах или на волосах.

Иронично, их визит пришелся на Новый год, обычно время ярких украшений, красочных сладостей и надежд на будущее. Но Новый год был и важным временем отогнать плохих духов, и Мисаки считала, что это был хороший день, чтобы семья помолилась.

Мацуды прошли ритуалы, песни и молитвы для Мамору, хотя Мисаки вежливо отклонила предложение духов в масках служить посредниками в разговоре с сыном.

— Я уже говорила с его духом, фина-сама, — объяснила она, медленно поклонившись старшему монаху, — как и его младшие братья, почти сразу после его смерти. Мы больше ничего не можем ему предложить.

— А отец мальчика? — спросил лысый, голос дрожал от возраста. — Он уже помолился?

— Н-не знаю, фина-сама, — Мисаки звучала не как хорошая жена, но не стоило врать

монаху Рюхон. — Он был замкнут после бури.

— Мм. Медитировал, насколько я слышал?

— Да, фина-сама.

— Он присоединится к вам тут?

— Ано... — Мисаки облизнула губы. — Вряд ли он планирует, Фина-сама, — она не говорила с Такеру с тех пор, как нашла его медитирующим на вершине Такаюби.

— Хм, — морщины на лице мужчины собралась в хмурую гримасу, как показалось Мисаки. — Это плохо, юная Мацуда. Мужчина и его жена должны быть вместе после потери ребенка. Мальчик, когда жил, был вами. Вы не хотите, чтобы его дух разорвало надвое, но не пришли вместе.

— Простите, фина-сама. Я попытаюсь уговорить мужа и привести его сюда завтра.

— Нет, дитя, — фина медленно махнул морщинистой ладонью. — Если это будет вынужденным, это не поможет духу твоего сына. Твой муж должен прийти сюда сам, потому что хочет этого.

Мисаки кивнула, тайно радуясь, что не придется снова пытаться говорить с Такеру.

— Я бы хотела, если можно, поговорить с маской о брате моего мужа, Мацуде Такеру.

Ей нужно было знать, могла ли она простить его за его последний приказ.

Когда молитвы были завершены, Мисаки собрала детей и приготовилась идти по горе с Котецу, которые тоже приходили молиться. Кван Чоль-хи был с ними, служил как костыль Котецу Каташи, пока Ацуши приглядывал за младшими детьми. Котецу придумывал себе кресло, которое он мог бы двигать джийей, но пока что ему не хватало припасов, чтобы сделать его. Мастер-кузнец был почти неподвижен, и семья нуму только раз смогла помолиться у могилы тех, кого они потеряли.

Во время ритуалов Чоль-хи ждал на краю круга. Он был тут, чтобы помочь Котецу подняться по горе, когда будет нужно, но любознательного мальчика быстро увлекла процессия. Он был благодарен, когда Котецу решил отдохнуть немного на скамье изо льда перед тяжелым подъемом по тропе к главной деревне — единственном обитаемом месте на горе.

— Я не понимаю, — прошептал северянин, глядя на поющих монахов в красных мантиях. — Почему особые фины?

— Монахи, которые практикуют Нагино Фаллея стандарта Империи не смогли бы провести верные ритуалы, — сказала Мисаки.

— Есть разница?

Мисаки, Котецу и даже Ацуши рассмеялись от вопроса.

— Что?

— Рюхон Фаллея очень отличается от религии, которую ты знаешь, мальчик, — сказал Котецу.

— Как, Нумуба? — спросил Чоль-хи.

— Нумуба, — Котецу рассмеялся от титула. — Видишь, что мы не используем глупые обращения Яммы, как любит делать другой мир?

— Да, — Чоль-хи смутился. — Я думал, это из-за диалекта.

— Да, из-за диалекта, — сказал Котецу. — Мы, говорящие на диалекте Широждима, не очень-то принимаем версию ямманок о происхождении и порядке мира.

— Но... Ямма — место Первой Посадки, — растерянно сказал Чоль-хи.

— Если ты в это веришь, — сказал Котецу.

— А можно не верить, Нуму Котецу? Вы же поклоняетесь Наги и Нами, как все мы, да?

— А что для тебя Наги и Нами, Нагино Фаллека? — спросил Котецу.

— Они — дети семян мангр, посаженных Фаллеке — Кийе, Богом Души и Огня и Ньяарэ, Богиней Плоти и Субстанции, — процитировал Чоль-хи то, что осталось в памяти от многократного повторения в школе. Его голос стал музыкальным, мифы Фаллеи переняли это из Яммы. — Мангры были шестыми родами предков людей из семян, после Кри и Суры, первых семян баобаба, Бембы и Сиби, вторых семян баобаба, Неге и Джойи, первых семян акации, Ньянги и Чаки, вторых семян акации и Саяданы, Вестника Смерти, из семян сикомора.

— Шестые, хм? — Котецу был немного изумлён.

— Да. Их почки не открывались, пока Кийе и Ньяарэ не послали огонь, чтобы очистить землю ото зла Вестника Смерти. Бемба укрыл их от огня своим телом, Кри приручил огонь и стал первым таджакой. Песня Суры вызвала дожди, пролившиеся на мир, и они выбрались из своих семян, приняли облик огромных рыб, чтобы держать своих собратьев над водой. Не дав утонуть другим предкам людей, они легли и поплыли на восток с убывающей водой, вырезая Великие Реки-Близнецы Яммы на суше.

Чоль-хи успокоился, рассказывая историю, глядя на поющих странных финов.

— Они плыли до края Келендугу, тянули с собой воду, которая стала океанами мира. Они не останавливались, пока не прибыли сюда и не подняли Кайген из вод. А потом они создали первых людей Кайгена из морской пены... почему вы смеетесь?

— Наги и Нами — боги океана, — сказал Котецу.

— Да, — сказал Чоль-хи.

— И мы должны верить, что они — просто дети божеств земли и огня?

— Ну... я...

— Идея, что все расы людей из семян смешна для нас, — сказал Котецу. — Правда в том, что вся жизнь из океана. Потому и изначальные боги из океана. Наги и Нами не были детьми богов Яммы. Нами и Наги — Бог и Богиня, наши родители.

— Так вы... отрицаете существование Кийе и Ньяарэ? — Чоль-хи был возмущен. — Это Рюхон Фаллека?

— О, нет, — сказал Котецу. — Те монахи не скажут, что Кийе или Ньяарэ, которым вы поклоняетесь, не существуют. Мы принимаем, что версия событий Яммы разворачивается почти как в Донкили. Ямманки просто не так все понимают.

— Что?

— Наги и Нами не были детьми Кийе и Ньяарэ. Они были первыми, просто перерожденными в другой форме.

— Так... думаете, мать и отец всего были богами океана, а не богами земли и огня? — медленно сказал Чоль-хи. — Вряд ли это самое безумное, что я слышал в жизни.

— Поющие вестники, укротители дикого огня — все это звучит хорошо в песнях, и, может, они когда-то существовали, но это были не первые создания на планете Дюна. До того, как появились растения, люди и другие существа, была бесконечная вода. Океан — первоначальный источник силы и жизни. Это было очевидно для нас в Широждиме задолго до того, как записи на ракушках стали доказывать это.

Упоминание находок заставило Чоль-хи замереть.

— Но... записи показывают, что современные люди произошли от Яммы, а потом разошлись по миру, как в песнях говорится.

— Это было бы логично, — Котецу пожал плечами, — если бы наша сила происходила из человеческой жизни.

— Я... ч-что?

— Другая важная часть Рюхон Фаллея — знание, что мы — кровь богов. Наги и Нами не просто создали людей из морской пены. Они создавали жизнь из воды задолго до этого, начиная с простых извивающихся доисторических существ. Некоторые ранние существа были из частей предков — дети богов, которые создали поколения своих детей, и все они носили кусочек силы предков. Кровь богов все еще течет в величайших существах океана — больших акулах, кальмарах и дано забытых монстрах, живущих в глубинах. Может, потомки Нами и Наги первыми появились в Ямме, среди других меньших людей. Это не важно. Многие люди теперь обладают разной силой, но только прямые потомки Наги и Нами владеют истинной силой океана. Потому Широждима — верные практики Рюхон Фаллея, и потому мы так оберегаем свои родословные. Мы сторожим кровь богов.

Чоль-хи выглядел недоверчиво, но немного восхищённо. Слова кузнеца хотя бы впечатлили его.

— И Рюхон Фаллеки верят, что Мацуда и другие семьи джиджак произошли напрямую от богов океана? — он перевел взгляд от Котецу на Мисаки.

— Как-то так, — сказала Мисаки с улыбкой. — Некоторые родословные чище других. Род Мацуда — самый чистый в истории, за ним идут Юкино и Гинкава. Есть семьи, в которых крови богов меньше, но все еще значительная доля — Котецу, Ишино, Амено, Катакури и Цусано, — она опустила ладонь на свою грудь. — Есть ветви семи Мизумаки, как в Такаюби, которые с кровью богов, хотя другие в их семье — простые джиджаки.

— Вы говорите об этом так, словно такое можно изменить, Мацуда-доно, — поразился Чоль-хи.

— Что ж, — Мисаки покачивала Изумо на коленях, — твоя мифология Нагино Фаллея позволяет сосчитать предков всех людей на десяти пальцах.

— Шестнадцати, Мацуда-доно, — возмутился он. — У людей шестнадцать предков.

— О, верно. Прости. Я давно не освежала ересь.

Чоль-хи выглядел так, словно она ударила его по лицу.

— Теперь я знаю, откуда у Мамору его... — он замолк с испугом. — Простите.

— О, нет, продолжай, — Мисаки ухмыльнулась, странно радуясь шансу отвлечься, какой дал Чоль-хи. — Откуда у Мамору что?

— При всем уважение к его духу, Мацуда-доно... его *отношение*, — сказал Чоль-хи. — И шестнадцать предков — метафора. Все знают, что, наверное, не было всего восемь пар людей в одно время. Миф просто объясняет истоки разных типов теонитов. Таджаки не заявляют, что одни из них связаны с Бембой и Кри сильнее других.

— Нет, — сказала Мисаки, — но у них свой длинный парад королей, королев и генералов.

— Да, но в этом есть смысл, — возразил Чоль-хи. — Эти отточенные речи тянутся на пару тысяч лет назад. Они не считают себя потомками... доисторических богов-рыб.

— Дело не в том, что они считают, а в том, что они знают, — спокойно сказал Котецу, — так же знают, как то, что снег вернется, что будет прилив и отлив. Это чувство.

— Удобно, — Чоль-хи улыбнулся, ощущая себя увереннее с Котецу, зная, что кузнец не был против его непочтительных замечаний. — Такое знаешь, потому что чувствуешь. Это нельзя доказать.

— Если сомневаешься, ты не видел, как Мацуда тянет силы из глубины.

Чоль-хи притих на миг. Он посмотрел вверх, в сторону озера Кумано и пустую школу.

— Думаю, видел.

— О?

— Я видел как-то раз, как медитировал Мамору.

— И?

— Он... будто видел то, что не мог знать. Было темно, но он был будто с картой всей горы в голове, получал ее из тумана на камнях, росы на траве и течения ручьев. Это было поразительно.

Котецу пожал плечами.

— Если думаешь, что это можно было сделать без капли силы богов, придержишься своей Нагано Фаллеи.

Чоль-хи молчал, взгляд затерялся в тумане вокруг озера.

— Те фины тут, потому что только они знают, как посылать души наших мёртвых в место, которому они принадлежат, в руки их истинной матери в глубинах.

— Ваша версия Лааксары? — сказал Чоль-хи, глядя на озеро.

Котецу кивнул.

— Океан Душ, — он опустил широкую ладонь на плечо Чоль-хи, и он вздрогнул. — А теперь будь хорошим мальчиком и помоги отвести этот старый мешок крови богов вверх по горе.

ГЛАВА 26: ДУХ

Рюхон фины были щедрыми и заботливыми, слушали каждого горюющего жителя деревни, вели их через молитвы и ритуалы. Некоторые даже соглашались остаться, заняли академию Кумано, где раньше был храм. Но их благородные старания не упокоили всех духов.

Мисаки видела Мамору, когда спала. Порой она была солдатом, убившим его — ощущала трепет, как маньяк, в бою, но трезвела, когда обнаруживала сына, истекающего кровью, перед собой, боль рассекала ее надвое.

Порой он стоял в коридоре дома или в додзе, достаточно близко, чтобы коснуться, но вне досягаемости. В другой раз она радовалась бою в тёмном коридоре. Она пронзала грудь солдата, но обнаруживала, что Сирадёнъя была по рукоять в груди Мацуды. Она вырывала клинок, и не ранганиец, а Мамору падал на пол, глаза были огромными из-за предательства. Она хотела забрать его, залатать истекающее кровью сердце, утешить его, но не могла. Она могла только стоять там, кровь текла между пальцев ее ног. Она могла лишь смотреть, как он умирал.

Одной ночью сон позволил ей двигаться. Она попыталась зажать его рану, но потянула кровь из его тела, убивая его. Она проснулась с визгом в тот раз, но крик был не ее. Когда ее глаза открылись, она обнаружила, что Нагаса метался в одеялах рядом с ней, выгнув спину, пятки стучали по полу додзе с силой. Хироши уже сжал его плечи, пытался его разбудить.

— Это кошмар, Нага-кун. Проснись!

— Нии-сан! Нии-сан! — скулил Нагаса, но, когда его глаза открылись, он был удивлен, увидев над собой Хироши. — Нии-сан?

— Я тут, Нага-кун, — сказал Хироши.

— Нет. Где...? — огромные глаза Нагасы озирались, он искал в темноте, пока Мисаки гладила его голову. — Где Нии-сан? Где Мамору?

— Его тут нет, Нага-кун, — Мисаки гладила его волосы, промокшие от пота. — Он умер.

— Нет, нет! — голосок Нагасы поднялся в гневе. — Он был тут!

— Нет, малыш. Нет, — она притянула третьего сына к груди, глядя его волосы. — Это был просто сон.

Она переживала бы, что другие проснутся, но не только Нагаса плакал. Кошмаров в додзе было так много, что крик ребенка едва кого-то задел. Мисаки старалась утешить Нагасу, но ее тихие слова скрывали глубокий страх и печаль. То, что они вдвоем видели Мамору так ярко, показывало, что в доме был призрак. Часть Мамору еще была тут, привязанная к Дюне, страдающая и опасная.

Сецуко справлялась лучше всех из Мацуд. Каждый день, когда работа заканчивалась, она носила крошку Аюми к общей могиле.

— Видишь это? — говорила она, качая дочь на бедре. — Твой отец лежит тут. Твой отец был героем, Аюми. Не забывай этого. Твой отец был героем, так что мы будем сильными ради него, нэ? Мы заставим его дух гордиться.

Крепкая женщина единственная тянула силы из трагедии. Она решила, что отомстит ранганийцам, продолжая жить. Женщина слабее страдала бы, лишившись мужчины, или презирала бы Мисаки за то, что она заняла ее место правящей леди дома Мацуда. Но Сецуко не дулась, не смотрела на Мисаки с завистью, а кипела энергией, спрашивая: «Чем я могу помочь? Что мне нужно сделать?». С Аюми на спине она носила не меньше мужчин.

Кроме Сецуко, с энтузиазмом работали, что удивительно, Кваны. Мисаки ожидала, что отец и сын покинут деревню, как только смогут. Башни инфо-ком спасли деревню, но они теперь были разрушены, и она не могла представить, чтобы кто-то хотел задержаться на месте после такой травмы.

Но городской мальчик и его отец стали отстраивать деревню, как свою. Кван Тэ-мин помогал нуму разбирать сломанные башни инфо-ком, чтобы металл использовать в новых домах, а Чоль-хи вызвался строить. Северянин не так много месяцев провел на горе Такаюби, но время изменило его. Его мягкие конечности стали мускулистыми от месяцев тренировок с мечом с Юкино Даем и Мамору. Он вряд ли мог достичь уровня, чтобы биться с ранганийцами, но его новая сила делала его неоценимым в восстановлении после атаки.

Он почти все время помогал Хиори строить новый дом вместе с Ацуши. Она была одной из нескольких женщин, оставшейся без мужчин-родственников, которые могли помочь ей. Ее сестра и родители жили в западной деревне. Они погибли в начале атаки, их дома были сорваны с горы раньше, чем кто-то успел начать защищаться. Ни ее муж, ни ее младший брат не вернулись из боя, и ее сын был убит на ее глазах. О ней никто не мог позаботиться в ее горе.

Мисаки и Сецуко старались часто ее навещать. А пока Чоль-хи и Ацуши справлялись, развлекая ее. Мальчики отметили, что фундамент дома Юкино можно было использовать, но они уважали ее желание не жить в месте, где умер ее сын, а построить хижину близко к дому Мацуда, где Мисаки и Сецуко легко могли заботиться о ней.

Однажды он пришла, пока Сецуко и Мисаки разбирали обломки дома Мацуда пальцами в занозах, пытаясь понять, какие куски дерева еще можно было использовать, а какие уже ни на что не годились.

— Хиори, — сказала удивленно Мисаки. — Что-то не так?

— Мисаки... — Хиори прижимала ладонь к животу.

Ошутив, что Хиори хотела ее ближе, Мисаки спустилась с обломков и подошла к ней.

— Что такое?

— Я... — Хиори сжала кимоно, дрожа. — Мисаки... Я беременна.

— Что?

— Я не знала, кому сказать. Я...

— Уверена? — спросила Мисаки. Прошло всего четыре недели, но женщины-джиджаки могли понять почти сразу.

— Постой. Ты беременна? — воскликнула Сецуко, поспешив к ним.

— Д-да, — прошептала Хиори, сжавшись.

— Чудесная новость! — просияла Сецуко. — Значит, у Дая еще есть ребенок! У тебя ещё будет его часть. Какой хороший день!

Но на лице Хиори не было счастья, а в глазах, посмотревших на Мисаки, был лишь ужас.

Сецуко побежала сказать соседям, и Мисаки пришлось спросить, хоть выражение лица Хиори заставило ее бояться худшего:

— Это ребенок Дая?

— Не знаю, — прошептала подавленно Хиори. — Время... Нет возможности узнать.

— О, Хиори-чан, — она потянулась к рукам подруги, но Хиори отпрянула. Мисаки в ужасе смотрела, как надежда, которая скопилась в Хиори за последние недели, испарилась.

— Я должна была умереть, — сказала она.

— Не говори так! — воскликнула Мисаки. — Ты сказала, что понять нельзя. Это может быть ребенок Дая...

— И что тогда? — осведомилась Хиори. — Что? Даже если это его ребенок, как мне заботиться о ребенке? Я опозорена, у меня ничего нет, нет мужа...

— Мы позаботимся о тебе, — пообещала Мисаки. — Я и Сецуко.

— Как?

Хиори была права. Кроме пары стен и замкнутого мужчины, дом Мацуда имел не больше ресурсов, чем она.

— Я это сделаю, — упрямо сказала Мисаки. — Я прослежу, чтобы о тебе и этом ребенке позаботились. Клянусь.

Хиори мотала головой.

— Я должна была умереть.

— Хватит так говорить! — взмолилась Мисаки. — Хиори, прошу!

Но мысль укоренилась в Хиори, и слова Мисаки и других не могли ее прогнать.

— Было бы лучше, если бы я умерла, — говорила она пустым голосом. — Думаю, когда тот солдат пришел в наш дом, он должен был убить нас обоих. Я должна была умереть.

— Не говорите так, Юкино-сан! — говорили соседи и волонтеры. — Вы должны жить. Вы носите ребенка мужа.

Эта попытка утешения обычно вызывала стоны, и Хиори хваталась за волосы, и все решали оставить ее в покое. Они не понимали, что вонзали ножи глубже.

Через четыре недели после атаки было достаточно хижин, чтобы люди стали перебраться из дома Мацуда. Мисаки должна была радоваться, что жители деревни стали строить новые дома. И она всегда любила свое пространство, было приятно видеть, что раненные нуму, рыдающие женщины и кричащие дети покидали ее дом.

— Теперь немного одиноко, да? — сказала Сецуко, когда Мисаки помогла Котецу собраться и попрощалась с ними.

— Да, — шепнула Мисаки. Это было нужное слово. Одиноко.

— Какое-то время было как дома — в доме моих родителей, — сказала Сецуко. — Двенадцать человек в двух комнатах. Хуже всего, когда я переехала сюда... было тихое пустое пространство. Я не могла понять, зачем так много места для небольшого количества членов семьи.

— Точно, — Мисаки помнила первые дни, когда Сецуко переехала. Сецуко прилипла к ней, как клей, настаивая, чтобы она говорила и улыбалась. Она не понимала, что Сецуко тоже тянулась к кому-то. — Зато хорошей части дома теперь нет.

Хорошей части семьи тоже.

Когда залы наполнились временно бездомными жителями Такаюби, баюкающими раны, утешающими друг друга и спящими на сложенных одеялах, не было времени для воспоминаний. Пустота оставила дом открытым для множества воспоминаний, где Рёта всегда любил бегать с Нагасой, где Такаши любил отдыхать после вечерней выпивки, где Мамору готовился к школе, учился с Чоль-хи, играл с его братьями...

Кошмары стали хуже.

Мисаки была испугана, когда однажды пришла в дом и увидела, что спальня, которую она делила с Такеру до атаки, была пустой. На полу додзе среди горюющих людей было не страшно говорить во сне или просыпаться с криком. Она не хотела, чтобы Такеру слышал это. Она не хотела спать рядом с ним.

Она все еще стояла на пороге спальни, сжимая дверную раму, когда ощутила шей ньяму Такеру.

— Мисаки, — сказал он, и тон намекал, что он уже повторил имя несколько раз.

— Прости... — она отвернулась от спальни и посмотрела на мужа. — Что такое?

— Я нашел кое-что в обломках.

— О?

Такеру шагнул вперед, Мисаки подавила желание отпрянуть. Когда Мамору родился, она ненавидела то, как его ньяма напоминала его отца. Теперь она ненавидела то, что ньяма Такеру напоминала о Мамору. Она не хотела смотреть на него. Она не хотела его рядом с собой.

— Что это? — спросил он, поднимая Сираденью.

— Это... — Мисаки смотрела на оружие. — Мое.

Она и не думала врать. Когда-то она боялась неодобрения мужа, порой думала, что он мог ей навредить, но после того, как он послушался мужчины, который украл и сжег тело его сына, она не могла воспринимать его серьезно. Зачем бояться труса без души и позвоночника?

— Мой друг сделал это для меня в академии Рассвет, — объяснила она, нарушив правило мужа не говорить о ее прошлом. — Я спрятала меч под половицами кухни после нашего брака. Забавно, я думала, что он мне не понадобится. Я думала, что Мацуда Такеру, лучший мечник Широждимы, будет достаточно сильным, чтобы защитить свою семью так, чтобы его жене не нужно было брать оружие. Думаю, я ошиблась.

Такеру решил проигнорировать наглое оскорбление. Он без слов протянул руку и бросил Сираденью. Мисаки поймала оружие, не дав ему упасть на пол, автоматически сжала ее любимым хватом, идеальным для удара по противнику, стоящему близко, в тесном коридоре.

— Хироши сказал, что узнал меч. Он сказал, что убил им мужчину в чёрном.

— Убил, — сказала Мисаки. Зачем врать и следить за словами, если ее мужу было все равно? — Хорошо, что этот меч не только легкий, но и острый — резать просто и невысокой женщине, и, как оказалась, мальчику.

— Тебе не стоило допускать такое, — сухо сказал Такеру. — Он слишком юн.

Мисаки была так возмущена, что могла лишь смотреть на него.

— Ты должна была проследить, чтобы дети были спрятаны, — сказал он. — Твоя работа, как женщины, не биться...

— А твоя работа? — осведомилась Мисаки. — Как насчет твоего долга оберегать семью?

— Мне было приказано защитить тебя, Сецуко и детей...

— Я защитила Сецуко и детей, — лицо Мисаки искажил гнев. — Пять человек были со мной в доме, когда ранганиец выломал двери, и все они с нами, — ее оскал стал хищным, она ощущала жажду крови в зубах. — С тобой был один наш сын. Один. И где он сейчас?

— Мисаки...

— Где он сейчас, Мацуда Такеру? — хищно спросила она. — Где он сейчас?

Глаза хищника разглядывали его лицо, безумные от голода. Она не просто оскорбила его, она ударила по самому больному месту. Там должен быть гнев. Хотя что-то должно быть.

Он смотрел на нее без эмоций.

— Не нужно так со мной говорить, — сказал он. — Возьми себя в руки.

Мисаки сжала кулаки, армия оскорблений подступила к языку, но она замерла от стука босых ног по полу.

Хироши появился из-за угла в коридоре.

— Каа-чан?

Мальчик замер, глядя на родителей. Он без эмоций на лице посмотрел на Такеру, на Мисаки, на черный меч в руке матери. Если вид оружия, которым он убил другого человека, как-то повлиял на него, это не проявилось на лице. Но он понял, что он влез в непростой разговор родителей, потому что упал на колени.

— Простите, Тоу-сама, Каа-чан, — он поклонился как взрослый мечник. — Ребенок проснулся.

— Скажи Сецуко с ним разобраться, — сказал Такеру без интереса.

— Нет, — сказала Мисаки, не дав Хироши послушаться. — Все хорошо. Я разберусь.

— Мы еще не закончили, — Такеру шагнул к Мисаки, словно хотел загнать ее в спальню и поймать.

Мисаки подняла Сираденью между ними в обратном хвате, рукоятью вперед. Грудь Такеру ударилась об тупой край меча из зилазенского стекла, и он замер. Мисаки смотрела в его глаза с вызовом. Ее поза пока не была агрессивной — даже не защитной — но это могло измениться с быстрым поворотом меча. Еще шаг, и Мисаки или придется отступить, или повернуть запястье и ранить его. Это было ему решать.

Он не двигался.

«Так я и думала», — прорычала хищная часть Мисаки.

— Думаю, мы закончили.

Опустив Сираденью, она прошла мимо неподвижного мужа и растерянного Хироши, покинула коридор.

Изумо извивался в колыбели — это была не совсем колыбель, а выдвижной ящик, куда

постелили одежду. Мисаки отдала старую колыбель женщине с ребенком младше, чей дом был разрушен.

— Эй, малыш, — она похлопала живот Изумо, но не могла поднять его с Сираденьей в руке. — Я буду с тобой.

Она потянулась за колыбель, вытащила цветочные ножны Сираденьи из места, где спрятала их. Быстрый взмах джийей убрал с клинка засохшую кровь фосьяки. Убрав Сираденью в ножны, она снова спрятала оружие и села на колени, чтобы поднять Изумо.

— Йош, йош, — она качала его, успокаивая.

Руки малыша двигались, пока он плакал, бесцельно шлепали по его лицу. Пока Мисаки смотрела, несколько слез с его щек улетели к пальчикам от притяжения его джийи. Солёные капли мерцали в воздухе миг, а потом упали на татами.

Мамору и Хироши тоже двигали капли воды, когда у них стали прорезаться зубы, Нагаса — когда начал ходить. В отличие от них, Изумо не становился холоднее, пока становился сильнее. Он не обжигал как маленький таджак, но его скромное человеческое тепло было как у нескольких детей-адинов, каких держала Мисаки.

Не только температура тела Изумо была приятной. Мисаки полюбила ощущение его ньямы, не твердой, а мягкой, не бьющей по ее холоду, а окружающей ее, пока они не таяли вместе, становясь жидкими. Он приносил давно забытое чувство изменений, плавности и свободы.

Мисаки дала ощущению четвёртого сына у груди успокоить ее гнев.

Она планировала остаток дня помогать Такеру и Сецуко разбирать обломки дома, но когда представила, что увидит Такеру снова, она не смогла этого сделать. Она укутала Изумо, повесила его у груди и выскользнула из дома, чтобы навестить Хиори.

Визиты в домик Хиори не были приятными, но ее подруга нуждалась в общении. И в этот миг Мисаки была готова пойти в Ад, только бы Такеру там не было.

Хиори встретила ее вежливо, как всегда, пригласила Мисаки в тесное холодное место, извинилась, что у нее не было еды — будто у кого-то из них была еда.

— Прости за холод, — сказала она. — Мальчики еще помогают мне с изоляцией.

— Я живу с Мацудами, — сказала Мисаки. — Я привыкла к холоду.

— Я переживаю, — призналась Хиори, когда они сели на татами.

— Почему?

— Этот ребёнок... не ощущается как Рёта во мне.

— Все мои мальчики ощущались по-разному, — сказала Мисаки. — Хироши был куда холоднее других...

— Он не ощущается как джиджака.

Мисаки замерла.

— Еще не так много времени прошло, чтобы понять, что ты беременна, Хиори-чан. Уверена, еще рано говорить такое.

— Возможно... — ладонь Хиори лежала на ее талии, ее большой палец нервно гладил оби.

Со всем жутким хаосом в жизни Мисаки она все еще ужасалась тому, что терпела Хиори. Если ребёнок был от ее мужа, жизнь будет сложной. Без поддержки семьи ей придется растить ребенка — неприятная перспектива для девушки, которую растили быть домохозяйкой. И работы в Такаюби для нее толком не было.

Если то был не ребенок Дая, все будет куда хуже. Мисаки в бессонные ночи долго

думала, как помочь Хиори в худшем случае. Как она могла облегчить жизнь подруги? Ее осторожность мало помогла. Все узнают, что случилось. Хиори будет жить всю жизнь со стыдом, хоть не была виновата. И ребенок... Мисаки боялась, представив, как людиотреагируют на ребенка, но не показала свою реакцию. Хиори нужна была помощь со стрессом.

— Уверена, все будет хорошо, — Мисаки старалась утешить, хоть и не искренне. Она ощущала только гнев. Давящий и кипящий гнев. Он рос в ее груди, вызывая боль, от которой она кривилась.

— Ты в порядке, Мисаки? — Хиори придвинулась ближе и прижала ладонь к спине Мисаки.

— Да, — сказала Мисаки, держась за грудь.

— Легкие все еще беспокоят тебя, — сказала Хиори. — Я знаю, денег сейчас мало, но, может, мы могли бы сложить сбережения и отправить тебя в город на рентген. Нам можно хотя бы вызвать эксперта сюда...

— Нами, Хиори, ты переживаешь за меня?

— Конечно, — сказала Хиори.

— Ты такая хорошая, Хиори... — она не могла найти утешения в прикосновении Хиори. Она видела ранганийца на подруге, подавляющего ее, и она ощущала ненависть. — Ты такая хорошая. Ни один мужчина не должен это потушить. Ни один.

— Мисаки, я не понимаю...

— Слушай, Хиори-чан, — Мисаки сжала руку Хиори. — Может, это ребенок твоего мужа. Может, нет. Это не важно.

— Как ты можешь так говорить?

— Потому что ребенок не принадлежит отцу! — вспыхнула Мисаки, гнев в голосе удивил ее. — Кто говорит, что дети принадлежат их отцам? Мы вынашиваем их, питаем внутри нас, приводим в мир, воспитываем их. А потом эти мужчины думают, что могут просто забирать и убивать их!

— Мисаки...

— Какое право у гадкого ранганийца на ребенка от тебя? Какое у них право? Рёта был сыном Дая, но и твоим. Мамору был сыном Такеру, но и был моим. Он был моим!

Боль заставила Мисаки опустить взгляд, и она поняла, что ударила по татами, ломая бамбуковые полоски, оставляя трещину в полу. Изумо заплакал у ее груди.

— Прости, — Мисаки прижала ладонь к глазам. — Прости, Хиори-чан. Я не помогаю Я... должна идти, — она поклонилась. — Я заменю татами и доски. Передай Чоль-хи и Ацуши, что я извиняюсь.

— Мисаки... — Хиори смотрела на подругу со смесью тревоги и страха, но никакие эмоции не могли убрать глубокую печаль из ее глаз. Мисаки не могла дольше смотреть на нее.

— Мне так жаль, — она поклонилась еще раз и убежала из хижины.

Покинув Хиори, Мисаки бродила. Делая вид, что проверяла соседей, она ходила по деревне. Она навестила Катакури Маюми и ее отца-калеку, Хисато, который закончил делать крышу их хижины, женщин Мизумаки, почти закончивших свой дом, и волонтеров Гинкава, которые начали работать над хижинной для детей, оставшихся сиротами после атаки.

Мужчины Амено собрались у оснований приюта, поприветствовали ее и поклонились,

но она решила не беспокоить их, заметив, что они нервничали, пытаясь разделить припасы. Судя по тому, как им было тяжело, им нужна была помощь Такеру с цифрами, но он едва участвовал в восстановлении, вернувшись с вершины горы. Он исправил бы цифры, но не участвовал в планах, оставив все Котецу Каташи, который все еще приходил в себя после потери ноги, и Квану Тэ-мину, который все еще испытывал трудности в общении с жителями Кусанаги.

Не желая думать о Такере, Мисаки вклинилась в разговор Котецу с Кваном о планах построить хижины прочнее в грядущие месяцы, хотя она ничего не понимала в планировке деревни и строительстве. Когда солнце село, и огни стали угасать, Мисаки уже всех посетила, оставалось только пойти в дом, в спальню. К Такеру.

Дом было темно, когда она прокралась. Изумо давно уснул, привязанный у ее груди, и он не шумел, когда она опустила его в «колыбель». В темноте Мисаки нашла четыре спящих пульса — Хироши, Нагаса, малышка Аюми и Сецуко. Женщина спала в одной комнате с детьми с тех пор, как дом опустел. Она уже не могла спать с мужем, и Мисаки полагала, что ей было спокойнее спать с семьей, как было у нее самой в детстве.

Сецуко пошевелилась, Мисаки выпрямилась у колыбели.

— Эй, милашка, — буркнула она, что было забавно слышать во тьме. — Ты поздно, — она звучала утомлённо, но в радостном плане, от дня труда.

— Знаю, — шепнула Мисаки, желая присоединиться к Сецуко на полу, разделить ее радость. — Прости. Прошу, спи дальше.

Она подумывала остаться тут, с подругой и детьми, крепко спать, окруженная любовью. Но это не могло обсуждаться. Женщина, которая спала вне главной спальни, была женщиной, от которой отказались. А Такеру пока еще не отказался от Мисаки.

Отойдя от колыбели Изумо, она покинула комнату тихого дыхания и милого биения сердец. Даже зимой комната, где спал Такеру, была холоднее других. Многие сильные теониты, включая брата Такеру, имели такой сильный пульс, что Мисаки ощущала его на расстоянии баундов. Сердце Такеру билось тихо, но уверенно. Его дыхание едва двигало воздух. Если бы не жуткий холод, который он источал, Мисаки не поняла бы, что ее муж был там, спал на их футоне. Она была рада, что Боги наделили ее беззвучностью змеи. Она скользнула под одеяла рядом с Такеру, не разбудив его.

Ей снился день, когда она билась с Мамору в додзе. Только в их руках были не боккены. Мамору держал свой красивый змеиный меч. Мисаки держала Дочь Тени.

— Осторожно, — Мисаки смутно понимала, что тренировка с таким оружием была опасной. — Я не хочу навредить твоему мечу.

— Уверен, он будет в порядке, — сказал Мамору спокойно, и от этого страх Мисаки вырос. — Маморикен сильный.

— Маморикен? — медленно повторила Мисаки. — Это не... у твоего меня нет имени.

«Пока нет, — кричала далекая ее часть. — Нами, прошу, еще нет. Дай моменту задержаться. Дай мне остаться с ним».

— Конечно. Это Защитник.

— Нет...

— Разве не это ты сказала мне делать, — сказала Мамору. — Защищать тех, кто мне важен, любой ценой?

— Я этого не говорила.

«Я не говорила «любой ценой». Никогда...».

— Но ты меня назвала, да? — сказал Мамору. — Когда я родился?

— Нет!

— Ты знала, что я был таким, когда я был еще в твоей утробе. До моего рождения я уже...

— Нет! — Мисаки ударила, забыв, что Сираденья все еще была в ее руке. Стекло попало по плоти. Она и Мамору опустили взгляд. Рана зияла в его боку. Она убила его.

— Каа-чан... — Мамору не злился, когда посмотрел в ее лицо. Хуже. Он выглядел изумленно. — Почему? — спросил он голосом, полным обиды. — Почему?

Глаза Мисаки открылись, она села, но Мамору стоял у футона. О, Нами...

— Ты не должна была бросать меня, — с укором сказал он, теперь он злился. — Почему ты оставила меня там одного?

Мисаки хотела заговорить, но будто замерзла изнутри, как было во все разы под ее мужем, когда она пыталась не дать себе отпрянуть. Может, долго пролежав на этом футоне, она забыла, как двигаться? Даже ради сына?

— Почему ты делаешь это? — осведомился Мамору, его ньяма росла, ледяная, как у его отца. — Почему ты держишь меня тут? Почему делаешь это со мной?

«Я не хотела, — пыталась сказать Мисаки, а холодная джийя Мамору поднималась по стенам, формируя шипы изо льда. — Прости! Сын мой, мне так жаль!» — но из ее открытого рта не вырвалось ни звука.

Плоть отделялась от его шеи и лица, треща, пока она сгорала. Он был мертв, когда его тело сгорало, но не этот Мамору. Этот Мамору *визжал*:

— ПОЧЕМУ ТЫ ОСТАВИЛА МЕНЯ?

Лед понесся к Мисаки, шипел, столкнувшись с адским огнем...

Она проснулась. В этот раз по-настоящему — реальный пот покрывал ее кожу, реальные слезы были на ее лице, ужасный ледяной шип впился в ее живот, но недостаточно твердый, чтобы пробить кожу. Сломав шип своей джийей, она села и в ужасе огляделась. Она слышала раньше о сотворении во сне, феномен, когда сон джиджаки был таким ярким, что его джийя активировалась, но с ней такого еще не слушалось. Ее джийя во сне подняла лед на стенах комнаты, длинные шипы указывали на футон.

Неровное дыхание рядом с ней привлекло внимание к ее мужу. Такеру был на коленях, глаза были огромными в свете луны, и он — о, Нами! — истекал кровью! Один шип пронзил его правую руку, а другой задел его бок. Он прижимал ладонь к шее. Когда он опустил ладонь, она была в крови.

Мисаки знала с жуткой уверенностью, что она сделала это. Во сне ее джийя поднялась против Такеру, как было когда-то против его ребенка внутри нее. И кровь текла из его шеи. Яд в ней вырвался из-под контроля.

Такеру посмотрел на красную ладонь, потом на Мисаки. Его глаза уже не были лишены эмоций. Они были дикими, когда он прорычал:

— Прочь.

— Такеру-сама, я...

— Прочь! — взревел он.

Мисаки вскочила на ноги, вышла спиной вперед из комнаты. Она не переставала бежать, пока не добралась до крыльца, подальше от спальни, но все еще в доме. Часть нее хотела бежать дальше, по камням и снегу босиком, в океан, где она могла утонуть в руках Богов. Но она дрожала так сильно, что ноги не выдержали под ней.

Она сжалась в комок на крыльце, одна, в холодном воздухе. Она сжала волосы кулаком, другую руку прижала к животу.

Как все могло пойти вот так? Пятнадцать лет назад она отвернулась от Кариты, выбрала будущее в Такаюби. Это решение должно было стать правильным — для ее семьи, ее самой, для страны — так почему все обернулось так?

Она думала, что была водой, которая могла заполнить любой контейнер, быть сильной, как мать, как воин, но, может, Коли был прав насчет нее. Она была ножом, острием, которое убивало или резало все, чего касалось. Дети, которых она не убила в утробе, родились в мире клинков, которые резали их, не давая вырасти. Теперь зло выбралось в ее сне и обратило гнев на ее мужа.

Часть нее ожидала, что Такеру пойдет за ней и накажет ее. Может, наконец, убьет ее. Растущая часть нее молилась, что она ощутит Лунный Шпиль или Шепчущий Клинок у своей шеи. Она уже дважды подняла джийю против него. Он имел право отомстить, так почему нет? Для него это было бы просто. Один удар. Она такое заслужила.

Но прикосновение к ее шее стало нежным.

— Мисаки? — голос Сецуко — нежный, знакомый звук, успокаивающий. Мисаки этого не заслуживала никогда. — Сестра, что случилось?

Мисаки сжалась от прикосновения. Она никогда этого не заслуживала.

— Ты не должна подходить ко мне, Сецуко, — сказала она, голос был странно ясным, несмотря на слезы — словно говорил кто-то другой. — Что-то со мной не так.

— О чем ты?

— Ты еще видишь его, Сецуко?

— Что?

— Твой муж. Он преследует тебя?

Сецуко покачала головой.

— Я знаю, за кого вышла замуж, и я знаю, что мне повезло с ним. Наш брак — то, на что я не надеялась годы назад на рыбьем рынке, когда строила глазки красивому аристократу с горы. Я — простая девушка, которая не ожидала, что выйду замуж хорошо или по любви, и когда вышло все сразу, я поняла, что каждый миг был подарком. Такаши, эта жизнь, это место — я не ожидала, что у меня будет все это. Он умер в бою. Он был таким. Я скучаю по нему, но... хватает того, что у меня было с ним.

— Горсть жемчуга, — прошептала Мисаки.

— Что это?

— Ничего... Ты поразительная женщина.

— Нет, — Сецуко пожала плечами. — Я просто слишком глупая для сложных вещей.

Мисаки попыталась рассмеяться, как делала с шутками Сецуко. Улыбка не пришла.

— Я знаю, за кого вышла замуж, — сказала Сецуко серьезнее. — Он не мог уgomониться. Возраст, скука, ржавчина — он называл это по-разному. Сложно поверить, что мой мужчина мог чего-то бояться, но, думаю, он боялся постареть в этом доме, не исполнив свой потенциал. То, как он умер... Думаю, этот конец был для него добрее, чем медленное старение. Он хотел что-то значить.

— А быть рядом с тобой как муж и отец Аюми? — невольно спросила Мисаки. — Этого ему было мало?

— Ты знаешь, какой он был, — сказала Сецуко с теплой улыбкой. — Такой драматичный. Ему было мало любить нас. Он должен был показывать это широким и

глупым способом.

— Но он оставил не только тебя, — сказала Мисаки. — Он оставил всю семью, всю деревню без лидера, когда отослал Такеру. Разве это не эгоистично?

— Нет, — упрямо сказала Сецуко. — Это не только не эгоистично. Это было доверием.

— Что?

— Ты не слышала, как он говорил о Такеру за закрытыми дверями. Он верил в младшего брата, больше, чем он верил в себя.

«Тогда он заблуждался сильнее, чем я думала», — Такеру так и не вышел из дома за ней. Какой лидер не мог совладать со своей женой?

— Мой муж знал, что делал, когда умер, — решительно сказала Сецуко. А потом она замерла, сжала губы. — Думаю... Мамору-кун обладал некой магией. Знаю, он был слишком юным, но ты сказала, что он умер с целью. Разве его дух не должен быть в порядке?

— Это я. Из-за меня он не может уйти.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что я злая, Сецуко, — выдохнула Мисаки. — Я знаю, что это неправильно, но я просто... злюсь все время. Это сжирает меня заживо.

— Тогда нужно что-то с этим сделать, — сказала Сецуко решительно, и все звучало просто.

— Знаю, — жалобно сказала Мисаки. — Просто... я не знаю, что... или как.

— Ты знаешь, что тебя злит? — спросила Сецуко. — Ты злишься на ранганийцев?

— Нет, — странно, но Мисаки толком не думала о ранганийцах с атаки.

— Ты злишься на Такаши? — нежнее спросила она. — За то, что он послал Такеру к нам, а не Мамору? Не страшно, если ты скажешь «да».

— Нет, — честно сказала Мисаки. В этом не было смысла, но она не злилась на Такаши.

— Тогда кто?

— Я не знаю, — Мисаки сжала голову. — Не знаю, — но это было неправдой.

— Когда ты поймешь, может, стоит разобраться с человеком — или духом. Очистить гнев.

— Может...

— Думаю, после этого ты обретёшь покой, как и Мамору.

Мисаки кивнула. Совет Сецуко был простым, но разумным. Если Мисаки не сделает что-то с этим гневом, это погубит ее. Мамору не обретет покой, и их семья будет отравлена навеки. Любой воин знал, что смерть от медленного отравления была хуже смерти от удара мечом.

Сецуко ушла спать, а Мисаки взяла перо и кайири из старого кабинета Такаши. Она зажгла лампу, села на колени на полу и начала писать.

ГЛАВА 27: ДУЭЛЬ

Снег мягко падал на закопанный погребальный костер. Земля, вытопанная солдатами Сонга, была заметной, отличалась от каменистой земли вокруг нее, но когда Наги укрыл все новым снегом, эта часть горы перестала отличаться от других.

Такеру подошел к кругу размеренными шагами мечника, левый большой палец лежал на гарде Къёгецу, он был готов вытащить оружие при любом намеке на опасность. А потом его взгляд упал на противника.

— Ты?

Мисаки медленно встала, ее левый большой палец лежал на стеклянной гарде

Сираденьи. Как она ожидала, Такеру не заставила ее ждать долго. Снег едва начал собираться на ее волосах и складках одежды. Она одолжила церемониальные женские хакама у фины. Свободное одеяние не предназначалось для боя, но было проще двигаться, чем в тесном кимоно с оби, какие она обычно носила.

— Мисаки... — Такеру не совсем понимал, что случилось. — Что ты тут делаешь?

— У меня встреча, — спокойно сказала она, он взглянул на меч на ее бедре. — Я бросила вызов воину, — она опустила правую ладонь на рукоять Сираденьи. — Когда-нибудь он примет вызов.

Реакция Такеру была разочаровывающей, но предсказуемой.

— Это глупо, Мисаки. Ты немедленно вернешься в дом.

— Нет, — ей надоело сидеть с разочарованием. Тут, на могиле ее сына, укрытой снегом, кто-то заплатит за это. — Мы устроим дуэль.

— Этого не будет, — твердо сказал Такеру. — Мужчина не бьется со своей женой.

— Так ты сдаешься? — осведомилась она. — Впервые в истории Мацуда, да? Если так, я становлюсь твоей главой, если захочу.

— Я не могу сдать, если это не настоящая дуэль, — рявкнул Такеру. — Нужно быть воином, чтобы бросать вызов, а ты не воин.

— Разве? Расскажешь это ранганийцам, прошедшим в деревню? — она топнула по земле, под которой были похоронены и ее жертвы. — Я убила восьмерых, пока ты не пришел «защитить» меня, и еще одного, когда ты отказался защитить Хиори. Или ты думал, что они упали за смертью сами?

— Не тебе поднимать оружие, — голос Такеру стал выше, как и его джийя, давящая на нее. — Ты — женщина. Твоя работа только растить детей.

— Почему же? — голос Мисаки был полон яда. — О, да. Потому что мой муж, величайший мечник Широждимы, должен защищать всех нас.

— Мисаки, — его голос стал опасным. — Ты не будешь так со мной говорить. Ты — моя жена...

— Я никогда не хотела быть твоей женой! — выпалила Мисаки, ее голос стал визгом. — Я не хотела этого! — Боги, давно она так не визжала. Звук был таким пронзительным, что Такеру отпрянул. — Я не хотела этого делать, но я родила того мальчика, растила его и любила его, а все из-за того, что мои родители хотели, чтобы я вышла за Мацуду! Я тут, потому что ты — сильный теонит, который должен был оберегать меня и моих детей! За это я отдала свою жизнь. Ради безопасности.

— Я не буду слушать...

— Я оставила все, чтобы выйти за тебя! Я была послушной женой. Я родила тебе детей. Я сделала все, что от меня просили, так почему это случилось? Почему мой сын мертв? — закончила Мисаки, лишившись дыхания. Ей казалось, что она могла развалиться на тысячу кусочков, поглотит мир. Она была готова биться.

— У меня были приказы, — сказал Такеру.

— Как приказы полковника Сонга, который сжег тела наших мертвых и отвернулся от нас? — прорычала Мисаки.

— Мацуда слушается старших. Когда я покинут передовую... — голос Такаши будто дрогнул. — Нии-сама ясно дал...

— Плевать на Такаши, — рявкнула Мисаки. — Его тут уже нет. Как и полковника Сонга или твоего отца. Тебе уже не за кем прятаться. Я вышла за *тебя*, у меня сын от *тебя*, а ты

бросил его умирать на передовой, когда был шанс спасти его. Такаши не ответит за его смерть. Это сделаешь ты, — она вытащила Сираденью из ножен и направила клинок на грудь мужа. — Давай бой, Мацуда Такеру!

— Я не буду это слушать, женщина! — заорал Такеру, словно громкость могла ее заглушить. — Это твой последний шанс послушаться...

— Ты потерял право на мое послушание, когда перестал быть мужчиной! — перебила его Мисаки. — Если хочешь, чтобы я вернулась домой, ты должен сразиться со мной. Я стояла в стороне слишком долго, пока ты позорил себя — это последний раз, когда ты будешь слабым при мне. Один из нас останется тут с нашим сыном. Бейся!

Такеру выдерживал ее взгляд. Не было признаков, что буря, кипящая в ней, оставила на нем хотя бы рябь. На миг между ними двигался только падающий снег.

— Не нужно так много кричать, — его голос вдруг стал тише. — Это не подобает леди.

Возмущение сдавило горло Мисаки. Она заняла стойку, готовясь к атаке. Гнев подгонял ее, и она дала ему достаточно предупреждений...

— И, — сказал он тем же подавленным голосом, — ты лучше все выразила в письме.

— Что? — пальцы Мисаки заерзали на рукояти Сираденьи. Ее тело вот-вот могло выйти из-под контроля, как когда она бросилась в ярости к горлу полковника Сонга, и потребовалась вся сила воли, чтобы подавить это. Такеру все еще не вытащил Къёгецу, не призвал Шепчущий Клинок. Если она хотела придерживаться формальностей дуэли, которую она требовала, она не могла нападать, пока он не взял оружие в руку.

— Это обычай, — сказал Такеру, — чтобы вызов рассмотрели перед дуэлью.

Мисаки хмуро смотрела на него, шурясь.

— Значит, ты принимаешь мой вызов? — спросила она. — Если да, мне не нужно читать. Я знаю, что сказала, — она терпела пятнадцать лет, не могла медлить ни мгновения. Она хотела биться.

Игнорируя ее, Такаши вытащил из складки кимоно анонимное письмо с вызовом, которое Мисаки оставила на двери дома. Нами, в этом был весь он? Он не мог даже сразиться, не сделав все правильно, с бумагами. Он без эмоций прочел вслух:

— *Мацуда Такеру,*

Я лишилась семьи, дома, всего, что было мне ценным, из-за твоей трусости и ошибок. Бросив передовую во время боя, ты обрек других воинов на смерть, включая твоего брата и сына.

— Я сказала, что не нужно это читать, — сказала она, но Такеру продолжал:

— Нашу деревню разгромили, а ты не заступился за нас перед правительством. Когда тела наших мертвых опозорили, ты не возмущился. Когда власти отказали нам в помощи, ты не оспорил их решение. Когда ты был нужен нам больше всего, ты пропал на вершине горы, бросив остальных выполнять твои обязанности.

Ты проявил себя во всем неспособным спорить с властями, когда от этого зависели те, кто ниже тебя. Думаю, что такой трус недостойн вести нашу деревню в тяжелое время.

В Мисаки был праведный гнев, когда она писала это. Спокойный голос Такеру лишил слова эмоций, лишил жестокости.

— *По этим причинам я бросаю вызов на бой в девять ваати, на земле, где когда-то стояла деревня нуму. Покажи в бою, что ты мужчина.*

Такеру закончил, глядя на письмо.

— Неспособен спорить с властями, — повторил он сдержанно, без злости. — Это о

полковнике Сонге... или моем брате?

— Об обоих, — сказала Мисаки, еще сжимая меч. — Я не забираю слова и то, что написала. Ты отрицаешь что-то из этого?

Такеру не ответил. Когда он потянулся к бедру, Мисаки дернулась, готовая защищаться, но он не вытащил Къёгецу, а медленно развязал белый шнур, удерживающий меч на месте, вытащил жемчужные ножны из-за пояса. Он медленно опустил на колени и положил Лунный Шпиль сбоку.

«Вот как будет, — подумала Мисаки, меня хватку на Сираденье. — Он начнет с Шепчущего Клинка».

Легенда гласила, что Сасаяйба могла разрезать все. Еще не было ясно, могла ли техника рассеять зилазенское стекло. Мисаки была готова. Она продумала все маневры, какие видела у Такеру. Она знала, как все это отбить. Она была готова...

Но она не планировала то, что он сделал дальше.

Отложив меч, Такеру прижал ладони к земле, покрытой снегом... и поклонился.

— Что ты делаешь? — осведомилась она.

— Я признаю все обвинения, какие выдвинул бросивший мне вызов. И... — он сдвинул волосы в сторону, открывая шею. — Я сдаюсь, — он поклонился ниже, подставляя шею под меч, — и предлагаю свою жизнь в расплате.

Мир, казалось, остановился. Мисаки думала, что это ей снилось, но ей не могло такое присниться. Даже в бреду она не могла придумать, чтобы Такеру не принял бой, встал на колени перед женщиной и попросил убить его.

— И что ты делаешь?

— Я принимаю условия в письме, — сказал Такеру. — Сдаюсь и отдаю свою жизнь.

— Я н-не... Я не имела такое в виду в письме, — пролепетала она, пятясь в смятении. — Я писала то, что могло привести тебя сюда.

— Чтобы привести меня сюда, хватило бы вызова, — сказал Такеру. — Ты должна была знать это.

Укол вины напугал ее. Мисаки пошатнулась, растерявшись. Как бой, который она тщательно продумала, выскользнул за мгновение из-под ее контроля?

Она думала, что Такеру силой поведёт ее в дом, заставит ее сопротивляться или уйдет с презрением, заставляя ее погнаться за ним. Она знала, что шансы, что он примет вызов, как от равной, были небольшими, но если бы он сделал это, она была бы уверена, что он защитил бы свое достоинство и поставил бы ее на место. Все пути заканчивались боем. Так она планировала это, так должно было произойти, так что тут происходило? Почему он был на коленях?

— Почему? — сдавленно прозвучал вопрос.

— Что?

— Перед тем, как я убью тебя, — сказала она, — я должна знать, почему... Если ты понимаешь мои обвинения, если ты согласен, то почему это происходит? Почему ты не спорил с полковником Сонгом? Или своим братом? Мерзавец, как ты мог все это допустить?

— Я... — голос Такеру был таким тихим, что едва пробил тишину падающего снега. — У меня нет ответа.

Рот Мисаки раскрылся от потрясения.

«Разве ты не этого хотела? — спросил голос в ее голове. — Разве не хотела опустить его так низко? Ты не хотела убить его?» — но когда она оказалась перед мужем, глядела на его

открытую шею, она поняла, что ответом было «нет». Она не хотела его жизнь. Но что она хотела? Зачем была тут?

— Я ощутил, как они умерли, — сказал Такеру своим коленям, лицо было скрытым.

— Что? — голос Мисаки, который был воющей бурей минуты назад, был шёпотом.

— Порой... я не мужчина, — медленно сказал он. — Я — гора, — и на миг Мисаки подумала, что он сошел с ума — они оба сошли с ума — но он говорил. — Я могу уходить в это состояние с детства. Я уйду глубоко в снег и реки, погружаю себя в океан внизу, и все на горе становится мной, а я — горой. Это выглядит как медитация, но это больше. Это становление другим существом...

— Другим существом? — повторила Мисаки.

— *Большим* существом, — сказал он, — таким большим, что я, Мацуда Такеру, перестаю быть важным. Когда это случилось со мной в первый раз, я был очень юным. В тот день густо выпал снег, как сейчас. Отец побил меня за что-то. Он бросил меня в снег во дворе. И с ладонями на земле я понял, что мог раствориться в снегу, распространиться по горе, даже к морю внизу, глубоко-глубоко... пока боль не растает в новом существе, как капля в пруду. Может, боль и стыд были слишком большими для мальчика, но гора... гора могла все вынести, и я стал горой.

Мисаки могла лишь потрясённо смотреть на мужа. Она никогда не испытывала такого, что описывал Такеру, и она не понимала, почему он сейчас говорил ей об этом.

— Как гора я усиленно ощущаю кое-что. Я чувствую каждую молекулу воды из рек, снега, малейшее движение тумана вокруг. Когда я в таком состоянии, все чувства меня, как человека — физические или эмоциональные — становятся незначительными, так что терпимыми.

— Так ты говоришь, когда чувства тебе неудобны, ты... просто избавляешься от них?

— Я позволяю размеру горы притупить их, сделать незначительными.

Было странно получить подтверждение ее подозрений, что Такеру не был человеком. Все те разы, когда Мисаки смотрела в его лицо и не могла найти эмоции... она была права. Но почему он говорил ей это сейчас?

— Другие Мацуды могли достичь такого состояния сильной медитацией, но я могу соскальзывать в него по желанию.

Это потрясло Мисаки на миг, она гадала, могла ли биться с женщиной, чья сила была размером с гору. Яд поглотил ее, сделал глупой, как обезумевший зверек, думающий, что он мог одолеть зверя в сорок раз больше него.

— Мацуды в прошлом считали эту способность даром Богов, — сказал Такеру, — но я использовал ее, чтобы прятаться. С детства я убегал так от гнева отца. Когда тяжело быть человеком, я — гора. Я делал так всю жизнь — когда была правда, которую я не хотел признавать, решение, которое я не хотел принимать, боль, которую я не хотел выносить. Проще войти в то состояние, где нет эмоций людей, как сожаление, стыд или любовь.

— Ты хоть когда-то любил? — осведомилась Мисаки. Она не знала, вылетел вопрос от злости или любопытства. Они ощущались почти одинаково.

Такеру не ответил ей. Он заговорил через миг, начав с глубокого человеческого вздоха:

— Когда Такаши-нии-сама приказал мне уйти в деревню, я стал горой. Только так я мог... подчиниться.

Мисаки молчала. Намек, что ему было тяжело оставить Мамору, должен был обрадовать ее. Но это добавило еще боли к старой. Ее муж все время был человеком.

— Но я ошибся, — продолжил Такеру. — Я ушел в гору, чтобы избавиться себя от реальности, что я оставлял брата и сына, но не учел, что они родились из этой же горы. Их джийя была привязана к тому же снегу, льду и воде, что и моя. Я этого не понимал, и том состоянии я ощутил, как они умерли.

Ладони Мисаки дрожали на Сираденье.

— Я был на пути в деревню, когда брат умер... и... — его брови дрогнули, словно лицо искало выражение для боли, но забыло, как. — Это было резко, Мисаки, укол на горе, но ударило, как Кровавая Игла. Такая мелочь... и я был парализован.

Молчание Такеру много лет злило ее. Теперь он говорил свободно, и она хотела, чтобы он замолк.

— Я хотел бы смочь это объяснить... Мой брат был во всем моим убежищем. Его смерть оставила меня потрясённым, уязвимым, как оголенный нерв или мышца.

Слова ранили глубоко. После лет, проведенных в обществе Такаши, который не любил красивые слова, и Такеру, который был молчаливым, было сложно забыть, что у Мацуд была традиция поэзии, такая же старая, как и традиция меча. Такеру запинался кайгенгуа, но диалект Широждимы у него был ярким, как простая ясность глаз Хиори. Невыносимо.

— Я чувствовал себя после этого, будто сорвали кожу, но я был горой. И я не мог двигаться, не мог вернуться к Мамору или пойти к тебе и малышам. Я не мог ни слушаться приказа брата, ни действовать по своему импульсу. А потом...

— Потом Мамору умер, — прошептала Мисаки.

Ее хватка на Сираденье ослабла. Слезы застилали глаза, она вспомнила, как смотрела через похожий туман во тьме бункера. Туман сотрясения или ее упрямое отрицание топили воспоминание в глубинах разума, но оно всплыл сейчас: Такеру уткнулся головой в дверь бункера, плечи дрожали. В темноте звуки вокруг них смешались, и это не было заметным. Она не трогала его, не звала его, хотя знала, что должна была. Почему она не коснулась его?

— Это... — она хотела сказать «Все хорошо» и «Я тебя прощаю», но не смогла. Даже сейчас часть нее была слишком гордой. Слишком жестокой.

Глубоко вдохнув, она попробовала снова:

— Знаю, работа Мацуда — защищать Империю, даже ценой сыновей, — снежинки попадали на ее слезы, катящиеся по щекам, замедляя их холодом. — Я знаю, за кого вышла замуж.

— За кого, Цусано Мисаки? — снег собирался в волосах Такеру. — За кого ты вышла?

— Я должна была выйти за мужчину с силой и разумом, способного уберечь моих детей.

— Тогда я подвел тебя полностью.

— Ты не... — Мисаки запнулась, затерялась в разросшемся гневе на Такеру и новом странном желании защитить его. — Ты не знал, что такое произойдет. Ты не знал, что тебя парализует.

— Это не оправдание. Это не меняет факта, что я не смог выполнить приказы брата, когда они были важны, или бросить им вызов, когда это было нужно, так что убей меня. Хоть ты женщина, ты бросила вызов, твои руки и совесть должны быть чисты перед глазами Богов. Ты можешь избавиться семью от моей духовной нечистоты.

Эта часть удивила Мисаки.

— Твоей духовной нечистоты?

— Я держу гнев на брата и сожаления, что не защитил сына. Эта слабость не дала им

обоим перейти в следующий мир. Может, Боги позволят мне занять их место в Аду, ведь моя горечь покинет мир живых.

— Д-думаешь, призрак Мамору остается из-за тебя? — Мисаки не понимала. Она страдала ночами от жутких видений. Это она не могла отпустить.

— Я не помолился за него.

— Почему нет?

— Как смотреть на сына — честного и смелого воина — которого убили, пока ты стоял и ничего не делал? Я не смог отослать его дух, и он все это время мучил нас, не давал спать тебе и Нагасе. Прошлой ночью он заставил мою джийю подняться, и это чуть не убило нас обоих.

— Это не был... — «Это не был ты», начала говорить Мисаки, но умолкла. Она думала о прошлой ночи, помнила, как проснулась в поту и слезах. Вода на ее коже стала бы льдом в первую очередь, если бы ее джийя была активна. Ледяные шипы, торчащие из стен, были прямыми и прозрачными, как клинки Такеру, а не ее неидеальные творения. — Ты порезал себя! — воскликнула она в ужасе осознания. Говорили, теониты могли нечаянно ранить себя своей неуправляемой ньямой, но такое бывало у детей, чья сила еще не была достаточно развита, чтобы быть летальной. У взрослых это считалось безумием.

— Повезло, что ты закричала, — сказал он. — Звук разбудил меня раньше, чем моя джийя навредила тебе.

Мисаки поняла, что, когда он закричал ей уходить, в его глазах был не гнев, а паника. Он переживал за ее безопасность.

— Так что будь осторожна сейчас, — Такеру снова опустил голову с мирным голосом. — Вряд ли моя джийя в смерти проявится так драматично, как у моего брата, но может быть все еще опасно. Убедись, что убежишь подальше, когда рассечешь мне позвоночник.

Как он мог так спокойно говорить о своей смерти? Почему его сердце билось ровно?

— Ты делаешь это сейчас, да? — упрекнула Мисаки. — Уходишь в гору, чтобы не терпеть это как человек.

— Нет.

— Тогда почему ты так спокоен? Миг назад у тебя были эмоции, когда ты говорил о Мамору. Как ты можешь просить свою жену убить тебя, словно это ничего не значит?

— Потому что... это не расстраивает меня.

— Не верю, — как мог кто-то такой сильный, как Такеру, отдавать жизнь без боя?

— Я говорю правду. Я не пытался войти в это состояние с тех пор...

— С тех пор как полковник Сонг сжёг тела, — поняла Мисаки. — Ты не смог это выдержать, убежал и отступил в гору.

— Я пытался, — сказал Такеру. — Гнев не ушел.

— О, Такеру-сама... — выдохнула Мисаки, голос был высоким от раздражения и горя. — Гнев просто не уйдет.

Она мгновение не могла назвать эмоции, поднявшиеся в ней. Когда она определила чувств, безумная часть нее хотела рассмеяться — потому что это была жалость. К этому глупому мужчине на коленях в снегу, к этой слепой эгоистичной женщине, которая была в браке с ним пятнадцать лет, но не видела его настоящего. Пятнадцать лет, и она не видела в Такеру того, кому была нужна ее помощь. Или видела, но закрывалась от этого — *это не мое место, не мое дело, не моя семья.*

— Ну? — спросил ровным голосом Такеру. — Ты сделаешь это?

— Нет, — она подняла голову, и что-то вспыхнуло в ее груди. Новая решимость.

«Ты всегда была хороша с людьми», — сказал Казу. Если она могла вытащить других из отчаяния, могла сделать так и для Такеру. Как она узнала только что, и он был человеком.

— Гнев не уйдет, — повторила она голосом сильнее, — но ты примешь его и приручишь, как мужчина.

— Что? — Такеру в смятении посмотрел на нее.

— Ты виноват в том же, что и я — попытке слушаться и радовать старших, — Мисаки покачала головой. — Может, это была ошибка. Может, нет. Это уже не важно. Их тут нет, чтобы дать нам ответы. Мы остались без родителей, предков и братьев... Только мы... — она сделала паузу, не зная, куда клонила. Может, отложить свои сожаления было мало. Может, это было последнее, что ей нужно было сделать для Мамору.

«Найди слова, Мисаки».

Она вдохнула с болью.

— Когда ты оставил Мамору, ты был вторым сыном, выполняющим приказ, но теперь ты куда больше. Ты — глава дома Мацуда.

— Но я не должен был стать таким. Время было мирным. Это не должно было произойти.

— Знаю, — эмоции душили Мисаки, ей вдруг захотелось сделать то, чего она никогда не хотела раньше. Она хотела броситься к Такеру. Она хотела обнять его... и чтобы он обнял ее. В тот миг она поняла, что такого варианта не было. Они не были детьми. Им нужно было что-то больше пары защищающих рук. Им нужно было самим стать больше.

— Прощены мои ошибки или нет, я не гожусь для защиты нашей деревни, — сказал Такеру, его раздражение было осязаемым. — Я могу, возможно, вести воинов, но я не знаю, как заботиться о группе вдов и сирот без домов, ресурсов и поддержки Империи.

— Но ты должен. Ты же это понимаешь? — сказала Мисаки. — Если ты не примешь роль лидера, правительство пришлет кого-то еще. Мы будем в их власти, и это будет из-за тебя.

Такеру притих от этого.

— Слушай. Может, ты не виновен во всем, что происходило до этого. Может, я не могу обвинять тебя в решениях твоего отца и брата, но ты в ответе за то, что случится дальше, — как и она. Она поняла это теперь, и она не ошибется снова.

— Одно дело — биться с ранганийцами — я родился делать это. Но перечить Империи... — Такеру покачал головой. — Это мне не по силам. Это невозможно.

— Невозможно льдом резать сталь. Невозможно джиджаке остановить торнадо. Ты — Мацуда. Невозможное для тебя по силам даже в додзе.

— Но... в письме ты написала...

— Забудь, что я написала! — Мисаки шагнула вперед, вырвала письмо из руки Такеру и порвала. — Я отменяю вызов.

— Ты не можешь просто...

— Вот мой новый вызов, — она указала мечом на него, пока кусочки кайири падали на землю у ее ног. — Ты согласишься быть мужчиной и загладить вину передо мной. Ты будешь делать все, что нужно, чтобы защитить эту семью и эту деревню, даже если у тебя не будет поддержки правительства.

— Мисаки... — начал вставать Такеру, но она прижала Сираденью к его шее, и он

застыл.

— Нет, — холодно сказала она. — Ты не встанешь, пока не будешь готов принять мой новый вызов. Ты принимаешь, Мацуда Такеру?

— Я уже сказал, что не знаю, как защитить Такаюби, женщина, — даже в сомнениях Такеру умудрялся звучать снисходительно. — Я не могу...

— Можешь, — гневно перебила его Мисаки.

— Почему ты так уверена?

— Потому что в этот раз мы пойдем по этому пути вместе. В этот раз у тебя буду я. Ты принимаешь мои условия и мою помощь?

— Принимаю, — сказал он, но лицо было пустым. Страх не было, но не было и уверенности. Этого было мало.

— Так докажи это, — сказала Мисаки.

Он нахмурился в смятении.

— Что?

— Я не могу принять твое слово, что ты примешь мою помощь, ведь ты только и делал, что отмахивался от моих советов и чувств, весь наш брак, — холодно сказала она. — И я не могу поверить тебе на слово, что ты защитишь Такаюби, когда ты даже не защищаешь себя.

— Чего ты от меня хочешь?

В ответ Мисаки прижала плоскую сторону Сирадены к его щеке.

— Ты знаешь, что это? — спросила она.

Он взглянул на черный клинок, прижатый к его бледной коже.

— Обсидиан Яммы?

— Зилазенское стекло. Опыт, наука и древняя религия Яммы говорят, что другое оружие не может его повредить. Когда ты встанешь, ты покажешь себя равным вызову. Докажешь, что ты готов делать невозможное. Если не справишься, то...

«Нами, надеюсь, я знаю, что делаю».

— То эта деревня в тебе не нуждается, как и я.

Она направила меч вниз.

Такеру двигался так быстро, будто на чистом рефлексе. Мисаки едва увидела Шепчущий Клинок, и ледяное оружие зазвенело по Сирадене, оттолкнув ее от цели. Удар льда об стекло был таким сильным, что Мисаки не знала, как удержала меч.

Такеру был на ногах.

Снег поднялся вокруг него, джийя Мисаки тоже поднялась, но не вокруг нее, а внутри.

Она была в темных коридорах дома Мацуда, билась за семью. В ее разуме она и не уходила. Она не могла, пока не справилась с последним и самым опасным противником.

Враг перед ней теперь был не самым Мацудой Такеру, а горечью тишины, которая росла между ними пятнадцать лет. Она будет биться с ней, убьет ее. И когда она закончит, у нее будет муж. У ее детей будет отец. У Такаюби будет лидер. Мамору сможет упокоиться.

Их мечи столкнулись, и Мисаки испытала миг удовлетворения, когда поняла, что Такеру не сдерживался, а ударил с полной разрушительной силой. Последовал миг удивления, когда она поняла, что ее кости не были сломаны. Она и маленькая Сираденя выдержали удар Шепчущего Клинка Такеру. Зилазенское стекло впилося в лед Сасаяибы. Мисаки шагнула вперед и с нечеловеческим всплеском силы оттолкнула Такеру.

Он быстро оправился, расставил ноги в собирающемся снегу, но был потрясен. Такой рывок силы от теонита слабее казался ему невозможным.

— Что ты такое? — прошептал Такеру.

«Нечто большее, чем я», — подняла она.

— Я — Мацуда Мисаки, — сказала она гордо и честно, как еще никогда не говорила эти слова. — Я — твоя жена.

И она напала на него.

Скорость ее юности хлынула в ее конечности, но не только это. Она была больше, чем Цусано Мисаки или Сираву, Тень. Она билась за нечто большее, чем жизнь, или пять, или десять. Воля Такеру, душа Мамору, будущее ее семьи, выживание Такаюби — все зависело от ее меча. Это Тень с ее слепой любовью и беспощадностью никогда не поняла бы.

Как Казу, Тоу-сама и Великий Цусано Райден, который нес вес Анрю в бой, она терпела атаки Такеру и отгоняла его. Такеру ответил безупречной формой, у него не было брешей, но он защищался, а Мисаки наступала.

В годы учебы в Рассвете Мисаки не обладала навыком для боя с мастером-мечником. Но без тесного кимоно и детской трусости, сковывающих ее годами, она стала новым существом, более плавным, будто без костей, в отличие от девочки, но более плотной, чем тень — женщина с молниеносными движениями и ревущей кровью.

Раз в жизни ее тело успевало за разумом. Когда она представляла взмах, клинок делал это. Когда она замечала брешь, она была в ней. Если она хотела устоять, ее стойка выдерживала. Она тяжело дышала, но поняла, что впервые с Притяжения Души тяжелое дыхание не вредило ее легким.

Три раза Шепчущий Клинок разбивался, но Такеру возвращал его. Хорошо. Если он мог биться с Сираденей, если он сможет победить тут, для Такаюби еще была надежда. Снег кружился быстрее, Мисаки ударила по Шепчущему Клинку в четвертый раз, разбивая его.

Миг потрясал. Кровь служила продолжением ее воли, Мисаки не чувствовала удар по мышцам и суставам. Но она ощутила удар душой, и он ощущался неестественно. Шепчущий Клинок не должен был ломаться. Она направила силу воли в тело, но это все еще было недостаточно хорошо. Ей нужно было потянуться дальше. Ей нужно было дотянуться до него.

«Будь лучше, — требовала она от Такеру, наступая. — Покажи мне невозможное».

Он отступал осторожно, но не использовал отступление, чтобы вернуть Сасаяibu, а изменил тактику, сделал широкий взмах открытым ладонями. Снег поднялся с течением его джийи, и змея поднялась из земли перед Мисаки — не совсем Дракон Мацуда, та техника требовала силу двух взрослых Мацуд, но существо было больше любой ледяной змеи, которую видела Мисаки.

Змея обвила Такеру острой чешуей, поднялась и повернулась к Мисаки, глаза из осколков льда сияли. Змея была выше дома, пасть с клыками открылась достаточно широко, чтобы перекусить ее пополам. Это была хорошая попытка запугать, но Мацуда Такеру должен был не только пугать внешне, ему нужно было стать непобедимым внутри.

Мисаки надеялась, что ледяное существо было мощным, как выглядело, но был лишь один способ узнать. Существо ударило, а она устояла. Лед встретился со стеклом.

Два молниеносных удара Дочери Тени, и Мисаки разбила голову змеи. Она поменяла хватку на Сирадене, вытянула руку к безголовой шее существа и захватила контроль над водой в ней. Даже на пике она не могла биться с Мацудой Такеру за власть над чешуей змеи. Лед был его владениями, но Такаши был текущей энергией в Драконе Мацуда, а Такаши не было.

С ревом Мисаки отвела руку. Ее джийя вырвала жидкую внутренность змеи, словно вырвала позвоночник из живой змеи. Формация рухнула, как скелет без позвоночника.

«Будь лучше, — Мисаки пробила дождь из чешуи. — Дай мне больше».

ТАКЕРУ

Мацуда Такеру опешил.

Он еще не терял контроль над драконьей броней. Даже когда вода Такаши двигалась с ослепительной скоростью или резко меняла направление, он успевал двигаться. Для него никогда не было сложностью усесть.

Он думал, что Мисаки, как многие бойцы, ударит по непробиваемой броне дракона, но она ударила по нестабильной внутренности — по отсутствию Такаши. Пустота сотрясла его сердце, броня разлетелась в стороны.

Гибкое существо без костей, он пробудил женщину с кровью и яростью богов.

Ее лицо было румяным, пряди волос выбились из пучка, она взмахнула стеклянным мечом, рассекая останки дракона. Она напала на него, черные глаза сияли, как обсидиан. Много лет он не трогал эту фарфоровую куклу, боясь разбить ее. Он не хотел, чтобы эта красивая странная женщина рассыпалась, как его мать. Он все равно как-то сломал ее, но она сломалась не как фарфор. Она сломалась как чёрное стекло и лед — неровная трещина сделала ее еще опаснее.

Такеру призвал силу воли, чтобы притянуть чешую дракона и создать Шепчущий Клинок. Холод и давление его джийи создали меч, который не сломался бы об стеклянное оружие Мисаки, но он не мог рассечь зилазенское стекло. Он знал это с уверенностью до того, как их клинки снова встретились.

Настоящий Шепчущий Клинок требовал сосредоточенности и решимости. Те клинки, что он делал сейчас, могли рассечь плоть и кость. Они могли даже рассечь металл, но не были идеальными Шепчущими Клинками. Не хватало молекул.

Черный меч ударил по гарде Такеру, и он отпрянул. Он еще не испытывал проблем с управлением джийей. Его меч был идеальным с подросткового возраста. Он был идеальным, когда Такеру бился с ранганийцами, когда сражался с Мамору в додзе и звал его слабым. Ирония была в том, что Мамору был прав — об империи, Кванах, ранганийцах — а Такеру звал его слабым.

В неуверенности юности Мамору был ближе к ясности, чем его отец. Такеру требовал, чтобы Мамору бился за свою правду. Теперь его жена просила его выступить, а он мог только разбиваться, разбиваться и разбиваться.

Мисаки не медлила, не давала ему сделать ни шага вперед. Что-то появилось в теле женщины — глубоко в кровавой магии Цусано, что Такеру не понимал — и это давало ей нечеловеческую силу. Но одна сила не могла двигать бойца с такой грацией. Крохотная женщина не уступала ему, и Такеру пришлось понять, что он пятнадцать лет спал рядом с воином, почти равным его уровню, не зная этого.

Как он не заметил? Или он заметил и закрыл на это глаза, как закрывал глаза на все, что беспокоило его? Много в его жизнь было утеряно в тумане, снеге и медитации, а он и не догадывался.

Сасаямба треснул от резкого удара меча Мисаки. Она не дала ему оправиться от удара, бросилась со свежей яростью, развернулась в атаке. Такеру остановил удар, и лед разлетелся, едва отразив меч, летящий к его груди.

Она же не убьет его?

Он не знал женщину, которая жила в кукле, и было сложно биться с врагом, которого не знал. Он попытался ударить новой Сасаяйбой, но решительный взмах мечом его жены разбил оружие.

Мацуда Такеру Первый нашел Шепчущий Клинок в идеальной ясности. Он изучил каждый уголок своего мира, от замка коро до печи нуму, от старой религии к новой, и он все понимал близко. В отличие от его предка, Такеру находил сосредоточенность для создания Шепчущего Клинка, уходя в белизну горы, где он не видел свою страну, жену, даже свои эмоции. Какой мужчина закрывал глаза на мир и звал это ясностью?

Такеру видел, что женщина была злой, и каждый раз, когда что-то разбивалось, она злилась сильнее, движения становились яростнее, их было все сложнее прочесть. В ее бою была боль, курсировала рядом с ее болью, поднимаясь, как волны в шторм, с каждым взмахом ее меча. Она была в агонии, и это было его виной. Он не хотел сделать такое с ней, но с каждым шагом назад он только все ухудшал, и он не мог это вынести. В ее рычании он слышал горечь отца, слезы матери. Мамору кипел в ее глазах.

Ему нужно было остановить это.

Он искал брешь, чтобы схватить ее, но она была слишком быстрой, не показывала признаков усталости. Если он будет бить неидеальной Сасаяйбой, ее меч отрубит ему руку. Поменяв тактику, Такеру использовал тело как приманку для ее атак, поднимая снег вокруг нее, как ловушку.

От прикосновения его ньямой обезумевший снег ответил хозяину. Несмотря на физическую силу Мисаки, ее чувство воды вокруг нее было слабее, чем у Мацуды. В смятении снега она не заметила молекулы воды за ней.

Его клинок разбился об ее, Такеру разжал ладони и потянул воду к ним широкой волной. Мисаки завизжала от удивления, когда волна накрыла ее ниже плеч. Она отреагировала со скоростью обученного бойца, бросила меч, чтобы обеими руками убрать воду с тела. Но Такеру уже замораживал жидкость, ее джийя не могла победить его. Волна застыла, обездвизив ее.

— Сдайся, — сказал Такеру, скрывая усталость требовательным тоном.

Она пронзила его хмурым взглядом, не как мечом, а как когтями, которые впивались и держали крепко, и вырваться было невозможно.

— Это было коварно, Мацуда Такеру, — прошипела она, глядя ему в глаза, пока они оба не двигались. — Я была бы впечатлена, если бы это не было признаком слабости. Я не думала, что ты — обманщик.

— Ты не уточняла условия боя, — сказал Такеру. Оправдание было неважным. Редкие бои позволяли техники, которые сковывали противника. Но условия боя джиджак не подходили для дуэлей между парами. — Я не хочу тебя ранить.

— Ранить? — холодное дыхание Мисаки все же было паром в морозной ауре Такеру. Она страдала сильнее, чем в пылу боя. — Это... — она взглянула на лед, сковавший ее тело. — Так ты пытаешься ослабить мою боль?

— Я... — Такеру казалось, что он что-то упустил. — Я не могу вернуть Мамору, — сказал он.

— Но ты можешь быть лучше, — она хмуро глядела на него, и, Нами, ее когти не могли ослабить хватку? — Ты можешь быть лучше, чем мужчина, который не смог его спасти.

— Я буду, — пообещал Такеру. — Я не наврежу тебе больше.

— Если не хочешь меня ранить, бейся со мной, как настоящий воин, — Мисаки

скрипнула зубами, рыча, — с уважением.

Такеру привык, что ньяма других теонитов падала, когда их ловил его лед. Они не могли двигаться, потому многие не могли направлять силы, чтобы влиять на мир вокруг них. Но сила Мисаки не была вокруг нее, она была в ней, давала ее маленькому телу божественную силу, пока она билась с его ловушкой. Ее боль скрежетала по нему, как когти, и ему было сложно не кривиться.

— Бой закончен, женщина, — настаивал он, словно произнесенные слова могли стать правдой от их озвучивания. — У тебя нет оружия. Сдавайся.

— Не стану. Ты еще не принял мой вызов.

— Принял...

— Ты не бился со мной как Мацуда.

Ее тело дернулось во льду, и он треснул.

Трещина сотрясла душу Такеру. Он был мальчиком, сжавшимся на боку, дрожал после ударов кулаков отца, не мог понять, куда пропала его мать, почему она ушла, почему отец ненавидел его так сильно. Тоу-сама дважды ударил его ногой, оставил синяк размером с пятку на его щеке и боль в ребрах.

Зная, что он не сможет встать, он повернулся на бок и пополз. Он понимал, что его брат вступился, чтобы защитить его, значит Такаши пострадал еще сильнее. Эта мысль не радовала. Вина сплеталась со смятением и пострадавшими кровеносными сосудами, создавая новую ужасную боль.

Он знал, что если замрет и прислушается, он услышит рыдания Такаши, боль брата отражала его боль, как эхо. Такеру не слушал, пополз быстрее, ногти в отчаянии впивались в татами. Рука за рукой, он тащил себя вперед, добрался до крыльца с видом на укрытый снегом двор. Он дотянул себя до края и скатился с него в белые объятия внизу.

Он рухнул на бок, добавив, наверное, синяков, но все теперь было хорошо. Как только он упал на землю, снег обвил его, как руки матери. Он был в безопасности. Такеру растопырил пальцы в белизне, пустил все в гору. Боль разлеталась тысячей снежинок, потом десятью тысячами, превратилась в утренний туман.

Всю жизнь Такеру был уверен, что правильно отдавал боль горе, что только так можно было справиться. Как иначе можно было выдержать столько страданий маленьким человеческим телом?

Но эта женщина держала все внутри маленького тела из крови и плоти и не ломалась. Казалось, боль сгустилась в ее маленьком теле, как молекулы Шепчущего Клинка или сталь, сложенная тысячу раз, чтобы выковать клинок. Она принимала каждую каплю трудностей, как удар молотом, превращая это в силу, и она была сильнее Такеру. Она ломала его.

— Стой, — приказал он, но она продолжала бороться.

Трещащий лед кричал голосом Такаши, голосом Мамору — он пытался это отогнать. Он поднял тщетно раскрытую ладонь перед собой.

— Стой! — заорал он, голос уже не был властным. Он умолял. — Стой! Стой!

Ладонь Мисаки вырвалась. Лед оставил порезы на ее руках, красные на белых шрамах из ее боя с фосьяками. Она освободилась и побежала вперед. У нее не было оружия, но она все равно нападала на него.

В миг потрясения Такеру понял, что был в долгу перед этой женщиной, родившей его детей, бившейся много раз за семью, которой она не просила. Она дала ему свою жизнь и ничего не требовала взамен. Мамору унаследовал силу не от отца, а от нее.

Может, она была сильнее него. Может, он не мог преодолеть женщину, внутри которой была сила армии. Но она была права. Мацуда не отступал перед невозможным.

Такеру вытянул джийю, чтобы создать клинок, но Мисаки опередила его. Она сорвала ножны с бедра и ударила ими по лицу Такеру. Ножны были из того же зилазенского стекла, что и меч, потому что ударило сильнее, чем мог лед или металл, с каким Такеру сталкивался.

Он пошатнулся, она ударила его ногой по животу. Десятки лет никто не бил его так, чтобы сбить, но в ужасно сильном состоянии Мисаки ее ступня выбила дыхание из его тела, и он отлетел сквозь снег.

Когда он встал на четвереньки, Мисаки стояла над ним, тяжело дыша, ее волосы свободно трепал ветер. Она забрала меч, хотя ножны еще были в ее левой руке, как второй меч. Сквозь ножи боли в ребрах Такеру узнал стойку, похожую на Такеру, и гадал, где она научилась биться двумя мечами... Где она взяла столько сил? Никто не бил его так больно после отца.

Снег тянул Такеру, предлагал нежно забрать его боль. Его пальцы раскрылись в манящем холоде, готовые поддаться, но Мисаки глядела на него, выжидая. Тот взгляд впивался в него, удерживая, как когти — или пара рук.

Такеру не отдался снегу, а впился в него ладонями. Он сжал кулак, и снег поднялся по нему. Казалось, он отдавал все, что Такеру посылал в него больше сорока лет: синяки брата, крики матери в бессильном гневе, девятнадцатилетняя невеста подавляет всхлипы, закрыв лицо руками, бамбуковый прут отца бьет по нему.

Прут стукнул его по уху, стал грохотом бомб на склонах Такаюби. Он ударил по спине и стал кулаками Котецу Ацуши, который умолял Мамору вернуться за его отцом. «Прошу, Мацуда-доно! Прошу!». Он ударил его по руке и стал Кровавой Иглой Мисаки. Он попал по его костяшкам, и он ощутил, как они вонзились в зубы Мамору, пуская кровь во рту мальчика.

«Держи линию», — сказал он, когда сын смотрел на него в страхе.

И Мамору сделал это. Он защитил Такаюби всем, чем мог.

Теперь была очередь Такеру.

Сжимая в руках правду своей жизни, он встал.

Мисаки бежала к нему, последняя и самая важная часть его жизни неслась к нему. И он видел их обоих: женщину, которая нуждалась в своем муже, и мужчину, который нуждался в жене.

Ясность стала острой, как лезвие.

Шепчущий Клинок встретился с ножнами Мисаки, рассек их. Ее глаза расширились, и она улыбнулась — Боги, *улыбнулась* — открыто, и это было красивее всего в Дюне.

Ее меч ударил по широкой стороне Шепчущего Клинка Такеру, сбивая его с курса, но в этот раз лед не разбился. Даже не треснул.

Бросив половину ножен, Мисаки напала на Такеру с новой энергией. Впервые они встретили друг друга — не замерзшая гора и кукла, а живая плоть, мужчина и женщина. Улыбка Мисаки росла. Она получила то, что ей было нужно от него.

Но в этой новой ясности Такеру понял, что от него, как мужчины, требовалось кое-что еще от нее. Она направила атаку к его шее, и он опустил руку.

МИСАКИ

Мисаки бросила все тело в атаку, зная, что Шепчущий Клинок встретит ее, готовый

отбить удар или остановить его.

Удар не последовал.

Паника пронзила ее пыл. Даже в состоянии повышенных рефлексов она едва смогла остановиться и не отрубить голову Такеру. Черное стекло впилося в его шею, и мир застыл, снег замер в шоке.

Мисаки стояла, едва дыша, сердце колотилось, две капли крови выступили на шее Такеру. Две капли. Она не убила его. Но было близко.

«Почему? — яростно думала она. — Почему он не остановил удар?».

Он должен был успеть отразить атаку, так почему не стал? Он пытался обманом заставить ее убить его? Он проверял ее?

Но, когда она посмотрела на лицо мужа, его выражение не было нахальным. Оно было открыто удивленным. А потом удивление смягчилось во что-то мягче триумфа.

Облегчение.

Они смотрели друг на друга, тяжело дыша от усталости, Сираденья лежала у его шеи. А потом Шепчущий Клинок стал снегом, опустился у их ног. Пальцы Такеру коснулись ее ведущей руки.

— Принимаю, — сказал он, и его голос был полон благодарности и силы, решительного мороза зимы.

И Мисаки как-то поняла, почему он дал ей последний шанс. Если она хотела убить его, то он был один. Он был готов биться, но лучше умер бы, чем делал это один. Он принимал не вызов ответственности, он принимал ее.

Прохладные пальцы скользнули по ведущей руке Мисаки, по ее рукаву, убрали волосы с ее лица. В падающем снеге Такеру смотрел на женщину, на которой женился, и видел ее впервые.

— Принимаю.

ГЛАВА 28: ЧУЖАК

Легенды Такаюби говорили, что Мацуда никогда не уходил из дуэли, не пролив кровь противника на землю. Такеру и Мисаки нарушили традицию в тот день.

Она поймала капли крови, не дав им упасть, и прижала нежную ладонь к порезу на его шее. Он не оттолкнул ладонь, даже когда ее джийя потянула за открытую рану, закрывая ее коркой.

— Ты сильнее, чем я думал, — сказал Такеру.

Мисаки хмыкнула.

— Это была уловка. Я была в куда лучшей форме.

— Я говорил не о владении мечом. Я всегда знал об этом.

Мисаки удивленно моргнула, снег упал с ее ресниц.

— Да? — она вздохнула. — Я недооценила твою восприимчивость.

— Нет. Твой отец упоминал это, когда описывал тебя нам впервые.

— Ты такое не говорил, — Мисаки притихла. — Почему ты ничего не говорил?

— Не знаю... — задумчивая морщинка появилась между бровей Такеру. — Прости. Я не спрашивал.

— Я не предлагала, — вместо этого она скрыла себя настоящей за стеной, надеясь, что как-то сможет превратиться во что-то еще. — Прости, — Мисаки потерла ладонь шею Такеру еще раз, а потом съехала рукой к его груди. Порез закрылся, кровотечение остановилось.

— Спасибо, — сказал Такеру, — за предложение.

Он поднял руку, чтобы коснуться пореза на шее, не того, который закрыла Мисаки, а того, что призрак Мамору оставил в последнем кошмаре.

— Думаю, я должен остаться на время, — сказал он, — и попрощаться с братом и сыном.

Мисаки кивнула.

— Конечно, — но она поняла, что мысль оставить Такеру на горе расстраивала ее. Он слишком долго был один в снегу, да? Он убирал из себя человечность медитацией, погружался глубже в убежище, теперь запятнанное кровью его семьи.

— Я могу остаться с тобой, Такеру-сама? — тихо спросила она.

Такеру молчал мгновение. А потом кивнул.

— Пожалуйста.

* * *

Небо темнело к тому времени, как они пошли домой. Мисаки соединила два куска ножен Сирадэньи льдом. Было достаточно холодно, чтобы лед держался, но потом ей понадобятся новые ножны.

— Я попросила Сецуко присмотреть за мальчиками, пока нас нет, — сказала Мисаки. — Сказала ей, что я могу вернуться не скоро. Надеюсь, она не переживает.

— Думаю, переживает, — сказал Такеру. — Похоже, она послала кого-то за нами.

— Что?

— Кто-то спускается по горе к нам, — Такеру склонил голову, словно слушал. — Два человека.

— Мы должны встретить их, — сказала Мисаки, стряхивая снег с колен. — Дать им знать, что мы не пропали, — было странно, что она все еще не ощущала физическую боль, даже после боя и долгого времени на снегу, когда она сидела, поджав под себя ноги.

Они едва начали подниматься по южному переходу, когда взгляд Мисаки упал на фигуру, идущую по горе к ним. Кван Чоль-хи уже лучше шагал по склонам Такаюби, но все еще был куда медленнее местных жителей.

— О! — сказал мальчик, заметив Мисаки и Такеру сквозь падающий снег. — Это вы.

— Кван, — сказал Такеру, без усилий пересекая расстояние к спотыкающемуся мальчику плавными шагами. — Что ты тут делаешь?

— Сецуко-сама сказала, что вас долго не было, и она переживала. Попросила поискать вас.

— Мы в порядке и идем обратно, как видишь, — сказал Такеру, хотя Мисаки заметила, что Чоль-хи с тревогой посмотрел на свежие порезы на шее Такеру.

— Хорошо. Я... — Чоль-хи замер. Его взгляд упал на меч на бедре Мисаки. — Что это?

— Это дело моей жены, — сказал резко Такеру. — Как леди благородного дома, она может носить меч, если она...

— Нет, я уже видел женщин с мечами, — уточнил Чоль-хи, — но не с таким мечом. Мацуда Мисаки-доно-сама... — он запутался в обращении от восторга. — Это то, что я думаю?

Мисаки взглянула на Сирадэнью.

— Ты внимательный.

— Так... это...

— Зилазенское стекло? — сказала Мисаки. — Да.

— *Вы шутите!* — воскликнул Чоль-хи, перейдя на родной кайгенгуа от потрясения. —

Котецу сказал, что не бывает катаны из зилазена!

— *Хочешь посмотреть сам?* — предложила она на кайгенгуа.

Чоль-хи был ошеломлен.

— *А можно?*

Мисаки с улыбкой отвязала Сираденью и протянула оружие в ножнах Чоль-хи. Он поклонился, принимая меч обеими руками.

— *Осторожно,* — предупредила она, когда он сжал рукоять и чуть выдвинул меч из ножен. — *Он острее обычных мечей, но не ржавеет, так что можно трогать плоскую часть, не переживая оставить следы.*

— *О,* — Чоль-хи повернул меч. — *И ножны из зилазенского стекла?*

— Эм... — помедлила Мисаки, но поняла, что было сложно соврать, когда он держал ножны в руках. — Да, внутри.

— Что с ними случилось? — спросил Чоль-хи, касаясь льда, которым Мисаки скрепила части. Он не был воином Такаюби, но он был умелым джиджакой, почти сразу ощутил, что ножны были разрезаны.

Она взглянула на Такеру.

— *К сожалению, они были повреждены,* — сказала она.

Пальцы Чоль-хи все еще лежали на льду на ножнах, он нахмурился в смятении.

— *Будто разрезано надвое*

— *Как интересно,* — улыбнулась Мисаки, взяла у него меч и вернула за пояс хакама.

— *Но они разрезаны!* — сказал в смятении Чоль-хи. — *Ничто не может разрезать зилазен...* — он умолк, глядя на Такеру. Он взглянул на порезы на шее Такеру, а потом на растрепанные волосы и одежду Такеру. Его рот двигался беззвучно мгновение, но все вопросы на языке были неприличными.

— Мы должны вернуться в деревню, — Такеру махнул Чоль-хи и Мисаки идти за ним, и они пошли вверх по горе. — Давай найдем другого и вернемся.

— Другого? — повторил Чоль-хи.

— Вы спустились вдвоем с горы искать нас, разве нет?

Чоль-хи покачал головой.

— Я пришел один.

— Нет... — Такеру замер, вдруг напрягшись. — Кто-то был за тобой.

— Уверен, Такеру-сама? — спросила Мисаки. Порой утомительное использование джийи могло повлиять на чувства теонита. — Может...

Она утихла, движение привлекло ее внимание к дороге впереди. Фигура преградила их путь. Синее кимоно Мацуда мягко трепал ветер, на бедре был меч с бирюзовой шнуровкой.

Мамору.

Мисаки завизжала, зажав руками рот. Боясь, что у нее галлюцинации, она посмотрела на Такеру и Чоль-хи, но они тоже застыли, с потрясением смотрели на призрака.

— К-к-как? — пролепетал Чоль-хи, дрожа. — Почему он тут?

Мамору вытащил катану — и это его выдало. На миг по нему пробежало мерцание, как пятна света на земле в лесу. Мисаки видела такое мерцание раньше и знала, что это означало.

Это был не Мамору и не призрак.

Имитация Мамору шла к ним. Такеру неуверенно отпрянул на шаг, вытянул руку,

защищая двух других. Но Мисаки шагнула вперед, собрала джийю в ледяное копьё. Даже зная, что это был не он, она не могла выстрелить льдом в сердце сына. Она не могла убить его изображение.

Чоль-хи издал крик тревоги, когда она выстрелила снарядом. Лед попал в плечо самозванцу, сбивая его на спину и разбивая иллюзию. Веснушки появились на щеках Мамору, черные волосы стали каштановыми, а синее кимоно превратилось в серый плащ. Катана упала в снег, вырвавшись из его руки, и стала длинным ножом в стиле Хейдеса.

Даже в шоке Такеру отреагировал сдержанно, поднял лед, чтобы приморозить к месту руки и ноги незнакомца.

— Что это такое? — осведомился он, Мисаки еще не видела его таким потрясенным. Это не удивляло, он не встречал Эллин Элден. — Какой-то демон?

— Не демон, — Мисаки шагала к сбитому существу. — Это литтиги.

— Что?

— Суб-теонит, — объяснила Мисаки, встав над мужчиной. — Они выглядят как адины без сил, но могут управлять светом и создавать иллюзию. Я знала нескольких в Карите, — что один из них делал тут?

Мужчина хмуро смотрел на Мисаки, и они оба знали, что он ничего уже не мог сделать против нее. Литтиги, как он, были опасными, пока заставляли людей видеть иное. У него не было физической силы, чтобы вырваться изо льда Такеру. Сильная вспышка света могла временно ослепить Мисаки, но она хорошо сражалась и без глаз.

Мисаки знала, что была защищена, так что разглядывала мужчину. Ему было под тридцать — хотя ей всегда было тяжело определить возраст белых людей — с тусклыми зелеными глазами и короткими каштановыми волосами в хейденском стиле. Линии татуировок странно извивались на его коричневых веснушках. Она пыталась вспомнить кого-то, похожего на этого мужчину, но не помнила зеленоглазых литтиги, еще и со странными татуировками. Даже чернила татуировки были не такими, как она видела — блестели, как металл.

Взмахом руки Мисаки убрала снег, упавший на его лицо, чтобы убедиться, что ей не показался серебряных блеск. У него было что-то в коже. Будто металл вплели в татуировки, но, когда Мисаки потянулась джийей, сияющая субстанция была похожа на жидкость.

— Ты очень умелый, — сказала она. Копия Мамору была на уровне с иллюзиями Эллин. — Кто ты?

Такеру еще никогда не видел белого человека, подошел осторожнее. Чоль-хи был за ним.

— Все хорошо, Такеру-сама, — сказала Мисаки. — Он просто человек, как ты или я... но слабее. Смотри.

Прижав таби к руке мужчины, она чуть надавила, и кость хрустнула. Тело белого мужчины напряглось, лицо исказилось, но он не закричал. Он лишь кряхтел. Мисаки приподняла брови. Такая сдержанность говорила о тщательных тренировках, хотя она ощущала, как колотилось его сердце.

— Хорошо, не знаю, понимаешь ли ты диалект Широждимы. Попробуем ямманинке, — сказала Мисаки. — *Кто ты и кто послал тебя сюда?*

Обычно она не была бы рада пытаться кого-то слабее себя, даже того, кто пытался ее убить. Но этот мужчина украл лицо ее сына. Она была рада сломать ему каждую кость.

— *Не говоришь на ямманинке, кусок суро? Ладно,* — она поменяла языки снова. — Я

могу говорить и на линдиш. Говори же. Кто ты? Ты прибыл сюда из Кариты?

Робин всегда переживал, что старые враги будут преследовать его, но Мисаки не заводила врагов в Ливингстоне. Да, она порезала нескольких человек, но как поддержка Робина и Эллин. Многие думали о Жар-птице, не помнили его Тень.

Серый плащ с капюшоном напомнил Каллейсо и его последователей, но, хоть Каллейсо был странным и жутким, Мисаки не помнила, чтобы он давал последователям татуировки на лицах. Может, это было новым? Или метки были украшением из Хейдеса, не были связаны с верностью мужчины?

— *Дело в Ливингстоне?* — она давила ногой, и литтиги продолжал кричать от боли. — *Сталкивался с Сираву шестнадцать лет назад? Но конечности у тебя на месте... хотя я рада это исправить.*

— *Узнаешь его?* — спросил Такеру, не понимая линдиш Мисаки.

— *Нет, Такеру-сама. А ты?*

Такеру покачал головой и повернулся к Чоль-хи.

— *Кван?*

— *Н-не смотрите на меня, Мацуда-доно,* — пролепетал Чоль-хи. — *Я ни разу не видел литтиги раньше.*

— *Этот был тут какое-то время, шпионил,* — Мисаки прищурилась, глядя на нарушителя.

— *О чем ты?*

— *Литтиги — не магия. У них фотографическая память, и они не могут просто забирать лица. Они могут лишь воссоздавать то, что видели, значит...*

— *Он видел Мамору живым,* — сказал Такеру с тихим ужасом, — *недели назад. Зачем?*

— *Это он нам расскажет,* — Мисаки смотрела на иностранца, заговорила на ямманинке, этот язык международный шпион должен был понимать. — *Верно, литтиги? Ты расскажешь нам все, что мы хотим знать, пока у тебя еще есть конечности и язык.*

— *О,* — осторожно сказал Чоль-хи. — *М-Мацуда-доно, уверен, это против международных кодексов...*

— *Хорошо, что это касается только военных,* — сказала Мисаки. — *Я — обычный житель.*

— *Но...*

— *Тихо, Кван,* — приказал кратко Такеру.

— *Ну?* — Мисаки хмуро глядела свысока на литтиги. — *Хочешь говорить, или мне порезать тебя?*

Свет мелькнул. Волосы мужчины стали черными, и на миг его лицо закрыло лицо Мамору, в глазах была мольба. Агония пронзила Мисаки, она надавил ногой. Ее пятка сломала бедро мужчины, и его жестокая иллюзия пропала с хрустом.

В этот раз он закричал.

— *Нет, нет,* — сладко сказала она, пока Чоль-хи кривился. — *Ты не хочешь тратить концентрацию на иллюзии сейчас. Нет, ты хочешь сосредоточиться, чтобы сказать мне, что я хочу знать, до того, как это станет неприятным.*

Мужчина стиснул зубы, дышал с болью и быстро сквозь зубы. Его сердце колотилось, но он не ответил.

— *Не будь таким,* — Мисаки вытащила Сираденью, и Чоль-хи закрыл глаза. — *Если не будешь говорить со мной, не скажешь, какие части тела отрезать первыми. Придется*

угадывать...

Мужчина заговорил со странным акцентом в его ямманинке:

— *Голосовая активация.*

Сердце Мисаки сжалось.

— Назад! — крикнула она.

— *Взрыв.*

Стена льда, которую Мисаки создала между собой и литтиги, не удержалась бы от взрыва, и ее ноги не могли унести ее достаточно быстро. Но джийя Такеру поднялась с ее, утраивая размер стены, рука на ее талии оттащила ее. Они рухнули на снег вместе, взрыв сотряс гору.

Когда звон в ушах Мисаки угас достаточно, чтобы она могла думать, она поднялась на локтях и тряхнула головой. Ее спина врезалась во что-то холоднее снега, и она поняла, что был под рукой Такеру. Он накрыл ее телом, чтобы защитить от обломков.

— Ты в порядке? — спросила она, ее голос звучал искаженно и отдаленно.

Такеру ответил утвердительным звуком. Под другой его рукой Чоль-хи стонал, держась руками за голову. Переживая, что мальчик был ранен, Мисаки потянулась джийей, чтобы проверить, было ли кровотечение.

— Он в порядке, — сказал раздражённо Такеру, стоны Чоль-хи превратились в слова: «Так громко!».

Оставив Чоль-хи на земле, Такеру встал и помог подняться Мисаки.

— Что это было? — спросила Мисаки, поворачиваясь туда, где литтиги лежал на снегу.

— Я надеялся, что ты мне скажешь.

От мужчины остался кратер, пару кусочков плоти и серой ткани на склоне горы.

Мисаки покачала головой.

— Я еще таких, как он, не встречала. Других литтиги видела. Людей в серых плащах видела, но не кого-то с такими татуировками и акцентом, — она пошла за Сираденьей, торчащей из снега, вылетевшей из ее руки.

— Ты собиралась его разрезать? — спросил Такеру, поднимая на ноги дрожащего Чоль-хи.

— Только если бы он не отвечал, — сказала Мисаки и осторожно вернула меч в ножны. Последовала пауза.

— Тебе это нравилось, — это не было осуждением. Такеру просто констатировал факт.

Мисаки пожала плечами.

— Я делала такое с друзьями в Ливингстоне.

— В школе? — Такеру растерялся.

— После школы, — сказала Мисаки. — Ночью. Мы мало спали.

— Мацуда-доно! — позвал голос, Мисаки и Такеру подняли головы. Люди Казу и несколько коро Амено бежали по склону к ним.

— Мы услышали звук, похожий на бомбу. Что случилось?

— Покушение на наши жизни, — сказал Такеру, мужчины остановились у места взрыва. — Моей жены и мою.

— Что?

Такеру спокойно рассказал мужчинам, что случилось, что, конечно, звучало глупо.

— Думаете, это был убийца? — спросил один из коро Амено.

— Это точно был убийца, — сказала Мисаки.

Литтиги не напал бы на двух сильных теонитов, если у него не было плана быстро закончить бой. Этот, наверное, надеялся, что иллюзия Мамору обездвижит жертв на миг, чтобы он убил их своим ножом, и это могло его спасти. Бомба была запасным планом.

— Кто мог его послать? — спросил один из людей Казу. — Ранга или... — он не мог сказать вслух, но все думали об этом: Империя.

— Этот мужчина был не из Наминдугу, — сказал Такеру. — Он был белым.

— Белые живут в Наминдугу, в Ранганийском Союзе, — отметил Чоль-хи. Это не все знали.

— Да? — удивлённо сказал Хакую.

— Они живут далеко на западе, — сказала Мисаки, — у границы с Хейдесом. У них корни из племени Хейдеса, зовущемся Маликовиш, но политически они считаются частью Ранганийского Союза. Я не слышала о литтиги среди них, но такое возможно.

И было возможно, что организация могла нанять убийцу, чтобы сбить кого-то со следа. Но если мужчина был послан ранганийцами...

— Кто с моей семьей? — Такеру озвучил вопрос, который всплыл в голове Мисаки.

— С детьми Сецуко, — сказал глава Амено. — Несколько моих людей помогают работать над домом. Они должны быть защищены.

Мисаки уже бежала по склону.

— Будьте настороже, — сказал Такеру мужчинам. — Доложите в деревню, когда закончите расследование, — и он побежал за ней.

Все казалось нормальным, когда они дошли до деревни, и они выдохнули с облегчением, увидев, что Сецуко и дети были в безопасности во дворе Мацуда. Сецуко встала и тут же поспешила к ним.

— Все в порядке? — тревожно спросила она. — Мы слышали звук, похожий на взрыв, и... Такеру... Мацуда-сама, вы ранены!

— Мы в порядке, — сказал Такеру. — Амено-сан, — он обратился к одному из мужчин, работающих над домом, волонтеру по имени Амено Кентаро. — Сбегай в другие дома. Скажи всем проверить, все ли люди на месте и в порядке. Пусть волонтеры сделают так со своими группами. Если кто-то заметит подозрительного человека, немедленно сообщите сюда.

— Что...

— Будет время на вопросы позже, — перебил его Такеру. — Иди!

— Да, Мацуда-доно, — мужчина опустил балку, которую поднимал, и побежал.

— Что происходит? — спросила Сецуко, Мисаки забрала у нее Изумо и покачивала его у бедра.

— На нас было покушение, — сказал Такеру, Хироши и Нагаса собрались у взрослых и слушали с любопытством. — Мы не ранены серьезно, но нам нужно убедиться, что больше никто в деревне не пострадал.

— Что? Кто пытался вас убить? — спросила Сецуко.

— Детали пока не важны, — сказал Такеру. — Пока что я просто рад, что моя семья в безопасности.

Мисаки ожидала больше вопросов от Сецуко, но женщина замерла и смотрела на Такеру. Она заметила, что он изменился, и как его голос нес немного эмоций. Ее смтение стало шоком, когда Такеру склонился и поднял Нагасу.

Такеру никогда не держал на руках детей. Нагаса растерялся, вдруг оказавшись далеко

от земли.

— Я только что видел твоего брата, Нагаса-кун, — сказал Такеру.

— Мамору? — сказал Нагаса слабым голосом.

— Да.

Нагаса все еще был растерян.

— Тоу-сама... видел Мамору?

— Да.

— Где он? — спросил Нагаса, крепче сжимала плеч отца. — Где Мамору?

— Он сейчас в Лааксаре, — сказал Такеру. — Он обещал, что он не побеспокоит тебя больше. Он хочет, чтобы его братишка мог спать.

— Я могу спать? — было не ясно, понимал ли Нагаса слова отца, но слова успокоили его.

— Ты можешь спать, — сказал Такеру и опустил Нагасу на ноги. — Он хотел, чтобы я напомнил тебе, — он взял Нагасу за маленький подбородок большим и указательным пальцами. — Воин не плачет.

Нагаса кивнул.

— Мамору не хочет, чтобы ты плакал, — Такеру опустил ладонь на голову Нагасы, растрепал волосы мальчика и повернулся ко второму сыну. — Хироши...

— Да, Тоу-сама?

Такеру разглядывал его какое-то время, мальчик стоял с напряжением в плечах, которое могло разбить взрослого. Он не взял Хироши на руки, даже малышом Хироши не любил объятия. Но он опустил на колени на уровень его глаз.

— Я отказался учить Мамору, когда он был в твоём возрасте. Ты это знал?

— Нет, Тоу-сама.

— Теперь я жалею об этом, — сказал ровно Такеру. — Он был сильным, как может быть только Мацуда, и ему нужен был для обучения Мацуда. Ты такой же, да?

Хироши смотрел на отца, а потом, словно жуткая боль вытекала из него, выдохнул:

— Да, Тоу-сама.

— Я могу научить тебя управлять этим, — Такеру коснулся пальцами груди Хироши. — Эта холодная сила кажется слишком большой для его тела. Я могу научить тебя управлять этим и использовать, если ты готов. Твой брат, Мамору, твой дядя Такаши и я — мы не получили должного обучения в детстве. Ты силен, как были мы, но я сделаю тебя сильнее, если ты готов учиться у меня. Я сделаю тебя самым сильным Мацудой в истории. Готов, Мацуда Хироши?

— Да, Тоу-сама.

— Тогда увидимся завтра утром в додзе до восхода солнца.

Мисаки потрясенно смотрела, как напряжение пропало из плеч Хироши. Он все еще стоял неестественно прямо для мальчика, но он уже не выглядел так, словно мог сломаться.

— Великий Наги, Мисаки, — шепнула Сецуко на ухо Мисаки, ее глаза были огромными. — Что ты с ним сделала?

— Сложно объяснить, — сказала Мисаки с улыбкой.

Сецуко посмотрел на спутанные волосы Мисаки, одолженные хакама и черный меч на ее бедре. Если она и смогла понять, что случилось, она не уточняла. Вместо этого она ткнула пальцем в ямочку на щеке Мисаки.

— С возвращением, милашка.

Мужчины, отреагировавшие на взрыв, вскоре вернулись. Если они считали историю Такеру безумной, их сомнения пропали, когда они нашли кровавые куски литтиги на склоне горы, и они теперь желали услышать историю подробнее.

Но Такеру не успел ответить на их вопросы, Амено Кентаро прошел во двор.

— Мацуда-доно! — сказал он, и Мисаки увидела по его лицу, что что-то не так.

— Что такое?

— Кое-кого не хватает.

— Что? Кого?

— Ребёнка, — сказал мужчина, — пятилетней девочки Гинкава Юкими.

Юкими была одной из детей, осиротевших после атаки Ранги. Ее молодой отец и дяди умерли, пытаясь удержать северный переход. Ее мать, одна из кузин Юкино Дая, погибла от бомбы при авиаударе.

— Проверьте дома, — сказал Такеру. — Соберите людей и обыщите гору — только мужчины, — добавил он, — и только воины. Кузнецы, монахи и женщины останутся у своих домов, пока мы не убедимся, что на горе нет союзников убийцы.

— А родители девочки? — спросил один из волонтеров. — Где они?

— У нее нет родителей, — сказал Такеру, — но ее семья — все мы. Отец Гинкавы Юкими умер, защищая эту деревню. Ее мать была кузиной Молнии Дая, из той же ветки семьи Юкино, что и моя мать. Этот ребенок — наша кровь. Она принадлежит всем нам, и наш долг — найти ее.

— Думаете, ее забрал тот же, кто взорвал бомбу? — спросил один из Амено. — Или у него были сообщники, забравшие ее?

— Не знаю, — Такеру взглянул на Мисаки, думая, что у нее были идеи, но она была растеряна, как он.

А если убийца не пришёл один? А если были другие литтиги? Она вдруг представила, как незнакомец надевает лицо матери или отца Гинкавы Юкими. Если мужчина с татуировками увидел и запомнил черты Мамору, он мог сделать так и другими жителям Такаюби. Такеру и Мисаки чуть не повелись на иллюзию, а растерянный ребёнок не мог не поверить.

— Человек, с которым встретились мы с моей женой, использовал иллюзии, чтобы выглядеть как наш сын, — сказал Такеру. — Моя жена уже встречала его тип суб-теонита. Она объяснит, как понять, что видишь иллюзию.

Мисаки сказала людям выглядывать мерцание света, как блики на поверхности воды.

— Будьте осторожны с теми, кто не говорит, — добавила она. — Литтиги не могут имитировать голоса. Пока члены ваших групп обмениваются словами все время, вы будете в порядке.

Мужчины стали устраивать поиски, а Такеру послал Сецуко собирать женщин и детей, чтобы он сосчитал их еще раз, а Мисаки могла рассказать им всем, как видеть сквозь иллюзии литтиги.

Когда все ушли, Такеру сел на колени у дома Мацуда и опустил ладони на снег.

— Что вы делаете? — спросила одна из женщин.

Такеру закрыл глаза.

— Я поищу Гинкаву Юкими.

Он стоял неподвижно почти ваати, и Мисаки пришлось рассказывать растерянным жителям и волонтерам, что он делал. Некоторые из них смотрел с недоверием, но они не

сомневались в способностях Такеру, даже если они казались странными. Когда он открыл глаза, он хмурился.

— Отзывайте мужчин, — тихо сказал он.

— Что? Почему, Мацуда-доно?

— Нарушителей уже нет на горе, как и Гинкавы Юкими.

— О чем вы? Она мертва?

Такеру покачал головой.

— Я не ощутил тела в снегу или в озере, а если бы она был на камнях, наши разведчики уже нашли бы ее. Ее уже нет на горе.

— Кто-то забрал ее? — спросила одна из женщин, прижимая к груди свою маленькую девочку. — Зачем кому-то это делать?

Теории носились по деревне остаток вечера. За прошлую неделю люди Такаюби начали собирать все запасы еды в останках гостиной Мацуда. Весной половина комнаты, что уцелела, не будет годиться для обитания, но сейчас лед Такеру превратил ее в неплохую столовую, ледяная часть служила как холодильник, а деревянная половина была открыта для деревни, чтобы они могли там готовить.

Каждую ночь Мисаки собирала женщин, и они готовили вместе в нескольких больших кастрюлях. Без электричества для жарки или уцелевших рисоварок было удобнее готовить еду сразу для всей деревни. Этой ночью множество женщин появились помочь с ужином, почти половина женщин Такаюби. Некоторые пришли поговорить. Некоторые пришли для общества. Все помогали руками.

— Думаете, так правительство пытается запугать нас? — спросила Маюми, передав Мисаки черпак, который она просила.

— Опасно такое говорить, — сказала Мисаки. — Осторожнее с тем, кто может услышать. И я в этом сомневаюсь.

— Но, Мацуда-доно, вы предположили, что Император мог послать убийц...

— Знаю, — сказала Мисаки, — но есть особые тактики, которыми тираническое правительство запугивает подданных. Во-первых, они показывают себя — солдат в форме, а не чужаков в странных костюмах. И я думаю, если бы это была попытка запугать, похитили бы ребенка с живыми родителями. Это... — это делали яманки с баксарианцами, чтобы держать их в узде, но Мисаки решила, что уже достаточно обвинила Империю в измене, не втягивая в грязь ближайших союзников.

Она покачала головой.

— Если они хотели усилить психологический удар, они не выбрали бы сироту.

— Но она была не просто сиротой, — возразила оскорбленно Фуюхи. — Она была ребёнком Такаюби, нашей кровью. Как сказал твой муж, она принадлежала всем нам.

— Но правительство этого не поняло бы, — сказала Мисаки. Она сделала паузу, мешая суп, держа над пузырьками горсть специй. С жаром от кипящей воды на коже она вспомнила то, что ей говорил Робин давным-давно на крыше, когда она спросила, стоило ли спасать северных эндеров из Ливингстона.

Все в этой части города были подавлены или брошены силами теонитов, на какие полагается весь мир. Но они не сдаются. Они устроили тут себе жизнь и культуру. Это не идеально, но стоит защиты, даже если правящие теониты и политики с полицией решили иначе.

Она не ожидала, что поймет ту часть Робина, не думала, что эти слова будут иметь для

нее столько смысла.

— Мацуда-доно? — сказала Фуюхи. — Ты в порядке?

— Да, — Мисаки разжала ладонь, бросая специи в суп. — Просто вспомнила кое-что... — она покачала головой. — Не важно. Смысл в том, какими были полковник Сонг и его люди. То, как наша деревня работает, как мы заботимся друг о друге, они не понимают. Это не похоже на действия правительства по запугиванию людей.

— Думаете, это ранганийцы? — спросила Фуюко.

— Не знаю, — сказала Мисаки, — и я не знаю, почему вы, леди, думаете, что у меня есть все ответы. Вы знаете, что я — домохозяйка, а не шпион, да?

Фуюко пожала плечами.

— Ты порой говоришь так.

— И чаще всего ты права, — сказала Хиори.

Мисаки покачала головой.

— Мой муж и другие люди будут делать все в своих силах, чтобы узнать. А мы пока можем приглядывать друг за другом.

Исчезновение Юкими сблизило жителей деревни. В другом месте пропавшую сироту не заметили бы, но это была Такаюби, и потеря задела каждого родителя, каждый дом. Котецу Каташи и его дети сделали стоящие факелы, которые коро размесили в деревне, чтобы место было освещено ночью, надеясь прогнать нарушителей. Мизумаки Фуюко и два волонтера переехали к сиротам, чтобы приглядывать за детьми, пара мужчин Амено забрались к храму Кумоно и защищали монахов, поселившихся там, и они спали по очереди, чтобы хотя бы три человека были на страже в разных местах в деревне все время. Кроме нескольких мужчин, которых Такеру послал в ближайшие рыбацкие деревни спросить о Юкими, все — жители и волонтеры — оставались у деревни или внутри нее.

Мисаки не знала Гинкаву Юкими или ее родителей, но она ощущала боль за девочку, пока укладывала детей спать. Все в деревне ощущали это, как поражение, принадлежащее им всем.

Когда Мисаки открыла дверь спальни, она нашла Такеру на коленях на татами спиной к ней.

— Прости, — прошептала она, узнав покой медитации. — Я не хотела побеспокоить.

— Все хорошо, — сказал он. — Ее нет, — он покачал головой и повернулся к Мисаки, его лицо было уставшим в свете лампы. — Смысла нет.

— Ты пытался найти ее все это время?

— Я обещал тебе, что буду оберегать всех нас.

— Ты сделал все, что мог, — мягко сказала Мисаки. — Никто не мог это предсказать.

Мисаки опустилась на колени перед доской, которая служила столом, вытащила шпильки из волос, и они рассыпались по ее плечам.

— Так у тебя нет идей о том, что могло произойти? — спросил Такеру, пока она водила пальцами сквозь волосы, прогоняя напряжение из скальпа.

Она покачала головой.

— Прости, Такеру-сама.

— Кто такой Каллейсо?

Вопрос заставил Мисаки замереть, пальцы все еще были в ее волосах.

— Что, прости?

— Ты спрашивала у литтиги о некоем Каллейсо, — сказал Такеру. — Имя звучит

знакомо.

— Ты мог его слышать по телевизору. Он — главарь преступников Ливингстона. Он был известен в Карите, когда я была подростком. У его последователей были серые плащи, но у них не было татуировок на лицах... или бомб, активирующихся голосом.

— Но ты решила почти сразу спросить о нем, — сказал Такеру. — Какое отношение преступник из другого конца мира может иметь к Такаюби?

— Может, у него дело не с Такаюби, — Мисаки скользнула пальцами к кончикам волос и стала распутывать пряди там. — А со мной.

— Почему? — спросил Такеру. — Какие у тебя отношения с этим преступником?

Мисаки вдохнула, отвернулась от стола и посмотрела на мужа.

— Я последний год в академии Рассвет боролась с ним.

— Что?

— Ну... не прямо, — исправились она, теребя спутанные волосы. — Думаю, у нас было только одно физическое столкновение. Мои друзья из школы и я бились с его последователями и пытались помешать ему покорить другие банды Ливингстона.

Такеру моргнул ей с пустым взглядом мужчины, который был переполнен новым опытом для одного дня. Его ударило его подсознание, на него напала жена, иллюзионист и бомба за день, а еще он много говорил, что утомляло человека, который предпочитал тишину своего кабинета или додзе. Он вряд ли мог впитать еще больше странностей.

— Наверное, это не важно, — Мисаки вдохнула. — Каллейсо был первым, кто пришел в голову, когда я увидела серый плащ, но остальное не сходится. Сехмет Каллейсо — не должен даже знать мою личность. Единственный раз, когда мы бились, мы оба были в масках.

— Ты билась с ним?

— Не очень успешно. Он сбросил меня со здания.

— Ты... боролась с преступностью? — сказал Такеру.

— Помогала, — сказала Мисаки. — Почти всю работу выполняли мои друзья.

— Твои друзья.

— Да. Эм... ты встречал одного из них, — Мисаки смотрела на свои колени, а не в глаза Такеру.

— Юноша, пришедший за тобой, — сказал Такеру. — Робин Тундиил.

Мисаки скривилась.

— Да, — ее плечи напрялись, но Такеру не комментировал Робина дальше.

— Я думал, ты только училась с мечом с твоим отцом, — сказал он. — Я не понимал, что твой опыт тянулся так глубоко.

— Ясное дело, — сказала Мисаки, усталость мешала скрыть раздражение, но и была слишком уставшей, чтобы злиться. — Ты сказал мне не говорить о моем времени в академии Рассвет.

— Ах, да. Думаю... учитывая обстоятельства, стоит отменить тот приказ.

— Почему ты это сделал? — спросила она, не сдержавшись. Она не знала, перегибала ли. Она не знала этого нового Такеру, и насколько сильным было его терпение с ней, но было больно, и она должна была спросить. — Почему ты не давал мне говорить о прошлом?

— Не знаю, — сказал он, строго разглядывая ее в свете лампы. — Может, я боялся.

— Чего боялся?

— Не знаю.

— Моя мать... когда она говорила о жизни до нас, она печалилась... или злилась.

Мисаки вряд ли слышала хоть раз, чтобы Такеру говорил о своей матери. Он был обеспокоен.

— Ты в порядке, Такеру-сама?

— Просто устал.

— Ты должен поспать, — сказала она. — Помни, ты обещал учить Хироши до рассвета.

— О, — растерянность мелькнул на лице Такеру. — Точно, — он замер на миг, хмуро глядя на стену напротив. — Он убил мужчину твоим мечом?

— Да, — Мисаки смотрела на пол. — Жаль, что так вышло — все вышло из-под контроля. Прости...

— Не ты должна извиняться. Я должен был защитить всех вас. И даже без меня ты не могла знать, что пятилетний покинет убежище и присоединится к убийству. Обычный пятилетний так и не попытался бы сделать, и он не преуспел бы. Не твоя вина, что мальчик такой, как я.

— Как ты?

— Не совсем человек. Думаю, это может быть опасно, если смешивать сильные семьи, как делаем мы. Слишком сильная кровь, и ребенок становится больше похожим на божество, а не на человека.

— Разве не в том смысл? — спросила Мисаки. — Усилить ценную кровь богов, создать самых сильных детей?

— Да, но это не отменяет факта, что это опасно — для детей и их матерей. Я лишь благодарен, что Хироши не убил тебя.

— Что?

— Не мечом, — уточнил Такеру. — До того...

— Такеру-сама, о чем ты говоришь?

Он смотрел вдаль, свет лампы подчеркивал круги под его глазами.

— Даже сильная женщина плохо справляется, рожая божество.

— Я не понимаю, Такеру-сама.

— Моя мама, Юкино Тацуки, была ужасно сильной джиджакой. Конечно, как женщина, она почти не использовала свою джийю масштабно, но... я помню, что она могла очистить двор от снега, едва махнув ладонью. Женщины говорили, что как-то раз ребенок упал в реку, его уносило течением. Мать мальчика не успела нырнуть за ним, моя мать подняла реку и опустила его на берег.

— Великая Нами, Такеру-сама, — шутливо сказала Мисаки. — Так я чувствую себя слабачкой.

— Нет, — Такеру покачал головой. — Может быть ошибкой, как по мне, соединять Мацуд и Юкино. Существа с такой большой силой — схожей силой — могут давать катастрофические результаты.

— Но твой отец не был... — Мисаки не дала себе сказать оскорбление. Эта новая практика честности с мужем оставляла ее растерянной, но ей нужно было помнить, что она говорила с Такеру. Она не могла говорить плохо о Мацуде Сусуму.

— Мой отец не был мастером Шепчущего Клинка, — отметил Такеру, зная, что она хотела сказать, но он не злился, — и не достиг величия как джиджака. Но он все еще нес кровь рода Мацуда. Вместе с силой моей матери получился такой сильный ребенок, что й было сложно выносить нас.

Такеру опустил взгляд, тень вины коснулась его черт.

— Будто человеческое ограничение не дает нам существовать. Может... Боги — родители, которые не хотят, чтобы их потомки превзошли их.

Мисаки разглядывала мужа мгновение. Она много раз обводила линии его идеального лица, гадая, была ли в нем плоть и кровь человека, когда он казался творением Богов из чистой зимы. Она не думала, как странно себя ощущало такое создание.

— Мне сказали, что рождение Такаши-нии-саму оставило мою мать слабой и больной. Мое рождение чуть не убило ее, оставив ее на год прикованной к постели. В третий раз у нее был выкидыш на позднем сроке, пока я был еще юным. Она была бы в порядке после этого, но мой отец настоял, чтобы они попробовали снова. Она умерла через пару месяцев во время четвертой беременности.

— Прости, Такеру-сама, я не знала об этом.

Мисаки говорили, что ее свекровь умерла от долгой болезни. Она не понимала, что выкидыши и смерть были распространены в доме Мацуды. Она гадала, знал ли ее отец. Если знал, выдал бы ее в этот дом? Она отогнала эти мысли. Это было не важно. Это уже было сделано. Много лет назад. И Мисаки была все еще жива, с мужем. Это было важно.

— Мы не говорили об этом, — сказал Такеру. — Если Такаши или я упоминали это... если мы говорили о матери... Тоу-сама бил нас.

Это тоже было новостью для Мисаки. Она годами видела Мацуду Сусуму как своего тирана, она не догадывалась, что Такеру и Такаши страдали, как его сыновья. И она не думала, что нужно радоваться, что оба брата не унаследовали жестокость отца.

Такеру редко поднимал руку на Мамору. Может, это было лишь раз — в тот странный день, когда Мамору озвучил сомнения в империи и всем, в чем он жил. Конечно, было додзе, где Такеру мог ударить по боку Мамору или костяшкам во время тренировки, когда тот оставлял брешь, когда нужно было выучить урок. Но Такаши и Такеру научились владеть мечом у дедушки, Мацуды Мизудори. Сусуму не учил их. Только презирал.

— Думаю, — медленно сказал Такеру, — он не был хорошим отцом. И он точно не был хорошим мужем.

Мисаки в шоке смотрела на Такеру.

— Что такое? — спросил он, увидев ее большие глаза.

— Я просто... не думаю, что слышала, чтобы ты критиковал своего отца.

Она не хотела, чтобы на его лице появился стыд.

— Я не должен оскорблять его, знаю. Но...

— Но?

— Он ранил мою мать.

Это не удивило Мисаки, особенно, если мать Такеру была так сильна, как он описал. Если Сусуму что-то ненавидел больше всего, так это когда ему напоминали о его слабости.

— Она тоже его била, — медленно продолжил Такеру, словно вспоминал то, что никогда не озвучивал, что он, наверное, пытался забыть. — Они всегда бились. С другими людьми моя мать была хорошей, была доброй, но она и мой отец не могли ни о чем договориться, и они страдали. Если он говорил с ней, он кричал. Если она говорила с ним, она плакала. Такаши-нии-сама сказал мне намного позже, что у нее была чудесная улыбка, — он покачал головой. — Я не помню, как она улыбалась.

— Мне жаль, — тихо сказала Мисаки. — Я не знала, — но почему он рассказывал ей это сейчас? Он казался уставшим. Ему точно хватило боли на один день.

— Было очевидно, когда ты вышла за меня, что ты не хотела тут быть, — сказал Такеру, — так что я старался держаться на уважительном расстоянии от тебя. Я был уверен, что если ты заговоришь о жизни до того, как пришла сюда, и том, что оставила, мы поссоримся.

Он был прав. Если бы Мисаки думала о Ливингстоне и Робине, еще и заговорила об этом, она точно поссорилась бы с ним. Но разве это было бы плохо? Это было бы хуже пятнадцати лет полного одиночества?

— Я не хотел, чтобы между нами все было так, как между моими родителями, — сказал Такеру. — Я не хотел, чтобы наши сыновья выросли, как я... не совсем людьми.

Мисаки смотрела на мужа в свете лампы, все обретало смысл. Такеру не видел брак без жестокости. Он пытался не допустить такого единственным известным ему способом. Молчанием. Это в чем-то имело смысл.

— Когда у тебя был выкидыш в первый раз, я переживал, что тебя ждала та же судьба, что и у моей матери. Я думал, что убивал тебя.

— Это было не так, — сказала Мисаки, тронутая и растерянная от мысли, что Такеру винил себя в слабости ее тела. — Это было мое поражение, не твое.

— Не поражение, — сказал Такеру. — Ты еще жива.

— Я... — Мисаки моргнула. — Я потеряла твоих детей.

— Как я объяснил, это часто бывает у жен Мацуда. Реже бывает, что женщина переживает даже один выкидыш. Ты явно была защищена Богами... или, может, кровавая магия твоей семьи дала тебе силы. Может, твое управление кровью подсознательно убирало опасного ребенка до того, как беременность могла убить вас обоих.

— Ты думаешь, что я убила твоих детей, — сказала Мисаки, — как всегда говорил твой отец.

— Думаю, ты спасла мою жену, — сказал Такеру. — Твоя кровь Цусано помогла тебе выжить, когда моя мать не смогла. Думаю, наши отцы сделали хорошую пару.

Мисаки выдохнула с кривой улыбкой.

— Это немного жутко, Такеру-сама.

Такеру не улыбнулся в ответ. На его лице все еще была боль, и для Мисаки это было в новинку, был тяжело смотреть на это, даже если это длилось уже какое-то время.

— Я знал, что тебе было больно после потери тех детей, — сказал он, — как моей матери было больно перед ее смертью. Но, признаюсь, к моему стыду, я не знал, что делать. Я все еще не знаю...

— Ты говоришь со мной, — сказала Мисаки. — Я хотела, чтобы ты говорил со мной, чтобы я не была одинока.

Такеру покачал головой.

— Я думал, что если попытаюсь быть ближе к тебе, ты оттолкнёшь меня. Я думал, что если заговорю с тобой, это станет ссорой.

— Но есть вещи хуже ссоры, — сказал Мисаки. — Я не против капли ссор. Я не могу терпеть молчание.

— Тогда я худший муж в Кайгене.

— Нет... — мягко сказала Мисаки. — Я могла бы тоже нарушить молчание, — но ей не хватило смелости.

Она злилась на Такеру за то, что он относился к ней, как к кукле, но сама не была лучше. Она относилась к нему как к глыбе льда в форме человека, не учитывая, что тот лед

мог появиться по человеческим причинам.

— Прости, что я оставил тебя в молчании на все это время, — сказал Такеру. — Я не знаю, понимаю ли я это... но я рад, что мы сразились сегодня.

Мисаки кивнула.

— И я.

Мужчины, как Мацуда Такеру Первый существовали только в легендах, потому что, конечно, настоящие люди не могли закончить проблемы королевства взмахом меча. Бой Мисаки и Такеру не наделил их магически любовью и пониманием. Он не исцелил боль, оставшуюся без Мамору. Но это было чем-то, началом заживления. Это было первым знаком, что все могло стать лучше.

Когда Мисаки и Такеру легли на футон вместе, волна их холода потушила огонь в лампе, оставив серо-белую смесь света луны и теней. Тьма не угрожала кошмарами, ведь Мисаки уже не был одна. Казалось естественным, когда Такеру придвинулся и коснулся ее... а потом он замер.

— Что такое? — прошептала она.

— Ты ненавидишь, когда я тебя касаюсь, — сказал он, не обвиняя, а констатируя факт. — Ты всегда это ненавидела.

Мисаки не пыталась отрицать это.

Она не знала, могла ли заставить себя полюбить его прикосновение, но она прильнула и потерлась щекой об его пальцы. Она обняла его. Холодный. Ну и что? Она была такой же. Она устроилась ближе, опустила голову на его плечо. В нем не было горячей искры, от которой кипело ее желание, но когда она закрыла глаза, кошмаров не было.

В объятиях мужа, в звуке его ровного дыхания она впервые за месяц спала крепко.

ГЛАВА 29: УЧЕНИК

На следующей неделе полковник Сонг вернулся, в этот раз со старшими, губернатором Широждимы и представителями армии Яммы. Глупый переводчик Сонга, Чу Кьюн-тек, представил их на неловком диалекте Широждима:

— Я представляю вам генерала Чун Чан-хо, лейтенанта Бек Джин-кю и вашего губернатора Ло Дун-су. Думаю, вы уже встречали полковника Сонга Бьюн-ву.

Такеру вежливо поклонился каждому.

— И я прошу принять представителей наших союзников Яммы, генерала Бурему Кенде, генерала-лейтенанта Лансану Вагаду и их переводчика и советника джали Сейду Тираму, — с ямманками был второй джасели, младше первого, в одежде проще. Мисаки могла лишь догадываться, что он был учеником настоящего джасели — относительно новым, судя по возрасту и волнению, но его не представили.

— *Рад знакомству,* — сказал Такеру ямманкам на кайгенгуа, и джали Тирама перевел его слова на ямманинке. — *Спасибо, что прибыли,* — а потом в стиле ямманок Такеру взял генерала Кенде за руку.

Мисаки репетировала с Такеру приветствие таджаки, убедив его пучиться у нее, пока оно не стало естественным. Теперь Такеру немного лучше был готов к гостям издалека. Мисаки хотела, чтобы ямманки ощутили, с кем имели дело. Это сработало. Она заметила удивление на лицах таджак, когда их пальцы коснулись пальцев Такеру, а их губы коснулись его костяшек. Такеру был холоднее и осязаемо сильнее представителей Императора, и ямманки уважали силу.

— *Ты, конечно, устроишь нас в своем доме, Мацуда,* — сказал генерал Чун.

— Да, — сухо сказал Такеру. — Конечно.

«Чудесно», — подумала Мисаки. С каждым важным чиновником в их комнате в полуразрушенном доме Мацуда не будет места для самих Мацуд. Мисаки и Сецуко, конечно, должны будут подавать чай и еду, и они не могли сдаваться, но семье придется спать в другом месте.

— Вы хотели что-то добавить, Манга... то есть, Короя? — спросил младший джасели.

Короя. Мисаки удивлённо моргнула, поняв, что вопрос был направлен к ней. Это было уважительное обращение к женщине-воительнице. Неуместный вопрос говорил о невинности джасели, в Ямме муж и жена были равными, все важные дела решали вместе. Это был его первый раз в Кайгене, раз соотношение полов его путало.

А еще он чуть не назвал Мисаки Манга Короя — титул женщины правящего клана. В другой стране благородная семья, как Мацуды, имела бы статус манга коро, но в Кайгене официальным манга коро был только дом Императора. Кайген был не как Ямма, где многие сильные семьи могли показывать силу и бороться за трон, если хотели. Император Кайгена не хотел, чтобы другой род захватил власть над Империей, даже над кусочком.

— О, не переживайте, — ответила вежлив Мисаки. — Я тут, чтобы поддержать мужа.

Это было преуменьшением, но Мисаки улыбалась. Она научилась в дни, когда шпионила, что необычный джасели был как плохо охраняемое сокровище. Джасели были ценнее денег, ведь у них была информация.

— Сецуко, мне нужна твоя помощь, — сказала Мисаки, когда военные и их переводчики устроились в доме Мацуда.

— Конечно.

— Мне нужно, чтобы ты сыграла хозяйку на время вместо меня.

— Куда ты?

— На небольшое приключение, — Мисаки хрустнула шейей. — Посмотрю, так ли я умна, как была.

— Я увижу свою племянницу? — так Сецуко стала звать Сираденью, когда Мисаки объяснила, откуда появился маленький меч, и что он назывался «Дочь Тени».

— Нет, — Мисаки рассмеялась. — Но я возьму твоего племянника, — она вытащила Изумо из выдвигаемого ящика — они оставят эту комнату гостям — и укутала его, привязав к себе.

— В приключение? — Сецуко выглядела заинтересованно.

— Он милее меня, — сказала Мисаки, — и так я не выгляжу опасно. Разве не так, малыш? — она коснулась носа Изумо.

— Что...

— Я расскажу, когда вернусь... если будет, что рассказывать. Надеюсь, будет много.

* * *

Мисаки ждала в тених за домом Хиори, вне видимости с тропы, ведущей по деревне. Ученики почти всегда получали задания от мастеров. Юный джасели выйдет со временем, один, и у нее будет шанс.

Когда она услышала шорох его шагов и стук его зубов в идеальном весеннем воздухе, она вышла из-за дома и «случайно» врезалась в него.

— О, — удивленно сказал мальчик. Он попытался говорить на кайгенгуа. — Я... правда,

что... я проделывал путь... шел в сторону места, чтобы поговорить с кое-чьим...

— *I nuutan, Jaliden,* — сказала Мисаки, стараясь не смеяться. — *N'ue Yamtaninke tiuki.*

— *О,* — плечи джасели расслабились. — *Я забыл, что вы знаете мой язык. Я говорил — пытался сказать — что шел доставить послание вашему мужу,* — он вытащил из-под одежды кусочек кайири.

— *Мой муж сейчас занят,* — сказала Мисаки, — *но я могу отнести это за тебя.*

— *О...* — юноша помедлил, а потом отдал ей письмо. — *Хорошо. Спасибо.*

— *Это не проблема. И прости, я не узнала твое имя, джасели.*

— *О... простите, Короя. Я — Мориба Гессеке.*

Гессеке. Мальчик был из престижной семьи. Наверное, так он стал учеником такого умелого джасели, несмотря на нехватку остроумия и очарования. Если он запинаясь так и дома в Ямме, его клан мог намеренно послать его учиться в другой стране, чтобы избежать позора. Мисаки решила, что ему было под двадцать, подходящий возраст для серьезной учебы.

— *Я рада, что ты тут,* — сказала Мисаки. — *Я хотела задать твоему мастеру пару вопросов, но раз ты — Гессеке, и ты кажешься компетентным, ты можешь мне помочь.*

— *Я могу попробовать, Короя,* — сказал польщенный юноша. — *Что такое?*

— *Просто у меня есть информация от солдат Кайгена, с которыми я говорила, которая не сходится. Я думала, мог ли ты прояснить ситуацию, зная куда больше меня.*

— *О, эм...* — Гессеке насторожился. — *Я не знаю, могу ли это сделать.*

— *Правда?* — Мисаки нарочито расстроилась. — *Я просто думала, что, как ученик главного джасели ямманок тут, ты можешь знать, что именно случилось с этой деревней.*

— *Да, Короя, но я не уверен, могу ли говорить вам. Не без разрешения старших.*

— *Тебе нужно разрешение старших, чтобы помочь горюющей женицине унять сомнения?*

— *Дело не в том, что я не хочу, чтобы вы знали. Просто я не уверен, что ваша Империя хотела бы, чтобы я... Я не могу так рисковать.*

— *Не можешь рисковать?* — сказала Мисаки с нарочной дрожью потрясенного страха.

— *Что, простите?*

— *У меня есть семья, джасели,* — голос Мисаки дрожал, звуча уязвимо. *Не вне контроля. Просто уязвимо. — Малыш. Думаешь, я хочу, чтобы их всех убили?*

— *Я... я не на это пытался намекнуть...*

— *Если переживаешь, что расстроишь Империю, не бойся меня. Я хочу только уберечь семью. И тут, в Кайгене, безопасность означает знания плана Империи. Ты не понимаешь, что я могу сделать это, только если знаю всю историю.*

— *Не знаю, Короя...*

— *Если не хочешь, чтобы я повторяла то, что ты мне скажешь, я не буду. Мне просто нужно знать.*

— *Но...*

— *Ты из великого рода творцов слова, Мориба Гессеке,* — сказала Мисаки, решив попробовать тактику джасели, — *певцов и советников королей и королев,* — джасели Рассвета всегда говорили, что мужчина был податливее, когда его голову наполняли похвалой. — *Поколениями члены твоей семьи помогали элите Яммы, остужая их гнев, разжигая их силу, направляя их в бедах. Ты из всех людей понимаешь, как важно для лидера иметь хорошего советника.*

— Да, — согласился Гессеке, хотя был растерян.

— Ты понимаешь опасность сильного коро без верного советника, сдерживающего его.

— Конечно.

— В этой деревне нет джасели, — Мисаки стала давить, пока юноша не растерялся. — У нас из джасели были только Хибики, а их семью стерли в атаке. У моего мужа нет советников, только я. Ты точно ощутил ньяму моего мужа. Его темперамент нельзя недооценивать.

— Коро Мацуда, вы мне угрожаете?

— Нет, — Мисаки стала звучать, словно была обижена. — Никогда, джасели! Я... намекаю. Если мой муж не совладеет с гневом, если он вспылит, вся моя семья буде в опасности. Прошу, помоги мне спасти семью.

Юноша разрывался.

— Мой муж — великий мужчина, но он скован традициями. Он не может вести переговоры между культурой и идеями Кайгена, Яммы и Ранги, как могу я. Теперь я могу направить его работать согласно планов твоих старших, но для этого мне нужно знать, что у них за планы. Мне нужно понимать, что происходит.

Гессеке все еще не был уверен.

— Не знаю, должен ли я говорить об этом с местными...

Мисаки была удивлена, что ему не сказали четко не раскрывать тайны людям Такаюби, пока она не поняла, что они не ожидали, что кто-то в Такаюби буде так хорошо говорить на ямманинке, чтобы обобщаться с ним.

— Понимаю, — быстро сказала она, — но, поверь, я не собираюсь использовать твои знания во вред. Клянусь, — она заговорила серьезно. — Джали Гессеке, клянусь на Фаллеке, что я не повторю никому ни слова, — больше девяноста процентов жителей Дюны поклонялись Фаллеке. Джасели, рожденный в Ямме, конечно, не знал, что Мисаки не входила в их число. Он огляделся и поманил ее в сторону. Они спрятались за домом Хиори, и он посмотрел в глаза Мисаки.

— Не говорите моему джакама, что я говорил с вами так открыто.

— Конечно, — убедила его Мисаки. — Я не стала бы мешать делам джасели.

— Уверен, вы заметили из этой атаки, что ранганийская армия сильно развилась со времен Келебы в плане тренировки отрядов.

— Мы заметили.

— И все же Ранга — относительно юная сила на мировой арене. У них все еще есть цель ввязать Кайген в еще одну войну и уничтожить Империю полностью, но они не очень уверены в своей армии. Наши шпионы-ранганийцы определили, что их атаки были проверкой.

— Проверкой? — Мисаки было не по себе.

— Вы кажетесь умной женщиной. Уверен, вы заметили сходство между местами, куда напала Ранга?

Мисаки кивнула.

— Это старые места воинов, места, где ранганийцы пострадали больше всего во время Келебы.

Гессеке кивнул.

— То, что случилось с вашей деревней и другими пострадавшими зонами, было экспериментом, проверкой, стала ли Ранга достаточно сильной, чтобы объявить

открытую войну Кайгену.

— *И что они решили?* — Мисаки было не по себе от страха, она прижала Изумо к себе. Если Кайген ждет еще одна война, то им конец. Она понимала это теперь с холодной уверенностью, хотя до этого принять не могла. Они не могли сбежать. Она нашла семью на острие меча Кайгена. — *Будет война, джасели?*

— *Нет, но это было близко, Коро Мацуда. Ранганийцы проверили силы на восьми мишенях.*

— *Восемь?* — удивилась Мисаки. Она знала только о бурях в Хейбандао, Йонсоме и Ишихаме до нападения на Такаюби.

— *Четыре больших дома и четыре военные крепости,* — сказал Гессеке.

— *Ясно,* — было проще прикрыть атаку, когда было вовлечено меньше гражданских. — *И что случилось с военными крепостями?*

— *Все были разбиты,* — сказал джасели. — *В трех случаях военные Кайгена смогли сдержать солдат Ранги, но элитные силы... были мощнее, чем они.*

Мисаки не могла винить солдат Кайгена. Нужно было много лет опыта, чтобы биться с такими хорошими воинами, как ранганийцы в черном.

— *Я не знаю, понимаете ли вы,* — сказал джасели. — *То, что вы тут сделали, было поразительно.*

— *Нет,* — невинно сказала Мисаки, хотя, конечно, понимала, как необычно это было. Потому было обидно слушать приказы от неумелых военачальников Кайгена. — *Мы просто пытались выжить.*

— *Вы могли сохранить и империю живой в процессе,* — сказал Гессеке. — *Ранганийский союз все еще боится воинов старых домов, как ваш, и не зря. Думаю, страшно, когда небольшое количество обычных жителей может разобратся с сотнями ваших лучших бойцов. Этот страх ваш Император и мы, яманки, взяли в Рангу для давления ради перемирия.*

«Так Император использует нас, чтобы запугать врагов, но не поддержит нас?» — с горечью подумала Мисаки.

— *Мы... не упомянули ранганийцам, сколько ваших они смогли забрать с собой.*

Мисаки смотрела на тень от огня факела на снегу, думая о новой информации.

— *Это объясняет, почему ранганийцы не использовали бомбы, убийц или более хитрые тактики,* — отметила она. — *Они хотели поставить своих самых сильных воинов против наших...*

— *Верно. Вряд ли они знали, что были теониты, которые могли рассеять их торнадо или выстоять в бою с их бойцами Шэнь и Тянь. Насколько мы знаем, сюда послали некоторых лучших бойцов.*

— *Когда торнадо рассеяли,* — сказала Мисаки, — *они послали своих солдат на нас волнами. Они считали? Сколько нужно, чтобы уничтожить нас?*

— *Мы думаем, что да.*

— *Ясно. Так солдаты Ранги тоже просто фигуры в игре.*

— *Не совсем.*

— *О чем ты?*

— *Согласно Джамуттаана, с которыми работал мой фанкама, многие солдаты Ранги, вовлеченные в эту атаку, были отправлены сюда не силой. Они сами вызвались.*

— *Что? Почему?*

— Джамуттаана думает, что некоторые из них хотели отомстить за то, что их родители и родители их родителей пострадали от Кайгенской империи. Некоторые из них верили, что они освобождали вас. Многие из них хотели славу за победу над величайшими домами воинов Кайгена. Когда мы собирали тела, военные лекари Империи считали, сколько было убито нашими бомбами и пулями, а сколько — ранами от джии. Нам прислали много — сотни — фотографий ранганийцев, доказывающих, что джиджаки убили многих перед тем, как воздушная поддержка Яммы добралась сюда.

— И они поверили вам на слово?

— Все дело велось под наблюдением агентов Джаму Куранките для ясности. Это текущее обсуждение между Яммой, Кайгеном и Рангой. Хотел бы я, чтобы вашему мужу и другим можно было знать... Ваш народ должен гордиться тем, что вы тут сделали. Сражаясь, вы защитили Империю. Джасели будут гордиться, исполняя песни о ваших подвигах, в следующем поколении.

— Но это должно остаться скрытым, — сказала Мисаки.

Юный джасели кивнул.

— Коро Мацуда... мне жаль, что так вышло с вашим сыном.

Мисаки только покачала головой. Она неплохо управляла разговором. Если она даст себе думать о Мамору, она потеряет контроль.

— Спасибо, джасели. Я ценю это.

— Я хочу, чтобы ваши люди могли знать.

— Все хорошо, — мягко сказала она. — Спасибо, что рассказал мне.

Джасели явно хотел сказать больше, но не успел, Мисаки прижала Изумо к груди и растаяла в тенях.

* * *

Позже той ночью Мисаки увела Такеру наружу, во тьму — две семьи втиснулись в дом Мизумаки, и они могли поговорить наедине только снаружи. Она поведала ему, что узнала от джасели. Он слушал, хмурясь, пока она не закончила.

— Так опасности от ранганийцев пока нет, — сказал он. — Есть время отстроиться.

— Да.

— Хорошо. Я рад, что мы это знаем. Но тебе не стоило делать это, не посоветовавшись со мной.

Мисаки раздраженно нахмурилась. Он знал, как сложно было вытащить информацию из джасели, которому нельзя было угрожать силой? И так ей благодарили?

— Не хочу оскорбить, Такеру-сама, но твой ямманинке не очень хорош. Я не знаю, как бы ты...

— Я — твой муж, Мисаки. Не действуй больше без моего разрешения.

Мисаки должна была злиться. Она злилась. Он видел, что она делала, и Такеру все еще не мог перерасти десятки лет сексизма и наглости за неделю. Он все еще говорил с ней свысока. Он все еще ожидал, что она будет слушаться. Будто ничего не изменилось.

Она глубоко вдохнула, готовая сказать ему, что ей не нужно было его разрешение, чтобы делать, как она хотела, но в тот миг она поняла, что кое-что изменилось. Ее гнев не был теперь в тишине, удушая ее. Возмущенный вдох легко наполнил ее лёгкие, и она уже открыла рот, чтобы парировать, не боясь. И этот простой факт, что она не боялась спорить, ощущался чудесно.

Улыбка расплылась на ее лице, и она поняла, что они будут спорить. Если не сегодня,

то завтра или позже, но они будут спорить. Для многих это не было бы признаком счастливого брака, но Мисаки никогда не чувствовала такой связи с кем-то, как посреди разговора. Она ссорилась с отцом и братьями, с Коли, Эллин и Робинот, со всеми, кого любила.

Как безумная, она улыбалась мужу.

— Почему ты улыбаешься? — встревожился Такеру.

— Это сложно.

— Это страшно.

Мисаки рассмеялась и постаралась выглядеть скромнее. Такеру хватало тревог без ее атаки сегодня. В другой раз. В будущем, которое уже не казалось таким холодным и пустым.

— Прости, — она сказала искренне, но улыбка на губах не помогала выразить честность. — Правда, я не хотела оскорбить.

— Я не злюсь, что ты поговорила с джасели, — сказал Такеру. — Мне не нравится, что ты действовала одна.

— Я извинилась. Я буду слушаться в следующий раз.

— Слушаться? Мисаки, это не то, что я... — Такеру раздражённо выдохнул, и даже в морозе зимы его дыхание было таким холодным, что стало паром и опустилось во тьме.

— Ты что? — спросила Мисаки, напряжение затянулось между ними.

— Я бы хотел, чтобы ты была честной со мной, доверяла, что я защищу тебя.

— Я доверяю, — сказала она честно. — Прости.

— Ты рисковала. А если бы тебя раскрыли?

— Риска почти не было, Такеру-сама. Мальчик не был настоящим джасели, только учеником, еще не углубившимся в работу. Я знала, что смогу с ним справиться.

— Откуда ты это знала?

Мисаки пожала плечами.

— Я знала джасели из Яммы в Рассвете. Я научилась замечать слабых.

— Как научилась замечать торнадо фоньяк?

— Да.

Такеру нахмурился сильнее, но он не злился.

— Мы кажемся тебе слепыми?

— Что?

— Те из нас, кто вырос в этой деревне, веря во все, что нам говорило правительство, — сказал Такеру. — Мы кажемся тебе слепыми.

— Такеру-сама... — Мисаки хотел сказать «нет», но разве она не извинилась за то, что не была честной? — Вы не виноваты, — она вздохнула. — Мне повезло. Мои родители дали мне превратить образование в приключение в другой стране, хотя мне нужно было только хорошо выйти замуж после школы, где полезные знания могли и не пригодиться. Когда побывал в другой части мира и увидел разные виды лжи, становится проще видеть сквозь них. Я не виню вас за то, что вас обманывали.

— Нет?

— Мой отец выбрал тебя, потому что думал, что я не выйду замуж за глупого мужчину. И он был прав, — она посмотрела в глаз Такеру. — Я не вышла бы.

Такеру не перестал хмуриться.

— Я наказал Мамору за сомнения в Империи, — сказал он после долгого мгновения, и Мисаки замерла. Это его беспокоило?

— Ты потребовал от него защитить мнение, подумать о том, что он говорил, — сказала она. — Вряд ли это было неправильно.

— Но я ошибался насчет Империи. Я понимаю, почему ты не доверяла мне...

— Я доверяю тебе, — настаивала Мисаки. — Теперь сдержи свои слова, Мацуда Такеру.

Защити нас.

* * *

Мисаки не была приглашена на встречу Такеру и военных из столицы. Но, как жена нового главы Мацуда, она могла подавать чай в комнату.

Военные Кайгена говорили больше всех, переводчик-джасели тихо шептал представителям Яммы, чтобы они понимали разговор. Такеру должен был просто слушать и соглашаться. Мисаки пришла налить чай во второй раз, и он смог найти место в разговоре, чтобы спросить о самом важном для Такаюби:

— *Когда нам ожидать помощь?*

— *Когда у Императора будут свободные люди,* — сказал генерал Чун. Это не было настоящим ответом. — *Я знаю, вы это не поймете, ведь вы — обычный житель, а не солдат, но Империя не может выделить отряды, чтобы носить еду и припасы, когда они заняты, защищая провинции от чужеземных завоевателей.*

— *При всем уважении, генерал, отряды Империи не защитили эту провинцию,* — сказал Такеру. — *Это сделали мы.*

Говорить такое было неправильно, но Мисаки было трудно не улыбаться. Она гадала, знал ли Такеру, что никогда еще не был таким привлекательным. До этого она не думала, что ее привлекала в мужчинах не сила. Не опасность. Это была храбрость. И ее муж, говорящий с лжецами на не родном языке, был храбрее Мацуды, бьющегося с армией на поле боя.

Она взглянула на другую сторону стола, и она не могла не ощутить вспышку удовлетворения от волнения на лицах мужчин. Генерал Чун лучше всех сдерживал эмоции, склонился и сцепил ладони на столе перед собой, щурясь.

— *Сообщу, что кайгенская армия сильна, как и всегда, и способна защитить Империю. Атаки скрывают от публики, чтобы избежать паники, но на несколько военных крепостей уже напали ранганийцы.*

— *О?* — Такеру приподнял брови и проявил себя безупречным лжецом, когда сказал. — *Я не знал.*

— *Да. В тех крепостях ранганийцев и их торнадо отразили с минимальными жертвами. Я знаю, что это может показаться непонятным, когда вы и жители вашей деревни так боролись с ранганийцами тут, но потому армия тут, чтобы защитить вас.*

Джали Тирама перевел это представителям Яммы, и Мисаки заметила, как Гессеке нервно взглянул на нее, потом на Такеру. Он, наверное, думал, что она нарушила уговор и передала правду мужу. К счастью для всех, Такеру принял ложь генерала Чуна.

— *Ясно. Похоже, я влез в разговор. Прошу прощения,* — монотонный голос Такеру был искренним, и генералу было сложно решить, насмехались ли над ним.

Такеру мог обвинить генерала во лжи даже без сведений, полученных Мисаки у наивного джасели. Теонит, как Такеру, мог ощущать силу и навыки других, и они не были на его уровне — или на уровне Мисаки. Дракон знал, когда смотрел на червей и змей. Эти мужчины выглядели хорошо в форме, но не выдержали бы против джийи. Они носили божественную силу на их одежде, но не внутри. Эти мужчины были пустыми.

— Я хочу кое-что прояснить, Мацуда. Твоя фамилия, твоя власть в этом районе, — ничто для Империи. Ты и твоя семья — ценные граждане Империи, и все. Мы понимаем друг друга?

Такеру смотрел на стол перед собой. Его джия замерла, успокоилась. «Когда тяжело быть человеком, я становлюсь горой». Страх сдавил Мисаки. У Такеру было два выбора: он мог сдаться под пяткой этого мужчины, или он мог убить всех в комнате. В любом случае, Такаюби была обречена. В любом случае, он провалился.

— Мацуда, — казал генерал Чун. — Мы понимаем друг друга?

Такеру поднял голову. Его голос был спокойнее, когда он заговорил снова. Голос был сильным:

— Идеально.

Генерал улыбнулся.

— Отлично.

— У меня есть еще одна просьба, — сказал Такеру, — если можно.

Генерал Чун кивнул ему продолжать.

— Прошу, скажите Императору, что Такаюби не нужно помогать ни сейчас, ни в будущем.

Военные растерянно переглянулись.

— Что, простите?

— Если отряды Империи сражаются в тайной войне, я не хочу, чтобы они тратили силы там, где они не нужны.

— Но, Мацуда, — вмешался потрясенный губернатор Ло. — Эта деревня была почти полностью разрушена. Без помощи правительства...

— Мы выживем, губернатор, — сказал Такеру, — как выживали сотни войн в прошлом. Как говорит генерал Чун, мы — верные граждане Империи. Мы не можем забирать ресурсы армии Империи, когда мы способны позаботиться о себе сами.

— Вы кажетесь очень уверенным, — полковник Сонг презрительно нахмурился.

— Мы — воины, не нищие, и мы поднимемся на ноги к вашему следующему визиту. Я даже прошу вас прибыть снова, когда будет время. Кстати, я хочу снова извиниться за то, что вы без удобств тут. Они будут высшего стандарта, когда вы вернетесь.

— Что ж... — генерал Чун медлил, смотрел с подозрением, но не находил ничего неправильного в словах Такеру. — Вряд ли я могу с этим спорить. Мы вернемся с новым мэром.

— Это не будет необходимо.

— Что, простите?

— Я не только преемник рода Мацуда после моего брата. Я годами служил у покойного мэра, работая с бюджетом и планированием проектов, как строительство башен инфоком, которые позволили нам связаться со столицей так быстро во время атаки. Если бы вы раскопали обломки кабинета мэра, вы нашли бы мой почерк на всех важных бумагах последних шести лет.

— О...

— Конечно, если Император хочет назначить своего мэра, я не буду спорить. Но я уверен, что смогу управлять этой деревней так, что он не будет против. Если, когда вы вернетесь, вас что-то не устроит в моем правлении, я радостно уступлю место вашему кандидату.

— Думаешь, ты сможешь вернуть деревне прежний вид? — полковник Сонг оскалился.

Такеру спокойно смотрел в глаза полковника Сонга.

— Я уже пообещал.

— И ты веришь, что способен исполнить такие обещания?

— Я объяснил свои достижения...

— Простите, что вмешиваюсь, Коро Мацуда, Коро Сонг, — сказал генерал Кенде на ямманинке. Грозный таджака заговорил впервые. Его джасели быстрее, чем Чо, переводил слов на кайгенгуа. — Я растерян, — генерал Кенде обратился к генералу Чуну и полковнику Сонгу. — Вы жаловались, что не хватает ресурсов и людей, чтобы помочь этим людям. Мне нравится этот мужчина, — он указал на Такеру. — Он кажется способным. Если он уверен, что может позаботиться о своей деревне, почему не позволить ему?

Они спорили какое-то время, но генерал из Яммы и его джасели держали над ситуацией больше власти, чем кайгенцы. Этот признак слабости Империи беспокоил, ведь Кайгенская Империя стала намного слабее враждебно настроенного противника, и Ямма уже начинала захватывать инициативу. Мисаки была вдвойне рада, что научила Такеру пожимать руку, как делают в Ямме. Ямманки почти всегда признавали и уважали самых сильных теонитов в комнате.

Мисаки не успела ничего больше заметить, полковник Сонг послал ее за чаем. Когда она вернулась с чайником, разговор перешел к скрытности Такаюби. Новости были старыми: никому нельзя было говорить об атаке, внутри домов или вне, массовую могилу нельзя был отметить.

Было темно, когда Мацуд отпустили из их дома — хотя Мисаки, конечно, вернется рано утром, чтобы подать угнетателям хороший завтрак.

Такеру не говорил, пока они шли к дому Мизумаки. Им нужны были припасы, но Такеру сделал все, что мог. Если бы он надавил сильнее, генерал ответил бы резче, унизил бы его. Если бы он повысил голос или джийю, или сделал то, что приняли бы за угрозу, он обрек бы себя и то, что осталось от его семьи. Он уберег Такаюби и сохранил лицо в процессе. Это было лучшее, что можно было сделать.

Шагая с уважением позади мужа, Мисаки смотрела на него в свете луны. Ночь была ясной, белый свет озарял его лицо достаточно, чтобы Мисаки увидела, что он не злился. Она могла думать, что он был в состоянии медитации, избегал всех эмоций, но его брови были чуть сдвинуты. Он размышлял.

— Все хорошо? — тихо спросила она.

— Будет, — сказал он, — как только я смогу расписать план.

— План?

— Я могу составить теперь план, — сказал Такеру, — ведь я уже не слепой.

Прошла пара мгновений, и он отстал на два шага, чтобы они с Мисаки шли бок о бок. Мисаки много лет жаждала солнца и огня. Она не приглядывалась так, чтобы увидеть, что в Такеру был его свет. Тусклый, но ясный. Похожий на свет луны на снегу, живущий в его коже.

— Эта деревня лишилась хорошей академии теонитов, — сказал он. — Даже если правительств вдруг передумает в грядущие годы и поможет нам восстановить академию Кумоно, это будет не то же самое, ведь мы потеряли столько наставников.

— Мм, — вежливо согласилась Мисаки.

— Когда Хироши подрастет, он отправится в академию Рассвет в Карите. Если он хорошо там проявит себя, все три мальчика туда отправятся.

Рот Мисаки раскрылся.

— Ты серьезно, Такеру-сама?

— Я не выращу еще поколение слепым, как мое.

Была ночь, и никого вокруг не было, так что Мисаки нашла мозолистые от меча пальцы мужа. Они были замужем пятнадцать лет. Они впервые взяли за руки.

ГЛАВА 30: БУДУЩЕЕ

Военные уехали на следующий день, оставив жителям деревни завуалированные угрозы и пустые слова поддержки. Такеру поговорил с толпой, поднявшись на ледяную платформу, которую сам сделал, озвучил пустые слова благодарности генералу Чуну.

Слова Такеру мало значили, но он тщательно просчитал расположение платформы. Для представителей правительства это ничего не значило. Но жители Такаюби и окрестностей знали, что на этом месте Мацуда Такеру Первый бился с Юкино Изуми тысячу лет назад. На этом месте основатель их общества объявил о новом порядке.

— Теперь объявления, — сказал он, закончив обращаться к военным. — С завтрашнего дня в этой деревне будут внедряться новые практики, важные для нашего выживания. Сегодня всю еду принесут в дом Мацуда, все стройматериалы — в хижину Котецу Каташи. Без исключений.

— Это ваши приказы или Империи? — нагло спросил кто-то.

— Мои приказы, — сказал Такеру. — Я обещал генералу Чуну, что к его возвращению мы отстроим деревню. Этот процесс начинается сегодня. Вы все соберетесь тут завтра утром для дальнейших указаний. Слава Кайгену, — закончил он. — Да здравствует Император.

— Да здравствует Император, — повторили жители без энтузиазма.

Мисаки и Сецуко собирали еду, пока Такеру обсуждал планы с Котецу Каташи и Кваном Тэ-мином. Вечером Мисаки пришла в кабинет Такеру.

— Мы собрали всю еду в одном месте, — сказала она. У других людей Мисаки заподозрила бы семьи в том, что они не все припасы отдали, но не тут.

— Хорошо, — сказал Такеру. — Мне нужно, чтобы вы с Сецуко составили список собранных припасов.

— Ладно.

— Нужно разделить список на то, что нужно съесть в течение недели, в течение месяца, и что можно хранить, пока не растает лед.

— Да, сэр.

Задание заняло остаток дня для Мисаки и Сецуко, и они закончили в свете лампы, укачивая детей, пока заканчивали подсчет.

— Это точно? — спросил Такеру, когда Мисаки принесла ему результаты в кабинет.

— Да, — Мисаки тщательно проверила.

— Хорошо.

— И я принесла чаю.

— Хорошо, — сказал он, словно не слышал ее. Он уже смотрел на список, хотя, судя по кругам под его глазами, ему нужен был кофеин.

— Я оставлю его тут... — Мисаки не сразу нашла на столе место без бумаг. — Здесь.

Она уже шла к двери, когда донеслось скованное:

— Спасибо.

— Не за что.

— И ты можешь закрыть дверь? Ветер шумный, я пытаюсь сосредоточиться.

— Эм... — Мисаки посмотрела на дверь, от которой осталось несколько кусков после того, как Такеру выбил ее... после того, как она напала на него и запечатала его в комнате.

— О... — Такеру моргнул, выглядя растерянно. — Забудь.

— Прости, — сказала Мисаки, думая, что нужно так сделать.

Такеру покачал головой.

— Это я ее выбил, — он отвёл взгляд, осушил чашку горячего чая с тем же отчаянием, как его брат выпивал сакэ. — Иди. Поспи.

— Да, сэр, — сказала Мисаки и ушла в спальню.

Мамору уже не вторгался в ее сны, но той ночью она не могла уснуть. Комната ощущалась... слишком жаркой? Это было неправильно. Была зима. Она вытянула руку, обнаружила пустой футон рядом с собой. Все еще? Она встала, поправила кимоно, чтобы выглядеть прилично, и пошла по коридору. Свет лампы лился из кабинета Такеру мягко на деревянный пол коридора.

— Ты еще не спишь? — прошептала она, пересекая порог.

— Я еще занят, — ответил Такеру, не отрываясь от стола. Его стол покрыли еще несколько слоёв кайири, на каждом листе были текст, диаграммы и расчёты.

Он перевёл взгляд с одной страницы в другую с безумной скоростью и яростью воина, направившего меч с убитого врага на другого. Она всегда думала, что угловатое лицо мужа было без возраста, но в свете лампы он выглядел как мужчина за сорок.

— Оставь меня, — кратко сказал он. — Я сосредотачиваюсь.

Мисаки хотелось послушаться. Она делала так, когда говорила себе, что муж не был ее ответственностью.

— Ты должен говорить завтра перед своими людьми, — напомнила она. — Ты хочешь сделать это без сна?

Такеру в отдохнувшем виде был грозным без жутких кругов под глазами. Если он не поспит, она переживала, что он распугает оставшихся жителей Такаюби. Он посмотрел на нее, щурясь, лицо осунулось. Ей показалось на миг, что он рявкнет на нее не задавать вопросы.

— Я не хочу делать это без плана, — сказал он. — Ты же можешь это понять?

Мисаки кивнула. Она скользнула ладонью по его плечам, потом по спине, миновала символ Мацуда с четырьмя бриллиантами, ощущая под ним мышцы. Он напрягся на миг, расправил плечи, словно хотел стряхнуть руку. А потом передумал и замер под прикосновением. Он всегда был таким напряженным? Таким холодным? Словно провода замерзшей стали в человеческой коже... Она прижала пальцы к точке давления.

Мгновение она будто давила пальцами в твердый камень. А потом она послала кончиками пальцев джийю и улыбнулась, ощутив, как немного напряжения покинули его плечи.

— Я могу с чем-то еще помочь? — спросила она.

— Ты хороша с цифрами?

— Нет, — честно сказала она.

— Мм, — он нахмурился. — Тогда придется дать Квану утром просмотреть мою работу.

Он расправил плечи, стряхивая ладонь Мисаки. Она приняла мелкое движение как отказ и хотела отодвинуться, когда Такеру взял со стола пару листов кайири.

— Просмотри это для меня.

Мисаки взяла у него страницы и удивилась, увидев, что там не было цифр, а были столбики слов. Почерк Такеру был изящным и безупречным, как в каллиграфии, но многие строки были вычеркнуты и переписаны.

— Мой брат... хорошо умел вдохновлять других, — объяснил Такеру. — Я никогда не был так хорош с людьми, как он. Если я не продумываю слова, я не знаю, что сказать.

— И... ты хочешь, чтобы я...?

— Просмотрела ее за меня. Ты знаешь людей. Пожалуйста?

— Конечно, — Мисаки села на колени напротив Такеру, стала читать речь.

Такеру писал мелко, экономя место, заменяя компактными ранжи широкие символы, когда было возможно. Мисаки смутило то, что ей было сложно читать. Она говорила на кайгенгуа лучше Такеру, но он лучше использовал древние символы.

Рассвет озарил небо, она отдала ему кайири.

— Думаешь, я должно это сказать? — спросил он.

— Да.

— Тогда я запомню это. Я... — он посмотрел на кайири и замер. — Ты вычеркнула всю страницу, — он пролистал страницы. — Ты... вычеркнула все.

— Да, — сказала Мисаки. — Я делала сначала правки, а потом передумала.

— Не понимаю.

— Вряд ли тебе нужно это говорить.

— Ну... — Такеру моргнул, потер глаз ладонью. — Тогда... что...

— У тебя есть план для них, Такеру-сама?

— Да.

— Хороший?

— Думаю, да.

— Тогда это важно, — твёрдо сказала Мисаки. — Они слышали достаточно «Слава Империи» и пустых слов утешения, хотя твои были красивыми. Тебе не нужно притворяться твоим братом.

— Так... что мне им сказать?

— Свой план, — сказала Мисаки. — И все. Ты — коро, Такеру-сама. Твои действия всегда будут громче слов. Все в этой деревне уже знают, как долго ты работал на мэра, они знают, что ты заботишься о них, и они видели твою силу. Им нужно знать, что все будет хорошо.

Она подняла голову, уловив плач Изумо.

— Я должна разобраться с этим, — она встала, чтобы уйти, но замерла, глядя на мужа. Не думая, она склонилась и поцеловала его в морщинку между бровями.

— Что? — он в смятении поднял голову...

И она поцеловала его в рот. Он не отодвинулся, и она запустила пальцы в его волосы, сжала его шею и притянула его ближе.

Его рот был ледяным, как весь он, но поцелуй не был твердым. Он не скрежетал. В холодном поцелуе Мисаки нашла нежность, которой не замечала в своем муже. Он не был куском льда. Под ледяной горой бушевали волны. Под снегом журчал ручей Кумоно, реки неслись подо льдом, глубоко под землей. Под соснами корни тянулись, как пальцы, в почву, впивались в теплое от весны ядро горы.

Не было шипения пара, огонь не пылал во тьме с бесцельным восторгом. Но где был

свет, было место тени. В снежно-белом свете Такеру она глубоко пустила корни.

Когда она прервала поцелуй, Такеру молчал, но он уже не был растерян. Он понимал, что это означало.

— Я жду твой план, — сказала она и поспешила к Изумо.

* * *

Люди собрались перед ледяной платформой, чтобы послушать Такеру. Мисаки и Сецуко нашли Хиори и встали рядом с ней. Женщина младше была заметно беременной, и она, казалось, спала меньше, чем Такеру.

— Доброе утро, Хиори-чан.

— О, — Хиори моргнула, посмотрела на Мисаки пустыми глазами, обрамленными тьмой. — У-утро.

— Как ты? — спросила Мисаки.

— Нормально, — с дрожью сказала Хиори. — Я в прядке. Спасибо.

— Не глупи, Хиори, — прямо сказала Сецуко. — Твое лицо по цвету как этот снег, а глаза как у енота.

— Не нужно так, Сецуко, — сказала Мисаки.

— Все хорошо, — Хиори скривилась, ее губа дрожала. — Я знаю, что стала уродливой.

— Эй! Я не это сказала! — возразила Сецуко.

— Ты назвала меня енотом.

— Ага. Самым милым енотом в мире, — Сецуко ущипнула Хиори за щеку, хотя там было почти не за что щипать. — Очевидно.

— О, Сецуко, — вздохнула Мисаки.

— Ты ела? — спросила Сецуко у Хиори, коснувшись впадины ее щеки.

— Я... не была голодна, — Хиори сжала кулаками рукава своего кимоно, чтобы скрыть дрожь ладоней.

— Хиори-чан, тебе нужно есть, — сказала Мисаки.

— Ты пообедаешь с нами сегодня, — заявила Сецуко.

— Все хорошо, Сецуко-сан. Я не...

— Мы настаиваем, — сказал Мисаки, и Такеру поднялся на платформу и кашлянул.

— Люди Такаюби, — его голос был монотонным, звучал четко и сильно. — Доброе утро. Я созвал вас сюда, потому что я придумал план нашего выживания, — он не взял с собой страницы. Ему не нужно было. Он хранил цифры в голове, как компьютер. — Прошу, послушайте внимательно, ведь нам нужно придерживаться плана, если мы хотим выжить в ближайшие месяцы. Благодаря стараниям моей жены и жены моего брата, я получил список всей еды, какая сейчас есть в деревне. А еще наши соседи согласилась вносить щедрое количество риса, свежей рыбы и прочего каждый месяц, пока мы будем в этом нуждаться. По моим подсчетам, этот припас поддержит деревню и ограниченное количество волонтеров в следующие одиннадцать месяцев, до Соколокало 5370. Распределение еды и ее приготовление будут под присмотром моей жены, Мисаки, и тех, кого она назначит себе в помощники. Все просьбы о дополнительной еде передавать ей.

Мисаки нервно смотрела на толпу, но никто не спорил. Они доверяли ей. От осознания тепло появилось в ее груди, а Такеру продолжил:

— Я хочу, чтобы все поняли, что с этого дня я считаю, что внос еды и труда извне — долг, а не вклад.

— Что? — сказали несколько голосов.

— Что это означает, Мацуда-доно?

— Это означает, — спокойно сказал Такеру, — что мы будем платить тем хорошим людям за их услуги в будущем. Я понимаю, что вы сейчас заняты, восстанавливая дома, но так не будет всегда. Я ожидаю, что каждая семья найдет надежный источник дохода в следующие одиннадцать месяцев.

— Как? — осведомился кто-то.

— Мы все домохозяйки, — отметила одна из женщин Икено. — Как нам получить деньги для поддержки семьи, а потом еще и заплатить волонтерам за все, что они сделали?

— Спасибо за вопрос, Икено-сан, — сказал Такеру. — Ваш вопрос приводит к следующей части моего плана. Я знаю, что у нас сейчас мало осталось, но один источник мы не заметили.

— Какой, Мацуда-доно? — спросил один из Гинкава.

— Сосновые леса, — сказал Такеру. — Большую часть древнего леса, окружавшего западную деревню, разгромил торнадо, остальная часть сильно пострадала. Разрушение чуда природы было трагедией, хотя никто не думал об этом толком посреди такого количества человеческих потерь. Когда жители деревни и волонтеры проверили павшие деревья в поисках тел, в лес никто не вернулся. Все вы знаете, что лес стоял с дней Юкино Хаясэ и Мацуды Такеру Первого, — сказал Такеру. — Его корни тянутся глубже, чем вы думаете, это важная часть этой горы. Павшие деревья нужно будет убрать, чтобы лес вырос снова, если мы не хотим оползней, и чтобы почва испортилась, чтобы наша гора стала опасно меняться экологически. Потребуется проделать огромную работу, но это шанс получить необходимые деньги для Такаюби в короткий срок. Котецу Каташи оценил, что мы можем собрать несколько тысяч гули с павших и поврежденных деревьев, если мы правильно обработаем дерево. Губернатор Ло дал нам лицензию продать дерево строительным компаниям в столице провинции весной. Часть припасов будет отложена для нашей стройки. Я хочу, чтобы дом каждой семьи был отстроен, но первым проектом будет простое школьное здание, чтобы заменить публичную начальную, среднюю и старшую школу Такаюби, уничтоженную бурей. Нуму Котецу нарисовал планы, строительство начнется немедленно.

— Что? — сказал кто-то в смятении.

— Зачем нам строить школу? У нас едва хватает домов для всех нас.

— Мы не можем позволить детям лишиться образования, — сказал Такеру. — И публичные школы в западной деревне были важным источником дохода для многих семей. Правительство не дает нам прямую помощь, но оно должно платить зарплату работникам публичной школы. Любой житель, который может читать и учить по стандартной программе Империи, может служить как учителя и администрация, включая женщин.

Идея была хорошей. Многие жители Такаюби были достаточно обучены, чтобы читать на кайгенгуа.

— Для тех, кто не может читать, школа предоставит места уборщиков и помощников, и ту зарплату тоже будет платить правительство. Если все будет идти по плану Нуму Котецу, школа будет построена и открыта через два месяца — раньше, если коро помогут нашим нуму. Губернатор провинции Ло согласился оставить активной лицензию публичной школы Такаюби, если у нас будут открыты классы за это время. Когда здание школы будет завершено, мы начнем строить новый офис, который даст еще не меньше четырех вакансий.

Глядя на Такеру, Мисаки поняла, что она держала Изумо крепко и нервно кусала губу. Одна школа и офис управления не могли дать работу всей деревне, и многие женщины

Такаюби остались одни, не могли работать весь день. Но Такеру не закончил.

— Я хочу обратиться теперь к волонтерам, которые помогали нам эти недели. Мы щедро оплатим вам в будущем, а еще я хотел бы пригласить вас всех остаться.

Шепот смятения пробежал по толпе.

— Я не могу сразу заплатить монетами, но я открываю додзе Мацуда для обучения.

Это послало рябь восторженного шепота и восклицаний.

— Если мужчины хотят переехать в Такаюби, поддержать овдовевших родственниц — или поселить тут свои семьи — я обучу их.

Пару месяцев назад предложение не было бы таким заманчивым. Меч казался непрактичным, просто церемонией в мирное время. Но Ранга могла в любой день постучать в их дверь, и армия Империи не защитила бы их, так что обучение у величайшего бойца Меча Кайгена, вдруг стало заманчивым.

— Нуму Котецу Каташи ищет напарников и учеников, если мастера хотят присоединиться к нам, — еще одно заманчивое предложение. — Две рыбацкие семьи переехали к подножию горы, чтобы рыбачить тут, но все мы знаем, что берег Такаюби раньше поддерживал больше двадцати семей рыбаков, ньяма их душам, — Такеру склонил голову к Сецуко. — Я говорил с женой моего брата, которая одна выжила в одной из тех семей, и с Чибо из соседнего района. Они согласились, что берег должен быть открыт для всех рыбаков, желающих поселиться там. Любы рыбаки, которые переедут к горе, получат нашу помощь со строительством дома и всем, что нужно для начала.

— При всем уважении, Мацуда-доно, а как же помощь армии Империи?

— Ну... это не важно, — сказал Такеру. — Как я объяснил, нам она не понадобится.

Вся деревня наполнилась илами после речи Такеру и рьяно приступила к работе, собирая бревна со склонов и строя новую школу.

Исключением была Хиори. Пока другие боролись с горем, Хиори не смогла миновать ужасы атаки. В ее глазах была пустота, и Мисаки было не по себе, словно ее подруга умерла в ночь ветра и пуль.

Одной ночью Мисаки проснулась от звука босых ножек, топавших по татами.

— Каа-чан? — сказал голос, она села и увидела Нагасу на пороге.

— Нага-кун? Что такое?

— Снаружи призрак.

— Что? — шепнула Мисаки, протирая глаза. Нагаса стал за месяц лучше выражать словами мысли, но они не всегда имели смысл. Хотя он давно не просыпался от кошмаров.

— Снаружи призрак, — повторил Нагаса, глаза были огромными во тьме. — Я его слышу.

Такеру крепко спал рядом с Мисаки. Он так уставал, что проснулся бы, только если бы гора стала разваливаться под ними. Стараясь не беспокоить его, Мисаки выбралась из-под одеяла и прошла к Нагасе.

— Идем, Нага-кун. Вернем тебя в...

Она замерла и уловила звук, разбудивший ее сына.

— Призрак, — серьезно настаивал Нагаса.

Жалобный вой искажал ветер, но любая мать могла понять...

— Это не призрак, Нага-кун, — сказала Мисаки. — Это ребенок.

— Ребенок?

— Да, — звук доносился из дома Хиори. — Нага-кун, останься тут. Иди в постель. Каа-

чан скоро вернется.

Мисаки поспешил к гэнкану, надела таби и закрепила их быстрыми пальцами, схватила по пути плащ. Когда она вышла за двери, Сецуко уже стояла снаружи.

— Мисаки, — сказала она. — Ты слышала...?

— Да, — сказала Мисаки, укуталась плащом поверх одежды для нас. Крики малыша звучали из дома Хиори. — Думаешь, она уже родила? Разве еще не рано?

Сецуко сосчитала месяцы и недели на пальцах, ее губы двигались.

— Да, немного, — она выпрямилась. — Может, это хороший знак. Знаешь... может...

Может, это был ребенок Дая.

Мисаки кивнула.

— Идем.

К женщинам Мацуда присоединились Фуюко, Фуюхи и несколько мужчин из соседних домов, которые проснулись от звука. Женщины Мизумаки несли фонари, и Мисаки заметила, что у двух мужчин — Гинкавы Аоки и волонтера по имени Амено Кентаро — были мечи. Было странно брать оружие, чтобы проверить мать с новорожденным, но в крике было что-то жуткое. Стены дома скрипели, группа собралась у двери.

— Хиори-чан? — Сецуко бойко постучала. — Мы можем войти?

Ответа не было, только безумные вопли малыша, их не перебивали, будто там больше никого не было.

— Юкино-сан! — громче сказал Гинкава Аоки. — Вы там?

— Хиори! — тон Сецуко стал тревожнее. — Хиори, прошу, ответь нам! Ты в порядке?

— Простите за вторжение, Юкино-сан, — сказал Аоки, — мы входим, — и он выбил дверь.

Сецуко ворвалась первой, за ней последовала Мисаки и женщины Мизумаки с фонарями.

Хиори лежала на боку на кимоно Юкино Дая, которое она смогла забрать из старого дома, сжимая в руке ткань. Такенаги торчал из ее тела, серебряный клинок выпирал из ее спины.

Она была мертва.

— Нет! Нет! — Сецуко упала на тело Хиори, всхлипывая, Фуюко упала на колени в шоке, а Фуюхи отвернулась. — Хиори! — Сецуко стал умолять, слезы лились по щекам. — Ну же, милая, открой красивые глазки. Хиори! Нет! Нет!

Мисаки не пошла к телу. В ней не осталось слез. Она не могла это объяснить, но она как-то знала до того, как они выбили дверь, что Хиори умерла. Она давно была мертва.

— Мисаки, сделай что-нибудь! — Сецуко всхлипывала, опустив голову Хиори на свои колени. — Останови кровотечение!

Мисаки лишь покачала головой. Даже если бы сердце Хиори еще билось, она не могла спасти человека от такой раны. Хиори явно уперла Такенаги во что-то и бросилась всем весом на клинок — решительный конец.

— Мне жаль, Сецуко, — прошептала Мисаки. — Она мертва.

Мисаки тихо прошла мимо Сецуко к колыбели, где рыдания не прекращались. Там была девочка, запуталась в одеялах, зажмурилась, откинув голову, и кричала. Мисаки еще не видела такого маленького ребенка, но ее ручки двигались, воздух в хижине задевал волосы и рукава Мисаки.

«Великая Нами», — ни один ребенок, даже Мацуда, не получал силы в день рождения.

Это было неслыханно. Мисаки с потрясением вспомнила жуткую смертельную фанью насильника Хиори — та сила отбросила Мисаки в стену и разрушила комнату.

— Это не ребенок Юкино-доно, — в страхе прошептал Амено Кентаро. — Это не из наших.

У ребенка текла кровь из тонкого пореза на шее, который мог быть только от меча Котецу. Мисаки с ужасом поняла, что Хиори держала Такенаги у горла ребенка... но не убила малыша. В конце она не смогла убить своего ребенка.

Амено Кентаро потянулся к катане.

— Нет, — Мисаки быстро обошла колыбель, встала между воином и младенцем.

— Отойдите, Мацуда-доно, — Кентаро начал вытаскивать меч.

Ее кровь кипела, Мисаки схватила его за руку и вонзила оружие в ножны.

— Нет.

Глаза Кентаро расширились от ее силы.

— М-Мацуда-доно... — он глядел, не понимая, на тонкую ладонь на его запястье. — Что...

— Ты не навредишь этому ребенку, — прошипела Мисаки.

— Это фаньяка, — возразил он, пытаясь вырваться из хватки Мисаки, но без толку. — Посмотрите на тот порез. Юкино пыталась убить это.

— Но не убила! — яростно ответила Мисаки. — Она сделала выбор с мечом. Ее последнее решение в этом мире — дать ребёнку жить. Кто мы, чтобы лишать ее этого?

— Но... это ранганийский ребёнок...

— Это ребёнок Хиори, — прошипела Мисаки, отталкивая его, — значит, он принадлежит всем нам. Ты отойдешь.

— Мацуда-доно, — начал Гинкава Аоки. — Вряд ли...

— Отойдите, Гинкава-сан.

Мисаки склонилась над колыбелью, прижала ладонь к шее ребенка, исцелила порез, как могла. Рана была тонкой, но глубокой. Останется шрам. Когда Мисаки ощутила уверенность, что корка удержится, она укутала девочку, чтобы она не шевелилась, поднимая ветер.

— Мацуда-доно, — Аоки попробовал нова. — Я знаю, что вы — женщина, поддаётесь материнским инстинктам, но нужно думать об этом рационально. Это фаньяка.

Игнорируя протесты Гинкавы, Мисаки подняла малышку на руки и прижала к себе, глядя нежную голову. Она была крохотной, а оба мужчины все еще прижимали руки к мечам.

— Вам лучше уйти, господа.

— Мы не уходим, Мацуда-доно.

— Вы уходите.

— Но...

— Ребенка нужно покормить, — сказала Мисаки, и это их заткнуло.

Гинкава Аоки, который переступал трупы во тьме и перевязал руку товарища шнурком от меча, смотрел под ноги в смутении. Амено Кентаро покраснел.

— Прочь, — сказала она, и в этот раз они не спорили.

В конце ребёнок Хиори не взял грудь Мисаки, но малышка перестала плакать. Утром Мисаки отнесла новорожденную в приют.

— Вы вырастите ее вместе с другими детьми, осиротевшими от нападения, — сказала она финам. — Я не могу ее взять, но этот ребенок под моей защитой. Я не хочу слышать, что

ей навредили. Понятно?

— Да, Мацуда-доно.

Хиори кремировали на следующий день. Дом, оскверненный суицидом, пришлось сжечь. На этом Юкино в Такаюби умерли. Ребенок не был Юкино.

Хоть им нельзя было говорить, все тихо понимали, что ребёнок прибыл с ветром, который забрал так много. Пока она росла, становилось ясно, что в ней не было ни капли джии, хотя воздух вокруг нее всегда был беспокойным. Почти казалось, что горе ее матери родилось в ней. Ее глаза были огромными, древними и печальными.

Никто не дал ей имя официально, но в шепотах ее звали Казеко, Дитя Ветра, в честь ужасной вещи, которая принесла ее к ним. Может, потому Такаюби терпели ее присутствие: она была ходячим напоминанием. Тела могли сжечь и похоронить. Кровь мертвых могли смыть с меча. Но это существо с глазами Юкино Хиори и силой фаньяки было неопровержимым. Они могли бояться и ненавидеть ее, но она была живым подтверждением того, что Империя пыталась стереть.

Пока она шла по Дюне, никто не мог забыть то, что случилось на Мече Кайгена.

ГЛАВА 31: РОБИН

Весной следующего года Такаюби снова была деревней. Она была меньше и беднее, чем раньше, но деревней, с домами, магазинами и людьми, просыпающимися каждое утро для работы.

Богатая земля, где были сожжены тела, покрылась высокой травой, там проросли деревья, роща была гуще любого другого места на горе. Это место давало Мисаки покой, она радовалась виду яркой зелени. Империя не дала людям Такаюби отметить могилы мертвых, но гора не забыла.

Мисаки замерла там, чтобы помолиться, как делала каждый день на пути по горе с утреннего рынка. Она опустила корзины рыбы и овощей, прошла в траву, понимая, что там появились зачатки тропы — брешь в траве, где ее ноги, Такеру, Хироши и Нагасы ходили много раз за месяцы. Сегодня Мисаки впервые вытащила Изумо из петли на груди и поставила на ноги, чтобы он шел с ней.

Ее младшему сыну не было еще двух лет, и он смотрел на траву большими глазами, не зная, что делать с ярко-зеленым миром, вдруг окружившим его. Мамору, Хироши и Нагаса показывали части величия праотцов, когда начали ходить — Мамору с его яростным духом, Хироши с его ледяным спокойствием, Нагаса в его энергии и словарном запасе. У Изумо такого не было.

Он был как-то мягче братьев. Хоть он родился у пары убийц — его мать, хищник, любящий засады, и его отец — альфа-хищник — он действовал нервно, будто добыча. Вода двигалась, но не замерзала от его прикосновения, и в его глазах всегда была настороженность. Его глаза были шире и круглее, чем у всех Мацуда, каких знала Мисаки. Не сводя взгляда с травы, он невольно склонился ближе к матери и протянул ручку к ней. Она дала ему указательный палец, и он крепко сжал его, они пошли к центру рощи.

Тут росла черная сосна, юная, как все в роще, но сильная. Тут Мисаки встала на колени и прижала ладони к земле. У других были свои важные места в роще, где они молились. Слушаясь воли Императора, никто в Такаюби не говорил о том, где молились и почему, но среди людей было понимание, которое тянулось глубже слов.

Все в Такаюби знали, что, когда Мацуда Такеру Первый придумал символ его семи и печать новой эпохи, он выбрал символы, которые означали «ждушее поле». «Чтобы в

названии было чувство обещания», — сказал он потомкам. Все знали, что до этого Мацуда записывалось древними символами, которые означали «поле сосен».

Как кровь богов, все, что знали в Такаюби, тянулось на тысячи лет назад, и это эхо будет тянуться, как звон колокола, еще на тысячу лет вперед. Они останутся как корни, какие бы ветра или бомбы ни били бы по горе. Ямманкам нужны были джасели, чтобы петь их историю для них, чтобы она жила веками. Хейденцы хранили историю в книгах. Правда Такаюби была в глубинах океана и корнях деревьев.

Собрав пар в жидкость в ладонях, Мисаки создала два прямоугольных куска льда. Она вырезала на них символы — на первом заклинание очищения, на втором — материнской любви.

Многие кайгенцы писали молитвы на клочках ткани или кайири, которые они привязывали к деревьям или столбикам храма в священных местах. Такие молитвы нарушили бы приказы Императора не отмечать место, и люди Такаюби чтили мертвых древней формой молитвы, какая существовала раньше современной Фаллеи.

Мисаки тихо произнесла молитвы, закрыв глаза. А потом она подняла талисманы из льда, дала им растаять между ее пальцами в почве, питая водой юную сосну и деревья вокруг.

«Ньяма тебе, Мамору».

Когда она встала, чтобы уйти, Мисаки нашла Изумо на четвереньках. Он смотрел, как муравей полз с корня дерева на травинку. Все время, пока она молилась, он не издал ни звука. Кроме Хироши, Мисаки не знала такого тихого ребенка.

В отличие от Хироши, Изумо вызывал у нее впечатление, что его голова была полной мыслей. Что бы ни происходило вокруг него, он всегда находил мелочь, которая его восхищала — капля на конце сосульки, швы на его рукавах, медленный прогресс муравья, идущего за своими товарищами по травинке. В отличие от Нагасы, он не озвучивал сразу шесть вопросов, когда находил то, что не понимал. Он сидел и смотрел, смотрел и смотрел...

— Изу-кун? — нежно сказала Мисаки. Может, он не был добычей. Добыча вскидывала голову от шума, но Изумо был увлечен и не слышал ее. Он протянул палец, удивительно осторожно для малыша задел движущиеся усики муравья. — Изу-кун, — сказала снова Мисаки, и он посмотрел на нее.

— Вода? — спросил он, указывая на муравья на травинке. — Вода в этом?

— В траве, да, — сказала Мисаки. — В жучке другая жидкость.

— Кровь?

— Не совсем, — сказала она. — Не как у тебя и меня. Его тело наполнено другой жидкостью... — она искала слово, вспоминая уроки химической джии из школьных дней. — Гемолимфа, вроде.

На практике эта информация была бесполезна для многих джиджак, которые не могли управлять веществами, которые не были свежей или соленой водой. Но если Изумо уже ощущал каплю незнакомой жидкости в теле муравья, он мог быть одним из исключений, как Мисаки, которые могли управлять и другими жидкостями.

— Пора идти, — она протянула руку, и он сжал два пальца в хватке слабее и нежнее, чем у его братьев.

Обычно Мисаки презирала слабость в себе и других. Это было нормально у коро Широжимы. Такеру уже недовольно смотрел на младшего сына, хмурился все сильнее с

каждой неделей, ведь Изумо не показывал силы братьев. Но Мисаки ощущала иное к Изумо. Она еще не видела, чтобы кто-то изучал физическое окружение так внимательно, как ее четвертый сын — никто, кроме, пожалуй, Коли Курумы, величайшего изобретателя его поколения. Она начинала подозревать, что у Изумо было то, чего не было у его братьев. Она подозревала, что он мог быть гением. И, чем страннее он себя вел, тем больше она его любила.

Изумо встал, ветки юной сосны задели его волосы, и Мисаки просияла. Кем бы он ни вырос, она хотела это увидеть. В этот раз она не упустит ни мгновения. Сжимая ладонь Изумо, она поклонилась черной сосне в последний раз.

«До завтра, Мамору».

Выйдя из роци, она вернула Изумо на его место на груди, подняла корзины и пошла по тропе к дому Мацуда. Все казалось нормальным, когда она дошла до дома. Тишина дома Мацуда пропала за последние месяцы, сменилась звуками, которые наполняли воздух этим утром — смех Нагасы и Аюми, бегущим по коридорам, стук деревянных мечей — ученики Такеру разогревались в додзе, стук молотков нуму, работающих над дополнительной частью дома.

Она снимала таби, когда заметила незнакомую обувь в гэнкане — черную, магнитными застежками в стиле Яммы. Не такая обувь, как в Широждиме. Ей стало не по себе. Тут был кто-то из правительств? Империя решила все-таки вмешаться? От звука шагов она подняла голову, Сецуко выбежала из-за угла к ней.

— Мисаки! — лицо Сецуко было странным, восторг и тревога смешались на нем. — Ты вернулась!

— Да, — Мисаки смотрела на нее в смятении. — Что такое? Что-то не так?

— Я... не уверена, — Сецуко едва дышала. Она была взволнована, но не расстроена.

— Что...

— Просто идем, — Сецуко помнила Мисаки внутрь, забрав с ее плеч тяжелые корзины. — Посмотри сама.

— Кто тут? — Мисаки оглянулась на черную обувь.

— Просто... посмотри сама, — Сецуко кивнула на проем недавно восстановленной гостиной.

— Но...

— Твоему мужу было тяжело. Ты знаешь, его ямманинке плохой.

— Его ямманинке? Что...

— Иди, — Сецуко толкнула пышным бедром худую Мисаки, и она отшатнулась к гостиной.

Растерянная, но любопытная, Мисаки бросила взгляд на Сецуко, та кивнула ей. Она выпрямилась и прошла в гостиную. Странное поведение Сецуко заставило ее ожидать худшего — полковника Сонга или другого представителя Империи, пришедшего портить все, что они построили. Но то, что она увидела, было куда страннее.

Робин Тундиил сидел на коленях на подушке у низкого стола гостиной напротив Такеру.

Они пили чай.

Мир Мисаки порвался и рухнул. Брешь открылась между самыми яркими воспоминаниями и реальностью сцены перед ней, и у нее закружилась голова. Робин был тут, в ее гостиной, его знакомое лицо заметно постарело за пятнадцать лет. Он пил чай.

Она прижала ладонь к дверной раме, чтобы не упасть. Другая рука сжимала Изумо, придавливая мальчика к ее груди, чтобы ощущать его сердце, чтобы убедиться, что она все еще была в реальности.

Такеру первым ее заметил.

— Мисаки, — сказал он, голос был нейтральным, как всегда. — Я рад, что ты вернулась.

Робин опустил чашку и обернулся к ней, черные глаза были теплыми, как шестнадцать лет назад. Те глаза выжгли свое место в ее памяти, и было странно увидеть их в реальности. Она не могла понять взгляд Робина, так что посмотрела на Такеру.

— Простите мою грубость, Тундиил-сан, мне нужно тренировать учеников, — Такеру встал. — Простите, — он поклонился Робину и прошел к двери, где застыла от шока его жена.

— Ч-что... что это? — прошептала Мисаки, глядя на Такеру. — Что происходит?

— Твой старый друг проделал долгий путь, чтобы увидеть тебя.

— Но... что...

— Меня ждут ученики. Приготовь гостю еще чая. Он почти допил тот, что сделала Сецуко, — сказал Такеру и вышел в коридор, оставив Мисаки в смятении.

Робин встал. Улыбаясь — милосердная Нами, та улыбка. Такая знакомая. Но это была и улыбка чужака, ставшая глубже от морщин и углов, которых не было у Робина из ее воспоминаний.

— *Посмотри на себя*, — сказал он, и его линдиш потянул за давно забытое чувство в ее груди. — *Ты стала леди*.

Мисаки издала слабый смешок. Ее выцветшее кимоно, одно из трех, что у нее остались, было выстирано столько раз, что стало протираться. Между отстройкой и обычной работой по дому она перестала следить за волосами. Она еще никогда в жизни не была так далека от облика леди.

— *И посмотри на себя*, — ответила она, окинув взглядом черно-красное кимоно и тканевый сверток на его спине. — *Разве ты не выглядишь броско?*

— *Умолкни*.

Она шутила, но Робин умел выглядеть идеально в любой одежде, с кем бы ни встречался. Его желание изменить облик было частью его открытости. Если Робин садился с человеком, тот всегда чувствовал, словно знал Робина давно. Как сирота, он научился заводить семью всюду, куда приходил.

Зная, что она грубо разглядывает его одежду, Мисаки заставила себя поднять взгляд на его лицо, на открытую улыбку. Это все еще было как видеть призрака — он был как призрак, ведь она смирилась, что больше никогда его не увидит.

Часть нее хотела отпрянуть. Равная по силе часть нее хотела подбежать к нему. Пойманная между ними, она пошатнулась, поджала пальцы ног на пороге. Она не могла коснуться его. Они оба знали это. Даже похлопывание по плечу было бы неприличным. А если она коснется его кожи... она не выдержит.

Изумо нарушил тишину растерянным бормотанием, и Робин улыбнулся ребёнку.

— *Я видел двух твоих старших сыновей, когда пришёл. Кто это?*

— *О*, — Мисаки выдохнула, радуясь прогнать напряжение. — *Это Изумо*, — она отвязала ткань, повернула малыша, чтобы он был лицом к Робину, и опустил его на ноги. — *Он...* — она с любовью закатила глаза, когда Изумо спрятался за нее и обхватил руками ее

колено. — *Он стесняется чужаков.*

Она была почти рада, что маленькое тело Изумо прижалось к ее ноге. Он не давал ей шататься. Она так старалась не упасть, что не поняла, что сверток на спине Робина стал двигаться, пока не появилась коричневая ручка. Ладонь сжала плечо Робина, а потом появилась голова спутанных волос с угольно-черными глазами.

У него тоже был ребенок.

Мальчик явно был сыном Робина. У них были одинаковые глаза, волосы и кожа, хотя у ребенка она была чуть темнее, чем у Робина, но она тоже сияла огнем. Робин улыбнулся, когда сонный малыш протер глаза.

— *Даниэль,* — сказал он, — *это тетя Мисаки.*

— *Что...* — голос Мисаки стал необычно высоким, с придыханием. — *Это... когда это случилось?*

— *Это долгая история,* — сказал Робин.

Мисаки не могла коснуться Робина, но...

— *Можно?* — она вытянула руки.

— *Конечно,* — Робин снял ткань со спины с грацией кайгенской домохозяйки. — *Должен предупредить,* — сказал он, прислоняя мальчика к своему плечу, сворачивая голубую ткань в горошек. — *Он в возрасте, когда он может вдруг взорваться.*

— *Точно,* — Мисаки вспомнила это о детях-таджакх.

— *Можешь его бросить, если он станет горячим.*

— *Что?*

— *Это делает Эллин. Он обычно приземляется на ноги.*

Мисаки рассмеялась, взяла сына Робина. Манящий до боли запах дыма и пряностей кутал ее, а тепло мальчика наполнило ее руки.

— *Здравствуй, Даниэль,* — сказала она, говоря тихо, чтобы скрыть эмоции, вдруг охватившие ее.

— *Я — Даниэль,* — сказал бодро маленький таджакх.

— *Это я слышала.*

— *Теперь ты можешь сказать «Как тебя зовут?»*, — предложил мягко Робин.

Но Даниэль хватил шпильку Мисаки и сказал:

— *Что это?*

— *Это моя шпилька,* — Мисаки потянулась за голову и убрала его ручку от украшения. — *Лучше не трогай. Она острая.*

— *Что такое острое?*

— *Nikeela,* — перевел Робин на язык, которого Мисаки не знала. — *От этого может быть больно. Ай.*

— *Ай,* — Даниэль радостно повторил и сунул палец в рот.

— *Твоя ньяма как у твоего папы,* — отметила невольно Мисаки.

— *Это мой папа,* — Даниэль вытащил палец изо рта и указал на Робина.

— *Знаю,* — Мисаки рассмеялась.

— *Я — Даниэль.*

— *Да, ты говорил. Интересное имя,* — не дисанка. Она взглянула на Робина. — *Откуда оно?*

Улыбка Робина не пропала, но стала менее яркой.

— *Его мать выбрала его.*

— О, — Мисаки сделала паузу. — И, кхм... его мать?

— Мертва.

— О, Робин, я... прости, я не знала...

— Я не знал, что тут случилось, пока твоя старая соседка по комнате, Гуан Я-ли, не нашла меня и не предложила мне проверить тебя. Согласись, нам нужно лучше поддерживать связь.

— Да, — Мисаки пыталась улыбнуться, но было тяжело. — Я... — она пыталась придумать, что сказать. — Я, кхм... — Даниэль поймал ее за челку, попытался забраться на ее плечи. — Ты любишь лазать? — она захихикала, а Робин упрекнул сына на языке, который она не узнала.

— Я хорошо лазаю, — сказал ей Даниэль.

— Мой Мамору был таким же в твоём возрасте.

— Я слышал о твоём первом сыне, — сказал Робин. — Мне очень жаль. Я хотел бы прибыть вовремя... хотел бы встретить его.

— О, я не знаю, было бы это хорошей идеей, — сказала Мисаки, подавляя бурю эмоций смешком. — Вы оба были опасно похожими. Ты мог бы втянуть его в разные проблемы, — она снова поняла, что не могла смотреть в глаза Робина. — Так, кхм... — она склонилась и опустила Даниэля на ноги. — Тебе показали дом?

— Ещё нет.

— Отлично, — сказала Мисаки. — Я покажу, — она повернулась, чтобы увести Робина из комнаты, но в рассеянном состоянии чуть не споткнулась об Изумо, который подвинулся и впился в ее кимоно с другой стороны. — Ара...! — воскликнула она, схватившись за раму двери. — Изу-кун! Что ты делаешь?

Изумо отпрянул от Даниэля, который пытался сказать «привет».

— Я — Даниэль, — сказал маленький таджак на линдиш, который Изумо, конечно, не понимал. — Хочешь поиграть со мной?

Изумо уткнулся лицом в ногу Мисаки, подавляя испуганный звук.

— Вряд ли Изумо хочет играть, Даниэль, — сказал Робин, поймав Даниэля за кимоно двумя пальцами и оттягивая сына на пару шагов. — Оставь его пока в покое.

— Почему? — спросил Даниэль, пока Мисаки отцепляла Изумо от ноги.

— Потому что он не хочет играть.

— Почему?

— Не знаю. Это его дело. Может, мы попросим его позже.

Изумо не отпустил ногу матери, пока Робин не поднял Даниэля на свои плечи. Когда он убедился, что ужасно дружелюбный мальчик не мог до него достать, он отцепился и сжал палец Мисаки.

— Следи за головой, — предупредил Робин Даниэля, пригнувшись, выходя из гостиной, чтобы пройти за Мисаки в коридор.

— За твоей головой, — сказал Даниэль, словно это что-то означало.

— Нет, за твоей, — сказал Робин. — *Kisee bhee cheez par arana sir mat maaro.* Не ударься головой.

— Ударься головой! Ударься головой! — радостно скандировал Даниэль, шлепая ладонью по голове Робина, как по барабану.

Мисаки рассмеялась и поняла, как была благодарна, что Даниэль был тут. То, что у Робина был ребенок — и он был тут с ее детьми — было сложно осознать, но что-то в

радостном двухлетнем делало все проще.

— *У него всегда так много энергии?* — спросила Мисаки, маленький таджак стал петь, хотя язык понять не удавалось.

Робин страдальчески осмотрел на нее, Даниэль все еще стучал по его голове.

— *Ты не представляешь.*

Она смущалась бы жалкого состояния когда-то великого дома Мацуда, но она знала, что Робин не судил человека по материальному достатку.

— *А тут додзе,* — сказала она тихо.

Она встала и тихо смотрела какое-то время, как Такеру давал указания, и его ученики отвечали, их деревянные боккены стучали. Даже Даниэль восхищённо притих, склонился над головой отца и смотрел, как джиджаки в унисон повторяли движения. Но не совсем идеально. Кван Чоль-хи все еще отставал от других тут и там, но он становился лучше.

Тридцать с чем-то учеников Такеру были разделены на пары по размеру, кроме одного, тренирующегося в одиночку. Движения Хироши были резкими и четкими, как у взрослых, но он был слишком мал, чтобы биться с мужчинами или подростками.

— *Не стоит мешать уроку,* — шепнула Мисаки и поманила Робина дальше по коридору. — *Мы сможем посмотреть лучше, когда ученики уйдут.*

Робин помедлил миг на пороге додзе, а потом пошел за ней.

— *Там был твой сын, Хироши?*

— *Да.*

— *Я думал, ему всего шесть.*

— *Так и есть.*

— *И он учится с взрослыми мужчинами?* — поразился Робин.

— *Он не обычный ребенок.*

Их последняя остановка была у части, которую новые ученики Котецу начали строить рядом с домом Мацуда. Нуму устроили перерыв, но Мисаки была рада видеть, что они начали внешнюю стену.

— *А что это?* — спросил Робин, глядя на структуру.

— *Это,* — Мисаки коснулась балки, — *будет мой ресторан.*

— *Что?*

— *Я открываю ресторан.*

Такеру был против идеи, что его жена будет работать, как простолюдника, но она отметила, что могла нанять других жителей деревни, и они составили бизнес-план, после чего он сдался. Оказалось, что даже гордость Такеру не могла подавить его расчёты.

После рекомендации губернатора Ло Такеру стался мэром Такаюби. Со скромной зарплатой от правительства и доходом от учеников он держал семью наплаву последние месяцы, но этого было мало. Если они хотели содержать дом и создать хорошее будущее для мальчиков и Аюми, им нужно было больше.

Робин огляделся, широко улыбаясь. Мужчины Широждимы так не улыбались.

— *Мисаки, это фантастика!*

— *Думаешь, это глупая идея?*

— *Это поразительная идея! Хотя место маловатое.*

— *О чем ты?*

— *Когда провинция попробует твою еду, думаешь, пяти-шести столов хватит, чтобы уместить всех посетителей?*

Мисаки скрестила руки, не смогла сдержать улыбку.

— *Думаю, ты не помнишь, как я готовлю.*

— *Нет,* — уверенно сказал Робин. — *Я помню. Откуда эта идея?*

— *После бури Такеру поставил меня распределять еду. Я поняла, что не только могу хорошо готовить еду для многих, но и могу распределять ее хорошо и управлять кухней. Мы с Сецуко скучаем без наших девочек. Мы решили, что стоит нескольких нанять и помочь им работой.*

— *Pita! Pita!* — сказал Даниэль, шлепая отца по голове.

— *Ай. Что такое, Даниэль?* — спросил Робин.

— *Лети!*

— *Ладно,* — Робин сжал красное кимоно Даниэля, бросил его через открытую крышу высоко в воздух. Крохотный таджак весело завизжал, а Мисаки вскрикнула в тревоге. Она забыла, какими хорошими были рефлексы Робина. Он поймал мальчика за лодыжку на пути вниз. — *Что теперь, малыш?* — спросил он, пока его свисающий сын хихикал. — *Вверх? Вниз?*

— *Вниз!*

— *Понял,* — Робин опустил Даниэля на пол и отпустил его лодыжку.

Мисаки смотрела, как малыш сделал пару шагов на руках, а потом спрыгнул на ноги и продолжил идти.

— *Не убегай далеко,* — сказал Робин.

Даниэль посмотрел на него, растерявшись. Робин опустился на колени и поменял язык:

— *Bahut door bhaago mat, ладно?*

— *Ладно, Pita.*

Мисаки поняла, что красивый язык, на котором говорили Робин и Даниэль, был дисанинке — язык, который Робин не использовал с тех пор, как убежал со своей родины ребенком. Хоть он почти всю жизнь провел в маленькой Карите, где говорили на линдиш и ямманинке, Робин растил Даниэля со знанием языка его матери. Это не было практично, но было мило.

— *Это выглядит отлично, Мисаки,* — сказал Робин, когда Даниэль пошел проверить пространство. — *Ты знаешь, что я готов помочь, чем могу.*

— *Я попрошу нуму дать тебе работу.*

— *Я имел в виду...*

— *Я знаю,* — перебила его Мисаки. — *Это мило с твоей стороны, но не нужно. Это не обсуждается. У дома Мацууда есть гордость.*

— *Это было бы не пожертвованием,* — сказал Робин. — *Я могу вложить...*

Мисаки покачала головой.

— *Мы будем в порядке.*

Мисаки не упустила иронию ситуации. Когда она и Робин встретились, она была из богатой семьи, а у него ничего не было...

— *Робин?*

— *Хм?*

— *Мне нужно тебе кое-что сказать,* — это зудело в ее разуме с тех пор, как она увидела его в гостинной.

Его улыбка потускнела. Он явно узнал напряжение в ее голосе и приготовился.

— *Прости...*

— *Не надо,* — его голос стал сдавленным. — *Мисаки, прошу. Не извиняйся.*

— *Не за то,* — даже она была не так жестока, чтобы это упомянуть. — *Или... не только за то. Это куда сложнее. Мне нужно извиниться, что я... ворвалась в твою жизнь.*

— *Что?* — Робин искреннее удивился. — *О чем ты говоришь?*

— *Когда мы были младше, я прибыла в твою страну, не понимая, что ты, Эллин или кто-то в Карите пережил, и я была груба.*

— *Не думаю, что ты была такой.*

— *Но я была,* — печально сказала Мисаки. — *Я была богатой эгоисткой, не понимающей, что ты пытался сделать, и почему это было важно. Я использовала тебя и твою работу, чтобы утолить жажду опасности, и это было неправильно. Я мерзкая.*

— *Я бы не назвал тебя такой,* — сказал он, сострадания было больше, чем она заслуживала. — *Может, перегибала.*

— *Как ты можешь так говорить? Я относилась к жизням твоих людей ниже, чем к своей. Я видела их страдания и просто... мне было все равно. Я так холодна, что это было не важно, пока я... пока мой дом, соседи, мой... —* она сжала губы и опустила ладонь на голову Изумо, притянув мальчика к своей ноге.

— *Твой сын?* — мягко сказал Робин.

— *Я часто думаю о нем, думаю о телах, которые бросал Каллейсо... сыновьях и дочерях людей. Я не признавала это, —* она была не лучше полковника Сонга и его солдат, которые презирали павших воинов Такаюби, считая их потерянными фигурами игры. — *Так что мне нужно извиниться. Прости, что относилась к твоей жизни как к игре.*

— *Я не злился на тебя за это, Мисаки.*

— *Как?* — поразилась она. — *Как ты можешь все прощать?*

— *Ты не могла понять. Это не понять, пока не испытал сам. Я это знаю.*

— *Это не делает это правильным.*

— *Нет, но таковы люди. Я знал, как только начал формировать идею Жар-птицы, что никто не поймет. Это было не важно. Я должен был сделать это. Тебе хватило веры идти за мной в опасность, даже не понимая, почему. Я всегда буду благодарен за это.*

— *Ты знаешь, что это была не только вера,* — тихо сказала Мисаки.

— *Я все равно польщен.*

Они не могли сказать больше о том, что между ними было, чем они были.

— *Мисаки, пока мы извиняемся. Прост, что я не... —* конечно, Робин не мог это сказать. Он не мог сказать, что должен был забрать ее. Он вздохнул. — *Для того, чья работа — помогать людям, порой... я могу быть очень плохим в понимании, как лучше поступить. Прости, если я тебя подвел.*

Мисаки не знала, что сказать. Она не могла повторять то, что сказала Робину в их прошлую встречу — что она не хотела его, что он был ниже, чем она, что он не так понял их отношения. Она не могла быть с нами такой жестокой еще раз, особенно, когда это не было правдой. И разве не было так же жестоко сказать ему правду? Что она хотела его больше, чем следующий вдох, что она отдала бы все, чтобы он забрал ее, что она сдерживала агонию годами? Вместо этого она молчала.

— *Даниэль,* — сказал Робин, заметив, что его сын полез на балку. — *Думаю, оттуда лучше слезть.*

— *Наверх,* — сказал Даниэль с хитрой улыбкой и продолжил подниматься.

— *Вниз,* — сказал твердо Робин и пересёк расстояние, чтобы снять упрямого малыша с

балки.

— *Он уже лазает лучше тебя,* — сказала впечатлено Мисаки. Ее мальчики не могли так карабкаться, даже Мамору, который любил лазать.

— *Да,* — сказал Робин, опуская Даниэля на ноги и пытаясь увести его от балок. — *Он получил это от мамы.*

Мисаки поджала губы, потом попыталась улыбнуться.

— *Это должно пригодиться, когда он будет бегать за тобой по крышам Ливингстона.*

— *Наверное,* — горечь проникла в голос Робина.

— *Что значит «наверное»?*

— *Не будем притворяться, что способность прыгать по крышам — гарантия выживания.*

Впервые в их разговоре Мисаки показалось, что она говорила с незнакомцем.

— *Эй,* — сказала она в смятении. — *Что случилось с бесстрашным оптимистом, которого я знала?*

Робин пожал плечами.

— *Он вырос.*

Что-то в его тоне — поражение в голосе — сотрясло ее.

— *Робин... Что с тобой случилось?*

Он покачал головой.

— *Это долгая история. Долгая и печальная. А тебе уже хватило печали за время, пока я тебя не видел.*

— *Эй,* — Мисаки была удивлена ярости в ее голосе. — *Все было не так плохо.*

Робин приподнял брови, и она вскинула голову.

— *Прости, но ты видел этого мальчика?* — Мисаки взяла лицо Изумо двумя пальцами. — *Видишь, какой он милый?*

Робин улыбнулся, но это не затронуло его глаза.

Вздыхнув, Мисаки погладила волосы Изумо и сказала серьезнее:

— *Ужасное случилось, да. Меня ненавидел свекор, у меня было два выкидыша, моя близкая подруга убила себя, и я потеряла первого сына,* — она смотрела Робину в глаза, не дрогнув. — *Но я научилась у Жар-птицы, что трагедия не определяет человека, не отменяет все хорошее в жизни. У меня было четыре чудесных ребенка, которых я люблю. У меня остались еще трое, и после этих лет оказалось, что у меня хороший муж,* — Мисаки не думала, что скажет это, еще и Робину Тундиилу. — *Я знаю, тебе это кажется невероятным...*

— *Я верю в это.*

— *Полагаю, ты надеялся,* — казала Мисаки, — *что если ты прибыл сюда издалека, он даст тебе увидеть меня.*

— *Нет,* — сказал Робин.

— *О чем ты?*

— *Он пригласил меня.*

— *Что?*

— *Он сказал, что мы хотели бы пообщаться, раз мы теперь оба родители, и он был бы благодарен, если бы я смог найти время увидеть тебя. Он сказал, что был какой-то случай после ранг... — он спохватился. — После бури.*

— *Да,* — сказала Мисаки. — *Это было странно. На нас напал убийца-литтиги.*

Робин побледнел. Она еще не видела, чтобы сияние покидало его кожу, оставляя его пепельным.

— Литтиги?

— Я думала, мой муж обсудил это с тобой.

— Он сказал, что хотел посоветоваться о «случае» после «бури», и что его ямманинке слишком ограничен, чтобы уточнить. Он хотел, чтобы я прибыл и обсудил это прямо с тобой.

— Ясно, — Такеру не просто так позвал Робина. Ясное дело, причина была. Он был Такеру. — Давай поговорим.

Мисаки отвела Робина в гостиную, где они сели у стола. Он попросил ее описать убийцу три раза. На третий раз он вытащил из сумки блокнот и начал рисовать.

— Ты сказала, татуировки были в узоре, какой ты раньше не видела? — сказал Робин, его огнеручка быстро скребла по кайири. — Опиши их ещё раз. Как именно они выглядели?

— Не знаю, — Мисаки пожала плечами. — Завитки. Не углы, как в узорах Яммы, но и не изгибы, как в искусстве Кайгена. Они были... круглее. Не знаю. Я не художник.

— Вот так? — Робин поднял рисунок.

— Да, — удивленно сказала Мисаки. — Вряд ли я смогла бы так хорошо их нарисовать, но да, так они выглядели.

— Уверена?

— Уверена.

— И он был в сером плаще с капюшоном?

— Да. Я сказала это три раза.

— Боги...

— Что такое, Робин? Что это значит?

— Это может означать, что мои безумные страхи не безумны. Все связано. Он стоит за всем этим.

— Кто?

— У него разные имена. Я все еще пытаюсь отыскать настоящее, — он отвернулся к Мисаки. — Литтиги, напавший на тебя... В то время как он был тут, не происходили странности? Дети не пропадали? Сироты?

— Да, — удивленно сказала Мисаки. — Девочка. Откуда ты знал?

— Его серые плащи предпочитают такую охоту, — Робин скривился, — в месте, полном сильных теонитов, но отдаленное от современного общества. Он лезет в зоны боевых действий, где может найти сильных сирот, бродящих без защиты.

— погоди, этот мужчина посылает серые плащи, — сказала Мисаки. — Он — тот, кого ты встречал, когда ты и Ракеш были в Дисе?

— Как-то так.

— Ладно. Хорошо, что ты не перестал быть загадочным и раздражающим.

— Я не пытаюсь быть загадочным. Я просто... я не знаю, с кем именно мы имеем дело. Я знаю, что он планирует построить себе армию.

— Армию?

— Да, — казал Робин, — или то, что будет армией через примерно тринадцать лет.

— Он не просто собирает солдат. Он их вырастит, — Мисаки не могла придумать что-то ужаснее.

Робин кивнул.

— Потому он берет только детей, и не старше шести лет.

— Он похищает юных джиджак, чтобы вырастить их как свою армию.

— Не только джиджак, — сказал Робин. — Дети теонитов и суб-теонитов пропадали из зон боевых действий, трущоб и деревушек в Хейдесе, Дисе, на островах Тайян и, наверное, еще во многих местах. Как я и сказал, серые плащи нападают на места, которые не защищены правительством.

— Боги! — эта загадочная армия, когда вырастет, будет с разными силами? Если это правильно применить, эта сила может стать самой опасной в мире.

— Сходство между детьми только то, что их сила выше средней, — сказал Робин. — Думаю, пропавшая девочка была сильной для своего возраста.

— Да, — сказала Мисаки.

Если подумать, Гинкава Юкими была идеальным кандидатом для ужаса, который описал Робин. Если кто-то слышал бомбу литтиги, если нужно было быстро схватить ребенка, чтобы его пропажу не заметили, она была подходящим выбором. Она была меньше других сирот, ее было легко схватить, но кровь двух сильных кланов текла в ее венах.

— Насколько я понял, они пытаются собрать многообещающих детей, украв их незаметно, — сказал Робин. — Слава Богам, что он не забрали твоих сыновей или племяннику. Уверен, они бы им понравились. Может, потому литтиги пытался убить тебя и твоего мужа.

— Правда? — сказала Мисаки в ужасе.

— Или так, или они пытались вызвать смятение в обществе. Чем больше хаоса могут создать серые плащи, тем проще им забрать детей и не попасться. Они пропадают, как только кто-то приближается к тому, чтобы найти их.

— Но ты собираешься их остановить, — сказала Мисаки. — Ты спасешь этих детей?

Робин отвел взгляд, посмотрел на пол, выглядя старше и меньше, чем когда-либо.

— Вряд ли я могу.

— Что? — кто стоял за серыми плащами? Что он сделал с Робинотом Тундиилом? — О чем ты?

— Ты не понимаешь, Мисаки. Этот мужчина сильнее меня... и всех нас. В этом мире есть теониты куда сильнее всего, что мы с тобой могли представить, когда были в Рассвете.

— Я знаю это, Робин, — возмутилась Мисаки. — Я видела недавно, как группа фоньяк сделала торнадо, который сдул деревни.

— Да, — сказал Робин. — Теперь представь, что это делает не группа, а один человек.

— Что? Робин, это звучит невозможно.

— Так и должно быть.

— Так ты даже не попытаешься становить этого человека?

— Я пытался, — сказал Робин со вспышкой гнева, — и теперь у Даниэля нет матери.

Мисаки притихла от этого.

— Робин, мне... — она начала извиняться, но он опередил ее:

— Прости, я не хотел срываться на тебе. Просто... я немного растерян. Так много информации, которая не стыкуется. Я бы хотел обсудить это с тобой и твоим мужем.

Мисаки кивнула.

— Я узнаю у него, есть ли у него время. Надеюсь, мы сможем помочь.

— И я надеюсь, — мрачно сказал Робин. — Это уже хорошо, — он указал между

ними. — Приятно обмениваться идеями.

— У тебя много людей дома, кто так может. Фирма Тундишл все еще нанимает профессиональных джасели, из-за чего вы с Ракешем так радовались?

— Да.

— С джасели можно обмениваться идеями. Почему ты не поговорил с ним?

— Я не видел его четыре года.

— Что?

— Мисаки, я не был в Карите. Мы с Эллин были в Хейдесе три года, с 66 до 69.

— О, — Мисаки всегда знала, что Эллин хотела вернуться на родину, истерзанную войной, узнать, могла ли она помочь своему народу. Робин говорил, что мог отправиться с ней, но Мисаки не думала, что он это сделает. Жар-птица принадлежала Ливингстону. Он не бросил бы город без защиты. — Три года? — потрясённо сказала она.

— Это не должно было затянуться. Все быстро усложнилось, а потом... — он вздохнул. — Я сказал, это долгая история. Но, когда мы потеряли мать Даниэля, мы с Эллин убежали из страны с детьми.

— Что?! — воскликнула Мисаки. — У Эллин тоже есть дети?

— Да. Я не упоминал? У нее двойняшки, мальчик и девочка.

— Что... но ... от кого? — Мисаки было тяжело представить кого-то достаточно храброго, чтобы завоевать грозную Эллин, а она вышла за Мацуду Такеру.

— Его зовут Утэр, — сказал Робин, — единственный литтиги из всех, кого мы видели, кто не уступает Эллин. К сожалению, нам пришлось оставить его, когда Джаму Куранките забрали нас из страны. Он был вовлечен в активность мятежников. Даже Джамуттаана не смогла бы забрать его через границу.

— Так ты и Эллин провели время в Хейдесе и завели детей, — сказала Мисаки. — А Коли? Как он?

— О, Коли отправился в Хейдес с нами.

— Что? — это поражало больше новости о детях Эллин. — Это на него не похоже! — Хейдес был самой опасной страной в мире для путешественников. Зачем нуму так рисковать, особенно тому, кто ценил голову и пальцы, а время проводил в своей высокотехнологичной мастерской?

— Знаю, это кажется странным, — сказал Робин. — Он стал беспокойным и импульсивным после того, как родители отреклись от него.

— Постой... после чего? — воскликнула Мисаки, не зная, могла ли принять еще больше поражающих новостей о своих одноклассниках. Курума отказались от Коли? В этом не было смысла. Он всегда был любимым избалованным сыном своих родителей, гением, из-за ума которого остальные дети были жалкими. — Что он сделал?

— Женился, — сказал Робин. — Его родители не одобрили его выбор.

— Почему? — спросила Мисаки, ее глаза расширились от любопытства. — Что с ней было не так? — что за женщина могла заставить величайшую семью нуму в Ямме отказаться от своего многообещающего наследника? — Она была джасели? Коро? Адин?

— Нет, нет, — Робин улыбнулся. — Не это. Он женился на милом успешном нуму по имени Ньеру Думбая.

— Ньеру? Разве... это не мужское имя?

— Это его родителям и не понравилось.

Мисаки охнула, зажав рот руками.

— Нет!

— Ты не знала, что Коли был геем? — удивился Робин.

— Нет! — сказала Мисаки. — Ты знал?

— Конечно.

— С каких пор?

— Не знаю, — Робин пожал плечами. — Со второго года, наверное. Удивлен, что он не сказал тебе об этом. Вы много говорили всегда.

— Об оружии, не парнях! — голос Мисаки был пронзительным. — О, Боги! Так его родители отказались от него, потому что он выбрал мужчину?

— К сожалению, да.

Мисаки видела в этом смысл. Выдающаяся семья нуму в сердце Яммы не могла отреагировать иначе.

— Он делал вид, что это его не беспокоило, — задумчиво сказал Робин. — Он странный, но ему было сложно не переживать. Это же были его родители. Думаю, ты поймешь это лучше меня... — Робин кашлянул, явно жалея, что начал это предложение.

— Да...

Мисаки удивило, что Коли был смелым, где она не смогла, но выбрать мужчину? Это не просто отрезало его от родителей. Это отрезало его от клана, религии и всего общества. Ямманка Фаллея была глубоко связана с родословными и рождением, как Рюхон Фаллея в Широждиме. Коли никогда не будут рады среди его народа.

— Он унаследовал бы компанию родителей, — сказала Мисаки, странная боль поднималась в ее горле. — Он мог изменить мир.

Робин рассмеялся.

— Думаю, Коли не был бы рад намеку, что ему нужна компания родителей или одобрение, чтобы изменить мир.

— Ты прав, — Мисаки улыбнулась. — Это были глупые слова. Но все же...

Когда Мисаки подумывала убежать с Робинем, она рисковала потерять свою семью и народ Широждимы. Коли отдал наследие во много миллиардов, управление над одной из самых больших компаний Яммы, семью, друзей, сеть мастеров, даже религию... От одной мысли она поежилась.

— Они очень любят друг друга, — сказал Робин.

— И этого достаточно? — задумалась Мисаки.

— В том и вопрос, да?

Несмотря на сожаления, окружающие Робина, она знала, что не могла отрезать себя от корней полностью. Ее сила была с этим народом. Ее кровь была из океана Широждима. Она испытала странный момент ясности, впервые в жизни восхищалась свободой Коли издалека, не завидуя. Он был Коли. Она была Мисаки, и она недавно стала довольствоваться этим.

— Я понимаю, почему он мог хотеть уйти от всего после этого, — сказала Мисаки.

— Но оказалось, что ему не стоило ехать в Хейдес с нами, — сказал Робин. — Ведь мы его потеряли.

— Что? — воскликнула Мисаки так громко, что Изумо вздрогнул у ее бедра, и Сецуко заглянуло в комнату, проверяя, в порядке ли все.

— О, он не мертв, — быстро сказал Робин. — Мы общались с ним с тех пор, как он пропал, убеждаясь, что он в порядке. Конечно, мы искали в посланиях и шифр, говорящий, что его нужно спасти. В последнем письме было скрытое послание, основанное на нашем

старом коде, когда мы бились с преступниками. Там говорилось: «Да в порядке я, идиоты. Оставьте меня в покое».

Мисаки улыбнулась.

— *Это звучит как он. Лучше его не трогать.*

— *Так мы с Эллин и подумали,* — сказал Робин. *Исчезнуть в чужой стране не было самым странным, что делал Коли.* — *Поразительно, но его муж не очень нам рад.*

— *Так вы втроем нашли себе супругов, пока меня не было?* — отметила Мисаки, качая Изумо.

Она не была удивлена, что Робин нашел кого-то, но не представляла двух других членов их маленькой группы в романтических отношениях. Коли был всегда так увлечен работой, что она не думала, что он нашел бы время на девушку или парня, в его случае.

— *Забавно то,* — сказал Робин, — *что никто из нас не состоит технически в браке.*

— *О чем ты?*

— *В случае Коли и Ньеру — это незаконно. Они провели церемонии, но их союз не признает Ямма или Карита. Эллин с Утэром была в такое хаотичное время, что до официального брака они не дошли.*

— *А мама Даниэля?*

Он вздохнул.

— *Говорить, что мы были женаты, проще, вызывает меньше вопросов. Это была местная церемония в деревне, где мы тогда прятались. Я не понимал половины слов. Я не знаю, законная ли это связь,* — он покачал головой, словно пытался прогнать воспоминания. — *Но я должен сказать... приятно оказаться тут и увидеть, что ты ладить с мужем.*

— *Мне жаль,* — сказала Мисаки. — *Мне жаль, что у тебя не было шанса.*

Робин издал жалкое подобие обычного смеха.

— *Я говорю так, словно у меня были планы на жизнь с матерью Даниэля, но вряд ли с ней были шансы. Она была... непростой, не из тех, кто осел бы и завел семью.*

— *Ясно,* — ощущая боль в Робине, Мисаки попыталась поменять тему. — *Так ты оставил Хейдес в прошлом году. Где ты был с тех пор?*

Робин пожал плечами.

— *Всюду.*

Он попытался объяснить, говоря кратко о том, что сбрасывал людей со следа, расследовал что-то в Ямме, Дисе, на островах Тайянь. Было ясно, что он бродил с тех пор, как Даниэль родился, как птица, которая столкнулась с опасным хищником на земле и теперь не хотела нигде опускаться. Он боялся.

— *Мне не по себе,* — сказал он. — *Твой муж пытался связаться со мной какое-то время, пока я не получил его послание. Наверное, он отправил не одно...*

— *Робин, тебе нужно домой,* — сказала Мисаки.

— *Правда?* — Робин приподнял брови. — *Я пришел сюда, ожидая, что меня выгонят, но не ты.*

— *Не веди себя так,* — рявкнула Мисаки строже, чем хотела. — *Я не говорю, чтобы ты уходил сейчас. Тебе всегда тут рады, и ты можешь оставаться, сколько хочешь, но это не твой дом. Ливингстон — твой дом.*

— *Технически, Диса — моя родина.*

— *Но ты сделал новый дом, стал целым в Ливингстоне, как я обрела новый дом тут.*

— *И ты целая?* — в вопросе не было презрения или вызова, только тревога.

— *Да,* — сказала Мисаки, и это было правдой. Впервые с момента, когда она посмотрела в глаза Робина, она сказала правду. — *Я целая.*

Она узнала, что целостность была не в отсутствии боли, а в способности справляться с ней.

— *Ливингстон сделал тебя собой. Ты не будешь больше собой, чем ты на тех улицах. Я не знаю, почему ты бегаешь по всему миру, будто ждешь, что найдешь силы где-то еще.*

— *Наверное, ты права,* — он вздохнул. — *Я не должен был уезжать в Хейдес. В месте, которому ты не принадлежишь, много добра не найти.*

— *Давай так,* — сказала Мисаки, — *я поговорю с мужем, и мы позволим тебе задать все вопросы за один раз.*

— *Да?*

— *А когда это будет закончено, ты отправишься домой в Ливингстон и возьмешь себя в руки.*

Робин кивнул без слов. Они молчали какое-то время. Изумо уснул на коленях Мисаки.

— *Хочешь рассказать о ней?* — слова было произнести проще, чем Мисаки думала.

— *Хотел бы я мочь.*

— *О чем ты?*

— *Хотел бы я иметь сотню историй о ней,* — голос Робина был тихим и далеким. — *Но я едва ее знал. Я собирался ее узнать. Я хотел...*

— *И что случилось?* — спросила Мисаки. — *Она была чем-то больна?*

— *Нет. Она умерла смертью коро.*

Мисаки выдохнула.

— *Проклятие, Робин.*

— *Что?*

— *Просто я... все эти годы меня редкое утешало. Я смотрела туда,* — она кивнула на горизонт, видимый за открытой дверью гостиной. — *На солнце. И представляла, что где-то ты счастлив. Что у тебя получилось. Ты нашел девушку, которая была нежной с твоим сердцем, но достаточно крепкой, чтобы выдержат все, что ты задумал, и что у тебя появилась семья, которой ты всегда хотел.*

— *О,* — Робин был тронут, а потом изумленно улыбнулся Мисаки. — *Это предположение не было разумным.*

— *Но это меня радовало.*

Робин издал смешок.

— *О, Мисаки, что случилось с моим другом, жестоким циником?*

Мисаки упрямо подняла голову.

— *Она выросла.*

— *Ха-ха. Я понял, что ты сделала.*

— Мисаки! — позвала Сецуко из коридора и появилась на пороге гостиной. — Эй, простите, что мешаю, но ты можешь помочь с ужином? Я бы сделала сама, но мы не одни, и я не хочу, чтобы еда была ужасной.

— Конечно, — Мисаки подвинула Изумо, извинилась и встала.

Она покидала гостиную, Даниэль пронесся мимо, и она поймал его за красное кимоно.

— *Даниэль,* — шепнула она, склонившись ближе. — *У меня для тебя важная работа.*

— *Что?*

— Обними своего папу.

Даниэль растерялся на миг, но прошел и обвил руками плечи Робина.

* * *

Мисаки прошла той ночью в спальню, желая спросить Такеру, чем он думал, приглашая Робина в их дом. Конечно, его там не было. Обучение в додзе означало, что он передвигал бумажную работу на ночь. Мисаки не помнила, когда в последний раз он ложился спать раньше, чем она.

Он точно был в кабинете, работал. Зная, что лучше не мешать, она решила подождать его и поговорить. Притянув лампу ближе, она стала шить, чтобы не уснуть. Не сработало. Вскоре она ощутила, как прохладные руки забрали иглу и нить из ее пальцев, отложили их и потушили лампу. Наступила тьма, знакомая прохлада укрыла ее, как одеяло из снега. Когда она проснулась на рассвете, Такеру спал рядом с ней.

Пение птиц звенело в тумане снаружи, она встала на колени и посмотрела на спящего мужа. Такеру был умным, но он казался слепым, когда дело касалось человеческих эмоций. Он не знал, что она чувствовала к Робину? Она опустила ладонь на его ровно бьющееся сердце, решила, что он должен был знать. Он видел, как они с Робинотом смотрели друг на друга в тот день шестнадцать лет назад, и он не был глупым.

Она подумала о том жуком моменте, когда он опустил Шепчущий Клинок, открывая шею. Что это было? Проверка?

— Что ты делаешь, любимый? — прошептала она в утренней тишине.

Ее муж крепко спал и не ответил.

* * *

Такеру был занят додзе и административной работой три дня. Робин почти все время пытался помочь нуму со строительством. Будучи коро, он плохо умел использовать тайю для сварки, и мешал языковой барьер. Когда он ощущал, что мешался, он уходил к Мисаки и Сецуко, спрашивал о домашней работе, с которой мог помочь, что забавляло Сецуко.

— Я — родитель-одиночка, — сказал он, когда Мисаки дала ему нарезать зеленый лук, и Сецуко стала смеяться. — И если Даниэль как я, он будет бездонной ямой, когда вырастет. Мне нужно научиться готовить.

Мисаки перевела это для Сецуко, и она засмеялась сильнее.

— Карэ иппай канэ га ару джанай ка?

— Что она сказала сейчас?

— Разве ты не супер богатый? — перевела Мисаки.

— Богатым нельзя готовить?

— Богатые мужчины не готовят.

— Он даже не знает, как держать нож! — Сецуко рассмеялась.

— Не переживай из-за Сецуко, — сказала Мисаки. — Твоя еда не может быть хуже, чем ее.

Когда они смешали овощи, яйца, муку и мясо, Сецуко все еще качала головой.

— Я не думала, что увижу, как аристократ готовит.

— Ты многое упускала, — Мисаки налила смесь на сковороду. — Смотри, — она вручил сковороду Робину, тот прижал ладонь снизу и стал осторожно готовить оконотомияки.

— Что-о-о? — воскликнула Сецуко потрясенно, а потом шлепнула Робина по руке, хоть в его ладонях была горячая сковорода. — Ты должен остаться навсегда, Тундиил-сан! Мы сэкономим на газе!

Сецуко заигрывал с Робинот, и это было одной из странностей, которые Мисаки приходилось осознать. Но Сецуко заигрывала со многими, так что Мисаки решила не переживать.

— *Держи на сорока шести градусах по Кумбши,* — сказала она Робину. — *Я позову детей. Сейчас вернусь.*

Нагасе было уже четыре, он приглядывал за Даниэлем и должен был облить, если он загорится, но пока что это не понадобилось. Сейчас маленький таджак играл с Аюми в мяч.

Несмотря на опасность огня, Даниэль был радостью. Многие дети хотя бы какое-то время были настороженными в странном месте, полном чужаков, но Даниэль привык в жизни с Робинот к чужим местам и новым людям. К концу первого дня маленький таджак уже играл с Нагасой и Аюми, словно они были кузенами. Еще день, и робкий Изумо стал теплее относиться к нему, но Даниэль был таким настойчиво дружелюбным — постоянно болтал на смеси линдиш и дисанинке, которые Изумо не понимал — что Изумо сдался и выбрался из оболочки.

Только Хироши не стал относиться тепло к буйному сыну Робина. Он не говорил с Даниэлем, смотрел на него как на странного зверя, которого приходилось терпеть в доме.

— Попробуй быть с ним дружелюбным, — сказала Мисаки за завтраком. — Он — мальчик, как ты.

— Он пахнет странно, — сухо сказал Хироши, — как немытый нуму.

— Так пахнут все таджак, — сказала Мисаки. — Это просто дым.

— Станный дым, — сказал Хироши. — Он мне не нравится.

— Не нужно грубить, Хиро-кун.

Хироши нахмурился сильнее.

— Он выглядит как фоньяка.

Мисаки рассмеялась.

— Мы выглядим как фоньяки, Хиро-кун. У Даниэля темная кожа, как у таджак, прямые черные волосы, как у каритианца. В нем нет ничего от фоньяки.

— *О чем мы говорим?* — спросил Робин, услышав имя своего сына в разговоре.

— *Ничего важного,* — Мисаки отмахнулась. — *Хироши думает, что твой сын выглядит как фоньяка почему-то.*

— *О,* — Робин приподнял брови, глядя на Хироши. — *Умный мальчик.*

— *Что?*

— *Я не собирался это упоминать... по понятным причинам,* — виновато сказал он, — *но...* — он понизил голос. — *Даниэль — фоньяка на четверть. Его мать была наполовину, и у него ее нос,* — он улыбнулся Хироши, холодный мальчик шести лет не ответил тем же. — *Хорошо заметил, малыш.*

— Он мне тоже не нравится, — заявил Хироши, поняв, что Робин не мог его понять.

Улыбка Робина потускнела, пока он смотрел в глаза Хироши, но мягкость не пропала. Мисаки не успела извиниться за поведение сына сразу, только вечером удалось, когда дети ушли спать.

— *Он не очень дружелюбный, но обычно у него хорошие манеры со старшими,* — сказала она, собирая грязные палочки, сковороды и миски в кучу. — *Я не знаю, что на него нашло сегодня.*

— *Я не обиделся,* — сказал Робин, опуская кадку, которую она попросила его принести.

— *Я переживаю,* — Мисаки подвязала рукава, потянув за полоски ткани сильнее от

раздражения. — *Я не хочу вырастить вредин.*

— *Жестоко,* — сказала Робин, Мисаки открыла окно кухни и направила воду из ведра для дождевой воды в кадку. Такеру, Кван Тэ-мин и Котецу Каташи старались восстановить водопровод в Такаюби, но ручной мойщик Мацуда все еще не подходил для мытья посуды.

Когда кадка наполнилась, Робин нагрел воду одной рукой. Другой он брал тарелку по одной и опускал в кадку. Мисаки крутила воду правой рукой. Когда она ощущала, что тарелка на дне стала чистой, она доставала ее левой рукой, стряхивала воду и опускала в стопку чистой посуды.

— *Скажи, если станет слишком горячей,* — сказал Робин, пар завитками поднимался от кадки. — *Я не хочу тебя обжечь.*

— *Не льсти себе,* — фыркнула Мисаки.

В краткие моменты, когда она вытаскивала тарелку, они почти касались, ближе, чем за пятнадцать лет. Это было почти слишком близко. Мисаки переживала бы из-за румянца на щеках, но было достаточно тускло, чтобы это не было видно. И это была нормальная реакция на жар.

Когда Робин притих, она посмотрела на его лицо, заметила, что он глядел на ее предплечья. Обычно ее кимоно скрывало шрамы, но рукава были подвязаны.

— *Жутко, да?* — она ухмыльнулась, вытащив миску для риса из кадки. — *Я не выгляжу опасно?*

— *Ножки?* — спросил он, кивнув на пересекающиеся линии.

— *Веера с лезвиями,* — Мисаки подбросила миску, превратила капли воды в пар, пока она кружилась. — *Если можешь в это поверить,* — она поймала миску и поставила ее с другими. Мгновение шумела только вода, шумящая между ними.

— *Сколько он увидел?* — спросил Робин после паузы.

— *Что?*

— *Хироши. В «бурю»... он видел бой?*

— *Хуже,* — сказала Мисаки и поведала Робину, что Хироши сделал во время атаки. — *Я не понимаю его,* — утомленно призналась она. — *Не понимала с его рождения. Всех Мацуд растят как воинов, но он словно вышел из утробы, уже готовый убивать. Ты знаешь меня, я всегда была жестокой — во мне есть немного тьмы, жаждущей убивать. С Хироши... Я не знаю, что в нем. Я переживаю, что эта жестокость — всё в нем.*

— *Ты так думаешь?*

— *Как еще ребенок пяти лет мог убить мужчину?*

— *Чтобы защитить мать?* — предположил Робин своим тоном, словно было просто верить в лучшее в людях.

— *Не знаю...*

— *Ты помнишь моего брата, Ракеша?*

— *Конечно,* — близнец Робина не входил в их группу друзей, но он был на некоторых уроках Мисаки.

— *Он творил невероятное, чтобы мы выжили в Дисе, когда мы были маленькими. Вряд ли можно строго судить ребенка, когда он юный и под стрессом...*

— *Я не сказала, что винила его,* — сказала Мисаки. — *Он поступил правильно — за такое действие взрослый коро гордился бы. Просто... это пугает меня, Робин. Я невольно чувствую, что как-то подвела его.*

— *О чем ты? Уверен, ты сделала все, что могла, чтобы защитить его.*

— Я не это... то есть, конечно, я жалею о своей слабости. Какой боец не жалеет? Но это не все. Мой муж — сильный воин, но он не радуется жестокости. Не так, как я... когда я была младше. Если у Хироши есть глубоко сидящая тенденция к жестокости, он унаследовал это от меня. Я должна помочь ему совладать с этим. Но он без эмоций, далёкий, как его отец, так что я не смогла наладить с ним связь. Теперь он убил человек, и я не знаю, что делать с этим. Я смотрю на него и вижу, как тот фаньяка придавил меня... я не могла его спасти.

— Ты говорила ему, что прощаешь его? — сказал Робин. — Что все равно любишь его?

— Зачем ему мое прощение? Он защитил меня. Он — маленький Мацуда, мое прощение может его оскорбить.

— Возможно. Но ему нужно знать, что у него это есть.

— Думаешь?

— Ты знаешь, что да.

Стало тихо, Мисаки поняла, что Робин был прав. Она считала себя убийцей, но простая вера Сецуко в то, что она хорошая, вытащила ее из тьмы. У каждого, видимо, было это желание на каком-то уровне.

— Просто люби его, — казал Робин. — Это я сделал с моим братом, и он оказался в порядке... — он склонил голову, — в какой-то степени.

Мисаки издала смешок, вспомнив, как яростно близнецы Тундиил спорили обо всем, от денег и политики до техник сражения.

— Ты не можешь делать вид, что одобряешь то, каким он стал.

— Но я обязан ему жизнью, — серьёзно сказал Робин, — во всем. Он — причина, по которой я вырос... Он — причина, по которой я вырос с чистыми руками. Каким бы невыносимым он ни был, как бы мы ни ссорились, он знал, что я был благодарен ему. Я должен думать, что это помогло.

— Мы — Мацуда, — Мисаки вытащила еще тарелку. — У нас никто не вышел с чистыми руками.

— Сколько их ты убила?

— Девять к концу ночи, — она взглянула на Робина, и вода в кадке замедлилась. — Что? Никаких лекций?

— Тебе нужно было защитить семью.

Мисаки скованно кивнула. Она гадала, знал ли он, как важно для нее было услышать это от него... знать, что он не смотрел на нее свысока. Нами, он был прав, да? Прощение помогало.

— Думаю, я должен поблагодарить тебя.

— Поблагодарить? — опешила Мисаки.

— Ты всегда наставляла, что убила бы кого-то, чтобы защитить меня, и теперь я знаю, что ты не шутила. Я ценю то, что ты контролировала импульс в нашей работе в Ливингстоне. Это было сложно, учитывая, в какое положение я тебя ставил.

— Ты странный, Робин, — Мисаки стряхнула воду с рук, расправила рукава. — Я не пойму никогда, как ты прощаешь людей, с которыми ты не совпадаешь во взглядах.

— Легко, — сказал Робин. — Если бы ты, мой брат и Эллин не были такими, какие вы есть, я не выжил бы, чтобы спорить с вами.

* * *

На третий день Мисаки и Такеру нашли время, чтобы сесть и поговорить с Робинном.

Ученики Такеру ушли домой, Сецуко приглядывала за детьми во дворе, готовая потушить Даниэля, если его силы что-то подожгут.

— Тундиил-сан хочет задать нам вопросы, — объяснила Мисаки мужу, — насчет своего расследования. Ты не против?

— Он — наш гость. Конечно.

— *Давай,* — кивнула Мисаки Робину.

— *Я хочу узнать больше о силах великих домов Широждимы.*

Мисаки перевела, и если кто-то мог понять перемены в лице Такеру, то это Робин. Он уловил настороженность мужчины раньше, чем Такеру заговорил.

— *Я не хочу узнавать тайны,* — быстро сказал он. — *Я не хочу воровать информацию вашего рода или Мисаки. Мое расследование направлено на то, чтобы понять, кто уже украл эту информацию.*

Мисаки объяснила, и Такеру согласился выслушать вопросы гостя. Когда она перевела ответ мужа на линдиш, Робин достал два свертка из сумки и развернул их, в каждом был кусочек металла. Он опустил их на стол, Мисаки поняла, что это были половинки грубого лезвия топора, которое был разломлено.

— *Первая техника, о которой я хотел спросить, это Шепчущий Клинок,* — сказал Робин. — *Кто-то вне вашей семьи может создавать лед... который может резать металл?*

Мисаки знала, что ответ был «нет», но перевела для Такеру из вежливости.

— Конечно, нет, — сказал Такеру. — Какой глупый вопрос.

— *Нет,* — Мисаки не перевела вторую часть. — *Лед, рассекающий металл, только в роде Мацуда.*

— Спроси, почему он вытащил те куски металла.

— *Он хочет знать, что у тебя за вопросы с этим,* — она кивнула на куски топора.

— *Этот топор принадлежал знакомому,* — сказал Робин. — *Я знаю, что металл плохой, далеко от стали Курума или Котецу. Но его разрезал лед. Я видел это своими глазами.*

Мисаки перевела это на диалект, Робин опустил два куска металла перед Такеру, чтобы он осмотрел.

— *Мужчину, который его держал, тоже разрезало пополам, если это важно,* — сказал Робин, пока Такеру водил пальцами по стали. — *Крупного фанкатиги. Хороший мужчина. Хороший боец.*

Переведя это, Мисаки добавила по опыту, что мышцы фанкатиги обычно были крепче стали.

Такеру хмуро смотрел на металл в своих руках.

— Корэ ва Сасаяйба но шиваза джанай десу.

Мисаки смотрела мгновение на мужа, потом повернулась к Робину.

— *Он говорит, что это не работа Шепчущего Клинка.*

— *Уверен?* — спросил Робин.

— Хонки десука? — перевела Мисаки.

Такеру возмущенно посмотрел на Робина в ответ. Он подбросил кусок топора в воздух. Пока он падал, Шепчущий Клинок вспыхнул в его ладони, рассек его надвое.

— *О!* — удивленно воскликнул Робин.

Шепчущий Клинок растаял, кусочек топора упал в ладонь Такеру. Другой полетел к

Робину, и он смог поймать обломок из воздуха, не порезавшись.

Такеру поднял свой кусок, показал Робину безупречный срез, оставленный его Шепчущим Клинком.

— *О...* — Робин перевел взгляд с куска в руке Такеру на тот, что держал сам. Удар Шепчущего Клинка создал зеркальную поверхность чище изначального разлома. — *Ясно.*

— *Ару джуцу,* — сказал Такеру, — *коно мура де фуцуу ни цукаванаи...*

— *Есть техника джиджак, которую редко практикуют в этой деревне,* — перевела Мисаки, пока муж продолжал, — *когда боец использует воду или лед, чтобы двигать металлические клинки. Твой убийца мог применять что-то такое?*

— *Возможно...*

— *Нужно отправиться дальше на юг, чтобы найти экспертов в этой технике. Мой муж советует города Сабаису и Надамуи.*

— *Спасибо,* — сказал Робин. — *Я проверю это. И мне нужно спросить о еще одной технике.*

— *Конечно. Какой?*

— *Расскажите о Кровавых кукловодах.*

Мисаки в шоке уставилась на Робина.

— *Что?*

— *Карэ има донна кетто-джуцу кикимашита?* — спросил Такеру, замечая выражение лица жены. *О чем он спросил сейчас?*

— *Цусано Кетто-джуцу...* Чинингьо, — ответила Мисаки.

— *Соу десука?* — Такеру выглядел изумленно, а потом предложил Мисаки объяснить другу разницу между техникой рода и страшилкой.

— *Хай,* — сказала осторожно Мисаки и повернулась к Робину. — *Кровавые Кукловоды — это миф.*

— *Знаю,* — сказал Робин, — *но ради спора расскажи, ладно? Если это было возможно, это сработало бы на таджаке?* — он рассеянно потирал руку. — *Или фоньяке?*

— *О, да,* — Мисаки не нужно было советоваться с Такеру, она сама управляла кровью. — *Думаю, это работало бы как любая техника, основанная на крови. Они лучше работают на не-джиджаках, которые не управляют толком жидкостью в своих телах.*

— *Прекрасно.*

— *Но, как сказал Такеру, это невозможно. Мой отец управляет кровью лучше всех за поколения, и даже он говорит, что это сказка. Не было задокументированных случаев, только слухи.*

— *Знаю...*

— *Будет «но», да?* — сказала Мисаки. — *Робин, что ты видел?*

— *Дело не в том, что я видел или слышал,* — сказал он, — *иначе я не беспокоил бы вас вопросами. Я знаю, что уши и глаза можно обмануть, но это случилось со мной, Мисаки. Я это чувствовал.*

— *Карэ нанто иимашита?* — спросил Такеру, и Мисаки пересказала ему беседу. Он разделял ее недоверие, но Робин не стал бы сочинять истории. Она сказала и это Такеру.

— *Это прозвучит странно...* — Робин смотрел на двух джиджак. — *Кто-нибудь из нас может ударить меня изо всех сил?*

— *Что, прости?*

— *Прошу,* — сказал Робин. — *Мне нужно, чтобы кто-то из вас попытался управлять*

моей кровью. Мне нужно ощутить это снова и убедиться, что это произошло со мной раньше.

— *Я не...* — Мисаки встревожилась и растерялась, перевела это Такеру, чтобы увидеть, что он думал о просьбе.

— *Сонна кото суру то ва сугоку абундай десу. Шинакоте га иинджанай десунэ,* — Такеру нахмурился. — *Аку но джуцу десу.*

— *Мой муж говорит, что с таким нельзя шутить,* — перевела Мисаки, — *и... Робин, я склонна согласиться. В такой технике есть зло.*

— *Прошу,* — сказал Робин. — *Думаю...* — он вдохнул. — *Думаю, так он убил мою жену.*

Мисаки молчала, глядя на Робина, пока Такеру не заставил ее заговорить. Когда она сбивчиво перевела, Такеру попросил уточнить.

— *Она была одним из самых быстрых бойцов, которых я видел,* — объяснил Робин. — *Он не смог бы ударить ее, если она не была обездвижена. Я должен был смочь встать и что-то сделать, но я не мог пошевелиться. Прошу, мне нужно знать, почему я не мог пошевелиться.*

— *О...* — Мисаки сглотнула и перевела.

Такеру долго смотрел на Робина, а потом сказал:

— *Помоги ему.*

Глаза Мисаки расширились.

— *Что?*

— *Если это в твоей силе, если в тебе есть немного от Кровавого Кукловода, думаю, тебе нужно сделать, как он просит.*

— *Но... ты сказал...*

— *Я бы не заставил тебя это делать,* — добавил Такеру, — *но если он — твой друг, думаю, тебе стоит попробовать. Твоя способность управлять кровью на уровне с Цусано из прошлого. Если ты не поможешь ему, вряд ли кто-то сможет.*

— *Ты прав,* — сказала она.

— *И?* — Робин смотрел то на Мисаки, то на Такеру.

— *Я все еще думаю, что это плохая идея,* — сказал Мисаки, — *но мой муж думает, что я должна тебе помочь.*

— *О... ты это сделаешь?* — удивился Робин.

— *Такеру сильнее меня, но он не управляет кровью. Если нужно это сделать, это должна быть я.*

Робин насторожился.

— *Все еще хочешь попробовать?* — спросила Мисаки.

Робин взял себя в руки и ответил:

— *Да, если это возможно.*

— *Если честно, я не уверена,* — сказала Мисаки. — *Тебе придется дать мне время, чтобы это сработало, и мне нужно, чтобы ты не шевелился.*

Она решила попробовать на части тела, где меньше крови, где она могла легко завладеть циркуляцией. Это должна быть конечность, подальше от бьющегося сердца, где ньяма Робина была сильнее всего.

— *Опусти ладонь на стол.*

Робин поднял правую руку.

— *Левую*, — сказала Мисаки. — *Я не знаю, безопасно ли это. Я не хочу навредить твоей ведущей руке.*

Предупреждение было попыткой отговорить Робина, но, конечно, это не сработало. Он кивнул и опустил левую ладонь на стол, перевернул ее. Мисаки не трогала его, просто держала ладонь над его, потянувшись джийей. Она не знала, был звук от нее или Робина, но раздался резкий вскрик, когда ее лед встретился с его внутренним жаром.

Тут, в глубинах их сцепившихся сил, она поняла, как сильно он изменился. В юности няма Робина прыгала и трещала у ее, было больно, но приятно. Где-то на пути Робин столкнулся со страданиями, которые не смог превратить в энергию, и это сломало его. Это сидело глубоко в нем, тяжелое, как раскалённый металл, жарче огня, но без яркости пламени.

Робин Гундиил, которого она знала, пропал.

Конечно, и Мисаки изменилась. Ее сила, которая танцевала до этого на поверхности мира, свободная и неглубокая, теперь погрузилась в раскалённые вены Робина, сочетаясь с его пылом. Многие джиджаки не могли управлять жидкостью, такой горячей, как кровь таджаки, но Мисаки всегда принимала жар, и она направила свою джийю в циркуляцию Робина, сделав его вены своими.

— *Теперь...* — голос Мисаки дрожал. — *Попытайся сжать кулак.*

Робин сделал это, и она изо всех сил потянула за его мизинец. На жуткий миг она ощутила, как его мышцы напряглись, содрогнулись, мизинец искривился, и она отпустила его кровь, охнув.

Робин отдернул руку, Мисаки сжалась. Она устала от усилий, но видела по лицу Робина, что это сработало. Она схватилась за край стола дрожащими руками. Такеру опустил ладонь на ее плечо. Прикосновение помогло ей, прогнало огненные спазмы боли из ее тела, но ее глаза были прикованы к лицу Робина.

— *Это оно*, — сказал он. — *Это он сделал со мной... со всем моим телом.*

— *Всем телом?* — поразилась Мисаки. Она захватила только мизинец Робина, но это лишило ее почти всех сил.

Робин посмотрел на Мисаки и Такеру.

— *Я думал, ваши дома теонитов были как можно ближе к божествам.*

— *Так и есть*, — сказал Мисаки.

— *Тогда, думаю...* — Робин смотрел на ладонь. — *Я столкнулся не с тем божеством, — он выглядел так, словно его могло стошнить.*

— *Робин...* — голос Мисаки был робким, почти умоляющим, словно она могла вызвать мальчика, которого знала, который никогда так не боялся. Она хотела извиниться за то, что вытянула тот ужас на поверхность. Да, он ее попросил, но она все ещё сожалела. — *Робин, я...*

— *Простите*, — Робин встал слишком быстро, обычно грациозные движения были неуклюжими. — *Спасибо за помощь, Коро Мацуда*, — он поклонился, держась за руку, которой управляла Мисаки. — *Мне просто нужно... Простите*, — он покинул комнату.

— Твой друг очень странный, — сказал Такеру, глядя ему вслед.

— Да.

— Ты должна пойти за ним.

— Такеру-сама?

— Мы не знаем, какой эффект та техника имеет на нем. Прошу, проследи, чтобы он не

пострадал.

Мисаки кивнула и встала, чтобы пойти за Робинном.

Она нашла его в гостиной, он сидел на коленях перед храмом семьи, откуда смотрели фотографии Мамору и Такаши. Фотография Такаши была старой, со дня его свадьбы с Сецуко. Он стоял гордо, но Мисаки подозревала, что он был немного пьяным, когда ее сделали, потому что улыбка не в стиле Мацуда проступила на его губах.

Фотография Мамору была недавней, никто не знал тогда, что это был последний раз, когда в академии Кумоно делали фотографии. Он сидел прямо в школьной форме, старался выглядеть серьезно. Для Мисаки это было идеальное отображение ее сына — мальчика, которому хватало таланта не стараться усиленно ради чего-то, но который старался сильнее всех надо всем до конца.

Робин не встречал Мамору или Такаши. Это создало странную дыру во вселенной — призрака. Он уже был у храма, помолился в первый день в Такаюби. Не было повода для него сидеть тут, глядя на фотографии, сейчас. Он не знал их. Но он глядел на фотографии пристально, сжимая левую ладонь, потирая палец, которым управляла Мисаки.

— *А если это случится снова?* — тихо спросил он. — *А если я не смогу защитить Даниэля?*

Мисаки сжала губы, а потом ответила:

— *Возможно, ты и не можешь.*

— *Как мне жить с этим?* — Робин посмотрел на нее. — *Как ты это сделала? Все вы... как вы это сделали?*

— *Нет «как», Робин,* — Мисаки вздохнула. — *Это не дуэль или уличный бой. Нет техники победы, чтобы пройти это, нет льда, который может защитить от этого, нет огня, который может это сжечь. Ты это знаешь. Ты уже терял семью.*

— *Не как ты...* — Робин покачал головой. — *Я был плохим другом. Я должен был спросить о нем раньше. Даже если ты не хотела говорить об этом, я должен был спросить, как ты спросила о моей жене. Я должен был спросить, каким он был.*

Эта ошибка не беспокоила Мисаки. Она могла говорить о Мамору, просто было все еще больно. Всегда будет больно.

— *Если ты жалеешь, что не спросил, почему ты это не сделал?* — спросила она, уперев руки в бока.

— *Я боюсь,* — Робин посмотрел на фотографию Мамору. — *Боюсь, что он был чудесным. Боюсь, что он был гением, как ты, сильным, смелым и всем, чем он мог быть.*

— *Он был таким,* — тихо сказала Мисаки.

— *И это не было важно?* — сказал Робин.

— *Это было важно,* — сказала яростно Мисаки. — *В конце он был важен. Люди в этой деревне живы, потому что он был таким, но...*

«Но он все еще умер».

Ей не нужно было этого говорить. Мысль повисла в воздухе вокруг них. Мисаки научилась жить с этим весом, работать — готовить, убирать, играть с живыми детьми — а это висело, тихий вес, который не пропадал. Робин страдал под этим грузом.

— *Мисаки...* — он повернулся к ней, в теплых глазах стояли слезы. — *Мне так жаль.*

— *Ну же, Робин,* — она попыталась улыбнуться. — *Ты — взрослый мужчина. Не плачь.*

— *Это не должно был с тобой произойти.*

Мисаки покачала головой.

— Это не должно случаться ни с кем.

— Что я наделал, Мисаки? — спросил Робин, слеза покатила по его щеке. — Что я наделал?

— Не знаю, — сказала она, пытаясь звучать бодро. — Ты не хочешь уточнять. Я слышала бред о божестве, манипулирующем кровью. Но ты всегда знал, что столкнёшься с опасностью в своей работе. Ты даже понимал, что это повлияет на людей вокруг тебя. Это...

— Я не думал, что у меня будет ребенок, — сказал Робин. — Я решил, что детей не будет.

— О чем ты? Ты всегда хотел детей, — даже в шестнадцать Робин говорил о детях.

— Дело не в том, чего я хочу. Мисаки, моя жизнь, моя ответственность, стала слишком опасна для ребенка.

— Разве так было не всегда? — спросила Мисаки. Он просто был слепым. Они оба этого не видели.

— Возможно, — он вздохнул. — Но еще недавно — иронично, до рождения Даниэля — я думал, что мог быть достаточно сильным, чтобы защитить тех, кто мне дорог. Я понимаю теперь, что это не так. И слишком поздно, — он уткнулся лицом в ладони, пальцы впились в короткие волосы, кулаки сжались. — Это было ошибкой. Я не хотел, чтобы она забеременела. Я не думал, что будет ребенок. Это все было ошибкой.

— Не говори так.

— Но...

— Я серьезно! — Мисаки искренне разозлилась. — Не говори так снова. Ни при мне, ни, тем более, перед Даниэлем.

Робин удивленно посмотрел на нее, а она продолжила:

— Может, все твои слова — правда. Может, ты принял худшие решения до этого, но это не изменит факт, что ты сейчас тут, как и твой сын. Думаешь, будет хорошо, если относиться к его существованию, как к ошибке?

— Я...

— Встань, — Мисаки вздохнула.

— Что...

— Идем со мной, — она схватила его за кимоно.

Она не была достаточно сильной, чтобы тащить Робина за собой, но за прошлые месяцы она научилась посылать джийю по крови по команде. Она подняла его на ноги, словно он был не больше Изумо, вывела его из комнаты. Она не отпускала его, пока они не остановились на крыльце с видом на двор. Нуму работали над рестораном, Нагаса, Аюми и Даниэль играли на весенней траве.

— Смотри, — Мисаки указала на Даниэля во дворе. — Смотри на него.

Робин так и сделал.

— Это — твой сын, — голос Мисаки стал резким от эмоций. — Я не знаю, какими плохими были обстоятельства его рождения, и я не знаю, какое зло охотится на тебя, но это не важно. Даже если его жизнь трудная, если все сложится так ужасно, как ты представляешь, ты не будешь жалеть, что он есть. Никогда.

Робин смотрел на двор, не отвечая. Нагаса управлял снежком, водил его зигзагом, а Аюми и Даниэль пытались его поймать, сталкиваясь и смеясь.

— Я не могу сказать, что все будет в порядке, — сказала Мисаки. — Мы уже не так

наивны, но я могу сказать, что нужно жить с этим мальчиком, а не тратить время на тревоги и сожаления. Может, у тебя есть двадцать лет с ним. Может, всего два. Если потратишь время, упустишь его, то, когда оно закончится, будешь ощущать себя идиотом.

Миг прошёл, и Мисаки поняла, что она плакала. Она давно не плакала по Мамору. Увидев Робина с его сыном, она ощутила, как эмоции подступили к поверхности. Он не трогал ее физически. Новый Робин был не так прямолинеен, но она ощутила его жар на коже.

— Эм... — она сглотнула, провела рукавом по глазам. — *Твой палец в порядке?*

— *Что?*

— *Покажи,* — она схватила его ладонь раньше, чем успела подумать.

— *О...* — сказал Робин, когда их кожа соприкоснулась. — *Т-ты не обязана...*

— *Муж сказал проверить, не нанесен ли вред,* — сдавленно сказала Мисаки.

Они едва касались — Мисаки держала его мизинец большим и указательным пальцем, но это обжигало.

— *Ну?* — сказал Робин. — *Кровеносные сосуды в порядке?*

— *Похоже на то,* — сказала Мисаки, но не отпустила.

Ее указательный палец обвинил его мизинец, и они замерли, тьма и свет, жар и холод. Она знала, что это было еще одно, что не пропадет. Она всегда будет любить Робина, как всегда будет скучать по Мамору. Все изменилось, а это нет. Было больно. В глубине было больно, но это не поглощало ее. Она научилась нести это как женщина.

— *Я много времени провела, сожалея,* — призналась она. — *У меня был гениальный сын, любящие друзья, целая семья вокруг меня. А я была укутана в сожаления и не ценила это. Я не управляла той жизнью, пока она не стала ускользать сквозь мои пальцы, и стало слишком поздно.*

— *Мне так жаль,* — сказал Робин. — *Хотел бы я как-то...*

— *Не извиняйся,* — твердо сказала Мисаки. — *Просто пообещай, что ты не повторишь ошибки. Это ты можешь сделать для меня. Этого я хочу от тебя, Робин Тундишл, — Даниэль радостно завопил во дворе, когда Нагаса бросил еще снежок, и мальчик побежал за ним. — Если тот мальчик не ощутит твоего тепла, как отца, это будет самый большой ошибкой во вселенной.*

* * *

Робин покинул Такаюби на следующий день.

Смотреть, как Даниэль прощался с детьми Мацуда, было приятным отвлечением от бури эмоций внутри Мисаки. Она забыла о детях-таджакх, как они любили обниматься. Нагаса, Изумо и Аюми восприняли это хорошо, застыв лишь на миг в удивлении, а потом улыбнувшись и похлопав Даниэля по спине. Хироши напрягся, возмущённо раскрыл рот, когда маленький таджакх сжал его. Мисаки переживала, что Даниэль получит ледяной шип в грудь, но Сецуко спасла Хироши, подняв Даниэля для теплых объятий.

— *Прощай, странный малыш!* — она растрепала волосы Даниэля, и они торчали во все стороны под странными углами. — *Возвращайся еще, нэ?*

Опустив Даниэля у ног его отца, Сецуко сдержаннее попрощалась с Робинем, а потом увела Аюми и братьев, чтобы дать Мисаки и Робину момент.

— *Я еще навещу,* — сказал Робин, пытаясь укутать Даниэля в ткань. — *Если ты меня примешь... и если я еще буду живым.*

— *Что значит «если»?* — резко сказала Мисаки. — *Ты пообещал, помнишь?*

— *Что?*

— *Годы назад в Ливингстоне, в день, когда мы бились с Яотлом Техкой, ты пообещал, что не дашь никому тебя убить. Плевать, во что ты ввязался, сдержи слово. Это ясно, Тундиш!*

— *Ясно,* — Робин улыбнулся ей, но улыбка угасла через миг. — *Хотел бы я знать, что делать дальше.*

— *Я скажу, что делать. Ты вернешься домой, используешь миллионы фирмы Тундиш, чтобы обеспечить сыну стабильную жизнь, и начнёшь работать.*

— *Работа?*

— *Да. Думаю, нужно поймать много преступников.*

— *Уверена, что это ответ?*

— *Нет,* — призналась она. — *Но я как-то видела, что мысль о Жар-птице превратила мальчика в мужчину. Когда ты вернешься на те улицы и к причине, по которой ты встал на тот путь, думаю, ты обретёшь снова силу.*

— *Спасибо,* — тихо сказал он.

Знакомая боль поднялась между ними — жаркое желание броситься в объятия, сдерживаемое знанием, что они так уже не могли. Боль натянулась между ними, пока они смотрели друг другу в глаза. Они не дрожали, не кричали или плакали, как делали подростками. Они терпели все, как мужчина и женщина, какими они стали.

— *Давай будем старше, когда снова встретимся,* — сказала Мисаки.

— *Что?*

— *Не на годы. Давай будем лучше и мудрее в следующий раз.*

Робин кивнул, попытался еще раз запихать Даниэля в ткань.

— *Нет, Pita!* — скулил Даниэль, отбивая руки Робина. — *Нет, нет!*

— *Yah jaand ka samau hai,* — строго сказал Робин Даниэлю на дисанинке. — *Глупышка, ты не пройдешь столько сам.*

Даниэль надулся и протянул ручки к отцу.

— *Ехать,* — сказал он.

— *Ты удержишься?*

— *Да,* — кивнул Даниэль.

— *Ладно,* — Робин убрал ткань в сумку и усадил Даниэля на плечи. — *Держись крепко, малыш,* — напомнил он, и Даниэль впился в волосы Робина. — *Ньяма тебе, Мацуда Мисаки.*

— *И тебе, Жар-птица.*

— *Скажи «пока-пока», Даниэль,* — сказал Робин и помахал рукой.

— *Пока-пока!* — сказал Даниэль, помахав рукой. — *Пока-пока!* — повторял он, пока Робин шел от дома Мацуда по деревне к краснеющему небу. — *Пока-пока!*

В прошлый раз она ранила Робина. Будто сломала ему крылья и столкнула с утеса в туман памяти. В этот раз, с Даниэлем на плечах, она будто отправляла его в будущее. Отправляла его с крыльями.

Мисаки смотрела, пока Робин и его сын не пропали из виду. Когда она стояла тут шестнадцать лет назад, сжав кулаки, она была напряженной от боли. Казалось, что она будет одинока, раз он ушел. В этот раз босые ноги прошли по крыльцу к ней, нежная ладонь сжала ее указательный палец.

— *Спасибо, Изумо,* — прошептал она.

Ее младший сын потянулся к ней, и она взяла его на руки, прижалась щекой к его голове, пока небо краснело. Изумо уснул с большим пальцем во рту, когда аура холоднее появилась за Мисаки.

— Он уже ушел? — спросил Такеру.

Мисаки слабо кивнула, глядя на опускающееся солнце.

— Прости. Я должен был проводить его.

— Обычно ты приходишь домой раньше, — сказала она. — Где ты был?

— Навещал Квана Тэ-мина. Ты знала, что Робин Тундиил заплатил «Коммуникациям Геомиджул» за замену всех разрушенных башен инфо-ком?

— Что?

— И он спросил у Квана Тэ-мина, какие строительные компании он посоветовал бы, чтобы тут появились дороги и новый приют. А потом он нанял их.

Мисаки вздохнула.

— Думаю, это не удивляет меня.

— Нет?

— У него всегда была слабость к сиротам. Мы отказались от его денег, он придумал другое решение.

— Я знал, что он был богат, — казал Такеру, — но недооценил его.

— Это для него обычное дело, — сказала Мисаки. — Он был ужасно щедрым даже до того, как мог это позволить.

Такеру покачал головой.

— Не просто щедрый. Он умный. Строительство даст работу нуму и коро, оставшимся без работы. Башни и дорог помогут доставлять клиентов и припасы для нового бизнеса.

— Это хорошо, — сказала Мисаки. — Мы сможем отплатить ему в будущем.

Она не удивилась, что Робин нашел способ помочь за ее спиной, но они все еще были Мацудами. У них была гордость.

— Конечно, — сказал Такеру. — Я... — он тщательно выбирал слова. — Я ощутил, что для нас важно поговорить с Робин Тундиилом лично о том, что случилось после бури. Прости, если его присутствие тут было неудобным для тебя.

— Нет, — сказала Мисаки. — Нет, он — старый друг. Это не было неудобно. Просто я удивлена, что ты впустил его сюда после... его прошлого визита.

— Это было давно, — сказал Такеру. — Но мне все еще жаль, если это было больно.

Мисаки удивленно посмотрела на мужа.

— П-почему это...

— Я не глупый, — сказал он мягко.

Она сжала губы, щеки вспыхнули румянцем вины.

— И ты дал ему приехать сюда?

— Я доверяю тебе.

Последние лучи солнца касались ее кожи с одной стороны, холод Такеру — с другой. Мисаки восхищал размах ее эмоций. Ее не удивило то, что она все еще любила Робина. Было странно то, что она могла любить его и Такеру одновременно. В прошлом году ее потрясло то, сколько боли она могла в себе держать, но, пока она не оказалась на крыльце с Такеру рядом с ней и Изумо в руках, она не ощущала так много любви.

Может, это «как» и искал Робин, простую магию, которая сохраняла ее целой. Любовь к тому, что у нее было и осталось. Любовь, хоть и было больно.

— Вам двоим... понравилось общение? — спросил Такеру.

— Да. Прости, что он не смог рассказать больше о нашем убийце.

— Я позвал го сюда не только поэтому.

— Да?

— Я... не хотел оставлять тебя в тишине, — Такеру осторожно подбирал слова. —

Шестнадцать лет, а ты не смогла попрощаться.

Мисаки повернулась к мужу с улыбкой. Эта отличалась от улыбки безумного бойца, озарявшей ее лицо, когда она бегала по переулкам за огнем Робина — эта была более мирной. Тогда она хотела кипеть, гореть, биться и чувствовать. Это было до того, как она познала боль, до того, как она увидела тело своего сына в огне. Теперь она ценила прохладную уверенность силы Такеру.

— Мне нужно закончить работу, — сказал Такеру и попытался отойти. — Я оставлю тебя... — Мисаки поймала его рукав двумя пальцами.

— Останься, — тихо сказала она, потянула его, чтобы их тела были ближе. — Посмотри со мной закат солнца.

Красный цвет пропал с неба, словно кровь смыло в море, оставив синие волны вечера. Тени опустились на склон горы, и вместо того, чтобы окоченеть в ньяме Такеру, Мисаки погрузилась в нее, позволяя ей остудить ее, пока свет дня сменялся сумерками.

Она выдохнула, и последние призраки ушли. Не только Мамору. Тут были другие призраки: призрак яростной девушки и юноши, которого она любила. Они тоже пропали теперь, перешли в царство памяти, где им и было место, где они могли покоиться. Духи угасали, как и последние связи, приковывавшее Мисаки к горизонту много лет, таяли, как кровь в воде.

Изумо проснулся в ее руках, Мисаки повернулась к дому и мужу. Ее маленький мальчик улыбнулся ей, и будущее уже не было за морем. Оно было тут, в тихо бьющемся сердце и черных глазах, горящих обещанием.

Больше книг на сайте - Knigoed.net